

Министерство науки и
высшего образования РФ

Карельский научный центр
Российской академии наук

**ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ**

Карельский научный центр РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

26-28 сентября 2019 года

г. Петрозаводск

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

УДК 332.122 ББК 65.04

Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: материалы VI международной научно-практической конференции, [26-28 сентября 2019 г., г. Петрозаводск] / Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт экономики КарНЦ РАН; [отв.ред.: Т.В. Морозова, Н.Г. Колесников]. – Петрозаводск: Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», 2019. – 405 с.

Материалы VI международной научно-практической конференции «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» (26-28 сентября 2019 года) включают избранные статьи участников конференции. Материалы посвящены многоаспектным актуальным и дискуссионным вопросам современного положения и развития приграничных регионов России и зарубежных стран. Адресуется специалистам экономических, социальных, экологических, политологических, исторических и культурологических научных направлений, а также представителям федеральных, региональных и муниципальных органов власти, преподавателям и студентам высшей школы, и, безусловно, всем, кто интересуется вопросами приграничного сотрудничества РФ и ее регионов. Материалы представлены в авторской редакции, статьи отражают позицию их авторов.

© Карельский научный центр РАН, 2019

© Институт экономики КарНЦ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
Albrecht M., Yarovoy G. Opening Pandora's Box: A brief introduction into the challenges to implement all new Russian Waste legislation in Karelian ruralities	9
Elangovan A. BIMSTEC, a weak cross-border organization? The growing economies show convergence. 13	
Makkonen T., Hokkanen T. J., Korhonen J., Malkamäki A. Cross-border regional resilience: conceptual and empirical notions	17
Sippola M. Work-family policies as an unrealised realm of HRM in Russia.....	23
Александрова А. Ю. Теоретическая туристская лимология: развитие научных воззрений	29
Арнаутова Л. И., Гладких Е. Г. Нужна ли особая экономическая зона в Карелии?.....	35
Астапова Г. В., Скирневская Л. Н., Кривец В. С. Методология тарифообразования на грузоперевозки железнодорожным транспортом в Донецкой Народной Республике	40
Белашенко Д. А., Котов М. В. Особенности приграничного сотрудничества на постсоветском пространстве в контексте региональных политических процессов	49
Богатырева В. В. Состояние и перспективы развития Витебского региона как примера приграничной территории	55
Быкова А. Н. Сравнительный анализ развития добровольчества в социальной сфере в Республике Карелия и Финляндии	60
Васильева А. В. Этапы проектирования рекреационной системы приграничного региона.....	65
Марушко Д. А., Вашило А. А. Критерии оценки качества предоставления государственных электронных услуг для бизнеса и трансграничного сотрудничества.....	69
Вершинин А. А. Современное состояние и перспективы развития ракетно-космической отрасли России	74
Герасимова Е. В. Информационное обеспечение сравнительного анализа социально-экономического развития на региональном и муниципальном уровнях	79
Герасимова И. А., Герасимова Е. В. Исследование социально-экономического потенциала субъектов и муниципальных образований Северо-Западного федерального округа (в контексте реализации стратегий пространственного развития)	84
Глумов А. А. Понятие экономического ландшафта региона	89
Годоева З. А. Актуальные проблемы совершенствования региональной статистики в условиях цифровизации экономики (на примере Республики Карелия).....	94
Грушенко Э. Б. Туризм как фактор устойчивого развития малых исторических поселений Русского Севера	103
Гуменюк И. С. Специфика обеспечения транспортной безопасности приграничных регионов в контексте экономико-географических исследований	109
Доброхлеб В. Г., Ефанова О. А., Писклакова-Паркер М. П. Гендерный аспект формирования экологокультурных норм повседневности.....	114
Дружинин П. В. Пространственное развитие приграничных и северных регионов СЗФО.....	120
Дусаев Р. Н., Туманов Р. В. Некоторые правовые аспекты использования гостевых домов в сельском туризме Республики Карелия	125

Жалсараева Е. А., Маланов В. И. Пространственное развитие приграничных территорий в условиях нового регионализма на примере Байкальского региона	128
Жалсараева Е. А., Шангина А. В. Устойчивое пространственное развитие приграничного региона: эколого-экономический аспект	131
Жаров В. С. Перспективы инновационного промышленного развития регионов Арктической зоны России	135
Каргинова-Губинова В. В., Поташева О. В. Повышение уровня экологической осведомлённости для безопасности жизнедеятельности в приграничных регионах	140
Кашин А. М. Правовое регулирование приграничного сотрудничества в Российской Федерации ..	145
Кириянен А. П. Долгосрочное бюджетное прогнозирование: подходы и ключевые проблемы	148
Козловский В. В. Трансформация монопрофильного регионального индустриализма Северо-Запада России	153
Козырева Г. Б. Проблемы институтов устойчивого развития лесосырьевых приграничных регионов	159
Козырева Г. Б. Человеческий капитал и эффективность трудовых стратегий населения приграничного региона	163
Коренецка М. Приграничное сотрудничество Польши с Калининградской областью. Шансы и вызовы	167
Краснопольский Б. Х. Тихоокеанская Арктика: приоритеты, проблемы и процессы трансформации трансграничного сотрудничества восточного форпоста Арктической зоны РФ в регионе	171
Кропинова Е. Г. Программы приграничного сотрудничества как инструмент развития туризма в Калининградской области	176
Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Границы в пост-ялтинском мире: экономическое содержание	180
Кучинская Т. Н. Приграничный регионализм как парадигма управления развитием приграничного региона: опыт России и Китая.....	184
Ланг В. В. Характеристика предпринимательской деятельности по отраслям экономики	190
Ларченко О. В. Выявление особенностей развития приграничных муниципальных образований Республики Карелия и сопредельных территорий Финляндии	194
Махновский Д. Е. Восток и Запад Европы: некоторые итоги регионального развития и взаимодействия.....	199
Молчанова Е. В., Панченко А. С. Принципы страхования и охраны здоровья в России и Финляндии	204
Морошкина М. В., Мурашкина Л. В. Социальное предпринимательство в аспекте фактора приграничности	209
Морошкина М. В., Резанова Л. В. Страховая деятельность в приграничных регионах.....	215
Морошкина М. В. Пространственная неоднородность приграничных регионов	220
Морошкина М. В., Мяки С. А. Наличие передовых технологий в приграничных регионах.....	225
Нямдорж Д. Развитие приграничных территории при реализации зоны свободной торговли	230
Оленина Т. Ю. Правовые основы зеленых поясов приграничных территорий.....	235
Пивоваров В. Г. Инновационный агропромышленный кластер в системе развития региона: опыт стран Европейского Союза	239

Питухина М. А., Толстогузов О. В. Профилактика экстремизма в межнациональных отношениях в арктических субъектах РФ	244
Подольская Т. О., Дмитриева Е. М., Ангелова О. Ю., Кравченко В. С. Современные технологии в развитии приграничных территорий	247
Попкова Л. И. Стратегические приоритеты развития российско-украинского приграничья	253
Потахин С. Б. Ретроспективный анализ туристской деятельности в Северном Приладожье	260
Проскурина Н. В. «Имажинальность» пограничья Воронежской области	264
Прохорова О. Н. Развитие приграничного сотрудничества на примере международного образовательного проекта BRIDGE	268
Птицына Д. Д., Костина О. В. Государственный патернализм и развитие предпринимательства: взаимоисключающие и комплементарные понятия	272
Розанова Л. И. Влияние климата глобальной политики на сокращение мировых инвестиций	279
Савицкий И. В. Российские историки о роли крымских татар в «крымской весне» 2014 года	283
Салахова Ю. Ш. Оценка человеческого потенциала приграничных территорий на примере Витебского региона	286
Сачук Д. И., Сачук Т. В. Проблемы и возможности развития приграничного сотрудничества: взгляд предпринимателей	291
Секушина И. А. Опыт стратегического планирования в управлении развитием малых и средних городов регионов Европейского Севера России	297
Селиверстова А. М. Деятельность Баренцева Регионального Молодежного Совета в развитии приграничного сотрудничества Баренцева региона	302
Серова Н. А., Корчак Е. А. Стратегические приоритеты циркумполярных стран в Арктике	307
Симакова А. В. Миграционные намерения молодежи арктических промышленных городов	310
Симонян Р. Х. Сравнительный анализ российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничья	315
Скуфьина Т. П., Баранов С. В. Влияние повышения пенсионного возраста на численность населения трудоспособного возраста	321
Скуфьина Т. П. Современные тенденции социально-экономического развития приграничного региона - Мурманской области	326
Соколова Н. Г. Интерпретация, средства и каналы цифрового маркетинга	331
Степанов А. В. Еврорегион "Саар-Лор-Люкс" в условиях трансформации региональной политики ЕС	335
Степанова С. В., Кропинова Е. Г. Программы приграничного сотрудничества как инструмент стимулирования развития инноваций в сфере туризма	339
Сухарев М. В. Приграничное сотрудничество в контексте цифровой экономики	343
Толстогузов О. В. К вопросу о политической экономии современного природо- и землепользования	347
Толстогузов О. В. Приграничный пояс как геостратегическая территория России	353
Требушкова И. Е. География сельского хозяйства курского приграничья	359
Ускова Т. В. Угрозы экономической безопасности России и пути их снижения	365

Федорова М. Ю., Александров И. Н. Стратегическое управление сельским туризмом в интересах развития экономики регионов	371
Хмелева Г. А. «Точки роста» международной межрегиональной интеграции на примере Самарской области.....	374
Черномаз П. А. Украина между Россией и ЕС: влияние выбора направлений взаимодействия на ситуацию в приграничье	380
Чухарева А. Г., Милюкова И. А. Реализация программы «Доступная среда» в Республике Карелия: результаты социологического мониторинга и экспертного опроса	386
Шорохова И. В. Иностранцы туристы в Карелии в 1960-е гг.: становление туристской отрасли края	391
Эльц Е. Э. Стратегии развития финно-угорского туризма в Северо-Западном федеральном округе	396
Януш О. Б. Этноязыковые аспекты развития приграничного региона	402

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международная научно-практическая конференция «Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов» проводится в г. Петрозаводске с 2014 года. В 2019 году проведение конференции было поддержано Российским фондом фундаментальных исследований и Министерством науки и высшего образования РФ. В этом году Карельский научный центр РАН собрал на конференцию учёных и экспертов из Апатит, Архангельска, Вологды, Воронежа, Донецка, Екатеринбурга, Ижевска, Казани, Калининграда, Курска, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Петрозаводска, Самары, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Фрязино, Хабаровска, Ханты-Мансийска, Читы, городов Беларуси, Монголии, Польши, Украины, Финляндии. В докладах и обсуждениях участников конференции были освещены вопросы экономического и социо-культурного развития приграничных регионов России и зарубежных стран, межрегионального трансграничного сотрудничества и интеграции. Специальными тематиками конференции стали арктические регионы и цифровизация региональных сообществ, а также туризм. Работа конференции велась в рамках пленарного заседания, шести секционных заседаний и пяти круглых столов; также был проведён мастер-класс для студентов и молодых учёных.

По итогам работы участники конференции отметили:

- современная геополитическая и геоэкономическая ситуация требует внимания к трансграничной проблематике и междисциплинарных исследований;
- необходимость использования опыта европейских стран в процессе создания и развития интеграционных объединений и совершенствования трансграничных связей на основе создания трансграничных регионов и кластеров.
- неопределенность и недостаточную четкость механизмов государственного регулирования во всех трех аспектах устойчивого развития - экономическом, экологическом и социальном, включая инновационную составляющую экономического развития, транспортную и экологическую безопасность;
- необходимость совершенствования институциональной среды как одного из условий устойчивого развития и укрепления международных связей;
- актуальность поддержки развития туризма как ресурса развития приграничных регионов и муниципалитетов.

Кроме того, в рамках «арктической» тематики участниками конференции были выработаны следующие рекомендации:

- в целях повышения привлекательности Арктики для высококвалифицированных работников рассмотреть возможность разработки уникальных арктических механизмов стимулирования притока молодежи, в том числе используя дополнительные инструменты – выплаты, распределение и льготную ипотеку.
- в целях повышения уровня подготовки кадров в Арктической Зоне РФ рассмотреть возможность повышения стандартов среднего профессионального образования до квалификационных требований World Skills;
- в целях привлечения студентов и выпускников на предприятия арктического сектора рекомендовать организовать работу по целевому приему, целевому обучению и производственной практике в системе среднего профессионального образования и прикладного бакалавриата;
- в целях снижения оттока населения из регионов Арктической зоны и содействия внутренней миграции в данные регионы необходимо повышение уровня информированности населения о существующих инвестиционных проектах и программах экономического развития Арктики, а также о востребованных профессиях в Арктике и конкретных способах личного включения в механизмы реализации этих программ.

Карельский научный центр РАН благодарит Российский фонд фундаментальных исследований и Министерство науки и высшего образования РФ, предоставивших финансовую поддержку для организации конференции. От имени оргкомитета выражаем

благодарность многолетним партнёрам Института экономики Карельского научного центра РАН, без которых конференция не была бы такой успешной и насыщенной интересными научными докладами – Институту проблем региональной экономики РАН, Университету Восточной Финляндии, Институту прикладных математических исследований КарНЦ РАН. Благодарим наших зарубежных и российских коллег, представивших пленарные и секционные научные доклады на конференции; коллег-участников круглых столов. Особую благодарность выражаем научному сотруднику Института экономики КарНЦ РАН Екатерине Шлапеко и другим участникам рабочей группы по организации конференции - Белой Р.В., Быковой А.Н., Васильевой А.В., Волкову А.Д., Дружинину П.В., Каргиновой-Губиновой В.В., Козыревой Г.Б., Кулаковой Л.М., Курило А.Е., Морозову А.А., Морошкиной М.В., Питухиной М.А., Поташевой О.В., Степановой С.В., Сухареву М.В., Тишкову С.В., Шкиперовой Г.Т., Щербаку А.П.

В настоящий сборник вошли статьи, предоставленные участниками конференции. Материалы публикуются в авторской редакции. Все статьи одинаково ценны и значимы, поэтому мы расположили их в алфавитном порядке по фамилии авторов.

Председатель оргкомитета конференции, д.э.н. Т.В. Морозова

Ответственный редактор материалов конференции, к.э.н. Н.Г. Колесников

OPENING PANDORA'S BOX: A BRIEF INTRODUCTION INTO THE CHALLENGES TO IMPLEMENT ALL NEW RUSSIAN WASTE LEGISLATION IN KARELIAN RURALITIES

Albrecht, Moritz

University of Eastern Finland, Joensuu, Finland
moritz.albrecht@uef.fi

Yarovoy, Gleb

University of Eastern Finland, Joensuu, Finland
gleb.iarovoi@uef.fi

Abstract: Russia's waste management system and legislative framework has undergone a recent revision process to fix Russia's pending waste crisis. While the revisions have not been able to silence waste related public protest, the local implementation processes of these central policy ideas are widely neglected, particularly for rural areas. Framed by the revised Regional Waste Management Programme and the Territorial Waste Handling Scheme of the Karelian Republic the study evaluates the socio-spatial processes that shape the implementation of Russian waste legislation in three rural villages in the Karelian Republic. With a focus on local perceptions, waste management infrastructure and the spatial components of the locality, the study highlights an incompatibility between the current institutionalized planning documents and aims and the geographical realities in the rural settlements.

Keywords: Waste management, rural municipalities, Russia, Karelian Republic, policy translation

Introduction

While the EU is aiming to strive towards a zero waste circular economy [6] the situation in neighbouring Russia can be described as a ground zero in terms of waste sorting and recycling with only a handful of larger urban centres equipped with modern waste services [17, p. 10]. With recycling rates as high as 70% during the end of the soviet period [16] the current lack of suitable waste management systems and policies has had, and continue to have devastating impacts for the environment and public health in Russia as today merely 4% of Russian household waste goes to recycling [11]. With only six waste incineration plants throughout Russia and a 2% incineration rate this results in the situation that most waste is transported to one of Russia's over 70000 landfills or 1339 waste management centers (polygons) which are often insufficiently equipped or filled beyond their maximum capacity [13; 11; 12; 18].

As a remediation to the current situation and to remediate, its massive waste problem the Russian government has taken examples from its western neighbours and prepared novel amendments to update its outdated waste legislation. The new legislation with all its requirements fully entered into force in 2019 [4]. The revised waste legislation shifted responsibilities for waste management from the municipal to the regional institutional level with regions obliged to adopt regional waste management programmes and to establish Territorial Waste Handling Schemes to be carried out through a central regional waste management operator [10]. This has led to a variety of progressively revised Territorial Waste Handling Schemes designed throughout Russia in the past two years. While some of the solutions to the waste crisis, such as Moscow's plans to transport waste to Archangelsk Region have sparked mass protests [15], others entered into force with less public attention but with equally large problems in their local implementation.

Following federal legislation, the regional programme and the Territorial Waste Handling Scheme of the Karelian Republic (TSKR) entered into force in 2018 [8]. The TSKR is implemented by the regional operator Autospetstrans and includes a stepwise approach to improve waste management in the Karelian Republic. It is based around the planned establishment of 6 modern waste sorting complexes with varying supply areas and includes the closure of all landfills with a

negative environmental impact as well as a stepwise increase of different sorted waste fractions (2019 mixed waste & plastic; 2020 biowaste; 2021 glass, paper & cardboard)[9]. Autospetstrans has key responsibilities to manage and implement the system such as sub-contractor contracts, sorting stations and landfills, monitoring and communication with municipal stakeholders as well as reporting to the regional government. The municipalities remain largely with the task of placing and maintaining local collection points [10, art. 8].

Thus, on paper the revised waste legislation has created a well-structured policy system that aims to transfer the overall target of “improving the waste situation” [4] throughout various administrative levels towards local implementation. Yet, the research findings indicate that there are serious doubts about the readiness and suitability of this emerging system for implementation particularly in rural settlements. Following, the paper will address the issue of local readiness and suitability by evaluating the situation in three Karelian settlements with a focus on their current waste systems, residents’ (adults & pupils) and local administrations’ perspectives. The remainder of the paper will address the theoretical framework and methods, followed by a result section and a brief conclusion.

Theoretical underpinnings: local spatialities in policy translation

The all-Russian waste legislation with its regional schemata is designed as a system of policy transfer that transports policy aims through place based adjustment from the nodes of design towards local implementation [7]. In the case of the Russian legislation, regional adjustment takes largely place through the creation of regional programmes and territorial schemes, in our case the TSKR. Yet, such deceptively well-structured approach and aims of policy transfer throughout Russia quickly meet with the realities and their heterogeneous spatialities at the places of policy translation and materialisation [e.g. 2]. This process scrutinized in policy mobility and mutation literature [e.g. 14; 16] urges scholars to look at “localizations” of policies that enable to shift their aims and outcomes or may entail the potential of policy failure [17; 3]. Thus, while this paper does not fully unpack the assumed singularity of Russian waste policy in a wider sense it scrutinizes the resting places and therefore an important node of policy translation, mutation and failure [5; 1]. It thereby evaluates an important aspect of wider waste related governance structures in Russia and provides insights into the potentials and challenges of the revised policy.

Methods

Empirical data for this paper derives from intensive case studies in three peripheral municipalities in the Karelian Republic: Vedlozero, Naistenjärvi and Tolvuja. While the case study villages differ in their peripheral positionality, they all contain a population of roughly 1000 inhabitants, multiple shops and a school. Empirical data on waste management situation was gathered in multiple site visits from 2017-2019. Data collection included a survey on waste perceptions with 100 households per village and a shorter school survey including local pupils. Additionally, open-ended interviews with local administrations, regional operator and regional authorities have been conducted. Further, a visual survey carried out in the villages to analyse the visible litter throughout the village landscape and informal communication with residents provided supplemental input to the analysis. The paper does not contain a full in-depth analysis of the empirical materials but employs some key findings to support its introductory focus on the topic of rural waste management in Russia.

Results

The current waste management systems in the three villages differ substantially (Fig 1.). Vedlozero has recently restored its local dump and has the most advanced waste management system while the system in Tolvuja is rather rudimentary. Generally, the management systems and their infrastructure observed in place differ substantially from the numerical systems portrayed for these villages in the TSKR annexes and are not compatible with its envisioned waste management system as it currently stands.

Littering is considered the second largest environmental problem by villagers following water pollution and 69% of households consider littering in their village a serious problem. The local perceptions are supported by the visual waste survey carried out in spring 2019, which

mapped a large variety of litter in all village landscapes reaching from single beverage cans to multi-cubic private dumpsites including hazardous waste. Surprisingly, the situation in Vedlozero must be described as most problematic despite its more advanced waste management system. On the other hand, the landfill situation is most severe in Tolvuja, which uses an official temporary waste storage side as a final landfill. This practice, rather common throughout Russia [13], results in dumping in a sitethatlacks fixed structures and wherewind and animals spread waste to the surrounding environment including water bodies.

Figure 1

Waste management systems in case study villages

Village	Waste collection	Transportation and landfills
Vedlozero	Metal containers for mixed waste & waste truck for collection	Transport to a county landfill
Naistenjärvi	Self-made ditches/containers & excavator/tractor for emptying and transport	Dump in a swamp/forest nearby (local non-official landfill)
Tolvuja	Open collection points & garbage tractor twice a week	Dump in a field nearby (officially, temporary waste storing site)

Local administrations in the villages are well aware of the problems and of the harmful effects on the environment but they feel restricted in their financial capabilities and miss direct support from the regional authorities. Similar account to the local residents, which express their concern about the situation in their own village but also claim structural and cultural problems for the current situation. This is reflected in a high willingness to sort waste more actively, but parallel contested by the lack of sorting infrastructure and mistrust in the responsible authorities, hence the regional operator and its subcontractor's ability. Statements such as "in the end it all goes to the same dump" or "the regional waste operator lies [about dump management]" are local process which strongly affect willingness to sort waste, hinder communication between involved stakeholders and consequently affect the local materialization of waste legislation.

Finally, to wrap up this brief results section matters of local knowledge on sorting and the peripheral location of the villages play a key role that reproduces the localities potential on implementing Russian legislation and hence for an improved waste management. A valuable example on (lack of) knowledge is the term waste sorting. The survey indicated a waste sorting level of 64% in the village households despite lack of local sorting facilities. Qualitative data from the interviews and informal communications revealed that sorting in most of these cases refers to burning paper in the stoves and biowaste composting. Hence, while separation of biowaste is a good thing, the direct burning of waste portrays a rather different understanding of waste sorting than implicit in most modern waste management systems or policy narratives. Waste related knowledge plays also a large role related to communication provided by regional authorities on the aims, processes and implementation of the new legislation for the villagers themselves, yet was described as completely insufficient by village administrations. This lack of communication with municipal administration enhances further the problems that derive from the villages peripheral localities such as a questionable economic feasibility of waste transport to the planned regional waste collection centres envisioned in the TSKR. The economic feasibility and profitability plays a key role in the TSKR and waste legislation in Russia in general as only 5% of the estimated costs are carried by public budgets while the remaining 95% are to come from private investments [8]. For rural settlements with a lack of critical mass and long distance to their regional waste collection centres this portrays an additional challenge on how to implement the revised legislation. In the case of the three case study villages only Vedlozero is located in sufficient, and economical feasible proximity to the proposed collection centres' locality.

Conclusion

While there are large challenges and conflicting potential for implementation in urban areas, looking at peripheral rural dwellings throughout Russia it seems like a mission directed to failure,

particularly considering the current lack of the legislative framework to integrate the multiplicity of place characteristics it needs to cater for. Looking at the TSKR there are not only mismatches between the plan and local realities but communities lack expertise, infrastructure and support despite their willingness to act. The cases present the problematic aspects of policy transfer systems such as the TSKR which are designed based on a set of biased numerical indicators and which treat localities as mere points on a map instead of integrating instruments or support mechanisms suitable for their multiple needs and requirements [e.g. 2; 17]. It further remains questionable that the current TSKR revision pays tribute to some of these local peculiarities to remediate these problematic mismatches. This introductory paper has presented the urgent need to evaluate the relations between mobile policy instrument such as the TSKR or Russian waste legislation in general and the complex localities they are intended for in order to assess alternative solutions, needs for the sites of implementation and to steer future policy revisions.

References

1. Albrecht M (2017) The role of translation loops in policy mutation processes: State designated Bioenergy Regions in Germany. *Environment and Planning C: Politics and Space* 35(5): 898-915.
2. Albrecht M, Kortelainen J, Sawatzky M, Lukkarinen J and Rytteri T (2017) Translating bioenergy policy in Europe: Mutation, aims and boosterism in EU energy governance. *Geoforum* 87: 73-84.
3. Albrecht M & Rytteri T (2017) Policy failures in mobile and complex contexts: Translating EU energy policy in Finland. *Alue&Ympäristö* 46(2): 18-31.
4. AFL (2018) Amendments to the Federal Law of the Russian Federation “On industrial and consumer waste” (FL 1998) entered into force 1.1.2019. Amended law available at: <http://docs.cntd.ru/document/901711591>
5. Clarke, J., Bainton, D., Lendvai, N. & Stubbs, P. (2015). *Making Policy Move: Towards a Politics of Translation and Assemblage*. Policy Press: Bristol, UK.
6. COM (2014). *Towards a circular economy: A zero waste programme for Europe*. COM/2014/0398 final/2. Brussels.
7. Dolowitz, D.P. & Marsh, D. (2000). ‘Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy Making’, *Governance*, 13(1), 5–24.
8. DRG (2018a) Decree 555r-P of the Regional government of Karelian Republic On the introduction of the regional programme of industrial and consumer waste, dated 23.8.2018.
9. DRG (2018b) Decree 328-P of the Regional government of Karelian Republic scheduling waste sorting, dated 6.9.2018.
10. FL (1998) Federal Law of the Russian Federation “On industrial and consumer waste” (FZ-89 dated 24.6.1998).
11. Greenpeace (2016). Что делать с мусором в России? available at <http://www.greenpeace.org/russia/Global/russia/report/toxics/recycle/RUSSIA-GARBAGE.pdf>
12. IFC (2012) *Municipal Solid Waste Management: Opportunities for Russia*. International finance Cooperation: Moscow.
13. Иванцова Е. А. (2016) Проблемы и перспективы управления твердыми бытовыми отходами. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика, экология. № 2 (35)*, 148–159.
14. McCann E & Ward K (2012). *Policy Assemblages, Mobilities and Mutations: Toward a Multidisciplinary Conversation*. *Political Studies Review* 10: 325-332.
15. MT (2018) “How Russia’s Attempt to Solve Its Trash Crisis Is Backfiring”, *The Moscow Times*, 12.12.2018, available at: <https://www.themoscowtimes.com/2018/12/12/how-russias-attempt-to-solve-its-trash-crisis-is-backfiring-a63795>.
16. Peck, J. (2011). *Geographies of policy. From transfer-diffusion to mobility-mutation*. *Progress in Human Geography*, 35(6), 773-797.
17. Peck J & Theodore N (2015) *Fast Policy: Experimental Statecraft at the Threshold of Neoliberalism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
18. Riki, A. (2019). “Mikä Järki Lajitella Jätteitä?”; tapaustutkimus Viipurin piirin kotitalouksien lajittelukäyttäytymisestä. Pro gradu –tutkielma. Tampereen Yliopisto: Tampere.
19. UN (2018) Country report Russian Federation. Eighth Regional 3R Forum in Asia and the Pacific, Indore, Madhya Pradesh, India, 9-12 April 2018, available at: http://www.uncrd.or.jp/content/documents/6273Country%20Report_Russian%20Federation.pdf.

BIMSTEC, A WEAK CROSS-BORDER ORGANIZATION? THE GROWING ECONOMIES SHOW CONVERGENCE

Elangovan, Avinash

SGH Warsaw School of Economics, Warsaw, Poland

ae80008@doktorant.sgh.waw.pl

Abstract: This paper aims to assess economic convergence in the BIMSTEC organization initiated by seven South and South-East Asian countries. Its current state of growth is compared with empirically formulated growth model to determine its institutional efficiency i.e., strong or weak. GDP growth is considered proxy for economic security to analyze the result of the cross-border economic integration. The analysis covers the period of 1998-2018, a time series interval of 21 years. Linear regression equation shows the existence of β -convergence and σ -convergence among the countries; however, the organization has faced uncertainty and low significance on its economic effectiveness due to increased militant insurgencies in the region and other laggard policy implications. In sum, the main findings of this paper highlight (i) implications of opening cross-border trade routes through free trade agreement and; (ii) existence of economic convergence in the member states. This therefore facilitates better trade, increased employment, tourism, investment and other macroeconomic successes within the border-sharing Asian neighbors.

Keywords: cross-border economies, integration, convergence, growth determinants.

Theory:

Gross domestic product growth rate as proxy of economic security:

The condition of having stable financial resources to support welfare in the current period and a foreseeable future is a trademark of economic security. In the case of national economies and external affairs, it refers to the capacity of a nation or an integrated region considered, to follow its choice of institutional and socio-economic policies for the betterment of the society.

In empirical studies, a region's economic status is assessed by its current wealth and the rate at which it grows with sufficient surplus, to manage even unexpected economic and financial turbulences. A decline in trade due to political antagonisms need sufficient resources until alternative trade partner(s) liaise. A natural disaster needs aid and relief for recovery. Even a war protecting the sovereign interests of a state requires capital to fund its defense forces. Therefore, it is suitable to earmark the Gross Domestic Product (GDP) of a country or a region, which gives the monetary measure of the same within a specified period, as an indicator of economic security taken for empirical evaluation.

Cross-border economic integration and BIMSTEC:

Countries or states integrate through effective foreign policies with the aim of creating positive macroeconomic synergies. These synergies could be in the form of development in trade, technology, public health, employment and so forth. Typically, countries entering into mutual agreements, form an international organization by a treaty or other instruments governed by the international law to monitor its effective functioning.

The Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation (BIMSTEC) is one such organization formed by seven border-sharing South and South East Asian countries of India, Nepal, Bhutan, Myanmar, Bangladesh, Sri Lanka and Thailand. Although the organization, born in 1997, is functioning till date for a period of 22 years, its existence has raised criticisms on its expected economic outputs due to numerous reasons, including cross-border violence, militant insurgencies and laggard policy implementations. Its history is beyond the scope of this paper, however, the subject of interest here being its effective establishment for cross-border economics and movement of people, goods and allied services.

Economic convergence:

In empirical analyses, effective establishment of cross-border trade and economic integration can be assessed by the convergence hypothesis. Two most popular tests of income-level convergence include absolute β -convergence and σ -convergence. Absolute β -convergence exists

when less developed nations (with lower GDP per capita) grow at a faster rate than more developed nations (i.e. with higher GDP per capita). σ -convergence exists when the differentiation of income between the countries decreases over the period considered.

Literature Review:

We find virtually indefinite number of empirical evidences on the influence of a country's GDP to the attributes of economic security. Mark J. Warshawsky in his article [12, pp. 413-426] established directly proportional relations of health care expenditures and social security in the United States with that of the GDP of the country. Toya and Skidmore in their article [10, pp. 20-25] provided conclusive evidences to show that countries with higher income, higher education and more complete financial systems experience lower levels of natural disaster impacts. Oxenstierna, although in her article [8, pp. 60-70] criticized Russian military spending to that of an economic decline, the very fact remains that the defense expenditure comes from the country's GDP. Therefore, it is clear to argue that while public healthcare, social security, natural disaster aid, military expenses are all attributes of economic security, GDP or its growth rate can be taken as proxy for economic security.

Seminal works in economics have revealed that two similar national economies integrate with the aim of achieving long run growth [9, pp. 531-555]. The immediate question that arises next is if the integrated economies converge or diverge in long term sustainable external affairs. Anthony Venables in a working paper demonstrated that in free traded agreements between low-income countries there exists economic divergence and between high-income countries, they tend to converge [11]. In the case of convergence, as mentioned earlier, two most popular tests of convergence are β -convergence and σ -convergence; however, they need not accompany hand in hand i.e., the existence of β -convergence does not have to imply existence of σ -convergence [13, pp. 1083-1093] [2, pp. 88-94].

As with the case of BIMSTEC, the primary aim of its existence was to establish and maintain multi-sectoral economic cooperation within the partner countries. The sectors of cooperation include trade and investment, technology, energy sector, transport and communication, tourism, fisheries, agriculture, environment and disaster management, public health, poverty alleviation, cultural cooperation, climate change, counter-terrorism and trans-national crime.

However, aside growth, the organization has faced massive setbacks mainly because of two reasons viz. laggard policy implementation and militant insurgencies. An example of laggard policy making is highlighted by Das and Bhattacharya who depict a miniscule intraregional trade share increase of only 2.37 per cent in 1990 to 4.55 per cent in 2006 between the Asian neighbors [1]. And then, the Maoist insurgencies in Nepal [7, pp. 121-134], that of the same in regions of eastern coastal Indian belt [6, pp. 203-220], the civil war in Sri Lanka that ended in 2009 [5, pp. 275-295], militant insurgencies in Bangladesh [3] and its illegal cross-border immigration into India [4, pp. 73-95] all have their shares of contribution to the suppression of growth within the BIMSTEC cooperation.

Methodology and Results:

Data variables with regard to GDP (at purchasing power parity) is collected from the World Bank repository for the seven countries of interest from the period 1998-2018, a time series interval of 21 years. The main rationale in this empirical analysis is the argument that the integrated economies show convergence. To verify this, we statistically estimate the absolute β -convergence and σ -convergence hypothesis. The regression expression governing absolute β -convergence takes the form as below:

$$\frac{1}{T} \ln \frac{y_T}{y_0} = \alpha_0 + \alpha_1 \ln y_0 \quad (1)$$

The dependent variable is the average annual growth rate of real GDP per capita between time period T and 0 i.e., final and initial respectively. The independent variable is the natural logarithm of the GDP per capita level in the initial period. In simple terms, if the attribute α_1 is negative and the regression is statistically significant, we claim that there exists β -convergence.

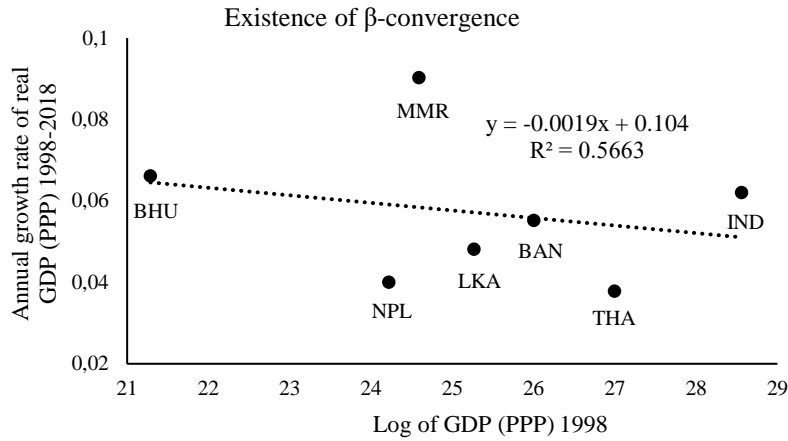

Figure 1 - GDP growth rate vs log (GDP) at initial period

It can be seen from figure 1, there exists a negative slope and the regression expression of $-0.0019x + 0.104$ is statistically significant with R^2 at 56.63% which is a fairly higher macroeconomic coefficient of determination. Therefore, we can claim that there exists β -convergence within the integrated economies.

As of σ -convergence is concerned, we establish a decrease in income differentiation between the economies over time. That implies, a negatively sloped trendline of the dispersion in income levels between countries should be established. The expression to verify the existence of σ -convergence is of the form as below:

$$sd(\ln y_T) = \alpha_0 + \alpha_1 \cdot T \quad (2)$$

The dependent variable is usually the standard deviation of the natural logarithm of GDP per capita levels between the economies and the independent variable is the time period T . If we estimate that the attribute α_1 is negative and the regression is statistically significant, we claim that there exists σ -convergence.

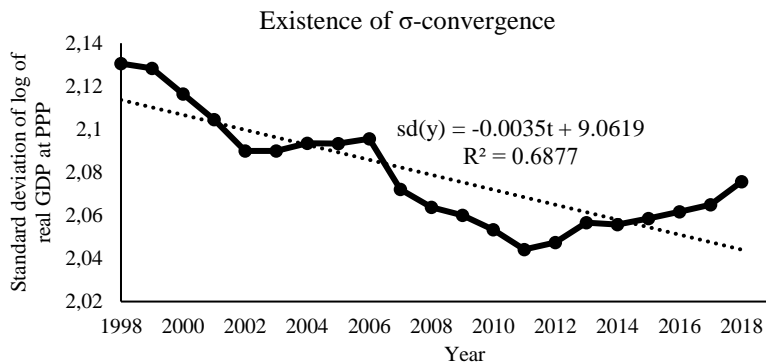

Figure 2 - Standard deviation of log of GDP vs year

The above graph in figure 2 shows the negative trendline with the regression expression in the form equating to $-0.0035t + 9.0619$ and is statistically significant with coefficient of determination R^2 at 68.77%. Therefore, we establish that there exists σ -convergence.

Conclusion and Policy Implication cases:

The theory in this paper had highlighted the criticisms that BIMSTEC as an organization faced with regard to laggard policy making and militant insurgencies. Despite its conjectures, we have seen that there exists convergence within the economies. Therefore, it is recommended to the leaders and policymakers of these economies to encourage active economic relations in the region.

Trade, not only intraregional, but also globally, when planned in the right way, could prove to be a major hub for transit of goods and services. The example of opening trade sea link from Vladivostok in Russia to port of Chennai in the Indian east coast (5647 nautical miles) is a viable

alternative to transit of goods through the usual trade route of Saint Petersburg in Russia to Mumbai in the Indian west coast (8675 nautical miles).

Similarly, opening of road under free movement under stringent border controls framework and trade agreements would connect a major part of Asia to rest of the world, significantly impacting multi-sectoral economic successes. That includes migration of people, alleviating poverty, better education and increased business activities within the region.

References:

1. Bhattacharya, S. K., & Das, G. G. (2011). Do South-South Trade Agreements Enhance Member Countries' Trade? Evaluating Implications for Development Potentials in the Context of SAARC. Evaluating Implications for Development Potentials in the Context of SAARC (November 1, 2011). UNU-CRIS Working Papers W-20011/2.
2. Dvoroková, K. (2014). Sigma Versus Beta-convergence in EU28: do they lead to different results. *Mathematical methods in finance and business administration*, 88-94.
3. Ganguly, S. (2006). The rise of Islamist militancy in Bangladesh. Washington, DC: US Institute of Peace.
4. Gillan, M. (2002). Refugees or infiltrators? The Bharatiya Janata Party and "illegal" migration from Bangladesh. *Asian studies review*, 26(1), 73-95.
5. Korf, B. (2004). War, livelihoods and vulnerability in Sri Lanka. *Development and Change*, 35(2), 275-295.
6. Mahadevan, P. (2012). The Maoist insurgency in India: between crime and revolution. *Small Wars & Insurgencies*, 23(2), 203-220.
7. Murshed, S. M., & Gates, S. (2005). Spatial-horizontal inequality and the Maoist insurgency in Nepal. *Review of development economics*, 9(1), 121-134.
8. Oxenstierna, S. (2016). Russia's defense spending and the economic decline. *Journal of Eurasian Studies*, 7(1), 60-70.
9. Rivera-Batiz, L. A., & Romer, P. M. (1991). Economic integration and endogenous growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 106(2), 531-555.
10. Toya, H., & Skidmore, M. (2007). Economic development and the impacts of natural disasters. *Economics letters*, 94(1), 20-25.
11. Venables, A. (1999). Regional Integration Agreements: a force for convergence or divergence? The World Bank.
12. Warshawsky, M. J. (1999). An enhanced macroeconomic approach to long-range projections of health care and social security expenditures as a share of GDP. *Journal of Policy Modeling*, 21(4), 413-426.
13. Young, A. T., Higgins, M. J., & Levy, D. (2008). Sigma convergence versus beta convergence: Evidence from US county-level data. *Journal of Money, Credit and Banking*, 40(5), 1083-1093.

CROSS-BORDER REGIONAL RESILIENCE: CONCEPTUAL AND EMPIRICAL NOTIONS

Makkonen, Teemu

University of Eastern Finland, Joensuu, Finland
teemu.makkonen@uef.fi

Hokkanen, Timo J.

Centre for Economic Development, Transport and the Environment for North Karelia, Joensuu, Finland
timo.hokkanen@ely-keskus.fi

Korhonen, Jaana

University of Helsinki, Helsinki, Finland
jaana.e.korhonen@helsinki.fi

Malkamäki, Arttu

University of Helsinki, Helsinki, Finland
arttu.malkamaki@helsinki.fi

Abstract. The benefits of cross-border cooperation for regional development have been widely accepted. The progress towards open borders and increased interaction across the border is, thus, seen as a beneficial process for cross-border regions. This process does not, however, proceed in a linear fashion from low to high cross-border integration. Rather, at times the barrier effect of the border is decreased (de-bordering) and at times increased (re-bordering). These changes in the permeability of the border are many times caused by external shocks. However, the cross-border regions need to find ways to cope with these external shocks in order to maintain their current level or to transform themselves into a higher level of cross-border cooperation. This discussion resonates with the concept of “regional resilience”. Here the concept is applied in a cross-border context to formally define a novel approach, namely “cross-border regional resilience”, to address the issues of: 1) how resilient are cross-border regions against re-bordering and 2) how robust are cross-border cooperation networks against failures in cross-border connectivity. Existing empirical studies along the Finnish–Russian border point towards a conclusion that cross-border cooperation in the area is not particularly vulnerable to network failures and that regional actors are constantly trying to cope with recent de-bordering developments to maintain cross-border cooperation. These findings and the discussion on the theoretical backgrounds of the concept point towards a promising avenue for further research. The issue has also started to attract the attention of policymakers, which further underlines the topicality of addressing resilience in cross-border contexts.

Keywords: Cross-border cooperation; Cross-border integration; Cross-border network; Cross-border region; Resilience

Introduction

In the economic literature on borders, they are commonly perceived as barriers that hamper cooperation and the flow of goods, people and knowledge [Capello et al., 2018; van den Broek et al., 2018]. Thus, borders are considered as something that needs to be overcome via increased cross-border cooperation and integration; a process which has been described as a linear process progressing from a situation of low (or no) integration towards increased cross-border interaction [Lundquist and Tripp, 2013]. Contrarily, border scholars view borders also as a resource (access to foreign markets, labour, knowledge and ideas, etc.) for regional development [Sohn, 2014]. Moreover, as noted by border scholars [e.g. Krasteva, 2017; Durand and Perrin, 2018], cross-border integration is not a linear process. Rather at times effects of borders are reduced (e.g. the Schengen agreement) leading to increased permeability of the border, termed as “de-bordering”, and at times they are reinforced or reinstated leading to a decrease in border permeability (e.g. hardening border control within the EU due to the contemporary immigrant issue, in the US due to 9/11 and at the US–Mexico border due to the latest US presidential election, EU–Russia economic sanctions, potential impacts of Brexit, etc.), termed as “re-bordering”.

Relatedly, there is vast literature within economic geography on what has been termed as “regional resilience”. The concept of resilience originates from the ecological literature on system stability [Holling, 1973]. Recently, it has been analogously adopted to describe the durability of regional economic systems. As stated by Halonen et al. [2015], the interpretation of regional resilience has been given different connotations, but essentially as stated by Martin and Sunley [2015] it is about the capacity of a region to withstand or recover from shocks to its developmental growth or to transit to a new path [see also, e.g., Martin, 2012; Halonen, 2019 among others for more detailed accounts on the definition of the concept]. According to Boschma [2015] regional resilience should also be approached from an evolutionary perspective; i.e. as a continuous process rather than a fixed property of a region. Empirical studies on regional resilience have, thus, explored how regions react to, recover from or renew themselves in the face of shocks in their economy and long-term economic and industrial cycles. Naturally, there are huge differences in the resilience of regions: some “bounce back or forward” easily, while others get locked-in in negative growth paths. While the concept has also been criticized [e.g. Hassink, 2010; Gong and Hassink, 2016], the reasons behind the differences in resilience are of great interest to policymakers concerned about their regions’ future. In the cross-border context, different spatial scales (national, EU) are important factors affecting the development of cross-border regions: many of the shocks to cross-border permeability are external to the region. Thus, as stated by Prokkola [2019] cross-border regional resilience should therefore be considered in relation to other spatial scales and to the state institutions. Therefore, analogously adapting regional resilience literature to cross-border contexts to investigate how cross-border regions can adapt or transform themselves in the face of external disturbances (and long-term cycles) raises interesting questions: *How resilient are cross-border regions against re-bordering? How robust are cross-border cooperation networks against failures in cross-border connectivity?*

By combining the views of border scholars and economic geographers these questions are addressed below, both conceptually and empirically, via proposing a novel approach termed here as “cross-border regional resilience”.

Cross-border regional resilience

Following the definition of resilient regions, we extend this discussion to cross-border contexts and state that cross-border regional resilience can be formally considered as: *The capacity of markets (private sector) and local political structures (public sector) on both sides of the border to continually and jointly recover from, adapt to or renew in the face of changing economic, environmental and social conditions and external shocks/disturbances in cross-border integration development.*

As already discussed above, disturbances create instability to which the cross-border region can adapt to. Thus, resilience can be described as adaptability; i.e. as the ability of the cross-border region to adapt and counter (external) disturbances [cf. Adger, 2000]. At the same time disturbances also generate opportunities. Therefore, resilience can also be described as transformability; i.e. as the capacity of the region to re-new itself in the face of, for example, ecological, economic or social turbulences [cf. Walker et al., 2004].

These notions lead us to conceptually define different types of resilient cross-border regions. A resilient cross-border region can tolerate disturbances, in a way that a shock in border permeability (due to, for example, the re-establishment of border control) or decreased changes for cross-border cooperation (e.g. cut-backs in funding) do not altogether collapse the progress of cross-border integration. Rather, the cross-border region either adapts to the shock (and stays in the contemporary integration level) – adaptive cross-border region – or transforms (renews) itself to a higher level of integration via alternatives routes of cross-border cooperation – transformative cross-border region.

An example of this could be an increase in the regional funding (or funding lobbied from the state) for cross-border cooperation in the face of potentially dwindling cross-border cooperation programmes of the EU (due to EU–Russia sanctions). This would give the cross-border region a

more direct say in how to use the funding. Finally, in a non-resilient cross-border region, disturbances can lead to a collapse in the progress towards cross-border integration (Figure 1).

In terms of cross-border cooperation and networks, non-resilient regions could also suffer from a situation termed as the “rivet effect”. As discussed by Martin and Sunley [2015]: if a region’s economic structure is dominated by and dependent on, for example, a particular major firm, then the failure or decline of that firm in response to a shock could lead to widespread collapse or decline of the region’s economy as a whole. Here we extent the rivet effect to discuss potential network failures of cross-border cooperation. Figure 2 presents a schematic simplification of the rivet effect in a cross-border context. The reasoning behind the “cross-border rivet effect” is as follows: if in a (very simplified) cross-border cooperation network the cross-border connections would be directed through only a single actor the network would be much more prone to the rivet effect (lower network) than in the case of a network with several actors with cross-border connections (upper network).

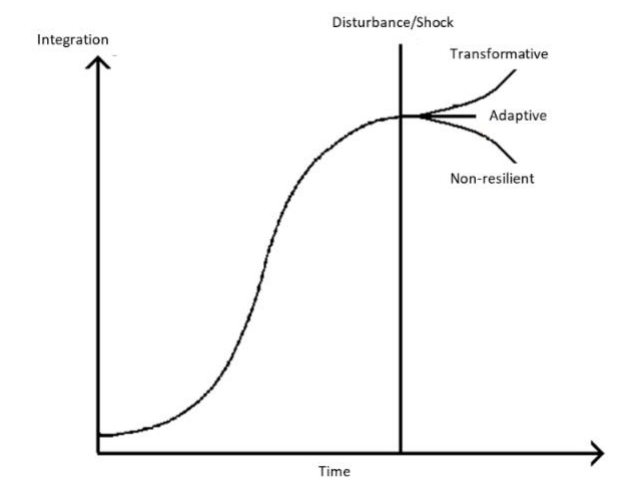

Figure 1. Resilient cross-border regions.

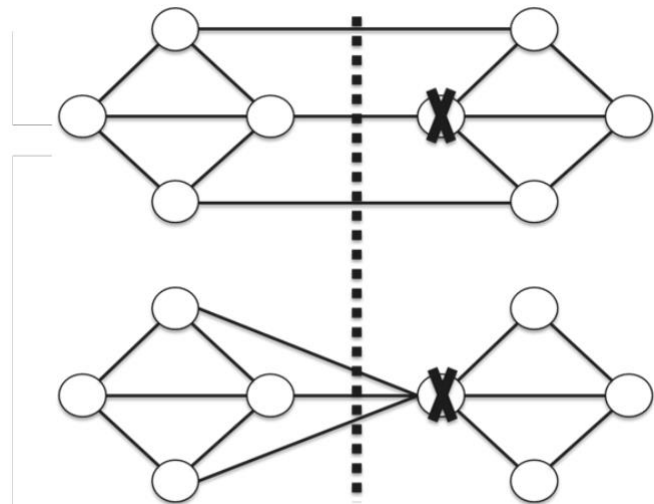

Figure 2. Cross-border rivet effect.

The discussion on the rivet effect resonates with the “risk hypothesis” proposed by Berardo and Scholz [2010]: when cooperation involves low-risks, actors seek relationships with well-connected, popular partners that maximize their access to information (leading to a network structure dominated by only a few central organizations). However, when the risk of defection increases, actors search for more stable reciprocal partnerships (leading to a network structure of moderately connected organizations). Since cross-border cooperation is characterised by uncertainty [Leibenath and Knippschild, 2005], cross-border networks are likely to be formed from reciprocal partnerships and might, thus, be resistant to the cross-border rivet effect.

Empirical evidence

The issue on how to measure cross-border regional resilience or asses why some cross-border regions are more resilient than others has remained empirically an understudied topic. There are only a few related studies on cross-border regional resilience¹, or on the cross-border rivet effect.

First, Lara-Valencia [2011] has argued, based on survey data from the US–Mexican San Diego– Tijuana area, that policies enacted after 9/11 are “thickening” (i.e. re-bordering) the border by creating new barriers to cooperation. This imposes increasing costs for carrying out cross-border interactions.

Thus, only organizations with abundant resources will continue to be engaged in cross-border cooperation. It was also assumed that the most resilient partnerships will be formed among

¹ There are some papers [e.g. Wilder et al., 2010] that have discussed cross-border regional resilience in its “original ecological sense” as, for example, the adaptation to climate change at international borders.

universities and private-sector organizations, which typically are more immune to political pressure. However, the overall decrease in the permeability of the border naturally dilutes the long-term development of the cross-border region and poses limits to cross-border regional resilience.

Second, Makkonen et al. [2018a] have tested the robustness of cross-border cooperation networks against network failures. As such, they assessed the cross-border rivet effect. The idea behind the approach was to see what happens to cross-border cooperation networks if some of the most connected actors in the networks would “disappear”. To do so the authors utilized social network analyses and:

- 1) Surveyed/interviewed firms and organizations engaged in forest, mining and tourism industries in the provinces of Kainuu and North Karelia (Finland) and the Republic of Karelia (Russia) to identify the number of their in-degree links (an actor is nominated to be a collaboration partner by another actor).
- 2) Calculated the share of firms and organizations with cross-border connections in the network¹.
- 3) Identified the most connected actors in the network (i.e. the cross-border hubs) in both sides of the border; i.e. the actors with the highest number of cross-border in-degree links².
- 4) Following Casper [2007], removed the two most connected organizations from the network and calculated the share of actors with cross-border connections in this new (artificial) network.

The results show that the loss of cross-border connectivity, was not very catastrophic, since the removal of the two cross-border hubs led only to a small decrease in the cross-border connectivity of the network. As such, while the initial cross-border connectivity is rather low, the network is not dependent only on a few very connected actors. Rather, there are several other moderately connected firms and organizations that maintain the cross-border connectivity of the network even if the most connected cross-border hubs would disappear (in line with the risk hypothesis). As such, the analysed cross-border cooperation network can be considered as robust against network failures. In other words, the situation described by the rivet effect is unlikely to occur in the Finnish–Russian cross-border cooperation network of industries engaged in natural resource use.

Third, Prokkola [2019] has investigated how border regions cope with and adapt to cross-border mobility shocks and whether they are able to establish new paths for regional development and growth. She utilized a mixed-methods approach (interviews, documentary and statistical data) to study the Finnish border towns of Tornio and Lappeenranta. Her interpretations of the data paint a somewhat gloomy picture of regions that are too dependent on the border as they are vulnerable to external shocks that decrease permeability (de-bordering). However, it was also stressed that the regional actors are constantly trying to cope with de-bordering to (at least) maintain the current level of cross-border cooperation (as an adaptive cross-border region would).

Conclusions

Intensifying cross-border cooperation is of critical importance for the success of border regions [Lundquist and Trippel, 2013]. As shown by Prokkola [2019], organizations located in cross-border regions are, indeed, eager to cooperate across the border, due to the envisioned benefits it entails [Sohn, 2014], despite external shocks and tensions at the national level [see also Makkonen et al., 2018b]. Therefore, policymakers have also started to give increasing attention to resilience in cross-border contexts, both in the EU and globally [see e.g. Giacometti et al., 2019; Triangle City Cooperation, 2019; Zafari, 2019]. Here, the concept of cross-border regional resilience was introduced as a novel approach to address this critical issue. However, as seen from the literature review above, the concept has not yet attracted much academic attention. Thus, this paper can

¹ The measure has been coined by Svensson and Nordlund [2015] and is termed “cross-border connectivity”.

² The University of Eastern Finland and the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

hopefully pave the way for a theoretical and empirical research agenda to tackle the concept in a more systematic way.

References

- Adger, W. (2000). Social and ecological resilience: Are they related? *Progress in Human Geography* 24: 347–364.
- Berardo, R. and Scholz, J. (2010). Self-organizing policy networks: Risk, partner selection, and cooperation in estuaries. *American Journal of Political Science* 54: 632–649.
- Boschma, R. (2015). Towards an evolutionary perspective on regional resilience. *Regional Studies* 49: 733–751.
- Capello, R., Caragliu, A. and Fratesi, U. (2018). Measuring border effects in European cross-border regions. *Regional Studies* 52: 986–996.
- Casper, S. (2007). How do technology clusters emerge and become sustainable? Social network formation and inter-firm mobility within the San Diego biotechnology cluster. *Research Policy* 36: 438–455.
- Durand, F. and Perrin, T. (2018). Eurometropolis Lille–Kortrijk–Tournai: Cross-border integration with or without the border? *European Urban and Regional Studies* 25: 320–336.
- Giacometti, A., Teräs, J. and Aalto, H. (2019). Social and economic resilience in the Bothnian Arc cross-border region. *Nordregio Report* 2019: 11.
- Gong, H. and Hassink, R. (2017). Regional resilience: The critique revisited. In Williams, N. and T. Vorley (Eds.), *Creating Resilient Economies* (pp. 206–216). Cheltenham: Edward Elgar.
- Halonen, M. (2019). The long-term adaptation of a resource periphery as narrated by local policy-makers in Lieksa. *Fennia* 197: 40–57.
- Halonen, M., Kotilainen, J., Tykkyläinen, M. and Vatanen, E. (2015). Industry life cycles of a resource town in Finland: The case of Lieksa. *European Countryside* 7: 16–41.
- Hassink, R. (2010). Regional resilience: A promising concept to explain differences in regional economic adaptability? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society* 3: 45–58.
- Holling, C. (1973). Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecology and Systematics* 4: 1–23.
- Krasteva, A. (2017). If borders did not exist, Euroscepticism would have invented them or, on post-communist re/de/re/bordering in Bulgaria. *Geopolitics*. Advance online publication. Doi:10.1080/14650045.2017.1398142
- Lara-Valencia, F. (2011). The “thickening” of the US–Mexico border: Prospects for cross-border networking and cooperation. *Journal of Borderlands Studies* 26: 251–264.
- Leibenath, M. and Knippschild, R. (2005). Systemic evaluation of cross-border networks of actors: Experience with a German–Polish–Czech cooperation project. *Journal of Borderlands Studies* 20: 73–90
- Lundquist, K.-J. and Tripp, M. (2013). Distance, proximity and types of cross-border innovation systems: A conceptual analysis. *Regional Studies* 47: 450–460.
- Makkonen, T., Hokkanen, T.J., Morozova, T. and Suharev, M. (2018a). A social network analysis of cooperation in forest, mining and tourism industries in the Finnish–Russian cross-border region: Connectivity, hubs and robustness. *Eurasian Geography and Economics* 59: 685–707.
- Makkonen, T., Williams, A., Weidenfeld, A. and Kaisto, V. (2018b). Cross-border knowledge transfer and innovation in the European neighbourhood: Tourism cooperation at the Finnish-Russian border. *Tourism Management* 68: 140–51.
- Martin, R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography* 12: 1–32.
- Martin, R. and Sunley, P. (2015). On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation. *Journal of Economic Geography* 15: 1–42.
- Prokkola, E.-K. (2019). Border-regional resilience in EU internal and external border areas in Finland. *European Planning Studies*. Advance online publication. Doi:10.1080/09654313.2019.1595531
- Sohn, C. (2014). The border as a resource in the global urban space: A contribution to the cross-border metropolis hypothesis. *International Journal of Urban and Regional Research* 38: 1697–1711.
- Svensson, S. and Norlund, C. (2015). The building blocks of a Euroregion: Novel metrics to measure cross-border integration. *Journal of European Integration* 37: 371–389.
- Triangle City Cooperation (2019). Three cities, three countries, and one common challenge. Available from: <https://triangle-city.leeds.ac.uk/>
- van den Broek, J., Benneworth, P. and Rutten, R. (2018). Border blocking effects in collaborative firm innovation. *European Planning Studies* 26: 1330–1346.
- Walker, B., Holling, S., Carpenter, R. and Kinzig, A. (2004). Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems. *Ecology and Society* 9: 5.
- Wilder, M., Scott, C., Pablos, N., Varady, R., Garfin, G. and McEvoy, J. (2010). Adapting across boundaries: Climate change, social learning, and resilience in the US–Mexico border region. *Annals of the Association of American Geographers* 100: 917–928.

28. Zafari, K. (2019). Resilience, prosperity and cooperation in Central Asia's enclaves: A role for the EU? EUCAM Commentary 37.

WORK-FAMILY POLICIES AS AN UNREALISED REALM OF HRM IN RUSSIA

Sippola, Markku

University of Helsinki, Helsinki, Finland

Abstract. This study investigates how dimensions of work-family culture become realised at Nordic-owned factories in Russia. Appropriate work-family policies would potentially help tackling the lack of commitment of the workers to the enterprise. However, the Nordic firms seem to ‘outsource’ the responsibilities for family-friendly policies to company trade unions or take the statutory minimum of family benefits and leaves as a benchmark to follow rather than develop company-based policies.

Keywords: HRM, Nordic companies, organisational commitment, Russia, work-family policy

Introduction

This paper encompasses a study on work-family policies at Nordic-owned factories in Russia. Nordic and Russian societies resemble one another with regards to the level on which such policies are pursued. One might argue that company level work-family policies are modest in scope because they have been primarily considered as an arena for national-level policy-making. Nordic countries are famous for their wide support for parental leaves (Ellingsæter 2009), child care, leave time and other supportive measures (Morgan 2012, 162). Family-friendly policies would be capable of increasing female employment and even fertility rates, as a Scandinavian example evidences (Ellingsæter 2009). While female employment rate has been traditionally high in Russia, increasing fertility rates has become a guiding principle of Russian family policy (Kulmala & Chernova 2015).

At the organisation level, family-responsive policies show a positive correlation with organisational commitment (Butts et al. 2013; Grover & Crooker 1995). Also, firms with extensive work-family policies perform economically better than those which do less so (Perry-Smith & Blum 2000). Although the benefits of work-family friendly policies have been shown in various studies, it is not easy to change workplace cultures in which the male model of work is deeply rooted (Lewis 2010). A profound change in a workplace culture would also require a comparable reform within the family (ibid.), which means that major changes should first take place at the societal level. Thompson et al. (1999) developed a measure of work-family culture and investigated its relationship to work-family benefit utilisation, organisational commitment and work-family conflict. They define the term ‘work-family culture’ encompassing “...the shared assumptions, beliefs and values regarding the extent to which an organization supports and values the integration of employees’ work and family lives” (p. 392). Within this framework, after analysing company managers’ and professionals’ surveys, Thompson et al. (1999) identified the following dimensions of work-family culture:

- 1) Organisational time expectations that may interfere with family responsibilities,
- 2) Career consequences associated with utilising work-family benefits (here, family benefits provided by the company are considered), and
- 3) Managerial support for work-family balance.

In the following analysis section, these three dimensions are used as an analytical framework. According to Thompson et al.’s (1999) findings, a supportive work-family culture is associated with higher levels of workplace commitment, lower intentions to leave the company, and less work-family conflict. One of the biggest problems in HRM of the Nordic factories in Russia is a high labour turnover, and there is a need for measures to keep employees in the workplace.

Data and method

The data for this analysis consist of 60 interviews with workers, managers, and representatives of company trade unions at Nordic manufacturing companies in Russia. The research strategy was that of a case study: it involved seven plants, the headquarters of which were located in Denmark, Finland, Norway, and Sweden (see Table 1). The names of the companies, countries of origin and exact locations are not mentioned to maintain confidentiality. The data were collected between 2011 and 2013. The interviews consisted of semi-structured interviews with

workers and thematic interviews with managers and union representatives. Altogether, there were 43 workers', 13 managers' and 4 shop stewards' interviews. Questions for the interviewees concerned company's investment motives and history, trade unions, HR policies, changes in work organisation, job characteristics and Soviet legacies. The interviews with the workers lasted from 20 minutes to 1 hour, and those with the managers and shop stewards from 45 minutes to 1 hour and 30 minutes.

The researched factories differed from one another with respect to gender composition of the workforce. Given the institutionally and socio-culturally embedded roles of taking care of children, a distinction can be made between the policies of work organisations with a majority of male employees and those with a majority of female employees. In our research, one might assume that the reconciliation of family and work is more acute HR issue in the most "female" work organisation of Provod (females comprise over 90% of the workforce), whereas it is least acute at Mashina (almost all employees are male). One might also expect that most controversial HR policies in work-family balance are at Himstroy and Stal, where job positions in different operations are strikingly differed by sex ("light" occupations for females, "heavy" jobs for males).

Table 1

Basic information of the researched factories

Firm	Derevo	Himstroy	Stroymaterial	Provod	Agrotehnika	Mashina	Stal
location	200km south of St. Petersburg	St. Petersburg	Moscow region	Karelian Republic, close to Finnish border	400km south of Moscow	St. Petersburg	Moscow region
sector	wood	constr. material	constr. material	light metals	metal	metal	metal
market	Europe	local	local	Europe	FSU	local	local
size	600	850 (2 units)	500	900	40	70	70
Gender composition	40 % women	diversified production by men's and women's work	25 % women	more than 90 % are women	five out of 40 workers are women	almost completely male	the labour process divided into two (gendered) lines

Analysis

There clearly existed an underdeveloped area of HRM practice or "culture" of the reconciliation of work and family. Although the accounts of the managers and workers somewhat hint at relatively successful HRM policies by the Nordic companies, there is one indicator that does not support this notion: labour turnover. The HR manager reported minimal labour turnover at Stal, whereas it used to be higher in the beginning but since stabilized at Mashina, Provod and Stroymaterial and was high in absolute terms (25-30 % per year) at Agrotehnika, Derevo and Himstroy. Company size, gender composition or the legacies from the Soviet time of the company did not seem to predict which companies were subject to high labour turnover – the reasons for this lied in other factors. At some factories the salary – the instrumental part for employee commitment – ceased to serve as a stimulus to work for the company. In this example, workers seemingly sought trade-offs between decreased real wages and optimal use of working hours. Obviously, the

company management let the workers to increase their working hours and placed the requirement for flexibility on the shoulders of the workers.

This means also that the Nordic companies' advantage of offering higher wages than the local companies was gradually ceasing to exist. So far, also the stability of income had made up a means for committing workers to continue working at the Nordic enterprise. While the advantage of providing higher and more stable wages at Nordic companies compared to the local ones is withering up, other means for engaging workers should be put forward. Here, family-friendly HR policies – perhaps in the form of more flexible working hours or other manifestations of good will towards parents – would provide a potential way ahead. In following sub-sections different dimensions of work-family culture are considered.

Organisational time expectations that may interfere with family responsibilities

Firstly, the issue of family-friendly planning of working hours is considered. There were no exceptions to the rule that the yearly holiday was scheduled for the summer time, usually comprising four weeks, and the workers were given a few months earlier the time limits within which the holiday was due to take place. The times for vacation were therefore more or less given, with little reference to family-friendly continuous planning of the schedules. With respect to the planning of working hours, the difference between men's and women's legally stipulated working hours was raised at Provod. A chief engineer (male, 35) reminded that the law says that "daily working time for men is 8 hours, for women 7.2".

Family-friendly planning of working hours might facilitate the process of resolving workplace conflicts; it is capable of alleviating tensions between superiors and subordinates, if the management is flexible enough to let the workers to take some days off for their own purposes. When asked what causes conflicts at work, a blue-collar worker (female, 34) at the larger unit of Himstroy mentioned that the superiors do not allow for taking days off from work: "...I need an immediate holiday. A non-paid one. [Doing] something, [going to] somewhere. Then, I think, there'll be conflicts, I won't perhaps be permitted". On the other hand, another worker (female, 45) at the same factory saw the penetration of family conflicts to the workplace as a source of conflict: "There is stress at home, some sort of uncomfortable matters that this person takes to the work". She associated this occasion with the Soviet type of working life, while problems at home were reconciled at work. Such occasions, if frequently encountered, would in the long run affect productivity. This would require wisdom of managers, when home-based conflicts affect the work, to arrange working hours in a manner that keeps home-based pressures out of the workplace. Otherwise, the situation would resemble a work organization typical of the Soviet time, in which home sphere extends to the workplace.

Similarly to family-friendly working hours, organising daily care proved to be an important issue. Provod may be placed in a different situation than the rest of the enterprises; the production at the factory heavily relied on women's contribution. The managing director and production manager openly admitted that the work performed at the factory is for women, and men can only be employed in the repair, maintenance, and IT jobs. Therefore, the fact that young women are likely to enter motherhood must be considered as natural by the company management. Against this backdrop, it is somewhat emblematic that the managers did not mention any measures to retain their human resources by providing schemes balancing work and the responsibilities at home, other than urging the municipality to arrange better day care possibilities at the local kindergarten and references to the legislation that allows females for less working hours. The municipality had the responsibility of organising childcare, and the company actively lobbied for more places at the kindergarten in order to get their key workers back to work.

There were occasions, as daycare was urgently needed, that parents were likely to take a few days off, sometimes at their own cost; this was again one manifestation of putting flexibility pressures on individuals, not on the enterprise. It is a complicated question whether the enterprise should be more flexible in the case of sickness of a child or not. Sometimes, the interviewed workers had to resort to unpaid holidays in order to take care of their sick children. In the Russian

context, such arrangements – if the company management allow such policy – imply flexibility on the part of the management.

Career consequences associated with utilising work-family benefits

In Thompson et al's (1999) framework, this dimension of work-family culture, related mainly to negative consequences of having had a leave or devoted time to family responsibilities. The consequences do not need, however, to be necessarily negative. Career consequences related to utilising work-family benefits were mainly seen in the case study companies in the given role of parental leave for workforce development. Besides giving families opportunities to have a break to spend together first years after the child is born (which is generally perceived as a legally based right rather than a means for HR development), parental leave systems would potentially form a framework for attracting skills and workforce development – especially when it comes to females. This potential was not fully grasped at the researched factories, which becomes visible in a few white-collar workers' narratives. The emphasis of developing one's career was put on an individual worker, and it was not taken as a part of company-based workforce development, as in traditional 'internal labour market' solutions (Doeringer & Piore 1985).

There were two white-collar female employees (quality engineer, 32, and department chief, 35) at Provod, who had had their maternal leave prior to holding the current position at the factory, that is, not during the current employment contract. The stories of these two females were at least manifestations of the fact that a woman can get a promotion at a Nordic-owned company even after motherhood. The former respondent (quality engineer) had also an economist's education, which did not match well with the skill requirements of the current position. However, she believed her previous experience at the factory helped her obtain the promotion. She had an ordinary blue-collar worker's position at the same factory prior to her childbirth. The department chief, for her part, had been a mathematics teacher at the local school prior to motherhood. After the maternity leave, she got a position at Provod as a manual worker. She had got several promotions at two to three years' intervals during her eight-year long tenure at the factory.

There was no consideration to organise the company's own parental leave scheme, partially or fully at the cost of the company, in order to retain the key employees. Neither there was any intention to return to the paternal role of the Soviet enterprise by introducing day-care facilities for the company workers only. Seemingly, the male-breadwinner model is so strongly rooted in social values that a foreign company cannot adopt distinctive schemes of parental leave. As regards promotion possibilities, males seemed to be in a more privileged position since the underlying role expectation was based on male-breadwinner model. For example, a recently promoted team leader (male, 26) at Himstroy's smaller unit had a 1.5 years old child at home, of whom the mother took care.

Although the childcare leave in Russia is not tied to motherhood, it is almost exclusively used by mothers only. The only exception was a blue-collar worker (male, 30) at Derevo. However, he highlighted the "holiday" aspect of such leave: "...it's possible according to the law, I can take it. For example, holiday [...] I went to have a rest". In other words, in this case, the child-care leave seemed to offer a "rest" from the work rather than a genuine opportunity for taking mutual care of a child with the spouse. Hence, there is still room for attitudinal change on the part of the workers themselves before a large-scale reform towards family-friendly HR policy at the company level.

Managerial support for work-family balance

When it comes to managerial support for work-family balance, there was an obvious lack of long-term strategy. Besides decent and regular wages, the emphasis of employee involvement at the researched factories was on workplace-based individual benefits such as workplace medical services (at Derevo), free tickets to swimming pool (Stroymaterial), free commuting, free meals or insurance schemes. Besides such ad hoc measures, there were accounts that hinted at the role of the company trade union as social policy actor. At the enterprise level, a mere concern for employees' families – in a way or another – might have a positive impact on the attachment to workplace (Grover & Cooker 1995). In other words, as regards ad hoc –type social benefits, there might be

expectations by some workers that the trade union or company management give financial assistance in emergent situations in the family.

Trade union shop steward at Derevo admitted that at that factory, the membership of the trade union is mostly female dominated although the factory had more males at work than females. In a word, a Soviet-type provision of trips to pioneer camp for children is still in use in the bigger factories with Soviet legacies (Derevo and Stroymaterial). This is also a reason why “younger workers” join the union, as an elderly (male) fitter-repairer uttered: “...trips for children, like, to a holiday resort or pioneer camp. They are young ones [as members], all of them. Who is younger, is in the trade union.” Although there are schemes for sending children to summer camps administered by the trade union, it is insufficient in compensating for non-existent company policies for supporting families with small children. According to Butts et al. (2013), family-friendly policy availability has a greater impact on organisational attachment than the use of such policies. The HRM departments of these companies might take the opportunity to increase the availability of such policies and thus heighten employees’ attachment to the company. It appears that Russian-based Nordic companies have – similarly to domestic ones (Kulmala & Chernova 2015) – ‘outsourced’ the responsibilities for family-friendly policies to company trade unions or taken the statutory minimum of family benefits and leaves as a benchmark to follow.

Discussion

There are a few perspectives to discuss the importance of taking work-family policies at Nordic factories in Russia into consideration. First, there is the argument that family-friendly policies have a positive impact on female employment and fertility rates at the national level (Ellingsæter 2009). Secondly, there is the issue of employee commitment to the enterprise; this is a widely acknowledged problem at Russian enterprises, and this is also seen as a problem at the Nordic case study factories. Higher organisational commitment would be the key for tackling the high labour turnover prevailing at the factories.

In line with Kulmala and Chernova (2015), one might argue that gender neutrality in company policy does not mean gender equality, since in practice women take the responsibility for combining work and family life. The work-family policies of the case companies of this study were lacking in all Thompson et al.’s (1999) dimensions of work-family culture, while there was too much resorting to legal rights of parents. This finding can be explained by the pattern of model transfer originating from either Nordic countries or Russian society. According to this ‘model transfer’ argument, while the responsibility for work-family policies in both Nordic and Russian societies has been primarily taken by the nation-level actors, there has been less room for developing this policy area at the company level.

Seemingly, the companies operating in Russia put too much emphasis for work-family life flexibility on individuals. Such a strategy is ostensibly equal – everyone has the same rules – but in practice many women end up bearing the double burden of doing both breadwinning and home work. Moreover at the researched factories, females can get a promotion even after child-birth, but they need to prove their superior skills by educating themselves (not even considering a second child after the promotion at the company). For the companies, there would be clear potential for ‘internal labour market’ solutions (Doeringer & Piore 1985). Flexibility is, after all, the key to develop work-family policies: companies should provide ways to organise family-friendly working hours, a wider variety of work-family benefits and more managerial support. In a word, there is a need for an appropriate work-family culture. In the future, one might anticipate that the workplace would constitute a more important site for work-family policies to be cultivated, while the societal level would remain an important ground for such policies.

References

1. Butts, M. M., Casper, W. J., & Yang, T. S. (2013) ‘How important are work–family support policies? A meta-analytic investigation of their effects on employee outcomes’, *Journal of Applied Psychology*, 98(1): 1-25.
2. Doeringer, P. B. & Piore, M. J. (1985) *Internal Labor Markets and Manpower Analysis*. M. E. Sharpe, Inc.
3. Ellingsæter, A. L. (2009) ‘Leave policy in the Nordic welfare states: a “recipe” for high employment/high fertility?’ *Community, Work & Family*, 12(1): 1-19.

4. Grover, S. L. & Crooker, K. J. (1995) 'Who Appreciates Family-Responsive Human Resource Policies: The Impact of Family-Friendly Policies on the Organizational Attachment of Parents and Non-Parents', *Personnel Psychology* 48(2): 271-288.
5. Kulmala, M. & Chernova, Z. (2015) 'Työn ja perheen yhteensovittaminen Venäjällä' (Work and family reconciliation in Russia). *Idäntutkimus* 2/2015, 17-34.
6. Lewis, S. (2010) 'Restructuring workplace cultures: the ultimate work-family challenge?' *Gender in Management: An International Journal* 25(5): 355-365.
7. Morgan, K. J. (2012) Promoting social investments through work-family policies: which nations do it and why? In: N. Morel, B. Palier & J. Palme (eds.) *Towards a Social Investment Welfare State?: Ideas, Policies and Challenges*. The Policy Press.
8. Perry-Smith, J. E. & Blum, T. C. (2000) 'Work-Family Human Resource Bundles And Perceived Organizational Performance', *Academy of Management Journal* 43(6): 1039-1062.
9. Thompson, C. A., Beauvais, L. L. & Lyness, K. S. (1999) 'When Work-Family Benefits Are Not Enough: The Influence of Work-Family Culture on Benefit Utilization, Organizational Attachment, and Work-Family Conflict', *Journal of Vocational Behavior* 54(3): 392-415.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ТУРИСТСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ: РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

Александрова Анна Юрьевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
analexan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам генезиса и развития теоретических подходов в туристской лимологии. Выделены главные этапы и проблематика в развитии отечественных и зарубежных исследований. Особое внимание уделяется туристской аттрактивности политико-административных границ и приграничных территорий.

Ключевые слова: туризм, политико-административные границы, приграничные районы, аттрактивность государственных границ, трансграничные туристские дестинации

THEORETICAL TOURISM LIMOLOGY: DEVELOPMENT OF ANALYTICAL APPROACHES

Aleksandrova, Anna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
analexan@mail.ru

Abstract. The article discusses the genesis and development of theoretical approaches to tourism limology. The main stages and issues in the development of research in Russia and abroad are emphasized. The author pays special attention to the tourist attractiveness of administrative borders and borderlands.

Key words: tourism, administrative borders, borderland, attractiveness of state borders, cross-border tourism destinations

Задача настоящего исследования – проследить развитие научных воззрений на взаимодействие туризма и политико-административных границ, особенно в последние десятилетия, и их вклад в общую теорию границеведения.

Начало формирования туристской лимологии (границеведения) относится к 1950-м годам. После окончания второй мировой войны международный туризм принимает массовые формы (25 млн международных туристских прибытий в мире в 1950 г.). Широкие туристские потоки пересекают государственные границы. Правительства рассматривали въездной туризм в качестве источника валютных поступлений, инструмента активизации платежного баланса стран и стимулировали его развитие. Например, во Франции были отменены визы для американских туристов, введен специальный, более выгодный курс обмена валюты для иностранных туристов. В то же время выездной туризм и связанный с ним отток денежной массы из страны был нежелателен, и страны стремились его ограничить. Например, Польша давала разрешение на выезд ее граждан в Австрию в обмен на дополнительные поставки польской свинины в эту страну. Вопросы режима и практики пересечения государственной границы стали находить отражение в специальной литературе по туризму.

Исследования в области туристской лимологии также подтолкнуло то обстоятельство, что для удовлетворения массового спроса на недорогой купально-пляжный отдых европейские страны Средиземноморского бассейна, такие как Испания, стали быстро осваивать побережье. Со временем оно превратилось в сплошную урбанистическую зону. Одновременно стала меняться мотивация туристов. Теперь многие из них предпочитали отдыхать на природе и проявляли интерес к местной культуре, которые лучше сохранились в периферийных районах, в частности на приграничных территориях. В 1963 г. выходит

работа В. Кристаллера с его размышлениями о туризме в Европе, рассматриваемом сквозь призму центр-периферического подхода [8].

Постепенно шло накопление эмпирических данных, конкретных примеров в соответствующей области. С каждым годом расширялся перечень трансграничных проектов по туризму. Прилагались усилия по упрощению туристских формальностей. Но нарождающейся туристской лимологии остро не хватало теоретических обобщений. Лишь в 1979 г. выходит работа Д. Матцнеттера «Граница и туризм: фундаментальные отношения» [13].

Несмотря на очевидную связь международного туризма и режима политико-административных границ классическое границеведение всегда недостаточно внимания уделяла этому вопросу. Этот факт констатируют многие исследователи с сожалением и некоторым удивлением, поскольку в современной лимологии усиливается социальная направленность исследований [14; 18; 24 и др.]. Только с выходом ряда трудов в последние годы наметилось преодоление разрыва между исследованиями политико-административных границ, политической географией/ геополитикой, с одной стороны, и исследованиями в области туризма – с другой [7; 21; 22 и др.].

Остановимся на наиболее значимых направлениях и результатах исследований, прежде всего вклада в разработку понятийного аппарата. В целом, понятийный аппарат в исследованиях туризма не устоялся. В разное время уточнения в него вносили разные ученые [9; 11; 19 и др.].

М. Вьецковский различает

- трансграничную мобильность/ потребление (cross-border mobility/ consumption) как самое широкое понятие, пересечение границы с разными мотивами, в том числе туристскими целями;

- cross-border tourism – приграничный туризм, развивающийся только с одной стороны границы, не обязательно государственной;

- transboundary tourism – трансграничный туризм с обеих сторон государственной границы;

- transborder tourism – международный туризм с такими его атрибутами, как трансграничные потоки туристов, туристская инфраструктура, наличие достопримечательностей, а также туристского пространства, простирающегося сквозь границу или примыкающего к ней с обеих сторон [14, с. 29].

Многие ученые обращаются к типологии политико-административных границ исходя из характера их взаимодействия с туризмом. Например, Д.Дж. Тимоти, опираясь на работу Д. Матцнеттера, выделяет три их типа:

- граница как барьер,

- граница как туристская дестинация, которая воспринимается как целое с обеих сторон границы,

- граница как модификатор туристского ландшафта, под которым автор понимает особый тип культурного ландшафта, формирующийся в туристских дестинациях под воздействием туристской деятельности. В этом случае кооперация выходит на новый уровень, когда стейкхолдеры по обе стороны границы начинают продвигают совместными усилиями туристскую дестинацию (рис. 1).

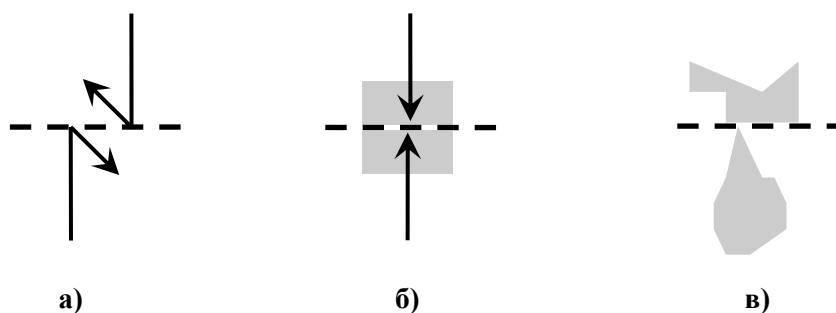
Этот пространственный подход следует дополнить временным. Основываясь на работе Р. Хартшорн (1936) [12], Х. Вачовяк рассматривает четыре типа взаимоотношений туризма и политико-административных границ во времени:

- предшествование: граница существует до начала развития туризма,

- последование: граница проводится по территории уже существующей туристской дестинации, что приводит к свертыванию или даже разрыву кооперационных связей между туристскими акторами,

- трансформация: туризм может привести к послаблению барьерной функции границы, либо при определенных условиях (например, при социализме), наоборот, способствовать ее усилению,

- реликт: с развитием туризма в приграничном районе граница утрачивает свои функции и перестает восприниматься и как барьер, и как туристская аттракция, т.е. становится непричастной к туристской деятельности [23]. Не со всем в этой типологии можно согласиться. Например, когда граница прокладывается по территории уже существующей туристской дестинации, не обязательно происходит ослабление кооперационных связей. Наоборот, как это будет показано ниже, факт ее наличия может привести к противоположному эффекту – росту туристской аттрактивности территории.

**Рисунок 1. Взаимодействие туризма и границ (по Д.Дж. Тимоти) [20, с. 11]:
а) – граница – барьер; б) – граница – туристская дестинация; в) – граница –
модификатор туристского ландшафта.**

В настоящее время в формирующейся туристской лимологии находят применение как старые, так и новые подходы. Под старыми имеется ввиду прежде всего функциональный подход. В литературе преимущественно освещается влияние барьерной и контактной, а также транзитной функций границ на развитие туризма. Часто рассматривается эволюция политико-административных границ от барьера к своеобразному туристскому ресурсу, используемому при создании новых турпродуктов.

Это сложный и длительный процесс, в котором разные авторы, например А. Гельбман и Д.Дж. Тимоти выделяют разные этапы. Он начинается с одностороннего открытия доступа к границе для туристов [10, с. 245]. С противоположной стороны она остается жестким и хорошо укрепленным передовым рубежом обороны, приближаться к нему или пересекать его воспрещается в интересах безопасности страны. Государственная граница продолжает находиться в эпицентре напряженных внешнеполитических отношений между сопредельными государствами. Тем не менее она привлекает туристов возможностью увидеть и сфотографировать находящуюся по ту сторону границы закрытую территорию – Terra incognita, т.е. нечто таинственное и запретное, а оттого весьма притягательное. Таким мотивом руководствовались финские туристы, направлявшиеся к границе Финляндии с Россией до 1991 г. [15].

На втором этапе граница утрачивает роль форпоста. Усиливается ее контактная функция и соответственно ослабевает барьерная функция. Упрощается и нормализуется трансграничное сообщение. Постепенно собственно линия границы и ее инженерно-техническое оборудование может стать полноценной туристской достопримечательностью. Например, многочисленных туристов привлекает демаркационная линия, образующая ось демилитаризованной зоны между КНДР и Республикой Корея. Объектами туристского показа служат пограничные стыки – географические точки, в которых сходятся государственные границы трех, четырех и более стран, например Таиланда, Мьянмы (Бирмы) и Лаоса.

Второй этап эволюции завершается «музеефикацией» границы. Пожалуй, наиболее яркими в данном случае примерами могут служить Берлинская стена, которая превращена в мемориальную зону, и Великая китайская стена. Кроме того, пограничная тематика развивается многими музеями, например, Музеем истории Берлинской стены в бывшем пропускном пункте «Чекпойнт Чарли», Музеем патрулирования государственной границы в США на границе с Мексикой, мемориал «Бенталь» в Израиле на границе с Сирией, напоминающий об арабо-израильских войнах, и др. В нашей стране работает Центральный пограничный музей ФСБ России. Он был создан в 1914 г. Ежегодно музей посещают свыше 20 тыс. экскурсантов. Количество посетителей выездных выставок превышает 50 тыс. чел.

На третьем этапе происходит эволюция границы к зоне. Приграничные территории приобретают функции туристских дестинаций. На них развивается шопинг, они нередко превращаются в игорные зоны. Эти трансформации подробно освещены в литературе [6; 16; 20 и др.].

На четвертом этапе граница превращается в своеобразный мост, благодаря которому налаживается трансграничное сотрудничество, а сопредельные территории связываются и стягиваются. Это, в частности, проявляется в создании трансграничных природоохранных зон, парков мира, как например, «Si-a-Paz» на границе Никарагуа и Коста-Рики.

Кроме прежних подходов, в исследованиях взаимовлияния границы и туризма используются новые подходы – изучается восприятие туристами границ, применяется «ПВП-подход» (Политика–Восприятие–Практика). В частности, изучаются психологические барьеры, возникающие у людей при пересечении государственных границ. У людей, несклонных к приключениям и риску, государственная граница психологически отдаляет места, расположенные за рубежом. С. Смит исследовал добавленную психологическую дистанцию, созданную американо-канадской границей. Для выделенной им категории лиц из штата Огайо она оказалась равна 898 км, из штата Индиана – 2940 км, а для жителей штата Нью-Йорк – 3526 км, несмотря на то что штат имеет с Канадой общую границу протяженностью 716 км [17].

Особым образом граница воспринимается путешествующим лицом при выполнении ею транзитной функции. В этом случае границы и приграничные зоны в сознании путешествующих лиц не получают территориальной привязки, существуют как бы вне места. Многие американцы, посетившие приграничные мексиканские города, не считают, что они побывали в Мексике. Для них Мексика – это что-то, находящееся далеко в глубине страны. Как отмечает Д.Дж. Тимати, приграничная зона с мексиканской стороны воспринимается ими не как истинная Мексика, но уже и не территория США [19., р. 17].

В Российской Федерации исследования в области туристской лимологии с каждым годом расширяются. Они ведутся в разных центрах страны: в Москве, Калининграде, Петрозаводске, Пскове, Смоленске, Иркутске, Хабаровске, Благовещенске и др.

Наиболее часто отечественные ученые обращаются к следующей проблематике:

- особенности развития туризма в приграничном пространстве;
- интеграция в туризме: барьеры и стимулы в формировании трансграничных туристских регионов;
- роль туризма в социально-экономическом развитии приграничных территорий;
- туристский потенциал приграничья: возможности и направления его использования;
- анализ динамики приграничных туристских обменов и др. [1; 2; 3; 4; 5 и др.].

Одна из особенностей отечественных исследований туризма в приграничье – широкое использование системного подхода, в частности концепции территориальной туристско-рекреационной системы.

Проблема взаимодействия политико-административных границ и туризма является очень сложной, многогранной и комплексной. Туризм следует вписать в целую систему границ, а в повестку дня включить вопрос о разработке нового междисциплинарного направления исследований в области туризма – туристской лимологии.

Исследование выполнено по теме НИР «Функционирование и трансформация территориальных туристско-рекреационных систем» (№ ЦИТИС АААА-А16-116032810056-7).

Литература

1. Александрова А.Ю., Ступина О.Г. Туристское регионоведение : влияние региональной интеграции на мировой туристский рынок : монография. М. : КНОРУС, 2014. 176 с.
2. Катровский А.П., Ковалев Ю.П., Мажар Л.Ю., Щербакова С.А. Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 113-126. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-7.
3. Кропинова Е.Г. Международная кооперация в сфере туризма и формирование трансграничных туристских регионов на Балтике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 1. С. 113-119.
4. Себенцов А.Б., Колосов В.А., Зотова М.В. Развитие въездного туризма в Калининградской области: возможности и ограничения в эксклавном регионе// Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы / Под ред. В.А. Колосова и А.Б. Володина. М.: Институт географии РАН, 2016. С. 84-96.
5. Степанова С.В. Туристский ресурс границ: потенциал приграничных регионов Северо-Запада России // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 105-121.
6. Arreola D.D., Curtis J.R. The Mexican Border Cities: landscape anatomy and place personality. Tucson: University of Arizona Press, 1993. 258 p.
7. Borderless Worlds for Whom? Ethics, Moralities and Mobilities / Paasi A., Prokkola E.-K., Saarinen J., Zimmerbauer K. Abingdon–N.-Y.: Routledge, 2019. 238 p.
8. Christaller W. Some consideration of tourism in Europe: The peripheral regions–underdeveloped countries–recreation areas // Paper of the Regional Science Association. 1963. № 12. P. 95-105.
9. Encyclopedia of Tourism/ Jafari J. (ed.). London–N.Y.: Routledge, 2000 638 p.
10. Gelbman A., Timothy D.J. From hostile boundaries to tourist attractions // Current Issues in Tourism. 2010. Vol. 13. №3. P. 239-259.
11. Hampton M.P. The socio-economic impacts of Singaporean cross-border tourism in Malaysia and Indonesia/ Kent Business School Working paper 184. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://kar.kent.ac.uk/23112> (Проверено 24.09.2019).
12. Hartshorn R. Suggestions on the terminology of political boundaries, titles and abstracts of papers // Annals of the Association of American Geographers. 1936. Vol. 26, № 1. P. 38-39.
13. Matznetter J. Border and tourism: Fundamental relations // Tourism and borders. Proceedings of the meeting of the IGU Working Group: Geography of Tourism and Recreation. Ljubljana–Trieste, 15–19.9.1978. Frankfurt/Main, 1979. P. 61-73.
14. Mayer M., Zbaraszewski W., Pieńkowski D., Gach G., Gernert J. Cross-Border Tourism in Protected Areas: Potentials, Pitfalls and Perspectives. Cham: Springer, 2019. 370 p.
15. Paasi A. Territories, boundaries and consciousness: The changing geographies of the Finnish-Russian border. Chichester, UK: J. Wiley & Sons, 1996. 353 p.
16. Smith G.J., Hinch T.D. Canadian casinos as tourist attractions: chasing the pot of gold // Journal of Travel Research. 1996. Vol. 34, № 3. P. 37–45.
17. Smith S.L.J. A method for estimating the distance equivalence of international boundaries // Journal of Travel Research. 1984. Vol. 22, № 3. P. 37-39.
18. The Ashgate research companion to border studies / Wasti-Walter D. (ed.). Ashgate: Farnham-Burlington, 2011. 703 p.
19. Timothy D.J. Relationships between Tourism and International Boundaries // Tourism and borders: contemporary issues, policies and international research. New direction in tourism analysis / H. Wachowiak (ed.). Burlington: Ashgate, 2008. P. 9-18.
20. Timothy D.J. Tourism and Political Boundaries. London–N.Y.: Taylor & Francis Routledge, 2001. 219 p.
21. Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe/ Hall D. (ed.). Oxfordshire–Boston: CABI, 2017. 378 p.
22. Tourism and Hospitality in Conflict-Ridden Destinations / Isaac R.K., Çakmak E., Butler R. (eds.). Abingdon–N.-Y.: Routledge, 2019. 266 p.
23. Wachowiak H. Tourismus im Grenzraum. Touristische Nachfragestrukturen unter dem Einfluß von Staatsgrenzen am Beispiel der Grenzregion Deutschland-Luxemburg. Trier: Geographische Gesellschaft Trier, 1997 (Materialien zur Fremdenverkehrsgeographie, 38).
24. Wilson T.M., Donnan H. Borders and Border Studies // A Companion to Border Studies / Wilson T.M., Donnan H. (eds.). Malden–Oxford: Wiley–Blackwell, 2012. P. 1-25.

References

1. Aleksandrova A.Yu., Stupina O.G. *Tourism Regional Studies: The Impact of Regional Integration on the World Tourism Market: Monograph*. M. : KNORUS, 2014. 176 p.
2. Arreola D.D., Curtis J.R. *The Mexican Border Cities: landscape anatomy and place personality*. Tucson: University of Arizona Press, 1993. 258 p.
3. *Borderless Worlds for Whom? Ethics, Moralities and Mobilities* / Paasi A., Prokkola E.-K., Saarinen J., Zimmerbauer K. Abingdon–N.-Y.: Routledge, 2019. 238 p.
4. Christaller W. Some consideration of tourism in Europe: The peripheral regions–underdeveloped countries–recreation areas // *Paper of the Regional Science Association*. 1963. № 12. P. 95-105.
5. *Encyclopedia of Tourism*/ Jafari J. (ed.). London–N.Y.: Routledge, 2000 638 p.
6. Gelbman A., Timothy D.J. From hostile boundaries to tourist attractions // *Current Issues in Tourism*. 2010. Vol. 13. №3. P. 239-259.
7. Hampton M.P. The socio-economic impacts of Singaporean cross-border tourism in Malaysia and Indonesia/ Kent Business School Working paper 184. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://kar.kent.ac.uk/23112> (Проверено 24.09.2019).
8. Hartshorn R. Suggestions on the terminology of political boundaries, titles and abstracts of papers // *Annals of the Association of American Geographers*. 1936. Vol. 26, № 1. P. 38-39.
9. Katrovsky A.P., Kovalev Yu.P., Mazhar L.Yu., Shcherbakova S.A. Tourism in border regions: theoretical aspects of a geographical study // *Baltic region*. 2017. Vol. 9, № 1. P. 81-90. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-7.
10. Kropinova Ye. International Cooperation in the Field of Tourism and Formation of Cross-Border Tourist Regions in the Baltic Sea Area // *IKBFUs Vestnik*. 2010. № 1. P. 113-119.
11. Matznetter J. Border and tourism: Fundamental relations // *Tourism and borders. Proceedings of the meeting of the IGU Working Group: Geography of Tourism and Recreation*. Ljubljana–Trieste, 15–19.9.1978. Frankfurt/Main, 1979. P. 61-73.
12. Mayer M., Zbaraszewski W., Pieńkowski D., Gach G., Gernert J. *Cross-Border Tourism in Protected Areas: Potentials, Pitfalls and Perspectives*. Cham: Springer, 2019. 370 p.
13. Paasi A. *Territories, boundaries and consciousness: The changing geographies of the Finnish-Russian border*. Chichester, UK: J. Wiley & Sons, 1996. 353 p.
14. Sebentsov A.B., Kolossov V.A., Zotova M.V. Inbound tourism development in the Kaliningrad region: opportunities and limitations in the exclave region // *Russian borderland: socio-political and infrastructural problems*/ V.A. Kolossov, A.B. Volodin (eds.). M.: Institute of Geography RSA, 2016. P. 84-96.
15. Smith G.J., Hinch T.D. Canadian casinos as tourist attractions: chasing the pot of gold // *Journal of Travel Research*. 1996. Vol. 34, № 3. P. 37–45.
16. Smith S.L.J. A method for estimating the distance equivalence of international boundaries // *Journal of Travel Research*. 1984. Vol. 22, № 3. P. 37-39.
17. Stepanova S.V. Russia's North-West Borders: Tourism Resource Potential // *Baltic Region*. 2017. Vol. 9, № 2. P. 105-121.
18. *The Ashgate research companion to border studies* / Wasti-Walter D. (ed.). Ashgate: Farnham-Burlington, 2011. 703 p.
19. Timothy D.J. Relationships between Tourism and International Boundaries // *Tourism and borders: contemporary issues, policies and international research. New direction in tourism analysis* / H. Wachowiak (ed.). Burlington: Ashgate, 2008. P. 9-18.
20. Timothy D.J. *Tourism and Political Boundaries*. London–N.Y.: Taylor & Francis Routledge, 2001. 219 p.
21. *Tourism and Geopolitics: Issues and Concepts from Central and Eastern Europe*/ Hall D. (ed.). Oxforshire–Boston: CABI, 2017. 378 p.
22. *Tourism and Hospitality in Conflict-Ridden Destinations* / Isaac R.K., Çakmak E., Butler R. (eds.). Abingdon–N.-Y.: Routledge, 2019. 266 p.
23. Wachowiak H. *Tourismus im Grenzraum. Touristische Nachfragestrukturen unter dem Einfluß von Staatsgrenzen am Beispiel der Grenzregion Deutschland-Luxemburg*. Trier: Geographische Gesellschaft Trier, 1997 (Materialien zur Fremdenverkehrsgeographie, 38).
24. Wilson T.M., Donnan H. *Borders and Border Studies // A Companion to Border Studies* / Wilson T.M., Donnan H. (eds.). Malden–Oxford: Wiley–Blackwell, 2012. P. 1-25.

НУЖНА ЛИ ОСОБАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА В КАРЕЛИИ?

Арнаутова Любовь Игоревна

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», Петрозаводск, Россия

Гладких Екатерина Геннадьевна

*ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», Петрозаводск, Россия
martyukova_e@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о необходимости создания особой экономической зоны в республике Карелия. Авторы рассматривают цели создания, анализируют созданные в Тульской и Псковской областях особые экономические зоны, которые были выбраны в качестве примеров для создания подобной зоны в Карелии. Особое внимание уделяется рассмотрению размещения данной зоны в поселке Вяртсиля.

Ключевые слова: особая экономическая зона, инвестиции, издержки, республика Карелия.

IS SPECIAL ECONOMIC ZONE NEEDED IN KARELIA?

Arnautova, Lyubov

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Gladkikh, Ekaterina

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
martyukova_e@mail.ru*

Abstract. This article is devoted to the issue of the need to create a special economic zone in the Republic of Karelia as a border zone. The reasons and goals of creation, alternative accommodation were considered, the special economic zones created in Tula and Pskov regions are studied, which were considered as an example for its creation in Karelia. The sources of financing and payback, the costs associated with the creation of the SEZ and whether they were taken into account when creating it in Vyartsilya are considered. Particular attention is paid to the consideration of the location of this zone in the village of Vyartsilya.

Key words: special economic zone, investment, costs, Republic of Karelia.

Весной 2018 года на новостных порталах появилась информация о том, что в Карелии началась работа по созданию особой экономической зоны промышленно-производственного типа в поселке городского типа Вяртсиля на границе с Финляндией. Однако детальной или хотя бы более или менее конкретной информации о том, что из себя будет представлять планируемая ОЭЗ в течение последующих полутора лет так и не появилось. Возникает вопрос: все-таки особая экономическая зона в Карелии – миф или реальность?

В мировой практике особые экономические зоны (ОЭЗ) являются одним из наиболее успешных инструментов, созданных для привлечения прямых инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности. Так, широко этот инструмент применяется как в развитых странах (США, странах Европы, Японии), так и в развивающихся (Китай, Индия, Ю. Корея, Бразилия, Мексика). Деятельность ОЭЗ в РФ регламентируется Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Согласно этому закону, особая экономическая зона – часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

ОЭЗ создаются в целях развития обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики, туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктуры, разработки и коммерциализации технологий, а также для производства новых видов продукции. Преимущество создания предприятия на территории ОЭЗ

обусловлено тем, что каждая зона имеет специальный юридический статус, предоставляющей ее инвесторам ряд налоговых льгот и таможенных преференций, а также обеспечивает доступ к инфраструктуре разных категорий, таких как инженерная, транспортная и деловая. Что касается издержек, то при реализации проекта для инвесторов они ниже в среднем на 30% в сравнении с иными на территории РФ. Это в общем соответствует практике других стран. В некоторых случаях, например, по отдельным налогам, российские условия являются даже более привлекательными по сравнению с другими странами АТЭС (Табл. 1).

Таблица 1

Льготные условия налогообложения России и некоторых стран АТЭС¹

Льготы	Южная Корея	Япония	Китай	Россия
Подходный налог с физ. лиц	8,8%	2-4%	5%	Не является льготным
Налог на прибыль	Отсутствует первые 3 года, далее 5 %	5%	15%	0% для внесения в федеральный бюджет, не ниже 13,5% для внесения в бюджет субъектов РФ
Налог на имущество	Отсутствует первые 3 года, далее 7%	Не превышает 1,4%	Не является льготным	Отсутствует первые 10 лет

Однако многие считают, что сегодня ОЭЗ как инструмент привлечения инвестиций и регионального развития в России работает не слишком успешно [1]. Это подтверждается низким объемом вложенных инвестиций по сравнению с заявленными. Так, в РФ, начиная с 2005 года, созданы и функционируют 25 ОЭЗ четырех типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные, портовые. К промышленно-производственному типу (такую ОЭЗ планируется создать в Карелии) относятся 9 российских особых экономических зон. По данным Министерства экономического развития РФ за 12 лет их реализации общий объем заявленных инвестиций составил более 850 млрд рублей, вложенных инвестиций – более 260 млрд. рублей (т.е. меньше трети), было создано около 25 тысяч рабочих мест, уплачено более 67 млрд. рублей налоговых и таможенных платежей.[2] Много это или мало? Для сравнения, по данным Росстата, ВВП России в текущих ценах за 2018 год составил 103,9 трлн. руб., а объем инвестиций в основной капитал за 2018 год - 17,6 трлн.руб.

В целом создание особой экономической зоны представляет собой сложный многоэтапный процесс, связанный с выбором локации, привлечением участников, отбором резидентов зоны и управляющей компании. Кроме того, законом предусмотрена необходимость проведения комплексного исследования бюджетной рентабельности и доходности ОЭЗ, а именно:

Прогнозная положительная динамика (включая обоснование) роста объемов дополнительных доходов, поступающих в федеральный бюджет, бюджет субъекта Российской Федерации, на территории которого предполагается создание особой экономической зоны, а также в местный бюджет в связи с созданием и функционированием особой экономической зоны.

Наличие инвестиционных проектов (включая их финансово-экономические показатели) и потенциальных инвесторов, подтвердивших в письменной форме готовность

¹ Пелькова С.В., Кольцова Т.А., Хайрулина Н.Г. Сравнительный анализ налогообложения особых экономических зон в России и странах АТЭС. - [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-nalogooblozheniya-osobyh-ekonomicheskikh-zon-v-rossii-i-stranah-ates> (07.09.2019)

реализовать эти проекты на территории предполагаемой к созданию особой экономической зоны, с объемом запланированных инвестиций накопленным итогом за 3 года со дня создания особой экономической зоны не менее планируемого объема необходимых для создания ее инфраструктуры средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета.

Обоснованность плановых показателей развития инженерной, транспортной, инновационной, социальной и иной инфраструктуры предполагаемой к созданию особой экономической зоны и оценки стоимости затрат на ее развитие.

Значение и обоснованность прогнозных показателей эффективности функционирования предполагаемой к созданию особой экономической зоны, необходимых для проведения оценки эффективности функционирования особых экономических зон, предусмотренной пунктом 4 части 1 статьи 8 Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

Наличие оценки предполагаемой к созданию особой экономической зоны по показателям рентабельности, доходности и срока окупаемости и др.

Инициатива создания ОЭЗ в нашем регионе принадлежит Министерству экономического развития и промышленности РК. Однако ввиду отсутствия сколь-нибудь подробной информации в открытом доступе, возникает вопрос, все ли было учтено и проведен ли необходимы анализ окупаемости и издержек создания ОЭЗ.

По мнению бывшего руководителя АО «Корпорация развития Республики Карелия» Ю. Савельева, для возникновения ОЭЗ производственно-промышленного типа пока в Карелии условий нет (в частности, наличие крупного инвестора, заинтересованного в поставке продукции в Европейский союз, в особенности в Финляндию, а также заинтересованность с обратной стороны в данной продукции). По мнению Ю.Савельева, целесообразно изменить специализацию данной ОЭЗ на туристско-рекреационный, торговосервисный или смешанный (комплексный) типы.

Почему же было решено создавать ОЭЗ именно промышленно-производственного типа? Для оценки эффективности ОЭЗ в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 7 июля 2016 г. N 643 «О порядке оценки эффективности функционирования особых экономических зон» применяются следующие расчетные показатели эффективности:

показатель, отражающий эффективность деятельности резидентов особой экономической зоны;

показатель, отражающий рентабельность вложения средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов в создание объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иной инфраструктуры особой экономической зоны;

показатель, отражающий эффективность деятельности органов управления особой экономической зоны;

показатель, отражающий эффективность планирования при создании особой экономической зоны;

По данным отчета «О результатах функционирования особых экономических зон за 2018 год и за период с начала функционирования особых экономических зон» наибольшую эффективность как по итогам 2018 года, так и за весь период существования особых экономических зон демонстрируют зоны технико-внедренческого типа (100%). Наименьшие значения показателя у туристско-рекреационных ОЭЗ (71 %). Промышленно-производственные зоны имеют значение 89%.

По данным публикаций в средствах массовой информации, Министерство экономического развития и промышленности РК рассматривает ОЭЗ ППТ “Узловая” (создана в 2016 г.) Тульской и ОЭЗ ППТ “Моглино” (создана в 2012 г.) Псковской областей как актуальный опыт при создании данной на территории республики. В связи с этим были предприняты соответствующие рабочие поездки и встречи. Чем обусловлен выбор данных ОЭЗ в качестве примеров? Рассмотрим результаты функционирования всех 9 особых

экономических зон ППТ за 2018 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. (Табл.2).

Таблица 2

Расчетные показатели функционирования ОЭЗ ППТ за 2018 год¹

Название ОЭЗ	Расчетный показатель 1, %	Расчетный показатель 2, %	Расчетный показатель 3, %	Расчетный показатель 4, %
«Узловая»	113,15	671	106	100
«Моглино»	15,75	34	117	100
«Алабуга»	186,98	282	117	100
«Липецк»	173,90	266	158	100
«Тольятти»	28,60	146	91	100
«Титановая долина»	74,07	81	155	100
«Калуга»	229,64	50	70	100
«Лотос»	97,24	69	82	100
«Ступино Квадрат»	139,55	1664	244	100

Как видно из таблицы, Тульская ОЭЗ «Узловая» является достаточно успешной с точки зрения принятых в российском законодательстве критериев эффективности. Однако ОЭЗ «Моглино» демонстрирует худшие среди зон промышленно-производственного типа показатели по крайней мере по двум критериям.

Сравним характеристики расположения ОЭЗ Тульской и Псковской областей, а также планируемой ОЭЗ в пгт. Вяртсиля (Табл.3).

Анализируя данные Табл. 3, можно сделать вывод, что на первый беглый взгляд размещение ОЭЗ ППТ в пгт. Вяртсиля является достаточно выигрышным с точки зрения благоприятного географического положения (на границе с Финляндией, что, вероятно, будет способствовать ее ориентации на экспорт, а также сокращать издержки на логистику), несмотря на относительную удаленность крупных промышленных центров. Также стоит заметить, что Республика Карелия обладает возможностями для улучшения кадрового потенциала. Создание ОЭЗ в пгт. Вяртсиля предполагает ориентацию в основном на деревообрабатывающую промышленность, в которой заинтересована финская сторона (Финляндия остается одним из основных торговых партнеров Карелии).

Таким образом, на наш взгляд, сама идея о создании ОЭЗ на территории Республики Карелия является хорошей, но при этом, безусловно, требует дальнейшей детальной проработки и обсуждения в экспертном сообществе. Кроме того, как известно, во многом концепция экономического развития РК на период до 2022 года направлена на развитие туризма: первым пунктом в приоритетных направлениях значится «устойчивое пространственное развитие», а первым подпунктом – «активизация международного и межрегионального сотрудничества». Предполагаемое расположение ОЭЗ находится вблизи некоторых туристических объектов республики. В связи с этим, вероятно, стоит рассмотреть вопрос о создании ОЭЗ смешанного типа, которая позволит реализовать не только промышленный, но и туристско-рекреационный потенциал территории.

¹ Составлено авторами по данным Отчета о результатах функционирования ОЭЗ за 2018 год и за период с начала функционирования ОЭЗ.

Сравнительная характеристика ОЭЗ «Узловая» (Тульская обл.), «Моглино» (Псковская обл.) и планируемой ОЭЗ в пгт. Вяртсиля (респ. Карелия)¹

Показатель	«Узловая» (Тульская обл.)	«Моглино» (Псковская обл.)	Вяртсиля (Респ. Карелия)
Близость крупных промышленных центров	Тула – 40 км, Новомосковск – 15 км, Узловая – 7 км.	Псков – 12 км, Великий Новгород 230 км, Санкт-Петербург 300 км.	Петрозаводск – 290 км, Йоэнсуу – 80 км, Сортавала – 63 км.
Географическое положение	Москва – 180 км, Домодедово – 2 часа, Шереметьево – 3,5 часа	До границы с Евросоюзом, 45 км: До Латвии – 56 км, Эстонии 38 км	Санкт-Петербург – 330 км, Пулково – 360 км, Бесовец – 280 км, Липери (аэропорт в Финляндии вблизи Йоэнсуу) – 110км.
Население региона (тыс. чел.)	1 492	637	622
Кадровый потенциал региона	15 ВУЗов (вместе с филиалами)	9 ВУЗов (вместе с филиалами)	10 ВУЗов (вместе с филиалами)
Среднемесячная номинальная заработная плата в регионе за январь-март 2019, руб.	27724	28004	39402
Приоритетные направления промышленности	Химическая промышленность, металлургия	Производство сельскохозяйственного оборудования, электротехники и электроники, автокомпонентов, коммунального оборудования, строительных материалов, логистический кластер	Мебельное производство, рыбоводство, технологий глубокой переработки леса

Литература

1. Меджидов З.У. Зарубежный опыт функционирования особых экономических зон. - [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-funktsionirovaniya-osobyh-ekonomicheskikh-zon-1> (07.09.2019)
2. Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/> (08.09.2019)

References

1. Medzhidov Z.U. Zarubezhnyj opyt funkcionirovaniya osobyh ekonomicheskikh zon (Foreign experience in the functioning of special economic zones). - [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-funktsionirovaniya-osobyh-ekonomicheskikh-zon-1> (07.09.2019)
2. Sajt Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii (Official site of the Ministry of Economic Development of Russia). – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/> (08.09.2019)

¹ составлено авторами по данным Росстата, официальных сайтов ОЭЗ «Моглино» и «Узловая», сервису «Яндекс Карта»

МЕТОДОЛОГИЯ ТАРИФООБРАЗОВАНИЯ НА ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Астапова Галина Викторовна

ГУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, ДНР

Скирневская Людмила Николаевна

ГУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, ДНР

Кривец Владислав Сергеевич

Министерство доходов и сборов ДНР, г. Донецк, ДНР

Аннотация. В материале статьи на основе анализа результатов финансово-хозяйственной деятельности ГП «Донецкая железная дорога» за 2017-2018 гг. доказана необходимость изменения методологии тарифообразования для обеспечения рентабельности работы предприятия. Обоснована необходимость отказа от действующего затратного подхода к расчету тарифов на перевозку грузов железнодорожным транспортом в ДНР. Проведена оценка подходов к обоснованию платы за оказание транспортных услуг предприятием железнодорожного транспорта. Обоснована целесообразность использования технико-экономического метода определения целевой прибыли в процессе реализации доходного подхода к установлению тарифов на железнодорожные перевозки в ДНР.

Ключевые слова: тарифы, железнодорожный транспорт, предприятие, грузоперевозки, затратный подход, доходный подход, технико-экономический метод, прибыль.

METHODOLOGY OF SETTING TARIFFS ON CARGO RAILWAY TRAFFIC IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Astapova, Galina

SI «Economic Research Institute», Donetsk, DPR

Skirnevskaya, Lyudmila

SI «Economic Research Institute», Donetsk, DPR

Krivets, Vladislav

Ministry of Revenue and Fees of the DPR, Donetsk, DPR

Abstract. Following the analysis of the financial and economic activity of the State Enterprise «Donetsk railway» for 2017-2018, the article proved the necessity of changing the methodology of setting tariffs for providing the profitability of the enterprise's activity. The necessity abandoning the current cost approach to the calculation of tariffs for the cargo railway transportation to the DPR was substantiated. An assessment of approaches to the substantiation of fees for the transport services provision by the railway transport enterprise was conducted. The paper substantiated the expediency of using the technical and economic method of determining the target profit in the process of implementing the income approach to the establishment of tariffs for rail transportation in the DPR.

Keywords: tariffs, railway transport, enterprise, cargo traffic, cost approach, profit approach, technical and economic method, income.

Постановка проблемы. Транспортный комплекс Донецкой Народной Республики (ДНР) является важной составной частью дорожно-транспортной отрасли Республики, поскольку обеспечивает организацию пассажиро- и грузоперевозок и участвует в интеграции республиканской транспортной системы в российскую и мировую. Транспортная отрасль и

дорожное хозяйство занимают важное место в экономической и социальной сфере Республики. Так, объем реализованных услуг предприятиями транспорта составляет порядка 40 % от общего объема услуг, предоставляемых предприятиями Республики. На предприятиях транспорта работает 6 % от общей численности штатных работников, занятых в экономике Республики. Транспортный комплекс ДНР включает автомобильное, железнодорожное направления и направление городской электрический транспорт. Железнодорожный транспорт ДНР представлен единственным предприятием государственной формы собственности – ГП «Донецкая железная дорога», в структуре которого находятся 57 железнодорожных станций, 49 структурных подразделений. С 2018 г. на баланс ГП «Донецкая железная дорога» взят весь вагонный парк республики, в результате чего в условиях данного предприятия сконцентрирован весь железнодорожный промышленный транспорт ДНР, который обеспечивает перевозки по предприятиям черной металлургии, угольной, химической промышленности, машиностроения.

По состоянию на 1 января 2019 года по территории Донецкой Народной Республики курсируют пригородные поезда по 65 маршрутам и 4 пассажирских поезда сообщением Ясиноватая – Успенская и Ясиноватая – Луганск. Общая развернутая длина главных путей по территории Донецкой Народной Республики – свыше 2 тысяч километров.

В 2017 г. железнодорожным транспортом перевезено грузов массой 10790 тыс. т., что меньше показателя 2016 г. (17418 тыс. т.) на 6628 тыс. т или на 38,05 %. Объем погрузки грузов в 2018 году составил более 16,5 млн. тонн, что выше значения показателя 2017 г. на 5800 тыс. т. или на 54,21 %, но меньше значения показателя 2016 г. на 918 тыс. т. или на 5,27 %. Грузооборот железнодорожного транспорта в 2017 г. составил 1723 тыс. ткм. В 2018 г. грузооборот увеличился до 2500 тыс. ткм., превысив показатель предыдущего года на 777 тыс. ткм. или на 45,1 %.

Уменьшение значений показателей основной деятельности в 2017 г. обусловлено блокированием со стороны Украины железнодорожного сообщения через пункты перехода железнодорожного транспорта Ясиноватая-Скотоватая и Никитовка-Майорская, вследствие чего произошло снижение грузопотока, и указывает на необходимость осуществления целевых мероприятий по восстановлению инфраструктуры, оптимизации операционных доходов и реализации эффективной тарифной политики. Прирост показателей в 2018 г. свидетельствует о незначительном повышении эффективности функционирования железнодорожного направления транспортного комплекса ДНР.

В 2017 г. в транспортной отрасли ДНР был осуществлен ряд мероприятий по восстановлению инфраструктуры на железнодорожных станциях и перегонах для обеспечения необходимого уровня пропускной способности. За 9 месяцев 2017 г. проведены восстановительные работы на станции Иловайск, вследствие чего ее пропускная способность увеличилась в 11 раз, осуществлено изменение грузопотока на участке Ясиноватая-Иловайск-Квашино.

Доход от основной деятельности ГП «Донецкая железная дорога» по итогам 2017 г. составил 1817,9 млн. руб. Причем, 99,6 % дохода образовано за счет грузоперевозок и только 0,4 % – за счет перевозок пассажиров.

Факторами оптимизации доходов от основной деятельности транспортных предприятий ДНР выступили проведенные в 2017 г. мероприятия:

- по восстановлению инфраструктуры на железнодорожных станциях и перегонах (в частности на станции Иловайск), что обеспечило значительное увеличение пропускной способности;

- по изменению грузопотоков (например, на участке Ясиноватая-Иловайск-Квашино) путем их переориентирования в сторону РФ;

- по внедрению необходимого для осуществления перевозочного процесса программного обеспечения (в частности, автоматизированного рабочего места товарного кассира (АРМ ТВК)), что обеспечит рост производительности труда.

Согласно расчетным данным проведение вышеуказанных организационных мероприятий способствовало образованию прироста величины совокупных доходов на 0,0004 % при условии неизменных показателей структуры доходов. Вместе с тем, расходы предприятия (без учета амортизации) за указанный период составили 2568,8 млн. руб.

В 2017 г. увеличение расходов (точнее расходов на оплату труда и уплату ЕСВ) на предприятиях железнодорожного транспорта было обусловлено приростом численности работников в результате трудоустройства работников ПАО «Украинские железные дороги» в связи с их сокращением вследствие прекращения деятельности указанного ПАО в ДНР. По состоянию на начало 2018 г. штат работников железнодорожного транспорта полностью укомплектован, его увеличение в течение текущего года не предполагается, и, следовательно, отсутствует причина стремительного роста расходов, что свидетельствует о наличии фактора повышения финансовых результатов от основной деятельности предприятий железнодорожного транспорта. По состоянию на 01.01.2019 г. списочная численность работников железнодорожного транспорта составляет порядка 13 тысяч человек.

Превышение расходов над доходом от основной деятельности – 41,27 %, а значение процента недополученного дохода – 29,22 %. Несмотря на убыточность основной деятельности (расчетный убыток составляет 750,3 млн. руб., ГП «Донецкая железная дорога» в 2017 г. было перечислено 76,1 млн. руб. в качестве налога на прибыль. Следовательно, источником образования конечного финансового результата выступали объемы неосновной деятельности предприятия. Такая же ситуация наблюдалась и в 2018 г. В течение января-апреля 2018 г. значения показателя дохода от основной деятельности хотя и превысили соответствующие показатели 2017 г. (на 250,35 %), но устойчивой тенденции роста доходов от перевозок не образовалось. Вместе с тем, темпы прироста эксплуатационных расходов не превышают тем прироста дохода от основной деятельности. Как и в 2016-2017 гг. основная деятельность ГП «Донецкая железная дорога» является убыточной. Величина убытка за 4 месяца 2018 г. составила 146,4 млн. руб.

Основными факторами образования убытка выступают: 1) снижение дохода от основной деятельности; 2) увеличение эксплуатационных расходов; 3) превышение цепного прироста расходов над соответствующим приростом дохода. Воздействие первого фактора обусловило образование 52,10 млн. руб. в общей сумме убытка. 28,24 млн. руб. убытка образовались вследствие влияния фактора превышения темпа прироста расходов над темпом прироста дохода. На основе использования расчетно-аналитического и технико-экономического методов сформированы прогнозы дохода от основной деятельности по железнодорожному направлению, поскольку железнодорожные предприятия выступают ключевыми налогоплательщиками, доля доходов которых от коммерческих грузоперевозок превышает 99 %. Прогнозные данные показывают, что при условии увеличения объемов основной деятельности и незначительных изменений в структуре доходов в 2018 году возможно образование конечного финансового результата в размере 38,29 млн. руб. Вместе с тем, данной прибыли недостаточно для экономического и социального развития предприятия. Поэтому при прогнозировании использован также технико-экономический метод расчета целевой прибыли. Достижение получения прогнозного результата в практических условиях является возможным при условии осуществления изменений в тарифной политике.

Таким образом, финансово-хозяйственная деятельность ГП «Донецкая железная дорога» является не эффективной, поскольку убыточной выступает основная деятельность – железнодорожные перевозки. С учетом, значительного превышения удельного веса грузоперевозок над соответствующим показателем пассажироперевозок, можно утверждать, что убыточной выступает деятельность, связанная с оказанием услуг по грузоперевозкам. Условиями увеличения доходов от грузоперевозок выступают рост количества перевозимых грузов и изменение действующих тарифов на грузоперевозки.

Анализ результатов исследований и публикаций. Проблемам тарифообразования на услуги железнодорожного транспорта посвящены исследования, учебные и методические разработки Е.Н. Сыча [1], А.И. Шеховцова, Ю.В. Доценко [3], Н.П. Терёшиной, Л.П. Левицкой, Л.В. Шкуриной [4], В.Ф. Чеклова, В.А. Зовы, Л.В. Коваленко [5]. Авторы детально исследовали затратную методологию тарифообразования, представили результаты проведенных экономических экспериментов и разработали коэффициентный методологический подход к установлению тарифов на железнодорожные грузоперевозки. Вместе с тем, остается не сформированным доходный подход к тарифообразованию, реализация которого обеспечит достижение рентабельности железнодорожных грузоперевозок в ДНР.

Целью исследования выступает обоснование методологии тарифообразования на железнодорожные грузоперевозки в ДНР путем замены затратного подхода к расчету тарифов на доходный подход, основывающийся на принципах целевой прибыльности перевозки грузов железнодорожным транспортом.

Задачи исследования: анализ результатов финансово-хозяйственной деятельности ГП «Донецкая железная дорога» за 2017-2018 гг.; пояснение необходимости отказа от действующего затратного подхода к расчету тарифов на перевозку грузов железнодорожным транспортом; оценка подходов к обоснованию платы за оказание транспортных услуг; обоснование целесообразности использования технико-экономического метода определения целевой прибыли в процессе реализации доходного подхода к установлению тарифов на железнодорожные перевозки.

Изложение основного материала. Для оплаты услуг железнодорожного транспорта по перевозке установлена система тарифных ставок и правил их применения, которая отражена в Сборнике тарифов на перевозку грузов железнодорожным транспортом (Тарифное руководство № 1) [1].

Методика расчета тарифов на перевозку грузов железнодорожным транспортом [2], на основе которой разработано действующее тарифное руководство, основана на затратном подходе, в соответствии с которым базой для установления тарифа выступают рассчитанная величина эксплуатационных затрат (себестоимости).

Согласно [2] себестоимость перевозки грузов, при расчете тарифов на перевозку подвижным составом железных дорог рассчитывается по формуле:

$$C = (A_{II}^{zp} + A_{II}^{nop} + A_T^{zp} + A_T^{nop} + A_B^{zp} + A_B^{nop}) + [(B_{II} + B_T + B_B) \cdot (1 + \alpha) + (D_{II} + D_T) \cdot P] \cdot L, \quad (1)$$

где $A_{II}^{zp}, A_{II}^{nop}$ – инфраструктурные составляющие агрегированной расходной ставки за начально-конечные операции (НКО) (соответственно для груженого и порожнего вагонов);

A_T^{zp}, A_T^{nop} – локомотивные составляющие агрегированной расходной ставки за НКО (соответственно для груженого и порожнего вагонов);

A_B^{zp}, A_B^{nop} – вагонные составляющие агрегированной расходной ставки за НКО (соответственно для груженого и порожнего вагонов);

B_{II} – инфраструктурная составляющая агрегированной расходной ставки движенической операции, зависящей от вагоно-километров;

B_T – локомотивная составляющая агрегированной расходной ставки движенической операции, зависящей от вагоно-километров;

B_B – вагонная составляющая агрегированной расходной ставки движенической операции, зависящей от вагоно-километров;

α – коэффициент порожнего пробега вагонов;

D_{II} – инфраструктурная составляющая агрегированной расходной ставки движенической операции, зависящей от тонно-километров;

D_T – локомотивная составляющая агрегированной расходной ставки движенической операции, зависящей от тонно-километров;

P – масса отправки, т;

L – расстояние перевозки, км.

В связи с отсутствием учета необходимого перечня эксплуатационных показателей работы невозможно произвести распределение расходов на переменные, то есть зависящие от объема перевозок и условно-постоянные, а также выделить инфраструктурную, вагонную и локомотивную составляющие в расходных ставках, поэтому выполнить расчет себестоимости не представляется возможным. Более того, приведенная выше формула расчета себестоимости перевозок не учитывает расходы транспортного предприятия, связанные с исполнением социальных обязательств, тогда как источником их покрытия выступает, прежде всего, доход от основной деятельности, размер которого зависит от действующих тарифов, не отвечающим даже расходам на перевозки. Тарифное руководство [1], принятое в 2009 году, на протяжении девяти лет не пересматривалось, в то же время цены на электроэнергию, горюче-смазочные материалы, инвентарь, оборудование и запасные части существенно повысились. Следует отметить, что проблема несоответствия доходов и расходов на перевозки не получила разрешения после принятия Министерством транспорта ДНР № 497-р от 29.09.2015 г. распоряжения о введении на территории Донецкой Народной Республики на услуги, предоставляемые ГП «Донецкая железная дорога» повышающего коэффициента 1,3 и даже его последующего увеличения до 1,7.

Формула для расчета платы за оказанные услуги по перевозкам имеет следующий вид:

$$П = Т * 2 * k, \quad (2)$$

где $П$ – плата за оказание транспортной услуги;

$Т$ – действующий тариф;

k – тарифный корректировочный коэффициент (1,7).

Согласно вышеприведенным аналитическим данным, измененный корректировочный коэффициент не обеспечивает образования дохода в сумме, достаточной для покрытия затрат и получения предприятием прибыли.

Для обеспечения безубыточной деятельности ГП «Донецкая железная дорога» предложены к реализации следующие подходы – 1-й предполагает увеличение тарифного коэффициента, 2-й предусматривает изменение порядка расчета тарифов. В основе первого подхода находится сравнение себестоимости производства единицы продукции (т·км) и тарифа на перевозку аналогичной массы груза на соответствующее расстояние [3].

Пересчет тарифного коэффициента осуществлен по данным 4 квартала 2016 г. следующим образом.

1. Определение превышения расходов на доходами. Общие доходы ($Д$) от перевозок за четвертый квартал 2016 г. составили 374,7 млн. рос. руб., в том числе: доходы от грузовых перевозок – 373,3 млн. рос. руб., доходы от пассажирских перевозок – 1,4 млн. рос. руб. Расходы на перевозки ($Р$) – 561,9 млн. рос. руб., в том числе прямые расходы на пассажирские перевозки – 15,9 млн. рос. руб., таким образом, расходы по перевозкам без учета прямых расходов на пассажирские перевозки – 546,0 млн. рос. руб. Как видно из приведенных показателей, расходы ГП «Донецкая железная дорога» превышают доходы, поэтому существует необходимость пересмотра действующих тарифов на перевозку грузов [3].

2. Сравнение доходов от грузовых перевозок и расходов по перевозкам без учета прямых расходов на пассажирские перевозки через определение величины превышения расходов ГП «Донецкая железная дорога» над доходами предприятия в четвертом квартале 2016 г.:

$$K = \frac{P}{D} = \frac{546,0}{373,3} = 1,46 \quad (3)$$

Расходы ГП «Донецкая железная дорога» превышают доходы предприятия в 1,46 раза [3].

3. Расчет доходов ГП «Донецкая железная дорога» от грузовых перевозок, которые могли быть получены при отсутствии тарифного коэффициента [3]:

$$D_{\text{г}} = \frac{D}{1,3} = \frac{373,3}{1,3} = 287,15 \quad \text{млн. рос. руб.} \quad (4)$$

4. Определение коэффициента безубыточности [5, С. 259–262] грузовых перевозок ГП «Донецкая железная дорога» при отсутствии корректировочного коэффициента [3]:

$$K_{\text{б/у}} = \frac{P}{D_{\text{г}}} = \frac{546,0}{287,15} = 1,9 \quad (5)$$

Таким образом, в 2016 г. повышающий коэффициент должен был иметь значение не менее 1,9 [3].

Аналогичный пересчет за первый квартал 2017 г. имеют следующие результаты:

1. Общие доходы (Д) от перевозок за первый квартал 2017 г. составили 281,3 млн. рос. руб., в том числе: доходы от грузовых перевозок – 280,0 млн. рос. руб., доходы от пассажирских перевозок – 1,3 млн. рос. руб. Расходы на перевозки (Р) – 506,5 млн. рос. руб., в том числе прямые расходы на пассажирские перевозки – 13,9 млн. рос. руб., таким образом, расходы по перевозкам без учета прямых расходов на пассажирские перевозки – 492,6 млн. рос. руб. Превышение доходов над расходами составляет 219,6 млн. руб.

2. Коэффициент превышения расходов над доходами составляет:

$$K = \frac{P}{D} = \frac{492,6}{280,0} = 1,76 \quad (6)$$

Расходы ГП «Донецкая железная дорога» превышают доходы предприятия в 1,76 раза [3].

3. Расчет доходов ГП «Донецкая железная дорога» от грузовых перевозок, которые могли быть получены при отсутствии тарифного коэффициента [3]:

$$D_{\text{г}} = \frac{D}{1,3} = \frac{280,0}{1,3} = 215,38 \quad \text{млн. рос. руб.} \quad (7)$$

4. Определение коэффициента безубыточности грузовых перевозок ГП «Донецкая железная дорога» при отсутствии корректировочного коэффициента [3]:

$$K_{\text{б/у}} = \frac{P}{D_{\text{г}}} = \frac{492,6}{215,38} = 2,29 \quad (8)$$

Таким образом, в 2017 г. повышающий коэффициент должен был иметь значение не менее 2,29 [3].

Недостатком данного подхода выступает то обстоятельство, что расчет осуществляется только по отчетным данным и не предусматривает увеличение расходов в перспективе.

Второй – доходный подход, в основе которого находится трехвекторная модель определения платы за оказание транспортных услуг, ориентирован на использование в расчетах технико-экономический метода и метода корректировочного сравнения.

При этом плата за оказание транспортных услуг должна соответствовать тарифу:

$$\Pi = T. \quad (9)$$

Вектор предприятия: величина платы должна покрывать расходы предприятия и обеспечивать получение прибыли в объеме, достаточном для потребления и капитализации.

Потребительский вектор: величина платы не должна быть завышенной.

Юридический вектор: величина платы должна определяться с учетом изменяемости действующих тарифов.

Обоснование платы за оказание транспортных услуг предлагается осуществлять поэтапно:

Этап 1. Годовой прогноз финансовых показателей ГП «Донецкая железная дорога» технико-экономическим методом. Определение среднемесячных и среднедневных значений показателей.

Этап 2. Пересчет тарифов на услуги железнодорожного транспорта с учетом значений прогнозных среднедневных показателей, рассчитанных на Этапе 1.

Этап 3. Проверка соответствия стоимости транспортных услуг с учетом расчетных данных, полученных на Этапах 1 и 2, требованиям реальности.

Этап 4. Корректировка результатов прогнозных расчетов, полученных на Этапе 1 с учетом проверки, выполненной на Этапе 3.

Этап 5. Формирование тарифного «коридора» с учетом результатов расчетов, полученных на Этапах 3. и 4.

Финансовые показатели работы ГП «Донецкая железная дорога» свидетельствуют о необходимости определения тарифов на основе доходного подхода.

Предлагаемый технико-экономический метод определения целевой прибыли ориентируется не на небольшой горизонт планирования (период не более одного года), что объясняется возможным фактическим расхождением сумм расходов в течение длительного периода времени. Следовательно, данный план выступает краткосрочным прогнозом финансового результата предприятия. Основой для формирования краткосрочного прогноза выступают сведения о возможных изменениях расходов предприятия в ближайшей перспективе. Суммирование прогнозных величин расходов позволяет определить прогнозную себестоимость, которая автоматически отражается в краткосрочном прогнозе. В аналогичном порядке определяются прочие операционные и финансовые доходы и расходы, а их прогнозные величины отражаются в краткосрочном прогнозе.

Основой определения прогнозной величины чистой прибыли является утвержденный руководством порядок распределения чистой прибыли. Поэтому для определения прогнозной чистой прибыли достаточно рассчитать прогнозную величину одного из спецфондов, например фонда материального поощрения, поскольку его величина может быть рассчитана путем применения общего или среднего процента премиальной надбавки. Прогнозная величина чистой прибыли определяется путем применения простой математической пропорции. Перенос прогнозной величины чистой прибыли в краткосрочный прогноз приводит к расчету прогнозной валовой прибыли, прогнозного чистого дохода и прогнозной выручки от реализации (валового дохода) предприятия.

В качестве базовых величин показателей – элементов себестоимости, операционных, других расходов и доходов используются фактические значения показателей отчетного периода или ожидаемые значения показателей текущего периода.

С учетом порядка распределения чистой прибыли, а также с учетом процента премиальной надбавки (% ФОТ) методом простой математической пропорции рассчитаны сначала прогнозная величина фонда материального поощрения, а затем прогнозная чистая прибыль предприятия по формулам:

$$\text{ФМП} = \text{ПРОТ} \times \% \text{ФОТ} / 100 \%, \quad (10)$$

где ФМП – прогнозная величина фонда материального поощрения;

% ФОТ – процент премиальной надбавки.

$$\text{ЧП} = \text{ФМП} \times 100 \% / \% \text{ЧП}, \quad (11)$$

где % ЧП – процентная доля фонда материального поощрения в общей величине чистой прибыли согласно утвержденному порядку ее распределения.

Таким образом, в результате расчета получается сумма прибыли, которая потребуется предприятию в предстоящем периоде на организацию премиальных выплат, пополнение резервного капитала и на другие цели.

Порядок расчета дохода от основной деятельности представлен в таблице 1.

Предложенный метод позволяет достичь качества методического обеспечения, поскольку планово-прогнозные результаты, сформированные на основе реальных данных и

сведений, обеспечивают наибольшую приближенность к фактическим, что в свою очередь отвечает требованию оптимальности планов.

Выводы. Железнодорожный транспорт ДНР, представленный единственным предприятием ГП «Донецкая железная дорога», не является эффективно функционирующим. ГП «Донецкая железная дорога» имеет убытки по результатам основной деятельности – железнодорожным перевозкам, а именно по грузоперевозкам. Причиной образования убытков выступают необоснованно заниженные тарифы на грузоперевозки, что обусловлено применением затратного подхода к тарифообразованию.

Таблица 1

Порядок расчета дохода от основной деятельности предприятия железнодорожного транспорта

Показатель	Формула расчета
Доход от основной деятельности (Дод)	ЧД + Н
Налоги и сборы за вычетом налога на прибыль и ЕСВ (Н)	Согласно данным предприятия
Чистый доход (ЧД)	С + ВП
Себестоимость (С)	МЗ + ПРОТ + ПрПЗ + НР
материальные затраты (МЗ)	Согласно данным предприятия
расходы на оплату труда (ФОТ)	
Прочие прямые затраты (ПрПЗ)	
накладные расходы (НР)	
Валовая прибыль (ВП)	ФРод + АР + Пор
Административные расходы (АР)	Согласно данным предприятия
Прочие операционные расходы (Пор)	
Финансовый результат от операционной деятельности (ФРод)	ФР + ПР
Прочие расходы (ПР)	Согласно данным предприятия
Финансовый результат (ФР)	ЧП + НП
Налог на прибыль (НП)	$ЧП \cdot 20 \% / 80 \%$
Чистая прибыль (ЧП)	$ЧП = ФМП \cdot 100 \% / \% ЧП$
Фонд материального поощрения (ФМП)	$ФМП = ПРОТ \cdot \% ФОТ / 100 \%$

Сущность затратного подхода заключается в установлении тарифа на основе рассчитанной величина эксплуатационных затрат (себестоимости). Вместе с тем, выполнить расчет себестоимости не представляется возможным в связи, во-первых, с неотображением инфраструктурной, вагонной и локомотивной составляющих в расходных ставках; во-вторых, с неопределенностью источника исполнения социальных обязательств предприятия, которым выступает доход от основной деятельности; в-третьих, с отсутствием учета повышения цен на электроэнергию, горюче-смазочные материалы, инвентарь, оборудование и запасные части. Указанные недостатки обуславливают занижение тарифов на услуги грузоперевозок, которые оказывает предприятие. Для обеспечения безубыточной деятельности ГП «Донецкая железная дорога» предложены к реализации следующие подходы – 1-й – коэффициентный, предполагает увеличение тарифного коэффициента, 2-й – доходный, предусматривает изменение порядка расчета тарифов. В основе коэффициентного подхода находится сравнение себестоимости производства единицы продукции и тарифа на перевозку аналогичной массы груза на соответствующее расстояние. Недостатком данного подхода выступает то обстоятельство, что расчет осуществляется только по отчетным данным и не предусматривает увеличение расходов в перспективе.

Доходный подход основывается на формировании трехвекторной модели определения платы за оказание транспортных услуг, ориентирован на использование в расчетах технико-экономический метода и метода корректировочного сравнения. Предлагаемый технико-экономический метод определения целевой прибыли ориентируется не небольшой горизонт планирования (период не более одного года), что объясняется возможным фактическим расхождением сумм расходов в течение длительного периода времени. Следовательно,

данный план выступает краткосрочным прогнозом финансового результата предприятия (прибыли), которая потребуется предприятию в предстоящем периоде на выполнение социальных обязательств, пополнение резервного капитала и на другие цели. Планово-прогнозные результаты, сформированные на основе реальных данных о расходах, обеспечивают наибольшую приближенность к фактическим, что в свою очередь отвечает требованию оптимальности планов.

Литература

1. Збірник тарифів на перевезення вантажів залізничним транспортом у межах України та пов'язані з ними послуги: тарифне керівництво № 1. – К.: Друкарня КІЗТ, 2009. – 200 с.
2. Методика розрахунку тарифів на перевезення вантажів залізничним транспортом [Наказ Міністерства інфраструктури України від 20.06.2013 р. № 418]. – 13 с.
3. Шеховцов А.И. Отчет о научно-исследовательской работе «Технико-экономическое обоснование соответствия действующих тарифов на перевозку грузов уровню затрат ГП «Донецкая железная дорога» / А.И. Шеховцов, Ю.В. Доценко. – Донецк: ДОНИЖТ, 2017. – 23 с.
4. Терёшина Н.П. Экономика железнодорожного транспорта: учебник / Н.П. Терёшина, Л.П. Левицкая, Л.В. Шкурина. – М.: ФГБОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2012. – 536 с.
5. Чеклов В.Ф. Экономика железнодорожного транспорта: учеб. пособие / В.Ф. Чеклов, В.А. Зова, Л.В. Коваленко. – Донецк: ДонИЖТ, 2012. – 292 с.

References

1. Collection of tariffs on cargo railway transportation in Ukraine and related services: tariff guide № 1. K.: KIZT Press, 2009, 200 p.
2. Method of calculating tariffs on cargo railway transportation. Order of the Ministry of Infrastructure of Ukraine № 418 dd. 20.06.2013, 13 p.
3. Shekhovtsov a.I. Report on the research paper «The technical and economic feasibility study for the matching between current tariffs on cargo railway transportation and the expenditure level of the SE «Donetsk railway». Donetsk: Donetsk Railway Transport Institute, 2017, 23 p.
4. Tereshina n.P. Economy of railway transport: textbook. M.: FGBOU «Training center for education in railway transport», 2012, 536 p.
5. Cheklov v.F. Economy of railway transport: learning guide. Donetsk: Donetsk Railway Transport Institute, 2012, 292 p.

ОСОБЕННОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Белащенко Дмитрий Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
dmi-belashhenko@yandex.ru

Котов Михаил Владимирович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
kotov.m95@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности приграничного сотрудничества на постсоветском пространстве. Особое внимание авторы уделяют влиянию наиболее важных региональных политических процессов: украинский кризис, смена лидеров и режимов в ряде стран СНГ, евразийская интеграция.

Ключевые слова: постсоветское пространство, приграничное сотрудничество, интеграционные процессы, региональные политические процессы, украинский кризис, еврорегионы.

FEATURES OF CROSS-BORDER COOPERATION IN THE POST-SOVIET SPACE IN THE CONTEXT OF REGIONAL POLITICAL PROCESSES

Belashchenko, Dmitry

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
dmi-belashhenko@yandex.ru

Kotov, Mikhail

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
kotov.m95@yandex.ru

Abstract: The article discusses some features of cross-border cooperation in the post-Soviet space. The authors pay special attention to the influence of the most important regional political processes: the Ukrainian crisis, the change of leaders and regimes in a number of CIS countries, and the Eurasian integration.

Key words: post-Soviet space, cross-border cooperation, integration processes, regional political processes, the Ukrainian crisis, Euroregions.

Известные российские исследователи Ю.В. Косов и А.В. Торопыгин отмечают, что «приграничное сотрудничество во всех государствах является важным инструментом проведения внешней политики. Его основная цель — социально-экономическое развитие государств, налаживание и расширение связей между сопредельными регионами. Базой успешного развития приграничного сотрудничества являются добрососедские отношения сторон на государственном уровне, развитая законодательная база (рамочные соглашения о сотрудничестве, законодательное регулирование таможенных правил, отмена практики двойного налогообложения, упрощение процедуры перемещения грузов) и желание регионов участвовать в развитии сотрудничества» [8, с. 90-91].

Распад СССР начале 1990-х годов стал катализатором множественных изменений, произошедших как на глобальном уровне в рамках системы международных отношений, так и на региональном. Образование новых 15 государств не могло не повлечь за собой большого количества спорных и конфликтных ситуаций, связанных, в том числе, и с вопросом о признании территориальной целостности друг друга, обустройстве новых границ и налаживании взаимоотношений в новой политико-экономической ситуации. Проблема приграничного взаимодействия изначально была весьма актуальной для постсоветского пространства, поскольку сочетала в себе целый комплекс факторов, влиявших на развитие новых независимых государств.

Необходимо выделить следующие аспекты:

Политический. Внутренние административные границы в СССР часто формировались без учета всех особенностей той или иной территории. Во многом из-за этого незадолго до распада страны возник или обострился ряд конфликтов. С возникновением новых независимых государств этот фактор не утратил своей актуальности, а проблема приграничных регионов и территорий наглядно продемонстрировала себя в период украинского кризиса.

Экономический. Как пишет Л.Б. Вардомский, «новые границы разделило единое в советский период экономическое пространство. Большая часть унаследованных хозяйственных связей в условиях появления новых пограничных барьеров, а также одновременно осуществляемых рыночных реформ, стала экономически неэффективной. Этим объясняется сильный спад производства и длительная депрессия хозяйства приграничных районов» [2].

Социальный. Для приграничных регионов характерно активное перемещение населения. Это может быть связано с разными причинами: осуществление трудовой деятельности, наличие родственников, близких, друзей на сопредельной территории, туризм и рекреация и т.д. Возникновение государственных границ на месте ранее внутренних административных внесло существенные изменения в привычный жизненный уклад большого количества людей. Наиболее сильно это повлияло на Российскую Федерацию, многие регионы которой получили статус пограничных.

Исторический. В ходе длительного процесса развития ряд регионов экономически и культурно ориентировались на соседние республики (например, Донбасс и Северный Казахстан были связаны с РСФСР, Нагорный Карабах – с Армянской ССР и т.д.). В сочетании с политической составляющей это привело к существенным проблемам после распада СССР.

Безопасность. Возникновение большого количества новых международных границ неизбежно повлекло за собой комплекс мер по обеспечению государственной и национальной безопасности. В сложившихся условиях границы должны были выполнять не только функцию «моста», связующего страны постсоветского пространства, но и защитного барьера, ограждающего от вызовов и угроз. В частности, страны Центральной Азии стали перевалочной базой для наркотрафика и международных террористов [1].

Несмотря на стремление политических элит и части населения республик бывшего СССР к обретению суверенитета и независимости, сложившиеся в первой половине 1990-х годов условия продемонстрировали неспособность стран постсоветского пространства решить все проблемы самостоятельно. Фактическое отсутствие у большинства новых государств опыта независимого существования, распад единой экономической системы, нарушение производственных цепочек, резкое падение уровня жизни стали своеобразными катализаторами для выстраивания и сохранения политических, экономических и социальных связей со своими соседями. По мнению П.Е. Дорониной, «многие регионы, столкнувшись с необходимостью самостоятельного администрирования хозяйственной и политической жизни, вполне логично приняли решение использовать свой географический потенциал и самостоятельно искать партнеров в ближнем зарубежье, определять направления и модели сотрудничества с ними. Облегчала данную задачу и сохранявшаяся единая

самоидентификация если не элит, то большинства населения соответствующих территорий. Тем не менее, многие вопросы, имеющие отношение к приграничному сотрудничеству, выходили за пределы компетенции органов власти приграничных территорий и требовали регламентации на уровне центрального правительства или даже межгосударственном уровне» [5, с. 180-181].

Стоит отметить, что на протяжении довольно длительного времени приграничное сотрудничество не получало значительной поддержки со стороны государств, а потенциал сотрудничества на уровне регионов и территорий ограничивался внутренним законодательством стран постсоветского пространства. Другой негативной тенденцией было отсутствие единого подхода к приграничному сотрудничеству в рамках региональных международных организаций (в т.ч. и интеграционных). Фактически приграничное сотрудничество базировалось на двусторонних соглашениях. Наиболее активными акторами в этой сфере выступали регионы Российской Федерации, Украины и Республики Беларусь.

К настоящему моменту сформировалось несколько моделей приграничного сотрудничества, в разные периоды создававшихся на постсоветском пространстве:

Традиционная модель, в основе которой «лежит существенная разница цен на товары и услуги по обе стороны границы, а экономический эффект связан с расширением рынка сбыта для одной стороны и получением более дешевых товаров и услуг для другой стороны» [11, с. 119]. На данный момент потенциал этой модели во многом исчерпан, поскольку большинство цен на товары и услуги в странах постсоветского пространства находятся на схожем уровне. Кроме того, эта модель во многом зависит от пограничной, таможенной, миграционной, налоговой и тарифной политики того или иного государства [2].

Преференциальная модель, предполагающая предоставление преференций приграничным регионам. Эта модель может реализовываться и на двусторонней, и на односторонней основе.

Партнерская или институциональная модель «базируется на договорных отношениях, совместных проектах и программах, а также специально создаваемых организациях. Эффективность этой модели зависит от уровня децентрализации власти и государственных финансов, развития гражданского общества сотрудничающих стран» [2].

Одной из наиболее распространенных и эффективных форм взаимодействия в рамках партнерской модели является еврорегион, возникший в ходе развития и институционализации Европейского союза [3]. Несмотря на то, что данная форма приграничного сотрудничества сталкивается с рядом проблем в рамках адаптирования к условиям постсоветского пространства, следует помнить, что в ходе европейской интеграции данный институт создавался в течение нескольких десятилетий [6].

Наиболее активно еврорегионы создавались с участием регионов Российской Федерации, Украины и Республики Беларусь. Кроме того, существуют еврорегионы, созданные на территории стран постсоветского пространства (российско-украинские «Донбасс», «Слобожанщина», «Ярославна», российско-украинско-белорусский «Днепр»). Некоторые исследователи отмечают наличие элементов еврорегионов в объединениях стран, частично или полностью находящихся за пределами Европы («Большой Алтай», включающий регионы Российской Федерации, Казахстана, Китая и Монголии) [15, с. 22].

В последнее время наблюдаются изменения и в правовом обеспечении приграничного сотрудничества [7, 10]. Характерно, что эти процессы реализуются и на национальном, и на субрегиональном уровнях (в рамках Евразийского экономического союза).

В то же время на фоне определенных достижений в сфере приграничного сотрудничества за неполные два десятилетия на постсоветском пространстве имели место события и процессы, негативно повлиявшие на развитие данного явления. Причем они были вызваны как действиями конкретных стран, так и общерегиональными тенденциями.

Одним из основополагающих кризисных факторов стала неэффективность Содружества Независимых Государств как базовой региональной организации. Позиция политико-экономических элит не способствовала сближению стран в рамках СНГ.

Дискуссии о необходимости реформирования организации пока не привели к практическим изменениям. Постепенно акценты были смещены в сторону менее масштабных по численности объединений, но имеющих в составе участников с относительно схожими целями. Речь, прежде всего, идет о ЕАЭС [4, с. 28-30].

Следующим фактором можно считать нестабильность всего региона постсоветского пространства. Неоднократные цветные революции, недемократические смены политических режимов, периодические внутренние кризисы, неурегулированные этно-территориальные конфликты сказываются как на развитии приграничного сотрудничества, так и на готовности внешних инвесторов к вкладыванию средств в проекты на территории региона.

К относительно негативным факторам стоит также отнести естественный процесс постепенной смены политических элит в странах постсоветского пространства. Если в период 1990-х и начала 2000-х годов многие вопросы двустороннего сотрудничества решались за счет личных контактов представителей государственных и региональных органов власти, то в последние годы эта ситуация значительно трансформировалась. Кроме того, в ряде случаев смена представителей элит и органов власти была связана с последствиями цветных революций, которые практически всегда влекли за собой и переориентацию внешнеполитического курса страны.

Наиболее значимым событием последних лет, оказавшим влияние на постсоветское пространство, стал украинский кризис. По мнению некоторых исследователей, он стал катализатором коренных изменений не только в регионе, но и во всей системе международных отношений [13]. Не стало исключением и приграничное сотрудничество на постсоветском пространстве, также попавшее под влияние последствий кризиса.

Прежде всего, стоит отметить, что украинский кризис повлиял на темпы евразийской интеграции (наиболее важного процесса для современного постсоветского пространства). Кроме того, наиболее негативные последствия украинский кризис имел и для отношений Российской Федерации с ключевыми странами данного процесса – Республикой Беларусь и Казахстаном. Именно с этими странами, наряду с Украиной, Москва имела наиболее продуктивные и устойчивые приграничные связи. Для Республики Беларусь и Казахстана последствия украинского кризиса актуальны в силу наличия протяженных общих границ с Российской Федерацией, этнической неоднородности (Казахстан), наличия комплекса этнических и лингвистических противоречий, желания проводить многовекторную внешнюю политику, «дилеммы интеграций» [12, 14].

Кроме того, резкое ухудшение отношений Российской Федерации с Украиной фактически прекратило приграничное сотрудничество и привело к сворачиванию ряда программ и проектов. Однако в некоторых случаях, как с еврорегионом «Донбасс», напротив, произошло определенное стимулирование для «реновации» стагнирующего экономического объединения [19].

В целом, современный этап развития постсоветского пространства является во многом переломным как для самого региона и стран, входящих в него, так и для перспектив приграничного сотрудничества. С одной стороны, на этот процесс будут влиять темпы интеграции, прежде всего, евразийской. При успешном развитии ЕАЭС приграничное сотрудничество получит новые стимулы для реализации, а также получит новые направления в случае привлечения новых членов в союз.

С другой стороны, украинский кризис далек от своего завершения, и потому продолжит оказывать негативное влияние как на евразийскую интеграцию, так и на приграничное сотрудничество. В этих условиях российскому руководству следует использовать имеющиеся в наличии механизмы и инструменты для смягчения его негативных эффектов. В рамках приграничного сотрудничества это может означать диверсификацию направлений и сфер взаимодействия, т.е. отход от традиционной ставки на экономику и бизнес в сторону развития социокультурных, научных образовательных связей, более активному продвижению проекта «Русского мира» и использования потенциала русского и русскоязычного населения стран постсоветского пространства.

Литература

1. Бочарников И.В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве [Электронный ресурс] / Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. Электрон. дан. URL: <https://nic-pnb.ru/articles/prigranichnoe-sotrudnichestvo-kak-faktor-obespecheniya-bezopasnosti-rossii-v-pogranichnom-prostranstve/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 28.08.2019).
2. Вардомский Л.Б. Новые факторы приграничного сотрудничества стран СНГ [Электронный ресурс] / Высшая школа экономики. Электрон. дан. URL: <https://www.hse.ru/data/909/314/1234/56.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 28.08.2019).
3. Верхутина М.В. Модель еврорегионов как способ повышения эффективности развития международных связей приграничных субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] / Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Электрон. дан. URL: <http://www.rane-brf.ru/conference/2012/verhutina.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 28.08.2019).
4. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. М. Издательство «Аспект Пресс», 2017. 496 с.
5. Доронина П.Е. Приграничное сотрудничество в рамках постсоветского пространства: основы международно-правовой регламентации // Юриспруденция: вопросы российского и международного права. 2016. №11. С. 179-188.
6. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции [Электронный ресурс] / Мировая экономика: новости, статьи, аналитика, статистика. Электрон. дан. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=223&type=news&newsid=1466>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 28.08.2019).
7. Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс] / Сайт Президента России. Электрон. дан. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 28.08.2019).
8. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты: Учебник. М. Аспект Пресс, 2012. 296 с.
9. Митрофанова И.В., Русскова Е.Г., Буянова М.Э. Трансграничное сотрудничество в рамках Еврорегиона «Донбасс»: история и перспективы / Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: материалы V научно-практической конференции с международным участием, [8 июня 2018г., г. Петрозаводск] / Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт экономики КарНЦ РАН; [отв.ред.: Т.В. Морозова, Н.Г. Колесников]. – Петрозаводск: Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», 2018. С. 160-164.
10. Решение Высшего Евразийского Экономического Совета от 16 октября 2015 г. № 28 «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г.» [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия. Электрон. дан. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents/%d0%a0%d0%b5%d1%88%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20e2%84%9628%20%d0%9e%d0%9d%d0%ad%d0%a0.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 28.08.2019).
11. Синяговский А.В. Модели приграничного сотрудничества на постсоветском пространстве: итоги и пути развития // Проблемы постсоветского пространства. 2016. №1. С. 116-122.
12. Скриба А.С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т.9. №3. С. 96-111.
13. Тренин Д.В. Украинский кризис и возобновление великодержавного соперничества [Электронный ресурс] / Фонд Карнеги. Электрон. дан. URL: <https://carnegie.ru/2014/10/15/ru-pub-56935>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 28.08.2019).
14. Троицкий М., Чарап С. Дилемма интеграции на постсоветском пространстве СМИ [Электронный ресурс] / Журнал «Международные отношения». Электрон. дан. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dilemma-integracii-na-postsovetskom-prostranstve-16177>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 28.08.2019).
15. Шлапек Е.А. Модели приграничного сотрудничества регионов России // Общество. Среда. Развитие. 2018. №1. С. 20-24.

References

1. Bocharnikov I.V. Prigranichnoe sotrudnichestvo kak faktor obespecheniya bezopasnosti Rossii v pogranichnom prostranstve [Elektronnyj resurs] / Nauchno-issledovatel'skij centr problem nacional'noj bezopasnosti. Elektron. dan. URL: <https://nic-pnb.ru/articles/prigranichnoe-sotrudnichestvo-kak-faktor-obespecheniya-bezopasnosti-rossii-v-pogranichnom-prostranstve/>, svobodnyj. Zagl. s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 28.08.2019).

2. Vardomskij L.B. Novye faktory prigranichnogo sotrudnichestva stran SNG [Elektronnyj resurs] / Vysshaya shkola ekonomiki. Elektron. dan. URL: <https://www.hse.ru/data/909/314/1234/56.pdf>, svobodnyj. Zagl. s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 28.08.2019).
3. Verhutina M.V. Model' evroregionov kak sposob povysheniya effektivnosti razvitiya mezhdunarodnyh svyazey prigranichnyh sub"ektov Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] / Bryanskij filial Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF. Elektron. dan. URL: <http://www.rane-brf.ru/conference/2012/verhutina.pdf>, svobodnyj. Zagl. s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 28.08.2019).
4. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red-sost. D.A. Degterev, K.P. Kurylev. M. Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. 496 s.
5. Doronina P.E. Prigranichnoe sotrudnichestvo v ramkah postsovet'skogo prostranstva: osnovy mezhdunarodno-pravovoj reglamentacii // YUrisprudentsiya: voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2016. №11. S. 179-188.
6. Evroregiony kak faktor uspeshnoj mezhdunarodnoj integracii [Elektronnyj resurs] / Mirovaya ekonomika: novosti, stat'i, analitika, statistika. Elektron. dan. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=223&type=news&newsid=1466>, svobodnyj. Zagl. s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 28.08.2019).
7. Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii, utv. Ukazom Prezidenta RF ot 30 noyabrya 2016 g. [Elektronnyj resurs] / Sajt Prezidenta Rossii. Elektron. dan. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>, svobodnyj. Zagl. s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 28.08.2019).
8. Kosov Yu.V., Toropygin A.V. Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: Integraciya, parlamentskaya diplomatiya i konflikty: Uchebnik. M. Aspekt Press, 2012. 296 s.
9. Mitrofanova I.V., Russkova E.G., Buyanova M.E. Transgranichnoe sotrudnichestvo v ramkah Evroregiona «Donbass»: istoriya i perspektivy / Perspektivy social'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnyh regionov: materialy V nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, [8 iyunya 2018g., g. Petrozavodsk] / Federal'nyj issledovatel'skij centr «Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk», Institut ekonomiki KarNC RAN; [otv.red.: T.V. Morozova, N.G. Kolesnikov]. – Petrozavodsk: Federal'nyj issledovatel'skij centr «Karel'skij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk», 2018. S. 160-164.
10. Reshenie Vysshego Evrazijskogo Ekonomicheskogo Soveta ot 16 oktyabrya 2015 g. № 28 «Osnovnye napravleniya ekonomicheskogo razvitiya EAES do 2030 g.» [Elektronnyj resurs] / Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya. Elektron. dan. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents/%d0%a0%d0%b5%d1%88%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20%e2%84%9628%20%d0%9e%d0%9d%d0%ad%d0%a0.pdf, svobodnyj. Zagl. s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 28.08.2019).
11. Sinyagovskij A.V. Modeli prigranichnogo sotrudnichestva na postsovet'skom prostranstve: itogi i puti razvitiya // Problemy postsovet'skogo prostranstva. 2016. №1. S. 116-122.
12. Skriba A.S. Vyzovy i perspektivy evrazijskoj integracii posle ukrainskogo krizisa // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2014. T.9. №3. S. 96-111.
13. Trenin D.V. Ukrainskij krizis i vozobnovlenie velikoderzhavnogo sopernichestva [Elektronnyj resurs] / Fond Karnegi. Elektron. dan. URL: <https://carnegie.ru/2014/10/15/ru-pub-56935>, svobodnyj. Zagl. s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 28.08.2019).
14. Troickij M., Charap S. Dilemma integracii na postsovet'skom prostranstve SMI [Elektronnyj resurs] / ZHurnal «Mezhdunarodnye otnosheniya». Elektron. dan. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Dilemma-integracii-na-postsovet'skom-prostranstve-16177>, svobodnyj. Zagl. s ekrana. Yaz. rus. (data obrashcheniya: 28.08.2019).
15. Shlapeko E.A. Modeli prigranichnogo sotrudnichestva regionov Rossii // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2018. №1. S. 20-24.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВИТЕБСКОГО РЕГИОНА КАК ПРИМЕРА ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Богатырева Валентина Васильевна

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь
vsu@vsu.by*

Аннотация. Рассмотрены основные блоки факторов, влияющих на состояние и перспективы развития Витебского региона. Определены закономерности социально-экономического развития региона и качественного уровня человеческого капитала. Выявлена его роль, как фактора экономического роста и инновационного развития приграничных территорий.

Ключевые слова: Темпы роста, технологические уклады, человеческий капитал, национальное богатство, инновации.

STATE AND PROSPECTS OF VITEBSK REGION DEVELOPMENT AS AN EXAMPLE OF THE BORDER AREA

Bogatyreva, Valentina

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
vsu@vsu.by*

Abstract. The article describes the main blocks of factors affecting the state and prospects of Vitebsk region development. The patterns of region socio-economic development and the quality of human capital are defined. The role of human capital as a factor of economic growth and innovative development of border areas are revealed.

Key words: Human capital, national wealth, innovation, investment, knowledge intensity.

Витебский регион, являясь одним из 6 регионов Республики Беларусь, включает в свой состав: 21 район, 2 города областного подчинения (Витебск, Новополоцк), 14 городов районного подчинения, 23 посёлка городского типа, 6 480 сельских населённых пунктов. Немало важен тот факт, что регион так же граничит с Латвией, Литвой и Россией. Данный факт не мог не отразиться на историко-культурном и социально-экономическом развитии.

В ходе исследования были выявлены блоки факторов, влияющих на основные процессы региона, а именно:

- Технологический блок факторов;
- Политический блок факторов;
- Социально-экономический блок факторов.

Сегодня технологический блок факторов лежит в основе развития современных технологий, необходимых для реализации в Республике Беларусь Четвертого и Пятого Технологических укладов и перехода к Шестому технологическому укладу в соответствии с Государственной программой «Наукоемкие технологии и техника» на 2016-2020 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2016 г. № 327 [1]. Именно в этих целях выделяются средства из государственного бюджета и внебюджетных фондов на финансирование научно-исследовательских разработок. Основная цель их выделения:

- организация высокотехнологичных наукоемких производств;
- разработка новых передовых технологий;
- освоение новых знаний, получение высокопрофессиональных навыков и т.д.

Более 50% промышленных предприятий Витебского региона производят продукцию в рамках третьего технологического уклада, связанную с нефтепереработкой, машиностроением, электроникой, легкой промышленностью и т.д. Около 40% промышленности приходится на производство продуктов четвертого технологического уклада (телекоммуникации, производство компьютерной техники и т.д.). Менее 10% заняты в экономике производством пятого технологического уклада (биотехнологии, микроэлектроника, информатика).

На сегодняшний день существует риск отставания и застоя технологического развития и увеличения технологического разрыва с соседними приграничными территориями других государств. Поэтому весьма актуальным методом преодоления данного разрыва являются совместно проводимые исследования в целях обмена опытом и выработки единых механизмов развития инновационной составляющей приграничных территорий.

Необходимо так же заметить, что промышленные производства, особенно третьего технологического уклада, привели Витебский регион к тяжелой экологической ситуации. Безусловно наиболее серьезное опасение вызывает обстановка городов Полоцка и Новополоцка. Через органы местного самоуправления реальной представляется возможность повышение уровня и качества жизни в городах. Например, предложить разработку специальной программы льготного кредитования субъектов хозяйствования с целью обновления основного технологического оборудования и внедрения очистных сооружений.

Данное направление так же будет весьма актуально для совместных экологических научных исследований в целях разработки инновационных экологически чистых технологий, а также новых способов и методов промышленного производства.

Итогом масштабных совместных научных исследований может стать единая сеть трансфера технологий, позволяющей унифицировать процесс регулирования интеллектуальных прав, исключительных прав на объекты промышленной собственности в рамках приграничных территорий Литвы, Латвии, России и Витебского региона. Именно механизм международного проектного научно-технологического сотрудничества с разработкой инновационных наукоемких продуктов будет наиболее действенным в целях повышения позиций приграничных территорий Республики Беларусь, Латвии, Литвы и России в технологическом и экономическом пространстве. Первым шагом к интеграции Витебской области и приграничной территории других государств, в первую очередь России, может стать разработка единых межгосударственных стандартов промышленного производства, способствующих в будущем унифицировать процессы взаимного признания результатов научных исследований, ускорению роста торговли, обеспечению производственной кооперации и обмена интеллектуальной собственностью.

Особое значение для возможности интеграционных процессов приграничных территорий носит политический блок, включающих внутренние и внешние факторы. Именно политический курс соседствующих государств лежит в основе развития направлений сотрудничества, торговых путей, экспортно-импортных отношений и т.д. В рамках Витебского региона именно данный фактор лег в основу более тесной связи приграничных регионов Республики Беларусь и России, как Союзного Государства. Латвия и Литва, как представители Европейского Союза, в первую очередь рассматривают регион в качестве рынка сбыта, транзитной территории, рынка топливных ресурсов.

В данном контексте интеграционные процессы Республики Беларусь и России, как Союзного Государства, сформировали прочный фундамент двустороннего развития территорий. Витебский регион наладил тесное сотрудничество с Псковской, Смоленской, и другими областями России.

Далее выделим социально-экономические факторы, влияющие на процессы развития Витебского региона и соседних приграничных территорий:

- Общие историко-культурные ценности и традиции регионов;
- Схожая структура экономик регионов;
- Схожая демографическая ситуация регионов;

- Экспортно-импортные отношения регионов;
- Зависимость качественной составляющей национального богатства от качества формирующего его человеческого капитала;
- Наличие международных научных и инфраструктурных проектов развития приграничных территорий (Литва-Латвия-Беларусь, EuropeAid, Erasmus+, Horizon 2020, проекты Союзного Государства, конкурсы приграничных территорий и т.д.);
- Трудовая миграция в рамках приграничных территорий.

Самый главный социально-экономический фактор развития сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации — это общие историко-культурные ценности и традиции государств-партнеров. Это стало основой для рассмотрения возможности и налаживания интеграционных процессов на всем протяжении сотрудничества между странами и послужило не маловажным фактором в построении партнерских взаимоотношений во всех сферах экономики.

Между Витебским регионом и приграничными регионами Литвы, Латвии и России просматриваются общие черты экономического состояния:

- схожая территория по географическому признаку;
- составу природных ресурсов и ископаемых,
- соответствие экономических структур;
- уровень развития производительных сил;
- социокультурные особенности и т.д.

Отдельно следует заметить, что в рамках развития приграничных территорий Республики Беларуси и России, как Союзного государства, уже прослеживается производственная кооперация путем создания совместных предприятий, учреждений и общественных объединений, формируется единый рынок сбыта и т.д.

Экспортно-импортные отношения указанных приграничных территорий - один из важнейших факторов их кооперации. Витебский регион для многих территорий является товарным коридором для транспортировки экспортируемых и импортируемых товаров. В основном из приграничных территорий Республики Беларусь в Российскую Федерацию экспортируются:

- Молочные продукты;
- Мясные продукты;
- Автомобили грузовые;
- Тракторы и седельные тягачи;
- Тара пластмассовая и т.д.

Из приграничных территорий соседних государств в Республику Беларусь в основном импортируются:

- Нефть и газ;
- Бытовая химия;
- Черные металлы;
- Автомобили легковые;
- Провода, кабели;
- Телевизоры и т.д.

Однако для Витебского региона и приграничных к нему территорий Латвии Литвы и России характерна сложная демографическая ситуация, связанная не только с естественной убылью населения и его старением, но и трудовой миграцией. Результатами таких тенденций являются:

- сокращается трудоспособное население,
- проявляется дефицит рабочей силы,
- снижается уровень ВВП,
- увеличение расходов на пенсионное обеспечение и т.д.

Данные изменения отрицательно сказываются не только на качественных и количественных показателях человеческого капитала, но и снижают объемы национального

богатства, элементами которого наряду с человеческим выступают физический и природный капиталы. Необходимо заметить, сегодня наблюдается тенденция замещения физического капитала человеческим, что подтверждает его важность на микро-, мезо- и макроуровнях. Именно человеческий капитал выступает основой внедрения высокотехнологичных производств и выведения на рынок наукоемких продуктов, являющихся наиболее востребованными в экспортно-импортных отношениях.

По данным Всемирного Банка в Республике Беларусь, как и в России, Латвии и Литве, в структуре национального богатства преобладает именно человеческий капитал [2]. Его доля указанных стран колеблется в диапазоне от 45 до 50%. К тому же, указанные страны характеризуются высоким уровнем ИЧР (Индекс человеческого развития) [3]. Данная тенденция в полной мере отражает накопленный человеческий капитал приграничных регионов Республики Беларусь, России, Латвии и Литвы. Следовательно, справедливо назвать его важнейшим элементом национального богатства и фактором экономического роста.

В то же время наличие качественного человеческого капитала не является достаточным фундаментом для развития инновационной экономики [4]. Весьма важным так же является финансирование наукоемких отраслей экономики, так как инвестиции, направляемых в научно-исследовательский сектор, способствуют повышению уровня человеческого развития государства и ведут к повышению эффективности инновационного развития [5].

Таким образом, были определены основные блоки факторов, оказывающие наибольшее влияние на эффективность развития Витебского региона, как приграничной территории Республики Беларусь.

Проведенное исследование позволило сформировать следующие выводы:

1. Для эффективного развития приграничных территорий Республики Беларусь, Латвии, Литвы, России и преодоления технологических разрывов необходимо проведение совместных исследований в целях обмена опытом и выработки единых механизмов развития инновационной составляющей.

2. Между Витебским регионом и приграничными регионами Литвы, Латвии и России просматриваются общие черты экономического состояния:

- схожая территория по географическому признаку;
- составу природных ресурсов и ископаемых,
- соответствие экономических структур;
- уровень развития производительных сил;
- социокультурные особенности и т.д.

3. Наличие инвестиционных ресурсов, направляемых в научно-исследовательский сектор, способствует повышению уровня человеческого развития государства и ведет к повышению эффективности инновационного развития.

Процесс экономического сотрудничества приграничных территорий способствует их гармоничному развитию, обеспечивает рост промышленности, внешнеторговых отношений, образовательной среды и социально-экономических условий функционирования государств.

Литература

1. Государственная программа «Наукоемкие технологии и техника» на 2016-2020 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2016 г. № 327 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600327>. – Дата доступа: 16.05.2019.
2. Changing Wealth of Nations. Всемирный банк. – [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=GII-Home>. – Date of access: 19.04.2019.
3. Human Development Reports // United Nations Development Programme. – The Human Development Report Office, 2016. – [Electronic resource]. – 1991. – Mode of access: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_RU_Complete.pdf. – Date of access: 19.04.2019.

4. Богатырева, В. В. Факторы, влияющие на интеграционные процессы экономик Республики Беларусь и Российской Федерации / В. В. Богатырева, Ю. Ш. Салахова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 3. – С. 19–30.
5. Богатырёва, В. В. Индикаторы инвестиционной привлекательности и повышения инвестиционной активности и экономического роста / В. В. Богатырева, С. В. Бословяк // Иктисод ва молия (Экономика и финансы) – 2017, Узбекистан. – № 5. – С. 61–70.

References

1. State program "High technologies and equipment" for 2016-2020, approved by the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated April 21, 2016 № 327 // national legal Internet portal of the Republic of Belarus [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600327>. – Date of access: 16.05.2019.
2. Changing Wealth of Nations. World bank. – [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=GII-Home>. – Date of access: 19.04.2019.
3. Human Development Reports // United Nations Development Programme. – The Human Development Report Office, 2016. – [Electronic resource]. – 1991. – Mode of access: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_RU_Complete.pdf. – Date of access: 19.04.2018.
4. Bogatyreva, V. V. Factors affecting the integration process of the economies of the Republic of Belarus and the Russian Federation / V. V. Bogatyreva, Y. Sh. Salakhova // Law. Economy. Psychology. – 2018. – No. 3. – P. 19-30.
5. Bogatyreva, V. V. Indicators of investment attractiveness and improvement of investment activity and economic growth / V. V. Bogatyrev, S. V. Boslaviak // Itiod VA Malia (Economics and Finance) – 2017, Uzbekistan. – No. 5. – S. 61-70.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ И ФИНЛЯНДИИ

Быкова Анастасия Николаевна

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия
anaamalia20696@gmail.com*

Аннотация. В статье ставится задача проанализировать применение практики социального волонтерства в Республике Карелия и Финляндии. В результате проведенного анализа автор делает вывод о сходствах и различиях добровольческой системы в социальных сферах Карелии и Финляндии.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, социальная сфера, социальное волонтерство, получатель социальных услуг.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF VOLUNTEERING IN THE SOCIAL SPHERE IN THE REPUBLIC OF KARELIA AND FINLAND

Bykova, Anastasiia

*Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia
anaamalia20696@gmail.com*

Abstract. The article aims to analyze the practice of social volunteering in the Republic of Karelia and Finland. As a result of the analysis, the author concludes about the similarities and differences of the volunteer system in the social spheres of Karelia and Finland.

Key words: volunteering; social sphere; social volunteering; recipient of social services.

С 1 мая 2018 года в Российской Федерации вступил в силу закон о волонтерстве. Принятый закон уравнивает понятия волонтерства и добровольчества, дает им официальное определение. Закон обязывает заключать договоры с добровольными помощниками, где должны быть прописаны все их права, в свою очередь, организация, привлекающая добровольцев, может обязать их не разглашать конфиденциальных сведений [1].

Наибольшую популярность из всех форм волонтерства имеют добровольчество на массовых мировых и национальных событиях, в спорте, культуре [3, с. 74]. Социальное волонтерство и помощь нуждающимся в Карелии только приобретает популярность среди молодежи.

Под социальным добровольчеством понимается волонтерская деятельность, направленная на помощь незащищенным слоям населения, эта помощь может быть медицинского или социального характера. Направлениями такой деятельности являются: помощь детям, оставшимся без попечения родителей, в социализации, социальной, интеллектуальной, психологической помощи; помощь людям с инвалидностью в реабилитационных мероприятиях; социальное сопровождение граждан, освободившихся из мест лишения свободы; помощь и уход за пожилыми людьми и т.д. (рис. 1). Наиболее постоянными являются помощь волонтеров в социальных учреждениях, в организации досуга [2, с. 6].

На основании Закона [1] и определения нуждаемости в добровольческих услугах получателей социальных услуг в Карелии (рис. 2) было издано методическое пособие «Луч

света» [6]. В пособии подробно описан механизм оказания добровольческих услуг (рис. 3) в стационарных учреждениях для людей пожилого возраста. Программа «Луч света» была апробирована в Государственном бюджетном стационарном учреждении социального обслуживания Республики Карелия «Петрозаводский дом-интернат для ветеранов» (ГБСУ СО РК «Петрозаводский ДИ»), проект программы был поддержан в конкурсе «Активное поколение» благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. С 20 сентября 2019 года применение механизма программы «Луч света» будет реализовываться во всех стационарных учреждениях для пожилых людей в Республике Карелия.

Рисунок 1. Направления социального добровольчества¹

Помощь добровольцев детям, оказавшимся без попечения родителей, осуществляется через благотворительный фонд «Материнское сердце», где действуют свои программы подготовки волонтеров.

Рисунок 2. Степень нуждаемости в добровольческих услугах получателей социальных услуг в Государственном бюджетном стационарном учреждении социального обслуживания Республики Карелия «Петрозаводский дом-интернат для ветеранов»²

¹Белановский Ю. С. Мир социального волонтерства / Ю. С. Белановский, И. В. Ширшова // Москва: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. – 96 с.

²Исследование проводилось автором статьи в 2018 году

Дети и взрослые с инвалидностью также получают добровольческие услуги через благотворительные фонды, при условии участия в проектах этих фондов.

Несмотря на развитие, социальное добровольчество в Карелии не имеет постоянного характера, услуги добровольцев чаще оказываются стихийно, добровольцы не задерживаются в проектах фондов или в учреждениях. Постоянные смены состава волонтеров, профессиональное выгорание действующих добровольцев негативно сказывается на эффекте от получения добровольческих услуг.

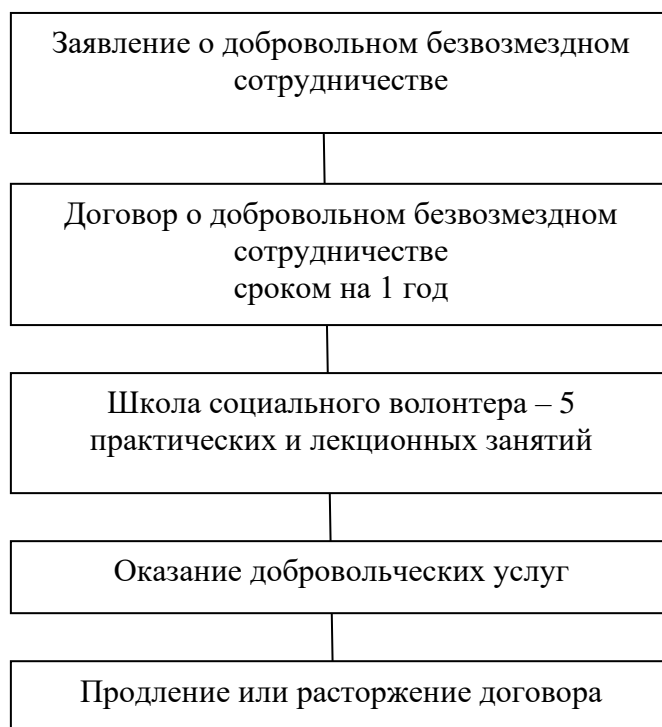

Рисунок 3. Механизм поэтапной реализации программы добровольчества в Государственном бюджетном стационарном учреждении социального обслуживания Республики Карелия «Петрозаводский дом-интернат для ветеранов»¹

В попытке регламентировать механизмы работы с волонтерами в 2019 году Карельская региональная общественная молодежная организация «Центр развития добровольчества» совместно со своими партнерами при поддержке фонда Президентских грантов начала реализацию проекта «Стандарт добровольчества в Карелии». Данный нормативный документ направлен на методическую поддержку организаций, привлекающих добровольцев во всех сферах (культура, образование, здравоохранение, социальная защита, спорт, массовые мероприятия и др.). Проект набирает обороты и уже апробирует некоторые механизмы работы. Однако механизмов по привлечению и удержанию волонтеров в социальной сфере в Республике Карелия до сих пор нет.

В рамках внедрения нового закона о добровольчестве в Российской Федерации был создан информационный портал добровольцыроссии.рф [8]. Портал содержит актуальную информацию о событиях в сфере волонтерства, организации могут привлекать волонтеров через данный сайт, а волонтеры могут подать заявку на участие в проекте. Карельские организации зарегистрированы на этом сайте, размещают вакансии для волонтеров, однако, данный ресурс пока не пользуется популярностью и набор волонтеров осуществляется с помощью других ресурсов.

¹Окунева Н. А. Программа организации волонтерской деятельности «Луч света» / Н. А. Окунева, А. Н. Быкова / / ГБСУ СО РК «Петрозаводский ДИ», Петрозаводск, 2017. –12 с.

Включенность в социальное волонтерство финских граждан выше, чем в Республике Карелия, там более 1300 зарегистрированных организаций в этой сфере [5, с. 44]. Наиболее известная международная организация «Красный крест», целью которой является оказание профессиональной медицинской и социальной помощи нуждающимся, представлена и в Финляндии [7, с. 232].

Большое количество организаций направлено на распространение информации об учреждениях или организациях, которые в комплексе дают социальную помощь. Самыми крупными такими организациями считаются финская федерация социального обеспечения и здравоохранения¹, а также ассоциация сотрудничества организаций социальной сферы и здравоохранения². Такую деятельность ведут и другие организации, которые являются интернет площадками для привлечения волонтеров: гражданская арена [9], гражданский форум [10].

Социальное волонтерство в Финляндии не регламентируется законами, а только внутренними актами учреждений, если волонтеры оказывают услуги в учреждении, единого центра для волонтеров нет. Набор волонтеров осуществляется через информационные ресурсы или самостоятельно благотворительными организациями. Высокий процент волонтеров в Финляндии обеспечивается за счет обменных международных программ (программы ЮНЕСКО, ООН и другие) [4, с. 14]. В Республике Карелия только началась обменная программа службы стажировок, но пока между регионами Российской Федерации.

Таким образом, различий в оказании добровольческих услуг и применении методов работы с незащищенными слоями населения в Карелии и Финляндии нет. Различия систем заключается, в наличии законодательного регулирования волонтерства в Карелии, но большего привлечения волонтеров к социальному добровольчеству в Финляндии за счет более прогрессивной истории развития волонтерства и наличия обменных программ.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства) №15-ФЗ: принят Государственной Думой 26.01.2018, одобрен Советом Федерации 31.01.2018 // СЗ РФ. – 2018. - №7. – Ст. 975.
2. Белановский Ю. С. Мир социального волонтерства / Ю. С. Белановский, И. В. Ширшова // Москва: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. – 96 с.
3. Быстрова И. В. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи / И. В. Быстрова, С. А. Цыплакова, Л. А. Чумакова // Карельский научный журнал. – 2018. – Т. 7. - №1. – С. 73 – 76.
4. Данилова Е. В. Международный опыт волонтерской деятельности / Е. В. Данилова // Вестник РМАТ. – 2015. - №4. – С. 10 - 14.
5. Лавринович К. И. Самоорганизация общественности Финляндии: от идеи гражданского общества к практике ее реализации в правовом государстве / К. И. Лавринович // Advances in Law Studies. – 2018. – Т. 6. - №3. – С. 41 – 45. Doi: 10.29039/article_5c0fc3904b1804.8628880.
6. Окунева Н. А. Программа организации волонтерской деятельности «Луч света» / Н. А. Окунева, А. Н. Быкова // ГБОУ СО РК «Петрозаводский ДИ», Петрозаводск, 2017. – 12 с.
7. Rantakokko M. The effect of out-of-home activity intervention delivered by volunteers on depressive symptoms among older people with severe mobility limitations a randomized controlled trial / M. Rantakokko, T. Rantanen, I. Pakkala, I. Äyräväinen // Aging and mental health. – 2015.– Т. 19.- №3. – С. 231 - 238. Doi: 10.1080/13607863.2014.924092.
8. Добровольцы России [Электронный ресурс] // Росмолодежь. Москва. URL: <http://добровольцыроссии.рф>. (дата обращения: 02.09.2019).
9. KansalaisAreena [Электронный ресурс] // Kansalaisareena. Helsinki. URL: <http://www.kansalaisareena.fi> (дата обращения: 02.09.2019).
10. KansalaisFoorumi [Электронный ресурс] // Kansalaisfoorumi. Helsinki. URL: <https://kansalaisfoorumi.fi> (дата обращения: 02.09.2019).

¹Sosiaali- ja terveysturvan keskusliitto

²Sosiaali- ja terveysturvajärjestöjen Yhteistyöyhdistys

References

1. Federal Law 15-FZ, dated 26 Jan. 2018, "On modification of separate legal acts of the Russian Federation concerning volunteering".
2. Belanovskij Y., Shirshova I. Mir social'nogo volonterstva [The world of social volunteering]. Moscow. GBU goroda Moskvy «Mosvolonter», 2018. 96 p.
3. Bystrova I., Cyplakova S., Chumakova L. (2018) Volonterskoe dvizhenie kak faktor razvitiya social'noj aktivnosti molodezhi [Volunteer movement as a factor in the development of social activity of young people]. Karel'skij nauchnyj zhurnal, vol. 7, no 1, pp. 73 – 76.
4. Danilova E. (2015) Mezhdunarodnyj opyt volonterskoj deyatel'nosti [International volunteer experience]. Vestnik RMA, no 4, pp. 10 – 14.
5. Lavrinovich K. (2018) Samoorganizaciya obshchestvennosti Finlyandii: ot idei grazhdanskogo obshchestva k praktike ee realizacii v pravovom gosudarstve [Self-organisation of the public of Finland: from the idea of civil society to the practice of its implementation in the state governed by the rule of law]. Advances in Law Studies, vol. 6, no 3, pp. 41 – 45. Doi: 10.29039/article_5c0fc3904b1804.8628880.
6. Okuneva N., Bykova A. Programma organizacii volonterskoj deyatel'nosti «Luch sveta» [The program of organization of volunteer activity "Ray of light"]. Petrozavodsk. GBSU SO RK «Petrozavodskij DI», 2017. 12 p.
7. Rantakokko M., Rantanen T., Pakkala I., Äyräväinen I. The effect of out-of-home activity intervention delivered by volunteers on depressive symptoms among older people with severe mobility limitations a randomized controlled trial. Aging and mental health, 2015, vol. 19, no 3, pp. 231 – 238. Doi: 10.1080/13607863.2014.924092.
8. Dobrovol'cy Rossii (2019). Available at: <http://добровольцыроссии.рф> (accessed 2 September 2019).
9. KansalaisAreena (2019). Available at: <http://www.kansalaisareena.fi> (accessed 2 September 2019).
10. KansalaisFoorumi (2019). Available at: <https://kansalaisfoorumi.fi> (accessed 2 September 2019).

ЭТАПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ РЕКРЕАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Васильева Анастасия Владимировна

Институт экономики - обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра "Карельский научный центр Российской академии наук", г. Петрозаводск, Россия

Аннотация. В работе представлены этапы проектирования пространственной организации рекреационной системы приграничного региона: оценка современного состояния рекреационной системы приграничного региона; выявление наиболее перспективных направлений развития рекреационной деятельности; организация процесса планирования пространственной организации рекреационной системы приграничного региона.

Ключевые слова: пространственное развитие, приграничный регион, рекреационная система

STAGES OF DESIGNING A RECREATIONAL SYSTEM IN THE BORDER REGION

Vasilieva, Anastasia

Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The stages of designing the spatial organization of the recreational system of the border region are presented in the work: assessment of the current state of the recreational system of the border region; identification of the most promising areas for the development of recreational activities; organization of the planning process for the spatial organization of the recreational system of the border region.

Keywords: spatial development; border region; recreational system.

По данным Всемирной туристской организации сфера туризма росла ежегодно в среднем на 4 % последние 8 лет¹. Одновременно с этой тенденцией растет и конкуренция между регионами, привлекающими туристские потоки. Рекреационные ресурсы, особое место среди которых занимают местные особенности, включающие в себя географическую специфику и экзотику, становятся инструментом привлечения посетителей [4, с. 211]. Однако высокий рекреационный потенциал территории не гарантирует успешное развитие туризма и рекреации, проявление соответствующих позитивных социально-экономических эффектов. Оптимально планирование пространственной организации необходимое условие эффективного и устойчивого развития регионального туризма. Так подходы к планированию развития регионального туризма связаны с идеями координации и интеграции усилий всех заинтересованных участников в процессе создания конкурентоспособной рекреационной системы.

Вопросами развития устойчивого туризма и рекреации на региональном уровне занимаются зарубежные и отечественные специалисты. Так, например, специалисты кафедры геоэкологии рекреации и туризма Познаньского университета физической культуры провели оценку стратегий развития туризма в 13 провинциях, 11 городах, 5 округах и 6 муниципалитетах Польши. Анализ продемонстрировал, что парадигмы устойчивого развития при проектировании региональных рекреационных систем реализуются в рассмотренных документах лишь в незначительной степени [5, с. 264].. Кроме того на современном этапе

¹ World Tourism Organization (2018), UNWTO Annual Report 2017, UNWTO, Madrid, DOI: <https://doi.org/10.18111/9789284419807>

появляются исследования критического характера, которые выявляют противоречия между целями устойчивого развития и достижением социально-экономического развития в области туризма. В одной из таких работ проводится анализ, который показывает, что целый ряд целей является противоречивыми в рамках традиционных подходов [6, с. 467].

В отечественной практике значительный вклад в теоретические дискуссии о развитии туризма и практические разработки в этой области на региональном уровне внесли такие авторы как Максанова Л.Б.Ж., Мажар Л.Ю., Герасименко Т.И. и др. В одной из работ обосновано, что изменения, происходящие на современном этапе развития туризма, требуют постоянных исследований в контексте регулярного обновления и определения территориальной структуры рекреационной деятельности в целях обеспечения устойчивого развития, с точки зрения институциональных преобразований, совершенствования нормативно-правовой базы, разработки программ и механизмов государственной поддержки рекреационной деятельности [2, с.142].

Группа исследователей из Смоленского гуманитарного университета выявила особенности формирования региональных туристских пространств в условиях российского пограничья. Были определены такие формы как тесное трансграничное сотрудничество, самостоятельное развития регионов по обе стороны границы, развитие туризма на одной стороне границы и отсутствие развития туристского пространства [2, с. 120].

Актуальным в рамках настоящей работы выглядит заключение о том, что регион, использующий преимущества приграничного и трансграничного положения может стать интеграционным порталом, обеспечивающим экономическое сотрудничество социально-культурное и геополитическое сближение, в том числе и в области развития туризма и рекреации [1. с. 135].

Таблица 1

Этапы проектирование рекреационной системы приграничного региона

Этап	Смысловые блоки этапа
I Оценка современного состояния рекреационной системы приграничного региона	Инвентаризация рекреационных ресурсов Инвентаризация рекреационной инфраструктуры Анализ рекреационной деятельности в регионе Определение потребностей в инфраструктурном обеспечении (с учетом предыдущих этапов)
II Выявление наиболее перспективных направлений развития рекреационной деятельности	Определение и оценка локализирующих факторов формирования рекреационной системы приграничного региона Определение общих задач развития рекреационной деятельности Определение задач целевого характера (в соответствии с общими задачами) Определение сфер для инновационного развития региональной рекреационной системы
III Организация процесса планирования пространственной организации рекреационной системы приграничного региона	Отражение целей развития рекреационной деятельности в действующих документах планирования Оценка институциональной среды развития рекреационной деятельности Определение и ранжирование барьеров развития Разработка схемы развития рекреационной деятельности с учетом результатов предыдущих этапов

С учетом опыта имеющихся разработок и вклада автора в настоящей работе представлены этапы проектирования рекреационной системы приграничного региона. Рассмотрим предложенные этапы (табл. 1). Первый этап предполагает осуществление комплексной оценки рекреационной системы приграничного региона. Эта процедура включает в себя четыре смысловых блока направленных на наиболее полный охват всех возможных характеристик: инвентаризация рекреационных ресурсов и инфраструктуры,

анализ рекреационной деятельности в регионе, определение потребностей в инфраструктурном обеспечении.

Результаты первого этапа становятся основой для второго, целью которого является выявление наиболее перспективных направлений развития рекреационной деятельности. Этот процесс предполагает осуществление оценки локализирующих факторов формирования приграничной рекреационной системы, определение общих задач развития рекреационной деятельности и задач целевого характера, определение сфер для инновационного развития региональной рекреационной системы. На завершающем третьем этапе для проектирования пространственной организации рекреационной системы автор предлагает проработку четырех направлений: анализ целей развития рекреационной деятельности в действующих документах планирования, оценку институциональной среды развития рекреационной деятельности, определение и ранжирование барьеров развития, разработку схемы развития рекреационной деятельности с учетом результатов предыдущих этапов

Предложенный инструментарий расширяет возможности для последовательной проработки этих содержательных этапов, позволяет учесть локальные особенности в процессе согласования действий на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Может применяться в практической области для решения социально-экономических проблем регионов с учетом их приграничного положения.

Литература

1. Ахметов Р.Ш., Герасименко Т.И., Семенов Е.А Оренбургский регион: проблемы и перспективы пространственного развития // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 130-139.
2. Катровский А. П., Ковалев Ю. П., Мажар Л.Ю., Щербакова С.А. Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения // Балтийский регион. Т. 9, №1. С. 113—126. DOI: 10.5922/2074-9848-2017-1-7
3. Максанова Л.Б.Ж., Санжеев Э.Д., Будаева Д.Г. Территориальная организация туристско-рекреационной деятельности на региональном уровне: теоретические и практические аспекты // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). 2017. Т. 22. № 3. С. 128-146.
4. Родоман Б.Б., Герасименко Т.И. Географическая специфика и экзотика как ресурсы познавательного туризма // В сборнике: Туристско-рекреационный комплекс в системе регионального развития Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 211-214.
5. Marek Nowacki, Joanna Kowalczyk-Anioł, Karolina Królikowska, Małgorzata Pstrocka-Rak & Matylda Awedyk (2018) Strategic planning for sustainable tourism development in Poland, International Journal of Sustainable Development & World Ecology, 25:6, 562-567, DOI: 10.1080/13504509.2018.1432513
6. Viktoria Spaiser, Shyam Ranganathan, Ranjula Bali Swain & David J. T. Sumpter (2017) The sustainable development oxymoron: quantifying and modelling the incompatibility of sustainable development goals, International Journal of Sustainable Development & World Ecology, 24:6, 457-470, DOI: 10.1080/13504509.2016.1235624

References

1. Ahmetov R.SH., Gerasimenko T.I., Semenov E.A Orenburgskij region: problemy i perspektivy prostranstvennogo razvitiya [Orenburg region: problems and perspectives of spatial development] // Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers-Social Studies] 2016. № 5. S. 130-139.
2. Katrovskij A.P., Kovalev YU.P., Mazhar L.YU., Shcherbakova S.A. Turizm v prigranichnyh regionah: teoreticheskie aspekty geograficheskogo izucheniya [Tourism in border regions: theoretical aspects of a geographical study] // Baltijskij region [Baltic Region]. 2017. T. 9. № 1. S. 113-126. doi: 10.5922/2074-9848-2017-1-7
3. Maksanova L.B.ZH., Sanzheev E.D., Budaeva D.G. Territorial'naya organizaciya turistsko-rekreacionnoj deyatel'nosti na regional'nom urovne: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Territorial organization of tourism and recreation activities at the regional level: theoretical and practical aspects]// Vestnik SGUGiT (Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosistem i tekhnologij) [Vestnik of SSUGT (the Siberian State University of Geosystems and Technologies). 2017. T. 22. № 3. S. 128-146.
4. Rodoman B.B., Gerasimenko T.I. Geograficheskaya specifika i ekzotika kak resursy poznavatel'nogo turizma [Local specificity and exotic as resources of educational tourism] // V sbornike: Turistsko-rekreacionnyj kompleks v sisteme regional'nogo razvitiya Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii

[In the collection: Tourist-recreational complex in the system of regional development Materials of the VI International Scientific and Practical Conference]. 2018. S. 211-214.

5. Marek Nowacki, Joanna Kowalczyk-Anioł, Karolina Królikowska, Małgorzata Pstrocka-Rak & Matylda Awedyk (2018) Strategic planning for sustainable tourism development in Poland, *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 25:6, 562-567, DOI: 10.1080/13504509.2018.1432513
6. Viktoria Spaiser, Shyam Ranganathan, Ranjula Bali Swain & David J. T. Sumpter (2017) The sustainable development oxymoron: quantifying and modelling the incompatibility of sustainable development goals, *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 24:6, 457-470, DOI: 10.1080/13504509.2016.1235624

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ ДЛЯ БИЗНЕСА И ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Марушко Д. А.

БГЭУ, Минск, Беларусь
dzmitry.marushka@gmail.com

Ващило А. А.

БГУ, Минск, Беларусь
vashchylahanna@gmail.com

Аннотация. В статье предложены подходы по оценке качества предоставления государственных электронных услуг для бизнеса и трансграничного сотрудничества. Предложения ориентированы на использование системы оценок, предназначенной для проведения анализа количества оказанных государственных электронных услуг и уровня удовлетворенности их потребителей с целью выявления стратегических направлений дальнейшего их развития.

Ключевые слова: государственные электронные услуги; качество электронных услуг; критерии оценки услуг; трансграничное сотрудничество, эффективность электронных услуг; услуги для бизнеса; электронное правительство.

QUALITY ASSESSMENT CRITERIA FOR THE PROVISION OF PUBLIC ELECTRONIC SERVICES FOR BUSINESS AND TRANSBOUNDARY COOPERATION

Marushko, D.

BSEU, Minsk, Belarus
dzmitry.marushka@gmail.com

Vashchilo, A.

BSU, Minsk, Belarus
vashchylahanna@gmail.com

Abstract. In the article approaches according to quality of providing the public electronic services for business and cross-border cooperation are offered. Proposals are focused on the use of the system of estimates intended for carrying out the analysis of number of the provided public electronic services and level of satisfaction of their consumers for the purpose of identification of the strategic directions of their further development.

Keywords: public electronic services; quality of electronic services; criteria for evaluation of services; cross-border cooperation, effectiveness of electronic services; services for business; electronic government.

Важнейшей стратегической целью государственной политики Республики Беларусь является повышение качества и уровня жизни граждан. Повышение конкурентоспособности страны невозможно без повышения качества жизни населения. На наш взгляд, повышение качества и доступности государственных услуг является одним из основных направлений роста уровня жизни населения.

В Республике Беларусь в последние годы принимаются активные меры повышению эффективности и качества предоставления государственных услуг с применением информационных технологий. Мировой опыт свидетельствует о том, что внедрение технологий электронного правительства открывает гражданам и бизнесу доступ к услугам органов государственного управления и в то же время снижает их стоимость. Актуальность

данного вопроса возрастает и в связи с реализацией Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества.

Внедрение цифровых технологий в транспортно-логистических системах регионального сообщества и в их государственном администрировании позволит существенно сократить транспортные издержки и повысить эффективность перевозок. При переводе в электронный вид государственных услуг, сопутствующих транспортным, автоматизируется формирование юридически значимых электронных сопроводительных документов, в том числе путем заключения безбумажных смарт-контрактов. Только посредством формирования современной оцифрованной инфраструктуры возможно реализовать одно из основных преимуществ Евразийского экономического союза – стать логистическим хабом между Европой и Азией.

Эффективность международной торговли и развития экономики, кросс-отраслевого взаимодействия с производственными секторами на евроазиатском экономическом пространстве напрямую зависит от освоения и реализации потенциала новых цифровых технологий, преобразующих бизнес-процессы в сфере транспорта и логистики.

Анализ имеющегося методического обеспечения показал, что единая методика комплексной оценки государственных электронных услуг для бизнеса и трансграничного сотрудничества до настоящего времени пока не разработана, несмотря на актуальность решения задачи по повышению их качества и доступности.

Мировой опыт [1-4] показывает, что предоставление государственных электронных услуг для бизнеса является комплексным многоаспектным процессом, оперативный контроль которого позволяет, во-первых, своевременно получать полные и достоверные оценки качества результатов и эффективности, а во-вторых, использовать соответствующие механизмы управления, которые формируются с применением этих оценок и позволяют реализовать систему мер по корректировке его хода. Предоставление государственных электронных услуг для бизнеса относится к целенаправленным процессам, анализ которых основывается на оценках полученных результатов за различные периоды времени, поэтому решение данной задачи требует разработки соответствующих критериев качества и эффективности.

Анализ зарубежного опыта [1-4] показывает, что оценка качества и эффективности предоставления государственных электронных услуг для бизнеса должна производиться с использованием интегральных и частных показателей.

Востребованность разработки критериев оценки эффективности и качества предоставления государственных электронных услуг для бизнеса заключается также и в том, что развитие электронного правительства предполагает привлечение значительных инвестиционных ресурсов, которые необходимо не только освоить, но и получить требуемый результат от их вложения. Анализ эффективности и качества предоставления государственных электронных услуг для бизнеса производится с использованием взаимосвязанных и взаимообусловленных показателей, что подтверждается реально существующими связями между описываемыми ими экономическими явлениями.

Комплексное проведение исследования предоставления государственных электронных услуг для бизнеса предполагает систематизацию показателей в связи с тем, что их совокупность, какой бы полной она ни была, без учета их соподчиненности и взаимосвязи не позволит получить реального представления об эффективности и качестве. Необходимо, чтобы органически в одной комплексной системе были увязаны между собой конкретные данные о различных тенденциях в подходах по предоставлению государственных электронных услуг.

Критерии оценки эффективности и качества предоставления государственных электронных услуг для бизнеса следует разрабатывать не только на основе систематизации имеющейся статистической отчетности, но и с учетом подробного исследования информационных потребностей органов государственного управления, частных организаций и населения, ориентированных на цели и задачи комплексного социально-экономического

развития. Необходимо выявить систему показателей, которые характеризуют эффективность и качество предоставления государственных электронных услуг для бизнеса, а также состав источников по сбору первичных данных. Данная система должна учитывать и отражать особенности анализируемой сферы деятельности.

Показатели должны быть понятными, простыми и позволять осуществлять расчеты и получать достоверные оценки. Следующее требование к такой системе заключается в необходимости предусмотреть полную сопоставимость и совместимость показателей для различных условий по их оценке. Одним словом, данная система должна быть независима по отношению к условиям проведения оценок и исследуемым объектам. Система показателей может быть создана только в случае совместного выполнения этих двух требований, что предоставит специалистам возможность получения количественных характеристик предоставления государственных электронных услуг для ее объективной оценки, и позволит ее использовать в масштабах государства.

Систематизация имеющихся теоретико-методических подходов в данной сфере позволила разработать новую комплексную модель оценки эффективности и качества государственных электронных услуг для бизнеса.

Анализ научных публикаций по проблемам развития и предоставления государственных электронных услуг для бизнеса показывает, что у многих ученых отсутствует общее и согласованное понимание терминологии и ключевых положений профильных законопроектов.

Проведенное исследование показывает, что качество услуг можно анализировать со следующих принципов [4]:

- уровень выполнения предписанных требований и стандартов;
- уровень удовлетворения ожиданий потребителей (термин с таким значением закреплён в международных стандартах ИСО 9000);
- соответствие оказываемых услуг их стоимости;
- совокупность организационных, технических, технологических и эксплуатационных характеристик услуги, отвечающей нуждам потребителя.

Важным условием качественного предоставления государственных электронных услуг для бизнеса является регламентация и стандартизация основных процессов и результатов.

На втором этапе оценки качества предоставления государственных электронных услуг для бизнеса предлагается составить рейтинг проектов государственных целевых программ, учитывая оценку их влияния на повышение эффективности, качества и объема предоставляемых электронных услуг.

Объектом мониторинга являются:

- государственные электронные услуги, информация о которых опубликована на Едином портале электронных услуг (<http://portal.gov.by>);
- информационное обеспечение, в том числе информационные киоски и применение специальных средств персональной идентификации (к примеру, электронных социальных карт).

Данная методика отличается от существующих тем, что использует в качестве критерия комплексную оценку составляющих системы качества:

- количества ресурсов, которые потребителю необходимо потратить на ее получение;
- качества получения государственной электронной услуги, основанной на комфортности и доступности условий, в которых она предоставляется;
- качества содержания конечного результата предоставленной государственной электронной услуги.

Объективную оценку качества государственных электронных услуг для бизнеса предлагается проводить в два этапа:

1-й этап – оценка соответствия качества каждого показателя фактически предоставляемой государственной электронной услуги стандарту качества государственной электронной услуги;

2-й этап – сводная оценка соответствия качества фактически предоставляемых государственных электронных услуг стандартам качества государственных электронных услуг по каждому учреждению, оказывающего государственные электронные услуги.

В период формирования системы показателей оценки эффективности и качества предоставления государственных электронных услуг для бизнеса, отсутствия статистических наблюдений за ходом их предоставления, необходимые показатели предлагается определять экспертными методами с использованием первичных источников. Экспертные методы используются в том случае, когда применение других методов является невозможным или экономически неоправданным. Преимущество данного метода заключается в том, что он позволяет принимать взвешенные решения тогда, когда более объективные методы неприемлемы. Полученная информация систематизируется, проверяется согласованность данных различных источников, их достоверность, и только затем она используется при проведении аналитических расчетов.

В Евразийском экономическом союзе для эффективного трансграничного сотрудничества необходима оцифровка сферы услуг, поскольку должны быть единые каналы обмена информации между государственными службами, которые выдают лицензии хозяйствующим субъектам, предоставляющим услуги. Если цифровизация экономики стран СНГ и ЕАЭС будет проводиться медленно, то это может стать дополнительным затруднением в наших торгово-экономических отношениях. Необходимо совместно создавать соответствующую инфраструктуру в рамках трансграничного сотрудничества, активно взаимодействовать в цифровой сфере для обеспечения технологической совместимости.

В рамках трансграничного сотрудничества одновременно с цифровыми транзитными коридорами следует внедрять интеллектуальные транспортные системы как одну из технологических основ цифровой экономики. Цифровая трансформация в ЕАЭС должна затрагивать все виды транспорта, как грузового, так и пассажирского. За счет цифровизации, стандартизации и координации проектов в странах Евразийского экономического союза может быть существенно увеличена эффективность транспортных систем всего сообщества [5, с.21].

С одной стороны, цифровизация услуг для регулирующих и контрольно-надзорных органов является инструментом для прослеживаемости, транспарентности информационных и финансовых потоков. С другой стороны, это потребности бизнеса в формировании платформенных структур, в которых компании осуществляют пошаговое движение: от цепочек поставок к цепочкам создания добавленной стоимости; от контролируемых цепочек создания добавленной стоимости к более сложным сетевым взаимодействиям на международном уровне.

В странах ЕАЭС активному использованию цифровых технологий зачастую препятствуют ведомственная и межотраслевая разобщенность участников перевозочного процесса, ограниченность координированного взаимодействия органов государственного регулирования, отрыв новой практики бизнеса от существующей нормативно-законодательной базы государств-членов, различное понимание предприятиями вызовов цифровой трансформации и недостаточная готовность организаций инвестировать в инновационные решения.

Литература

1. Human Development Report 2016. – New York: UNDP, 2016. – 239 p.
2. Information economy report 2017. – New York and Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2017. – 111 p.
3. Measuring the Information Society Report 2018. Volume 1. – N.Y.: UN, 2018. – 190 p.

4. Абламейко, С.В. Развитие информационных технологий для отраслей народного хозяйства Республики Беларусь / С.В. Абламейко, В.В. Анищенко, С.В. Медведев, А.В. Тузиков // Первый съезд ученых Республики Беларусь: сб. материалов, Минск, 1–2 нояб. 2007 г. / редкол. : А.Н.Косинец и [др.]. – Мн.: Белорус. наука, 2007. – С. 571–577.
5. Ващило, А.А. Резервы и направления развития транспортно-логистических услуг в Беларуси /А.А. Ващило // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2017. – № 4. – С.14-22.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Вершинин Александр Алексеевич

*ПЭО АО «НПП «Исток» им. Шокина», г. Фрязино, Россия
a.avershinin@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние ракетно-космической отрасли и место, занимаемое Россией на мировом рынке. Проводится сравнительный анализ российской государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» и американской компании «SpaceX». Предлагаются мероприятия по повышению эффективности деятельности российской корпорации.

Ключевые слова: ракетно-космическая отрасль, «Роскосмос», «SpaceX», технологии.

CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ROCKET AND SPACE INDUSTRY OF RUSSIA

Vershinin, Alexander

*PEO JSC "NPP" Istok "named after Shokina", Fryazino, Russia
a.avershinin@yandex.ru*

Abstract. The article examines the current state of the rocket and space industry and the place that Russia occupies in the world market. A comparative analysis of the Russian state space corporation Roscosmos and the American company SpaceX is carried out. Measures are proposed to increase the efficiency of the Russian corporation.

Keywords: space rocket industry, «Roscosmos», «SpaceX», technology

В 90-е годы 20 века экономика России пережила экономический шок при переходе от плановой к рыночной экономике. Появилась резкая необходимость создания конкурентоспособных отраслей на мировой рынке. Некоторые отрасли являются форвардом развития технологий. Одной из таких отраслей является ракетно-космическая отрасль. Ракетно-космическая отрасль, являясь стратегической отраслью экономики, не только обеспечивает национальную безопасность и обороноспособность государства, но и интегрирует науку и промышленность, удивляя мировое сообщество своими достижениями и инновациями (первый выход человека в открытый космос, первая долговременная пилотируемая космическая станция, самая производительная система космодромов для запуска космических аппаратов и пр. [3, с.568-569].

Для ракетно-космической отрасли России актуален вопрос повышения конкурентоспособности и совершенствования подходов к её развитию. Появляется необходимость использования в отрасли передовых достижений научно-технического прогресса и высоких технологий. Использование инновационных подходов к её развитию является локомотивом организационно-экономических трансформаций отрасли для перехода к выпуску конкурентоспособной продукции, адаптированной к новым технологическим укладам и вызовам расширения присутствия РФ в космосе.

Без сомнений, ракетно-космическая отрасль является одной из наиболее технически развитых с высоким содержанием наукоемкой продукции, тесным кооперированием предприятий и концентрацией производства. Расходы на разработку и НИОКР возможно сопоставлять со стоимостью готовой продукции, а в случае модернизации и изменения техники и технологической оснастки может превышать её.

Сохранение лидирующей позиции на мировом рынке происходит только благодаря накопленному потенциалу советского периода. Недофинансирование и снижение количества заказов со стороны государства привели отрасль в упадок, увеличилось отставание в темпах роста и развития по отношению к западным производителям, а также произошло увеличение количества импортных комплектующих в составе продукции. Сравнение государственного финансирования отрасли в России и США показало, что разница в объемах инвестирования (абсолютные показатели) колоссальна – в разы [2, с. 58].

Основной заказчик ракетно-космической деятельности — государство в лице Федерального космического агентства (Роскосмос), которое осуществляет свою деятельность в рамках Федеральной космической программы [5].

На данный момент в ракетно-космической отрасли около 100 предприятий с численностью работников около 250 тысяч человек. Крупнейшими из которых являются:

- РКК «Энергия» – главный подрядчик пилотируемых космических полетов;
- ГКНПЦ им. М.В. Хруничева и ЦСКБ-Прогресс – ведущие производители ракетносителей;
- «Информационные спутниковые системы» им. академика М.Ф. Решетнёва – крупнейший разработчик искусственных спутников земли (ИСЗ);
- Научно-производственное объединение им. С.А. Лавочкина – лидер в области межпланетных зондов и др.

Происходит обострение международной конкуренции на рынке ракетно-космической техники. В 2017 году американская корпорация «SpaceX» впервые смогла обогнать «Роскосмос» по количеству успешных гражданских пусков ракет за счет заключения договоров NASA с американской фирмой.

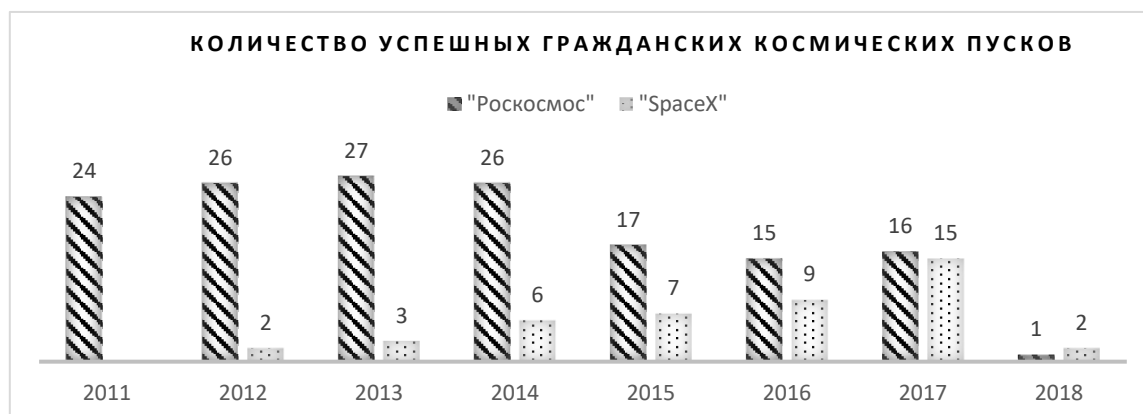

Рисунок 1. Количество гражданских пусков «Роскосмоса» и «SpaceX» [4]

Результативность работы организаций определяется также по количеству гражданских и военных запусков. До 2017 года у «SpaceX» не было ни одного военного запуска, а в период с 2011 по 2016 года «Роскосмос» был неоспоримым лидером по количеству гражданских пусков.

Если же провести сравнение суммарных успешных гражданских и военных запусков, в том числе пуски с Куру (Французская Гвиана), отечественного производства российскими операторами, то получается следующая ситуация, представленная на рисунке 2.

По данным рисунка 2 можно сделать вывод, что «Роскосмос» теряет свои позиции по запускам ракетносителей. Из рисунка 2 можно сделать вывод, что Россия сохраняет свое лидерство лишь за счет военных контрактов и сотрудничества с Европейским космическим агентством. Следовательно, в случае заключения «SpaceX» государственных оборонных заказов, «Роскосмос» перестанет быть лидером.

Помимо этого, говоря о конкурентоспособности, стоит обратить внимание на стоимость вывода 1т полезного груза. Это связано с тем, что заказчики будут заключать

договора с более дешевыми «поставщиками». В таблице 1 представлены стоимости вывода 1т груза и сравнение некоторых характеристик различных ракета-носителей SpaceX и «Роскосмоса».

Рисунок 2. Пуски «Роскосмоса» и «SpaceX» в 2017 году [4]

Таблица 1

Сравнение характеристик ракета-носителей «SpaceX» и «Роскосмоса».

	Максимальный выводимый груз, т		Цена вывода 1т груза, \$млн		Цена запуска, \$млн
	На низкую опорную орбиту	На геопереходную орбиту	На низкую опорную орбиту	На геопереходную орбиту	
SpaceX					
Falcon Heavy	63,8	26,7	1,4	3,4	90
Falcon 9	22,8	8,3	2,7	7,5	62
«Роскосмос»					
Протон-М	23,0	6,6	2,8	9,8	65
Ангара-А5	25,8	7,5	3,9	13,3	100

Источник: [4]

Как видно из таблицы 1, вывод тонны груза на Falcon 9 дешевле, чем на Протон-М и Ангара-А5 на 3,9% и 44,5% соответственно, а на Falcon Heavy – в два и почти в три раза соответственно. Теперь перед «SpaceX» стоит задача повышать загрузенность сверхтяжелых ракет.

По результатам стоит сделать вывод, что ситуация на рынке пусков ракет ухудшается и происходит потеря имеющихся позиций России на космическом рынке.

Как видно из рисунка 3, рынок пусковых услуг, это лишь малейшая доля на общем рынке космических услуг. При этом, если обратиться к соотношению и структуре выручки по услугам в мире и России, которая представлена на рисунке 3, то можно увидеть, что структура отличается, и то, что в мире пусковые услуги и производство аппаратов занимает лишь 10% от общего объема выручке, то в структуре отрасли России занимает около 85%.

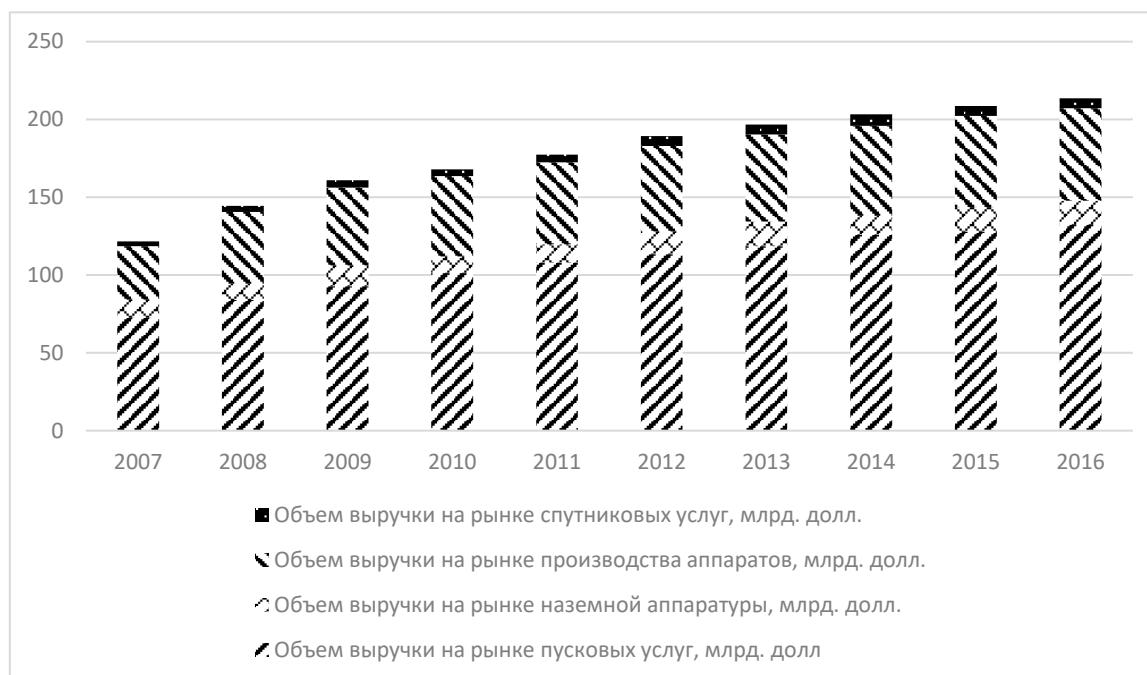

Рисунок 3. Объем выручки на мировом коммерческом космическом рынке (в разрезе типов предоставляемых услуг) [6]

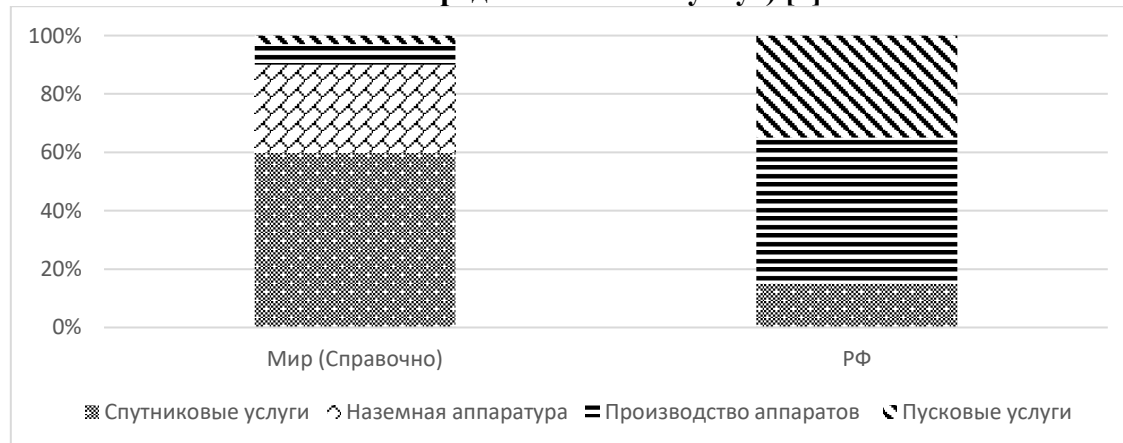

Рисунок 3. Структура выручки в мире и в России на 2018 год

Источник: [5]

Такая ситуация говорит о том, что Россия стала мелким игроком на рынке космических услуг.

Для реабилитации и оживления отрасли необходимо коренным образом изменить подход к ее функционированию. Необходимо использовать опыт либо США, либо Китая. Повторить опыт Китая будет сложнее, так как страна имеет свой подход, который проявляется не только в ракетно-космической отрасли, но и во всех других отраслях. Сначала этап копирования, а потом разработки своего, что возможно за счет большой численности, низких доходов и формы правления. Следовательно, необходимо использовать метод США. Допуск частного сектора на рынок космических услуг.

Необходимо создать конкурента «Роскосмосу» для развития технологий, потому что при отсутствии конкуренции, а также под жестким руководством государства компания может существовать за счет дотаций и быть не столько экономически выгодной, сколько социальной, как писалось выше, в отрасли занято более 250 тысяч человек. Частные компании — это уже полностью коммерческие проекты, направленные на получение прибыли, а значит, повышение конкурентоспособности продукции и продвижение ее на мировом рынке. Например, в 2006-2012 гг. «SpaceX» получила от NASA 278 млн. долл. на разработку РН Falcon. По данным NASA, разработка обошлась в 390 млн. долларов. При этом NASA признало, что при традиционном подходе разработка РН такого класса обошлась бы в 4 млрд. долларов, а при коммерческом подходе – в 1,7 млрд. долларов [1, с.22].

NASA «поделилось» частью своих сотрудников с коммерческими фирмами, и как полученный итог, происходит изменение конъюнктуры рынка и изменение лидеров на нем.

Литература

1. Железняков Александр Борисович Ракетно-космическая отрасль в ожидании перемен, - «Инновации», Издательство: ОАО «Трансфер» (Санкт-Петербург), ISSN: 2071-3010, - №8 (130) 2009 год
2. Калинина Юлия Владимировна Российская Космическая Отрасль: Проблемы и перспективы развития, - Вестник Института Экономики Российской академии наук Издательство: Институт экономики Российской академии наук (Москва) ISSN: 2073-6487, 2014
3. Ощепкова Д.С., Лячин В.И. интеллектуальная собственность как форма функционирования человеческого капитала предприятий ракетно-космической отрасли. - «Решетневские Чтения», Издательство: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева" (Красноярск), 2017г -
4. «Роскосмос» vs SpaceX: кто побеждает в космической гонке [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/02/2018/5a7b1b5a9a7947a1973ea3b8
5. Космос как бизнес S7 Group [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.roscosmos.ru/media/files/docs/2017/SpAsBus/201712_kosmos_5.pdf
6. Рынок. Коммерческий космический рынок [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ecoruspace.me/Коммерческий%20космический%20рынок.html>

References

7. Zheleznyakov Alexander Borisovich The rocket and space industry in anticipation of change, - "Innovations", Publisher: OJSC "Transfer" (St. Petersburg), ISSN: 2071-3010, - №8 (130) 2009 - p.22 -oscosmos
8. Kalinina Yulia Vladimirovna Russian Space Industry: Problems and Development Prospects, - Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Publisher: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow) ISSN: 2073-6487, 2014 - p. 58
9. Oshchepkova D.S., Lyachin V.I. Intellectual property as a form of human capital functioning in the space industry. - "Reshetnevsky Readings", Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian State University of Science and Technology named after Academician MF Reshetnev" (Krasnoyarsk), 2017 - p. 568-569 - prpr
10. Space as a business S7 Group [Electronic resource] Access mode: https://www.roscosmos.ru/media/files/docs/2017/SpAsBus/201712_kosmos_5.pdf
11. Roscosmos vs SpaceX: who wins the space race [Electronic resource] Access mode: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/02/2018/5a7b1b5a9a7947a1973ea3b8
12. The market. Commercial space market [Electronic resource] Access mode: <http://ecoruspace.me/Commercial%20cosmic%20market.html>

УДК 332.14 (332.142; 332.143)

ББК 65.049(2); 65.05 (65.051; 65.053)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Герасимова Елена Владимировна

Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

landar.sky@gmail.com

Аннотация. В работе дан обзор информационного обеспечения, которое может быть использовано для сравнительного анализа социально-экономического развития регионов, находящихся на трех соподчиненных уровнях административно-территориального деления Российской Федерации. На основе анализа стратегий пространственного развития субъектов Северо-Западного Федерального округа представлен опыт классификации муниципальных образований по типу социально-экономического развития. Дан краткий обзор информационного обеспечения на уровне муниципальных образований в Сотрудничестве Северных Стран (Nordic Co-operation).

Ключевые слова. Социально-экономическое развитие регионов, информационное обеспечение, сравнительный анализ, типология муниципальных образований по уровню социально-экономического развития.

INFORMATION SUPPORT COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AT REGIONAL AND MUNICIPAL LEVELS

Gerasimova, Elena

Central Institute of Economics and mathematics RAS, Moscow, Russia

landar.sky@gmail.com

Abstract. The paper provides an overview of information support, which can be used for a comparative analysis of socio-economic development of regions at three levels of subordinated administrative-territorial division of the Russian Federation. On the basis of the analysis of strategies of spatial development of municipalities of subjects of the Northwest Federal district experience of classification of municipalities by type of social and economic development is presented. A brief overview of information support at the level of municipalities in the countries of the Northern Union (Nordic Countries).

Keywords. Socio-economic development of regions, information support, comparative analysis, typology of municipalities in terms of socio-economic development.

Устойчивого развития экономики России возможно достичь лишь при обеспечении уверенного движения вперед экономики регионов страны. Поэтому при разработке стратегии пространственного развития государства необходимо учитывать специфику составляющих его регионов и фактор их социально-экономической дифференциации. Верно и обратное — стратегии пространственного развития регионов на длительный период времени должны учитывать «вектор» стратегии развития страны.

Кратко остановимся на существующем Административно-территориальном устройстве Российской Федерации, в настоящее время включающем в себя три уровня: Федеральные округа, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования.

Федеральный округ — административное формирование, включающее в себя субъекты Российской Федерации. В настоящее время в Российской Федерации образовано восемь Федеральных округов (Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный).

Субъект Российской Федерации — правовое образование, совокупность которых составляет единое федеративное государство, Российскую Федерацию. В соответствии с Конституцией РФ [1, статья 65] в состав Российской Федерации по состоянию на 1 января 2016 года входят 85 субъектов Российской Федерации, в том числе: 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, с марта 2014 года — Севастополь), 1 автономная область, 4 автономных округа.

Муниципальные образования — административные единицы на территории субъектов федерации. Они созданы для осуществления местного самоуправления на населенных территориях и имеют выборные органы местного самоуправления, местный бюджет, муниципальную собственность. В Конституции РФ [1, раздел 1, статьи 130, 131, 132] указывается на ряд полномочий органов местного самоуправления.

Очевидно, что уровень и тенденции развития субъектов федерации детерминированы социально-экономическими процессами, происходящими в образованных на их территории муниципальных образованиях (МО). Аналогичное утверждение справедливо и для уровней «субъект федерации–федеральный округ», «федеральный округ–РФ». Чтобы оценить перспективы развития территорий с разным уровнем административного управления, на каждом из них необходимо располагать достоверным и сопоставимым по широкому кругу социально-экономических показателей информационным обеспечением.

В России основным источником открытой статистической информации является Федеральная служба государственной статистики (ФСГС РФ) (<http://www.gks.ru/>), где наиболее подробно и последовательно представлены сведения, касающиеся России в целом, Федеральных округов и субъектов федерации.

Информация о Российской Федерации в целом представлена в серии «Российский статистический ежегодник» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078). Ежегодники доступны в электронном виде с 2003 г., с возможностью конструирования и анализа временных рядов с 1989 г.

Информация о субъектах Российской Федерации и федеральных округах представлена рядом ежегодных изданий, в том числе: «Регионы России. Социально-экономические показатели» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156) (издание доступно в электронном виде с 2002 г. с возможностью конструирования и анализа временных рядов с 1991 г.); «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138625359016) (издание доступно в электронном виде с 2002 г. с возможностью конструирования и анализа временных рядов с 1995 г.); «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138631758656) (издание доступно в электронном виде с 2004 г. с возможностью конструирования и анализа временных рядов с 2003 г.).

Специализированные статистические сборники отражают демографические показатели воспроизводства населения и другие аспекты его социально-экономического положения в целом по Российской Федерации и её регионам. Среди них прежде всего назовем: «Демографический ежегодник России» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312) (издание доступно в электронном виде с 2002 г.); «Труд и занятость в России» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766) (издание доступно в электронном виде с 2003 г.); «Рабочая сила, занятость и безработица в России» (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766), издание доступно в электронном виде с 2002 г. с возможностью конструирования и анализа временных рядов с 1992 г. (до 2016 года сборник назывался «Экономическая активность населения России»). Все эти публикации позволяют сказать о высоком уровне статистического обеспечения на федеральном и субъектном уровнях.

Что же касается данных о социально-экономическом положении Муниципальных образований, то наиболее полно они представлены на сайтах Территориальных органов государственной статистики (ТОГС, http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/about/territorial/TOGS_publications) и в разделе «Муниципальная статистика» на сайте ФСГС РФ (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/munStat/) Базой данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm), формирующейся с 2008 года. БД ПМО представляет официальную статистическую информацию, находящуюся в компетенции Росстата, в разрезе муниципальных образований и разрабатывается в соответствии с разделом 1.33 «Муниципальная статистика» Федерального плана статистических работ (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р). Отметим, что по состоянию на 1 января 2018 г. в РФ насчитывается 21,9 тысячи муниципальных образований. В БД ПМО представлено 25 групп показателей, включающих 167 основных, часть из которых имеет дальнейшую детализацию (согласно Краткому методологическому комментарию http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/bdmo_met2017.doc).

Таблица 1

Показатели, характеризующие муниципальные образования

Номер пп	Группы показателей
1	Территория
2	Население
3	Занятость и заработная плата
4	Коммунальная сфера
5	Социальная поддержка населения
6	Здравоохранение
7	Образование
8	Спорт
9	Охрана окружающей среды
10	Предприятия по переработке отходов
11	Сельское хозяйство
12	Организация отдыха, развлечений и культуры
13	Снабженческо-сбытовые сельскохозяйственные потребительские кооперативы
14	Деятельность предприятий
15	Строительство жилья
16	Сведения о выданных разрешениях о строительстве
17	Розничная торговля и общественное питание
18	Бытовое обслуживание населения
19	Коллективные средства размещения
20	Почтовая и телефонная связь
21	Основные фонды организаций муниципальной формы собственности
22	Инвестиции в основной капитал
23	Местный бюджет
24	Финансовая деятельность
25	Формирование местного самоуправления в Российской Федерации

Автором были проанализированы данные «Базы данных показателей муниципальных образований» по Северо-Западному Федеральному округу по трем показателям — Оценка численности населения на 1 января текущего года, Среднесписочная численность работников организаций, Среднемесячная заработная плата работников организаций. Наиболее полно был представлен показатель Численности населения (по Мурманской области показатель «Численность населения» был представлен рядом с 2006 по 2018 гг., но в подавляющем большинстве субъектов федерации Северо-Западного ФО ряды были

заполнены с 2009 по 2018 гг.). Показатели «Среднесписочная численность работников организаций» и «Среднемесячная заработная плата работников организаций» были представлены рядами данных с 2013 по 2016 гг., но для Р.Карелия и Псковской области эти показатели представлены рядами с 2011 по 2016 гг., для Р.Коми — с 2008 по 2016 гг.

Сравнительный анализ показывает, что структура и форма представления социально-экономических показателей на сайтах территориальных органов статистики отдельных субъектов федерации не унифицированы. Кроме того различаются и временные ряды, представляющие индикаторы социально-экономического положения регионов. Это находит свое отражение и в структуре названной выше «Базы данных показателей муниципальных образований» на сайте ФСГС, что затрудняет сравнительный анализ динамики социально-экономического положения субъектов федерации за исследуемый интервал времени.

В свете разработки и реализации стратегий пространственного развития на субъектном и муниципальном уровнях важным направлением сравнительного анализа является разработка типологии МО по уровню социально-экономического развития. В настоящий момент единой классификации не существует. Опыт разработки типологий МО представлен в Стратегиях пространственного развития трех субъектов федерации Северо-Западного федерального округа — Республики Карелия, Архангельской и Мурманской областей [2]–[4] — и отражает историческую и географическую специфику этих субъектов федерации.

Таблица 2

Типология муниципальных образований по уровню социально-экономического развития

Субъекты Федерации	Типология муниципальных образований
Республика Карелия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Центры пространственной организации Республики Карелия 2. Районы со смешанной экономической специализацией и слабой диверсификацией 3. Районы с промышленной специализацией, преобладанием низкотехнологичных отраслей 4. Район с аграрной специализацией 5. Районы с туристической специализацией 6. Районы ресурсного освоения
Архангельская область	<ol style="list-style-type: none"> 1. «Полюса роста» 2. Территории влияния «полюсов роста» 3. Устойчиво развивающиеся территории 4. Развивающиеся территории с системными проблемами 5. Слабоосвоенные территории
Мурманская область	<ol style="list-style-type: none"> 1. Перспективные центры экономического роста Мурманской области. 2. Ключевые центры организации материально-технического снабжения и освоения территорий. Концентрация основных производственных мощностей горно-химического кластера 3. Концентрация основных производственных мощностей горно-химического кластера (перспектива) 4. Точки роста для развития туризма, торговли и сферы услуг муниципального образования 5. Центры туристско-рекреационного кластера

В целом можно сказать, что муниципальная статистика в Российской Федерации находится в процессе становления. Актуальным направлением её развития является унификация показателей социально-экономического развития МО и обеспечение их сопоставимости со сложившейся системой показателей на уровне субъектов РФ.

Важным представляется и изучение опыта статистического учета на муниципальном уровне в странах, входящих в состав объединения «Сотрудничество Северных стран» (Nordic

Co-operation, <https://www.norden.org/en>). Это содружество включает Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию, Исландию, Гренландию, Фарерские и Аландские острова. В рамках этого сотрудничества Советом министров Северных стран создан исследовательский центр регионального развития и планирования — Nordregio (<http://www.nordregio.org/>). Основные направления исследований и компетенции Nordregio: региональное сельское и демографическое развитие, городское планирование, региональные инновации, ведение региональных реформ и разработка стратегий. Работая на международном, национальном, региональном и местном уровнях, исследования Nordregio охватывают обширную территорию с упором на регионы Северного и Балтийского морей, Европу и Арктику.

Изучение их опыта может иметь не только общее методическое и методологическое значение, но и позволило бы сделать более эффективным трансграничное сотрудничество субъектов СЗФО с соседними странами. Напомним, что Республика Карелия граничит с Финляндской республикой, а Мурманская область помимо Финляндской республики граничит и с Королевством Норвегия.

Сравнительный анализ структуры Баз Данных на муниципальном уровне в России и в странах Северной Европы является одним из приоритетных направлений наших исследований.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (статьи о федеральном устройстве РФ, статьи 5, 65, 66, 130–133) <http://constitution.kremlin.ru/>
2. Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года <https://portal.dvinaland.ru/upload/iblock/f91/Стратегия%20развития%20Архангельской%20области%20до%202035%20года.pdf>
3. Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года (сайт Министерства экономического развития и промышленности Республики Карелия) <http://economy.karelia.ru/action/4868/>
4. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области на период до 2025 года (официальный сайт Министерства экономического развития РФ) <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/b08dd4b1-5be4-4996-a9fa-90b8cb1cc9b6/30119mo.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=b08dd4b1-5be4-4996-a9fa-90b8cb1cc9b6>

References

1. The Constitution of the Russian Federation (articles on the Federal structure of the Russian Federation, articles 5, 65, 66, 130-133) <http://constitution.kremlin.ru/>
2. Strategy of socio-economic development of the Arkhangelsk region until 2035 <https://portal.dvinaland.ru/upload/iblock/f91/Стратегия%20развития%20Архангельской%20области%20до%202035%20года.pdf>
3. Strategy of social and economic development of the Republic of Karelia for the period up to 2030 (website of the Ministry of economic development and industry of the Republic of Karelia) <http://economy.karelia.ru/action/4868/>
4. Strategy of social and economic development of the Murmansk region for the period up to 2025 (official website of the Ministry of economic development of the Russian Federation) <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/b08dd4b1-5be4-4996-a9fa-90b8cb1cc9b6/30119mo.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=b08dd4b1-5be4-4996-a9fa-90b8cb1cc9b6>

УДК 332.14 (332.142; 332.143)

ББК 65.05 (65.051; 65.053)

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ)

Герасимова Ирина Александровна

Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

irina.guerassimova@gmail.com; iger@cemi.rssi.ru

Герасимова Елена Владимировна

Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

landar.sky@gmail.com

Аннотация. Различия в экономическом развитии российских территорий определяют межрегиональное неравенство в качестве жизни и благосостоянии населения. Они фиксируются официальными статистическими данными о социально-экономическом положении на трех уровнях территориального деления и управления: 1) федеральные округа; 2) субъекты федерации; 3) муниципальные образования (МО). Актуально изучение взаимовлияния процессов социально-экономического развития на этих уровнях. В статье основное внимание уделяется социально-экономическому положению муниципалитетов. Дано краткое описание информационного обеспечения исследования. Представлен опыт сравнительного анализа трансграничных МО на примере субъектов Северо-Западного ФО.

Ключевые слова. Пространственное развитие, уровни административно-территориального управления, неравномерность социально-экономического развития, информационное обеспечение.

THE STUDY OF THE SOCIO-ECONOMIC POTENTIAL OF THE SUBJECTS AND MUNICIPALITIES OF THE NORTH-WEST FEDERAL DISTRICT (IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGIES)

Gerasimova, Irina

Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia

irina.guerassimova@gmail.com; iger@cemi.rssi.ru

Gerasimova, Elena

Central Economics and Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia

landar.sky@gmail.com

Abstract. Differences in the economic development of the Russian territories determine inter-regional inequality in the quality of life and well-being of the population. They are recorded by official statistics on the socio-economic situation at three levels of territorial division and governance: 1) federal districts; 2) subjects of the federation; 3) municipalities (MO). The study of the mutual influence of the processes of socio-economic development at these levels is relevant. The article focuses on the socio-economic situation of municipalities. A brief description of the research information support is given. The experience of a comparative analysis of cross-border MOs on the example of subjects of the North-West Federal District is presented.

Keywords. Spatial development Administrative-territorial division, uneven socio-economic development, interrelation of ATD levels, information support.

Контекст исследования. Динамика социально-экономического (СЭ) положения Российской Федерации свидетельствует о пространственной концентрации экономики, о

негативных изменениях в расселения населения и снижении его плотности, об увеличении различий в экономической эффективности регионов и их доли в Суммарном ВРП, о росте дифференциации в уровне благосостояния населения. Данные Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) указывают на длительное падение реальных денежных доходов населения.

Российская Федерация имеет три уровня административно-территориального деления и управления (АТД) [1]. Они обладают разными законодательными полномочиями и финансовым обеспечением. Преодоление сложившихся негативных тенденций в экономике страны и регионов требует оценки взаимовлияния процессов, происходящих на каждом из этих уровней. Актуальность этой задачи подтверждается принятием в начале 2019 г. «Стратегии пространственного развития России на период до 2025 г.» [2]. Её важной особенностью является разрабатываются стратегии пространственного развития и на субъектном, и на муниципальном уровнях¹. В контексте реализации стратегий пространственного развития каждого из уровней управления можно поставить вопрос: «Как социально-экономическая трансформация территорий нижнего административного уровня влияет на положение регионов, в составе которых они находятся?» Очевидно, что ответ на этот вопрос требует как глубоко концептуальной проработки, так и адекватного экономико-статистического анализа.

Продолжающиеся дискуссии указывают на острые противоречия между сторонниками агломерационного подхода и сторонниками активизации социально-экономического потенциала всех территорий России. Последний близок к региональной политике Европейского Союза «Cohesion Policy» и последовательно развивается в исследовательском центре регионального развития и планирования — Nordregio (<http://www.nordregio.org/>, созданного в рамках «Содружества Северных стран» Nordic Co-operation, <https://www.norden.org/en>). Проведенные нами ранее исследования подтверждают актуальность этого подхода и для Российской Федерации [3, 4, 5]. Их продолжением является сравнительный анализ социально-экономического положения приграничных с Финляндией и Норвегией муниципальных образований Северо-Западного ФО.

Информационное обеспечение исследования социально-экономического развития МО (на примере Северо-Западного ФО). РОССТАТ наиболее полно публикует данные о социально-экономическом положении субъектов РФ [6]. На их основе можно рассчитать аналогичные временные ряды для федеральных округов. База данных по муниципальным образованиям (МО) находится в процессе становления [7]. Это объясняется как частой реорганизацией МО, так и недооценкой, до недавнего времени, их роли в формировании социально - экономического ландшафта России [8]. В настоящее время растет внимание ученых и практиков не только к анализу уровня и динамики развития МО, но и к законодательному обеспечению самоуправления и его финансовой самостоятельности [9].

Информация о социально-экономическом положении муниципальных образований представлена в Базе данных «Показатели муниципальных образований» (БДПМО http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm) на сайте Государственного комитета по статистике (ГКС) в разрезе муниципальных образований. По состоянию на 1 января 2018 г. в РФ насчитывалось 21,9 тысячи муниципальных образований. Данные территориальных органов государственной статистики разрабатываются в соответствии с разделом 1.33 «Муниципальная статистика» Федерального плана статистических работ (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р с последующими изменениями). Согласно «Краткому методологическому комментарию к «Базе данных показателей муниципальных образований (БДМО)», в ней представлено 25 групп показателей, включающих 167 основных показателей, часть из которых имеет

¹ Ссылки на Стратегии пространственного развития субъектов СЗФО приведены в докладе Герасимовой Е.В. Информационное обеспечение сравнительного анализа социально-экономического развития на региональном и муниципальном уровнях.

дальнейшую детализацию. Однако сравнительный анализ социально-экономического положения субъектов СЗФО свидетельствует об отсутствии единства и однообразия в их информационном обеспечении. Это не позволяет сформировать для них временные ряды за одинаковый период времени и провести их сравнительный анализ.

Что касается сравнительного анализа на всех трех уровнях АТД, то он, несмотря на большой объем показателей в БДМО, возможен только для показателей «Численность населения», «Численность занятых в организациях» и «Общий объем налогооблагаемых денежных доходов». Нами были проведены расчеты для субъектов Северо-Западного ФО. Он в целом наиболее близок к средним для РФ тенденциям, но различия между субъектами очень велики. Их иллюстрируют типы муниципальных образований, представленные в «Стратегиях пространственного развития» Республики Карелия, Мурманской и Архангельской областей (Рис. 1, 2, 3).

Типы развития МО являются важной характеристикой, позволяющей оценить результаты предшествующего и определить тенденции будущего развития регионов. Нетрудно видеть, что представленные социально-экономические типологии муниципальных образований в рассматриваемых субъектах значительно различаются, что отражает специфику их географического положения, сложившейся экономической специализацией и, возможно, качество управления. Кроме того, типология МО позволяет оценить уровень связности территорий. Он является важной характеристикой социально-экономического положения субъекта федерации, т.к. неравномерность территориального развития может служить препятствием для дальнейшего экономического роста.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в контексте все большего внимания к социально-экономическому развитию муниципальных образований, более глубокого понимания их роли в формировании уровня и качества жизни населения более крупных регионов и страны в целом, вопросы информационного обеспечения и совершенствования законодательной базы, определяющей функционирование муниципальных районов и городских агломераций, требуют более пристального внимания и интенсивной разработки.

Рис. 1. Республика Карелия. Типы социально-экономического развития муниципальных образований

Северо-Западный федеральный округ. Мурманская область

Рис. 2. Мурманская область. Типы социально-экономического развития муниципальных образований

Северо-Западный федеральный округ. Архангельская область

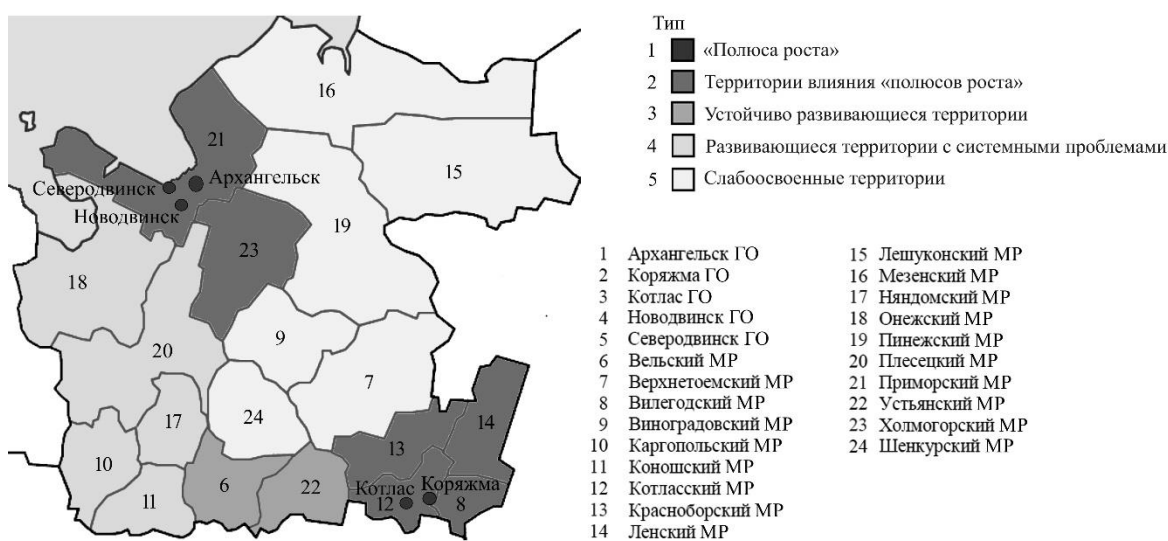

Рис. 3. Архангельская область. Типы социально-экономического развития муниципальных образований

Литература

1. Государственно-территориальное устройство России. Под ред. А.Г.Гранберга и др. М.: ИКП «ДеКА», 2003, 448 с.
2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. <http://www.sbras.ru/files/news/docs/spr.pdf>
3. Герасимова И.А., Герасимова Е.В. Исследование пространственной неоднородности социально-экономического развития регионов России. // Вестник ЦЭМИ РАН, 2018. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://cemi.jes.su/s11111110000063-2-1>.
4. Gerasimova I., Dunford M. Russian regional evolutions: comparative gross regional product dynamics of the subjects of the Russian Federation, 1995–2013. // Area Development and Policy. <https://doi.org/10.1080/23792949.2017.1359638>
5. Герасимова И.А., Герасимова Е.В. Неравенство денежных доходов населения России (пространственно-временной подход). // Мир России, 2014, № 2, с. 38–74.

6. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438
7. ФСГС, Муниципальная статистика: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/munStat/
8. Швецов А.Н. Структурные преобразования муниципального пространства: обоснование целесообразности и оценка эффективности. // Регион: экономика и социология, 2018, № 4, с. 228–249. DOI: 10.15372/REG20180409
9. Всероссийская конференция «Развитие городских агломераций России», 30-31 мая, Новосибирск: VI Конференция 2019: <https://minstroy.nso.ru/page/5365>

References

1. State-territorial structure of Russia. Ed. A.G.Granberg et al.: ICP “Deka”, 2003, 448 p.
2. Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025. <http://www.sbras.ru/files/news/docs/spr.pdf>
3. Gerasimova I.A., Gerasimova E.V. Study of spatial heterogeneity of socio-economic development of Russian regions. // Bulletin of the Central Economics and mathematics Institute Russian Academy of Sciences, 2018. [Electronic resource.] Access for registered users. URL:<http://cemi.jes.su/s1111111110000063-2-1>.
4. Gerasimova I., Dunford M. Russian regional evolutions: comparative gross regional product dynamics of the subjects of the Russian Federation, 1995–2013. // Area Development and Policy. <https://doi.org/10.1080/23792949.2017.1359638>
5. Gerasimova I.A., Gerasimova E.V. Inequality of monetary incomes of the population of Russia (space-time approach). // World of Russia, 2014, № 2, p. 38–74.
6. Information for monitoring the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/EN/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438
7. Federal state statistics service, Municipal statistics: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/munStat/
8. Shvetsov A.N. Structural transformation of municipal space: feasibility study and efficiency assessment. // Region: Economics and sociology, 2018, № 4, p. 228–249. DOI: 10.15372/REG20180409
9. All-Russian conference “Development of urban agglomerations of Russia”, May 30–31, Novosibirsk: VI Conference 2019: <https://minstroy.nso.ru/page/5365>

ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА РЕГИОНА

Глумов А.А.

УрГЭУ, Екатеринбург, Россия

glumov@usue.ru

Аннотация: В статье рассматривается понятие ландшафта в контексте региональной экономики. Анализируются трактовки ландшафта в географии и других науках. Использование термина «ландшафт» в негеографических науках не всегда оправданно. Приводится сопоставление ландшафта и других понятий региональной экономики.

Ключевые слова: ландшафт, экономика региона, промышленность, сеть, связи

THE CONCEPT OF ECONOMIC LANDSCAPE OF A REGION

Glumov, A.

UrSEU, Yekaterinburg, Russia

glumov@usue.ru

Abstract: The article reveals the concept of landscape in the context of regional economy. The interpretations of the landscape in geography and other branches of knowledge are analyzed. The use of the term "landscape" in the non-geographical Sciences is not always reasonable. A comparison of the landscape and other concepts of the regional economy is given.

Key words: landscape, economy of region, industry, network, links

Для современной науки характерно смешение понятий из различных дисциплин. Достаточно ярко это проявляется в экономике, черпающей новые термины из других отраслей знаний и, прежде всего, географии. В обиходе уже укоренились такие понятия, как экономический ландшафт, инвестиционный (предпринимательский) климат. Интуитивно складываются ощущения, что они более точно описывают некий экономический феномен, поскольку известны уже длительное время.

В рамках настоящего исследования рассмотрим такое понятие, как экономический ландшафт, которое также является новым для региональной экономики и, как следствие, слабо изученным и проработанным.

В научный обиход термин «ландшафт» (нем. land – земля, schaft – суффикс, выражающий взаимосвязь, взаимозависимость; англ. – landscape) был введен в научный оборот в 1805 г. А.Гумбольдтом. Под ландшафтом он понимал «визуально воспринимаемую и эстетически оцениваемую красоту окружающего». В русском языке ближе всего к термину «ландшафт» слово «местность».

В советских энциклопедиях и монографиях широкое распространение получило понятие географического ландшафта. Например, согласно Большой советской энциклопедии, под ландшафтом географическим понимается однородный участок поверхности суши, окаймленный естественными границами, в пределах которых природные компоненты (горные породы, рельеф, климат, воды, почвы, растительность, животный мир) образуют взаимосвязанное и взаимообусловленное единство. Изучение географического ландшафта не должно ограничиваться простой инвентаризацией и описанием компонентов, но обязательно требует глубокого исследования связей и взаимодействий между ними, выяснения характера, направленности и темпа протекающих природных процессов» [3, с. 276].

В интересах нашего исследования предлагается особо акцентировать внимание на том, что, согласно приведенному определению, 1) ландшафт – это территориальная единица и 2) исследование ландшафта предполагает изучение связей между его компонентами.

В энциклопедиях российского периода также дается определение только географического ландшафта.

Ландшафт географический – это относительно однородный, ограниченный естественными или хозяйственными рубежами участок географической оболочки, отличающийся закономерным сочетанием ее компонентов и явлений, объединяющий совокупность земель, территориально сопряженных и функционально взаимосвязанных как хозяйственно освоенных, так и сохранивших свою естественную природу, вместе с тем обладающих необходимым разнообразием угодий.

В зарубежном ландшафтоведении географический ландшафт понимается как гетерогенная территория, состоящая из групп взаимодействующих, закономерно повторяющихся в пространстве экосистем, с границами, обусловленными, как правило, орографическими элементами, естественными или антропогенными нарушениями.

В большинстве современных отечественных и зарубежных источников географический ландшафт рассматривается как географическая система (геосистема) региональной размерности, имеющая узловое положение в иерархическом ряду природных геосистем (физико-географических провинций, областей, стран) и ландшафтной оболочки в целом, в другой – сами состоят из геосистем локальной размерности (урочищ, подурочищ, фаций) [2, с. 660].

При этом географы четко осознают, что даже географический ландшафт – достаточно широкое понятие, несколько выходящее за пределы классической географии. Например, Мильков Ф. выделил три трактовки географического ландшафта [8, с. 127]:

- территориально ограниченный участок земной поверхности, характеризующийся генетическим единством и тесной взаимосвязью слагающих его компонентов;
- обобщенное типологическое понятие физико-географических комплексов;
- общее понятие, синоним региональных и типологических комплексов любого таксономического ранга.

Последняя трактовка, по нашему мнению, выводит понятие ландшафта за пределы географии, предоставляя моральное право оперировать им, в том числе, в рамках региональной экономики. Однако данным правом отдельные ученые пользуются слишком вольно. В этой связи Тютюник Ю. указывает на пролиферацию понятия ландшафта, то есть на не вполне обоснованное использование понятие ландшафта в физике, химии, а также введение смежных понятий, таких как ландшафтность, то есть добавление к смыслу ландшафта дополнительной образности, навязанной искусством, массовой культурой, идеологией [9, с. 11-12]. Понятие ландшафта используется как нетрадиционный методический «инструмент» в негеографических и неархитектурных науках. Слово «ландшафт» превратилось в тривиальный, но эффектный и броский слоган в разных сферах культуры, общественной жизни, политики, журналистики и пр. Наиболее близкой иллюстрацией данного тезиса, применительно к нашей теме, является попытка обоснования категории «инновационный ландшафт» и сравнение ее с инновационной сетью, инновационной системой и инновационным кластером [1, с. 22-26].

Задачей настоящего исследования является обоснование права региональной экономики использовать понятие экономического ландшафта в научных изысканиях.

Тютюник Ю. отмечает, что понятию ландшафта среди прочих оказались имманентны такие смыслы, как «форма», «план», «порядок-упорядоченность» [9, с. 8]. Поскольку понятие формы (и отчасти плана) подразумевает наличие какого-то визуально воспроизводимого образа (в простейшем случае - геометрического), то, очевидно, в неявном виде (имплицитно) понятие ландшафта несло в себе и этот потенциал – способность к визуализации и визуализируемости (что уже в прямом и явном виде проявилось в романском аналоге ландшафта – слове пейзаж).

Обосновывая право на существование понятия экономический ландшафт, Дегтярев П. описывает преимущества ландшафтного подхода [12]: в своей основе ландшафтный подход носит комплексный, системный характер. Его применение позволяет выявить скрытые механизмы пространственной самоорганизации социально-экономических явлений и процессов. Ценность данного подхода заключается в том, что при реализации можно выйти за рамки существующих схем административного деления, «увидеть» реальную «анатомию» и «физиологию» экономического пространства, которые не всегда укладываются в жесткие и инертные административные ячейки различного иерархического ранга.

Впервые термин экономический ландшафт был использован в работе Лёша А. «Пространственная организация хозяйства» [7]. Считаем данное исследование весьма значимым для нашего изучения сетевых структур, поскольку Лёш А. неоднократно упоминает сети в своей книге. Несмотря на то, что в работе не дается прямого определения сетей, по сути, вся она посвящена связям между предприятиями – поставщиками, потребителями, вопросам оптимального размещения производства: «Между местами, где тот или иной продукт производится и потребляется, возникают – в зависимости от их числа и географического положения – характерные комбинации (сочетания). Рынок в целом может состоять из сотен таких мест, как правило, соединяющихся в небольшие типовые группы. В большинстве случаев эти группы, при условии однородности продукции отдельных предприятий, предпочитают вести торговлю между собой. Каждая группа образует как бы «локальный рынок» [7, с. 44].

Лёш А. дает несколько характеристик экономического ландшафта по ходу изложения своих мыслей:

- экономический ландшафт – это система рыночных сетей, высшее звено в иерархии размещения экономики (с.185);
- ландшафт представляет собой сферу экономического влияния главного центрального города. При этом Лёш А. уточняет, что только через экономические отношения географические особенности могут оказывать влияние на район, появление которого первоначально было обусловлено его географическим положением;
- экономический ландшафт – это система различных рынков, целый организм, а не отдельный орган (с.288).

Лёш А. тесно связывает понятие рыночных сетей и экономических районов, в том числе выделяют сети районов: «... все товары, для которых требуется рыночная зона одинакового размера, объединяются в один класс. Зоны одинаковых размеров благодаря их форме непосредственно соприкасаются друг с другом, образуя сотообразную сеть, покрывающую весь район» (с.179-180).

Дегтярев П., ссылаясь на интеллектуальное наследие Лёша А., считает, что сущность ландшафтного подхода в региональных экономических исследованиях должна заключаться в выявлении латентных структур: «Если в физической географии ландшафт – реально наблюдаемый субстрат, то в региональной экономике ландшафт – это скрытая структура, своеобразное силовое поле, основные характеристики которого с одной стороны индуцируются экономическими агентами на ближнее и дальнее окружение, а с другой – опосредованно воздействуют на результаты хозяйственной деятельности. Обратим внимание на то, что это силовое поле невозможно адекватно отразить, опираясь только на существующее административное деление и, следовательно, необходим новый методологический подход и методический инструментарий исследований».

По мнению Дегтярева П.Я., экономический ландшафт – это сегмент ойкумены любой размерности (часть освоенного человеком пространства) – иерархически организованная система пространственных градиентов и позиционных границ, формирующихся вокруг центральных мест – главных фокусов центробежных и центростремительных связей (потоков). Под иерархически организованной системой пространственных градиентов

понимаются силовые поля, которые обусловлены дифференциацией издержек, цен и доходов экономических агентов «от места к месту».

Заслугой Дегтярева П. считаем выделение свойств экономического ландшафта: фрактальность, континуальность, анизотропность, инверсионность, эквифинальность. Вместе с тем мы считаем, что не стоит придавать понятию ландшафта излишнюю смысловую нагрузку, в ряде случаев экономические категории могут быть визуализированы с учетом как уже наработанных параметров, например, плотность сети дорог, количество заводов, так и путем использования статистических показателей (в тех случаях, когда визуальный метод не дает результата, это касается сектора услуг).

Считаем необходимым указать на существование двух подходов к понятию ландшафта: классического, то есть сугубо географического, и экономического. Основоположителем экономического подхода принято считать Лёша А. Ключевой характеристикой подхода можно считать включение пространственного фактора. Вместе с тем, когда мы говорим об экономическом ландшафте, можно предположить его дальнейшее классифицирование на составляющие экономики: промышленный, финансовый ландшафт и т.д.

Вместе с тем, имеется целый ряд исследований, в которых промышленный ландшафт рассматривается с позиций географии, то есть первого подхода [9, 10].

В ряде работ [4, 5] предприняты попытки при описании промышленного ландшафта осуществить переход из географического подхода в экономический. Однако, по нашему мнению, данная попытка была неудачной по причине отсутствия у автора методологической базы.

По нашему мнению, неверно трактовать экономический ландшафт исключительно с позиций концепции «центр – периферия». Это ведет к сужению смысла этой категории.

Климова Н. и Исмагилова Л. [6] вступают в дискуссию с подходом Дегтярева П., указывая, что экономический ландшафт не может быть скрытой структурой, силовым полем, поскольку источник (фактор) формирования ландшафта и само явление – ландшафт не тождественны. В связи с этим предлагается рассматривать ландшафт в качестве отражения скрытой структуры, силового поля.

По мнению Климовой Н. и Исмагиловой Л. экономическое пространство может быть идентифицировано как совокупность территориально рассредоточенных субъектов и взаимосвязей, характеризующихся определенными материальными, трудовыми, капитальными, информационными и др. потоками и ограниченными рамками относительной однородности.

Поскольку ландшафт является отражением процессов и явлений, участвующих в его формировании, то целевая установка ландшафтных исследований должна сводиться к выявлению основных из этих процессов, характеристики которых при взаимодействии экономических агентов определяют результаты экономической деятельности.

Если исходить из толкования термина «ландшафт» как общей картины, рельефа, общего вида, например, местности, то в первом приближении экономический ландшафт – это общая картина состояния экономики (в рассматриваемом нами случае – экономики региона), формирующаяся под воздействием экономических условий и факторов и являющаяся отражением результата их взаимовлияния и взаимозависимости.

Климова Н. и Исмагилова Л. также предлагают визуально представить экономический ландшафт в виде поверхности, расположенной в осях координат, которые позволяют идентифицировать его основные характеристики.

При исследовании использования категории ландшафт в экономике может возникнуть вопрос – чем отличается, например, промышленный ландшафт региона от промышленности региона. Мы считаем, что – промышленность региона – это совокупность промышленных предприятий региона, а промышленный ландшафт – совокупность промышленных предприятий региона и совокупность связей между ними, включающих коммуникации, инфраструктуру, в т.ч. дороги. Именно акцент связи элементов являются отличительной

чертой понятия «ландшафт» применительно к экономике. Таким образом, промышленный ландшафт представляет собой значительно более широкую категорию, нежели промышленность.

Мы считаем, что при исследовании экономических явлений в пространстве региона уместно использовать понятие экономического или производственного ландшафта. В определенной степени ландшафт синонимичен понятию сети, поскольку в обоих случаях речь идет о совокупности и элементов и связях между ними.

С учетом изложенного, экономический ландшафт региона можно обозначить как категорию, характеризующую территорию, обладающую единым хозяйственным фундаментом, единообразным сочетанием условий, ресурсов, а также описывающая взаимосвязи между элементами ландшафта, то есть хозяйствующими субъектами.

Литература

1. Басов Н., Минина В. Инновационный ландшафт: от метафоры к научной категории // Инновации. 2014, №7. С.22-26.
2. Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т.16. М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. 751 с. С. 660.
3. Большая советская энциклопедия. Второе издание. М. 1953, Большое научное издательство «БСЭ». Т.24, С.276.
4. Курлаев А. Специфика индустриальных ландшафтов Урала // Российский научный журнал. 2014, №4. С. 12-15.
5. Курлаев А. Этапы и тенденции формирования промышленного ландшафта Урала // Российский научный журнал. 2018, №3. С.58-67.
6. Климова Н., Исагилова Л. Понятийный аппарат пространственной экономики с позиции ландшафтно-профильного подхода // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2013, №5.
7. Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука, 2007. – 663 с.
8. Терминологический словарь по физической географии: Справ. Пособие / Под ред. Ф.Н.Милькова. М.: Высш. шк., 1993. 288 с. С. 127.
9. Тютюнник Ю.Г. География XXI: преодолеть земное притяжение // Географический вестник. 2017, №2. С. 8.
10. Тютюнник Ю.Г. Понятие промышленного ландшафта // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». 2015, т.7, №3. С.280-288.
11. Тютюнник Ю.Г. Что такое промышленный ландшафт // Вестник ВГУ, Серия: География. Геоэкология. 2017, №2. С. 40-48.
12. Финансовый ландшафт территории / Уфимский гос. авиационный техн. ун-т, Ин-т соц.-экон. Исследований УНЦ РАН, Ин-т экономики УрО РАН. М.: Экономика, 2012. – 396 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Годоева Зинаида Андреевна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
godoeva@mail.ru

Аннотация. В статье дано определение региональной статистики, сформулированы ее цели и задачи. Рассмотрены актуальные проблемы совершенствования региональной статистики в условиях цифровизации экономики. Приведены результаты анализа готовности населения и бизнеса Республики Карелия к цифровой экономике.

Ключевые слова. Региональная статистика, региональные индикаторы, система региональных счетов, большие данные, цифровая экономика.

ACTUAL PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF REGIONAL STATISTICS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF THE RES-PUBLIC OF KARELIA)

Godoeva, Zinaida

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
godoeva@mail.ru

Abstract. The article defines regional statistics and formulates its goals and objectives. Actual problems of improving regional statistics in the context of digitalization of the economy are considered. The results of the analysis of the readiness of the population and business of the Republic of Karelia to the digital economy are presented.

Keywords. Regional statistics, regional indicators, system of regional accounts, big data, digital economy.

Процессы становления новой российской государственности, трансформация экономики и общества требуют оперативной и адекватной информации о происходящих в стране изменениях. Региональный аспект в организации государственной информационной системы приобретает в этих условиях большое научное и практическое значение. Неравномерность и специфичность развития отдельных регионов предопределяют необходимость их статистической характеристики и анализа, что обуславливает потребность создания системы региональной статистики. Региональная статистика позволяет классифицировать регионы страны по различным социально-экономическим показателям с целью идентификации их типов, дает характеристику региональной структуры национальной экономики, позволяет выявить закономерности в региональном распределении и использовании ресурсов, оценить вклад каждого региона в развитие национальной экономики, исследовать дифференциацию регионов по показателям инвестиционной привлекательности, качества жизни и др.

Развитие региональной статистики как отрасли научных знаний и как практической деятельности ведется по следующим основным направлениям:

- изучение региональной структуры страны и структурных сдвигов по различным социально-экономическим признакам;
- исследование закономерностей и тенденций развития отдельных регионов, кластеров, субъектов Российской Федерации и их групп;
- межрегиональные сравнения и сопоставления;

- внедрение системы региональных счетов;
- создание и развитие муниципальной статистики.

Целью региональной статистики является формирование комплексной информационной системы для обеспечения государственного и регионального управления, а также местного самоуправления. Региональная статистика должна стать важным орудием познания явлений и процессов региональной экономики, выполнять методологическую функцию в совершенствовании приемов расчета и анализа показателей, характеризующих экономику и социальную сферу отдельного региона. Однако, как показывает практика, региональная статистика нацелена, в основном, на удовлетворение информационных запросов федеральных органов власти и управления, основная задача которых разработка и реализация эффективной региональной политики государства. Она далеко не в полной мере отражает потребности в информации субъектов Российской Федерации, то есть, региональная статистика существует как элемент федеральной статистики, или как ее территориальный разрез.

Так система показателей, рассчитываемых в соответствии с Федеральным планом статистических работ, является унифицированной и не отражает специфику отдельных субъектов Российской Федерации. Тогда как, специфические различия в географических, экономических и социально-демографических условиях общественного производства, оказывают существенное влияние на значения многих показателей и учет этих различий, или региональных особенностей, особенно важен для региональных органов власти и управления и других пользователей информации о социально-экономической ситуации в регионе. Многие показатели формируются методом дорасчета. При этом процедуры дорасчета регламентируются Росстатом, как правило, применяются корректирующие коэффициенты. Полученные таким образом статистические показатели не дают полной объективной оценки происходящих в экономике процессов и явлений на уровне субъектов Российской Федерации. Еще меньше эта система показателей приспособлена для характеристики социально-экономических явлений и процессов на уровне муниципальных образований.

Для преодоления создавшейся ситуации ТО ФСГС необходимо: во-первых, принимать активное участие в разработке Федеральной программы статистических работ, выступая с предложениями, позволяющими повысить информативность региональной статистики; во-вторых, формировать статистику региона в рамках региональной программы статистических работ. Система региональной статистики, на наш взгляд, должна решать следующие задачи:

- анализ и оценка потребностей региональных и федеральных органов власти и управления, научных организаций, образования, бизнеса и населения в статистической информации, характеризующей условия, результаты и эффективность экономики региона, демографию и экологию, ситуацию на рынке труда, инфляцию, инновационную деятельность, инвестиционную привлекательность региона, состояние социальной сферы и качество жизни населения;
- разработка системы статистических показателей и индикаторов, характеризующих демографические, экономические, социальные, экологические и другие общественные процессы в регионе;
- разработка и проведение статистических наблюдений, ориентированных на выполнение основных задач региональной программы статистических работ;
- формирование на единой методологической основе информационной базы региональной статистики, поддержание ее в актуальном состоянии для обеспечения необходимыми статистическими данными органов власти и управления, а также других пользователей статистической информации в регионе;
- организация оперативного экономико-статистического анализа процессов, характеризующих социально-экономическую ситуацию в регионе, выявление закономерностей и тенденций их развития;

- организация сравнительного анализа социально-экономической ситуации и темпов развития социально-экономических процессов региона с другими регионами и с РФ;
- организация ситуационного анализа и прогнозирования развития социально-экономических процессов и явлений на региональном уровне.

Актуальными проблемами региональной статистики являются:

- построение системы национальных счетов (СНС) на региональном уровне; расчет показателей СНС региона в текущих и сопоставимых ценах; информационное обеспечение расчета показателей счетов на уровне региона, в частности Валового регионального продукта;
- совершенствование методологии расчета индекса промышленного производства, индекса потребительских цен на товары и услуги и других показателей, чувствительных к выбору товаров-представителей и выбору базового года;
- построение индикаторов, позволяющих оценить инновационный потенциал региона, инвестиционную привлекательность региона, качество жизни населения региона;
- совершенствование системы показателей муниципальной статистики и др.

Современный этап развития статистики, в том числе и региональной статистики, во многом определяется возможностями новых информационных технологий сбора, передачи, хранения и обработки данных, а также процессами цифровизации различных аспектов функционирования экономики, управления и жизнедеятельности человека, которые являются основой создания цифровой экономики.

Термин «цифровая экономика», ввел в употребление в 1995 году американский информатик Николас Негропonte. Сейчас этим термином пользуются во всем мире. Что касается толкования этого термина, то единого мнения по этому вопросу не выработано. «В узком смысле цифровую экономику понимают как разновидность коммерческой деятельности по производству и продаже электронных товаров и услуг. Соответственно, в нее входят, во-первых, электронная торговля, электронный банкинг и электронные деньги. Во-вторых, сервисы по предоставлению онлайн услуг; информационные сайты, зарабатывающие на рекламе; интернет-медиа (звукозапись, кино, пресса, издательская деятельность); создание развлекательного и делового программного обеспечения. В-третьих, производство соответствующего оборудования и другие обеспечивающие виды деятельности» [5].

Международное признание понятие «цифровая экономика» получило в 2016 году, после выхода доклада Всемирного банка «Цифровые дивиденды» [2]. Цифровая экономика — это «система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» (Всемирный банк). Определение Всемирного банка, дает более широкое видение цифровой экономики. Фактически речь идет о цифровой трансформации общества. Информационно-телекоммуникационные технологии проникают во все сферы жизни.

Президент РФ Владимир Путин на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2017 года определил значение цифровой экономики следующим образом: «Цифровая экономика – это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а следовательно, задает новую парадигму развития государства, экономики и всего общества» [1]. Правительством РФ 28го июля 2017го года была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Программа рассчитана до 2024го года. Она предусматривает за счет государственных и частных инвестиций развивать такие перспективные направления, как Big Data, «интернет вещей», облачные технологии, IT-продукты и сервисы с высоким экспортным потенциалом. Программа содержит конкретные показатели, которые должны быть достигнуты. Основными результатами реализации программы должны стать «рост производительности труда, повышение конкурентоспособности компаний, снижение издержек производства, создание новых рабочих мест, более полное удовлетворение потребностей населения, преодоление

бедности и социального неравенства» [6]. Таким образом, цифровая экономика станет основой для реализации реформ в экономике и социальной сфере.

В условиях цифровизации экономики и социальной сферы появляются новые возможности в решении традиционных проблем региональной статистики. Новые возможности, прежде всего, связаны с возможностями получения первичной статистической информации. Источниками первичных статистических данных являются данные, полученные в рамках традиционных статистических наблюдений, административные данные и, так называемые, большие данные. Включение больших данных в процесс подготовки официальной статистики позволит получать более детализированные сведения, а также информацию о ненаблюдаемых ранее секторах, увеличить частоту статистических оценок и повысить их надежность, снизить нагрузку на респондентов, минимизировать влияние человеческого фактора, обновлять информацию практически в режиме реального времени. Вместе с тем следует иметь в виду, что эти данные плохо структурированы, источники данных не стабильны, в том числе могут меняться условия их использования, сложно установить полноту охвата и, соответственно, репрезентативность данных. Появляются новые типы ошибок, которых не было раньше, а также усложняется оценка качества данных. Большие данные могут быть недостоверны, умышленно искажены. Применение больших данных требует дополнительных затрат на установление договорных отношений с оператором, извлечение данных, их обработку и защиту, наем квалифицированных специалистов по информатике, внедрение новейших аппаратных средств и программного обеспечения. В Российской Федерации использование больших данных не регламентировано законом о статистике. Применение больших данных целесообразно при наличии расчетов экономической эффективности от создания системы их использования, так как затраты могут превысить предполагаемый эффект.

Реализация концепции создания цифровой экономики поставила перед федеральной и региональной статистикой и совершенно новые проблемы и задачи:

- изучение цифрового неравенства регионов — наличие населенных пунктов, необеспеченных сотовой связью и/или доступом к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" при общем высоком развитии информационно-коммуникационной инфраструктуры в крупных городах;
- оценка готовности населения региона к использованию сквозных цифровых технологий и наличие спроса населения региона на цифровые технологии;
- оценка потенциальных возможностей бизнеса региона к реализации задач цифровой экономики;
- оценка затрат, результатов и эффективности создания цифровой экономики;
- оценка вклада цифровой экономики в экономический рост, укрепление обороноспособности государства, достижения конкурентоспособности российских товаров, повышение производительности труда и достижение высоких стандартов качества жизни населения;
- оценка негативных последствий цифровизации, среди которых сжатие либо даже исчезновение традиционных рынков, замена некоторых профессий автоматизированными системами, рост масштабов киберпреступности, уязвимость прав человека в цифровом пространстве, угрозы сохранности цифровых пользовательских данных, низкий уровень доверия к цифровой среде.

В настоящее время действующая в России практика статистических наблюдений ограничена сферой ИКТ и развитием информационного общества, предусматривая измерение параметров развития сектора ИКТ и отрасли ИТ, занятости и подготовки кадров, информационной инфраструктуры, использования средств ИКТ в организациях и населением, распространения отдельных видов цифровых технологий на предприятиях. Состав имеющейся в настоящее время статистической информации на федеральном и региональном уровнях лишь частично характеризует развитие цифровой экономики.

Экспертами Высшей школы экономики совместно с Росстатом, начиная с 2017 года, проводятся расчеты индикаторов цифровой экономики, которые отражают готовность населения и бизнеса к цифровой экономике.

В табл.1 приведено распределение регионов РФ по значению индекса цифровизации бизнеса РФ за 2017 год.

Таблица 1

Индекс цифровизации бизнеса	Количество регионов
18–20	3
20–22	7
22–24	20
24–26	20
26–28	21
28–30	11
30–32	0
32–34	2
34–36	1
Всего	85

Примечание. Таблица составлена автором.

Источник данных: Индикаторы цифровой экономики: 2019 статистический сборник/ Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с.

Минимальное значение индекса, равное 18 пунктам, имеет Республика Дагестан. Максимальное значение, равное 35 пунктам, — г. Москва. Модальное значение индекса находится в интервале от 26 до 28 пунктов. Индекс цифровизации бизнеса Республики Карелия находится в этом интервале. Он равен 26 пунктам.

В табл.2 приведены данные расчета индекса цифровизации бизнеса по Северо-Западному федеральному округу РФ за 2017 год.

Таблица 2

	Индекс цифровизации бизнеса	В том числе показатели индекса				
		Удельный вес организаций, использующих широкополосный интернет, %	Удельный вес организаций, использующих облачные сервисы, %	Удельный вес организаций, использующих REID-технологии, %	Удельный вес организаций, использующих ERP-системы, %	Удельный вес организаций, осуществляющих электронные продажи с использованием специальных форм, размещенных на веб-сайте/ в экстранете, EDI-систем, в общем числе организаций, %
<i>A</i>	<i>I</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Северо-Западный федеральный округ	28	88,6	23,8	5,2	13,2	9,9
Республика Карелия	26	88,5	17,4	4,4	10,5	7,6
Республика Коми	26	88,1	20,5	3,9	9,6	6,0
Архангельская область	25	83,2	22,0	3,6	10,2	6,5
в том числе						
Ненецкий автономный округ	26	88,7	21,5	2,7	8,2	7,8
Архангельская область без автономного округа	25	82,7	22,0	3,7	10,4	6,4

Таблица 2 (продолжение)

А	1	2	3	4	5	6
Вологодская область	26	85,6	21,8	3,6	11,5	9,1
Калининградская область	28	88,1	24,5	4,9	10,8	9,3
Ленинградская область	30	92,5	25,0	5,5	14,1	11,0
Мурманская область	26	86,7	21,0	4,1	11,5	7,7
Новгородская область	27	85,0	25,4	3,9	15,3	7,3
Псковская область	26	85,4	21,3	4,7	9,1	9,0
г. Санкт-Петербург	33	93,5	29,0	8,1	19,0	15,6

Примечание. В графах 2 — 6 приведены факторы, по которым рассчитывался индекс цифровизации бизнеса. Для расчета индекса использовалась формула средней арифметической простой.

Источник данных: Индикаторы цифровой экономики: 2019 статистический сборник/ Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с.

По Северо-Западному федеральному округу индекс цифровизации бизнеса равен 28°пунктам. Значение индекса варьирует от 25 до 33 пунктов. Минимальное значение равно 25 пунктам (Архангельская область). Максимальное значение — 33 пунктам (г. Санкт-Петербург). Республика Карелия занимает пятое место по значению этого показателя, опережая только Архангельскую область.

В табл. 3 приведен рейтинг субъектов Северо-Западного федерального округа по факторам, учитываемым в расчете индекса цифровизации бизнеса, в 2017 году.

Таблица 3

	В том числе показатели индекса				
	Удельный вес организаций, использующих широкополосный интернет, %	Удельный вес организаций, использующих облачные сервисы, %	Удельный вес организаций, использующих REID-технологии, %	Удельный вес организаций, использующих ERP-системы, %	Удельный вес организаций, осуществляющих электронные продажи с использованием специальных форм, размещенных на веб-сайте/ в экстранете, EDI-систем, в общем числе организаций, %
Республика Карелия	4	11	5	6	8
Республика Коми	5	10	7	9	6
Архангельская область	10	5	9	8	11
в том числе					
Ненецкий автономный округ	3	7	10	11	6
Архангельская область без ненецкого автономного округа	11	5	8	7	12
Вологодская область	7	6	9	4	4
Калининградская область	5	4	3	5	3
Ленинградская область	2	3	2	3	2
Мурманская область	6	9	6	4	7
Новгородская область	9	2	7	2	9
Псковская область	8	8	4	10	5
г. Санкт-Петербург	1	1	1	1	1

Примечание. Таблица составлена автором.

Источник данных: Индикаторы цифровой экономики: 2019 статистический сборник/ Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с.

Показатели телекоммуникационной инфраструктуры и использования интернета в домашних хозяйствах и населением в 2018 году приведены в табл. 4.

Таблица 4

	Абоненты широкополостного доступа к интернету в расчете на 100 чел. населения, чел.		Удельный вес домашних хозяйств, имеющих широкополостный доступ к интернету, в общем числе домашних хозяйств, %	Удельный вес населения, использующего интернет, %		
	фиксированного	мобильного		в общей численности населения в возрасте 15-74 лет	для заказов товаров и услуг, в общей численности населения в возрасте 15-74 лет	для получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме в численности населения в возрасте 15-72 лет, получившего государственные и муниципальные услуги
Российская Федерация	21,6	86,2	73,2	87,3	34,7	74,8
Северо-Западный федеральный округ	23,5	93,1	76,5	88,0	37,8	67,8
Республика Карелия	31,7	70,1	74,6	85,3	39,9	61,8
Республика Коми	23,9	82,1	77,3	86,6	37,7	59,0
Архангельская область	22,8	76,6	69,7	85,1	31,9	78,7
в том числе						
Ненецкий автономный округ	18,2	...	56,0	80,7	48,7	66,4
Архангельская область без автономного округа	23,0	76,6	70,1	85,3	31,2	79,2
Вологодская область	22,6	69,5	69,3	81,3	28,2	80,7
Калининградская область	20,8	92,7	70,5	85,2	34,4	67,2
Ленинградская область	11,5	108,2	73,2	89,1	37,6	62,9
Мурманская область	28,7	82,3	82,4	90,3	56,1	62,3
Новгородская область	17,5	69,6	63,4	81,5	34,3	66,3
Псковская область	16,7	72,2	65,0	81,6	30,7	53,4
г. Санкт-Петербург	28,3	108,2	84,7	91,9	40,1	69,9

Источник данных: Индикаторы цифровой экономики: 2019 статистический сборник/ Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с.

Республика Карелия занимает первое место в Северо-Западном Федеральном округе по числу абонентов фиксированного широкополостного доступа к интернету в расчете на 100 чел. населения. Оно составляет 31,7 человека, что больше, чем в Северо-Западном Федеральном округе и больше, чем в Российской Федерации. Удельный вес домашних хозяйств, имеющих широкополостный доступ к интернету, в общем числе домашних хозяйств, составляет 74,6%. Удельный вес населения, использующего интернет, в общей численности населения в возрасте 15-74 лет составляет 83,5%. Удельный вес населения, использующего интернет для заказов товаров и услуг, в общей численности населения в возрасте 15-74 лет составляет 39,9%. Удельный вес населения, использующего интернет для получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме в численности населения в возрасте 15-72 лет, получившего государственные и муниципальные услуги, составляет 61,8%.

В табл. 5 приведены данные о динамике показателей телекоммуникационной инфраструктуры и использования интернета в домашних хозяйствах и населением в 2018 году по сравнению с 2017 годом.

Таблица 5

Номер строки	Показатель	2017 г.	2018 г.	Абсолютный прирост	Темп прироста, %
<i>A</i>	<i>B</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
1	Абоненты широкополостного фиксированного доступа к интернету в расчете на 100 чел. населения, чел.	30,9	31,7	+0,8	+2,6
2	Абоненты широкополостного мобильного доступа к интернету в расчете на 100 чел. населения, чел.	59,6	70,1	+10,5	+17,6
3	Удельный вес домашних хозяйств, имеющих широкополостный доступ к интернету, в общем числе домашних хозяйств, %	74,7	74,6	-0,1	-0,1
4	Удельный вес населения, использующего интернет в общей численности населения в возрасте 15-74 лет, %	82,6	85,3	+2,7	+3,3
5	Удельный вес населения, использующего интернет для заказов товаров и услуг, в общей численности населения в возрасте 15-74 лет, %	32,4	39,9	+7,5	+23,1
6	Удельный вес населения, использующего интернет для получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме в численности населения в возрасте 15-72 лет, получившего государственные и муниципальные услуги, %	41,1	61,8	+20,7	+50,4

Примечание. Таблица составлена автором. В строках 3-4 абсолютный прирост приведен в процентных пунктах (п.п.).

Источник данных: Индикаторы цифровой экономики: 2018 статистический сборник/ Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2018. – 268 с.

Индикаторы цифровой экономики: 2019 статистический сборник/ Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с.

Как видно из табл. 5, спрос на цифровые технологии растет.

По оценкам экспертов «Республика Карелия занимает устойчивые позиции в Российской Федерации по развитию информационного общества» [7].

В условиях цифровой экономики повышаются требования бизнеса, общества и государства к данным, предоставляемым официальной статистикой. Для ответа на этот запрос предстоит развивать методологию статистического наблюдения, в том числе за новыми процессами и явлениями; оптимизировать процессы сбора и обработки первичных данных; обеспечить новые формы представления информации и возможности ее гибкого использования всеми заинтересованными пользователями. Национальная статистическая служба должна стать единым методическим центром работы с данными. На региональном уровне речь должна идти о создании региональной информационной платформы субъекта РФ, в которой региональная статистика представлена с учетом всех запросов потребителей информации о социально-экономическом развитии региона.

Литература

1. Владимир Путин выступление на пленарном заседании ПМЭФ–2017. – 02.06.2017. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kbrria.ru/politika/vladimir-putin-vystupil-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2017-18879> — свободный. — Яз. Рус. – (Дата обращения 14.08.2019)
2. Доклад о мировом развитии 2016. Цифровые дивиденды: Обзор / Всемирный банк. — Вашингтон, 2016. — 58 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/2106>. — свободный. — Яз. Рус. – (Дата обращения 14.08.2019)

3. Индикаторы цифровой экономики: 2018 статистический сборник/ Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2018. – 268 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2018> — свободный. — Яз. Рус. — (Дата обращения 09.09.2019).
4. Индикаторы цифровой экономики: 2019 статистический сборник/ Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: НИУ ВШЭ, 2019. – 248 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2019> — свободный. — Яз. Рус. — (Дата обращения 09.09.2019).
5. Положихина, М. А Цифровая экономика как социально-экономический феномен / Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Редкол.: Н. А. Макашева (гл. ред.), и др. Москва, 2018. № 1.— 156 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-kak-sotsialno-ekonomicheskii-fenomen> — свободный. — Яз. Рус. — (Дата обращения 14.08.2019).
6. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства Р.Ф. №1632-р от 28.07.2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0> — свободный. — Яз. Рус. — (Дата обращения 14.08.2019).
7. Развитие информационного общества в республике Карелия, 22 февраля 2018 года — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.цэки.рф › analytics> — свободный. — Яз. Рус. — (Дата обращения 09.09.2019).

References

1. Vladimir Putin speech at the plenary session of SPIEF-2017. – 02.06.2017. [Electronic resource.] — URL: <http://kbrria.ru/politika/vladimir-putin-vystupil-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2017-18879> — free. — Lang. Fair-haired. (Date of application 14.08.2019).
2. World development report 2016. Digital dividends: Overview / world Bank. — Washington, 2019. - 58 p. [Electronic resource]. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/2106>. — free. — Lang. Fair-haired. (Date of application 14.08.2019).
3. Indicators digital economy: 2018 statistical Yearbook/ G. I. Abdrakhmanova, K. O. Wisniewski, L. Gokhberg, etc.; the NAT. research. UN-t "Higher school of Economics". - Moscow: HSE, 2018. - 268 p. [Electronic resource]. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2018> — free. — Lang. Fair-haired. (Date of application 09.09.2019).
4. Indicators digital economy: 2019 statistical Yearbook/ G. I. Abdrakhmanova, K. O. Wisniewski, L. Gokhberg, etc.; the NAT. research. UN-t "Higher school of Economics". – Moscow: higher school of Economics, 2019. - 248 p. [Electronic resource]. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ice2019> — free. — Lang. Fair-haired. (Date of application 09.09.2019).
5. Polosukhina, M. And the Digital economy as a socio-economic phenomenon / the Economic and social problems of Russia: SB.scientific. Tr. / WOUND. Center social. scientific.-inform. research. Otd. economy; Redkol.: N. A. makasheva (main ed.), et al. Moscow, 2018. No. 1.- 156 p. [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-kak-sotsialno-ekonomicheskii-fenomen> — free. — Lang. Fair-haired. (Date of application 14.08.2019).
6. Program "Digital economy of the Russian Federation". The order of the Government of RF №1632-p 28.07.2017 G. [Electronic resource]. — URL: <http://static.government.EN/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0> — free. — Lang. Fair-haired. (Date of application 14.08.2019).
7. Development of information society in the Republic of Karelia, February 22, 2018- [Electronic resource]. — URL: <https://www.цэки.рф> " analytics is free. — Lang. Fair-haired. (Date of application 09.09.2019).

ТУРИЗМ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РУССКОГО СЕВЕРА

Грушенко Эдуард Борисович

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия
grushenko.eduard@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции и актуальные вопросы развития культурно-познавательного туризма как фактора устойчивого развития малых исторических городских и сельских поселений Русского Севера. Показаны наиболее успешные практики эффективного и динамичного развития туризма в Тотьме, Великом Устюге, Сортавале, Белозерске, Яренске, Кириллове.

Ключевые слова: Русский Север, исторический город, туризм, туристский бренд, устойчивое развитие.

TOURISM AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE SMALL HISTORICAL VILLAGES OF THE RUSSIAN NORTH

Grushenko, Eduard

Institute of Economic Problems named after G.P. Luzin KSC RAS, Apatity, Russia
grushenko.eduard@mail.ru

Abstract: The article discusses the main trends and pressing issues of the development of cultural tourism as a factor in the sustainable development of small historical urban and rural settlements of the Russian North. The most successful practices of effective and dynamic tourism development in Totma, Veliky Ustyug, Sortavala, Belozersk, Yarensk, Kirillov are shown.

Keywords: Russian North, historical city, tourism, tourist brand, sustainable development

На территории Русского Севера расположено 22 исторических города, из них 5 малых городов имеют статус исторического города федерального значения. В новый сокращенный перечень 2010 г. особо ценных исторических городов России вошли малые города Русского Севера, сохранившие большую часть старинной застройки. В список вошли вологодские города Белозерск, Тотьма и Великий Устюг, архангельские – Каргополь и Сольвычегодск.

Малые города, особенно обладающие богатым историческим наследием, ждут простых и быстрых решений для своего развития, резкого увеличения числа туристов, а значит роста доходов и занятости населения. Культурно-познавательный туризм - это база для экономического роста и возможность для устойчивого развития исторического города. Однако не стоит ожидать массового туризма в малых городах, особенно с трудной логистикой (пример – Каргополь). Массовые туристы как правило, выбирают наиболее доступные, оптимальные по соотношению цены и качества места для посещения. Любые успешные примеры развития туризма в северных городках, как правило связаны либо с сильным брендингом, в основном, с использованием федеральных ресурсов (пример – Великий Устюг), либо с выгодным географическим положением (пример – Кириллов) [6]. Необходимо активное участие и заинтересованность местного населения в создании комфортной туристской городской среды, в сохранении и эффективном использовании культурного наследия, а также его сотрудничества с турбизнесом и местными органами власти.

Наиболее яркими примерами эффективного и динамичного развития туризма в малых исторических поселениях Русского Севера, наряду с Великим Устюгом, являются - Тотьма,

Кириллов, Белозерск, и Яренск. В этих городках за счет устойчивого развития туризма растет туристский поток, создаются новые рабочие места, привлекаются дополнительные инвестиции, пополняется доходная часть местных бюджетов, разрабатываются новые событийные мероприятия [7].

Среди малых городов Архангельской области следует особо отметить Каргополь, Вельск и Сольвычегодск, в которых несмотря на небольшой туристский поток, активно развивается система туристско-информационной навигации в историческом центре возле основных объектов показа. Город-музей Каргополь – единственный из городов Русского Севера, принятый в Ассоциацию малых туристских городов России. В Вельске на центральной площади создан пешеходный музейный квартал, открываются новые музеи. А в Сольвычегодске установлены информационные стенды об истории существующих и утраченных памятников архитектуры, создан парк скульптур фестиваля Козьмы Пруtkова.

Приграничная Сортавала является вторым после Петрозаводска туристическим центром республики Карелия. Немаловажную роль в этом играет его роль как одного из отправных пунктов туристических маршрутов на Валаам и в горный парк «Рускеала», в который ходит ретро-поезд «Николаевский экспресс». Большой поток иностранных туристов даёт так называемый ностальгический туризм бывших жителей Приладожья, проживающих ныне в Финляндии, а также участие города в международном туристическом маршруте «Голубая дорога», протянувшимся от побережья Норвегии через Швецию и Финляндию до карельского Пудожя. Сортавала является единственным историческим городом республики Карелия, сохранившим свой целостный архитектурно-исторический облик. В нем сохранилось около 100 памятников архитектуры в стилях финского романтизма, функционализма, арт-деко. В 2016 г. город получил статус Новогодней столицы России, приняв большое количество туристов в зимний период. А с появлением скоростного поезда «Ласточка» в декабре 2018 г, курсирующего между Санкт Петербургом и Сортавалой, ожидается увеличение турпотока в приграничный город в 3 раза.

Вологодская Тотьма представляет собой привлекательный для туриста город ввиду выгодного географического положения и высокой сохранности множества памятников как церковной, так и гражданской архитектуры. Тотьма является одним из самых «брендовых городов России». В городе развиваются несколько туристских брендов, среди которых наиболее привлекательны для туристов: «Соль земли русской», «Город купцов и мореходов», «Город тотемского барокко», «Город музеев», «Настоящий тотемский продукт».

Тотьма – «соль земли Русской» - этот бренд официально закреплён документально как товарный знак. Тотьма считается родиной русского солеварения [3].

Тотьма в 2018 г. официально стала первым «самым красивым городком России», принятым в Ассоциацию самых красивых деревень и городков России (АСКДГР). Благодаря грамотной маркетинговой работе креативных сотрудников местного музейного объединения, администрации города и МУП «Туризм и народные промыслы» по повышению привлекательности города и продвижению туристского потенциала, Тотьма в настоящее время значительно преобразилась в инфраструктурном плане и превратилась в аттрактивный туристский центр. Только за последние три года реализованы проекты «Кольцо исторической памяти», «Культурный квартал», направленные на создание новых аттракций и комфортной городской среды, выход музея в городское пространство. На финансовые средства краудфандинга и гранта благотворительного фонда братьев Тимченко «Культурная мозаика малых городов», в историческом центре города появились новые арт-объекты, посвященные местным брендам, и стенды туристско-информационной навигации, открыт новый музейный объект, в 2019 г. открыта новая пешеходная зона. В Тотьме проводятся различные событийные мероприятия. Устойчивый туристский поток составляет более 100 тыс. туристов в год, несмотря на удаленность от основных центров туризма [9].

Потенциальными кандидатами на вступление в АСКДГР, являются также привлекательные городки Русского Севера, сохранившие аутентичные памятники

архитектуры, самобытную культуру местных жителей и традиционную историческую среду обитания - Кириллов, Белозерск, Каргополь и Сольвычегодск.

Среди малых исторических городов Русского Севера на первом месте по посещаемости занимает Кириллов, принимающий около 360 тыс. туристов в год (из них 66 тыс. - иностранных), в основном в рамках водного круиза по Волго-Балту – самого популярного туристского маршрута Европейского Севера. Экономический потенциал Кирилловского района на 45% формирует сфера туризма и сфера услуг. Кириллов входит в тройку самых популярных у туристов малых городов России. В летний сезон. пристань Горицы принимает ежегодно около 500 круизных теплохода [4].

Расположенный на Волго-Балте Белозерск является не только самым древним, но и самым «музейным» городом Русского Севера - на девять тысяч населения приходится 11 музеев. Туризм для Белозерска - одно из основных стратегических направлений развития. [2]. Ежегодно Белозерск посещают около 70 тыс. туристов. В последнее время активно вкладываться в развитие города стал частный бизнес, улучшаются условия для туристов, модернизируется существующая инфраструктура, открываются новые музеи, кафе, гостевые дома. Превращение Белозерска в «летнюю столицу туризма Вологодской области» (наряду с Кирилловым) возможно лишь с решением главной транспортной проблемы – сооружением причального комплекса для круизных теплоходов, идущих по Волго-Балту.

Белозерск вошел в перспективные межрегиональные Ганзейские туристические маршруты и проекты, в том числе в Ганзейский туристско-познавательный проект «Путями Прокопия Праведного», который является частью межрегионального проекта «Ганзейские дороги России». Сетевой проект Русской Ганзы направлен на интеграцию туристского потенциала русских городов, развитие культурно-исторического и событийного туризма на основе возрождения культурного наследия и привлечения иностранных инвестиций, прежде всего из Германии и Швеции.

Самым успешным реализуемым туристским проектом и брендом Европейского Севера стал инвестиционный проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза». Малый северный город стал одним из наиболее активно развивающихся туристских центров региона, попав в топ - 10 самых посещаемых городов страны. Туризм приносит до 30% дохода в местный бюджет, 11% жителей города занято в туристском бизнесе. За последние 20 лет турпоток вырос в сто раз [5].

Поток туристов в Великий Устюг в краткосрочной перспективе может вырасти в два раза, с нынешних 300 тыс. до 600 тыс. чел. в год благодаря созданию укрупненного туристского кластера на основе расширения действующей вотчины Деда Мороза и федеральному проекту «Сказочная карта России». В рамках инвестпроекта в городе планируется реконструкция аэропорта с удлинением взлетной полосы, что позволит принимать воздушные суда международного класса с иностранными туристами.

В исторических городах Русского Севера необходимо улучшать комфортную городскую среду на основе развития дружелюбных общественных пространств и новых аттракций, туристско-информационной навигации.

В федеральный проект «Сказочная карта России» занесено несколько сказочных резиденций Архангельской области. Наибольшую известность среди туристов набирают бренды бывшего уездного городка Яренск Ленского района «Родина Матушки Зимы» и «Брошу все, уеду в Яренск». Несмотря на удаленность Яренска, туристский поток в старинное село увеличился с 200 чел. в 2012 г. до 19 тыс. чел. в 2017 г. [8].

На сегодняшний день Архангельская область является лидером среди субъектов РФ по количеству населённых пунктов, принятых в Ассоциацию самых красивых деревень. В 2016 г. в неё вошла деревня Ошевенский Погост Каргопольского района, в 2017 г. – Кимжа Мезенского района, в 2018 г. – Кильца Мезенского района и Веркола Пинежского района. Поморские села Кимжа и Кильца стали первыми арктическими деревнями в Ассоциации, так как Мезенский район входит в Арктическую зону РФ.

Ассоциация «Самые красивые деревни и городки России» объединяет сельские населённые пункты и малые города (с населением не более 10 тыс. жителей), обладающие самобытной архитектурой, природным наследием и традиционным сельским укладом жизни в целях развития туризма, вовлечения жителей в процессы саморазвития, повышения привлекательности сельских территорий. Претенденты на вступление в Ассоциацию проходят предварительную экспертизу отечественными и зарубежными экспертами на предмет наличия в поселении целостной исторической среды обитания и застройки, красоты окружающего культурного и природного ландшафта. Также важными критериями являются чистота, самобытность, аутентичность традиционных исторических зданий. В настоящий период членами АСКДГР являются 9 деревень и 2 малых города РФ. [1]. Помимо четырех архангельских деревень, в Ассоциацию входит миниатюрная карельская деревня Кинерма.

Ассоциация самых красивых деревень – это проект комплексного и устойчивого развития сельских территорий, направленный на повышение качества жизни местного населения, рассчитанный на активных людей, которые чтут свои традиции и самобытность. Статус «самая красивая деревня» присваивается на срок 5 лет. На въезде в деревню устанавливается брендовый знак «Самая красивая деревня России». С поселением подписывается «Хартия качества» - соглашение, по которому Ассоциация обязуется продвигать самые красивые деревни на российском и международном уровне, а муниципалитеты обязуются соблюдать выдвинутые критерии. Совместно разрабатывается «дорожная карта», способствующая повышению эстетического вида деревни и развитию инфраструктуры, активному вовлечению местного населения в развитие проекта. Значительное внимание уделяется сохранению историко-культурного наследия, туристско-информационным и гастрономическим аспектам. Планируется разработка туристских маршрутов по самым красивым деревням.

АСКДГР является частью Федерации самых красивых уголков мира – это очень высокий статус, претендующий на включение в список наследия Юнеско. С одной стороны, данный бренд способствует привлечению дополнительного внимания туристов, с другой стороны – может влиять на восприятие идентичности у местных жителей и стать существенным стимулом для устойчивого развития. Сельское поселение может получать дополнительную прибыль за счет продажи местных сувениров, кулинарных блюд и турпродуктов.

В настоящий период на сайте Ассоциации в путеводитель по самым красивым деревням входит 44 поселения России, из них 29 находятся на Русском Севере - 24 деревни Архангельской области, 2 карельские деревни, 3 малых поселения Вологодской области [1]. Большинство данных сельских поселений имеют статус «Привала», критерии для включения в который не такие строгие, как для статуса «Самая красивая деревня России». Многие исторические деревни труднодоступны, туда редко ходит общественный транспорт, а добраться до некоторых можно только по воде или на внедорожнике (пример – Кильца). Экспертам Ассоциации следует также обратить внимание и на другие малые исторические поселения Русского Севера, сохранившие аутентичные памятники народного деревянного зодчества, самобытную культуру местных жителей и традиционную историческую среду обитания. Потенциальными кандидатами для вступления в АСКДГР являются: карельские деревни - Панозеро, Хайкола, Шелтозеро, Шуерецкое; вологодские деревни - Пожарище (Национальную деревню Русского Севера посещает до 15 тыс. туристов в год), Горицы; архангельские деревни – Черевково, Сура, Дорогорское, а также село Варзуга в Мурманской области.

По поводу возможного членства в Ассоциации проводится опрос местных жителей на общем сходе, решение о вступлении в АСКДГР принимается большинством голосов. Некоторые сельские жители опасаются чрезмерного внимания гостей. Следует сохранять баланс между туризмом и традиционным укладом жизни. Так, в 2017 г. на местном сходе жители поморской онежской деревни Ворзогоры неожиданно отказались от членства в Ассоциации [5]. А жители карельской деревни Кинерма просят их оградить от назойливых

туристов, нахлынувших в их маленькую деревню после вступления в Ассоциацию. Местные селяне объясняют это тем, что постоянно в Кинерме живет всего 5 человек, а туристский поток в деревню вырос до 3 тыс. туристов в год, из-за чего не хватает местных кадров для проведения экскурсий и размещения многочисленных гостей.

Одной из перспективных движущих сил устойчивого развития малых исторических поселений Русского Севера является территориальное общественное самоуправление (ТОС). Например, ТОС Архангельской области признаны одними из лучших в России (Кимжа, Яренск). Инициатива ТОС является важным инструментом, способным привлечь активное само-организованное население к проектам, направленным на развитие туризма, сохранение культурно-исторического наследия, народных традиций и промыслов в малых городах и селах Русского Севера. Уникальные сельские территории Русского Севера с целью сохранения традиционной исторической среды обитания и культурных ландшафтов, могут получить охранный статус историко-культурного заповедника (пример - Кимжа) или достопримечательного места регионального или федерального значения.

Литература

1. Ассоциация самых красивых деревень и городков России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://new.krasaderevni.ru/> (дата обращения: 10.08.2019).
2. Грушенко Э.Б. Историко-архитектурное наследие Белозерска как фактор устойчивого развития туризма // Современные проблемы истории и теории архитектуры: сб. докладов III науч.-практич. конф.; СПбГАСУ. — СПб., 2017. — С. 120-125
3. Грушенко Э.Б. Феномен туристского развития малого исторического города на Русском Севере // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы. Сборник материалов Всероссийской научной конференции / (Москва, МГУ, 27–29 ноября 2015г.). – М.: Геогр. ф-т МГУ, 2016 С. 165-169
4. Кирилловский район становится всё более привлекательным для туристов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kirsmi.ru/1/index/2017/сентябрь/29-сентября/кирилловский-район-становится-всё-более-привлекательным-для-туристов>. (дата обращения: 10.09.2018).
5. Открытый Север. Туристский портал Архангельской области. Новости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pomorland.travel/news/> (дата обращения: 10.08.2019).
6. Проблемы малого города Русского Севера: есть ли выход? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusregions.com/problemny-malogo-goroda-russkogo-severa-est-li-vykhod/> (дата обращения: 18.01.2019).
7. Сайт Департамента культуры и туризма Вологодской области. Ведомственная информация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://depcult.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/> (дата обращения: 18.12.2018).
8. Сайт Правительства Архангельской области и Отдела развития туризма министерства культуры. Новости туризма [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://dvinaland.ru/tourism> (дата обращения: 10.08.2019).
9. Туристско-информационный сайт Тотемского района [Электронный ресурс]. Режим доступа: - <http://tourizm-totma.ru/tourinfo> (дата обращения: 25.08.2019).
10. Турпоток в Великий Устюг за 20 лет вырос в сто раз [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ratanews.ru/news/news_19102018_2.stm (дата обращения: 10.01.2019).

References

1. Association of the most beautiful villages and towns of Russia [Electronic resource]. Access mode: <http://new.krasaderevni.ru/> (accessed: 08/10/2019).
2. Grushenko E.B. The historical and architectural heritage of Belozersk as a factor in the sustainable development of tourism // Modern problems of history and theory of architecture: Sat. reports III scientific and practical. conf. ; SPbGASU. - SPb., 2017. -- S. 120-125
3. Grushenko E.B. The phenomenon of tourist development of a small historical city in the Russian North // Mosaic of urban spaces: economic, social, cultural and environmental processes. Collection of materials of the All-Russian Scientific Conference / (Moscow, Moscow State University, November 27–29, 2015). - M. : Geogr. Moscow State University, 2016 pp. 165-169
4. Kirillovsky district is becoming increasingly attractive to tourists. [Electronic resource]. Access mode: <http://kirsmi.ru/1/index/2017/September/29-September/Kirillovsky-district-becomes-all-more-attractive-for-tourists>. (Date of treatment: 09/10/2018).
5. The open North. Tourist portal of the Arkhangelsk region. News. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.pomorland.travel/news/> (address: 08/10/2019).

6. Problems of the small city of the Russian North: is there a way out? [Electronic resource]. Access mode: <http://rusregions.com/problemny-malogo-goroda-russkogo-severa-yest-li-vykhod/> (accessed: 01/18/2019).
7. Website of the Department of Culture and Tourism of the Vologda Oblast. Departmental information. [Electronic resource]. Access mode: <http://depcult.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/> (accessed: 12/18/2018).
8. Website of the Government of the Arkhangelsk Region and the Tourism Development Department of the Ministry of Culture. Tourism News [Electronic resource]. Access mode <https://dvinaland.ru/tourism> (accessed: 08/10/2019).
9. Tourist information site of the Totemsky district [Electronic resource]. Access mode: -[http: //tourizm-totma.ru/tourinfo](http://tourizm-totma.ru/tourinfo) (accessed date: 08.25.2019).
10. The flow of tourists to Veliky Ustyug has grown one hundred times over 20 years [Electronic resource]. Access mode: http://www.ratanews.ru/news/news_19102018_2.stm (accessed: 01/10/2019).

СПЕЦИФИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гуменюк Иван Сергеевич

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Аннотация. Транспортная безопасность — новое для экономико-географических исследований понятие, рассматриваемое как подсистема экономической безопасности. Приграничные регионы обладают спецификой при обеспечении собственной транспортной безопасности, связанной с необходимостью обеспечения международного и трансграничного сотрудничества.

Ключевые слова: транспортная безопасность, экономическая безопасность, приграничный регион.

SPECIFICITY OF ENSURING TRANSPORT SECURITY OF BORDER REGIONS IN THE CONTEXT OF ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL RESEARCH

Gumenyuk, Ivan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

IGumeniuk@kantiana.ru

Abstract: Transport security, a new concept for economic and geographical research, which is applied as a subsystem of economic security. The border regions have specifics in ensuring their own transport security, associated with the need to ensure international and cross-border cooperation.

Keywords: transport security, economic security, border region

Понятие транспортной безопасности региона, не смотря на свое традиционное использование в контексте юридических или технических наук, все чаще используется и в экономико-географических исследованиях. Чаще всего транспортная безопасность рассматривается как подсистема экономической безопасности региона [3], которая, в свою очередь, является составным элементом понятия национальной (или комплексной) безопасности [2] наряду с экологической, информационной, демографической, суверенной и другими элементами безопасности региона. Под транспортной безопасностью в экономико-географических или комплексных региональных исследованиях целесообразно, по мнению автора, понимать эффективное и устойчивое состояние транспортного комплекса и объектов транспортной инфраструктуры как неотъемлемого элемента ТСЭС, в равной мере защищенного от внешних и внутренних техногенных, антропогенных, природных, социально-экономических и иных угроз. Устойчивость системы подразумевает минимизацию негативного влияния как от внешних, так от внутренних факторов разной природы: институциональных, инфраструктурных, экономических, техногенных, экологических и пр. В обобщённом виде классификация факторов (угроз), определяющих уровень транспортной безопасности региона, представлена на рисунке 1. Данная классификация может корректироваться и дополняться в зависимости от специфики исследуемого региона. В полной мере такими специфичными регионами выступают приграничные регионы. Их отличительной особенностью с точки зрения экономико-географического положения является их периферийность в национальном пространстве. Для современного пространственного характера социально-экономического развития России территориальная периферийность синхронизируется с периферийностью в национальном экономическом пространстве (что в принципе соответствует общемировой тенденции, при которой приграничные регионы почти всегда отстают в уровне и темпах своего развития от

центральных территорий страны). В российской действительности исключением может считаться город Санкт-Петербург, который вместе с Ленинградской областью формирует в целом экономически развитый когерентный регион. Остальные же приграничные регионы в большей степени формируют национальную экономическую периферию, характеризующуюся отставанием от средненациональных темпов социально-экономического развития и более низкими показателями качества жизни и уровня экономического развития. Понятие приграничный регион, прочно ассоциируется с понятием периферийный регион [4].

Рисунок 1. Классификация факторов (угроз) определяющих уровень безопасность региона. Источник: разработки автора.

В рамках исследований специфики развития приграничных регионов признается, что действенным инструментом преодоления их внутринационального экономического

периферийного положения является активное развитие приграничного и трансграничного сотрудничества¹ с регионами сопредельных стран [5; 6]. Такое сотрудничество дает свои эффекты, способные нивелировать отставание в темпах развития от внутренних регионов. Положительные и отрицательные последствия такого сотрудничества для приграничных регионов описаны во множестве иностранных и отечественных публикаций. В контексте данного исследования целесообразно отметить ключевую роль транспорта в формировании устойчивых каналов сотрудничества между приграничными регионами соседних стран. По сути, в приграничных регионах к транспорту предъявляется дополнительное, отличительное от внутренних регионов, требование — обеспечение стабильного международного (в широком смысле) и трансграничного сотрудничества. Эта специфика находит свое отражение и в понимании особенностей транспортной безопасности приграничных регионов. Концептуально это отличие может быть выражено в расширении перечня задач, предъявляемых к транспортному комплексу региона, и более расширенному списку угроз. Попробуем сформулировать эти отличительные признаки.

Дополнительные (специфичные) задачи:

1. Обеспечение диверсифицированного и стабильного грузопассажирского сообщения между приграничным регионом и центральными регионами страны. Находясь на пространственной периферии государства, приграничные регионы жизненно заинтересованы в налаживании стабильных каналов сообщения с национальными экономическими, политическими и управленческими центрами. При этом очевидно, что такие связи в большей степени нужны именно приграничным регионам, а не центральным (центр может функционировать без периферии, а вот периферия без центра вряд ли).

2. Обеспечение диверсифицированных и стабильных каналов обеспечения транспортного внешнеэкономического сотрудничества страны с соседними странами. Данное требование к транспортному комплексу приграничных регионов, в первую очередь, касается тех регионов, которые можно отнести к коридорам развития.

3. Обеспечение стабильной работы транспортных коридоров, способных выполнять транзитную функцию. Как и в случае с предыдущим пунктом, эта задача относится к тем регионам, по территории которых проходят или могут проходить элементы международных транспортных коридоров, способных обеспечивать транзитные функции.

4. Формирование диверсифицированных и стабильно функционирующих транспортных коридоров, способных обеспечивать необходимый объем пассажирских и грузовых перевозок для эффективного развития приграничного и трансграничного сотрудничества с регионами соседних стран.

В части угроз, требующих учета и формирования мер по их предотвращению или минимизации степени их потенциального воздействия на экономическую безопасность приграничного региона, можно выделить:

1. Угроза зависимости работоспособности транспортного комплекса региона от внешних (в первую очередь, приграничных) факторов. Например, активное внедрение иностранного оборудования или программных средств в организацию транспортно-логистического процесса создает угрозу стабильности функционирования данного сектора в случае прекращения поставок иностранного оборудования. Другим примером может быть высокий уровень присутствия в транспортном комплексе региона транспортных объектов соседнего государства (например, автопоездов или специализированных контейнеров или автофургонов). В случае изменения характера сотрудничества и последующего «ухода» с регионального рынка иностранных объектов создается угроза стабильности функционирования данного вида перевозок или всего транспортного комплекса региона.

¹ Автор разделяет данные понятия по качественному признаку, считая приграничное сотрудничество начальной степенью формирования международных отношений между приграничными регионами, а трансграничное сотрудничество продвинутой степенью развития такого сотрудничества.

2. Угроза стабильности функционирования транспортного комплекса приграничных регионов в условиях изменения/ухудшения внешнеполитических и внешнеэкономических факторов. Приграничные регионы, в силу специфики своего экономико-географического положения, более зависимы от внешнего контекста в целом и от характера сотрудничества между странами. Любые изменения этих условий требуют быстрого адаптивного ответа со стороны транспортного комплекса региона, оперативного подстраивания под меняющиеся условия работы. Примером подобного рода угроз можно считать повышенный уровень присутствия в объеме перерабатываемых грузов транспортным комплексом региона доли транзитных или внешнеэкономических (экспортных или импортных) грузов. Изменение внешних условий может привести к сокращению объема таких грузов, в результате чего весь транспортный комплекс региона может оказаться под угрозой отсутствия грузовой или пассажирской базы. Данная угроза требует выработки комплексных мер по поиску альтернативных источников грузовой и пассажирской базы, реализация политики диверсификации географии грузовладельцев, направлений и видов перевозимых грузов.

3. Угроза ухудшения или прекращения грузопассажирского транспортного сообщения между приграничным регионом и центральными регионами страны в силу изменения внешнеполитических или внешнеэкономических условий. Территориально отделенные (регионы Дальнего Востока) или специфические по своему географическому положению (Калининградская область, Республика Крым) приграничные регионы сталкиваются с угрозой невозможности стабильного выполнения задач по грузовому и пассажирскому сообщению с центральными регионами в силу различных причин как внутреннего, так и внешнего характера. Например, для приграничных регионов Дальнего Востока эта угроза проистекает из того, что основные транспортные перевозки пассажиров приходится на авиационный транспорт. Любые изменения в условиях работы авиационного транспорта могут повлиять на стабильность выполнения этих транспортных операций. Для Калининградской области эта угроза выражена в прохождении сухопутных (и отчасти воздушных) транспортных коридоров, соединяющих регион с центральными частями страны через территорию иностранного государства [1]. Изменение требований или отказ от предоставления возможности обеспечения таких транзитных коридоров со стороны независимого государства может существенно затруднить выполнение одной из основополагающих функций транспортного комплекса региона. До недавнего времени аналогичная ситуация наблюдалась и в Республике Крым. Также частным случаем такой угрозы оставалась железная дорога Москва – Адлер, часть участка которой проходила по территории Украины. Для минимизации данной угрозы требуется разработка мер по диверсификации транспортных коридоров и способов транспортного сообщения между приграничным регионом и центральными территориями государства, создание дополнительных объектов транспортной инфраструктуры или объектов транспорта, которые в случае ухудшения внешнеэкономических и внешнеполитических условий смогли бы обеспечивать необходимый уровень транспортного обеспечения.

Перечень специфичных для приграничного региона задач и угроз к транспортной безопасности может быть расширен или изменен применительно к специфике приграничных регионов разного типа (в зависимости от степени барьерности или контактности государственной границы) или каждому конкретному региону.

Благодарности

Материал подготовлен в Балтийском федеральном университете им. И. Канта при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Литература

1. Гуменюк И.С. Система пассажирского сообщения Калининградской области с основной территорией Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития//Псковский регионологический журнал. 2017. № 3 (31). С. 19-29.
2. Климонова А.Н. Основные подходы к исследованию понятий "экономическая безопасность" и "экономическая безопасность государства"//Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 8. С. 54-60.
3. Краснощек А.А. Экономическая безопасность транспортной отрасли как важная составляющая экономической безопасности государства//Вестник транспорта. 2006. № 10. С. 7-11.
4. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России//Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 61-69.
5. Осмоловская Л.Г. Функции границы как фактор развития приграничных регионов и формирования трансграничных регионов//Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 45-54.
6. Федоров Г.М., Корнеев В.С. Трансграничная регионализация в условиях глобализации//Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 103-114.

References

1. Gumenyuk I.S. The passenger communication system of the Kaliningrad region with the main territory of the Russian Federation: current status and development prospects // Pskov Regional Journal. 2017. No 3 (31). S. 19-29.
2. Klimonova A.N. The main approaches to the study of the concepts of "economic security" and "economic security of the state" // Socio-economic phenomena and processes. 2014. V. 9. No. 8. P. 54-60.
3. Krasnoshchek A.A. Economic security of the transport industry as an important component of the economic security of the state // Bulletin of Transport. 2006. No. 10. S. 7-11.
4. Morachevskaya K.A. Cross-border and peripheral aspects as factors of socio-economic development of Russian regions bordering with Belarus // Regional Studies. 2010. No. 4 (30). S. 61-69.
5. Osmolovskaya L.G. Border functions as a factor in the development of border regions and the formation of cross-border regions // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Natural and Medical Sciences. 2016. No. 1. S. 45-54.
6. Fedorov G.M., Korneevets V.S. Cross-border regionalization in the context of globalization // Baltic region. 2010. No. 4 (6). S. 103-114.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГОКУЛЬТУРНЫХ НОРМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Доброхлеб Валентина Григорьевна

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН и Институт социально-политических исследований РАН, Москва, Россия
vdobrokhleb@mail.ru

Ефанова Ольга Алексеевна

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия
olga_efanova@list.ru

Писклакова-Паркер Марина Петровна

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия
marinapparker@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу гендерных аспектов повседневного поведения населения в экологической сфере. На основе результатов опроса населения Республики Карелия выявлена большая активность женщин в формировании экологокультурных норм повседневности, которая проявляется в большей обеспокоенности экологической ситуацией в стране и регионе, ее влиянием на здоровье, более активном участии в природосберегающих практиках, инициировании создания новых экологических традиций в семье, что позволяет рассматривать активность женщин в экологической сфере как один из важных факторов противодействия надвигающейся экологической катастрофы.

Ключевые слова: экологическая ситуация, экологические проблемы, гендер, экологическое поведение, природосберегающие практики, экологокультурные нормы

THE GENDER ASPECT OF THE FORMATION OF ECOLOGICAL CULTURAL NORMS OF EVERYDAY LIFE

Dobrokhleb, Valentina

ISESP RAS and ISPR RAS, Moscow, Russia
vdobrokhleb@mail.ru

Efanova, Olga

ISESP RAS, Moscow, Russia
olga_efanova@list.ru

Pisklakova-Parker, Marina

ISESP RAS, Moscow, Russia
marinapparker@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of gender aspects of everyday behavior of the population in the environmental sphere. Based on the results of a survey of the population of the Republic of Karelia revealed a great activity of women in the formation of environmental and cultural norms of everyday life, which is manifested in greater concern about the environmental situation in the country and the region, its impact on health, more active participation in conservation practices, initiating the creation of new environmental traditions in the family, which allows us to consider the activity of women in the environmental sphere as one of the important factors to counter the impending environmental disaster.

Keywords: the environmental situation, environmental issues, gender, environmental behavior, green practices, ecologically norm.

Одним из наиболее актуальных направлений современных исследований является экология человека, основой методологии которого является междисциплинарный подход связывающий выявление закономерностей взаимоотношений человека с окружающей средой, процессы демографического воспроизводства, сохранения как на микро, так и на макроуровне здоровья. Российские исследователи отмечают, что к середине второго десятилетия XXI века человечество оказалось перед комплексом глобальных вызовов, которые в значительной мере связаны с завершающейся эпохой индустриального строя [2, с.8]. В материалах ООН, посвященных достижению Целей устойчивого развития (далее — ЦУР [3] рассмотрены новые задачи. Новые цели намечены и приняты всеми странами на Саммите ООН в сентябре 2015 г. на период 2016– 2030 годов.

Одними из ведущих вызовов в первой трети текущего века признаны климатические изменения экологической среды. Разрушительные последствия влияния человека на природу привели к деградации более 15% сухопутной части планеты, ежегодно около 700 (687) гектаров продуктивных земель становится пустыней, уничтожается более 1200 Га тропических лесов и исчезает 5–6 представителей флоры и фауны, до 500 млрд. тонн промышленных и бытовых стоков и миллионы тонн нефти каждый год загрязняют естественные водоемы. Снижается биоразнообразие: за 40 лет численность позвоночных животных — млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб — снизилась на 52 процента. Специалисты WWF отмечают, что в этом виноваты люди, которые для еды убивают слишком много животных. Подчеркивается, что, например, охота и рыбалка являются виновники 37-процентного снижения численности популяций позвоночных

Планета становится все менее пригодной для жизни. Наибольший экологический след на душу населения оставляют такие страны как Кувейт, Катар и Объединенные Арабские Эмираты, в основном за счет добычи нефти. «Если бы все люди на планете оставляли экологический след как среднестатистический житель Катара, нам потребовалось бы 4,8 планеты Земля, а если бы как типичный житель США — 3,9 планет», — говорится в докладе WWF «Живая планета 2014» [1]. По рейтингу издания The Forbes наиболее экологически чистой страной является Швейцария. Россия занимает в рейтинге 52 место. В 2015 году от загрязнения воздуха частицами PM_{2,5} в России умерло 944 человека на 1 млн. жителей. В странах ОЭСР показатель составляет 393 человека на 1 млн. Экологическая статистика в России значительно хуже, чем в других странах. Показатели выбросов вредных веществ: диоксид серы (SO₂) – выше, чем во Франции (16,6 раз), Германии (10,5), США (4,2). оксид углерода (CO) – выше, чем в Германии (5,3 раза), Франции (3,5), США(1,5)¹.

В исследованиях наибольшее внимание уделяется экологическому ущербу, который наносят промышленные и сельскохозяйственные предприятия. По нашей гипотезе фактором, способствующим преодолению надвигающейся экологической катастрофы, является повседневная жизнедеятельность населения, в том числе большая обеспокоенность женщин состоянием экологии в регионе и более активное их участие в природосберегающих практиках.

В 2016-2018 гг. при участии шведских коллег в России на территории Республики Карелия исследователями из ИСЭПН РАН и Карельского научного центра ИЭ РАН был реализован проект «Экология и гендер», целью которого было исследование повседневных практик населения республики в экологической сфере. Объем выборки составил 1000 респондентов в 2016 году, 800 респондентов в 2017 году и 900 респондентов – в 2018.

Использование гендерного аспекта позволило более глубоко не только рассмотреть индивидуальные экологические предпочтения в быту, но и понять влияние гендерно-детерминированного поведения на экологическое поведение. Анализ результатов опроса 2018 года показал, что мнения мужчин и женщин по ряду экологических проблем имеют определенные различия. При общей высокой оценке респондентами важности экологических проблем в нынешней экологической ситуации в мире, доля женщин, считающих их очень

¹ Экологическая Статистика <https://vawilon.ru/jekologicheskaja-statistika/> (Дата обращения 17.04.2019)

важными, больше, чем доля мужчин, высказавших такое мнение (30,8% среди женщин против 21,8% среди мужчин). Две трети опрошенных женщин (65,6%) воспринимают проблемы экологической безопасности, как личные, тогда как среди мужчин таких чуть более половина (52,1%), больше среди них и тех, кто не смог высказать определенное мнение по рассматриваемому вопросу.

Женщины более критично оценивают экологическую ситуацию в стране в целом. Они чаще, чем мужчины считают ее плохой (29,1% среди женщин и 23,3% среди мужчин). В то же время в оценке экологической ситуации в Республике Карелия, непосредственном месте проживания и изменения экологической ситуации за последние пять лет статистически значимых различий по полу не наблюдается.

Сравнительно большая обеспокоенность женщин экологической ситуацией проявляется также в том, что они меньше, чем мужчины склонны откладывать ее решение до наступления экономического подъема (29,8% против 35,1% среди мужчин), несмотря на то, что женщины трудятся в более благоприятных условиях, чем мужчины. О несоблюдении на рабочем месте норм безопасности заявили четверть опрошенных мужчин (24,8%), тогда как среди женщин таких случаев сравнительно меньше (13,0%), хотя и среди них условия труда каждой восьмой респондентки не соответствуют нормам безопасности.

Женщины чаще высказывают мнение о влиянии экологической ситуации в Республике Карелия на их здоровье. Так считают более половины опрошенных (53,1%) женщин. Доля мужчин, придерживающихся такой точки зрения меньше (44,9%). Обращает на себя внимание относительно большая доля не имеющих определенной точки зрения по данному вопросу, причем среди мужчин их больше.

Большая обеспокоенность женщин неблагоприятным влиянием экологии на их здоровье проявляется также в том, что пятая часть опрошенных женщин (19,9%) указывают на плохую экологию, как на одну из причин, влияющих на ухудшение их здоровья, тогда как среди мужчин такую точку зрения высказали 9,8% опрошенных. При этом в качестве основных причин ухудшения здоровья респонденты считают не экологию, а образ жизни. Более половины мужчин (54,5%) указали на вредные привычки. В качестве важнейшей причиной ухудшения своего здоровья женщины назвали отсутствие навыков повседневной организации здорового образа жизни (38,4%).

Определенные различия наблюдаются и в пожеланиях мужчин и женщин относительно экологической ситуации для их детей и внуков. Женщины чаще указывали на важность таких факторов как чистая вода (60,7% среди женщин против 51,0% среди мужчин), чистый воздух (64,9% женщин против 53,8% мужчин), здоровая пища (63,7% среди женщин и 54,3% среди мужчин).

Разошлись мнения мужчин и женщин относительно оценки экологической обстановки в ближайшем будущем. Мужчины занимают по этому поводу более пессимистичную позицию, так как по мнению большей по сравнению с женщинами доли респондентов-мужчин (24,4% против 17,9%) высказал мнение об ухудшении экологической обстановки в связи с тем, что развитие технологий, по их мнению, идет без учета негативного воздействия на окружающую среду. Женщины же смотрят в будущее более оптимистично, так как они надеются (21,4 % женщин против 17,9% мужчин) на улучшение экологической обстановки в связи с использованием альтернативных источников энергии, которые не будут загрязнять окружающую среду.

Большая обеспокоенность женщин сложившейся экологической ситуацией проявляется и в более эмоциональной реакции на такие экологические проблемы, как производство мусора, загрязнение воздуха, изменение климата (глобальное потепление), загрязнение воды, сокращение натуральных ресурсов, генно-модифицированные продукты (ГМО), которые очень волнуют женщин чаще, чем мужчин (Таблица1).

Женщины занимают более активную позицию относительно того, что каждый человек (домохозяйства) может внести вклад в улучшение состояния окружающей среды.

Полностью согласны с этим утверждением более трети женщин (35,4%), тогда как среди мужчин такой точки зрения придерживаются чуть более четверти опрошенных (27,4%).

Более активная позиция женщин по экологическим вопросам проявляется и в том, что при общем незначительном количестве участвующих в общественных организациях, женщины в 2,5 раза чаще высказывают желание стать членом такой организации (14,8% женщин против 5,9% мужчин).

Женщины более активны так же в озеленении и благоустройстве территории своего двора, микрорайона или города. Участие в таких мероприятиях принимали более половины (55,8%) опрошенных женщин и значительно меньше половины (41,5%) мужчин.

По поводу того, кто сейчас активнее участвует в волонтерском экологическом движении, мнение мужчин и женщин в чем-то сходится, а в чем-то различается. Так, среди женщин больше доля тех, кто считает, что именно женщины активнее включены в экологическое движение (18,8% женщин, против 11,3% мужчин), а доля тех, кто считает, что и мужчины, и женщины активны поровну одинакова, как среди мужчин, так и среди женщин (19,1% мужчин и 19,0% женщин). Обращает на себя внимание слабая осведомленность, как мужчин, так и женщин по этому вопросу, но среди мужчин она выше и составляет две трети респондентов (66,2%). Среди женщин доля не имеющих по данному вопросу определенного мнения чуть меньше (61,6%), но тем не менее достаточно велика. И мужчины, и женщины в большинстве своем, считают, что вопрос о том, кто должен активнее участвовать в экологическом движении: мужчины или женщины некорректен, так как участие в этих организациях не зависит от пола. Однако среди женщин доля придерживающихся такого мнения несколько больше (87,2% женщин против 81,7% мужчин). Экологическое поведение мужчин и женщин различается по ряду позиций. Так, мужчины чаще, чем женщины не разделяют отходы бытовой деятельности своей семьи (не делают этого 45,1% мужчин и 39,2% женщин).

Таблица 1

Степень значимости для респондентов следующих экологических проблем в зависимости от пола. (Данные приведены по позиции «Очень волнуют» (в %))

Насколько Вас волнуют следующие экологические проблемы?	Мужчины	Женщины
Производство мусора	14,9	22,4
Загрязнение воздуха	27,2	37,5
Изменение климата (глобальное потепление)	14,9	20,8
Загрязнение воды	31,5	40,4
Сокращение натуральных ресурсов (лес, вода, газ, нефть, торф, уголь, сланцы)	23,3	29,5
Генно-модифицированные продукты (ГМО)	25,6	41,8

Как показывают результаты исследования, продукты питания значительно чаще покупают женщины. При этом анализ свидетельствует, что предпочтения при покупке продуктов имеют зависимость от их возраста. Так, экологически чистые продукты чаще покупают женщины 30-60 лет, молодые женщины (18-29 лет) отдают предпочтение более дешевым продуктам, а представительницы старшей возрастной группы (61 год и старше) чаще употребляют то, что вырастили на своем огороде (Таблица 2).

Более активное экологическое поведение мужчины могут проявить в случае необходимости защитить газон у своего дома, подъезда. Более половина опрошенных мужчин (57,2%) утверждают, что они смогут это сделать. Среди женщин готовых встать на решительную защиту газона меньше (43,7%), но, тем не менее, все-таки немало. В то же время среди мужчин намного больше и тех, кого это не волнует. Об этом заявила пятая часть опрошенных мужчин (20,0%), тогда как среди женщин таких равнодушных в два раза меньше (9,9%). Среди тех, кто не станет предпринимать решительных действий в защиту газона, более половины женщин (51,3%) не знают, как это сделать. Среди мужчин таких

значительно меньше (42,9%). Более половина (57,1%) мужчин не станут ничего предпринимать, так как не хотят вступать в конфликт. Несколько меньше высказавших такую точку зрения среди женщин (48,8%).

Таблица 2

Предпочтения женщин при покупке продуктов в зависимости от возраста (в%)

Какие продукты питания Вы предпочитаете покупать?	Группа возрастов		
	18-29 лет	30-60 лет	61 год и старше
Экологически чистые	23,3	31,3	27,9
Те, которые дешевле	64,2	51,1	47,5
Употребляю в основном то, что вырастила на своем приусадебном участке (даче)	5,0	12,7	21,3
Другое	7,5	5,0	3,3

Различное отношение мужчин и женщин к экологическим проблемам нашло свое отражение в наличии в семьях экологических традиций. Доля заявивших о наличии таких традиций женщин больше, чем доля высказавших подобную позицию мужчин (49,5% женщин против 41,8% мужчин), тогда как доля не считающих это важным значительно выше среди мужчин (37,9% мужчин против 28,4% женщин). Следует отметить, что по мнению и мужчин, и женщин инициаторами новых экологических традиций чаще являются жены, что подчеркивает большое внимание женщин к экологическим проблемам и их стремление формировать экологическое поведение.

Анализ результатов опроса показывает, что все формы ухода за детьми и общения с ними чаще осуществляет женщина, причем доля таких обязанностей при ответе женщин на этот вопрос выше, чем при ответе мужчин. А при ответе на вопрос о занятиях домашними делами доля мужчин, указывающих, что эти дела делаются вместе выше, чем доля, высказывающих такое мнение женщин. Исключение составляет только вынос мусора, который по признанию мужчин чаще является их обязанностью, а также покупка техники для дома, которая по признанию и мужчин и женщин чаще осуществляется совместно.

Различия в распределении домашних обязанностей находят отражение при оценке удовлетворенности им. Не случайно доля мужчин, удовлетворенных имеющимся в их семье распределением обязанностей по ведению домашнего и считающих его справедливым, выше, чем доля женщин, разделяющих подобную точку зрения (82,8% среди мужчин и 65,2% среди женщин). Доля женщин, не считающих сложившееся распределение справедливым, но не намеренных его менять, в 1,8 раза больше, чем доля разделяющих эту позицию мужчин.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что в экологическом поведении мужчин и женщин имеются определенные гендерные различия, которые проявляются в большем внимании женщин к экологической проблематике, следствием которого явилось более развитое экологическое сознание и ответственное экологическое поведение.

Литература

- 10 шокирующих фактов о состоянии нашей планеты. URL: <https://fullpicture.ru/priroda/10-shokiruyushhih-faktov-o-sostoyanii-nashej-planety.html> (Дата обращения 10.04.2019).
- Яковец Ю.В. О системе долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций – М.: Международный институт П.Сорокина, Н.Кондратьева, ИЭС, 2015, с.8.
- Millennium Development Goals Report 2015. UN, NY, 2015. URL: <https://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/pubs/mdgs/mdgs2015.pdf> (Дата обращения 12.04.2019).

References

- 10 shocking facts about the state of our planet URL: <https://fullpicture.ru/priroda/10-shokiruyushhih-faktov-o-sostoyanii-nashej-planety.html> (Accessed 10.04.2009).

2. Yakovets Yu. V. On the system of long-term goals of sustainable development of civilizations – M.: international Institute of P. Sorokin, N. Kondratieva, IES, 2015, p. 8.
3. Millennium Development Goals Report 2015. UN, NY, 2015. URL: <https://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/pubs/mdgs/mdgs2015.pdf> (Accessed 12.04.2009).

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ И СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ СЗФО

Дружинин Павел Васильевич

*Институт экономики КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр РАН», г.
Петрозаводск, Россия
pdruzhinin@mail.ru*

Аннотация. В статье на примере приграничных и северных регионов СЗФО рассматривается пространственное развитие регионов, активно использовавших в ходе реформ появившиеся новые возможности. Динамика численности населения муниципалитетов стала определяться расстоянием от административного центра региона.

Ключевые слова: приграничный регион, пространственное развитие, население, активная зона.

SPATIAL DEVELOPMENT OF BORDER AND NORTHERN REGIONS OF THE NWFD

Druzhinin, Pavel

*Institute of Economics of Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia
pdruzhinin@mail.ru*

Abstract. In the paper, the spatial development of border regions is examined using the example of NWFD border regions, which actively used new opportunities during the reforms. The population dynamics of the municipalities began to be determined by the distance from the administrative center of the region.

Keywords: border region, spatial development, population, active zone.

Развитие регионов зависит от их географического положения, и периферийные приграничные регионы развиваются обычно существенно медленнее остальных, лишь при возможности взаимодействия с сопредельными регионами другой страны они могут получить дополнительные возможности. Для них важна активизация приграничного сотрудничества, которое может дать толчок их развитию, уменьшить отставание от центральных регионов [1].

Реформы 90-х годов сильно повлияли на пространственное развитие регионов, ускорив агломерационные процессы. С началом экономического роста происходит пространственная концентрация экономической активности, периферийные регионы развиваются заметно медленнее центральных [2]. Исследования пространственных процессов в регионах также выявили концентрацию, причем изменение численности населения муниципалитетов близко к линейному относительно расстояния от столицы региона [3].

В статье для оценки влияния приграничного положения на пространственное развитие регионов используется концепция кольцевых структур, в которой выделяются активные зоны, имеющие более современную структуру экономики, более высокую производительность труда и инвестиционную активность [4]. На основании данного подхода построены модели, позволившие выявить закономерности пространственного развития приграничных регионов и влияние внешних шоков на их изменение. Также проводилось сравнение приграничных и внутренних регионов страны.

Исследование рассматривает сопредельные с Финляндией приграничные регионы РФ. На территории Карелии выделяется 18 муниципалитетов, из которых 7 приграничных (Лоухский, Калевальский, Муезерский, Суоярвский, Сортавальский, Лахденпохский районы и Костомукшский городской округ). В Мурманской области рассматривалось 14

муниципальных образований (три приграничных – Печенгский, Кольский и Кандалакшский), население большинства закрытых территориальных образований включалось в состав Мурманска, поскольку до 2002 г. они не выделялись отдельно. В Ленинградской области выделялось 17 муниципальных образований, с Финляндией граничит Выборгский район. Поскольку центр Ломоносовского района вошел в состав Санкт-Петербурга и находится на его территории, то рассматривалось два варианта, в обоих в качестве расстояния до центра Ломоносовского района было взято расстояние до Соснового Бора, находящегося внутри данного района. В первом варианте население суммировалось и рассматривалось одно муниципальное образование, во втором выделялось два муниципальных образования, имеющих одинаковое расстояние до Санкт-Петербурга. В Архангельской области выделялось 22 муниципалитета (не учитывались островные), в Республике Коми – 20 муниципалитетов.

Проводится отдельно анализ развития муниципалитетов пяти регионов, рассматриваются тенденции изменения показателей. Исследование основано на динамике численности населения, также используются данные по валовому региональному продукту (ВРП), занятости населения и производные показатели, характеризующие эффективность экономики.

На полученных статистических данных выбранных регионов строились и анализировались графики численности населения и других показателей, было проведено сравнение динамики численности населения, занятости населения и других показателей приграничных и внутренних территорий.

На основе проведенного анализа выделялись активные зоны с развивающейся экономикой, развитой системой образования, обычно наличием университетов, и, как правило, ростом численности населения, центральная в столице и кольцевые. Затем строились регрессионные уравнения для выявления зависимостей пространственного развития в выбранных регионах. Рост численности населения относительно начала периода рассматривался в зависимости от расстояния от активной зоны (административного центра региона), в качестве дополнительных факторов вводились фиктивные переменные, отражающие является ли данная территория кольцевой активной зоной, и граничит ли она с кольцевой активной зоной. Кроме линейной функции использовались гипербола и мультипликативная.

$$N_i = A + B \times R_i + C_j \times p_i + D_j \times q_i \quad (1)$$

$$N_i = A + \frac{B}{R_i} + C_j \times p_i + D_j \times q_i \quad (2)$$

$$N_i = A \times R_i^\alpha \exp(C_j \times p_i + D_j \times q_i) \quad (3)$$

$$N_i = A + B \times RL_i \quad (4)$$

где: N_i – изменение численности населения (занятости) муниципалитета i ; R_i – расстояние до центральной активной зоны; RL_i – расстояние до ближайшей активной зоны; $p_i = 1$, если муниципалитет i является активной зоной j , иначе $p_i = 0$; $q_i = 1$, если муниципалитет i граничит с активной зоной j , иначе $q_i = 0$; A, B, C, D, α – константы. Также проводились расчеты без фиктивных переменных, в этом случае рассматривалось расстояние до ближайшей активной зоны [5].

Для всех пяти регионов рассматривался период 1970-2017 гг., и выделялись различные подпериоды в зависимости от внешних шоков. Данные для проведения исследований по республикам Карелия и Коми, Мурманской, Архангельской и Ленинградской областям (численность населения, ВРП, оборот организаций, численность

занятых) были получены из справочников ФСГС¹, сайтов Карелиястата, Мурманскстата, Архангельскстата, Комистата и Петростата².

Численность населения Республики Карелия и практически всех муниципалитетов падает с 1990 г., с 1999 г. начался экономический рост, но с 2008 г. этот рост остановился. Экономический рост на динамике численности населения никак не сказался. Падение численности населения Мурманской и Архангельской областей и Республики Коми происходило еще быстрее, чем в Карелии. в то же время численность населения Ленинградской области росла, в первую очередь за счет районов вблизи Санкт-Петербурга.

Либерализация и снижение барьерности границы привело к тому, что приграничное положение стало оказывать положительное влияние на развитие экономики Карелии, стала усиливаться роль приграничных муниципалитетов, обеспеченных необходимой транспортной и таможенной инфраструктурой. Карелия – северный периферийный регион, как и во всех подобных регионах, в Карелии быстро сокращается численность населения, но численность населения столицы региона – Петрозаводска за годы реформ не изменилась.

В 90-х годах минимальное падение численности населения было также в двух приграничных городах (Костомукша, Сортавала), вблизи которых были построены МАПП. В Сортавале и Костомукше были созданы филиалы Петрозаводского университета, успешно развивался малый бизнес. В то же время приграничное положение при отсутствии необходимой инфраструктуры никак не влияло на динамику численности населения в остальных пяти приграничных муниципалитетах.

Анализ графиков показал, что существует зависимость изменения численности населения муниципалитетов в зависимости от расстояния от активной зоны, величина изменения численности населения за 1991-2018 гг. зависела от этого расстояния (рис. 1). Развитие пассивных зон определяется их расстоянием от активных зон. До 1990 г. данная зависимость выглядела иначе.

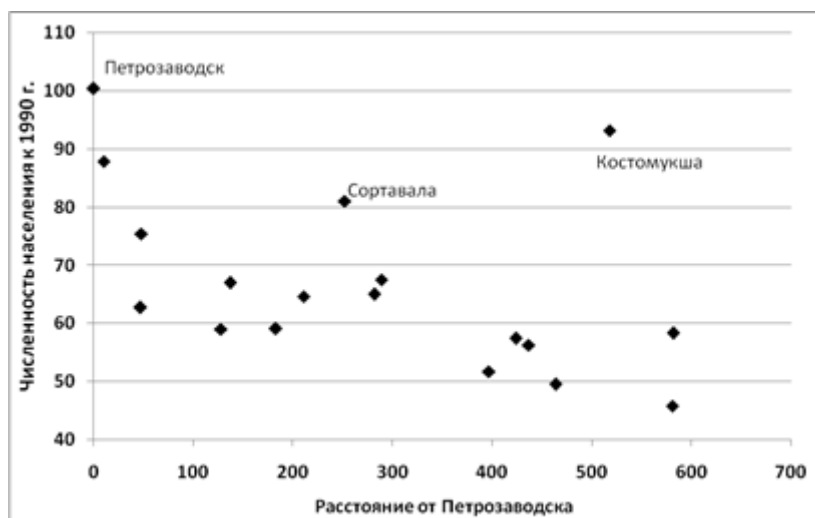

Рисунок 1. Зависимость изменения численности населения муниципалитетов Карелии (% к 1990 г.) от расстояния до столицы региона по автодороге (км)³

На основе анализа развития муниципальных образований Республики Карелия были выявлены закономерности пространственного развития (табл. 1). По результатам данного анализа было

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат.сб. / Росстат. - М., 2018.

² Сайт ФСГС <http://www.gks.ru>, сайт Карелиястата <http://krl.gks.ru>, сайт Мурманскстата <http://murmanskstat.gks.ru>, сайт Архангельскстата <http://arhangelskstat.gks.ru>, сайт Комистата <http://komi.gks.ru>, сайт Петростата <http://petrostat.gks.ru>

³ Сайт ФСГС <http://www.gks.ru>, сайт Карелиястата <http://krl.gks.ru>, автодороги Карелии - <https://www.avtodispatcher.ru/distance/table/r393980-respublika+kareliya/>

построено линейное уравнение, которое показывает, что в среднем при удалении на каждые 33 км от Петрозаводска величина падения численности населения за 1991-2018 гг. увеличивается на 1 процентный пункт. Близкая, но немного иная картина получается и для графика динамики занятости населения.

Таблица 1

Результаты расчетов по формулам (1), (2), (4) зависимости динамики численности населения муниципалитетов Карелии в 1991-2018 гг. от расстояния до активной зоны и соседства с ними¹

	(1)	(2)	(4)
A	69.5 ***	55,53 ***	90.7 ***
B	-0.0317 ***	0,712 ***	-0,194 ***
Костомукша	40.1 ***	36,23 ***	-
Сортавала	19.5 ***	22,68 ***	-
Соседи Петрозаводска	18.6 ***	-38.86***	-
R2	0,87	0,81	0,74
F	19,6	12.9	31.1
p	0.00003	0.0002	0,0002

Расчеты для Мурманской и Ленинградской областей подтвердили существование данной зависимости, отличие лишь в том, какие муниципалитеты стали активными зонами. Из общей тенденции выпадают относительно молодые города с высокoeffективным крупным предприятием (АЭС), которые более успешно развиваются. В Ленинградской области быстро растет Всеволожск, самый крупный в РФ муниципальный район по численности населения, который фактически стал частью Санкт-Петербурга. В приграничных муниципальных районах Мурманской области вблизи границы отсутствуют населенные пункты и поэтому нет активного приграничного сотрудничества.

Для двух внутренних регионов (Республика Коми и Архангельская область) кроме расстояния до региональной столицы оказалась важна широта муниципалитета, чем он южнее, тем медленнее сокращалась численность населения. Активные зоны в этих регионах – муниципалитеты, в которых добывается нефть и производится бумага.

Проводившиеся ранее расчеты по Финляндии также показали, что в 90-х годах после кризиса, вызванного распадом СССР и вынужденной переориентацией на европейский рынок, появилась зависимость динамики численности населения субрегионов от расстояния до Хельсинки. В отличие от РФ активными зонами стали университетские города, ближайшие к столице кольцевые активные зоны – Турку, Тампере и Ювяскюля, более отдаленные – Вааса, Коккола, Куопио и Йоэнсуу, и дальние кольцевые активные зоны – Оулу и Рованиemi. Они оказывали влияние на соседние с ними субрегионы. До 1995 г. данная зависимость проявлялась слабо. В середине 90-х началась активная дивергенция, регионы, развитие которых ранее не сильно отставало от средних по стране, начали быстро терять население. Из 19 регионов лишь пять развивались быстрее, чем страна в целом.

К восточным приграничным субрегионам Финляндии относится 12 субрегионов. Граничащие с РФ регионы наименее развитые и медленно развивающиеся. Вступление в ЕС ухудшило их динамику их развития. Лишь университетские Йоэнсуу и Лаппенранта сохранили рост численности населения, но он сильно замедлился.

На примере Республики Карелия, Мурманской и Ленинградской областей рассматривалось пространственное развитие приграничных территорий, активно использовавших появившиеся в 90-х годах новые возможности. Показано, что изменение их пространственного развития произошло под влиянием начала рыночных реформ в РФ и

¹ Сайт ФСГС <http://www.gks.ru>, сайт Карелиястата <http://krl.gks.ru>, автодороги Карелии - <https://www.avtodispatcher.ru/distance/table/r393980-respublika+kareliya/>

сформировались новые закономерности, динамика численности населения муниципалитетов стала зависеть от расстояния до региональной столицы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по гранту № 18-05-60296.

Литература

1. Глазырина И.П., Колесникова А.В., Монич И.П. Развитие приграничной экономики: динамика в период роста и первые итоги кризиса // Экономика природопользования. №1. 2010. С.20-34.
2. Буфетова А.Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. №3. 2016. С.38-56.
3. Горюнов А.П., Белоусова А.В. Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // Пространственная экономика. №4. 2017. С.81-99.
4. Мартынов В.Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. - СПб.: Гидрометеиздат, 2000. 160 с.
5. Дружинин П.В. Особенности развития приграничных территорий // Регионоведение. №2. 2017. С.200-216.

References

1. Glazyrina I.P., Kolesnikova A.V., Monich I.P. Razvitie prigranichnoy ekonomiki: dinamika v period rosta i pervye itogi krizisa [Development of the border economy: the dynamics in the period of growth and the first results of the crisis]. Ekonomika prirodopol'zovaniya [Environmental economics]. 2010, no.1, pp.20-34. (In Russian).
2. Bufetova A.N. Prostranstvennye aspekty kontsentratsii ekonomicheskoi aktivnosti v Rossii [Spatial aspects of the concentration of economic activity in Russia]. Prostranstvennaia ekonomika [Spatial Economics]. 2016, no.3. pp.38-56. (In Russian).
3. Goriunov A.P., Belousova A.V. Protsessy integratsii i fragmentatsii ekonomicheskogo prostranstva: struktura sistem rasseleniia [The processes of integration and fragmentation of economic space: the structure of settlement systems]. Prostranstvennaia ekonomika [Spatial Economics]. 2017, no.4, pp.81-99. (In Russian).
4. Martynov V.L. Kommunikatsionnaia sreda i regional'noe razvitie Rossii [Communication environment and regional development of Russia]. Sankt-Petersburg, Gidrometeoizdat, 2000, 160 p. (In Russian).
5. Druzhinin P.V. Osobennosti razvitiia prigranichnykh territorii [Features of the development of border areas]. Regionologiya [Regionology]. 2017, no.2, pp.200-216. (In Russian).

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСТЕВЫХ ДОМОВ В СЕЛЬСКОМ ТУРИЗМЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

Дусаев Ростислав Науфальдович

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Туманов Роман Викторович

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

rvtumanov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые проблемы, связанные с использованием гостевых домов их собственниками и иными законными владельцами с целью оказания услуг в области сельского туризма. Автор проанализированы различные варианты легализации гражданских правоотношений между туристами и владельцами таких домов, рассмотрены их преимущества и, возможные недостатки. Сделан вывод о том, что наиболее приемлемым вариантом оказания туристских услуг непосредственно самим владельцем гостевого дома является государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, туристские услуги, гостевой дом, правоотношения, индивидуальные предприниматели, юридические лица.

SOME OF THE LEGAL ASPECTS OF USING GUEST HOUSES IN THE FIELD OF RURAL TOURISM IN THE REPUBLIC OF KARELIA

Dusaev, Rostislav

Petrozavodsk state University, Petrozavodsk, Russian Federation

Tumanov, Roman

Petrozavodsk state University, Petrozavodsk, Russian Federation

rvtumanov@yandex.ru

Abstract. The article deals with some legal problems associated with the use of guest houses by their owners in order to provide services in the field of rural tourism. The author analyzes various options of legalization of legal relations between tourists and owners of such houses, considers their advantages and possible disadvantages. It is concluded that the most appropriate option for the provision of tourist services directly by the owner of the guest house is the state registration as an individual entrepreneur.

Key words: business activity, tourist services, guest house, individual entrepreneurs, legal entities.

Представляется, что туризм для Республики Карелия представляет собой достаточно перспективную отрасль, которая может позволить обеспечить эффективное использование природных и иных ресурсов: историко-культурного наследие, традиций а также создание новых рабочих мест для граждан. Как известно, на государственном учете в Карелии находится свыше 4000 культурно-исторических и природных памятников и объектов. Кроме того, важными факторами также являются благоприятная экологическая ситуация, весьма выгодное географическое расположение (непосредственная близость Санкт-Петербурга и Финляндии), а также целенаправленная государственная политика, определяют туристскую деятельность в качестве одного из важнейших направлений развития Республики. Федеральный центр уделяет серьезное внимание развитию крупных инфраструктурных проектов в регионах, как то вложения в строительство мостов, дорог, модернизация железнодорожных вокзалов, развитие мобильной связи, вложение в объекты культурного наследия. Так, в Республике Карелия усиленно развивается дорожное строительство, республиканским правительством подписана программа газоснабжения и газификации до

2020-го года, данная программа предусматривает строительство западной ветки газопровода к Лахденпохья и Сортавала, строительство международного автомобильного пункта пропуска и таможенно-логистического терминала в Сувяоро, все это делает Приладожье и другие районы Карелии все более привлекательным регионом, в связи с чем должен увеличиться туристический поток и возрасти спрос на услуги так называемого сельского туризма. Между тем, в отсутствие специальных нормативно-правовых актов приходится руководствоваться правовыми нормами, устанавливаемыми законодательством более высокого порядка и применимыми к сельскому туризму, а также нормативно-правовыми актами, регулирующими отдельные аспекты деятельности сельского туризма.

Одна из правовых проблем, возникающих в данной сфере деятельности – легализация так называемых гостевых домов, предназначенных для проживания в них туристов. При исследовании данного вопроса следует опираться на положения Конституции Российской Федерации о свободе предпринимательства и неприкосновенности собственности. [1, с. 34-35] В соответствии с действующим отечественным законодательством варианты возможны следующие. Во-первых, гражданин, являющийся собственником гостевого дома (домов) и желающий заниматься предпринимательской деятельностью посредством их использования, вправе, как следует из статьи 23-ей Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя и оказывать туристские услуги непосредственно от своего имени. При этом, он хозяйствует на началах риска и отвечает по принятым на себя обязательствам не независимо от вины (т.е. на началах риска) всем своим имуществом. [2, с. 24] Во-вторых, такой гражданин вправе создать коммерческое юридическое лицо. Как показывает практика, лучше всего в таких случаях подходит такая организационно-правовая форма как общество с ограниченной ответственностью, так как его относительно несложно создать а величина уставного капитала относительно невелика и составляет 10-ть тысяч рублей [3, с. 14]. При этом учредителю (соучредителям) следует иметь в виду следующее: гостевой дом придется передать созданному ООО в аренду или на баланс, в собственность. Следующий вариант – заключение договора о совместной деятельности с представителем профессионального туристского сообщества – туроператором. В этом случае поиском клиентов и рекламой гостевого дома, оформлением контрактов и бухгалтерской отчетностью занимается организация, с которой заключен такой договор. У собственников жилья в этом случае отсутствуют заботы, связанные с ответами на телефонные звонки, рекламой гостевого дома, обработкой почты и т.д. Турист общается с посредником (сотрудником организации), который, учитывая пожелания клиента, облегчает поиск нужного гостевого дома. При этом владелец, предлагая свой гостевой дом для размещения туристов, сообщает представителю туроператора не только основные услуги, которые он может предложить клиентам, но и все возможные дополнительные услуги, удовлетворяющие потребности отдыхающих. Турпродукт сельского гостевого дома – это набор услуг, состоящий из услуг по проживанию, питанию, экскурсионному обслуживанию, доставке, а также страхованию. Кроме того, обычно туроператор также разрабатывает дополнительно специальные туры. Описание ресурсов по условиям проживания и окружающим достопримечательностям следует сделать для туроператора максимально подробнее (площадь комнат, описание мебели, телевизор и иная бытовая техника, наличие беспроводного Интернета, временной режим работы ближайших магазинов и т.д.).

Таким образом, представляется, что вариант - «индивидуальный предприниматель» для владельцев сельских гостевых домов более предпочтителен в связи с относительной простотой и невысокой стоимостью государственной регистрации. Таким образом, анализ некоторых правовых проблем в данной сфере со всей очевидностью демонстрирует, что перспективы развития сельского туризма в Республике Карелия, во многом зависят от дальнейшего совершенствования нормативно-правовых актов для более тщательной организации туристской деятельности и усиления государственной и муниципальной поддержки предпринимательства в этой сфере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации;
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации – с. 24.
3. Федеральный Закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» - с. 14.

References

1. Russian Constitution;
2. Civil Code of the Russian Federation – Art. 24.
3. Federal Law No. 14-FZ of 08.02.1998 (ed. of 23.04.2018) "On limited liability companies" - article 14.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ НОВОГО РЕГИОНАЛИЗМА НА ПРИМЕРЕ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА¹

Жалсараева Екатерина Александровна

*ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г.
Улан-Удэ, Россия
katyale@yandex.ru*

Маланов Виталий Иннокентьевич

*ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г.
Улан-Удэ, Россия
mvi_mmv@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуются аспекты пространственного развития Байкальского региона в рамках теории нового регионализма.

Ключевые слова: новый регионализм, пространственное развитие региона, региональная экономика, эколого-экономический фактор

SPATIAL DEVELOPMENT OF BORDER TERRITORIES IN THE CONDITIONS OF NEW REGIONALISM ON THE EXAMPLE OF BAIKAL REGION

Zhalsaraeva, Ekaterina

*East-Siberian State University of Technologies and Management, Ulan-Ude, Russia
katyale@yandex.ru*

Malanov, Vitaly

*East-Siberian State University of Technologies and Management, Ulan-Ude, Russia
mvi_mmv@mail.ru*

Abstract: The article examines aspects of the spatial development of the Baikal region in the framework of the theory of new regionalism.

Keywords: new regionalism, spatial development of the region, regional economy, environmental and economic factor

Проблемы самореализации в условиях нового регионализма, основания и формы такой самореализации является неотъемлемым компонентом стратегии пространственного развития приграничных регионов. Их исследование позволит определить перспективные направления для достижения регионом того уровня экономического роста, при котором учитываются и эффективно используются все факторы и условия развития. В этой связи актуальными вопросами для большинства регионов становятся вопросы системного определения, закрепления статуса и структурирование хозяйственных процессов региональной экономики.

Определение региона как некоей системы появилось в середине 90-х гг. XX в. Оно характеризовало как региональную систему практически любое «территориальное образование: от небольших ареалов, включающих даже часть одного муниципального

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00906 А «Развитие теоретических подходов и разработка механизмов эффективного взаимодействия субъектов Байкальского макрорегиона в условиях пространственного развития»)

образования, до межконтинентальных территориальных систем». В отличие от «территориальной системы», в основе которой лежат географические и экономические факторы, «региональная система» уже структурирована социокультурными и политическими ориентирами. И территориальную, и региональную систему можно справедливо считать экономическими категориями, однако, последняя включает элементы и социокультурной сферы жизнедеятельности общества, экологический статус [3]. При этом особый интерес вызывает исследование региональных систем приграничных регионов, поскольку на их хозяйственную структуру оказывает влияние так называемый фактор внешней среды - экономическое взаимодействие с региональными системами других стран.

Байкальский регион, включающий в себя Иркутскую область, Республику Бурятию и Забайкальский край, в этом смысле можно рассматривать как региональную систему, главной особенностью которой выступает асимметричность экономического развития по разным сторонам границы [4]. Несмотря на достаточно высокий уровень потенциала экономики Байкальского региона (расположение и природные ресурсы), территориальную сопряженность с Азиатскими странами, наличие ключевых для России транспортных магистралей: Транссиба, БАМа и ветки «Улан-Удэ — Улан-Батор — Пекин» и др., пока еще нет четкого понимания роли субъектов Байкальского региона как локомотивов интеграционных процессов [1].

Согласно Стратегии пространственного развития РФ (2019) для обеспечения национальной безопасности за счет социально-экономического развития геостратегических территорий предлагается: обеспечить усиление приграничного сотрудничества приграничных субъектов Российской Федерации с сопредельными странами.

При этом сотрудничество должно быть реализовано за счет стимулирования экономических взаимоотношений приграничных субъектов Российской Федерации с сопредельными странами через стимулирование развития малого и среднего предпринимательства, участвующего в трансграничном сотрудничестве, а также за счет содействия межрегиональному сотрудничеству с приграничными регионами сопредельных стран в научно-технической, социальной, экологической сферах.

Это соответствует основным целям экономического развития Байкальского региона как трансграничной территории. К настоящему моменту был предпринят ряд мероприятий для развития сотрудничества приграничных субъектов и с сопредельными странами, в том числе безвизовое сообщение, льготное налогообложение и т.п., однако данное направление наиболее эффективно реализуется только если будет носить системный характер, основанный на понятии эффективного функционирования региональной системы[2].

В целом, рассматривая особенности пространственного развития приграничных территорий в условиях нового регионализма можно определить ряд признаков оказывающих существенное влияние на интеграционные процессы, происходящих в регионе [6]:

- во-первых, регион рассматривается как единая территориальная система и включает в себя по крайней мере несколько государств (политически оформленных единиц), объединенных друг с другом географическими отношениями и определенным уровнем взаимозависимости;

- во-вторых, наличествует возможность несовпадения региональных очертаний (административных и государственных границ);

- в-третьих, степень развитости региональных связей может не совпадать по экономическим, политическим и культурным параметрам (неравномерность степени развитости внутрирегиональных экономических, политических и культурных связей и кооперации);

- в-четвертых, степень региональной сплоченности может возрастать или ослабевать со временем в зависимости от того, как определяют свои интересы субъекты, действующие в регионе.

Литература

1. Булатова Н.Н. Перспективы развития региона в условиях формирования экономического коридора «Россия-Монголия-Китай» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. № 1, Том 10, с. 90-98
2. Жалсараева Е.А. Региональный экономический рост в условиях экологических ограничений. Моделирование развития социально-экономического потенциала территории в условиях современных вызовов. Материалы международной научно-практической конференции. Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. 2018. С. 345-349.
3. Кучинская Т. Н. Региональная экономическая интеграция КНР в контексте теории «нового регионализма» (интерпретация работ китайских ученых) / Т. Н. Кучинская, Д. В. Сухарев // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 10 (52) Часть 1 . — С. 49—52. — URL: <https://research-journal.org/economical/regionalnaya-ekonomicheskaya-integraciya-knr-v-kontekste-teorii-novogo-regionalizma-interpretaciya-rabot-kitajskix-uchenyx/> (дата обращения: 26.05.2019.). doi: 10.18454/IRJ.2016.52.091
4. Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья. монография под ред. А.К.Тулохонова, Новосибирск: Наука, 2012. — 426 с.
5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 22.05.2019)
6. Hettne B. and Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. 5(3). P. 38.

References

1. Bulatova N.N. Prospects for the development of the region in the conditions of the formation of the economic corridor "Russia-Mongolia-China" // Scientific and technical statements SPbGPU. Economics. 2017. № 1, Volume 10, p. 90-98
2. Zhalsaraeva E.A. Regional economic growth under environmental constraints. Modeling the development of socio-economic potential of the territory in the context of modern challenges. Materials of the international scientific-practical conference. East-Siberian State University of Technology and Management. 2018. p. 345-349.
3. Kuchinskaya T. N. Regional economic integration of the People's Republic of China in the context of the theory of "new regionalism" (interpretation of the works of Chinese scientists) / T. N. Kuchinska, D. V. Sukharev // International Scientific Research Journal. - 2016. - № 10 (52) Part 1. - p. 49-52. - URL: <https://research-journal.org/economical/regionalnaya-ekonomicheskaya-integraciya-knr-v-kontekste-teorii-novogo-regionalizma-interpretaciya-rabot-kitajskix-uchenyx/> (circulation date: 05.26.2019.) . doi: 10.18454 / IRJ.2016.52.091
4. Positioning the territories of the Baikal region in a cross-border environment. monograph ed. AK Tulokhonov, Novosibirsk: Science, 2012. - 426 p.
5. Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (appeal date: 05/22/2019)
6. Hettne B. and Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. 5(3). P. 38.

УСТОЙЧИВОЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА: ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Жалсараева Екатерина Александровна

*ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г.
Улан-Удэ, Россия
katyale@yandex.ru*

Шангина Анна Вячеславовна

*ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г.
Улан-Удэ, Россия
ubonieva@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблемам оценки устойчивости экономики приграничных регионов условиях пространственного развития. Приведено обоснование показателей эффективности региональной экономики, дается описание роли экологического фактора развития региона на основе интегральной оценки устойчивости и напряженности экономики.

Ключевые слова: Устойчивое развитие региона, напряженность экономики, региональная экономика, эколого-экономический фактор

SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT OF THE CROSS-BORDER REGION: ECOLOGICAL AND ECONOMIC ASPECT

Zhalsaraeva, Ekaterina

*East-Siberian State University of Technologies and Management, Ulan-Ude, Russia
katyale@yandex.ru*

Shangina, Anna

*East-Siberian State University of Technologies and Management, Ulan-Ude, Russia
ubonieva@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the problems of assessing the sustainability of the regional economy in terms of spatial development. The rationale for the performance indicators of the regional economy is given, a description of the role of the environmental factor in the development of the region based on an integral assessment of the sustainability and intensity of the economy is given.

Keywords: Sustainable development of the region, economic tension, regional economy, environmental and economic factor

Устойчивое региональное развитие в условиях пространственного стратегического планирования является главной целью на современном этапе. Согласно положениям концепции социально-экономического развития России до 2020 года, а также стратегии пространственного развития РФ экономическая политика на уровне региона должна быть направлена на поддержание сбалансированного социально-экономического развития через создание новых центров экономического роста с учетом приоритетов пространственного развития и ресурсных ограничений [10,11]. В этих условиях для приграничных регионов с

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00906 А «Развитие теоретических подходов и разработка механизмов эффективного взаимодействия субъектов Байкальского макрорегиона в условиях пространственного развития»)

богатым природно-ресурсным потенциалом, имеющим экологические ограничения в его использовании в связи с невозможностью реализации промышленного варианта развития, на первый план выходят вопросы поиска альтернативных вариантов повышения экономического благосостояния. Это означает, что при осуществлении стратегического планирования развития на таких территориях должна быть выстроена система политических, правовых, экономических и иных мер, направленных на обеспечение сохранности природных комплексов от возможного негативного воздействия хозяйственной деятельности человека.

Понятие «устойчивое развитие» применяется для характеристики типа экономического развития, обеспечивающего экологическую безопасность, воспроизводимость ограниченных ресурсов и качество экономического роста. Вместе с тем, в последнее время появилось и другое толкование термина «устойчивое развитие» включающее кроме экологического подхода еще и социально-экономические аспекты устойчивости. Ученые предлагают рассматривать устойчивое развитие как совокупность экономической и экологической безопасности. Так, например, И. Блецхин выделяет три подхода к выявлению сущности устойчивого развития региональных систем [2]. Первый подход определяет интегральную устойчивость территориальных систем с точки зрения сбалансированности и стабильности динамики их показателей, позитивности структурных изменений. Второй подход к устойчивому развитию региона связывается с его экономической безопасностью, а третий – с экологической безопасностью. Ряд авторов связывает устойчивое региональное развитие с инновационными преобразованиями [12,9,8,6,3].

Общим знаменателем для данного множества подходов является принцип исследования экономики территории как постоянно изменяющейся под влиянием внутренних и внешних факторов системы.

Для возможности оценки устойчивости и напряженности экономики регионов Дугаржаповой М.А., Дугаржаповым З.Б., Унгаевым О.А. была предложена методика, основанная на способе многомерного сравнения (комплексной оценки). Комплексная рейтинговая оценка устойчивости и напряженности экономики регионов представляет собой характеристику эффективности функционирования субъектов РФ, полученную в результате изучения совокупности показателей. Очевидно, что чем больше показателей будет использовано для комплексной оценки, тем более правильными и точными будут результаты анализа. Авторы определяют как наиболее важный аспект оценки устойчивости региональной экономики разработку оптимальной системы показателей, включая определение состава, содержания, выявление взаимосвязей. Далее уже на основе четко определенного состава показателей формируется матрица исходных данных по субъектам РФ[4].

Результаты анализа показали, что большинство регионов имеют средний уровень устойчивости экономики. Это говорит о том, что для достижения высоких темпов при реализации стратегии пространственного развития необходимо стимулирование инновационной сферы экономики, в том числе разработка принципиально новых, конкурентоспособных продуктов и технологий и вывод их на рынок при поддержке государства. Одним из перспективных направлений такого рода может стать развитие эколого-ориентированного бизнеса. Экологоориентированный бизнес можно определить как инновационную предпринимательскую деятельность, нацеленную на смягчение или решение экологических проблем региона. То есть к числу основных его признаков можно отнести: во-первых, возможность осуществления предпринимательской деятельности с учетом имеющихся ограничений, во-вторых, это возможность использования природного потенциала без ущерба всем экосистемам, выведение региона на международные рынки с брендовой экологически чистой продукцией, соответствующей международным стандартам. Механизм реализации такого подхода к организации бизнеса имеет ступенчатый характер: на начальной стадии предполагается использование финансовых ресурсов государства в

форме государственно-частного партнерства или резидентства в особой экономической зоне (льготные условия для осуществления предпринимательской деятельности, мягкий налоговый режим); на стадии уверенного роста- вывод продукции на рынок, как на территориальном уровне, так и на международные рынки; на стадии полного внедрения-отмена льготных режимов, получение доходов в бюджет в полном объеме [4,7].

В отношении уровня социально-экономической устойчивости регионов наиболее благоприятная обстановка по основным социальным показателям представлена в таких приграничных регионах как г. Санкт-Петербург, Камчатский край, Чеченская Республика. Социально-экономическая составляющая в рейтинге отражает благополучность региона с точки зрения привлекательности для населения, поскольку зачастую именно уровень данных показателей влияет на показатели трудовой миграции.

Республика Бурятия является ярким примером приграничного региона (граничит с Монголией, Китаем). В данном рейтинге республика находится на 47 позиции. Такой результат объясняется тем, что регион обладает достаточно высоким природно-ресурсным потенциалом и относительно привлекательным уровнем социально-экономического развития. Как и у любого другого региона в Республике существует ряд оказывающих сдерживающее влияние на социально-экономическое развитие: высокая степень физического и морального износа значительной части основных фондов, инженерных систем и сооружений; низкий уровень конкурентоспособности производимой в республике продукции и, конечно, ограничения экологического характера представляющие собой одновременно фактор внутренней и внешней среды.

Экологический фактор связан с особым статусом озера Байкал и территории водосборного бассейна, а также с наличием большого количества охраняемых природных территорий(8 -федерального значения, 77 – регионального, 5 – местного значения) сохранение которых предполагает неприкосновенность лесных, земельных массивов и других ресурсов. По оценкам Байкальского Института Природопользования СО РАН, общая величина экологической нагрузки на Республику Бурятия доходит до 10% валового регионального продукта [5].

Таким образом, достижение устойчивого развития приграничных регионов в условиях пространственного стратегического планирования возможно только через учет территориальных особенностей и поиск альтернативных вариантов повышения экономического благосостояния, в том числе через активное использование приграничного потенциала.

Литература

1. Байдина О.В. Инвестиционно-воспроизводственная устойчивость региона: экономические условия и стратегия обеспечения: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – Белгород, 2009. – 190 с.
2. Блецхин И.Я. Стратегия устойчивого развития региональных систем. СПб, 2001.
3. Гараев И.Г., Хайруллов Д.С. Проблемы устойчивого социально-экономического развития региона в современных условиях // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С.126-133.
4. Дугаржапова М.А., Дугаржапов З.Б., Унгаев О.А. Методические подходы к оценке устойчивости и напряженности экономики региона//Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-2 (82). С. 936-942.
5. Дугаржапова М.А., Жалсараева Е.А., Унгаева И.Ю. Проблемы экономического развития территорий: инвестиции, инновации и экологические ограничения//Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. с. 38.
6. Егорычев С.А. Методическое обеспечение комплексного анализа устойчивого развития муниципальных образований // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – №5 (166). – С. 251-257.
7. Жалсараева Е.А. Региональный экономический рост в условиях экологических ограничений. Моделирование развития социально-экономического потенциала территории в условиях современных вызовов: материалы международной научно-практической конференции. Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. 2018. с. 345-349.
8. Краснова Т.Г. Экономическая устойчивость региона: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 – Иркутск, 2000. – 317 с.

9. Максимов Ю.М., Митяков С.Н., Митякова О.И., Мокрецова Е.С. Устойчивое развитие социально-экономических систем на основе инновационных преобразований: региональный аспект. // Инновации. 2010. №6. С. 103-108.
10. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. №1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»
11. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 21.05.2019)
12. Щеулин А.С. Устойчивое инновационное региональное развитие как научно-прикладное направление // Устойчивое развитие. Наука и Практика, 2004. № 2. С. 13-17.

References

1. Baydina O.V. Investment and reproduction stability of the region: economic conditions and strategy of support: dis. ... Cand. econ Sciences: 08.00.05 - Belgorod, 2009. - 190 p.
2. Bletshin I.Ya. Strategy for sustainable development of regional systems. St. Petersburg, 2001.
3. Garaev I.G., Khairullov D.S. Problems of sustainable socio-economic development of the region in modern conditions // Actual problems of economics and law. 2015. No. 2. S.126-133.
4. Dugarzhapova M.A., Dugarzhapov Z.B., Ungaev O.A. Methodical approaches to assessing the sustainability and tension of the regional economy // Economy and Entrepreneurship. 2017. No. 5-2 (82). Pp. 936-942.
5. Dugarzhapova M.A., Zhalsaraeva E.A., Unagaeva I.Yu. Problems of economic development of territories: investments, innovations and environmental restrictions // Bulletin of the Buryat State University. 2014. № 2. p. 38
6. Egorychev S.A. Methodological support for the comprehensive analysis of the sustainable development of municipalities // Bulletin of the Orenburg State University. - 2014. - №5 (166). - pp. 251-257.
7. Zhalsaraeva E.A. Regional economic growth under environmental constraints. Modeling the development of the socio-economic potential of the territory in the context of modern challenges: materials of the international scientific-practical conference. East-Siberian State University of Technology and Management. 2018. p. 345-349.
8. Krasnova T.G. Economic stability of the region: dis. ... Dr. econ Sciences: 08.00.05 - Irkutsk, 2000. - 317 p.
9. Maksimov Yu.M., Mityakov S.N., Mityakova O.I., Mokretsova E.S. Sustainable development of socio-economic systems on the basis of innovative transformations: a regional aspect. // Innovation. 2010. №6. Pp. 103-108.
10. Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-p "On approval of the Concept for the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020"
11. Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (appeal date: 05/21/2019)
12. Scheulin A.S. Sustainable innovative regional development as a scientific and applied direction // Sustainable Development. Science and Practice, 2004. № 2. S. 13-17.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Жаров Владимир Сергеевич

Филиал ФБГОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» в г.

Апатиты;

Институт экономических проблем КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия

zharov_vs@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена методика выявления взаимосвязи между темпами экономического роста промышленного производства в арктических регионах-субъектах Федерации на примере Мурманской области и его инновационной активностью. Показано, что для ее повышения необходима финансовая поддержка государства.

Ключевые слова: регионы Арктики, типы экономического роста, инновационная активность, промышленное производство, эффективность экономических ресурсов.

PROSPECTS OF INNOVATIVE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF ARCTIC REGIONS OF RUSSIA

Zharov, Vladimir

Branch of the Arctic Murmansk State University in Apatity;

Institute for Economic Problems KSC RAS, Apatity, Russia

zharov_vs@mail.ru

Abstract. The method of identifying the relationship between the rate of economic growth of industrial production in the Arctic regions-the subjects of the Russian Federation on the example of the Murmansk region and its innovation activity. It is shown that for its increase the financial support of the state is necessary.

Key words: Arctic regions, types of economic growth, innovative activity, industrial production, efficiency of economic resources.

Экономика всех регионов Арктики имеет преимущественно сырьевой характер, то есть ее основу составляет промышленное производство по добыче и первичной переработке минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Таким образом, прежде всего в арктических регионах необходима существенная модернизация промышленного производства с повышением уровня его инновационной активности, которая должна повысить эффективность использования производственных ресурсов (материальных, трудовых и основного капитала) и обеспечить перевод этих регионов на интенсивный тип развития для повышения темпов роста ВРП.

С точки зрения интересов государства и регионов интенсивный тип экономического роста определяется увеличением доли ВРП в обороте регионов, но эта доля может повышаться по разным причинам.

Теоретически возможны два варианта интенсивного типа экономического роста в зависимости от повышения эффективности использования отдельных видов экономических ресурсов либо всех трех видов ресурсов вместе. Одним из вариантов является материалосберегающий вариант, при котором в структуре стоимости общественного продукта региона увеличивается доля ВРП из-за повышения уровня материалоотдачи вследствие более рационального использования материальных ресурсов. Если при этом не снижается эффективность других видов ресурсов-трудовых и основного капитала, и не

изменяется доля прочих расходов, то тогда повышается доля прибыли от экономической деятельности и в этом случае интересы государства, региона и бизнеса полностью совпадают. Такой вариант возможен при совершенствовании существующей технологии производства и соответствующем снижении норм расхода материальных ресурсов. Однако при этом возможности роста материалоотдачи ограничены. Для существенного ее повышения необходимо внедрение в производство новых технологий, то есть повышение уровня инновационной активности за счет внедрения технологических инноваций.

В этом, втором варианте интенсивного экономического роста увеличивается производительность основного капитала, то есть повышается уровень фондоотдачи, что снижает долю амортизационных отчислений в структуре стоимости общественного продукта региона. При этом, а также за счет сопутствующего роста производительности труда, увеличивается доля прибыли. Однако бизнес теряет часть собственных финансовых ресурсов из-за снижения доли амортизационных отчислений, которые в отличие от увеличивающегося объема прибыли не облагаются налогом, а в регионе высвобожденный производственный персонал может быть не обеспечен дополнительным количеством рабочих мест. При таком варианте интенсивного экономического роста новые технологии позволяют одновременно снизить материалоемкость продукции и повысить уровень фондоотдачи и производительности труда, что в целом соответствует интересам государства, регионов и предприятий, поэтому он более предпочтителен. Тем более, что существенное снижение материалоемкости позволяет уменьшать загрязнение окружающей среды отходами производства.

В табл.1 приведены расчетные данные темпов экономического роста промышленного производства арктических регионов по видам промышленной деятельности на примере Мурманской области за 2005-2016 годы.

Эти данные показывают, что ситуация с инновационной активностью развития промышленности Мурманской области крайне неблагоприятная, хотя темпы экстенсивного промышленного развития имеют высокий уровень в анализируемом периоде времени. Практически по всем трем видам деятельности промышленность не развивалась инновационно, за исключением отдельных лет по отдельным видам деятельности. Однако для того, чтобы более глубоко понять сложившуюся ситуацию и определить перспективы перехода промышленного производства на интенсивно-инновационный путь развития, вышеуказанных расчетных данных недостаточно. Нами ранее показано, что технологическое развитие промышленного производства на любом уровне (предприятие, отрасль, вид деятельности) может осуществляться в зависимости от эффективности использования экономических производственных ресурсов только в четырех направлениях: инновационно-эффективном, инновационно-неэффективном, неинновационно-эффективном и неинновационном и неэффективном, но при этом первое и последнее направления могут реализовываться еще и в двух вариантах. Это обстоятельство определяется тем, что между фондоемкостью и материалоемкостью производства существует прямо пропорциональная зависимость, установленная нами в процессе анализа динамики этих показателей за десятилетний период деятельности ряда крупнейших промышленных предприятий, расположенных в регионах Севера и Арктики, а также на примере трех отдельных видов промышленной деятельности тринадцати северных и арктических регионов за 2005-2016 годов [1]. Дальнейший анализ показал, что значения коэффициента пропорциональности как отношения фондоемкости к материалоемкости, могут как увеличиваться так и уменьшаться. На этой основе нами была разработана матрица возможных направлений и вариантов направлений развития производственных систем, в которой каждое из них определяется по изменению значений (повышению или снижению) трех показателей-индикаторов эффективности развития: коэффициента пропорциональности между фондоемкостью и материалоемкостью (k), фондоемкости и материалоемкости [2]. При этом было показано, что все направления и варианты направлений, во-первых, определяются темпами обновления основных фондов производственных систем и прежде всего их активной части (машин,

оборудования и транспортных средств), то есть зависят от уровня внедрения технологических инноваций. Во-вторых, все они взаимосвязаны друг с другом. Эту взаимосвязь наглядно отображает графическая модель жизненного цикла технологичности развития производства [3], который состоит из шести стадий, но из них только одна стадия является наилучшей. На этой стадии одновременно увеличиваются значения всех трех индикаторов эффективности развития. При этом основным индикатором, определяющим интенсивность внедрения технологических инноваций, является коэффициент пропорциональности k , поэтому его значение отражает уровень технологичности производства, а изменение значения определяет темп технологического прогресса производственных систем. Таким образом, этот коэффициент соответствует показателю «знаний и умения», предложенному в 80-х годах прошлого века акад. В. А. Трапезниковым для оценки влияния научно-технического прогресса на развитие отраслей экономики СССР [6], однако его численное значение определялось на основе использования производственных функций, что для отдельных предприятий было выполнить невозможно.

Таблица 1

Темпы экономического роста видов промышленного производства в Мурманской области¹

Регионы	Пока за тели	2010 к 2005	2011 к 2010	2012 к 2011	2013 к 2012	2014 к 2013	2015 к 2014	2016 к 2015
Мурманская область, всего	кэр	1,61	1,14	0,96	1,08	0,92	1,26	1,09
	кээр	2,03	1,12	1,04	1,05	1,06	1,20	1,08
В том числе добыча	кэр	2,47	1,38	0,93	1,21	0,70	1,47	1,22
	кээр	2,31	1,33	0,95	1,18	0,88	1,29	1,17
	киэр	1,07	1,04	0,99	1,03	0,80	1,13	1,04
	кфо	0,95	0,48	0,88	1,11	0,73	1,14	1,08
Обрабатывающие производства	кэр	1,21	0,97	0,94	0,89	1,21	1,10	0,89
	кээр	1,94	0,98	1,10	0,92	1,29	1,22	1,00
	киэр	0,62	0,98	0,85	0,97	0,93	0,91	0,88
	кфо	1,57	0,87	1,05	0,84	1,17	1,13	0,94
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	кэр	1,73	1,04	1,08	1,12	1,03	1,16	1,15
	кээр	1,86	1,12	1,07	1,10	0,98	1,02	1,10
	киэр	0,93	0,93	1,01	1,02	1,06	1,14	1,05
	кфо	1,06	0,78	1,02	0,93	0,72	1,15	1,13

В табл.2 приведены расчетные данные значений трех показателей-индикаторов технологического развития видов промышленного производства в экономике Мурманской области за период 2005-2016 годов, которые уже более детально позволяют формировать представления о перспективах инновационного промышленного развития.

В добыче полезных ископаемых в течение десяти лет сохраняется тенденция роста значения коэффициента уровня технологичности производства, однако наиболее

¹ кэр – общие темпы экономического роста; кээр – темпы экстенсивного экономического роста;

к_{иэр} – темпы интенсивного экономического роста; к_{фо} – темпы роста фондоотдачи. Расчеты выполнены по данным ежегодных статистических сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели».

значительное обновление основных фондов осуществлено только в 2010 году, но при этом кардинального изменения технологии производства не произошло, а обеспечивается лишь ее незначительное усовершенствование. При этом очевидно, что в ближайшей перспективе такая ситуация будет продолжаться.

Таблица 2.

Индикаторы направлений развития видов промышленного производства в экономике Мурманской области¹

Регионы	Показатели	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Мурманская область								
Добыча	МЕ	0,469	0,431	0,407	0,421	0,405	0,524	0,460
	ФО	1,312	1,246	0,599	0,527	0,583	0,428	0,489
	k	1,62	1,86	4,10	4,50	4,24	4,46	4,44
	№		2	2	4-2	1-2	4-2	1-2
Переработка	МЕ	0,256	0,539	0,546	0,614	0,625	0,650	0,683
	ФО	1,895	2,971	2,590	2,707	2,273	2,667	3,027
	k	2,06	0,62	0,71	0,60	0,70	0,58	0,48
	№		3	4-2	3	4-2	3	3
Пр-во эл. эн-и, газа и воды	МЕ	0,629	0,656	0,680	0,678	0,673	0,655	0,607
	ФО	0,584	0,617	0,482	0,491	0,456	0,327	0,377
	k	2,72	2,47	3,05	3,01	3,26	3,85	4,37
	№		3	4-2	1-2	2	2	1

В обрабатывающих производствах ситуация гораздо сложнее, так как в течение 2005-2010 годов произошло снижение уровня технологичности производства более чем в три раза, а в период 2011-2015 годов технологическое обновление производства практически отсутствует, то есть значение коэффициента k практически не изменяется. Соответственно за десять лет материалоемкость продукции увеличилась в 2,5 раза. При этом фондоотдача производства повысилась в 1,5 раза за счет наращивания объемов производства, однако в перспективе для поддержания эффективности производства на приемлемом уровне потребуются коренное совершенствование технологии производства за счет внедрения технологических инноваций.

В производстве электроэнергии, газа и воды по отношению к двум другим видам промышленной деятельности сложилась промежуточная ситуация, то есть в 2005-2010 годах уровень технологичности производства практически не изменился, однако в следующем пятилетии (2011-2015) происходило существенное, но постепенное обновление основных фондов. Соответственно значение коэффициента k увеличилось почти на 80%. Однако при этом, в отличие от обрабатывающих производств, фондоотдача снизилась почти в два раза, то есть очевидно, что обеспечивалась постепенная замена изношенных основных фондов новыми, но без увеличения объемов производства. Очевидно, что этот процесс будет продолжаться и далее, но технология производства изменяться не будет.

В результате можно констатировать, что без существенной государственной поддержки повышения инновационной активности обрабатывающей промышленности экономика Мурманской области по-прежнему будет развиваться с высоким уровнем материалоемкости продукции и соответствующем повышенным уровнем загрязнения окружающей природной среды отходами производства. Одним из вариантов такой

¹ МЕ - материалоемкость продукции, ФО - фондоотдача, k - коэффициент уровня технологичности производства, № - номер направления (с вариантом или без варианта) развития.

поддержки может быть использование в системе частно-государственного партнерства предлагаемого нами «квазисамофинансирования» инновационной деятельности [4,5].

Литература

1. Жаров В.С. Тенденции и перспективы инновационного промышленного развития регионов Севера и Арктики // Тенденции развития экономики и промышленности в условиях цифровизации (колл. монография) / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – С.374-397. DOI: 10.18720/IEP/2017.6/15
2. Жаров В.С. Использование инвестиционно-инновационного леввериджа для оценки направлений технологического развития промышленного производства // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т.11. №1. – С.177-187. DOI: 10.18721/JE.11116
3. Жаров В.С. Взаимосвязь технологического и экономического развития производственных систем // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 3. С. 32—44. DOI: 10.18721/JE.11303.
4. Жаров В.С. Методика определения финансовой поддержки инновационной деятельности промышленных предприятий // Проблемы и перспективы инновационного развития экономики: материалы научного форума (XXI международной научно-практической конференции), Алушта, 19-24 сентября 2016 г. Симферополь: НТС Крыма, М: изд. «ЭкООнис», 2016. – С.136-140.
5. Жаров В.С. Система стимулирования инновационной активности промышленных предприятий Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка, 2016. - №2. – С.105-114.
6. Кучин Б.Л., Якушева Е.В. Управление развитием экономических систем: технический прогресс, устойчивость. - М.: Экономика, 1990. 157 с.

References

1. Zharov V.S. Trends and prospects of innovative industrial development of the regions of the North and the Arctic. Trends in the development of the economy and industry in the conditions of digitalization. Ed. Sciences, Professor A. V. Babkin. SPb.: Publishing house of Polytechnical un-ta, 2017, pp.374-397. DOI: 10.18720/IEP/2017.6/15.
2. Zharov V.S. The use of investment and innovation leverage to assess the directions of technological development of industrial production. St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics, 2018, vol. 11, no. 1. pp 177-187. DOI: 10.18721 / JE.11116.
3. Zharov V.S. Interrelation of technological and economic development of production systems. St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics, 2018, vol. 11, no.3, pp. 32—44. DOI: 10.18721/JE.11303.
4. Zharov V. S. Method of determining financial support for innovative activity of industrial enterprises. Problems and prospects of innovative development of the economy: materials of the scientific forum (XXI international scientific and practical conference), Alushta, September 19-24, 2016 Simferopol: NTS Crimea. Moscow: "EcOOnis", 2016, pp. 136-140.
5. Zharov V. S. System of stimulation of innovative activity of industrial enterprises of the Arctic zone of the Russian Federation. North and market: formation of economic order, 2016, no.2, pp. 105-114.
6. Kuchin B.L., YAkusheva E.V. Management of economic systems development: technological progress, sustainability. Moscow: Economics, 1990, 157 p.

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОСВЕДОМЛЁННОСТИ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

Каргинова-Губинова Валентина Владимировна

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра "Карельский научный центр Российской академии наук", Петрозаводск, Россия
vkarginowa@yandex.ru*

Поташева Ольга Вячеславовна

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра "Карельский научный центр Российской академии наук", Петрозаводск, Россия
ovpotash79@gmail.com*

Аннотация: Высокая экологическая осведомлённость является основой для сотрудничества приграничных территорий в нивелировании экологических угроз. В статье рассмотрены инструменты повышения осведомлённости. Особое внимание уделено программе приграничного сотрудничества России и Европейского союза.

Ключевые слова: Экологические угрозы, экологическая культура, экологическая ответственность, производственные отходы, бытовые отходы, программа приграничного сотрудничества

RAISING ENVIRONMENTAL AWARENESS FOR SAFETY OF LIFE IN THE BORDER REGIONS

Karginova-Gubinova, Valentina

*Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia
vkarginowa@yandex.ru*

Potasheva, Olga

*Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia
ovpotash79@gmail.com*

Abstract: High environmental awareness is the basis for the cooperation of border areas in overcoming environmental threats. The article considers awareness raising tools. Special attention is paid to the program of cross-border cooperation between Russia and the European Union.

Key words: Environmental threats, ecological culture, ecological responsibility, industrial waste, household waste, program of cross-border cooperation

Производственно-хозяйственная деятельность отдельной страны может нанести значительный экологический ущерб для территории сопредельного государства. В частности, это возможно за счёт притока загрязнённых сточных вод и выбросов в атмосферу парниковых газов, серы, азота и т.д. Например, недалеко от границы с Российской Федерацией расположен китайский город Шэньян, входящий в десятку самых загрязнённых городов мира, в том числе и из-за высоких объемов выбросов парниковых газов и соединений серы. В свою очередь ТЭС в городе Троицке Челябинской области, пятая по мощности в Российской Федерации, оказывает существенное негативное влияние на территорию Казахстана [1].

Рассматривая экологические угрозы, возникающие в приграничных регионах, стоит отдельно остановиться на проблемах производственных и бытовых отходов. Различия в социально-экономическом развитии стран и проводимой экологической политики могут привести к значительной дифференциации объёмов производимых отходов (см. таблицу 1 и рисунок 1), практик обращения с ними.

Таблица 1

Уровень образования отходов по регионам за 2016 год, килограмм на одного человека в день. Источник: составлена на основании: [7, с. 22]

Регион	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение
Европа и Центральная Азия	1,18	0,27	4,45
Восточная Азия и Тихий океан	0,56	0,14	3,72
Южная Азия	0,52	0,17	1,44
Северная Америка	2,21	1,94	4,54
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,99	0,41	4,46
Средний Восток и Северная Африка	0,81	0,44	1,83
Страны Африки южнее Сахары	0,46	0,11	1,57

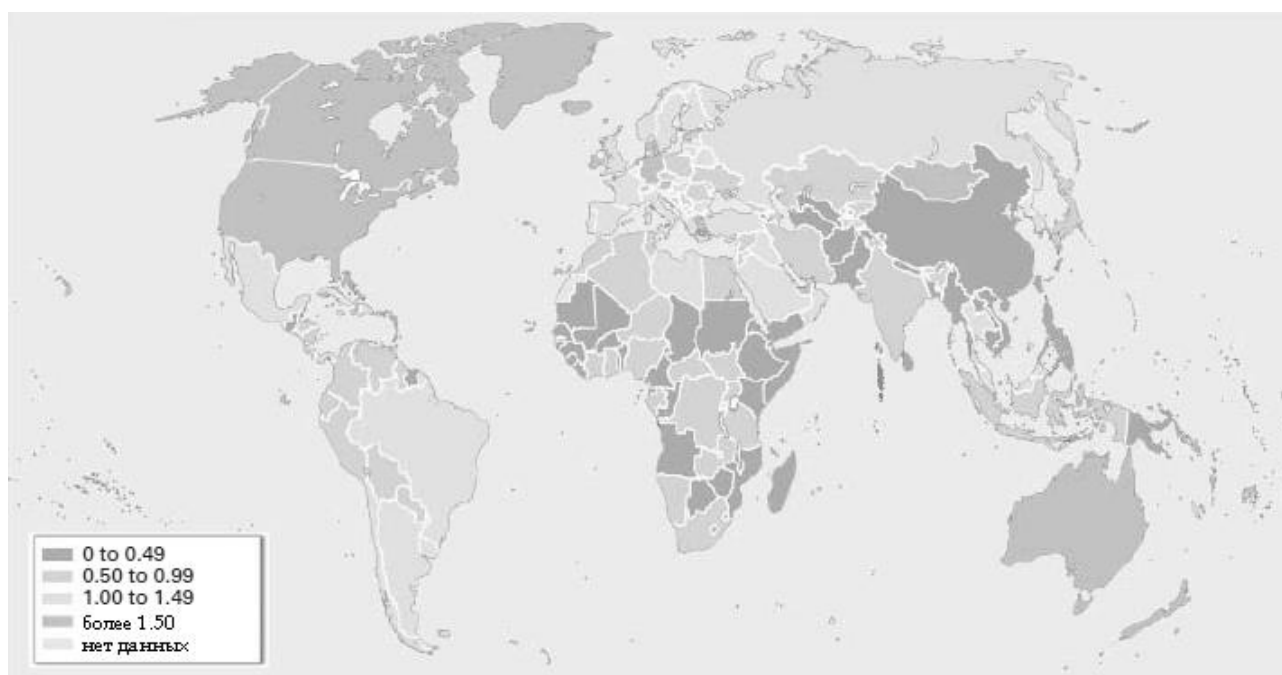

Рисунок 1. Уровень образования отходов на душу населения в сентябре 2018, килограмм. Источник: [7, с. 19].

Из-за высоких цен на выбрасываемый мусор жители Швейцарии вывозили свои бытовые отходы во Францию. Только в 2017 году объём отходов, доставленных из Швейцарии во французский регион Франш-Конте, был оценён в 10 тонн [11]. Большую угрозу для сопредельных стран представляют и полигоны с токсичными отходами недалеко от границы.

В то же время нельзя не отметить, что граница может выступать и в качестве особого ресурса решения существующих экологических проблем, в первую очередь, за счёт обмена

опытом и кооперации. В Швеции высокая мощность предприятий по переработке и сжиганию мусора привела к тому, что в качестве сырья исключительно шведского мусора перестало хватать, и его начали импортировать из других стран, в первую очередь из Норвегии. Для Норвегии передача мусора в Швецию имеет положительный как экологический, так и экономический эффект: переработка отходов на территории Норвегии значительно дороже, чем в Швеции [3]. Проблемы организации сбора, сортировки и переработки отходов могут решаться с помощью финансирования в рамках программ приграничного сотрудничества России и Европейского союза. Так, с 2018 года по программе приграничного сотрудничества «Карелия» реализуется 11 проектов по направлению «Чистый и комфортный для проживания регион» [2].

С точки зрения авторов, основой плодотворного взаимодействия по нивелированию экологических угроз является схожий – и высокий – уровень экологической осведомленности.

Экологическую осведомлённость можно определить как «важнейший показатель уровня экологической культуры – степени духовного развития общества, нравственности населения, количества внедренных эколого-экономических принципов» [4]. Согласно другому определению, экологическая осведомленность – это сложная система, которая обладает способностью изменять свои цель, функции и связи и созданная для решения задач установления, стабилизации или изменения отношений с природой [8]. Ранее проведённые исследования показали, что при высоком уровне экологической осведомлённости поведение граждан становится более экологически ответственным [5; 6; 9; 10].

В рамках уже упомянутой программы приграничного сотрудничества «Карелия» вопросы экологической осведомлённости напрямую или косвенно затронуты в большинстве из реализуемых проектов. В рамках проекта «Образование для устойчивого водопользования» (КА5038) предполагается запуск системы обучения эффективному водопользованию: на российской стороне в городе Петрозаводске, на финской в городах Йоэнсуу и Китее. Проект «Трансграничная система мониторинга окружающей среды» (КА5016) направлен на повышение экологической осведомлённости как отдельных граждан, так и организаций. Проект «Чистая Карелия по обе стороны границы» (КА5013) предполагает работу с взрослым населением и детьми, преимущественно по вопросам, относящимся к твердым коммунальным отходам. Проект «Зелёная школа» (КА5030) занимается продвижением «зеленых» стандартов в местных сообществах через школы. Проект «Совместная сеть данных и обмена для управления инвазивными чужеродными видами» (КА5046) среди прочих задач, направлен на обеспечение информированности людей, организаций и органов власти о проблемах искоренения инвазивных чужеродных видов [2].

В качестве иных инструментов повышения экологической осведомлённости, потенциально возможных к использованию в приграничных территориях, можно назвать:

- активизацию освещения существующих экологических проблем в учебных курсах и СМИ, проведение специализированных тренингов;
- популяризацию с помощью органов государственной и муниципальной власти, общественных организаций и СМИ экологических норм поведения, в том числе с помощью соответствующих премий и наград;
- оказание административной, информационной и финансовой поддержки общественным организациям, работающим в экологической сфере, и эоактивистам;
- использование экологической маркировки продукции, нанесение сроков разложения упаковки и т.д.

Безусловно, представленный перечень может быть расширен.

Особое внимание стоит уделить работе с детьми и молодёжью, как с самыми восприимчивыми возрастными группами населения, которые, к тому же, могут успешно транслировать полученные знания и навыки до взрослых – своих родителей.

Переходя к выводам, стоит отметить, что государства могут представлять значительные экологические угрозы для безопасности жизнедеятельности населения сопредельных территорий. В то же время при высоком уровне экологической осведомлённости, которая неразрывна с высокой степенью экологической ответственности, данных угроз можно не только избежать, но и совместными усилиями значительно улучшить качество окружающей среды и условий проживания населения приграничных регионов.

Литература

1. Российское приграничье: вызовы соседства // Под ред. В.А. Колосова. – М.: ИП Матушкина И.И., 2018. – 562 с.
2. Список одобренных проектов Программы ПС «Карелия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliacbc.fi/ru/proektyhttp://www.fao.org/3/a-ml542r.pdf> (дата обращения: 06.06.2019).
3. У Швеции закончился собственный мусор [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nauka.vesti.ru/article/1036716> (дата обращения: 06.06.2019).
4. Уткова М.А. Экологическая ответственность как устойчивость развития системы управления эколого-экономической безопасностью / М. А. Уткова, П.Ю. Утков // Проблемы менеджмента в условиях глобализации информационного пространства: сборник докладов Международной научно-практической конференции. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургский университет управления и экономики, 2012. – С. 51-54.
5. Bauer N. The change of European landscapes: Human-nature relationships, public attitudes towards rewilding, and the implications for landscape management / N. Bauer, A. Wallner, M. Hunziker // *Journal of Environmental Management*. – 2009. – Vol. 90. – №9. – pp. 2910-2920.
6. Haas M. Environmental education / M. Haas, E. Ondrová, J. Švajda. – Žilina: Institute of High Mountain Biology; University of Žilina Press, 2008. – 132 p.
7. Kaza S. What a Waste 2.0: A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050 / S. Kaza, L.C. Yao, P. Bhada-Tata, F. Van Woerden. – Washington, DC: World Bank, 2018. – 272 p.
8. Korotenko V.A. Ecological awareness: theory, phenomenon and interpretation / V.A. Korotenko // *Juvenis scientia*. – 2017. – №3. – pp. 29-31.
9. Repka P. Environmental awareness of students living near selected national parks in countries of Visegrád group / P. Repka, B. Barabasz-Krasny, K. Moždzeń, P. Urban, J. Švajda // *Nature Conservation Research*. – 2017. – Vol. 2 (Suppl. 2). – pp. 56-65. DOI: 10.24189/ncr.2017.035.
10. Ruschkowski E von. From Conflict to Partnership? Interactions between Protected Areas, Local Communities and Operators of Tourism Enterprises in Two German National Park Regions / E. von Ruschkowski, M. Mayer M // *Journal of Tourism and Leisure Studies*. – 2011. – Vol. 17. – №2. – pp. 147-181.
11. Sauter Ph. La Franche-Comté poubelle des Suisses [Electronic resource]. Access mode: <http://www.leparisien.fr/societe/la-franche-comte-poubelle-des-suisses-27-03-2018-7631583.php> (date of the application: 06.06.2019).

References

1. Russian frontier: Neighborhood Challenges // Ed. V.A. Kolosov. – Moscow: individual entrepreneur Matushkina I.I., 2018. – 562 p.
2. List of approved projects in the Karelia CBC Programme [Electronic resource]. Access mode: <https://kareliacbc.fi/ru/proektyhttp://www.fao.org/3/a-ml542r.pdf> (date of the application: 06.06.2019).
3. Sweden has run out of its own waste [Electronic resource]. Access mode: <https://nauka.vesti.ru/article/1036716> (date of the application: 06.06.2019).
4. Utkova M.A. Environmental responsibility as the sustainability of the development of the management system of environmental and economic security / M.A. Utkova, P.Yu. Utkov // Problems of management in the globalization of the information space: a collection of reports of the International Scientific and Practical Conference. – St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of Management and Economics, 2012. – pp. 51-54.
5. Bauer N. The change of European landscapes: Human-nature relationships, public attitudes towards rewilding, and the implications for landscape management / N. Bauer, A. Wallner, M. Hunziker // *Journal of Environmental Management*. – 2009. – Vol. 90. – №9. – pp. 2910-2920.
6. Haas M. Environmental education / M. Haas, E. Ondrová, J. Švajda. – Žilina: Institute of High Mountain Biology; University of Žilina Press, 2008. – 132 p.
7. Kaza S. What a Waste 2.0: A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050 / S. Kaza, L.C. Yao, P. Bhada-Tata, F. Van Woerden. – Washington, DC: World Bank, 2018. – 272 p.
8. Korotenko V.A. Ecological awareness: theory, phenomenon and interpretation / V.A. Korotenko // *Juvenis scientia*. – 2017. – №3. – pp. 29-31.

9. Repka P. Environmental awareness of students living near selected national parks in countries of Visegrád group / P. Repka, B. Barabasz-Krasny, K. Możdżeń, P. Urban, J. Švajda // *Nature Conservation Research*. – 2017. – Vol. 2 (Suppl. 2). – pp. 56-65. DOI: 10.24189/ncr.2017.035.
10. Ruschkowski E von. From Conflict to Partnership? Interactions between Protected Areas, Local Communities and Operators of Tourism Enterprises in Two German National Park Regions / E. von Ruschkowski, M. Mayer M // *Journal of Tourism and Leisure Studies*. – 2011. – Vol. 17. – №2. – pp. 147-181.
11. Sauter Ph. La Franche-Comté poubelle des Suisses [Electronic resource]. Access mode: <http://www.leparisien.fr/societe/la-franche-comte-poubelle-des-suisses-27-03-2018-7631583.php> (date of the application: 06.06.2019).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кашин Александр Михайлович

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
kashincompany@gmail.com.

Аннотация: Приграничное сотрудничество является одной из актуальных форм внешнеэкономических связей. В работе рассматриваются значение приграничного сотрудничества, действующая нормативно-правовая база его регулирования и проблемы в законодательном регулировании данных отношений.

Ключевые слова: внешнеэкономические отношения; внешнеэкономические связи; правовое регулирование; приграничное сотрудничество; приграничные регионы.

LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER COOPERATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kashin, Aleksandr

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
kashincompany@gmail.com.

Abstract: Cross-border cooperation is one of the relevant forms of external economic links. The article describes the significance of cross-border cooperation, the current legal framework of its regulation and legal regulation issues of these relations.

Key words: external economic relations; external economic links; legal regulation; cross-border cooperation; border regions.

Отличительной чертой развития мирового хозяйства на современном этапе является глобализация и цифровизация экономики, которая приводит к росту внешнеэкономических связей и увеличению роли приграничного сотрудничества. Это даёт регионам новые возможности для повышения социально-экономического потенциала и развития долгосрочных взаимовыгодных отношений с приграничными территориями по широкому спектру направлений, включая сферы науки, образования, здравоохранения, туризма, экологии, природопользования и др.

Приграничное сотрудничество имеет важное общегосударственное значение, непосредственно затрагивает 49 субъектов Российской Федерации, которые имеют приграничные территории, являющихся в большинстве случаев недостаточно развитыми в экономическом плане [2, с. 146].

Долгое время в Российской Федерации не существовало единого закона, регулирующего экономические отношения между приграничными регионами, а сама категория «приграничное сотрудничество» была определена лишь в Концепции приграничного сотрудничества от 09 февраля 2001 г. Неопределённость основных понятий и неурегулированность ряда вопросов накладывали трудности и тем самым сдерживали потенциальные возможности для развития внешнеэкономических отношений.

В настоящий момент приграничное сотрудничество в Российской Федерации осуществляется на основе международных, федеральных и локальных правовых актов [2, с. 146]. Одним из первостепенных документов, обеспечивающих правовое регулирование приграничного сотрудничества в большинстве стран-членов Совета Европы, является Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных

сообществ и властей [1] (ратифицирована федеральным законом от 22 июля 2002 г. № 91-ФЗ). Данный документ трактует приграничное сотрудничество как «любые согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между территориальными сообществами или властями, находящимися под юрисдикцией двух или более Договаривающихся Сторон, и заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения этих целей».

Среди основных российских правовых актов, регламентирующих вопросы приграничного сотрудничества, можно выделить Конституцию РФ, федеральный закон № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» от 04 января 1999 г., федеральный закон № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08 декабря 2003 г. Так, ст. 72 Конституции РФ устанавливает, что координация международных и внешнеэкономических связей субъектов находится в совместном ведении Российской Федерации и субъекта Федерации.

Так как правовое регулирование приграничного сотрудничества не отличалось системностью и лишь частично регламентировалось различными правовыми актами, в Российской Федерации в течение длительного времени предпринимались попытки создания единой правовой базы. Итогом стало принятие федерального закона № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» от 26 июля 2017 г. В законе были закреплены основные понятия, принципы и направления приграничного сотрудничества, определены полномочия органов государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В настоящий момент согласно вышеуказанному закону под приграничным сотрудничеством понимается «часть международных отношений Российской Федерации, международных и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств». Сравнивая данную трактовку с определением приграничного сотрудничества в Европейской рамочной конвенции, можно отметить, что в российском законодательстве даётся достаточно «размытая» трактовка, а именно не приводятся признаки, позволяющие отделить отношения приграничного сотрудничества от других видов международных отношений [2]. Также в отличие от определения, данного в Европейской рамочной конвенции, определение в федеральном законе № 179-ФЗ не определяет целей приграничного сотрудничества и форм его осуществления.

Важной особенностью закона «Об основах приграничного сотрудничества» является уточнение ст. 72 Конституции РФ и определение полномочий государственных органов на различных уровнях власти в области внешнеэкономических связей с приграничными территориями. Так, к некоторым из полномочий органов государственной власти приграничного субъекта относят:

- проведение встреч, консультаций и мероприятий с представителями сопредельных государств;
- создание организаций приграничного сотрудничества и (или) участие в их деятельности;
- участие в разработке и реализации международных программ приграничного сотрудничества и др.

Таким образом, правовое регулирование вопросов приграничного сотрудничества в Российской Федерации осуществляется на основе международных и национальных правовых актов. Принятие федерального закона № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» ознаменовало новый этап в регулировании внешнеэкономических отношений. Была предпринята попытка создать единую систему норм, регламентирующих отношения приграничного сотрудничества, законодательно определить категорию «приграничное сотрудничество», обозначить принципы и формы выстраивания отношений с

приграничными регионами. Однако в настоящий момент российское законодательство всё ещё требует усовершенствования и уточнения ключевых понятий в данной области.

Литература

1. Костюков А. Н. Проблемы правового регулирования приграничного сотрудничества / А. Н. Костюков, Ю. А. Семакина // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2012. — № 3 (32). — С. 51—56.
2. Сошников Р. А. О новом этапе развития правового регулирования приграничного сотрудничества в Российской Федерации / Р. А. Сошников // Современная юриспруденция : актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2018. — С. 145—150.

References

1. Kostyukov A. N. Problems of Legal Regulation of Transfrontier Co-operation / A. N. Kostyukov, Ju. A. Semakina // Bulletin of Omsk University. — 2012. — no. 3 (32). — pp. 51—56. (in Russian)
2. Soshnikov R. A. About A New Stage of Development of Legal Regulation of Cross-border Cooperation in the Russian Federation / R. A. Soshnikov // Modern Law : Current Issues, Achievements and Innovations : Proceedings of the VII International Scientific-practical Conference. — Penza, 2018. — pp. 145—150. (in Russian)

ДОЛГОСРОЧНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ПОДХОДЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Кириянен Александра Павловна

Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия
alexkirjanen@gmail.com

Аннотация: Вопросы несбалансированности региональных бюджетов ставят задачу выявления внутренних резервов развития, что требует наличия выстроенной системы стратегического, включая долгосрочное бюджетное, планирования. Ввиду отсутствия единых подходов к осуществлению процесса прогнозирования, необходим анализ регионального опыта.

Ключевые слова: бюджетный прогноз, стратегическое планирование, бюджетная обеспеченность

LONG-TERM BUDGET FORECASTING: APPROACHES AND KEY ISSUES

Kirjanen, Alexandra

Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia
alexkirjanen@gmail.com

Abstract: The Issues of imbalance of regional budgets pose the problem of identifying internal reserves of development, which requires a system of strategic, including long-term budget, planning. Due to the lack of common approaches to building the forecasting process, it is necessary to analyze the regional experience.

Keywords: budget forecast, strategic planning, budget provision

Новые ориентиры государственной политики регионального развития в России – безусловное выполнение национальных проектов, принятых в соответствии с Указом Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Это обеспечение прорывного социально-экономического развития, повышение уровня жизни населения. При этом сохраняется преемственность задач, определенных в предыдущих годах, необходимость предоставления государственных (муниципальных) услуг определенного качества и количества на всей территории страны.

Возможность достижения поставленных целей, результативность принимаемых решений публично-правовыми образованиями зависит от эффективно выстроенной системы стратегического планирования, неотъемлемой частью которой является долгосрочное бюджетное прогнозирование. Долгосрочное бюджетное прогнозирование является важным инструментом стратегического бюджетного планирования, позволяющим оценить устойчивость бюджетной системы в долгосрочной перспективе при предположении сохранения основных характеристик бюджетно-налоговой политики в будущем в условиях изменения ключевых демографических, микро- и макроэкономических параметров [1, с. 73]. Иными словами, целью бюджетного прогнозирования выступает обеспечение предсказуемости бюджетной системы путем выстраивания долгосрочных тенденций изменений объема и структуры доходов и расходов консолидированных бюджетов, государственного долга, определения вектора межбюджетных отношений. Бюджетное прогнозирование представляет собой базис для выработки соответствующих мер, принимаемых органами государственной власти при реализации бюджетной и налоговой политики, направленных на обеспечение сбалансированности консолидированных бюджетов, выполнение принятых расходных обязательств, стимулирование социально-экономического развития, решение стратегических задач.

Практическое значение бюджетного прогнозирования на долгосрочный период шире непосредственно прогнозирования и затрагивает области, связанные с определением общих ресурсных ограничений для документов стратегического планирования, содержит элементы целеполагания, планирования и программирования. Таким образом, качественное бюджетное прогнозирование невозможно без четко определенных стратегических целей и задач.

Перечень документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном, региональном и местном уровнях, определены федеральным законом от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». К таким документам на федеральном уровне, прежде всего, относятся стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период. Аналогичные документы подлежат разработке на региональном уровне.

В соответствии с нормами указанного федерального закона сроки разработки и утверждения большинства документов стратегического планирования были установлены на 1 января 2019 года. При этом по состоянию на начало 2019 года на федеральном уровне не разработана стратегия социально-экономического развития, не принят подготовленный Министерством экономического развития Российской Федерации долгосрочный прогноз социально-экономического развития. Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года утвержден 29 марта 2019 года распоряжением Правительства Российской Федерации № 558-р.

Одновременно, в соответствии с требованиями Бюджетного кодекса Российской Федерации регионами, начиная с 2014 года, обеспечено утверждение и реализация ключевых стратегических документов - государственных программ, начиная с 2017 года – утверждение бюджетного прогноза на долгосрочный период.

Таким образом, документы регионального уровня, утверждаемые в целях программирования и прогнозирования, разрабатывались в отрыве от документов целеполагания, устанавливающих долгосрочные общеэкономические и отраслевые тенденции, в том числе на уровне Российской Федерации и макрорегионов, что препятствовало возможности обеспечения согласованности бюджетного прогнозирования с целями и задачами социально-экономического развития.

Смежной проблемой является различие периодов прогнозирования документов стратегического планирования. Вследствие различия сроков долгосрочного бюджетного и социально-экономического прогнозирования на федеральном уровне у регионов отсутствовала возможность обеспечения единства периода действия стратегических документов. Во всех субъектах Российской Федерации бюджетный прогноз на долгосрочный период утвержден после разработки государственных программ, в большинстве – до принятия стратегии социально-экономического развития, что определило различия в периодах: бюджетного прогнозирования – до 2028 года, стратегического планирования – до 2030 года.

Законодательные рамки долгосрочного бюджетного планирования установлены статьей 170.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации. При этом решения о порядке разработки, утверждения бюджетных прогнозов принимаются высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными словами, подходы к прогнозированию принимаются регионами самостоятельно.

Качество прогнозирования определяется нормативно-правового регулированием и содержанием долгосрочных бюджетных прогнозов. Открытость и обоснованность прогноза зависят от полноты оценки бюджетных рисков и угроз устойчивости бюджетов, установления мер по их нивелированию, наличия предсказуемых и формализованных механизмов корректировки бюджетной, налоговой и долговой политик в случае изменения социально-экономической ситуации.

Министерством финансов Российской Федерации были определены следующие задачи, решаемые регионами при бюджетном прогнозировании:

- формирование системы бюджетообразующих показателей - исходных данных;
- выявление бюджетных рисков, их классификация и определение порядка учета;
- определение на основе социально-экономического прогнозирования основных тенденций изменения характеристик консолидированных бюджетов;
- установление системы мер по корректировке бюджетной, налоговой и долговой политик;
- разработка порядка контроля за реализацией, а также правил корректировки прогноза.

Таким образом, полноценному внедрению долгосрочного бюджетного планирования предшествует работа по созданию системы прогнозирования в целом. Первостепенной и наиболее содержательной задачей является описание рисков планирования. На основании анализа бюджетных прогнозов субъектов Российской Федерации выделены следующие ключевые риски:

1. к числу основных внешних рисков относятся следующие факторы:

- ухудшение макроэкономической ситуации, сокращение темпов социально-экономического развития Российской Федерации, рост инфляционных рисков, сокращение доступности и увеличение стоимости кредитных ресурсов;
- изменение федерального налогового и бюджетного законодательства в части нормативов зачисления налоговых и неналоговых доходов в бюджеты бюджетной системы, а также снижение объемов межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, установление новых расходных обязательств;

2. к числу основных внутренних рисков относятся следующие факторы:

- снижение темпов роста региональной экономики и сокращение налогооблагаемой базы;
- рост сокрытой налоговой базы;
- рост принимаемых социальных обязательств.

Наиболее существенным риском является принятие на федеральном уровне решений, приводящих к увеличению расходов бюджетов субъектов Российской Федерации либо снижению доходов, включая изменение методик распределения межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, без установления источника их финансового обеспечения в полном объеме. С учетом действующих и принимаемых на федеральном уровне правовых актов и решений у регионов возникают дополнительные расходные обязательства, не компенсированные соответствующими источниками, в том числе на финансовое обеспечение достижения целей национальных проектов. Примером такого решения может служить введение института консолидированных групп налогоплательщиков, и, как следствие, падение доходной базы. До настоящего времени на федеральном уровне не определен порядок безусловной компенсации выпадающих доходов субъектам Российской Федерации в связи со снижением поступлений налога на прибыль организаций по результатам деятельности КГН.

Другой пример – внесение изменений в методику распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов. В методику ежегодно вносятся изменения, влияющие на порядок расчета бюджетной обеспеченности регионов, что приводит к изменению порядка расчета объема дотации, предоставляемой из федерального бюджета. Кроме того, если до 2016 года выравнивание субъектов Российской Федерации «по доходам» осуществлялось путем корректировки индекса налогового потенциала на индекс бюджетных расходов, то начиная с 2017 года, часть дотации направляется на выравнивание расходов регионов путем определения «модельного бюджета». Если в 2017 году дотация, рассчитанная по итогам проведенной инвентаризации расходных обязательств регионов, составляла пятую часть фонда, то в 2018 году – уже практически третью часть. [2, с. 1] При этом расчетный объем расходных обязательств определяется на основании сравнения

расходов со среднероссийскими значениями, что исключает возможность самостоятельного расчета, а значит и использования при прогнозировании объемов межбюджетных трансфертов.

В Республике Карелия в соответствии с нормами бюджетного законодательства принято две редакции бюджетного прогноза на долгосрочный период. На рисунках 1-3 представлены отклонения показателей прогноза от фактических данных за 2017-2018 гг. и актуальной редакции прогноза.

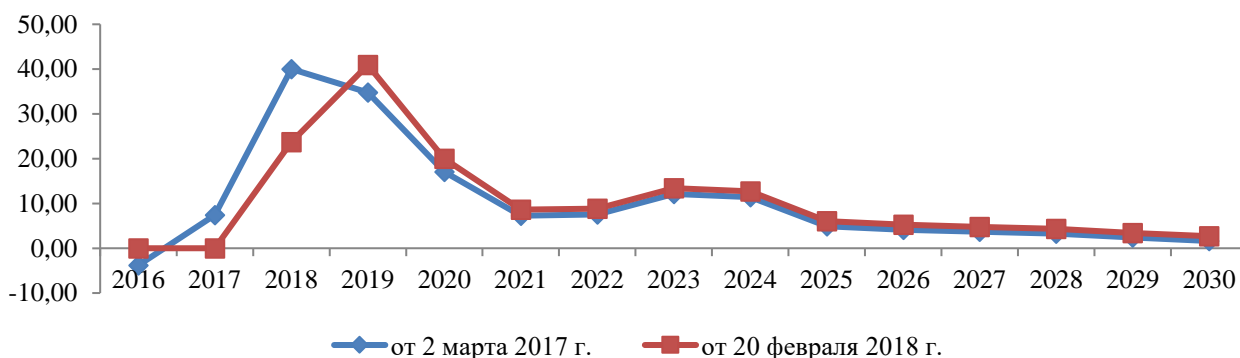

Рисунок 1. Корректировка прогноза доходов консолидированного бюджета Республики Карелия (в сравнении с действующей редакцией бюджетного прогноза Республики Карелия), %

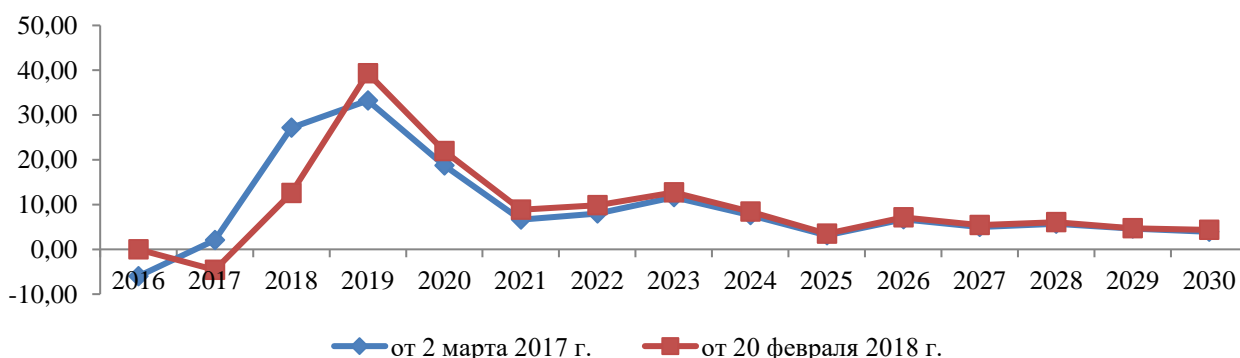

Рисунок 2. Корректировка прогноза расходов консолидированного бюджета Республики Карелия (в сравнении с действующей редакцией бюджетного прогноза Республики Карелия), %

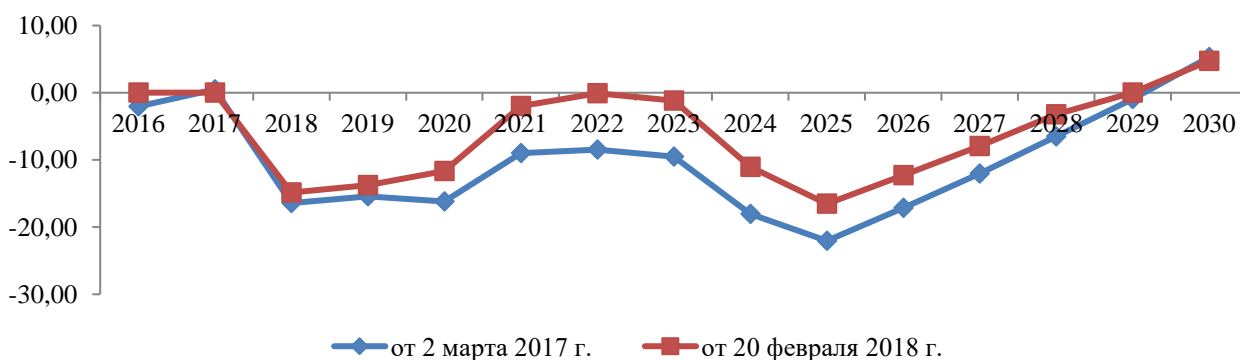

Рисунок 3. Корректировка прогноза государственного долга Республики Карелия (в сравнении с действующей редакцией бюджетного прогноза Республики Карелия), %

В целях нивелирования указанных рисков бюджетным прогнозом Республики Карелия на долгосрочный период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Республики Карелия от 2 марта 2017 года № 114р-П) установлено, что темпы роста доходов

и расходов, включая программные расходы, консолидированного бюджета и регионального бюджета прогнозируются ниже темпа роста ВРП, при этом обеспечивается планомерное снижение долговой нагрузки бюджета.

Таким образом, одним из основных ограничений (факторов), определяющих бюджетную и налоговую политику в течение последних пяти лет, стали установленные бюджетные ограничения. При этом влияние внешних рисков не поддается прогнозированию и требует регулярного уточнения прогноза, принятия дополнительных мер, в том числе направленных на бюджетную консолидацию на основе выявления доходного потенциала и определения приоритетов расходов, обеспечивающих наиболее весомый вклад в достижение стратегических целей социально-экономического развития.

Учитывая вышеизложенное, при подготовке изменений в бюджетный прогноз на долгосрочный период целесообразно руководствоваться следующими подходами:

- синхронизация сроков долгосрочного бюджетного прогнозирования со стратегическим планированием;
- определение рисков и мер, принимаемых в целях их нивелирования;
- учет при прогнозировании расходов консолидированного бюджета в полном объеме финансового обеспечения на реализацию региональных составляющих национальных проектов и федеральных целевых программ;
- учет эффекта от реализации мер бюджетной консолидации;
- утверждение параметров бюджетного прогноза на основании сценарных условий;
- отражение не только общего объема расходов бюджета, но и структуры.

Литература

1. Арлашкин И.Ю. Формирование бюджетного прогноза на долгосрочный период: региональный аспект / И.Ю. Арлашкин, А.Н. Дерюгин, К.А. Прока // Финансовый журнал, 2015, № 3, С. 63-74\$
2. Антошина Е.А. Учет особенностей северных регионов при выравнивании бюджетной обеспеченности / Е.А. Антошина // Бюджет, 2018, № 21, С.20-24

References

1. Arlashkin I. Y. Formation of the budget forecast for the long term: regional aspect / I. U. Arlashkin, A. N. Deryugin, K. A. Proca // Financial journal, 2015, no. 3, Pp. 63-74\$
2. Antoshina E. A. the peculiarities of the Northern regions at leveling the budget supply / E. A. Antoshina // Budget 2018, No. 21, Pp. 20-24

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОНОПРОФИЛЬНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ИНДУСТРИАЛИЗМА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ¹

Козловский Владимир Вячеславович

Социологический институт РАН-филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
vvk_soc@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема перехода от сложившейся в советское время монопрофильной индустриальной зависимости моногородов Северо-Запада России к их диверсифицированному социально-культурному и территориально-экономическому развитию в условиях рыночной экономики. На примере моногородов Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей и Республики Карелия, близких в социально-территориальном, административном, промышленном устройстве, обнаруживаются значимые социально-экономические и культурные различия.

Ключевые слова. Монопрофильный город, индустриальная зависимость, цивилизационная динамика, местное сообщество, локальная территория региона.

TRANSFORMATION OF MONOPROFILE REGIONAL INDUSTRIALISM OF NORTH- WEST OF RUSSIA

Kozlovskiy, Vladimir

Sociological Institute RAS, Saint Petersburg, Russia
vvk_soc@mail.ru

Abstract. The article discusses the problem of the transition from the monoprofile industrial dependence of the monocities of the North-West of Russia to the diversified socio-cultural and territorial-economic development in a market economy. On the example of monocities towns of the Arkhangelsk, Vologda, Leningrad regions and the Republic of Karelia, close in the socio-territorial, administrative, industrial structure, are found significant socio-economic and cultural differences.

Key words. Monocity, industrial dependence, civilizational dynamics, local community, local territory of the region.

В настоящее время идет процесс перехода от сложившейся в советское время монопрофильной индустриальной зависимости моногородов Северо-Запада России к их диверсифицированному социально-культурному и территориально-экономическому развитию в условиях рыночной экономики. Осмысление современных стандартов жизни в российских регионах является одной из насущных практических задач. Проблема современного развития российских регионов находится в центре аналитической, экспертной и проектной деятельности власти разных уровней, бизнеса, общественных организаций и самих граждан. В социально-территориальной структуре региона выделяются малые города, особенно монопрофильные города, большинство из которых возникли в эпоху советской модернизации. Модель монопрофильного индустриального развития ряда регионов Северо-Запада России осуществляется и в начале XXI в.

На примере моногородов Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей и Республики Карелия, достаточно близких в социально-территориальном, административном, промышленном устройстве, обнаруживаются значимые социально-экономические и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01254.

культурные различия. Наблюдаемые особенности их развития определяются в качестве типов цивилизационной динамики местных сообществ и локальных территорий регионов: стагнирующий, кризисный, опережающий. Сравнение достижений малых монопрофильных городов в рамках цивилизационного подхода показывает снижение роли градообразующих предприятий. Изменяются ориентиры в их социально-структурном и культурном развитии, удерживается социально-территориальное и социально-экономическое неравенство в решении задач трудовой занятости, повышения уровня и качества жизни, ликвидации ветхого и аварийного жилья, материального благосостояния. и, культура, социальные эффекты цивилизационного развития.

В статье предлагается оценка трансформации монопрофильной индустриальной зависимости моногородов Северо-Запада России. Основой анализа перехода их к поливариантному, в ряде случаев многовекторному диверсифицированному социально-культурному и территориально-экономическому развитию служит модель цивилизационного комплекса локальной территории Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей и Республики Карелия.

Проведенное сопоставление и сравнительный анализ некоторых показателей ряда малых монопрофильных городов: Кондопога, Коржма, Сегежа, Сланцы, Сокол, Пикалево в рамках цивилизационного подхода фиксирует их социально-структурное и культурное своеобразие, территориальное неравенство в решении задач занятости, уровня жилищной обеспеченности, материального благосостояния. В целом складывается вывод о медленном преодолении советского типа модернизации и формировании новых форм модерностей. Моногорода испытывают прежде всего давление фактора социальной мобильности, оттока человеческих и трудовых ресурсов, дефицит в развитии экономической, социальной и культурной инфраструктуры. Для моногородов характерна опережающая, кризисная и стагнирующая цивилизационная динамика локальной территории региона и отдельного региона, которая выражается в случае стагнации в депрессии, депривации и деградации территории, а скорее в затруднениях и замедлении роста. Кризисная динамика моногорода определяется отсутствием и активным поиском необходимых ресурсов для решения актуальных жизненно важных задач текущего и стратегического порядка. В данном типе проявляется способность моногорода к институционально и гражданской мобилизации ради разрешения временных кризисов. Опережающая цивилизационная динамика локальной территории включает эффективное решение текущих проблем, реалистическое прогнозирование, перспективное планирование и достижение целей экономического, социокультурного развития.

В целом обнаруживается значимый различный инфраструктурный, ресурсный (богатство локальной территории) и территориально-поведенческий потенциал, создаваемый всеми активными участниками, прежде всего субъектами власти и управления, хозяйственной и экономической деятельности, местными сообществами, различными группами интересов. При этом социальные настроения разных групп населения свидетельствуют о любопытном феномене более высоких миграционных установок жителей названных выше моногородов. В период 2000-2019 гг. происходит преодоление затянувшегося кризиса советской модернизационной модели моногородов, масштабная диверсификация их традиционного экономического и производственного уклада. В резко меняющихся общественных условиях рыночной экономики, включенности в глобализацию неизбежно формируются новые институты местной власти, муниципального самоуправления, трансформируется культура и поведение населения практически во всех регионах страны. Эти факты отражают радикальные цивилизационные перемены в российском обществе, одним из центробежных последствий которых является наряду с экономическим ростом увеличение социального неравенства, неравномерного уровня и качества жизни, соответственно, воспроизводство разнонаправленных весьма контрастных эффектов социально-структурной поляризации общества.

В предлагаемой концепции на передний план выходит вопрос ресурсах или богатства локальной территории, малого монопрофильного города. В него мы включаем основные взаимосвязанные компоненты, определяющие цивилизационный комплекс локальной территории: социум (социальная структура) – культура; материальные ресурсы – социальная инфраструктура; институты – акторы. Ограничимся перечислением элементов ресурсного богатства локальной территории. Это культура, социальные ресурсы, экономические и прочие, например, природные капиталы, особенно важные для характеристики локальной территории. В данный комплекс входят все необходимые ресурсы:

- Социально-демографические (население);
- Социально-территориальные (удаленность, климат, освоенность);
- Социально-структурные (неравенства, социальные иерархии);
- Институты (право, собственность);
- Культура (религия, обычаи, традиции, бытовая культура);
- Социально-культурные (образовательная структура);
- Человеческие ресурсы (здоровье, опыт, квалификация);
- Трудовые и профессиональные ресурсы;
- Экономические ресурсы (постоянный и переменный капитал);
- Финансовые ресурсы (капиталы, объем бюджетных и внебюджетных средств);
- Другие капиталы (природный, социальный, культурный).

Общая концептуальная схема координации основных элементов цивилизационного комплекса городского поселения отражает панораму цивилизационных перемен в отдельных монопрофильных поселениях. Для объяснения природы локальной территории и социального измерения малого города исходим из основных принципов, требующих воплощения в изучении месторазвития как локальной территории: релевантность, самореферентность, автономность, идентичность, самоценность, модернизируемость, измеримость развития, эффективность самоорганизации и деятельности местного сообщества малого города. Малый город, а это реально действующая отдельная локальная территория, имеет автономное значение, играет самостоятельную роль и самоценен для жителей города, для данного региона и страны. В зависимости от того, как сами люди конструируют, формируют и воплощают в повседневности свою идентичность, наполняется смыслом их текущая жизнь, оцениваются перспективы перемен и развития малых городов. Наконец, эффективность самоорганизации и самоактивности в деятельности местного сообщества, согласованности и сотрудничества с местной властью является важнейшим самостоятельным элементом, служит залогом и мощным человеческим ресурсом для поддержания достойного уровня и качества жизни, самореализации жизненных путей в соответствии со сложившимися современными стандартами.

Согласно определению Н. Элиаса, цивилизация – это «прояснение природы той обладающей принудительной силой закономерности, которая задает формы совместной жизни людей, включая социальные формы и институты нашего собственного общества, возникающие, сохраняющиеся и меняющиеся на основе данной закономерности» [4]. Одна из важнейших задач проекта заключается в концептуализации так называемой текучей современности, проживаемой отдельными людьми, группами, сообществами. Концептуально мы опираемся на четыре конкурирующие теории модерности: конвергентная (классическая теория модернизации); трансформационная (теории «второго модерна»); диверсификационная (теория разновидностей капитализма и модерности); плюралистическая (представленная опирающейся на цивилизационный анализ теорией множественных модерностей, включая версии теории культурной глобализации).

Наш подход заключается в выявлении процессов, динамики, которые отражают взаимное воздействие социальной структуры и культуры друг на друга, их взаимное переплетение, исторически конкретные конфигурации констелляции, создание, проживание людьми своего социально-культурного пространственно-временного континуума

(хронотопа). Малый город – это социокультурное пространство для живущих в нем людей, для их разнообразной деятельности созданное, ими формируемая и видоизменяемая территория. Разные группы интересов (или публики) проектируют это пространство под себя, распределяют его в соответствии с традициями, обычаями и институтами для жизнеустройства и решения текущих задач. Как они это делают, по-хозяйски, рационально, эффективно, или бесхозяйственно, не рационально, не эффективно – это вопрос местного сообщества, местной власти, их инициатив и ресурсов. В теоретической схеме, которую мы используем для исследования цивилизационного комплекса локальных территорий, выделяются главные элементы: социальная структура – культура; агентность (субъектная структура) – институты.

Цивилизационный подход позволяет масштабно и комплексно раскрыть социально-структурные, политико-правовые, культурные, религиозные глобальные и региональные общественные изменения в XX столетии и начале XXI века. Он позволяет изучить комплексно проблемы освоения и развития локальных территорий: поселенческую структуру, плотность заселения, геосоциальную структуру, территориальное поведение местных сообществ малых городов [1-3]. В частности, объектами социологической экспедиции и, соответственно, цивилизационного анализа в нашем проекте 2018-2019 гг. стали российские малые города и в том числе названные выше моногорода в Архангельской, Вологодской областях, Ленинградская областях, Республика Карелия: г. Кораяма, г. Пикалево, г. Бокситогорск, г. Сланцы, г. Сяьстрой, г. Сокол, г. Тотма, г. Сегежа, г. Кондопога.

В России по Распоряжению Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р было выделено 313 моногородов. Согласно Редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р (от 16 апреля 2015 г. № 668-р) имеется 319 моногородов в 61 из 85 регионов страны [2, 5, 7]. По состоянию на начало 2016 г. в них проживало 13025 тыс. человек (около 9% населения России). Основными критериями для определения категории города являются: состояние градообразующей организации (продолжает ли она производство, планирует ли высвобождение персонала), уровень безработицы в городе (по сравнению со средним по РФ), оценка населением социально-экономической ситуации в городе (на основе социологических опросов). В красной зоне находятся 94 города, в оранжевой – 154, и в зеленой зоне – 72. Данный список моногородов уже частично не отражает реальность, так как часть этих городов утрачивают статус моногородов из-за существенного сокращения занятых на градообразующих предприятиях, изменения их роли и положения. Тем не менее список монопрофильных городов есть, и он работает [5, 6]. Категория 1. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций: 39. Городское поселение Пикалевское, г. Пикалево Ленинградская область. Категория 2. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения: 103. Городской округ - город Кораяма, г. Кораяма Архангельская область; 111. Городское поселение город Сокол, г. Сокол Вологодская область; 153. Городское поселение Сланцевское, г. Сланцы Ленинградская область. Категория 3. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) со стабильной социально-экономической ситуацией: 274. Городское поселение Сяьстройское, г. Сяьстрой Ленинградская область.

Приведенная выше схема анализа цивилизационного комплекса локальной территории нацелена на исследование прежде всего малых городов, именно моногородов. К ним относятся и такие крупные города как Череповец. В нашем проекте мы взяли для экспедиции несколько моногородов. В ходе экспедиции получены очень интересные данные о трансформации монопрофильного индустриального развития моногородов Северо-Запада РФ. Удивительный феномен достаточно существенных различий обнаружился в сравнении

нескольких локальных территорий (Табл. 1.). При примерно одинаковой численности населения эти города существенно различаются по основным показателям.

Таблица 1

Сравнение показателей развития моногородов Северо-Запада РФ

Индикаторы	Коряжма	Сокол	Сланцы	Пикалево	Сегежа	Кондопога
Население, чел. 01.01.2017 г. 01.01.2019 г.	37 092 36 224	37 191 36 668	32838 32337	20 379 19 981	27 108 26 241	30 802 29 735
Доходы местного бюджета, фактически исполненные, тыс. руб. 2017 г. 01.01.2019 г.	876445 1 033000	314720 102 700 (план)	322045 337 306	187 180 191 763	780637 1057704	143 215
Расходы местного бюджета, фактически исполненные, тыс. руб. 2017 г. 01.01.2019 г.	907567 1 081 000	312113 102 700 (план)	301877 354 503	182 299 181 650	799668 1058061	137 055
Средняя зарплата, руб. (2017 г.)	41365.8	31651,2	29646			36536,4
Средняя зарплата, руб. (2018 г.)	44503,6	35545.0				

Примечание: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 01.01.2018, 01.01.2019 гг.; Данные об исполнении бюджетов с сайтов муниципалитетов указанных моногородов.

В этих городах за последнее десятилетие наблюдается уменьшение численности населения. Однако доходы и расходы местного бюджета, развитие этих городов значимо различаются. Из таблицы видно, что муниципальное образование г. Коряжма имеет расходы бюджета почти в разы больше, чем в других поселениях, например в г. Сокол. Это подтверждается данными интервью с главами администрации этих городов летом 2018 г. Удивительное и даже контрастное различие, хотя по структуре промышленности, занятости и доходов эти города сопоставимы. Практически они все входят во вторую категорию списка моногородов, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения. В ряде позиций г. Сокол, г. Сегежа производят впечатление полудепрессивного города, например, по наличию ветхого и старого жилищного фонда, который практически отсутствует в Коряжме. В Соколе имеется гораздо более богатая индустриальная структура, включающая предприятия целлюлозно-бумажной, картонно-бумажной, деревообрабатывающей, пищевой промышленности, в отличие от Коряжмы, где имеется лишь предприятия АО «Группы „Илим“» (бывший Котласский целлюлозно-бумажный комбинат), на котором за последние два десятилетия от 12,5 тысяч осталось примерно 3600 занятых, и химический завод. Практически в городе одно градообразующее предприятие, вносящее большой вклад в развитие города, например, социальной и культурной инфраструктуры, в частности, большой спортивный комплекс «Олимп», больничный комплекс. Программа ликвидации ветхого жилья, в стране она еще идет, а в Коряжме она реализована лет 10-15 назад. Есть и другие, отличающие оба города, показатели, например, по уровню владения легковыми автомобилями, которых в Коряжме на порядок больше. Социальные сравнительные измерения цивилизационных комплексов локальных территорий позволяют объемно представить и объяснить потенциал, факторы, ресурсы обновления и саморазвития российских моногородов в региональном и глобальном контекстах.

Для достижения экономического благосостояния, повышения качества жизни, социальной и культурной самореализации населения малых городов имеются совершенно разные накопленные ранее и складывающиеся в настоящее время ресурсы, обеспечивающие социально-территориальные преимущества и воплощаемые в территориальном поведении местных сообществ. Они позволяют жителям моногородов, хотя и крайне неравномерно, обеспечить уровень и стиль жизни по стандартам современности. Следует подчеркнуть, что цивилизационное развитие моногородов и регионов российского общества формировалось в последние двадцать пять лет новыми властными и экономическими элитами, активностью самих граждан. Проекты выстраивания современного цивилизационного комплекса различных территорий осуществимы и эффективны лишь при участии всех акторов моногорода как цивилизационного территориального локального объекта. Российским поселениям разного уровня действительно необходимы адаптированная к местным условиям концепция или программа пространственного развития локальных территорий. Необходима система формирования и реализации институционально закрепляемой стратегии развития цивилизационных комплексов локальных территорий прежде всего малых и средних населенных пунктов, ориентированных на эффективность муниципального самоуправления, внутренний рынок, ресурсы и баланс, и, безусловно, самоорганизацию и активность местных сообществ. Планы цивилизационного выстраивания локальных территорий, местных сообществ конкретного поселения, безусловно требуют самых разных ресурсов: культура, образование, идентичность, включая местный патриотизм, которые чрезвычайно важны для полноценной жизни в моногороде.

Литература

1. Завалишин А. Ю. Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ): монография / А. Ю. Завалишин. -М.: РУДН, 2008. 348 с.
2. Обзор российских моногородов. Аналитический доклад ИКСИ. Июнь 2017 г. // https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf
3. Рязанцев И.П., Завалишин Ю.А. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический проект, 2006. 456 с.
4. Элиас Н. (2001) О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М., СПб.: Университетская книга. Т. 2, с. 327.
5. ПЕРЕЧЕНЬ монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р // <http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf>
6. ПЕРЕЧЕНЬ монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р (в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2015 г. № 668-р) // <http://econom32.ru/bank/makroekonomika/rasporjazhenie-ot-16042015--668-r.pdf>

References

1. Overview of the Russian monocities. Analytical report ICSI. June 2017 // https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf
2. Zavalishin A. Yu. Territorial socio-economic behavior (theoretical and methodological analysis): monograph / A. Yu. Zavalishin. -M.: PFUR, 2008.
3. Ryazantsev I.P., Zavalishin Yu.A. Territorial behavior of Russians (historical and sociological analysis). M.: Academic Project, 2006.
4. Elias N. (2001) On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. Vol. 1, 2. M., SPb.: University book. Vol. 2, p. 327.
5. LIST of monocities of the Russian Federation (monocities). Order of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014 № 1398-p // <http://static.government.ru/media/files/41d4f68fb74d798eae71.pdf>
6. LIST of monocities of the Russian Federation (monocities). The government of the Russian Federation dated July 29, 2014 No. 1398-R (in edition of orders of the Government of the Russian Federation from April 16, 2015 No. 668-R) // <http://econom32.ru/bank/makroekonomika/rasporjazhenie-ot-16042015--668-r.pdf>

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЛЕСОСЫРЬЕВЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Козырева Галина Борисовна

*Институт экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, Россия
kozyrevakrc@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена проблемам формирования институтов устойчивого развития лесосырьевых приграничных регионов. В качестве одного из таких институтов рассматривается институт лесной сертификации. Анализируются процессы эволюции российского лесного законодательства. Используются данные социологических опросов местных жителей.

Ключевые слова: Лесная политика, институты устойчивого развития, лесная сертификация, лесное законодательство

PROBLEMS OF THE FORMATION OF INSTITUTIONS FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF FOREST RAW MATERIALS BORDER REGIONS

Kozyreva, Galina

*Institute of Economics of the Karelian Research Center RAS, Petrozavodsk, Russia
kozyrevakrc@gmail.com*

Abstract: The article is devoted to the problems of the formation of institutions for the sustainable development of forest raw materials border regions. The institute of forest certification is considered as one of such institutions. The processes of evolution of Russian forest legislation are analyzed. The data of sociological surveys of local residents are used.

Key words: Forest policy, institutions for sustainable development, forest certification, forest legislation

В настоящее время назрела необходимость переосмысления процессов, связанных с изучением социально-экономических последствий российской лесной политики. Республика Карелия, являясь регионом лесосырьевой ориентации, находится в состоянии выбора - продолжить путь сырьевого региона, в результате потеряв не только природные ресурсы, но и человеческий капитал или выйти на инновационные модели развития, ориентированные на поддержание устойчивости социума. В формате происходящих институциональных процессов существенно трансформируется качественная модель региона как социально-экономической системы¹.

В основе исследования лежит концепция устойчивого развития, которая получила практическую значимость в контексте выработки управленческих стратегий социально-экономических систем, находящихся в процессе трансформации. Российские ученые Л. Ю. Косов [4], А. Трейвиш [10], Моисеев Н. [5] определили роль концепции устойчивого развития в экономической теории. Благодаря научным исследованиям таких авторов, как А. Петров [6], А. Писаренко [7] и др. в структуре концепции устойчивого развития были выделены конкретные научные и научно-прикладные направления, а именно модель устойчивого лесопользования. Модель базируется на принципе интересов местных

¹ Проект РФФИ №17-06-00691 А «Исследование и разработка моделей формирования региональных социально-экономических сетевых сообществ»

сообществ, лесных компаний и субъектов лесопользования в процессе их участия в лесопользовании, которое должно осуществляться без ущерба природным характеристикам лесов и социуму.

Формирование экономически грамотной и социально оправданной стратегии лесопользования возможно только на основе эффективной системы институтов. В данном контексте актуализируются исследования, нацеленные на обоснование и операционализацию методологических подходов поиска и обоснования эффективной институциональной системы лесопользования современной России. Поэтому в основу методологии представленного исследования входят положения институциональной теории. Российские институционалисты Г. Клейнер [1], Полтерович В. [8], Тамбовцев В. [9] и др. основной акцент делают на степени согласованности формальных и неформальных институтов, влияющих на качество формирующихся институциональных систем. В данном исследовании институциональная система современного лесопользования России представлена совокупностью институтов, регулирующих лесные отношения и субъектов, участвующих в этих отношениях, включая власть (федеральную, региональную и местную), лесной бизнес и местные сообщества (работники лесных компаний и местное население).

Одним из институтов устойчивого лесопользования является лесная сертификация. Лесной сертификат, который получает лесная компания, свидетельствует о том, что лес заготовлен без ущерба природе и социуму. Такая система заложена в основу лесного хозяйства многих западных стран и позволяет увеличивать конкурентоспособность лесопроизводства на мировых рынках. Местные сообщества и местный бизнес при этом получают дополнительные эффекты от перераспределения социально-экономических благ, связанных с созданием новых рабочих мест для местного населения, возможностей контролировать процесс лесопользования через общественные институты, налоговые льготы и т.п. Данная логика заложена в основу социально ответственного поведения бизнеса. В соответствии с ней отношения между бизнесом и местным населением должны развиваться на партнерских принципах. Этот компенсационный механизм может лечь в основу формирования стратегий лесосырьевых территорий России [2].

В России институт лесной сертификации формально действует уже почти 20 лет. Площадь сертифицированных лесов РФ составляет 48,3 млн. га (FSC: Факты и цифры, 2018), которые сосредоточены: в Европейской части РФ (67%), Сибири (23%) и Дальнего Востока (13%). В Республике Карелия сертифицировано более 5 млн. га лесов¹. Результаты исследований показали, что карельские компании, получившие лесной сертификат, лишь на 5% реализуют социальные функции на территории своей хозяйственной деятельности [3]. Кроме того, местное население не имеет актуальной информации о процессах, в которых участвует лесной бизнес, связанных с лесной сертификацией. В частности, наши исследования показывают, что более 70% опрошенных жителей лесосырьевых территорий не знает, что такое лесной сертификат. Хотя одним из критериев его получения является активное привлечение местных сообществ к лесопользованию.

То есть сложившиеся институциональные условия подспудно позволяют бизнесу не ставить в качестве приоритетной цель эффективной социальной компенсации. Это сводит на нет социальный эффект от внедрения лесной сертификации и лишает местное население в получении части лесной ренты (а именно: рабочих мест, возможностей на обучение и переобучение и др.). В целом территория остается без социальной поддержки со стороны бизнеса. Таким образом, институт лесной сертификации не выполняет своих компенсационных функций.

Одним из мощных институциональных факторов, обуславливающих обострение конфликтов между основными группами интересов в системе лесного хозяйства и

¹ Факты и цифры FSC, 2018. Держатели сертификатов на 29.03.2018/ FSC Россия. - Москва, 29.03.2018. / Электронный ресурс: Режим доступа: https://ru.fsc.org/ru-ru/что_мы_делаем/facts_and_figures – на 11.04.2018.

провоцирующих коррупцию и правонарушения, является несовершенство федерального и регионального законодательств, регулирующих лесные отношения. Местные сообщества при этом оказываются наименее защищенной, терпящей убытки стороной.

Три лесных кодекса (1993 г., 1997 г. и 2006 г.) не стали институциональной основой, позволяющей создать эффективные правила лесоправления. Функции формальных институтов начинают выполнять неформальные институты, которые создают благоприятные условия для закрепления незаконного присвоения права на распределение лесного дохода. Данное право (именно право присвоения лесного дохода) за прошедшие 26 лет рыночных реформ сначала (1993-1997 гг.) принадлежало лесным компаниям, на следующем этапе перешло к региональной власти (1997-2006 гг.), в настоящее время (с 2007 г.) его «делят» региональная власть и крупный лесной бизнес [10].

В действующем в настоящее время Лесном кодексе нарушен основной методологический подход к лесфонду как к неделимому природному комплексу. Произведено разграничение понятий древостоя и лесных земель. При этом смешиваются механизмы лесного, земельного и гражданского права. Искусственное отделение лесного участка от произрастающих на нем насаждений создает прецедент включения такого участка в свободный оборот. То есть в Лесном кодексе 2007 г. завуалирован механизм перевода леса из государственной собственности в частную [3]. Хотя механизм не работает, нет никаких гарантий, что очередной подзаконный акт не даст ему дороги.

Существует проблема сельских лесов. Земли, на которых находятся сельские леса, активно переводятся из категории лесопокрытой площади в земли сельхозназначения, что позволяет включать их в свободный оборот. Само понятие сельские леса в настоящее время не определено юридически, поэтому может трактоваться с учетом определенных интересов. В связи со спорностью идентификации, под видом сельских лесов порой проходят обычные лесные насаждения, что позволяет местным чиновникам распоряжаться ими по своему усмотрению. Отсюда также произрастают практики огораживания. На территориях появляются частные усадьбы с лесными дачами, как правило, расположенные в живописных акваториях водоемов, что влечет за собой конфликт не только с местным населением, но и нарушение Водного законодательства.

Таким образом, на всем протяжении действия лесного законодательства России в рыночный период лесной доход перераспределялся без учета интересов общества. Встает закономерный вопрос об эффективности государственной модели собственности на лесные ресурсы. Тем не менее по результатам наших опросов мы можем говорить о том, что в обществе нет запроса на частную собственность на лес. Такой запрос лоббирует узкая группа чиновников и представителей крупных лесных компаний, которая обладает административным и финансовым ресурсом. Их аргументы связаны с высокой эффективностью лесной отрасли в западных странах и низкой – в России. Поэтому вопрос о частной собственности на лес в России остается открытым.

Вместе с тем правомочия частного лесовладельца в западной модели жестко ограничены государственными институтами контроля вплоть до отъема собственности за нарушения лесного законодательства. Кроме того, процессы лесовыращивания, лесовосстановления, охраны и защиты леса серьезным образом финансируются государственными программами. В условиях модели частной собственности на лесные ресурсы государство играет не просто активную, а решающую роль в развитии лесного хозяйства. Такой контекст снимает остроту дискуссии о преимуществах частной собственности на лес в России.

Модели лесоправления в таких странах, как Канада и Финляндия, несмотря на кардинальное различие соотношения «государственное – частное» (в Канаде доминирует государственная собственность на лес, в Финляндии – частная) не имеют существенных различий. Процессы регулирования лесных отношений и в той, и в другой модели, опираются на рентную основу образования лесных платежей. Данный подход формирует бизнес-стратегии, ориентированные на получение максимального лесного дохода, который в

дальнейшем распределяется как в частной, так и в государственной модели по единым принципам [11].

Институциональный анализ системы лесоправления современной России показал, что российская система лесоправления на протяжении 26 лет находится в процессе перманентного реформирования, которое пока не получило позитивных результатов. Формальные институты не выполняют своих функций, связанных с эффективным распределением правомочий собственности на лесные ресурсы. Функции формальных институтов начинают выполнять неформальные институты, которые создают благоприятные условия для закрепления незаконного присвоения права на распределение лесного дохода. В данном контексте актуализировался вопрос об эффективности существующей модели собственности на лес, который лоббируют представители крупного капитала. Кроме того,

Литература

1. Клейнер Г.Б. Проблемы достижения хозяйственной устойчивости и социальной сбалансированности: императивы экономической политики: монография / под. ред. Г.Б. Клейнера, Х.А. Константиныди, В.В. Сорокожердьева. - М.: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2017. - 303 с.
2. Козырева Г.Б. Институциональные проблемы лесосырьевых территорий российских регионов // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 5 (452). С. 54-63.
3. Козырева Г.Б. Социально-экономические последствия лесной политики современной России. М., МОНФ. 2007. – 248 с.
4. Косов, Ю.В. Генезис концепции «устойчивого развития» // Экология и образование. 2002. № 1–2. С. 39–45.
5. Моисеев Н.Н., Тюхтин В.С. Человек, среда, общество: проблемы формализованного описания [Текст] / Н.Н. Моисеев, В.С. Тюхтин. М.: Наука.- 1982. - 240 с.
6. Петров, А.П. Экономическая организация использования лесов России в условиях рыночных отношений [Текст] / А.П. Петров // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. - 2013. - № 4(96). - С. 42–44.
7. Писаренко, А. И. Лесное хозяйство России: от использования к управлению [Текст] / Писаренко А. И., Страхов В. В. - М.: Юриспруденция. - 2005. - 551 с.
8. Полтерович В. М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 34-56.
9. Тамбовцев В.Л. Институциональные изменения в социальной сфере российской экономики: Монография. - М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. -256 с.
10. Трейвиш А.И. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни: Зарубежный опыт и проблемы России. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2002 г. Том 1. С. 298-317.
11. Canadian Forest Policy: Adapting to Change, edited by M.Howlett // University of Toronto Press Incorporated, 2001. 446 p.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРУДОВЫХ СТРАТЕГИЙ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Козырева Галина Борисовна

Институт экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, Россия
kozyrevakrc@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблемам развития и использования человеческого капитала лесосырьевого приграничного региона. На основе эмпирических данных пилотного социологического опроса одного из муниципальных образований Республики Карелия сделан типологический анализ трудовых стратегий его жителей.

Ключевые слова: пилотное исследование, человеческий капитал, трудовые стратегии, типологический подход, приграничные и этнокультурные факторы.

HUMAN CAPITAL AND EFFICIENCY OF LABOR STRATEGIES OF BORDER REGION PEOPLE

Kozyreva, Galina

Institute of Economics of the Karelian Research Center RAS, Petrozavodsk, Russia
kozyrevakrc@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the problems of development and use of human capital in the forest-raw materials border region. Using empirical data from a pilot sociological survey of one of the municipalities of the Republic of Karelia, a typological analysis of the labor strategies of residents is made.

Key words: pilot study, human capital, labor strategies, typological approach, cross-border and ethnocultural factors.

Эмпирической основой представленного исследования является пилотное экономико-социологическое обследование одного из муниципальных образований приграничного региона Республики Карелия. Основными источниками эмпирической информации являются материалы формализованных интервью (анкетных опросов) домохозяйств.

В представленном исследовании в качестве ключевого индикатора развития территории рассматривается человеческий капитал. При этом основной акцент делается на институты, содействующие или препятствующие его развитию. Анализируются макро- и микроинституциональные системы, определяющие развитие человеческого капитала территорий. К макросистемам относится государственная политика (формальные институты), регулирующая размещение производительных сил и рынок труда. В структуре микросистем рассматриваются неформальные институты, обуславливающие стратегии экономического поведения населения¹.

Методология исследования основывается на типологическом подходе, который позволяет продемонстрировать спектр моделей экономического поведения населения,

¹ Проект РФФИ №17-06-00691 А «Исследование и разработка моделей формирования региональных социально-экономических сетевых сообществ»

реализующихся на рынке труда, и оценить распределение долей эффективных и неэффективных моделей [1].

Капитализация рабочей силы человека на рынке труда реализуется в контексте выбранной трудовой стратегии. Выбор и эффективность трудовой стратегии помимо индивидуальных характеристик и предпочтений (здоровье, образование, квалификация и др.) обуславливается такими факторами, как наличие на территории рабочих мест, что тесным образом взаимосвязано с государственной политикой размещения производительных сил.

На основе первичного эмпирического анализа выделено 3 группы трудовых стратегий населения на рынке труда: официальная занятость (49%), неофициальная занятость (17%) и незанятость (34%). Эффективность каждой из этих стратегий оценивается через совокупность характеристик человеческого капитала (уровень образования, уровень квалификации, соответствие специальности и квалификации выполняемой работе, уровень заработной платы, состояние здоровья).

Эмпирические данные показывают, что уровень образования и квалификация имеет достаточно высокие параметры с доминирующими значениями в группе официальной занятости. Высшее образование в этой группе имеет почти 60%, высшую квалификацию – около 70%, среднюю квалификацию – порядка 55%. Группа неофициальной занятости уступает и по уровню образования – доминирует среднее общее (60%), а также начальное профессиональное (40%), и по уровню квалификации – среди них высшую квалификацию имеют 50%, среднюю – 10%. В этой группе появляются неквалифицированные работники (10%). Неработающая группа представлена в основном неквалифицированными специалистами со средним и общим образованием.

Необходимо отметить, что почти у половины респондентов всех групп уровень образования соответствует выполняемой работе, у остальных работа связана с образованием или косвенно, или совсем не связана. Население РК имеет невысокие доходы. Большинство респондентов (около 40%) получают заработную плату от 2 до 3 прожиточных минимумов, что ниже средней или равняется средней зарплате по региону. При этом более высокие зарплаты имеют официально занятые. У 70% респондентов состояние здоровья является важнейшим фактором и условием трудоустройства, причем среди опрошенных 44% имеют удовлетворительное здоровье, 10 % - неудовлетворительное. Самые низкие показатели по здоровью имеют респонденты из группы незанятых.

Таким образом, в разрезе выделенных групп качество человеческого капитала отличается практически по всем показателям. Лидирующие позиции занимает группа официально занятых. На сегодня это самая эффективная трудовая стратегия. Неофициально занятые респонденты особенно отстают по уровню образования и уровню доходов, что свидетельствует о слабой капитализации их рабочей силы, а, следовательно, низкой эффективности реализуемой трудовой стратегии. Третья группа незанятых ожидаемо попадает в разряд аутсайдеров. Нужно сказать, что в структуре этой группы 22% составляют пенсионеры, и только 12% относятся к трудоспособному населению. Сюда входят представители и молодых, и средних, и старших возрастных когорт. Реализация трудовой стратегии «незанятость» не всегда бывает вынужденной. Молодые, имеющие высшее образование, зачастую не удовлетворены существующим предложением на рынке труда, как по уровню заработной платы, так и по качеству предлагаемой работы. Существует и обратная ситуация, когда молодые не выдерживают конкуренции с более опытными специалистами. Представители среднего возраста, особенно когда-либо попавшие в теневую занятость, по инерции продолжают выбирать неэффективную трудовую стратегию – зачастую не имеют постоянной работы и не зарабатывают пенсию. Старшие возрастные когорты также испытывают проблемы конкуренции, связанные не только со здоровьем, но и с некоторым когнитивным диссонансом от современного ритма технологического развития.

Говоря в целом о человеческом капитале таких депрессивных территорий, как Республика Карелия, необходимо отметить, что его параметры имеют средние и выше

средних значений. Тем не менее, в развитии территории он полноценно не используется, что отражается на качестве экономики и качестве жизни населения.

Кроме того, остается открытым вопрос о влиянии на развитие территории таких факторов, как северное и приграничное положение, сырьевой характер экономики, наличие этнокультурных особенностей [2].

Говоря о северных лесосырьевых территориях, какой является Республика Карелия, необходимо учесть эволюционный фактор. Государственная политика на протяжении последних 70-ти лет здесь была ориентирована на создание монопромышленной экономики. Такая экономическая структура с началом рыночных реформ препятствовала и продолжает препятствовать процессам диверсификации экономики. Несмотря на появление новых производств, общая картина по региону остается неблагоприятной. Создание новых рабочих мест существенно отстает от потребностей стороны населения.

Фактор приграничного положения имеет неоднозначную роль. С одной стороны, либерализация экономической жизни создала предпосылки для становления и поиска новых форм организации социальной и хозяйственной жизни. Жители РК не редко проводят свои отпуска в познавательных и экологических турах, пополняя свои знания о других культурах. Кроме того, реализация активного отдыха является фактором, способствующим улучшению здоровья. Программы международного сотрудничества предлагают широкий спектр экономических и социальных проектов для населения и бизнеса на территории Республики Карелия. С другой стороны, в условиях ограниченности рабочих мест близость границы с ЕС усиливает миграционные настроения населения, особенно стимулирует трудовую миграцию. Также активизируется образовательная миграция. Хотя в последнее время ситуация начала меняться в связи с новыми форматами ЕС.

Кроме того, приграничное положение для лесных компаний Карелии продолжает оставаться негативным фактором, способствующим закреплению сырьевой модели экономики региона, что существенно сужает возможности для ее диверсификации, а, следовательно, препятствует созданию новых рабочих мест для работников с высоким человеческим капиталом. Заданная с началом рыночных реформ сырьевая модель имеет высокую степень инерции. Для того, чтобы произошел переход на модель углубленной переработки, нужны серьезные институциональные изменения. Необходимы институты развития для создания высокотехнологичных обрабатывающих производств с высококвалифицированными рабочими местами [3].

Этнокультурные факторы имеют определенные перспективы влияния на оживление экономической жизни Республики Карелия, коренные народы которой являются носителями уникальной культуры и системы хозяйствования. В первую очередь это этнокультурный туризм, развитие которого может смягчить социальные проблемы (снижение социальной напряженности, повышение самозанятости населения) и выступить реальным фактором сохранения культурных традиций, ремесел и воспроизводства природного и культурно-исторического потенциала территории. Вместе с тем эта сфера способна формировать только узкий спектр хозяйственной жизни территории, что не способствует привлечению широкого круга специалистов. Тем не менее включение задачи сохранения историко-культурного наследия в государственные проекты способствует развитию новых образовательных программ, что создает условия для развития человеческого капитала региона.

Разработанные в исследовании методологические подходы позволили сфокусировать основное внимание на оценке человеческого капитала региона, как одного из потенциальных активов этого развития. Эмпирический анализ показал, что его параметры имеют средние и выше среднего уровня значения. Вместе с тем в развитии Республики Карелия человеческий капитал задействован не в полной мере, что отражается на качестве экономики и качестве жизни населения.

В исследовании выделены основные группы факторов, имеющих противоречивое значение для развития региона. С одной стороны, они являются обременением для экономики и общества, препятствующим развитию человеческого капитала, что связано с

сырьевой экономикой. Последняя в свою очередь стимулировалась долгие годы благодаря приграничному положению региона. С другой стороны, приграничное положение создает предпосылки для становления и поиска новых форм организации социальной и хозяйственной жизни территории, что может стимулировать развитие человеческого капитала.

Литература

1. Волков А.Д., Морозов А.А. Человеческий капитал и социальная безопасность: взаимосвязь явлений // Креативная экономика. – 2018. – Том 12. – № 4. – С. 467-480
2. Козырева Г.Б. Человеческий капитал лесосырьевых регионов: проблемы и перспективы развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – Том 17. - №7. – С.1268-1285.
3. Морозова Т.В. Карельская модель трансграничного сотрудничества и развитие приграничных местных сообществ // Экономическая наука современной России, 2006. №1. С. 73-89

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛЬШИ С КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЬЮ. ШАНСЫ И ВЫЗОВЫ

Коренецка Марта

Белостокский Государственный Университет, Белосток, Польша

Аннотация: С момента вступления Польши в Европейский Союз, государство в своей политике заняло прозападную позицию. Спустя 15 лет это привело к такому итогу, что Польша и Россия почти не имеют общих интересов по целому комплексу вопросов. Точки зрения правительств Польши и России на экономическое развитие отличаются практически во всем. Автор в своей статье обращает особое внимание на три из них: энергетику, государственную безопасность и визовый режим.

Ключевые слова: сотрудничество, вызовы, Польша, Россия, Калининградская область

CROSS-BORDER COOPERATION BETWEEN POLAND AND THE KALININGRAD OBLAST. CHANCES AND CHALLENGES

Koreniecka, Marta

University of Bialystok, Bialystok, Poland

Abstract: After Poland's accession to the European Union, Poland has adopted pro-Western policies in its decisions. This led 15 years later to the conclusion that now Poland and Russia have almost no common interests on a whole range of issues. The views of the governments of Poland and Russia on economic development differ almost in everything. The author in his article pays special attention to three of them: energy, state security and visa regime.

Key words: cooperation, challenges, Poland, Russia, Kaliningrad region

Калининградская область, как и еще шесть остальных субъектов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации, является приграничным регионом, поэтому вопросы социально-экономического развития для нее очень важны.

Польско-российский трансграничный район включает в себя территории Калининградской области Российской Федерации с площадью 15 тыс. кв. км., и два польских воеводства: Варминьско-Мазурское (24 тыс. кв. км.) и Поморское (18 тыс. кв. км.). Восстановление российско-польской границы связано с созданием нового, послевоенного мирового порядка. Во время Ялтинской конференции союзных держав в 1945 г. лидеры трех стран антигитлеровской коалиции: И. Сталин, У. Черчилль, Ф.Д. Рузвельт подтвердили решения Тегеранской конференции о разделе немецкой провинции Восточная Пруссия на две части.

Договор о польско-советской границе был подписан 16 сентября 1945 г., но о нем было объявлено только в 1947 г. В том же году произошел административный раздел Калининградской области на 21 район, в том числе 17 деревенских и 4 городских района. Позже, региональные власти неоднократно проводили изменения в делении области на районы. До 1955 г. советско-польская граница находилась в особо охраняемом режиме. Следующие решения были приняты после окончания Холодной войны в 1990 г., когда Германия отказалась от претензий на Калининградскую область [4, p. 267].

С момента отмены Советом Министров СССР 8 октября 1990 г. статуса Калининградской области как военной зоны, начинается развитие всесторонних, полноценных отношений на польско-российской границе. В то время были организованы поездки туристических групп из Польши в Калининград, которые в последующем стали очень популярны. Также граждане двух стран получили возможность заниматься мелкой

торговлей друг с другом. В 1992 г. была заключен комплекс договоров между Польшей и Россией, включая «Договор и дружбе и добрососедском сотрудничестве», а также два соглашения о трансграничном сотрудничестве, что дало толчок к развитию польско-российских контактов на совершенно ином уровне.

Сравнение потенциала населения с обеих сторон границы позволяет прийти к выводу, что 80 % населения приграничного региона живет на польской стороне бывшей Восточной Пруссии. Самые большие города трансграничного региона, прежде всего, Гданьск (468 тыс. жителей), Калининград (482 тыс.), Гдыня (248 тыс.), Ольштын (173 тыс.), Эльблонг (121 тыс.) [3, s. 91].

На приграничной территории доминируют сельскохозяйственные угодья с небольшими городами и деревнями. Среди промышленных городских агломераций наиболее развитыми являются – «Трехградье» (Гданьск, Сопот, Гдыня) и Калининград. Сельскохозяйственные районы, в том числе окраины Калининграда гораздо отличаются уровнем экономического развития от агломераций.

На польской стороне отсутствуют минеральные полезные ископаемые, кроме сравнительно небольшого количества некоторых строительных материалов. Калининградская область прежде всего отличается местонахождением самых больших в мире залежей янтаря в районе пос. Янтарный на Балтийском море, который добывается в промышленных масштабах на карьерах с XIX в.

Специалисты согласны с тем, что нынешние политические условия не благоприятны для взаимной торговли. Уровень торговли между Калининградской областью и польскими компаниями неуклонно снижается с 2014 года. На данный момент самый высокий уровень экономического обмена между государствами в приграничном регионе остался позади. Тактика изоляции правительств обеих стран друг от друга не входит в интересы приграничных регионов с обеих сторон, потому что это способствует углублению их экономической периферии.

В современной геополитической среде можно выделить несколько вызовов польско-российского сотрудничества. Почему Россия не упрощает визовый режим? Во-первых, Россия с одной стороны, и США и ЕС с другой, находятся в достаточно сложных отношениях, связанных с «политикой санкций» и «контрсанкций». Во-вторых, для Россия получение платы за оформление виз является источником прибыли. Визовый бизнес — это внушительные суммы денег и, при этом, государство является монополистом в этой сфере [1].

Не смотря на строгие правила визового режима, в истории отношений наших стран был период, в который ситуация с визами решалась значительно проще. Большим успехом стало вступление в действие соглашения от 27 июля 2012 г. об упрощенном приграничном передвижении двух приграничных воеводств Польши с Калининградской областью. Четыре года спустя - 4 июля 2016 г. правительство Польши прекратило этот договор, сославшись на меры, необходимые для организации событий, проходивших в июле того года в Польше - саммита НАТО в Варшаве и Всемирного дня молодежи в Кракове. После этого соглашение о приграничном передвижении с Калининградской областью восстановлено не было [8, p. 91].

В 2019 г. появился шанс увеличить поток передвижения на польско-российской границе. На основе введения бесплатных одноразовых электронных виз для въезда в Калининградскую область с 1 июля 2019 г. граждане 53 стран (включая Польшу) могут въехать в Калининградскую область на срок до восьми дней. Такую визу можно оформить через официальный сайт МИД РФ, где визовая анкета должна быть заполнена на русском или английском языке. Это должно быть сделано не ранее, чем за 20 дней и не позднее, чем за четыре дня до планируемой поездки.

Возвращение риторики Холодной войны

Российское военное командование в настоящее время напрямую называет Калининградскую область «стратегической военной территорией». Нахождение американских вооруженных сил в Польше на постоянной основе и российских армейских

подразделений на территории Калининградской области делает из приграничного региона зону повышенной опасности военного конфликта. [6].

Укрепление польской армии на востоке страны является приоритетной задачей недавно принятой «Программы развития вооруженных сил до 2026 г.». К тому же, планируется разместить вооруженные силы США в нескольких гарнизонах, расположенных в восточных воеводствах Польши, чтобы повысить способность войск быстро реагировать на потенциальную угрозу безопасности в этом районе.

По словам министра обороны Российской Федерации Сергея Шойгу, действия североатлантического альянса, направленные на разрушение сложившейся в мире системы безопасности, не останутся без ответа. Министр подчеркнул: «В такой обстановке мы вынуждены адекватно реагировать, совмещая мероприятия стратегического сдерживания с планами наращивания боевых возможностей соединений и воинских частей», — заявлял Шойгу на заседании коллегии руководимого им ведомства [2].

Энергетическая безопасность

Проект «Северный поток-2» обостряет отношения Германии с государствами Центральной и Восточной Европы. Против строительства второй ветки Северного потока выступают в основном Польша и Украина, прежде всего по экономическим и геополитическим соображениям. Важно отметить, что Польша подала жалобу в Европейский Суд, потому что, по ее мнению, проекты Nord Stream 1 и планируемый Nord Stream 2 способствуют укреплению монопольного положения «Газпрома» в ЕС, а также его европейских партнеров. Прибалтийские республики, Швеция, Дания и Финляндия поднимают экологические проблемы, которые вызывает прокладка газопровода [7].

Европейский Суд 12 сентября 2019 г. принял сторону Польше в споре с Европейской комиссией, которая ошибочно позволила «Газпрому» увеличить поставки газа в страны ЕС. Суд решил, что государства-члены ЕС в рамках осуществления своих полномочий в связи с энергетической политикой, должны избегать принятия мер, которые могут ущемлять интересы Союза и других государств-членов в области безопасности поставок, их экономической и политической эффективности и диверсификации энергетических источников. В польских СМИ сразу после решения Европейского Суда появились публикации с такими заголовками, как например, «Россия проиграла битву за ОПАЛ [сухопутная часть газопровода «Северный поток-1» – М.К.]. Кремль трясется о будущем Nord Stream 2» [5]. Уменьшение количества поставки российского газа, транспортируемого по «Северному потоку-1», потенциально может повлиять на рост цен на газ на газовых торгах в Европе.

Литература

1. Бойко В. Почему Россия не упрощает визовый режим по примеру Белоруссии? URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38570367> (дата обращения: 10.09.2019).
2. В Совфеде России предупредили о последствиях, к которым может привести политика руководства Польши по насыщению территории страны американскими военными. URL: https://ee.sputniknews.ru/world_news/20190617/16777746/Sovfed-Russia-predupredili-Polsha-mozhet-stat-mishen-dlya-udar.html (дата обращения 10.09.2019).
3. Gomółka K. Współpraca transgraniczna Polski z republiką Ukrainy, Republiką Białorusi i Obwodem Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej. Warszawa, 2010. 232 s.
4. Pacuk M., Palmowski T. The Development of Kaliningrad in the light of Baltic cooperation // The NEBI Yearbook 1998 – North European and Baltic Sea Integration. Berlin, 1998. P. 267-282.
5. Petrović P. Rosja przegrała bitwę o OPAL. Kreml drży o przyszłość Nord Stream 2. URL: <https://www.tvp.info/44379422/rosja-przegrala-bitwe-o-opal-kreml-drzy-o-przyszlosc-nord-stream-2> (дата обращения: 12.09.2019).
6. Rosja zbroi Kaliningrad. Iskandery przy granicy z Polską. URL: <https://www.newsweek.pl/swiat/rosja-zbroi-okreg-kaliningradzki-iskandery-przy-granicy-z-polska/kb9jwp3> (дата обращения: 10.09.2019).
7. Schmidt-Felzmann A. Instrument russischer Geopolitik. Ernste Bedenken sprechen gegen die Erdgaspipeline Nord Stream 2, „Internationale Politik“, März–April 2018, URL: <https://zeitschrift-ip.dgap.org/de/article/instrument-russischer-geopolitik> (дата обращения: 10.09.2019).

8. Sokół W. Polska-Rosja: wybrane gospodarcze aspekty współpracy transgranicznej // Nowa Polityka Wschodnia. 2017. Nr. 2 (13). S. 82-92.

References

1. Boyko V. Why Russia does not simplify the visa regime following the example of Belarus URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38570367> (access date: 10.09.2019)
2. The Federation Council warned of the consequences of saturating the territory of the country with the American military. URL: https://ee.sputniknews.ru/world_news/20190617/16777746/Sovfed-Russia-predupredili-Polska-mozhet-stat-mishen-dlya-udar.html (access date: 10.09.2019)
3. Gomolka K. Poland's cross-border cooperation with the Republic of Ukraine, the Republic of Belarus and the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, Warsaw, 2010. p. 232.
4. Pacuk M., Palmowski T. The Development of Kaliningrad in the light of Baltic cooperation // The NEBI Yearbook 1998 – North European and Baltic Sea Integration. Berlin, 1998. P. 267-282.
5. Petrovic P. Russia lost the battle for OPAL. The Kremlin shakes for the future of Nord Stream 2. URL: <https://www.tvp.info/44379422/rosja-przegrala-bitwe-o-opal-kreml-drzy-o-przyszlosc-nord-stream-2> (access date: 12.09.2019).
6. Russia is arming Kaliningrad. Iskanders in the vicinity of the Polish border. URL: <https://www.newsweek.pl/swiat/rosja-zbroi-okreg-kaliningradzki-iskandery-przy-granicy-z-polska/kb9jwp3> (access date: 10.09.2019).
7. Schmidt-Felzmann A. Instrument of Russian geopolitics. Serious concerns speak against the Nord Stream 2 gas pipeline, "International Politics", March-April 2018, URL: <https://zeitschrift-ip.dgap.org/de/article/instrument-russischer-geopolitik> (access date: 10.09.2019).
8. Sokol W. Poland-Russia: selected economic aspects of cross-border cooperation // New Eastern Policy. 2017. № 2 (13), P. 82-92.

ТИХООКЕАНСКАЯ АРКТИКА: ПРИОРИТЕТЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ВОСТОЧНОГО ФОРПОСТА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ В РЕГИОНЕ

Краснопольский Борис Хананович

*Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, г. Хабаровск,
Россия
st@ecrin.ru*

Аннотация: В этой статье рассматриваются проблемы и процессы декомпозиции пространственного развития и трансформации форм трансграничного сотрудничества восточного форпоста Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) в Тихоокеанском секторе мировой Арктики на стыке Евразийского и Северо-Американского континентов. Обосновываются предложения по совершенствованию механизмов согласования приграничного сотрудничества в этом арктическом секторе на национальном и межнациональном уровнях путем создания «Совета региона Берингова пролива и Тихоокеанской Арктики», которые получили поддержку на 24-м заседании Российско-Американского Тихоокеанского партнерства (РАТОП)

Ключевые слова: Декомпозиция пространственного развития, трансформация трансграничного сотрудничества, восточный форпост АЗРФ, Тихоокеанская Арктика, Берингов пролив, Российско-Американское Тихоокеанское партнерство (РАТОП)

PACIFIC ARCTIC: PRIORITIES, PROBLEMS AND PROCESSES OF TRANSFORMATION OF TRANSBONDARY COOPERATION OF THE EASTERN OUTPOST OF THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA (AZRF) IN THE REGION

Krasnopol'ski, Boris

*Institute of Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk,
Russia
st@ecrin.ru*

Abstract: In this article the problems and processes of decomposition of spatial development and transformation of the forms of cross-border cooperation of the Eastern outpost of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) in the Pacific sector of the international Arctic on the junction between the Eurasian and North-American continents are discussed. Justified proposals for improving the coordination mechanisms of cross-border cooperation in this Arctic sector at the national and international levels through the creation of a "Council of the Bering Strait and Pacific Arctic Region " which was approved on the 24-meeting of the Russian-American Pacific Partnership (RAPP).

Key words: Decomposition of spatial development, transformation of cross-border cooperation, eastern outpost of the AZRF, Pacific Arctic, Bering Strait, Russian-American Pacific Partnership (RATOP)

Как показывают исследования [1-4], формирующееся высокоширотное пространственное образование на северо-арктических территориях и акваториях Дальнего Востока является геостратегической территорией РФ. Это связано с тем, что оно имеет весьма существенное геополитическое значение для развития не только восточного «форпоста» национальной Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), но и для укрепления международной взаимовыгодной трансграничной кооперации в арктической части Тихого океана между Россией и США на стыке Евразийского и Северо-Американского континентов. Это геостратегическое пространственное образование выступает также составной частью одного из двух глобальных в планетарном масштабе географических секторов пересечения Арктической мировой зоны, ее Северного Ледовитого океана с Тихим

и Атлантическим океанами. Природно-экологические процессы в этих секторах в значительной мере определяют глобальные климатические изменения в мире, а также самым существенным образом влияют на экономические взаимоотношения стран, в особенности – в части транспортно-логистических морских перевозок и операций.

Дальневосточные северо-арктические территории и акватории представляют собой сегодня декомпозиционную структуру двух субъектов федерации со своими центрами локализации промышленного и социального развития. Это Чукотский автономный округ и тринадцать северо-арктических улусов Республики Саха (Якутия).

В настоящее время просматривается высокоширотная интеграция в развитии элементов инфраструктуры обоих региональных образований, в особенности связанной с активизацией использования восточного сектора Севморпути и его комплексным обслуживанием и в акваториях Северного Ледовитого и Тихого океанов, и в континентальной части этого пространственного образования. Это в свою очередь вызывает все большее взаимовлияние многих процессов в дальнейшем освоении природных ресурсов и в развитии опорных экономических зон этого вновь формирующегося высокоширотного регионального хозяйственного комплекса. Эта «скользящая» декомпозиционная трансформация выражается в постоянном нарастании существенных интеграционных взаимосвязей составляющих его территорий, что в свою очередь инициируется и поддерживается естественным развитием их внешних инфраструктурных элементов. Эти интеграционные элементы инфраструктуры можно условно назвать «освоенческой» инфраструктурой, формирование которой имеет весьма схожие механизмы для обеих территорий. В целом, эти процессы диктуются общими законами развития природных и общественных систем, трансформацией пространственного экономического развития и законами дальнейшего разделения труда и коэволюционными зависимостями между всеми этими процессами. Их практическое проявление лишь в небольшой степени зависит от действий федеральных и региональных административных структур, они могут либо задержать, либо ускорить их проявление, но не могут их остановить.

Что касается трансграничной Тихоокеанской арктической зоны, к которой относятся территории и окаймляющие их акватории с российской стороны – Дальневосточной Арктики и с американской стороны - штата Аляска с его грядой Алеутских островов, граничащие через Берингов пролив, то здесь дело обстоит несколько сложнее.

Причина этой сложности главным образом в национально-политических барьерах, а не в природно-экологической и социально-экономической обстановке в регионе. Но и здесь законы развития природно-общественных систем, требования по обеспечению их «выживания» в ситуации нарастающих рисков существенных природных и техногенных флуктуаций и катастроф в развитии мирового арктического бассейна вызывают необходимость, хотим мы этого или не хотим, интеграционных процессов в развитии трансграничных регионов, в «наднациональной» декомпозиции пространственного развития и связанных с этим трансформационных модификациях хозяйственных систем.

Без кардинальных изменений в технико-технологическом и социально-экономическом развитии арктических районов Дальнего Востока по ряду процессов освоения их природно-ресурсного потенциала российская сторона оказывается в низкопаритетном положении в арктическом секторе Тихоокеанского бассейна. Значительное повышение здесь своего национального экономического паритета наверняка снизит необходимость бесконечно растущих ассигнований в чисто военно-стратегической сфере и по большому счету на гонку вооружений, которая вообще-то, как показывает мировая практика, не гарантирует в полной мере национальную безопасность в любой точке мира. Конечно, это касается и американской стороны, серьезный поворот геополитики США в данном секторе к более стабильному трансграничному содружеству в решении существующих проблем в этом секторе Арктики диктуется законами природы и общества, в конце-концов - законами рыночной конкуренции, но не волюнтаристскими действиями нынешнего политического режима в этой стране.

Именно в целях научно-экспертной оценки возможностей усиления международной кооперации в Тихоокеанском секторе мировой Арктики были приняты конкретные шаги и рассмотрены предложения Института экономических исследований (ИЭИ) ДВО РАН на заседании «Российско-Американского тихоокеанского партнерства (РАТОП)»¹ о создании Совета Берингова/Тихоокеанско-арктического региона и Инициативной Рабочей группы для предварительной проработки данного вопроса (Рис. 1).

Участники заседания с обеих сторон прекрасно понимали, что происходящие динамичные изменения в Тихоокеанском Арктике требуют скоординированного между Россией и США двустороннего подхода к освоению и развитию этого региона. Это отражено в исследованиях и публикациях как с российской, так и с американской сторон [5, 6]. Потепление в Арктике создаёт существенные изменения в экономике и состоянии окружающей среды региона: в миграции рыбных запасов, доступности Северного Морского Пути и Северо-Западного Прохода, возможности увеличения добычи нефти и газа и т.д. Данные изменения представляют собой как возможности, так и вызовы для населения Тихоокеанской Арктики, которые в результате совместных исследований должны быть тщательно изучены и в дальнейшем ответственно использованы.

Российско-Американский Совет Берингова/Тихоокеанско-Арктического региона будет структурирован таким образом, чтобы обеспечить возможность реализации передовых методов и лучших практик в соответствии с нормами международного права и будет включать в себя представителей центральных, региональных и муниципальных властей. Совет будет иметь Комитет Старших Должностных Лиц, которые будут координировать деятельность его секторальных (отраслевых) Рабочих групп. Комитет будет определять лучшие практики и передовые методы управления по различным направлениям деятельности этих секторов.

С научной точки зрения эти изучаемые Инициативной Рабочей группой проблемы по своей сути представляют собой процессы трансформации и декомпозиции пространственного развития в арктическом тихоокеанском регионе, которые проявились и продолжают возникать на межнациональном уровне. Они выходят за рамки утвержденных на сегодняшний день правительственных решений обеих стран, ориентированных на реализацию чисто национальных интересов. Необходим межнациональный консенсус в решении хотя бы тех острейших и наиважнейших проблем, которые будут включены в направления деятельности секторальных (отраслевых) Рабочих групп Совета. Эти координационные процессы нельзя игнорировать, т.к. они отражают проявление законов развития природы и общества. И попытка создания Совета – это ответ на различные вызовы и угрозы в динамике развития, поиск механизмов нейтрализации отрицательного воздействия данных законов.

В целом, обсуждение и принятие представленных ИЭИ Предложений на заседании РАТОП, создание Инициативной рабочей группы и разработка первичных документов по организации Совета Берингова/Тихоокеанско-Арктического региона является важным шагом в реализации данной инициативы, которая представляется весьма перспективной в преддверии председательства России в международном Арктическом совете в 2021-2023 гг.

¹ COUNCIL FOR U.S.-RUSSIA RELATIONS. Совет по отношениям США – Россия. URL: <http://www.usrussia.org/home-russian> (дата обращения 01.08.2019).

COUNCIL FOR U.S.-RUSSIA RELATIONS

Совет по отношениям США – Россия

9 августа 2019г.

О рабочей группе по созданию Совета Берингова/Тихоокеанско-Арктического региона:

На 24-м ежегодном заседании Российско-Американского Тихоокеанского партнерства (РАТОП) в Хабаровске, Россия, 26-27 июня 2019 года на панели “Сотрудничество в Северной части Тихого океана и Арктике” было выдвинуто предложение о создании российско-американского «Совета Берингова и Тихоокеанско-Арктического региона» (ВРАС) по образцу аналогичных институтов Баренцева Евро-Арктического Совета (БЕАС) и Баренцева Регионального совета (BRC), которые были созданы в 1993 году.

РАТОП поддержало предложение, предложив создать вне РАТОП самостоятельную рабочую группу для продвижения инициативы ВРАС, которая, вместе с тем, периодически будет отчитываться перед форумом РАТОП. РАТОП согласилось оказать рабочей группе разумную помощь в пределах своих возможностей. Для руководства инициативной рабочей группой были определены два сопредседателя: почетный президент морской биржи Аляски Пол Фуз и главный научный сотрудник Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук профессор Борис Краснопольский. Некоторые участники заседания РАТОП согласились участвовать в рабочей группе, однако рабочая группа дополнительно приглашает заинтересованных лиц принять участие в своей работе и внести свой вклад в инициативу ВРАС.

Целью рабочей группы является формирование структуры Совета, разработка проекта Декларации, определяющей цель и компетенцию Совета с учетом круга интересов федеральных, региональных и местных органов власти, организаций и предприятий в рамках определенной географии ВРАС на российском Дальнем Востоке и Аляске. После завершения работы над проектами документов будут определены дата и место проведения учредительного заседания Совета.

Федеральные правительства обладают важными правовыми и регулируемыми полномочиями в отношении земель и океанов, находящихся в географическом охвате деятельности Совета, однако, как БЕАС и BRC, ВРАС также стремится к активному участию региональных и местных общин и деловых кругов в деятельности рабочей группы, в определении структуры, целей и стратегии Совета, а повестки предстоящего учредительного совещания. РАТОП поддерживает такой коллективный и широко инклюзивный подход и сопредседателей рабочей группы.

Я прошу Вас оказать содействие рабочей группе по осуществлению данной важной инициативы. Если вы хотите принять участие в деятельности рабочей группы «Совета Берингова Тихоокеанско-Арктического региона» (ВРАС), пожалуйста, свяжитесь с Полом Фузом: Paulfuhs@earthlink.net и / или Борисом Краснопольским: boriskrasno@gmail.com

Искренне,

Дерек Норберг

Исполнительный директор РАТОП

Президент Совета по отношениям «США-Россия»

Council for U.S.-Russia Relations

4241 21st Avenue West, Suite 104 Seattle, Washington 98199 ☐ Tel 206-770-4015

council@usrussia.org ☐ <http://www.usrussia.org>

Рис. 1. Письмо Исполнительного директора РАТОП Дерек Норберга о создании Инициативной рабочей группы

Литература

1. Краснопольский Б.Х. Регион Берингова пролива и Тихоокеанской Арктики: трансграничный диалог // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. - 2018. - № 3 (11). - С. 6-14.
2. Краснопольский Б.Х. Дальневосточная Арктика: междисциплинарные, межрегиональные и международные исследования и устойчивость развития региона // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология», 2018. - № 1 (109). - С. 22-29.
3. Краснопольский Б. Х. Тихоокеанская Арктика: современное состояние и возможные направления развития. Регионалистика. - 2017. - Т. 4, № 4. - С. 29-39.
4. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н. Исследования по проблемам развития Дальневосточной Арктики: экономические аспекты // Регионалистика. - 2016. - Т. 3. № 4. - С. 6-19.
5. Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы / под общ. ред. Б.Н. Порфирьева. - М.: Научный консультант, 2018. - 802 с.
6. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development & International Law. - 2016. - 47/2. - Pp. 186-217.

References

1. Krasnopolski B.H. Region of the Bering Strait and Pacific Arctic: transboundary dialogue // Vestnik SVFU. Economy Series. Sociology. Cultural studies. 2018. No. 3 (11). pp. 6-14.
2. Krasnopolski B.H. Far Eastern Arctic: interdisciplinary, interregional, international studies and sustainable development of the region // Vestnik SVFU. Economy Series. Sociology. Cultural studies. 2018. No. 1 (109). pp. 22-29.
3. Krasnopolski B.H. Pacific Arctic: Current Situation and Possible Directions of Development // Regionalistica. 2017. Vol. 4. No. 4. pp. 29-39.
4. Minakir P.A., Krasnopolski B.H., Leonov S.N. Studies on the Problems of Development of the Far Eastern Arctic: Economic Aspects // Regionalistika. 2016. Vol. 3. No. 4. pp. 6-19.
5. Socio-economic problems of the Russian Arctic in the research institutes of the Russian Academy of Sciences: history, present, prospects / General ed. B.N. Porfiriev. Publishing House "Scientific advisor". M.: 2018. 802 p.
6. Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., & Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development & International Law. 2016. 47/2. pp. 186-217.

ПРОГРАММЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Кропинова Елена Геннадиевна

Балтийский Федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия
ekropinova@kantiana.ru, kropinova2@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены иллюстрированные конкретными примерами эффекты от реализации программ приграничного сотрудничества, содействующих социально-экономическому, культурному и инфраструктурному развитию сотрудничающих территорий, установлению партнерских связей, формированию новых туристических маршрутов, внедрению новых технологий.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, приграничные муниципалитеты, региональная экономика, устойчивое развитие, туризм, Калининградская область РФ, Литва, Польша

CROSS-BORDER COOPERATION PROGRAMMES WITH THE PARTICIPATION OF THE KALININGRAD REGION OF RUSSIAN FEDERATION AS A TOOL OF TOURISM DEVELOPMENT

Kropinova, Elena

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
ekropinova@kantiana.ru, kropinova2@mail.ru

Abstract. The paper demonstrates effects illustrated by concrete examples from the implementation of cross-border cooperation programmes that promote the socio-economic, cultural and infrastructural development of cooperating territories, establishing partnerships, the formation of new tourist routes, and the introduction of new technologies.

Keywords: cross-border cooperation, border municipalities, regional economy, sustainable development, tourism, Kaliningrad region of the Russian Federation, Lithuania, Poland

Калининградская область РФ – приграничная, причем она является эксклавом, то есть ее сухопутные связи с другими регионами страны проходят через территории зарубежных государств. Это во многом обуславливает условия развития этого российского эксклава на Балтике. Приграничное расположение было характерно для области с самого начала ее образования (в 1945 г. как Кенигсбергской области, получившей в 1946 г. название Калининградской). При этом до 1990-х гг. ее южная граница (с Польшей) представляла собой «железный занавес», что полностью исключало туристской взаимодействие. Иностранный туризм возник только с распадом СССР, в начале 1990-х гг.

Туризм анонсирован Правительством Калининградской области как один из приоритетов развития. Основная маркетинговая политика строится на продвижении уже сложившегося лечебно-оздоровительного туризма, а также относительно новых для региона направлений – культурно-исторического и событийного туризма. При этом два последних хорошо укладываются в единую маркетинговую стратегию мезо-региона Юго-Восточной Балтики как международного центра сохранения и продвижения историко-культурного наследия через создание и внедрения трансграничных туристских маршрутов. Во многом этому процессу способствуют программы приграничного сотрудничества.

Анализ реализованных программ приграничного сотрудничества показал, что развитие приграничного сотрудничества в целом совпадает со временем запуска этих программ. Программа приграничного сотрудничества Польша-Литва-Россия: 2007-2013 г. Европейского инструмента соседства и партнерства (ENPI) стала значимым фактором

развития туризма, в том числе объектов непосредственно туристской инфраструктуры. Как было отмечено в программном документе, «Поток туристов на территории Программы быстро увеличивается, особенно в польских и литовских регионах, которые стали достаточно популярными направлениями после улучшения туристической инфраструктуры и ценовой привлекательности. Главным препятствием последующего роста по-прежнему является ненадлежащая туристическая инфраструктура на менее популярных направлениях...»[5].

Павловым К.В., Сапрыка В.А., Шмигириловой Л.Н., Андреевой И.Г. была разработана методика оценки состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества [3].

Считаем возможным применить некоторые индикаторы из выделенных групп к анализу эффективности результатов Программы «Польша-Литва-Россия: 2007-2013 г.».

4) Экономическое и социальное развитие.

На примере реализации проекта «Перекрестки2.0. – Заливы как перекрестки туризма и взаимодействия в регионе Юго-Восточной Балтики» можно оценить социально-экономические выгоды. Создание Музея под открытым небом эпохи викингов в (инфраструктурный компонент проекта) приведет к увеличению количества туристов на 1500 человек в год. В результате доход Национального парка «Куршская коса», которому принадлежит музей, возрастет на 1500000-2000000 руб. в год. Организация и проведение фестиваля «Кауп», инициированного в ходе проекта, а впоследствии включенного в календарь событий, обеспечит прибыль для Зеленоградского муниципалитета в размере 85000-100000 руб. за мероприятие. Прибыль малого бизнеса от проведения фестиваля оценивается в 680000-850000 руб. [1].

5) Уровень кооперации.

В качестве оценки уровня кооперации можно использовать интенсивность участия муниципальных образований в программе приграничного сотрудничества Литва - Польша - Россия Европейского инструмента соседства и партнёрства (ЕИСП) на 2007 - 2013 гг. Выявлено, что 14 из 22 муниципалитетов Калининградской области приняли участие в реализации 26 проектов программы, в том числе туристской тематики – не менее 10.

6) Инфраструктура границы. Реализация проектов, направленных на модернизацию или создание современной инфраструктуры: Реконструкция МАПП «Багратионовск» (2,5 млн. евро); Строительство МАПП «Чернышевское» (8 млн. евро); МАПП «МамоновоII» (13 млн. евро). В результате улучшенной инфраструктурой пользуются более 2 млн. человек в год (во время действия местного приграничного передвижения количество пересечений в обе стороны достигало 6 млн. человек в год) [4].

7) Вовлеченность населения. Можно попробовать оценить количество людей, так или иначе вовлеченных в проект. Так, в рамках программы приграничного сотрудничества Польша-Литва-Калининградская область РФ на 2007-2013 гг. в сфере туризма было реализовано 16 проектов. Количество участвовавших организаций-партнеров составило около 150 (около 500 человек в качестве административного персонала и порядка 1000 человек в качестве временно привлекаемых экспертов). В мероприятиях проектов приняло участие от 800 тыс. до 1 млн. человек (из расчета от 100 до 5000 чел. в одном мероприятии проекта в зависимости от его масштаба). Итого около 1 млн. человек оказались вовлечены в качестве участников по реализации или как потребители создаваемого проектом продукта в рамках приоритета «Туризм» только за одну программу.

8) Дополнительным фактором следовало бы указать роль программ приграничного сотрудничества для внедрения инноваций [2]. Примеры инноваций, привнесенных в сферу туризма, представлены в таблице 1.

Таким образом, с каждой новой программой приграничного сотрудничества возрастает их роль в социально-экономическом развитии приграничных регионов в целом и туризма в частности. Вклад программ можно оценить как прямой (в денежном эквиваленте), так и косвенный (социо-культурное развитие, кооперация и др.).

Таблица 1.

**Роль проектов программы приграничного сотрудничества Литва - Польша - Россия
Европейского инструмента соседства и партнёрства (ЕИСП) на 2007 - 2013 гг. для
внедрения инноваций**

Инновация	Направление воздействия /название проекта
Производство новых товаров / тур.продуктов	Из 16 проектов 4 нацелены на разработку и продвижение новых тур.маршрутов.
	Пример: «Создание туристического маршрута от Тильзитского Мира 1807 до Таурогенской Конвенции 1812»
Применение новых технологий	Информационные технологии
	Примеры: «Сеть тур. инфо.центров – Туринфонет» (инфокиоски) ; «Музеи через границы» (голографическая экспозиция в музее «Фридландские ворота».)
Внедрение новых видов деятельности	Устойчивое развитие территории
	Пример: «Улучшение инфраструктуры общественных территорий с целью усиления тур.привлекательности приграничного региона»
Открытие новых рынков	Развитие водного туризма
	Пример: «Возможности и преимущества совместного использования Вислинского залива»

Источник: составлено автором по материалам сайта <http://www.lt-pl-ru.eu>

Литература

1. Белова А.В. Совершенствование финансового планирования международных проектов (на примере Программы приграничного сотрудничества «Литва-Польша-Россия» 2007-2013) Презентация к защите магистерской диссертации. 2018 г.(рукопись).
2. Кропинова Е.Г. Сотрудничество между Россией и ЕС в сфере инновационного развития туризма на примере программы приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия» // Балтийский регион. 2013. № 4 (18). С. 67—80.
3. Павлов К.В., Сапрыка В.А., Шмигирилова Л.Н., Андреева И.Г. Разработка методики оценки состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества // Региональная экономика: теория и практика. 2011. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-metodiki-otsenki-sostoyaniya-proektov-i-programm-mezhregionalnogo-prigranichnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 12.10.2019).
4. Себенцов А.Б., Колосов В.А., Зотова М.В. Туризм и приграничное сотрудничество в Калининградской области // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-i-prigranichnoe-sotrudnichestvo-v-kaliningradskoy-oblasti> (дата обращения: 22.09.2019).
5. Официальный сайт программы приграничного сотрудничества Литва - Польша - Россия Европейского инструмента соседства и партнёрства (ЕИСП) на 2007 - 2013 гг. URL <http://www.lt-pl-ru.eu> (дата обращения: 22.09.2019).

References

1. Belova A.V. Improving the financial planning of international projects (case for the Lithuania-Poland-Russia Cross-Border Cooperation Program 2007-2013) Presentation to the defense of the Master's thesis. 2018 (manuscript).
2. Kropinova E.G. Cooperation between Russia and the EU in the field of tourism innovation development on the example of the cross-border cooperation program Lithuania - Poland - Russia // Baltic Region. 2013. No. 4 (18). S. 67-80.
3. Pavlov K.V., Sapryka V.A., Shmigirilova L.N., Andreeva I.G. Development of a methodology for assessing the status of projects and programs of inter-regional cross-border cooperation // Regional Economics: theory and practice. 2011. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-metodiki-otsenki-sostoyaniya-proektov-i-programm-mezhregionalnogo-prigranichnogo-sotrudnichestva> (accessed: 10/12/2019).

4. Sebentsov A.B., Kolosov V.A., Zotova M.V. Tourism and cross-border cooperation in the Kaliningrad region // Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography. 2016. No4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-i-prigranichnoe-sotrudnichestvo-v-kaliningradskoy-oblasti> (accessed 22/09/2019).
5. The official website of the Lithuania-Poland-Russia Cross-border Cooperation Programme of the European Neighborhood and Partnership Instrument (ENPI) for 2007-2013. URL <http://www.lt-pl-ru.eu> (accessed: 09/22/2019).

ГРАНИЦЫ В ПОСТ-ЯЛТИНСКОМ МИРЕ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ¹**Кузнецов Сергей Валентинович***Институт проблем региональной экономики Российской Академии Наук, Санкт-Петербург, Россия***Межевич Николай Маратович***Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия**Институт проблем региональной экономики Российской Академии Наук, Санкт-Петербург, Россия*

Рассматривая вопросы основных тенденций приграничного сотрудничества нельзя начинать с регионального или даже российского уровня. Процессы, происходящие в Российской Федерации и на ее границах, безусловно, имеют определенную оригинальность, историческую экономическую, политическую специфику. Однако их системная природа такая же, как и на границе США и Мексики или Хорватии и Сербии.

Ключевым системным признаком, определяющим ситуацию с границами, которые изучаются нами - специалистами по лимологии, являются глобальные тенденции развития и, прежде всего, протекционизм, который в свою очередь является закономерной реакцией на трудности в реализации евроатлантического проекта в целом.

Вопрос о постоянной конкуренции барьерной и контактной функции границы о котором мы все многократно писали переходит в новое качество. наступает очевидный период лидирования функций барьерных. Никакие европейские союзы обратное доказать не могут, так как сформированное пространство естественно закрывается не внутри отдельных частей себя, а снаружи. Американский пример эпохи Трампа ещё более очевиден и этот политик войдет в наши учебники.

Государства всегда сталкивались как с внутренними, так и с внешними вызовами. С внутренними вызовами, исторически, государства привыкли справляться без особого внимания к тому, как эти действия будут восприняты мировым сообществом. Это же относилось к экономическим моделям. На протяжении столетий национальные экономики развивались без подходов, которые мы сегодня называем компаративистикой. Страны с относительно схожим уровнем развития показывали огромное богатство моделей. Это относилось как к сравнению Китая и Японии, так и Франции с Пруссией. Каждое государство или справлялось со своими внутренними вызовами или внешними факторами самостоятельно или в союзах. Если не справлялось, то границы государств менялись или исчезали сами государства.

Рубеж 1989 – 1992 гг. не без оснований воспринимался как системный перелом в общественном развитии. Многочисленные экспертные и академические концепции «Конца истории» грубо игнорировали опыт человеческой цивилизации [1]. Постмодернизм трансформировался, получив статус не одного из научных подходов, что логично, а идеологической доктрины, следование которой признак академической и политической лояльности. Применительно к границам, по мнению Джозефа Камиллери, это означало то, что «мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности» [2].

Эпоха декларируемого ограничения суверенитета на самой таковой не была, она предполагала не отказ от экономического суверенитета, а его перераспределение. Иными

¹ Работа выполнена в рамках научной темы «Развитие теоретико-методологических основ управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов» (№ 0170-2014-0004)

словами, если с одной стороны границы реальный экономический суверенитет возрастал до 146%, с другой его оставалось только 54%.

Современные трактовки экономического суверенитета весьма разнообразны. Юридические нормы и прежде всего понимание экономического суверенитета эпохи ялтинско-потсдамской системы уходят в прошлое. Де-факто эволюционирует право ООН, предполагавшее, что: государства юридически равны, пользуются всеми правами, вытекающими из их суверенитета, а существование суверенных государств гарантируется современным международным правом и международными организациями.

Внешние вызовы в течение пост-ялтинской эпохи и до избрания Д. Трампа предполагали «приоритет» прямого нарушения суверенитета национального государства, а значит и его границ. Сегодня идет процесс ревизии всей системы межгосударственных отношений и права. Принцип угрозы силой остается, но приобретает экономическое значение - угроза экономическим принуждением.

Меняется и роль международных экономических организаций. Если ранее такие структуры как МВФ, ВТО и Всемирный Банк воспринимались как институты глобализации, то сегодня мы видим перехват этими институтами новой повестки.

В этих условиях государства восстанавливают порядок, при котором контроль над границей является высшим приоритетом. Речь не идет о том, что восстанавливается ялтинское полновластие государств. Нужно признать различные типы промежуточного статуса между автономией и территориальным суверенитетом и новые принципы регионального устройства безгосударственных национальных сообществ. Все это вполне в рамках возможностей современного государственного управления. Естественно, такой подход требует адекватной оценки статуса границы как института государства.

В современных условиях государство восстанавливает свой статус основной единицы экономического анализа, анализа системы международных отношений. Исторически следует помнить то, что оно никогда не было единственным актором международных экономических отношений. Его исключительность всего лишь одна из существовавших моделей международных отношений. Государства восстанавливают свою роль, и этот процесс мог растянуться на десятилетия.

Барьерность - одна из главных функциональных характеристик границы, определяемая совокупностью условий и факторов, затрудняющих трансграничные связи. одного государства неблагоприятную или чуждую социокультурную среду). Реальный масштаб социально-экономических связей, таким образом, определяется не историей границы, не ее географическими характеристиками, не экономической неоднородностью и взаимодополняемостью соседствующих территорий, а политическими факторами.

Транснационализация, как система управления, безусловно, отвечала интересам ряда политических элит и большого бизнеса. Многие транснациональные субъекты, и, прежде всего ТНК, сильнее влияют на ситуацию в мире, чем большинство современных государств. Вне рамок, и в значительной мере вне контроля последних, действуют коммуникационные и информационные сети, перемещаются мощные финансовые потоки, развиваются другие процессы, охватывающие практически всю планету. Все это создает жесткие рамки, в которых функционирующая национальная экономика во многом меняет свои параметры.

Транснационализация, по мнению большинства западных экспертов, привела к растворению национальных экономик в новых более сложных международных структурах. Однако транснациональное перераспределение торговых и инвестиционных потоков, трансферт технологий и производства нельзя более рассматривать лишь как изменение внешнеторговых рамочных показателей. К ним следует подходить как к серьезному ущемлению политической свободы действий национального государства, как к утрате национально-государственного суверенитета. «Даже обладание значительным конкурентным преимуществом не позволяет отдельной стране в одностороннем порядке открывать собственную экономику без последствий постепенного размывания этого преимущества со

стороны конкурентов»[3]. Трампизм, как экономическая доктрина именно на этом и основан. «Новые характеристики глобализации предполагают не только новую географию, но и адекватные формы взаимодействия экономики и политической сферы. В этом контексте американские практики вызывают вопросы: «Проповедуемый Трампом торговый протекционизм ради «великой Америки»»[4]

Во взглядах трампистов – протекционистов глобализация предстает как дезинтегрированная экономика, опирающаяся на экспортно-ориентированную торговлю, для которой характерны низкие рыночные барьеры, значительное вмешательство государства в экономику, наличие сильного государственного сектора при высоком уровне конкуренции в частном секторе.

В отличие от современных неолибералов новые протекционисты и их неформальный лидер Трамп считают, что свободный рынок и свободная конкуренция хороши только там, где они автоматически могут обеспечить глобальное лидерство США. Если для этого следует исказить рациональное и эффективное распределение ресурсов и капиталовложений, так называемый «свободный выбор», то это проблемы более слабого участника конкуренции. К. Омаэ считал, что настал конец национального государства и даже называет приверженность ему «картографическими иллюзиями» и «ностальгическими фикциями». Согласно его мнению, нужно было ослаблять национальные государства, так как они только мешают бизнесу. На место государственного суверенитета должен стать суверенитет потребителя. Сегодня эти подходы сданы в архив экономической и политической теории.

В настоящее время трансграничное сотрудничество, до сих пор остается практически нереализованным ресурсом. Равным образом следует констатировать факт: Россия является одной из немногих стран Европы, где приграничные области отстают в развитии по сравнению с общенациональным уровнем.

Очевидно, что в настоящее время экономико-географическое единство и целостность воспроизводственного процесса неизбежно «пробивается» государственными границами. С другой стороны реформы 90-х годов привели к тому, что экономические барьеры (впервые со времен гражданской войны) возникли внутри страны. Возникла ситуация, в рамках которой ряду приграничных регионов стало проще развивать отношения с прилегающими странами, чем с соседними российскими территориями. В формировании целостности, относительной независимости экономики региона определяющую роль играют интенсивное и существенное взаимосвязей ее составных частей, превосходящие по этим параметрам связи между хозяйством региона и окружающей его социально-экономической средой. По сути дела, речь идет о том, что в экономике региона должны постоянно действовать силы сцепления, способные преодолевать и внутрисистемные центробежные силы.

Ослабление «сцепления» регионов внутри страны неизбежно ведет к «открытости» российской экономики, интеграции отдельных субъектов федерации во внешние экономические системы [5].

Реформы конца 80-х начала 90-х годов привели к тому, что центры принятия экономических решений, которые в СССР находились внутри страны, в ряде случаев оказались за пределами России. По итогам 90-х годов прошлого века выяснилось то, что значительное влияние на экономическое развитие территорий оказывают экономические субъекты, находящиеся за пределами государственных границ: иностранные государства и их регионы, международные организации, ТНК, программы трансграничного сотрудничества и т.д.

К началу века возникла ситуация, в рамках которой ряду приграничных субъектов федерации и муниципальных образований стало проще развивать отношения с регионами или муниципалитетами прилегающих стран, чем с соседними российскими региональными и муниципальными образованиями. Эта ситуация прослеживалась в Карелии, Калининградской области, Ленинградской области т. е. практически по всей западной границе России [6]. Исключение – граница Союзного государства [7]. Очевидно то, что

отмеченная тенденция означала потенциальный перехват управления региональным развитием внешними управляющими центрами. Это обстоятельство может быть связано как с позитивными, так и с негативными последствиями. Пример российско – финской границы на карельском перешейке свидетельствует именно об этом [8].

Литература

1. Ohmae K. The End of the nation State. London, 1998.
2. Camilleri J. Rethinking Sovereignty // Contending Sovereignties. Redefining Political Community. Edited by R.B. J. Walker and Saul H. Mendlevits. Lynne Rienner Publishers. Boulder, London, 1990. P. 35.
3. Буренин А. В., Игошин И. Н. Геоэкономика и экономический суверенитет М.: 2007 с.12
4. Максимцев И.А., Межевич Н.М. Экономическая интеграция в большой Евразии: возможности и вызовы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 8
5. Максимцев И.А. Межевич Н.М. Новые характеристики мировой экономики как условия развития евразийской интеграции // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Ответственный редактор В. И. Герасимов. 2018 с.173-174
6. Кузнецов С. В., Межевич Н.М. Проблемы прогнозирования пространственного развития на примере стратегии социально-экономического развития СЗФО на период до 2020 года // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; Ответственный редактор В. И. Герасимов. 2018. С. 988
7. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Внешнеполитическое сотрудничество в практиках союзного государства м вызовы международной политики // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118); Шамахов В.А., Межевич Н.М. Анализ экономической модели республики Беларусь: контекст государств Прибалтики // Управленческое консультирование. 2018. № 11 (119). С. 35-43.
8. Межевич Н.М., Спиридонова В. В. Особенности приграничного сотрудничества Санкт-Петербурга и регионов Юго-Восточной Финляндии // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 28-36.

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА: ОПЫТ РОССИИ И КИТАЯ

Кучинская Татьяна Николаевна

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия
kuchinskaya_t@mail.ru

Аннотация. В статье развивается идея о приграничном регионализме как парадигме пространственного развития на примере приграничных практик Китая и России. Автор выявляет особенности китайского приграничного регионализма: характеризует основные «мозговые центры» приграничных исследований и специфические социокультурные практики развития приграничных регионов КНР. На основе сравнительного анализа приграничного регионализма Китая и России разрабатывает рекомендации.

Ключевые слова: приграничный регионализм, управление пространственным развитием, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, российско-китайское взаимодействие.

BORDER REGIONALISM AS A PARADIGM OF MANAGING BORDER REGION DEVELOPMENT: EXPERIENCE OF RUSSIA AND CHINA

Kuchinskaya, Tatiana

Transbaikal State University, Chita, Russia
kuchinskaya_t@mail.ru

Abstract. In the article the author's idea of border regionalism as a paradigm of spatial development is developed. The author reveals the features of Chinese border regionalism: characterizes the main PRC's "think tanks" of Border Studies and specific sociocultural practices of border regions development. Based on a comparative analysis of China and Russia border regionalism, the recommendations are developed.

Key words: Border regionalism, spatial development management, People's Republic of China, Russian Federation, Russian-Chinese interaction.

Приграничное взаимодействие России и Китая наиболее очевидно демонстрируя культурно-цивилизационную специфику стран, обуславливает необходимость постоянного его мониторинга, анализа и прогнозирования развития с учетом национальных особенностей. Положительный опыт КНР в реализации программ пространственной модернизации актуализирует необходимость исследования специфики «нового» китайского регионализма, обуславливающего, в том числе и особый характер социокультурных приграничных практик реализации глобальных стратегий развития Китая, значимых для России и ее восточных приграничных пространств.

Китайский приграничный регионализм выступает одним из аспектов исследования международного коллектива научной Школы интерпретаций региональных практик современного Китая кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета (г. Чита)¹. Основная научная идея Школы заключается в попытке

¹ Основатели научной школы – доктор философских наук, профессор Н.А. Абрамова, кандидат философских наук, профессор В.А. Абрамов. Создана в 2005 г. на базе кафедры востоковедения ЗаБГУ, зарегистрирована в РАЕ в 2012 г. Школа имеет организационную структуру, состоящую из коллектива сотрудников ЗаБГУ и вузов КНР (Контакты для сотрудничества: 672039, г. Чита, Александрово-Заводская, 30, email: kuchinskaya_t@mail.ru, +79144907011, Кучинская Татьяна Николаевна)

систематизации и интеграции основных положений общей теории нового регионализма к исследованию современного социокультурного развития КНР в контексте российско-китайских отношений и трансформации архитектоники мирового пространства под влиянием «китайского фактора».

За период с 2009 по 2019 год коллектив реализовал ряд научно-исследовательских проектов по данной тематике: 2009-2011 гг. – «Влияние глобализирующегося китайского региона на Забайкальский край: социально-философский аспект», 2012-2013 гг. – «Инновационные формы безопасного соразвития России и Китая в социокультурном пространстве трансграничья: социально-философский аспект (на примере Байкальского региона РФ и внутренних регионов КНР)» в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.»; 2012-2013 гг. – «Россия и Китай в реализации инновационной модели гармоничного соразвития», (в рамках гос. задания); 2013-2014 гг. – «Феномен региональной культуры в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия РФ-КНР: практика формирования, особенности, контексты», 2014-2015 гг. – «Перспективы развития приграничных регионов РФ в контексте соразвития с КНР (на примере Байкальского региона РФ и Северо-Восточного региона КНР)», поддержанные Советом по грантам Президента РФ; 2016 г. – «Проблемы регионализма в современных исследованиях китайских ученых», в рамках конкурса научных Грантов ЗабГУ. По теме защищены 2 докторские и 5 кандидатских диссертаций.

Проведенные исследования позволили выявить специфику так называемой азиатской (китайской) модели приграничного регионализма (типология Л.В. Вардомского) [4; 10] и его многофакторное воздействие на российское приграничье.

Сущность нового открытого китайского регионализма заключается в обеспечении международного и регионального окружения, благоприятного для дальнейшего мирного гармоничного развития и устойчивого роста КНР. Китайский регионализм как парадигма управления региональным развитием обладает цивилизационной спецификой, отраженной в экономических, политических, идеологических стратегиях. Провозглашенная китайским правительством в 1999 г. стратегия «выхода вовне» (走出去 или в англ. «Go Global Strategy»), реализуется посредством расширения и интенсификации международного и межрегионального взаимодействия и открытости внешнему миру. Стратегия «выхода вовне» первоначально была направлена на стимулирование инвестиционной деятельности национальных предприятий, привлечение зарубежных инвестиций и активное освоение ресурсов за рубежом, подключение их к экономическому развитию Китая. На сегодняшний день цели и инструменты политики «выхода вовне» КНР значительно расширились, включив набор не только экономических, но и политических, дипломатических, идеологических и культурных механизмов китайской региональной политики [8, с. 27]. Выход вовне китайской культуры выступает частью глобальной стратегии КНР и одним из ключевых инструментов национальной «мягкой силы».

Современное социокультурное развитие КНР характеризуется появлением новых форм пространственной модернизации, направленной на сбалансированное развитие через механизмы внутренней и внешней регионализации [1; 2; 3]. Понимание подобных социокультурных изменений в приграничных регионах КНР может послужить ключом к определению векторов развития на пути реализации межрегионального сотрудничества России и Китая.

Реализуемая Китаем модель инновационного развития предполагает налаживание межрегионального взаимодействия внутри страны и расширение открытости в рамках построения коридоров международного сотрудничества, обеспечивая связанность внутреннего и внешнего пространств развития. Одним из таких примеров является пространственная модель пилотной зоны «Чанчунь – Цилинь – Тумэнь» (сокращенно «Чанцзиту», от кит. язт – 长吉图), реализуемая в рамках «Плана возрождения Северо-Востока КНР» (2007) и трансрегиональной инициативы «Туманган» (2009).

В целом, макрорегиональные трансграничные пространства «Туманган» и «Большой Меконг» являются ярким примером реализации китайского приграничного регионализма как парадигмы управления приграничными пространствами КНР. Содействие китайской стороны многостороннему сотрудничеству в рамках региона «Большой Меконг» совпало с планом по развитию западных регионов КНР (2000 г.). Проект «Большой Меконг» предусматривает возможность продвижения провинции Юньнань и Гуанси-Чжуанского автономного района в качестве «плацдарма» (桥头堡) открытости Китая в ЮВА, транспортного коридора с выходом к Индийскому океану и локомотива развития окраинных регионов Юго-Западного Китая. Сформированная в рамках «Большого Меконга» так называемая «Юньнаньская модель» приграничного регионализма, активно использующая преимущества относительной гомогенности пространства и богатую историю межкультурного взаимодействия. Такая модель строится на механизме «двойной открытости» – внутренней (向内) и внешней (向外) и демонстрирует превращение окраинной периферии в центр глобально-национального взаимодействия. Приграничный регионализм «Туманган» отличается от «Юньнаньской модели», что обусловлено в большей степени культурно-цивилизационной гетерогенностью данного социокультурного пространства, значительно затрудняющей интеграционные процессы. Проекты, продвигаемые китайской стороной в рамках инициативы «Туманган», разрабатываются в русле Программы развития Северо-Восточных регионов КНР и направлены на обеспечение их экономического роста за счет более активного вовлечения во внешнеэкономические связи, в том числе с Россией, и совершенствование трансконтинентальных коммуникаций с выходом к Европе и Америке [6, с. 296].

Политика КНР по формированию приграничных поясов, зон и коридоров трансграничного взаимодействия получила значительное развитие в рамках известного проекта «Один пояс – один путь». Сопряженность внутренних проектов пространственной модернизации с внешними международными коридорами отражает социокультурные основы китайского регионализма, обусловленные ценностными императивами достижения внутренней и внешней «гармонии». Очень часто китайский регионализм называют «гармоничным» [11]. Подобная связанность обеспечивает не только развитие международных связей и трансграничного сотрудничества, но и подъема отсталых «внутренних» приграничных регионов.

Таким образом, китайский приграничный регионализм обладает культурной спецификой и реализуется через механизм расширения и диверсификации форм приграничного сотрудничества в рамках политики «реформ и открытости», «выхода вовне», программы построения «приграничного пояса открытости», региональных программ «освоения западных регионов», программ «подъема и процветания Северо-Восточных регионов КНР, программ конструирования экономических, транспортных и культурных приграничных коридоров в рамках инициативы ОПОП и др.

Китайский приграничный регионализм как фактор развития приграничных регионов был подвергнут комплексной оценке в рамках авторского форсайт-проекта, основанного на комплексной методологии сценарно-парадигмального моделирования и практических методиках – соотношение трансграничных градиентов наполненности социокультурного пространства, SWOT-анализ факторов его формирования с целью выявления инновационных стратегий развития России и Китая в социокультурном пространстве трансграничья.

В результате исследования предложены два основных сценария, определяющих потенциальные парадигмы развития социокультурного пространства Байкальского региона РФ в условиях межкультурного взаимодействия с Северо-Восточным регионом КНР [6].

Первый сценарий (инерционный) – реализация парадигмы «лимитрофа» – подразумевает дальнейшее углубление асинхронности и асимметрии развития и воспроизводство функций транзитно-буферной зоны, выступающей своеобразной пространственной прослойкой межкультурного взаимодействия России и Китая. В этом случае пространство лимитрофа представляет неустойчивое социокультурное

образование с межкультурным противостоянием культур. В цивилизационной перспективе лимитрофный регион поглощается соседней доминантной цивилизацией. Качественный и количественный анализ трансграничных градиентов [5] позволяет сделать вывод, что наращивание Китаем потенциала своей «мягкой силы» и ее активная проекция в трансграничное пространство при пассивной роли России не исключает такой сценарий.

Второй сценарий (инновационный) – реализация парадигмы «соразвития» – предполагает освоение и воспроизводство самобытной модели социокультурного пространства, основанного на принципах транскультурализма, диалога культур, взаимовыгодного трансграничного обмена инновациями при большей интегрированности в общероссийское национальное пространство и внутренней сплоченности в рамках макрорегионального пространства Байкальского региона РФ. Сущность соразвития предполагает наличие двух равнозначных, устойчивых, но не идентичных «социокультурных ядер», связанных со своими национальными пространствами по принципу неделимой целостности и образующих социокультурную общность на основе принципа открытости и комплементарности трансграничных социокультурных практик.

Принцип комплементарности в отношении Байкальского региона РФ может быть достигнут при эффективной реализации его трансграничного социокультурного потенциала. Сильными сторонами Байкальского региона РФ выступают выгодное географическое положение, высокий природный и культурно-туристский потенциал, расширение и диверсификация форм сотрудничества.

Очевидная асимметрия приграничных пространств России и Китая отражается и на институциональном уровне. Анализ программ и стратегий развития приграничных регионов двух стран показал наличие значительных различий в определении форм, индикаторов, и финансирования приграничных проектов. Также не равнозначны усилия двух стран в области научного обоснования стратегий развития приграничья. Приграничные исследования (Border Studies) в Китае носят институционализированный системный характер. К основным центрам приграничных исследований КНР относятся:

1. Исследовательский центр истории и географии китайского приграничья, созданный в 1983 году при Китайской академии общественных наук (КАОН) (中国社会科学院中国边疆史地研究中心). Центр в настоящее время реализует три комплексных проекта по исследованию приграничных территорий Китая: «Северо-восточный проект», направленный на исследование истории и современной динамики развития приграничных регионов северо-востока Китая; «Синцзянский проект» направленный на исследование истории и современной динамики развития Синцзян-Уйгурского автономного района КНР; «Северный проект» направленный на исследование истории и современной динамики развития автономного района Внутренняя Монголия КНР. Центр издает научный журнал «Историко-географические исследования китайского приграничья» (中国边疆史地研究), широко признанный академическим сообществом в КНР и мире.

2. Центр исследования развития Северо-Восточного региона КНР (东北区域发展研究中心) при Северо-Восточном научно-исследовательском институте географии и агроэкологии Китайской академии наук (КАН), Чаньчунь, пров. Цилинь, КНР. Центр занимается теоретическими разработками в области региональных исследований, практическими разработками систем устойчивого регионального развития, проблемами территориального планирования, урбанизации; оказывает консультирование и разрабатывает рекомендации по реализации государственной программы развития Северо-Востока КНР, выполняет научные проекты в рамках государственного задания и грантовых программ научных фондов КНР. Центр сотрудничает с научными учреждениями Великобритании, США, Австрии, Германии, Японии в рамках академических и кадровых обменов.

Перспективным направлением исследования Забайкальской научной школы являются налаживание связей с профильными китайскими и национальными центрами приграничных

исследований и расширение сотрудничества в сфере реализации научно-исследовательских и образовательных проектов.

Создание национальной сети приграничных исследований на базе российских ВУЗов и НИИ, Российской Ассоциации приграничных исследований, профильного научного журнала, постоянной дискуссионной площадки и других форм научной интеграции, способны внести значимый вклад в развитие приграничных исследований в России и разработку инновационных практик управления и обеспечения безопасного развития в условиях приграничного взаимодействия. Международное сотрудничество в данной сфере позволит более глубокому познанию культурной специфики дифференцированных моделей приграничного регионализма, реализуемых на разных участках протяженной российской границы.

Литература

1. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. К вопросу о методологии управления развитием социокультурного пространства современного Китая // В сборнике: Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации Материалы X Международной научно-практической конференции. Забайкальский государственный университет; Научные редакторы: Т.Н. Кучинская, В.С. Морозова. 2018. С. 7-16.
2. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Ресурс стратегий в управлении пространственным развитием КНР // В сборнике: Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации Материалы XI Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Т.Н. Кучинская. 2019. С. 7-15.
3. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Трансформация социокультурного пространства в модернизации современного Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. № 20. С. 6-14.
4. Вардомский Л.Б. О китайском факторе пространственного развития России // В сборнике: Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации Сборник статей по материалам V международной научно-практической конференции. Под редакцией Л.И. Попковой, Цезары Мадры, Л.Б. Вардомского. 2018. С. С. 92-111.
5. Ганзей С.С. Трансграничные градиенты юга Дальнего Востока России и провинции Хэйлунцзян КНР // Региональная экология. 2005. № 3-4. С. 74-80.
6. Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Забайкальский государственный университет. Чита, 2013. 413 с.
7. Кучинская Т.Н. Китайский регионализм: социокультурные основания: монография / Т.Н. Кучинская: Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2017. 228 с.
8. Кучинская Т.Н. Открытый приграничный регионализм в глобальной стратегии Китая: уроки для России // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 1 (68). С. 27-34.
9. Кучинская Т.Н., Колпакова Т.В. Ритайский новый регионализм в мировых интеграционных процессах: вопросы теории и практики (на примере ЕАЭС) // Российско-китайские исследования. 2017. Т. 1. № 1. С. 50-62.
10. Шлапек Е.А. Модели приграничного сотрудничества регионов России // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1 (46). С. 20-24.
11. Dellios R. What does Harmonious Regionalism mean? 和谐地区主义的含义?// East Asia Security Symposium and Conference 东亚安全座谈会. Beijing. Aug. 2012.
12. Kolpakova T.V., Kuchinskaya T.N. China's "New Regionalism" as a Mechanism to Strengthen the Influence of China in the Global Integration Processes: an Example Of Eurasian Economic Union // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Т. 5. № SPEC. ISSUE. С. 109-115.
13. Zhao Xiaotong, Li Xiaoyue. China's Regionalism in Asia. The Asian Forum // An Online Journal. 2014. Vol. 3, No. 3.

References

1. Abramova N.A.. Abramov V.A. K voprosu o metodologii upravleniya razvitiyem sotsiokulturnogo prostranstva sovremennogo Kitaya // V sbornike: Aktualnyye problemy razvitiya KNR v protsesse eye regionalizatsii i globalizatsii Materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Zabaykalskiy gosudarstvennyy universitet; Nauchnyye redaktory: T.N. Kuchinskaya. V.S. Morozova. 2018. P. 7-16.
2. Abramova N.A.. Abramov V.A. Resurs strategiy v upravlenii prostranstvennym razvitiyem KNR // V sbornike: Aktualnyye problemy razvitiya KNR v protsesse eye regionalizatsii i globalizatsii Materialy XI

- Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Otvetstvennyy redaktor T.N. Kuchinskaya. 2019. P. 7-15.
3. Abramova N.A., Abramov V.A. Transformatsiya sotsiokulturnogo prostranstva v modernizatsii sovremennogo Kitaya // Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra. 2017. № 20. P. 6-14.
 4. Vardomskiy L.B. O kitayskom faktore prostranstvennogo razvitiya Rossii // V sbornike: Strategiya razvitiya prigranichnykh territoriy: traditsii i innovatsii Sbornik statey po materialam V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod redaktsiyey L.I. Popkovoy. Tsezary Madry. L.B. Vardomskogo. 2018. S. P. 92-111.
 5. Ganzey S.S. Transgranichnyye gradiyenty yuga Dalnego Vostoka Rossii i provintsii Kheyluntszyan KNR // Regio-nalnaya ekologiya. 2005. № 3-4. P. 74-80.
 6. Kuchinskaya T.N. Arkhitektonika sotsiokulturnogo prostranstva Kitaya v usloviyakh transnatsionalnogo mezhkulturnogo vzaimodeystviya RF i KNR: dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.13 / Zabaykalskiy gosudarstvennyy universitet. Chita. 2013. 413 p.
 7. Kuchinskaya T.N. Kitayskiy regionalizm: sotsiokulturnyye osnovaniya: monografiya / T.N. Kuchinskaya: Zabaykal. gos. un-t. Chita: ZabGU. 2017. 228 p.
 8. Kuchinskaya T.N. Otkrytyy prigranichnyy regionalizm v globalnoy strategii Kitaya: uroki dlya Rossii // Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 1 (68). P. 27-34.
 9. Kuchinskaya T.N., Kolpakova T.V. Ritayskiy novyy regionalizm v mirovykh integratsionnykh protsessakh: voprosy teorii i praktiki (na primere EAES) // Rossiysko-kitayskiye issledovaniya. 2017. T. 1. № 1. P. 50-62.
 10. Shlapeko E.A. Modeli prigranichnogo sotrudnichestva regionov Rossii // Obshchestvo. Sreda. Razvitiye. 2018. № 1 (46). P. 20-24.
 11. Cao Xiaoshu, Li Shengchao. Spatio-temporal evolution of port opening in China's 40 years of reform and opening-up period // PLOS ONE. 2019. 14(8):e0220912 URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0150341>.
 12. Dellios R. What does Harmonious Regionalism mean? 和谐地区主义的含义?// East Asia Security Symposium and Conference 东亚安全座谈讨论会. Beijing. Aug. 2012.
 13. Kolpakova T.V., Kuchinskaya T.N. China's "New Regionalism" as a Mechanism to Strengthen the Influence of China in the Global Integration Processes: an Example Of Eurasian Economic Union // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. T. 5. № SPEC. ISSUE. C. 109-115.
 14. Zhao Xiaotong, Li Xiaoyue. China's Regionalism in Asia. The Asian Forum // An Online Journal. 2014. Vol. 3, No. 3.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ

Ланг Вероника Васильевна

Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия

Аннотация: Развитие предпринимательской деятельности в приграничных регионах является одним из важных, факторов экономического и социального развития России. В ходе работы были изучены регионы Дальнего Востока. Дается характеристика предпринимательской деятельности в регионе. Представлены результаты анализа предпринимательской деятельности по отраслям экономики.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, отрасль, промышленность, регион, Дальний Восток

CHARACTERISTICS OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY BY INDUSTRY SECTOR

Lang, Veronica

Siberian State University of Means of Communication, Novosibirsk, Russia

Abstract: Business activity is one of the important factors of economic and social development of many countries, including Russia. In the structure of the economy of the Far East, the leading place belongs to the industry, mainly the fishing industry. However, the food industry does not meet the needs of the region. One of the leading industries of the region is the production of gold, both loose and ore. To stimulate the growth of business entities requires the improvement of existing effective programs and the development of new ones.

Keywords: Business, industry, industry, volume, need.

Предпринимательская деятельность является одним из важных факторов экономического и социального развития многих стран, в том числе и для России. Предпринимательская деятельность способствует появлению новых рабочих мест, обеспечивает структурную гибкость в развитии экономики, повышая конкурентоспособность предприятий [1, с. 238]. Особенно это важно для развития приграничных районов государства. Так как Дальний Восток граничит с крупнейшими странами Азиатско-Тихоокеанского региона и со странами Юго-Восточной Азии развивать малый и средний бизнес – это важная задача, которой уделяется особое внимание. Таким образом, анализ развития предпринимательской деятельности весьма актуальная тема. Ниже, на основе Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства представлена таблица, характеризующая динамику численности индивидуальных предпринимателей.

В Дальневосточном федеральном округе можно увидеть что с 2017 по 2018 год количество индивидуальных предприятий уменьшилось, а с 2018 по 2019 год произошло их увеличение. Уровень развития малого предпринимательства в мировой практике измеряется по количеству фактически действующих малых предприятий на одну тысячу жителей. Например, в Хабаровском крае этот показатель соответствует общероссийскому (6,2 малых предприятий), что выше, чем в дальневосточном регионе в целом (5,3), но существенно уступает развитым странам (в странах-членах ЕС – не менее 30). Малый бизнес в сфере торговли и общественного питания занимает лидирующее место сегодня. В то же время увеличивается количество предприятий, приносящих высокий уровень добавленной стоимости, в сфере оказания услуг на основе трансферта информационных технологий.

В структуре региональной экономики Дальнего Востока ведущее место принадлежит промышленности [2]. Вклад промышленности района в общий объем промышленного производства России составляет 4,3%, при этом добывающей и обрабатывающей промышленности - по 7,6%. Структура промышленного производства Дальнего Востока по отраслям представлена ниже (рис. 1).

Таблица 1

Количество индивидуальных предпринимателей в Дальневосточном федеральном округе

	10.06.2017				10.06.2018				10.06.2019			
	Всего	Микро	Малое	Среднее	Всего	Микро	Малое	Среднее	Всего	Микро	Малое	Среднее
Сибирский ФО	714621	370514	3920	54	716078	376972	3774	51	655215	355446	3230	38
Дальневосточный ФО	268676	148697	1752	19	266849	149888	1676	20	320942	188788	2049	29

Рисунок 1 - Структура промышленного производства по отраслям Дальнего Востока

Пищевая промышленность - ведущая отрасль Дальнего Востока. Крупные центры рыбопереработки - Петропавловск-Камчатский, Усть-Камчатск, Охотск, Находка, Южно-Курильск, Николаевск-на-Амуре и др. Построены холодильные комбинаты, крупнейшие из которых находятся в Петропавловске-Камчатском и Комсомольске-на-Амуре.

Мукомольная промышленность развивается в Амурской области, Хабаровском и Приморском краях. По объему выпускаемой продукции пищевой промышленности выделяется Приморский край, а также Камчатская и Сахалинская области и Хабаровский край.

Однако пищевая промышленность не обеспечивает потребностей региона.

Цветная металлургия представлена главным образом добычей и переработкой олова, ртути, золота, полиметаллических руд, вольфрама, т.е. горнорудной промышленностью.

Одной из ведущих отраслей района является добыча золота как рассыпного, так и рудного. Основные золотопромысловые районы находятся в бассейнах среднего и верхнего течения рек Зеи, Селемджи, Бурей, Аргуни, Имана, Верхнего и Нижнего Амура, а также в горах Алданского нагорья, Хингана и Сихотэ-Алиня.

Большую роль играет добыча и обогащение оловосодержащих руд, главным образом в Республике Саха (Депутатское месторождение), в Приморском крае (Хрустальненский оловянный комбинат), Хабаровском крае (горнообогатительный комбинат «Солнечный»). Интенсивно добываются оловосодержащие руды в Дальнегорске.

На современном этапе необходимо развитие производств более высокого технологического уровня – «производств экономики и обществ знаний», с привлечением человеческого потенциала, интеллекта и таланта в различных отраслях экономики [3].

Этого можно достичь, развивая малый и средний бизнес. Именно предприятия такого рода дают развитие регионам и стране в целом, увеличивая темпы роста ВВП. В настоящее время, например, компания ОАО «РЖД», уделяет особое внимание развитию партнерских отношений с субъектами малого и среднего предпринимательства, таким образом, повышая конкурентоспособность России [4, с. 134] и уровень развития в транспортной и логистической сфере [5, с. 124]. Особый сектор экономики и потенциал предпринимательской деятельности – это туризм. В настоящее время разрабатываются стратегии территориальных туристических кластеров, поэтому развитие в регионах оздоровительно-рекреационного туризма, делового, научного и событийного в рамках предпринимательской деятельности весьма актуальное направление [6, с.96]. А это значит, появятся новые рабочие места и возможность развития малого и среднего бизнеса.

Литература

1. Хекало О.Ю., Осипкова С.. Проблемы и перспективы развития малого и среднего бизнеса в России // В сборнике: Проблемы развития предприятий: теория и практика Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2019. С.237-241.
2. Показатели предпринимательской активности предприятий по видам экономической деятельности [электронный источник] Федеральная государственная служба статистики http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/busn-dem3.htm
3. Гринюк К.П., Пилипенко Е.В., Соколова Н.А. Перспективы развития малого предпринимательства в условиях смены технологических укладов и формирования экономики знаний // Экономика и предпринимательство. 2015г. Электронный ресурс: <http://naukarus.com/perspektivy-razvitiya-malogo-predprinimatelstva-v-usloviyah-smeny-tehnologicheskikh-ukladov-i-formirovaniya-ekonomiki-znan>.
4. Крылова И.В. Пилько А.М., Хекало О.Ю. Влияние международных санкций на эффективность работы железных дорог и стратегическое партнерство // Мы продолжаем традиции российской статистики Материалы I Открытого российского статистического конгресса. 2015. С. 134-135.
5. Алиева К.У., Хекало О.Ю. Статистика инноваций в логистике и конкурентоспособность в России // Мы продолжаем традиции российской статистики Материалы I Открытого российского статистического конгресса. 2015. С. 124- 125.
6. Хекало О.Ю., Кривошеина Ю.В. Развитие туристического бизнеса в России // Экономика и управление в XXI веке: стратегии устойчивого развития сборник статей победителей II Международной научно-практической конференции. 2017. С. 94-96. 5. Хекало О.Ю., Попов С.Е. Тенденции в развитии российской национальной платежной системы // Экономика и управление в XXI веке: стратегии устойчивого развития сборник статей победителей III Международной научно-практической конференции. 2017. С. 20-23. 241

References

1. Alieva K. U., Hekalo O. Y. Statistics of innovations in logistics and competitiveness in Russia // We continue the tradition of Russian statistics Materials of the I Open Russian statistical Congress. 2015. P. 124 - 125.
2. Krylova I. V. Pilko, A. M., Hekalo O. Y. the Impact of international sanctions on the efficiency of the Railways and strategic partnership // We continue the traditions of Russian statistics proceedings of the first Open Russian statistical Congress. 2015. P. 134-135.
3. Indicators of enterprise entrepreneurial activity
4. by type of economic activity [electronic source] Federal state statistics service http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/busn-dem3.htm
5. Indicators of enterprise entrepreneurial activity

6. on subjects of the Russian Federation of death [electronic source] Federal state statistics service http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/busn-dem4.htm
7. Entrepreneurial activity by sector [electronic source] Consultant plus <http://www.consultant.ru/>.
8. Surikova E. A., Rasterising I. N./New view /international scientific Bulletin (Bulletin of the Association of Orthodox scientists). 2014. No. 4. P. 231.
9. Federal state statistics service <http://www.gks.ru>
10. Hekalo O. Y., Krivosheina Yu. V. Development of tourism business in Russia // Economics and management in the XXI century: sustainable development strategies collection of articles by the winners of the II International scientific and practical conference. 2017. P. 94-96. 5. Khekalov O. Yu., Popov S. E. Trends in the development of the Russian national payment system // Economics and management in the XXI century: sustainable development strategies collection of articles by the winners of the III International scientific and practical conference. 2017. Pp. 20-23. Two hundred forty one
11. Hekalo O. Y., S. Osipkov. Problems and prospects of development of small and medium business in Russia // In the collection: Problems of development of enterprises: theory and practice Collection of articles YI International scientific-practical conference. Penza, 2019. P. 237-241.

ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ФИНЛЯНДИИ

Ларченко Ольга Викторовна

*ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск, Россия
larchenko@petrsu.ru*

Аннотация: Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Финляндии является одним из важных направлений международных отношений. В статье рассматривается современное состояние приграничных муниципальных образований Республики Карелия и приграничных городов Финляндии. Проведен сравнительный анализ демографической ситуации в городах Костомукша, Лахденпохья, Питкяранта, Сортавала, Вяртсиля, Кухмо (Кайнуу – Kainuu), Йоэнсуу (Северная Карелия – Pohjois Karjala), Тохмаярви (Северная Карелия – Pohjois Karjala), Лиекса (Северная Карелия – Pohjois Karjala), Париккала (Южная Карелия). Указаны общие проблемы приграничных территорий: уменьшение численности населения; снижение уровня рождаемости, высокий уровень безработицы.

Ключевые слова: приграничные муниципальные образования, безработица, ВРП на душу населения, качество жизни населения, среднемесячная заработная плата.

IDENTIFICATION OF FEATURES OF DEVELOPMENT OF BORDER MUNICIPALITIES OF THE REPUBLIC OF KARELIA AND ADJACENT TERRITORIES OF FINLAND

Larchenko, Olga

*Petrozavodsk state University, Petrozavodsk, Russia
larchenko@petrsu.ru*

Abstract: Cross-border cooperation between the Russian Federation and Finland is one of the important areas of international relations. The article discusses the current state of the border municipalities of the Republic of Karelia and the border cities of Finland. A comparative analysis of the demographic situation in the cities of Kostomuksha, Lakhdenpokhya, Pitkäranta, Sortavala, Vyartsilya, Kuhmo (Kainuu), Joensuu (North Karelia), Tohmajarvi (North Karelia), and Parikkala (South Karelia). The general problems of the border areas are indicated: population decline; reduced birth rates, high unemployment.

Keywords: border municipalities, unemployment, GRP per capita, quality of life of the population, average monthly wages.

Приграничное сотрудничество имеет важное значение для укрепления доверия и взаимопонимания между Республикой Карелия и Финляндией. Протяженность границы между Финляндией и Республикой Карелия составляет около 700 км. На этом участке границы действуют три международных пункта пропуска: Вяртсиля – Ниирала, Люття – Вартиус, Суоперя – Куусамо. Активное развитие приграничного сотрудничества затрагивает многие важные сферы: экономику, социальную сферу, культуру, образование, спорт, туризм. Между карельскими и финскими приграничными городами установлены побратимские связи. Так, в мае 2018 года подписано соглашение о приграничном сотрудничестве между Костомукшским городским округом и городом Каяни на 5 лет, а также меморандум о содействии. В январе 2019 года представители администрации г. Костомукша приняли участие в консультационно-методическом семинаре Программы приграничного сотрудничества “ENI Karelia”, который прошел в г. Йоэнсуу. Администрация г. Костомукша является партнером в 7 заявках из 32, прошедших конкурсный отбор.

В настоящей статье остановимся на выявлении особенностей функционирования городов Республики Карелия, являющихся приграничными муниципальными образованиями (Костомукша, Лахденпохья, Питкяранта, Сортавала, Вяртсиля), и приграничных городов Финляндии (Кухмо (Кайнуу – Kainuu), Йозенсуу (Северная Карелия – Pohjois Karjala), Тохмаярви (Северная Карелия – Pohjois Karjala), Лиекса (Северная Карелия – Pohjois Karjala), Париккала (Южная Карелия).

В Республике Карелия с 2013 г. наблюдается сокращение численности населения на 2 %, в приграничных муниципальных образованиях – на 1,5 %, (рисунок 1), кроме г. Костомукша, где наблюдается естественный прирост.

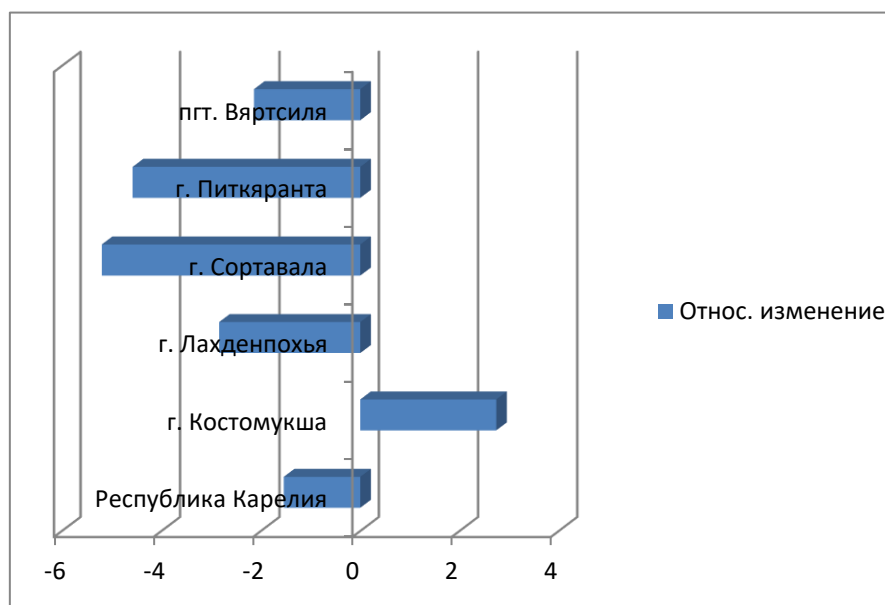

Рисунок 1. Изменение численности населения в приграничных муниципальных образованиях Республики Карелия за период с 2013 по 2016 годы, %

Одним из актуальных вопросов является проблема трудоустройства населения. В большинстве случаев молодежь остается незанятой, да и более взрослое население также испытывает трудности с поиском работы. Показатели занятости населения в городах Республики Карелия представлены в таблице 1. Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что на протяжении всего анализируемого периода численность безработных как по Республике Карелия, так и в разрезе некоторых городов менялась скачкообразно: четкая тенденция увеличения или сокращения не прослеживалась. Однако, можно сказать, что с 2015 по 2016 год численность безработных увеличивалась во многих городах Карелии, а к 2018 году их количество пошло на спад.

В анализируемых городах уровень регистрируемой безработицы варьировался в пределах 1,19 – 1,45 %. В последнее время все чаще происходит высвобождение рабочей силы в организациях, с одной стороны, ввиду частичной автоматизации процесса производства, а с другой стороны, в связи с проблемами на самом предприятии, которые вынуждают работодателей сокращать штат сотрудников.

Анализ рынка труда (таблица 2) показывает, что доля населения в трудоспособном возрасте снижается, а доля лиц старше трудоспособного возраста растет. Данная тенденция свидетельствует об ухудшении качества рабочей силы на официальном рынке труда. Население в возрасте 15-29 лет сократилось на 2,8%. Особенностью использования лиц старше трудоспособного возраста в Республике Карелия являются более ранний по сравнению с Российской Федерацией выход на пенсию, дефицит кадров трудоспособного возраста в сельской местности и малых городах.

В таблице 3 представлена информация о численности населения в некоторых приграничных городах Финляндии. С 2015 года произошло сокращение численности населения на 5500 человек, что больше, чем в приграничных муниципальных образованиях Республики Карелия.

Таблица 1

Численность безработных в приграничных муниципальных образованиях Республики Карелия, чел. (на 1 января)¹

	2014	2015	2016	2017
Республика Карелия	7000	6600	7800	7100
в том числе:				
г. Костомукша	228	232	256	202
г. Лахденпохья	54	44	51	48
г. Питкяранта	97	54	62	74
пгт. Вярсиля	29	18	18	23

Таблица 2

Структура численности населения в приграничных муниципальных образованиях Республики Карелия, чел. (на 1 января)²

	2015		2016		2017	
	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста
Республика Карелия	361809	160663	353360	163768	346150	166804
в том числе:						
Костомукша	18383	6066	17898	6537	17451	6929
Лахденпохья	4152	1979	4047	2057	3931	2102
Питкяранта	5802	3153	5672	3211	5492	3242
Сортавала	11092	5365	10840	5427	10681	5495
Вярсиля	1752	679	1733	719	1727	729

Таблица 3

Население Финляндии в приграничных муниципальных образованиях с Республикой Карелией, человек³

Провинции и города Финляндии	2015	2016	2017	Абс. изменение	Относ. изменение, с 2015 г. %
Кайнуу - всего	73195	72576	71694	-1501	-2,1
Kuhmo	8616	8459	8306	-310	-3,6
Северная Карелия - всего	158992	157993	156800	-2192	-1,4
Joensuu	72285	72346	72390	+105	+0,1
Tohmajärvi	4492	4422	4342	-150	-3,3
Lieksa	11312	11123	10897	-415	-3,7
Южная Карелия - всего	123949	122947	122134	-1815	-1,5
Parikkala	5133	5025	4871	-262	-5,1

¹База данных показателей муниципальных образований – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst86/DBInet.cgi> – Яз. рус.

²База данных показателей муниципальных образований – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst86/DBInet.cgi> – Яз. рус.

³finland statistics database https://www.stat.fi/tup/tilastotietokannat/index_en.html

По данным таблицы 4 видно, что во всех исследуемых городах наблюдается тенденция к уменьшению численности населения в трудоспособном возрасте и увеличению численности старше трудоспособного возраста от 20,3 до 36,4%. В городах Kuhmo, Tohmajärvi, Lieksa, Parikkala также происходит уменьшение численности населения. В анализируемых провинциях высокий уровень безработицы – от 9% в Южной Карелии до 12,4% в Кайнуу.

Таблица 4

Структура численности населения в приграничных муниципальных образованиях Финляндии, % (на 1 января)¹

	2015			2016			2017		
	моложе трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста	моложе трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста	моложе трудоспособного возраста	в трудоспособном возрасте	старше трудоспособного возраста
Joensuu	14,4	66,4	19,2	14,4	65,9	19,8	14,3	65,4	20,3
Kuhmo	12,3	58,1	29,6	12,0	57,0	30,9	11,9	55,9	32,3
Lieksa	11,4	57,7	30,9	10,9	56,7	32,4	10,6	56,0	33,4
Parikkala	10,0	55,8	34,2	10,0	54,6	35,4	10,1	53,4	36,4

Обобщающим показателем уровня социально-экономического развития является валовый региональный продукт на душу населения Республики Карелия и финских приграничных регионов, представленный в таблице 5.

Таблица 5

Динамика ВРП на душу населения Республики Карелия и финских приграничных регионов по ППС [4]

	2012	2013	2014	2015	2016
Республика Карелия	43%	41%	40%	40%	37%
Финляндия	100%	100%	100%	100%	100%
Северная Карелия	76%	77%	79%	76%	нет св.
Кайнуу	73%	69%	72%	70%	нет св.
Северная Остроботния	86%	88%	84%	80%	нет св.

По этому индикатору Республика Карелия отстает от финских приграничных регионов. Замедление темпов роста ВРП Республики Карелия после 2014 года показывает влияние различных факторов, среди которых основными являются системные ограничения национальной и региональной экономики [4].

Также Республика Карелия отстает от финских регионов и по качеству жизни населения. Для оценки качества жизни в муниципальных образованиях можно использовать такой показатель как среднемесячная заработная плата (таблица 6).

Среднемесячная начисленная заработная плата в Республике Карелия и приграничных районах с 2013 года растет, но не значительно. В финских приграничных провинциях Южная Карелия, Северная Карелия, Кайнуу медианная среднемесячная заработная плата составляет от 2761 до 2934 евро. В 2015 году по сравнению с 2014 годом произошло незначительное

¹ finland statistics database https://www.stat.fi/tup/tilastotietokannat/index_en.html

снижение средней заработной платы. В муниципальных образованиях Республики Карелия по сравнению с финскими провинциями заработная плата ниже более чем в 2 раза.

Таблица 6

Среднемесячная начисленная заработная плата по некоторым районам Республики Карелия, руб.¹

	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Карелия, всего	30896,9	32683	34044,9	36410,3	38783,8
Лахденпохский район	22695,7	24258,3	24606,9	25778,8	28583,3
Питкярантский район	25241,3	26638,8	29963,7	30603,3	33165,4
Сортавальский район	25849,1	27466	28211,1	31411,2	32395,5
Костомукшский район	44762,9	46300,7	47501,1	50660,9	53769,7

Таким образом, по итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы: наблюдается уменьшение численности населения в приграничных образованиях по обе стороны границы, снижение уровня рождаемости, отток мигрантов трудоспособного возраста, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи;

структура экономики в целом схожа, т.к. большая часть – сфера услуг, есть промышленность; доля занятого населения в сфере услуг увеличивается, в то же время в промышленности уменьшается;

имеется потенциал приграничного сотрудничества в определенных секторах (лесная промышленность, туризм, пищевая промышленность, сектор ИКТ).

Литература

1. Министерство экономического развития и промышленности Республики Карелия [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития и промышленности Республики Карелия. – Электрон. дан. – [Петрозаводск], cop. 2017. – URL: <http://economy.karelia.ru/>. – Яз. рус.
2. Республика Карелия в цифрах 2016: краткий статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. – Петрозаводск, 2016. – 60 с.
3. Карелия официальная: Официальный интернет-портал Республики Карелия [Электронный ресурс] / Администрация Главы Республики Карелия. – Электрон. дан. – [Петрозаводск], cop. 2017. – URL : http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2017/09/0905_14.html, свободный. – Яз. рус.
4. Шлямин В.А. Еврорегион «Карелия» 1998-2018 гг.: размышления о приграничном сотрудничестве / Международная экономика, № 10, 2018

References

1. Ministry of Economic Development and Industry of the Republic of Karelia [Electronic resource] / Ministry of Economic Development and Industry of the Republic of Karelia. - Electron. Dan. - [Petrozavodsk], cop. 2017. - URL: <http://economy.karelia.ru/>. - Yaz. rus
2. The Republic of Karelia in figures 2016: a short statistical compendium / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Karelia. - Petrozavodsk, 2016. - 60 p.
3. Official Karelia: Official Internet portal of the Republic of Karelia [Electronic resource] / Administration of the Head of the Republic of Karelia. - Electron. Dan. - [Petrozavodsk], cop. 2017. - URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2017/09/0905_14.html, free. - Yaz. rus
3. Shlyamin V.A. Euregio Karelia 1998-2018: Reflections on Cross-Border Cooperation / International Economics, № 10, 2018

¹ Карелиястат [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – [Петрозаводск], cop. 2017. – URL : <http://krl.gks.ru> свободный. – Яз. рус.

ВОСТОК И ЗАПАД ЕВРОПЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Махновский Дмитрий Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Санкт-Петербург, Россия
dmahnovskiy-62@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические особенности социально-экономического развития, межрегионального взаимодействия востока и запада Европы, представляющих эти регионы интеграционных группировок. С использованием современного статистического материала делаются некоторые выводы и обобщения.

Ключевые слова. Регион, Европа, межрегиональное взаимодействие, ВВП, численность населения.

EAST AND WEST OF EUROPE: SOME RESULTS OF REGIONAL DEVELOPMENT AND COOPERATION

Makhnovsky, Dmitry

St.Petersburg State University of Economics and Finance, St.Petersburg, Russia
dmahnovskiy-62@mail.ru

Abstract. The article deals with the historical features of socio-economic development, interregional cooperation of the East and West of Europe, representing these regions of integration groups. Some conclusions and generalizations are made using modern statistical material.

Key words. Region, Europe, interregional cooperation, GDP, population.

Межгосударственное, межрегиональное взаимодействия соседних стран и межгосударственных группировок относятся к разряду эффективных и действенных инструментов построения «открытой», ориентированной на участие в разрешении проблем, как регионального характера, так и мировых, системы международных отношений. Развитие подобного рода взаимодействий в экономической сфере позволяет странам, а в последние десятилетия - во все большей степени и отдельным их регионам, быстрее и эффективнее встраиваться в динамичную систему международного разделения труда, формировать рациональную специализацию своего хозяйства. Развитие международных экономических отношений заметно стимулирует рост конкурентоспособности хозяйства (особенно в отраслях международной специализации), развитие НТП, способствует повышению уровня производительности труда. В современных условиях международная кооперация на различных территориальных уровнях взаимодействия способствует более полному и эффективному освоению мирового рыночного потенциала, перераспределению факторов производства. Международное экономическое взаимодействие в условиях современного этапа глобализации - обязательный элемент систем государственного и регионального управления, развития бизнес-сообщества.

История и современная практика развития мировой экономики дает весьма убедительные примеры необходимости международного сотрудничества. Даже крупные, на первый взгляд, самодостаточные экономические системы не могут без серьезного ущерба для собственного развития проводить в долгосрочной перспективе автаркическую политику. Для малых стран внешняя «доминанта» в экономике в последние десятилетия становится

обычным явлением. Все больше государств декларирует объемы своего международного товарооборота на уровнях, заметно превышающих объемы собственного производства ВВП. Внутри региональных экономических группировок, а также на межрегиональных рынках отдельных стран могут складываться особые условия и нормы межрегионального взаимодействия, зачастую заметно отличающиеся от «идеальных», характерных для «либеральной» модели мирового рынка. Однако даже в условиях, далеких от оптимальных для указанной модели, во второй половине XX в. формировались системы весьма глубокого и по своему рационального территориального разделения труда с высокой степенью взаимозависимости всех участников. Так, в ходе научных разработок «перестроечного» периода в СССР была выявлена, очень высокая степень взаимозависимости экономик даже наиболее крупных союзных республик. По состоянию на 1987 г. самообеспеченность собственными ресурсами составляла для РСФСР - 64,6, Украины – 14,8, Казахстана – 27,1, Белоруссии - лишь 3,8% [1, С.21].

Международные, межрегиональные экономические отношения испытывают большое влияние со стороны сферы политических отношений. Очень рельефно это влияние проявляется в Европе - регионе с высокой степенью насыщенности и динамичностью различных «моделей», форм организации подобного рода отношений. Диапазон характера регулирования здесь в последние полстолетия варьировался от жесткого монопольного государственного контроля до многочисленных специальных экономических зон в странах развитого капитализма с минимальным контролем за трансграничными операциями. Особенности внешних связей во многом задавались политическими установками. Разница в развитии международной, межрегиональной, трансграничной торговли на востоке и западе Европы была разительной и прослеживалась в течение всего периода сосуществования двух социальных систем. Два основных интеграционных проекта в этом регионе развивались практически одновременно под влиянием в основном конкурентных отношений, но с постепенно укреплявшимся в экономической сфере стремлением к сотрудничеству. При этом в пределах запада Европы преобладали экономические мотивы развития международного сотрудничества, на Востоке доминировали политические и идеологические соображения.

Приграничное сотрудничество до 1970-х гг. в основном ограничивалось побратимскими связями между регионами и городами с зарубежными странами. И только в последующем появляется основная форма сотрудничества - приграничная торговля по линии сотрудничества с Польшей, Чехословакией, Венгрией и Румынией, которая впрочем по объему не превышала 1% внешнеэкономических связей СССР с соответствующими сопредельными государствами и в целом не выпадала из общего режима регулирования внешнеэкономической деятельности [3, С.14-16].

В дальнейшем пути интеграции стран центрально- и восточноевропейского пространств расходятся. Центральная Европа все больше ориентируется на присоединение к Евросоюзу. Восточная, пока, смогла консолидироваться в относительно узких рамках ЕАЭС. Сохраняются различия и в подходах к приграничному сотрудничеству. Центральноевропейские государства все больше ориентируются на использование в отношениях с соседями такой «западной», достаточно глубокой формы взаимодействия, как еврорегионы, в то время как на востоке для полноценного развития сотрудничества благоприятных условий не сложилось. В последнем случае не решенной оказалась важнейшая задача - комплексной координации хозяйственного развития. Негативные последствия в последние годы имеет также санкционное противостояние.

Нынешний этап развития этой группы государств - поиск путей достижения прежде всего индивидуального успеха в мировой экономике. По мере появления опыта появится возможность его обобщения, перехода к более сбалансированному взаимовыгодному межгосударственному сотрудничеству. Для контроля за ходом этого процесса необходим постоянный мониторинг социально-экономического положения всех заинтересованных стран и регионов с целью фиксации реальных достижений и проблем, оценки эффективности

управленческих решений. Расширение исследований в области ретроспективных международных сопоставлений, накопление статистической базы позволяют провести сравнительный анализ развития интеграционных межгосударственных и региональных группировок [2, С.84-89].

В качестве основных объектов статистического исследования в данной работе приняты крупные межгосударственные экономические интеграционные группировки (блоки), сформировавшиеся после Второй мировой войны в Европе, с выделением зон традиционного межблокового взаимодействия. В условиях динамичного изменения в расстановке экономических и политических сил в рассматриваемый период географически наиболее устойчивыми зонами с высокой интенсивностью межрегионального взаимодействия можно рассматривать Финляндию и смежные с ней регионы России - Ленинградскую область и Карелию. Временной интервал исследования по доступности статистической информации и оценок ограничен полувековым периодом с 1966 по 2017 г.

Для работы выбраны два основных показателя развития, которые могут быть рассчитаны на базе имеющихся официальных статистических данных, – объем производства валового внутреннего продукта по паритетам покупательной способности - ВВП (ППС) и численность населения. Источниками информации служили ресурсные базы и разработки Всемирного банка, Гронингенского университета (Нидерланды), Госкомстата РФ и другие. Данные ретроспективного анализа за период 1966-1990 гг. приводятся с учетом необходимых авторских корректировок [5]. В качестве базы сравнения выбрана группа наиболее развитых государств (ядро) Евросоюза, сформировавшаяся к середине 1990-х годов. Ниже, в таблице 1 приводятся сводные данные по относительной (по сравнению с ЕС-15) численности населения группировок.

Таблица 1

Численность населения экономических социально-экономических и политических группировок и регионов Европы

Показатель	Относительная численность населения, % (ЕС-15* = 100%)						
	1966 г.	1974 г.	1984 г.	1994 г.	2004 г.	2013 г.	2017 г.
ЕС-15, млн чел.	316,6	332,4	342,8	372,0	386,3	401,3	407,8
ЕС-15	100	100	100	100	100	100	100
Финляндия	1,45	1,41	1,42	1,37	1,35	1,36	1,35
ЕС-13**	30,7	31,0	32,1	29,9	27,9	26,2	25,6
СЭВ/ЕАЭС***	105,1	107,1	112,3	49,0	45,8	44,5	45,0
СССР/СНГ****	73,3	75,4	79,8	76,0	71,8	70,9	71,2
Россия/РСФСР**** **	40,3	40,1	41,6	39,9	37,3	35,8	36,0
Ленинградская обл.	0,43	0,44	0,47	0,45	0,43	0,44	0,44
Карелия	0,22	0,22	0,23	0,21	0,18	0,16	0,15

*) состав ЕС-15: без учета ГДР - данные за 1966-1984 гг., в формате «новой» Германии - данные за 1994-2017 гг.

**) ЕС-13 - состав приведен по состоянию на 2013 г.

***) состав СЭВ – только европейские участники (7 стран) по состоянию на 1984 г. (данные за 1966-1984 гг.); ЕАЭС – 5 стран по состоянию на конец 2017 г. (данные за 1994-2017 гг.)

****) по СССР - данные за 1966-1984 гг., по СНГ в формате 12 стран - за 1994-2017 гг.

*****) данные по России, РСФСР и ЕАЭС приведены в границах соответствующих лет, за 2017 г. - с учетом Крыма и Севастополя

Здесь и далее: ЕС - Европейский союз (с 1993 г.), СЭВ - Совет экономической взаимопомощи (1949-1991 гг.), ЕАЭС - Евразийский экономический союз (с 2015 г.)

Рассчитано по [4, 5, 6].

Анализ данных таблицы 1 позволяет сделать вывод, что по росту численности населения страны СЭВ в 1966-84 гг. в период относительно устойчивого развития в целом немного превосходили регион ЕС-15. Положение изменилось после распада социалистического содружества. В 1994-2017 гг. относительная численность населения пришедшей ему на смену (в какой-то степени) ЕАЭС стала заметно снижаться – с 49 до 44% (без учета «крымского» приращения России в 2014 г.) от уровня ЕС-15. Столь же интенсивным было сокращение относительной численности населения ЕС-13, представленной в основном бывшими социалистическими странами (с 30 до 26%). Значительную роль в этом «истощении» демографического потенциала играла эмиграция в государства ЕС-15. Что касается зоны традиционного взаимодействия Востока и Запада, то динамики численности населения Финляндии и Ленинградской области показывают высокую степень синхронности. В целом они сохраняют свои позиции на фоне ЕС-15 (за исключением острого кризисного периода первой половины 1990-х гг.). Однако в Ленинградской области это равновесие с 1990-х гг. поддерживается массированным миграционным притоком населения из других регионов РФ. Пример отсутствия такого рода «подпитки» с резким падением (как относительным, так и абсолютным) численности дает соседняя Карелия.

Несколько иная динамика развития имела место в экономике. В таблице 2 приводятся сводные данные по относительным (по сравнению с ЕС-15) объемам производства ВВП.

Таблица 2

Относительные уровни производства ВВП (по ППС) социально-экономических и политических группировок и регионов Европы*

Показатель**	Относительный объем производства ВВП (по ППС), % (ЕС-15 = 100%)						
	1966 г.	1974 г.	1984 г.	1994 г.	2004 г.	2013 г.	2017 г.
ЕС-15, млрд USD	3705,1	5456,2	6421,5	11149,4	14132,2	15103,5	16353,6
ЕС-15	100	100	100	100	100	100	100
Финляндия	0,97	0,98	1,07	1,21	1,41	1,42	1,38
ЕС-13	25,2	24,1	24,7	11,8	13,2	15,9	17,0
СЭВ/ЕАЭС	89,5	85,7	89,0	20,0	21,1	28,3	26,5
СССР/СНГ	61,8	59,8	62,5	23,8	24,8	33,8	31,7
Россия (РСФСР)	42,4	43,3	45,2	18,0	18,6	24,3	22,8
Ленинградская обл.	-	-	-	0,17	0,22	0,31	0,29
Карелия	-	-	-	0,12	0,07	0,08	0,08

*) см. примечания к табл.1

**) данные за 1966-1984 гг. рассчитаны по ППС в постоянных ценах 2011 г.; данные за 1994-2017 гг. рассчитаны по ППС в текущих ценах

Рассчитано по [4, 5, 6].

Период существования СЭВ (1966-84 гг.) характеризовался в целом незначительным относительным снижением масштаба экономического потенциала по сравнению с ЕС-15 (с 90 до 89%). Однако пути разрешения накапливавшихся проблем в формате существовавшей системы не были найдены. В 1994-2017 гг. напротив (уже в формате ЕАЭС) после обвального спада начала 1990-х гг. объем производства ВВП на фоне увеличения цен на сырьевые товары показывал в «досанкционный» период довольно высокие темпы роста (даже с учетом кризиса 2008-09 гг.). Относительно ЕС-15 он увеличился к 2017 г. с 20 до 27%. Вместе с тем в последние годы довольно ясно обозначился «потолок» развития по сравнению с ЕС-15 в современных условиях, который для СНГ и РФ составляет примерно 1/2 от уровня достигнутого ими при социализме. Несколько благоприятнее шло развитие бывших социалистических стран в рамках ЕС-13, которым удалось «отыграть» примерно

40% падения своего удельного веса конца 1980-х - первой половины 1990-х гг., что обеспечило им рост объемов экономики относительно ЕС-15 с 12 до 17%.

Изменение соотношения сил между двумя ведущими европейскими группировками Запада и Востока не могло не отразиться на социально-экономическом положении их приграничных регионов. Финляндия на протяжении практически всего периода демонстрировала способность использовать преимущества сотрудничества с Востоком Европы. Это позволило ей последовательно добиваться успехов в укреплении своего положения в ЕС-15 как до 1990 г. так и после середины 1990-х гг. (исключение - острый кризисный период развития Востока). Сохранялась высокая степень синхронности развития экономики страны с процессами, идущими у восточного соседа. В смежных российских регионах наблюдались противоречивые тенденции ускоренного (до 2014 г.) развития Ленинградской области и стабилизации на весьма низком уровне экономики Карелии.

Литература

1. Гранберг А., Суслов В. Межреспубликанские экономические отношения накануне распада СССР / «Региональное развитие и сотрудничество». 1997, № 10. С. 21.
2. Махновский Д.Е. Развитие приграничных регионов в условиях блокового противостояния в Европе и в последующий период // «Холодная война» и современность. Материалы международной научной конференции 24 марта 2016 г. - СПб.: РГГМУ. – 2016. - С. 84-89.
3. Проблемы развития приграничных экономических отношений СССР с европейскими странами - членами СЭВ. - Киев: ИСЭПЗС АН УССР. - 1989. - С. 14-16.
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный ресурс]. Режим доступа:
5. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/regional_statistics/
6. University of Groningen / Groningen Growth and Development Centre. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rug.nl/research/ggdc/>
7. World Bank: Data base. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/data/>

References

1. Granberg A., Suslov V. Mezhrespublikanskije ekonomicheskie otnosheniya nakanune raspada SSSR / «Regional'noe razvitie i sotrudnichestvo». 1997, № 10. S. 21.
2. Mahnovskij D.E. Razvitie prigranichnyh regionov v usloviyah blokovogo protivostoyaniya v Evrope i v posleduyushchij period // «Holodnaya vojna» i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 24 marta 2016 g. - SPb.: RGGMU. – 2016. - S. 84-89.
3. Problemy razvitiya prigranichnyh ekonomicheskij otnoshenij SSSR s evropejskimi stranami - chlenami SEV. - Kiev: ISEPZS AN USSR. - 1989. - S. 14-16.
4. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa:
5. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/regional_statistics/
6. University of Groningen / Groningen Growth and Development Centre. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rug.nl/research/ggdc/>
7. World Bank: Data base. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://databank.worldbank.org/data/>

ПРИНЦИПЫ СТРАХОВАНИЯ И ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Молчанова Екатерина Владимировна

Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия
molch@yandex.ru

Панченко Анастасия Сергеевна

Институт экономики КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия
PanchenkoAnS@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является сравнительный анализ основных принципов страхования и охраны здоровья населения в России и Финляндии как ведущего направления социально-экономической политики государства. Для достижения поставленной цели выполнена оценка эффективности функционирования национальных систем здравоохранения с помощью методики проекта Глобальное бремя болезней (ГББ) и индикатора «потерянные годы здоровой жизни» (DALY). Выявлены наиболее перспективные программы в области медико-демографической политики, в том числе социальные инновации в сфере общественного здоровья.

Ключевые слова: демография, здоровье, система здравоохранения, потерянные годы здоровой жизни, Россия, Финляндия

THE PRINCIPLES OF INSURANCE AND HEALTH PROTECTION IN RUSSIA AND FINLAND

Molchanova, Ekaterina

Institute of Economics KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia
molch@yandex.ru

Panchenko, Anastasia

Institute of Economics KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia
PanchenkoAnS@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is the comparative analysis of the basic principles of insurance and public health care in Russia and Finland as leading direction of social and economic policy of the state. For achievement of a goal assessment of efficiency of functioning of national health care systems by means of a project technique the Global Burden of Diseases (GBD) and the indicator "disability adjusted life years" (DALY) is executed. The most perspective programs in the field of medico-population policy, including social innovations in the sphere of public health are revealed.

Keywords: demography, health, a health care system, disability adjusted life years, Russia, Finland

Сохранение и укрепление здоровья граждан является приоритетной задачей любого государства, которая подразумевает создание эффективной системы оказания медицинской помощи и организации здравоохранения. Согласно ст. 98 Федерального закона № 326-ФЗ органы государственной власти и местного самоуправления, должностные лица организаций несут ответственность за обеспечение реализации гарантий и соблюдение прав и свобод в сфере охраны здоровья, установленных законом Российской Федерации [3]. При этом основная ответственность за сохранение и укрепление здоровья граждан страны ложится на функционирование системы здравоохранения.

В соответствии с определением Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «система здравоохранения» включает все действия, направленные на укрепление, восстановление и поддержание здоровья. Главной целью систем здравоохранения является улучшение здоровья населения [1]. Вместе с тем, принципиально важными являются еще две

цели: достижение справедливости в распределении расходов на здравоохранение и обеспечение уважительного отношения к пациентам при оказании медицинской помощи (отзывчивость системы). Под справедливостью в распределении расходов на здравоохранение понимается необходимость учитывать реальные финансовые возможности граждан нести эти расходы. Понятие отзывчивости, используемое ВОЗ, связано с неклиническими аспектами функционирования системы здравоохранения: обеспечение уважения достоинства человека, сохранение конфиденциальности информации, внимание к пациентам, высокий уровень качества оказания медицинской помощи, свобода выбора учреждений или частных врачей, предоставляющих медицинские услуги. Таким образом, эти три цели: 1) улучшение здоровья населения, 2) достижение справедливости в расходах на здравоохранение, и 3) обеспечение отзывчивости системы на ожидания людей, рассматриваются в качестве универсальных целей для всех национальных систем здравоохранения и основы для их сравнительной оценки [1].

В настоящее время для анализа качества человеческого потенциала, общего состояния здоровья, эффективности функционирования системы здравоохранения, а также факторов, влияющих на уровень смертности и заболеваемости в разных странах мира, активно внедряется методика оценки глобального бремени болезней (ГББ). В ее основе показатель потерянные годы здоровой жизни (DALY – disability adjusted life years). Индекс DALY для заболевания или расстройства здоровья представляет сумму двух величин: $DALY = YLL + YLD$, где YLL (years life lost – годы потерянной жизни) характеризует потери вследствие преждевременной смертности, YLD (years lost due to disability) – годы жизни, потерянные вследствие нарушений здоровья (без учета смертельных исходов) [4, 5]. Координатором исследований выступает Институт по измерению и оценке показателей состояния здоровья (Institute for Health Metrics and Evaluation, IHME) Университета Вашингтона в Сиэтле, США [4].

Методику проекта ГББ можно использовать, как систему бенчмаркинга (процесса непрерывной оценки и сравнения территории с любым из мировых лидеров с целью получения информации, которая поможет этой территории улучшить свои показатели). Бенчмаркинг в национальных системах здравоохранения развивается очень медленно и применяется в основном для оценки положения отдельных медицинских организаций или структурных подразделений. Внедрение данного подхода может быть эффективно использовано в российской практике для снижения потерь от основных причин смертности и заболеваемости. Рассмотрим состояние общественного (популяционного) здоровья в России и Финляндии, используя идеологию и данные проекта ГББ [4]. В таблице 1 представлено изменение абсолютных показателей DALY (на 100 тыс.) для мужчин и женщин с 1990 по 2017 гг. в Финляндии и России.

Таблица 1

Изменение абсолютных показателей DALY (на 100 тыс.) для мужчин и женщин с 1990 по 2017 гг. в России и Финляндии

Год	Пол	Россия	Финляндия	Разница
1990	Мужчины	47026	36386	10640
	Женщины	34619	29641	7978
2017	Мужчины	49484	31241	18243
	Женщины	35282	27000	8282
Разница	Мужчины	2458	-5145	*
	Женщины	663	-2641	*

В России за более чем 25 летний период значение показателя DALY увеличилось, как у мужчин, так и у женщин, причем у мужского населения этот процесс более выражен, в результате разрыв в состоянии здоровья мужской и женской части населения также увеличился. В Финляндии значение индекса DALY, напротив, сокращается, хотя также наблюдается значительная гендерная диспропорция. В таблице 2 представлен показатель

DALY для России и Финляндии за 2017 год для отдельных возрастных групп мужчин и женщин. Отчетливо видно, что разница в показателях DALY между мужчинами и женщинами имеет место во всех возрастных группах, однако в России этот разрыв более значителен. Максимальное различие в обеих странах наблюдается в возрасте 50-69 лет и после 70. Тем не менее, для России характерен также разрыв в возрасте 15-49 лет, то есть в нашей стране мужчины в трудоспособном возрасте умирают и болеют чаще, чем женщины.

Таблица 2

Роль различных возрастных групп в формировании сводного показателя DALY (на 100 тыс.) для мужчин и женщин в России и Финляндии в 2017 году

Возраст	Россия		Финляндия		Соотношение	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Всего	49484	35282	31241	27000	1,58	1,31
До 5 лет	15792	13314	7299	6339	2,16	2,10
5-14 лет	6637	6394	5189	5280	1,28	1,21
15-49 лет	37358	20888	17284	15762	2,16	1,33
50-69 лет	86774	45322	44100	30365	1,97	1,49
От 70 лет	138775	104457	87668	68658	1,58	1,52

Проблемы высокой смертности и заболеваемости во всех возрастных группах остаются для России чрезвычайно актуальными. Индекс DALY позволяет достоверно определить конкретные причины и факторы риска, оказывающие влияние на высокую смертность и заболеваемость, выделив наиболее уязвимые категории населения. Рассмотрим основные причины «потерянных лет здоровой жизни» для всего населения в России и Финляндии в 2017 году. В России первую позицию занимают сердечно-сосудистые заболевания (30,5%), вторую – «внешние причины» (14,6%), третью – онкологические заболевания (11,6%). В Финляндии на первом месте сердечно-сосудистые заболевания (19,03%), втором – онкологические заболевания (15,6%), третьем – «внешние причины» (9,97%). Заметим, что в Финляндии уровень потерь значительно ниже, чем в России по всем группам и классам болезней (таблица 3).

Таблица 3

Роль основных причин в формировании показателя DALY в России и Финляндии для всех возрастных групп в 2017 г. (%)

Причины потерь DALY	Россия			Финляндия		
	Всего	Муж	Жен	Всего	Муж	Жен
Сердечно-сосудистые заболевания	30,5	30,57	30,43	19,03	21,37	16,39
Внешние причины	14,62	18,94	9,36	9,97	11,95	7,74
Злокачественные новообразования	11,65	11,61	11,7	15,59	16,05	15,07

Кроме выявления ведущих причин потерь здоровья для населения России и Финляндии целесообразно рассмотреть факторы риска, которые во многом определяют медико-демографические процессы. На первом месте поведенческие факторы риска, на втором – процессы, связанные с нарушением обмена веществ, на третьем – проблемы экологии и окружающей среды. Из поведенческих факторов риска ведущую роль играют проблемы, связанные с нерациональным питанием, на втором месте – употребление алкоголя и наркотиков, третье место занимает никотиновая зависимость, на четвертом – низкая физическая активность. Воздействие окружающей среды оказывает не столь сильное влияние. Тем не менее, данная проблема актуальна для отдельных территориальных образований в России. В основном она обусловлена выбросами токсических веществ в атмосферу от стационарных и передвижных источников. Среди факторов риска также

значительную роль играют высокое артериальное давление, избыточная масса тела, повышенный уровень холестерина и стрессовые ситуации. Для населения России все эти факторы выражены в большей степени, чем в Финляндии. В связи с чем, возникает вполне закономерный вопрос, какие социально-экономические мероприятия, программы в области демографической политики и общественного здоровья позволили достичь наилучших результатов в Финляндии.

С переходом к рыночной модели экономики в России был взят курс на отмену системы Семашко-Каминского, которая долгое время эффективно функционировала в Советском Союзе. Закон «О медицинском страховании граждан в РСФСР», принятый в 1991 году, был направлен на создание рынка медицинских услуг. В 1994 году была предпринята реформа здравоохранения с целью создания смешанной системы страхования на основе нескольких источников: бюджетных ассигнований для защиты наиболее уязвимых слоев населения, специальных фондов обязательного медицинского страхования, пополнявшихся за счет взносов работодателей и самозанятых работников, средств общественных организаций, личных средств граждан, благотворительных пожертвований, банковских кредитов и других источников. В 1999 году было предложено сохранить некоторые элементы советской системы здравоохранения в виде программы государственных гарантий обеспечения граждан бесплатной медицинской помощью. Программа ставила целью обеспечения доступности основных видов медицинской помощи, сложившихся в период плановой экономики.

С учетом стандартных показателей успешности функционирования систем здравоохранения, определенных ВОЗ, таких как: ожидаемая продолжительность здоровой жизни, справедливость финансирования и отзывчивость системы здравоохранения, Финляндия стабильно находится в двадцатке мировых лидеров. Достижения этой страны в сравнении и с Российской Федерацией, и с другими европейскими государствами, достойно особенного внимания организаторов здравоохранения. Экспертами ВОЗ финская система здравоохранения признается образцом воплощения в практику стратегии «здоровье для всех» на основе принципов первичной медико-санитарной помощи.

Официальной целью финской системы здравоохранения является предотвращение преждевременной смерти, снижение уровня заболеваемости, пропаганда здорового и активного образа жизни. В настоящее время в Финляндии принята трехуровневая система здравоохранения. Первый уровень оказания медицинской помощи – муниципальные центры здоровья составляют основу системы здравоохранения Финляндии. Второй уровень представляют межмуниципальные больницы – это многопрофильные стационары, в которых круглосуточно оказывается высококвалифицированная медицинская помощь, прототип отечественных областных больниц. Высший, третий уровень системы здравоохранения Финляндии принадлежит университетским клиникам. В них самые большие технические возможности и оказывается наиболее высококвалифицированная медицинская помощь в короткие сроки. Таким образом, обеспечивается разграничение лечебной функции – от проведения высокотехнологичной операции до медицинского наблюдения и выхаживания. Такая система как организационно, так и с точки зрения эффективного использования государственных средств, является наиболее оптимальной.

Кроме этого, в Финляндии активно внедряются различные социальные инновации в области общественного здоровья, например, проект по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ, «Северная Карелия») [2]. Исследования неинфекционных заболеваний (НИЗ) установили, что ведущими причинами ССЗ являются факторы риска, относящиеся к образу жизни (курение, высокое артериальное давление, избыточная масса тела). В результате был сделан вывод о том, что реальные изменения в состоянии здоровья населения могут быть получены только с помощью профилактической работы. С момента запуска проекта с 1970-х гг. показатель смертности от ССЗ снизился в этом регионе на 85%. А поскольку та же политика стала распространяться на всю страну, существенное снижение аналогичного индикатора наблюдается и в остальных регионах Финляндии.

Таким образом, для анализа состояния общественного здоровья населения и оценки функционирования системы здравоохранения в России необходимо использовать методы статистики и моделирования. Методика ГББ дает возможность сопоставления основных индикаторов состояния здоровья в России и различных странах мира. Такой подход позволяет получить численные оценки (критерии) влияния факторов риска на заболеваемость и смертность, а также оценить степень воздействия состояния здоровья на демографические процессы. Результаты расчетов можно использовать для прогнозирования ситуации, а также при разработке конкретных мер и рекомендаций по выходу из демографического кризиса, для формирования новых моделей в системах охраны общественного здоровья.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №18-010-00029_а «Возможность внедрения бенчмаркинга при разработке медико-демографической политики».

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.who.int> (дата обращения 15.03.2018).
2. Сто социальных инноваций Финляндии. – СПб.: Ladoga printing company, 2015.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения 15.03.2018).
4. Institute for Health Metrics and Evaluation. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.healthdata.org/results/datavisualizations> (дата обращения: 15.03.2018).
5. Murray CJL, Lopez AD. The Global Burden of Disease: a comprehensive assessment of mortality and disability from diseases, injuries, and risk factors in 1990 and projected to 2020. Cambridge MA: Harvard University Press on behalf of the World Health Organization and The World Bank, 1996.

References

1. World Health Organization (WHO). [The electronic resource] – URL: <http://www.who.int> (accessed 15.03.2018).
2. Hundred social innovations of Finland. – SPb.: Ladoga printing company, 2015.
3. Federal law of the Russian Federation of November 21, 2011 No. 323-FZ "About bases of protection of public health in the Russian Federation". [The electronic resource] – URL: <http://www.garant.ru> (accessed 15.03.2018).
4. Institute for Health Metrics and Evaluation. [The electronic resource] – URL: <http://www.healthdata.org/results/datavisualizations> (accessed 15.03.2018).
5. Murray CJL, Lopez AD. The Global Burden of Disease: a comprehensive assessment of mortality and disability from diseases, injuries, and risk factors in 1990 and projected to 2020. Cambridge MA: Harvard University Press on behalf of the World Health Organization and The World Bank, 1996.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В АСПЕКТЕ ФАКТОРА ПРИГРАНИЧНОСТИ¹

Морошкина Марина Валерьевна
Институт экономики КарНЦ РАН,

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
maribel74@mail.ru

Мурашкина Лидия Викторовна

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
l.v.murashkina@mail.ru.

Аннотация: Социальное предпринимательство в приграничных территориях имеет более широкие возможности развития. Рассмотрены проблемы развития социального предпринимательства в целом, и в северных регионах в частности. Выделены ключевые особенности развития социальных предпринимательств в северных регионах.

Ключевые слова: приграничные регионы, пространственная неоднородность, социальное предпринимательство.

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE ASPECT OF THE FRONTIER FACTOR

Moroshkina, Marina

Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
maribel74@mail.ru

Murashkina, Lydia

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
l.v.murashkina@mail.ru.

Abstract Social entrepreneurship in the border areas has wider development opportunities. Determining the level of development of social entrepreneurship in the border regions will determine the impact of cross-border cooperation

Key words: border regions, spatial heterogeneity, social entrepreneurship.

Введение. Одним из приоритетных направлений обеспечения развития экономики страны является рост предпринимательской активности на всей ее территории, в особенности это касается приграничных северных регионов страны. Это может объясняться тем, что северные регионы имеют свои особенности, такие как низкая продолжительность жизни населения и устойчивый отток населения из регионов севера. Важная роль в этом принадлежит предпринимательской деятельности, которая является неотъемлемой частью социально-экономического развития территории.

Значимость развития социального предпринимательства именно в северных регионах заключается в том, что оно может взять на себя роль государства в решении острых

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания по теме АААА-А19-119010990087-1 «Выявление синергетических закономерностей региональных социо-эколого-экономических систем и моделирование динамических процессов устойчивого развития в многокомпонентных системах различной природы».

социальных вопросов. При этом социальные предприниматели могут решать социальные проблемы лучше государства, применяя инновационные подходы к решению многих проблем и обладая методиками эффективного использования ограниченных ресурсов.

Социальное предпринимательство в нашей стране изучается сравнительно недавно и по данной тематике не существует большого количества теоретического обоснования, научных публикаций и статистических данных, описывающих развитие подобных предприятий. Подходы и методические разработки к пониманию процесса становления и функционирования социального предпринимательства выделяют весьма широкий спектр реализации и организационных форм – от ориентированных на прибыль коммерческих предприятий, уделяющих существенное внимание решению социальных проблем, до некоммерческих организаций, занятых поиском инновационных решений насущных социальных проблем.

Исследование научной литературы, периодических и интернет изданий и ряда других источников свидетельствует о высоком интересе к данному вопросу и о проработанности вопросов деятельности малого предпринимательства. Направление социального предпринимательства рассматривается в большинстве источников как предпринимательский сектор [1].

Социальное предпринимательство занимает особое – промежуточное положение между частным коммерческим сектором экономики и некоммерческим. Социальный предприниматель ориентирован на социальный эффект, решение социальных проблем, функционируя как самоокупаемая организация, за счет инновационной и эффективной организации своей профильной деятельности.

Таким образом, социальное предпринимательство является инновационным способом управления ресурсами для реализации возможностей по созданию организаций и/или проектов, которые преследуют социально значимые цели и направлены на решение социально значимых проблем.

Данное явление широко распространено в мире, однако ввиду своей неоднозначности и наличия многочисленных подходов плохо поддается статистическому анализу.

Стоит также заметить, что, не смотря на свою актуальность, тема социального предпринимательства и само его понятие не имеет однозначного определения. Также вопросы, касающиеся данной темы, не имеют законодательной основы. Отсюда вытекают некоторые проблемы с определением сущности данного понятия, статистическим учетом предприятий социальной направленности, отсутствием системного подхода к формам государственной поддержки столь важного в обеспечении развития экономики территорий вида предпринимательской деятельности.

Методология. Статистика социальных предприятий и социальных предпринимателей в России систематически не ведется. Росстат проводит выборочное обследование только социально ориентированных некоммерческих организаций по форме № 1-СОНКО. По итогам этого наблюдения выявлено, что число социально ориентированных некоммерческих организаций в России растет начиная с 2012 года и на конец 2017 года . их число превысило 142 тысячи.

Таблица 1

Основные сведения о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (общее количество некоммерческих организаций)

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	44009	113237	132087	140031	143436	142641
Республика Карелия	353	1303	1109	1104	1124	1142

*данные Росстата

Предприятия социального бизнеса могут представлять широкий спектр производственной деятельности, которая имеет различные направления производственной

практики. Отраслевое распределение социального предпринимательства концентрируется на общественно значимых сферах (социальное обеспечение, спорт и досуг, финансы и страхование, культура и зрелища, образование, а также здравоохранение, продукты питания, охрана окружающей среды и возобновляемая энергетика).

Таблица 2

Основные сведения о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций по СЗФО за 2017 год

	Общее количество организаций, единиц	из них: количество организаций, имеющих нежилое помещение в собственности, единиц	Поступило денежных средств и иного имущества - всего, тысяча рублей	Средняя численность работников в организации, человек	Средняя численность добровольцев в организации, человек
Российская Федерация	142641	7544	848856806	630253	2731652
Северо-Западный федеральный округ	13351	544	53226477	62719	162879
Республика Карелия	1142	46	1427168	2804	19092
Республика Коми	1082	46	2772211	3393	21804
Архангельская область	1500	50	3275571	4812	18622
Вологодская область	1465	75	4481527	6273	17930
Калининградская область	853	37	1766767	2719	9218
Ленинградская область	877	55	2594908	3119	10548
Мурманская область	970	38	2270266	2132	21546
Новгородская область	769	37	1202390	1370	10157
Псковская область	908	40	1146740	3089	6151
г.Санкт-Петербург	3785	120	32288929	33008	27811

*Источник: Росстат.

Анализ, проведенный в СЗФО по социально ориентированным некоммерческим организациям за 2017 год определил явного лидера практически по всем направлениям деятельности – г. Санкт-Петербург. Далее, по количеству действующих социально-ориентированных некоммерческих организаций следуют Архангельская область, Вологодская область, Республика Карелия, Республика Коми.

Санкт-Петербург также значительно отрывается от регионов СЗФО по показателю «среднесписочная численность работающих в социально-ориентированных некоммерческих организациях». Подобный процесс объясняется более высоким уровнем экономической и социальной активности в столичном мегаполисе, сопровождаемой большим количеством

различных видов предпринимательской деятельности, в том числе и социально ориентированных некоммерческих предприятий, более высокими потребностями населения и т.д.

Начиная с 2014 года, в 45 субъектах РФ реализовывалась 71 региональная программа поддержки социально ориентированных НКО. Для этих целей из федерального бюджета было выделено в виде субсидий 660 млн. руб. (в расчете на два года) [2].

Социальное предпринимательство должно быть объектом государственной поддержки, прежде всего, как часть предпринимательского сообщества. Большинство организаций, принадлежащих к социальному предпринимательству, являются малыми и средними, а соответственно, подпадают под программы поддержки малых и средних предприятий. Кроме того, государство и общество заинтересованы в достижении социально значимых целей с наименьшими затратами. Социальное предпринимательство позволяет решать социальные проблемы за счет не государственных средств, а средств, полученных от предпринимательской деятельности, поэтому является приоритетным объектом государственного внимания [3].

Современные вызовы, связанные с развитием цифровой экономики и формированием коллаборативной экономики, обуславливают формирование новых форм социальных отношений. С одной стороны расширяется спектр социальных проблем, требующих решения с привлечением социальных предпринимателей. С другой стороны эти вызовы формируют потребность в государственной поддержке направлений по повышению информационной грамотности, обучению эффективного применения цифровых технологий.

Если рассматривать Республику Карелия как один из северных районов страны, то можно сказать, что она является ресурсоориентированным приграничным и при этом малонаселенным регионом. В настоящее время Карелия остается дотационным регионом, но при этом у Республики есть потенциал дальнейшего развития. Одним из направлений дальнейшего развития региона является поддержка предпринимательства. Но, так как развитие крупных предприятий требует больших финансовых вложений, альтернативой является активизация деятельности малых и средних, в том числе социально-ориентированных.

Для того чтобы оценить влияние социального предпринимательства на развитие северных регионов России, необходимо определить особенности и проблемы, препятствующие его эффективному становлению. Рассмотрим некоторые из этих особенностей.

Во-первых, это отсутствие квалифицированных кадров, а также недостаточный уровень финансовой, юридической и управленческой грамотности. Эта проблема может быть вызвана достаточно сильным оттоком населения из Республики.

Во-вторых, отсутствие или недостаток у субъектов малого и среднего предпринимательства необходимых финансовых ресурсов и трудность их получения. В рамках решения данной проблемы был создан фонд по содействию кредитованию субъектов малого и среднего предпринимательства Республики Карелия. Фондом было создано 6 программ: «Поручительство для обеспечения обязательств по кредитам», «Поручительство для обеспечения обязательств кредитного характера по договорам банковской гарантии», «Предоставление микрозайма субъектам малого и среднего предпринимательства «STARTUP», «Предоставление микрозайма субъектам малого и среднего предпринимательства «Стандарт», «Предоставление микрозайма субъектам малого и среднего предпринимательства «Приоритет», «Предоставление микрозайма субъектам малого и среднего предпринимательства «Развитие».

В-третьих, организационные проблемы взаимодействия малого бизнеса с государственными структурами и наличие административных барьеров между малым предпринимательством и властью. Так в целях решения этой проблемы 5 июля 2018 года в Петрозаводском государственном университете состоялся экономический форум «Диалог бизнеса и власти», собравший на своей площадке более 400 участников — представителей

бизнеса, общественных организаций, органов власти, муниципальных районов и городских округов республики.¹

В-четвертых, зависимость региона от поставок топлива, сырья, материалов, комплектующих из центральных регионов страны или других стран, что влечет за собой значительное удорожание производимой продукции или услуг, что, в свою очередь, вызывает низкую конкурентоспособность производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров и услуг.

В-пятых, одной из самых главных проблем являются сложные климатические условия и территориальное положение. С этим связана низкая и недостаточная развитость инфраструктуры поддержки и развития малого и среднего предпринимательства.

В-шестых, неравномерное распределение субъектов малого предпринимательства по городам и районам самого региона. Если рассматривать распределение некоммерческих организаций по районам Республики Карелия, то можно сделать вывод, что большинство из них расположены в Петрозаводске и районных центрах.

Определение особенностей развития малого и среднего предпринимательства в северных регионах необходимо еще и для формирования приоритетных задач, на решения которых должна быть направлена государственная политика.

Для поддержки и развития малого и среднего предпринимательства была разработана Государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика»², целью которой является создание благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса, а также повышение инновационной активности бизнеса. Данная программа реализуется на всех уровнях.

Так существует государственная программа Республики Карелия "Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Карелия"³, целью которой является создание условий для обеспечения развития экономики Республики Карелия. Важной для данного исследования является Подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика». Среди задач данной подпрограммы выделяется обеспечение доступности финансовой, имущественной, образовательной и информационно-консультационной поддержки для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Для поддержки социального предпринимательства в северных регионах создана государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года».⁴ Целью данной программы является повышение уровня социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации.

Выводы Проведенное исследование показало, что социально ориентированные предприятия развиваются в Российской Федерации существенно более низкими темпами, чем в развитых странах мирового сообщества. С 2012 г., когда Министерство экономического развития в рамках активизации деятельности социально ориентированного бизнеса приняло решение о системной поддержке социального предпринимательства. Ответственность за данный процесс была возложена на Департамент малого и среднего предпринимательства.

¹ Министерство экономического развития и промышленности Республики Карелия [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — [Россия]. — URL : <http://economy.karelia.ru> . — (22.03.2019).

² Там же

³ Об утверждении государственной программы Республики Карелия «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Карелия»: постановление Правительства Республики Карелия от 03.03.2014 г. №49-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://smb.gov.ru>. — (15.03.2019).

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»: постановление Правительства РФ от 21.04.2014 №366 (ред. от 17.12.2014) /

Проведя анализ рассмотренных программ, можно сделать некоторые выводы. Задачи, выделенные в региональной программе, не соответствуют проблемам, существующим в регионе, следовательно, данные проблемы не будут решены. Также стоит заметить, что данные программы направлены не столько на развитие именно социального предпринимательства, сколько на развитие малого и среднего предпринимательства в целом. В связи с этим можно сделать вывод, что поддержка, которая оказывается в рамках данных программ, не имеет целевой направленности на развитие именно социального предпринимательства.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие социального предпринимательства является одним из приоритетных направлений развития и реализуется в рамках государственной программы поддержки малого и среднего предпринимательства.

Литература

1. Жохова В.В. Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение // Современная конкуренция. – 2015. – Т. 9. – № 4. – С. 77-100.
2. Пономорев О.Б., Светульников С.Г. Экономика и предпринимательство. – СПб. – Левша. – Санкт-Петербург, 2015. – 631 с.
3. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social or commercial entrepreneurship: Same, different, or both? // Entrepreneurship: Theory and Practice. – 2006. – Vol. 30. – № 1. – P. 1-22].

References

1. Zhokhova V.V. Social entrepreneurship: concept, nature and value // Modern competition. - 2015. - V. 9. - № 4. - С. 77-100.
2. Ponomorev O.B., Svetunkov S.G. Economy and entrepreneurship. - SPb. - Left-handed. - St. Petersburg, 2015. - 631 p.
3. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social or commercial entrepreneurship: Same, different, or both? // Entrepreneurship: Theory and Practice. - 2006. - Vol. 30. - № 1. - P. 1-22].

СТРАХОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ¹

Морошкина Марина Валерьевна
Институт экономики КарНЦ РАН,

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
maribel74@mail.ru

Резанова Лада Викторовна

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Аннотация: Наличие в регионах развитого рынка страхования в регионах позволяет обеспечить решение важных экономических и финансовых проблем. Исследование влияние фактора приграничности на развитие страховой деятельности позволит понять экономические предпосылки развития данного рынка.

Ключевые слова: страхование, страховая защита, рисковая среда, страховая премия, страховой рынок, сегменты страхования, виды страхования.

INSURANCE ACTIVITIES IN BORDER REGIONS

Moroshkina, Marina

*Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia*
maribel74@mail.ru

Rezanova, Lada

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract: The presence in the regions of the developed insurance market in the regions allows solving important economic and financial problems. The research of influence of the factor of frontiers on the development of insurance activity will allow to understand the economic prerequisites for the development of this market.

Key words: insurance, insurance protection, risk environment, insurance premium, insurance market, segments of insurance, types of insurance.

Введение. Роль страхования, как социального института – велика, так как современные условия жизни обладают свойством непредсказуемости, Невозможность предугадать наступление экологических, бытовых, техногенных опасностей, вызывает необходимость создания инструментов экономической безопасности, Страхование является одной из систем, позволяющей уменьшать социальные риски, способной дать населению чувство безопасности и защиты, Возникновение различных рисков является угрозой для сохранности и приумножения накапливаемого общественного достояния [1], Страховая система является инструментом для снижения негативных событий, приводящих к потерям, насыщает финансовый рынок долгосрочными финансовыми ресурсами, Механизм действия страховой деятельности имеет также национальную специфику, освобождает бюджет государства от части расходов по ликвидации последствий природных, техногенных и

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания по теме АААА-А19-119010990087-1 Выявление синергетических закономерностей региональных социо-эколого-экономических систем и моделирование динамических процессов устойчивого развития в многокомпонентных системах различной природы».

социально-экономических рисков, носящих глобальный характер, Региональный формат рынка страхования имеет неоднородную структуру, одни регионы имеют большое количество страховых компаний и высокие выплаты по страхованию, другие наоборот характеризуются незначительной активностью страховой деятельности,

Методология. Для современной России характерна высокая степень проявления рисков среды, о чем свидетельствуют статистические данные о текущих и грядущих потерях [2]. В городах, где опасные производственные объекты являются градообразующими, проживает 55% населения страны, при этом износ основных фондов только на химических предприятиях достигает 70-ти % а износ коммунального хозяйства превысил 60%, Ежегодно от техногенных катастроф страна несет убытки в размере 40 – 50 млрд, рублей, Потенциальный ущерб от аварий на опасных объектах, по данным МЧС, составляет 100 млрд, руб, в год, а если учесть косвенный ущерб, то это будет 400 – 450 млрд, рублей, Всего по территории России в результате чрезвычайных ситуаций различного характера в 2017 году погибло 556 человек и пострадало 36483 человека,¹ За прошедший 2017 год отмечены статистические данные по Российской Федерации, которые составили следующую картину: количество ДТП 169432 случая, количество погибших 19088 человек, из них смертные случаи среди детей 713 случая, раненных всего за 2017 г, по всем регионам страны 215374 человек, раненных среди детей 21136 человек по данным ГИБДД РФ, Все вышеперечисленное свидетельствует о необходимости серьезного отношения к выработке разного рода мер по борьбе с рисками, в том числе посредством развития и повышения эффективности компенсационных методов, к которым относится система страховой защиты,

В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать зависимость страховой деятельности от факторов географического местоположения, Аналитический материал ограничивается пространственной областью - российско-финским пригранием, именно оно является предметом данного исследования, Регионы находящиеся в пограничных отношениях с Финляндией находятся в Северо-Западном федеральном округе, и характеризуются наличием внешнеэкономических отношений, которые должны стимулировать развитие и страховой деятельности,

Анализ рейтинга крупнейших российских страховых компаний по собранным премиям в 2018 году представленных Центробанком РФ показывает достаточно широкий спектр страховых организаций, Географическое расположение большинства головных офисов расположено в г, Москва, что объясняется сосредоточением финансового капитала, Лидером по большинству показателей страховой деятельности являются страховые организации: ООО СК "Сбербанк страхование жизни, АО "СОГАЗ".

В результате анализа полученных данных можно сказать, что приграничные регионы в рейтинге представлены немногочисленной группой. Основным регионов, которые наиболее активно выступает в страховой деятельности является г. Москва. Менее активно представлен г. Санкт-Петербург, который сожжет быть включен в приграничное расположение с Финляндией. Однако, вероятность наличия в рейтинге г.Санкт-Петербурга обусловлено не географическим положение и близостью к государственной границе, и высокими финансовыми потоками и сосредоточением банковской инфраструктуры, обеспечивающей и функционирование страхового рынка.

Важной особенностью страховой деятельности является не только концентрация страховых ресурсов в столичном мегаполисе, но и различие показателей оценивающих эффективность страховой деятельности (рис.1)

¹ Чрезвычайные ситуации , произошедшие на территории РФ в 2017 году [Электронный ресурс].-Режим доступа : http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/CHrezvichajnie_situacii/2017_god (дата обращения 23.04.2018)

Таблица 1

Рейтинг крупнейших российских страховых компаний по собранным премиям (кроме ОМС) в 2018 году

Место на 01.01.2019	Место на 01.01.2018	Название страховщика	Расположение головного офиса	Страховые премии (кроме ОМС) в 2018 году, млрд руб.	Изменение объема премий за 2018 год	Изменение объема премий за 2017 год	Отношение выплат к премиям в 2018 году	Отношение выплат к премиям в 2017 году	Количество заключенных страховых договоров в 2018 году, тыс.	Количество действующих страховых договоров на 01.01.19, тыс.
лидеры										
1	2	ООО СК "Сбербанк страхование жизни" (лиц, 4331)	Москва	181,5	77,80%	55,90%	7,50%	5,20%	2883,3	4052,3
2	1	АО "СОГАЗ" (лиц, 1427)	Москва	160,5	1,50%	10,70%	67,90%	47,50%	5298,2	5588,1
3	4	ООО СК "ВТБ Страхование" (лиц, 4079)	Москва	125,1	56,80%	28,50%	12,60%	13,10%	14088,6	14527,3
4	7	АО "АльфаСтрахование" (лиц, 1834)	Москва	101,5	39,90%	15,50%	41,50%	39,20%	50803,6	17657,4
Приграничные с Финляндией регионы										
41	40	Либерти Страхование (АО) (лиц, 2346)	Санкт-Петербург	4,66	15,70%	16,70%	49,20%	47,40%	831	662,8
50	49	АО "СК ГАЙДЕ" (лиц, 2619)	Санкт-Петербург	3,34	7,90%	38,20%	60,00%	44,50%	532	558
77	79	ООО "СК "Капитал-полис" (лиц, 4014)	Санкт-Петербург	1,18	-3,60%	1,90%	69,40%	86,40%	30,6	20,5
76	95	АО СК "Двадцать первый век" (лиц, 3535)	Санкт-Петербург	1,23	39,20%	14,60%	30,20%	31,30%	413,9	285,4
90	96	САО "Медэкспресс" (лиц, 3390)	Санкт-Петербург	0,94	7,70%	1,20%	70,70%	68,30%	26,7	22,6
91	97	ООО "Страховое общество "Помощь" (лиц, 2917)	Санкт-Петербург	0,92	7,60%	25,60%	26,70%	23,20%	157,2	146,5
133	139	ООО "Адвант-Страхование" (лиц, 2447)	Санкт-Петербург	0,17	-4,30%	41,20%	46,20%	36,30%	63,6	48,6
144	172	НКО "МОВС" (лиц, 2733)	Санкт-Петербург	0,09	155,60%	1896,60%	-	0,00%	0,27	0,1
175	191	ООО "СК "Инертек" (лиц,)	Санкт-Петербург	0,005	9,90%	- 34,00%	72,00%	190,70%	0,07	0,04
169	-	НКО ПОВС "Страховой дом "Платинум" (лиц, 2682)	Санкт-Петербург	0,01	-	-	0,90%	-	0,04	0,04

*Источник: РИА Рейтинг по данным Центробанка РФ

Вывод, Не смотря на все положительные изменения, ситуация в страховом секторе остается достаточно сложной, поскольку находится под негативным влиянием общего экономического кризиса, В результате снижения реального уровня заработной платы и располагаемых доходов населения, происходит снижение инвестиции в основной капитал организаций, что повлекло уменьшение активности населения и бизнеса на страховом рынке,

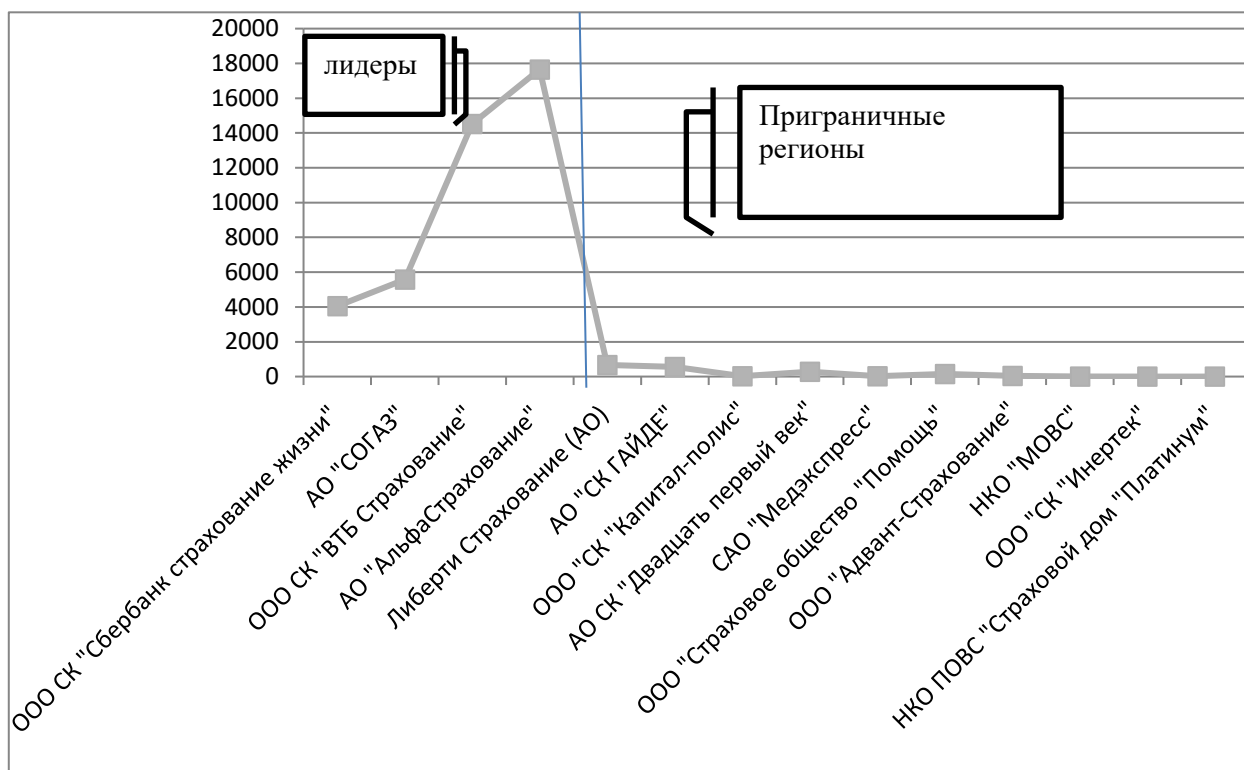

Рис.1. Количество действующих страховых договоров на 01.01.19. тыс.

По-прежнему, национальный страховой рынок считается динамично развивающимся сектором экономики, Однако нельзя сказать, что в России сформирован устойчивый, адекватный потребностям общества национальный страховой рынок [3], Доля освоенных страхуемых рисков в России составляет в лучшем случае лишь 10% - 20% всех потенциальных страховых рисков (следует отметить, что в точности оценить долю страхуемых рисков на национальном пространстве невозможно, поскольку далеко не все риски частного характера регистрируются) [4],

Полнота удовлетворения потребностей в страховой защите крайне низкая, В частности, услугами по страхованию жизни пользуются порядка 6% взрослого населения страны, Основной фактор ускоренного развития страхования жизни – развитие банковского розничного страхования, сопровождаемого страхованием жизни заемщиков [5],

Сохраняется географическая диспропорциональность рынка: не преодолен разрыв в количестве и качестве предоставляемых услуг между регионами и центром, Подавляющее большинство операций страхования проводятся в Москве,

Филиальные структуры в регионах, как и ранее, служат источником планируемых дополнительных финансовых потоков, при этом головные компании, как правило, мало озабочены, каким способом эти средства будут добыты, Не решена до конца проблема эффективности государственного регулирования деятельности субъектов страхового рынка, включая посредническую среду, Сохраняется негативный имидж российских страховщиков, основанный как на качестве предоставляемых компаниями услуг, так и на предпочтении страховщиками собственных интересов в ущерб интересам страхователей,

Таким образом, Россия, по-прежнему, несмотря на достаточно высокие темпы роста страхования, характеризуется слабым, не отвечающим потребностям общества, развитием данного сектора экономики,

Литература

1. Страхование дело: Учебник, В 2 т, (пер, с нем, О,И,Крюгер и Т,А,Федоровой), Т,2: Виды страхования / под ред, Т,А,Федоровой, М.: Экономистъ, 2004, с,126-140,
2. Винникова И,С,, Кузнецова Е,А,, Кокина К,М,, Курьлев А,И, Перспективы развития страхового бизнеса на современном этапе развития российской экономики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, – 2018, – № 5-1, – С, 204-208; URL: <http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=12244> (дата обращения: 11,01,2019),
3. Костин Ю,В, Проблемы обеспечения финансовой устойчивости и экономической безопасности рынка автострахования // Налоги, 2015, № 1
4. Быканова Н, И,, Черкашина А, С, Страховой рынок России: проблемы и направления развития // Молодой ученый, — 2017, — №10, — С, 204-207, — URL <https://moluch.ru/archive/144/40382/> (дата обращения: 11,01,2019),
5. Головина А, В,, Калущкая Н, А, Проблемы и современное состояние страхового рынка России // Молодой ученый, — 2016, — №11, — С, 660-664.

References

1. Insurance business: Textbook, V 2 t, (per, with him, O,I,Kruger and T,A,Fedorova), T,2: Types of insurance / under edition, T,A,Fedorova, M,: Economist, 2004, p.126-140,
2. Vinnikova I,S, Kuznetsova E,A, Kokina K,M, Kurylev A,I, Prospects of Insurance Business Development at the Present Stage of Development of the Russian Economy // International Journal of Applied and Fundamental Research, - 2018, - № 5-1, - C, 204-208; URL: <http://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=12244> (address date: 11,01,2019),
3. Kostin Yu,V, Problems of ensuring financial stability and economic security of the motor insurance market // Taxes, 2015, № 1
4. Bykanova N, I,, Cherkashina A, C, Insurance market of Russia: problems and directions of development // Young scientist, - 2017, - №10, - C, 204-207, - URL <https://moluch.ru/archive/144/40382/> (reference date: 11,01,2019),
5. Golovina A, B, B, Kalutskaya N, A, Problems and the current state of the Russian insurance market // Young scientist, - 2016, - № 11, - C, 660-664.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ¹

Морошкина Марина Валерьевна
Институт экономики КарНЦ РАН,

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
maribel74@mail.ru

Аннотация: Развитие приграничных регионов, характеризуется неоднородностью и определяется различными причинами, что сказывается на уровне их развития. Исследование дифференциации приграничных регионов позволит оценить влияние географического положения на экономическое развитие и сформулировать направления экономической политики.

Ключевые слова: приграничные регионы, пространственная неоднородность, ВРП на душу населения, коэффициент вариации, конвергенция.

SPATIAL HETEROGENEITY OF BORDER REGIONS

Moroshkina, Marina

*Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia*
maribel74@mail.ru

Abstract: Development of border regions is characterized by heterogeneity and is determined by different reasons, which affects their level of development. The study of differentiation of border regions will allow assessing the impact of geographical location on economic development and formulate directions of economic policy.

Key words: border regions, spatial heterogeneity, GRP per capita, coefficient of variation, convergence.

Введение. Система международных экономических отношений мирового сообщества находится в постоянном процессе изменения. Происходящие в мировой экономике и странах мирового сообщества перемены, оказывают влияние на большинство экономических и социальных процессов развития экономики, отдельных государств.

Стратегические и программные документы развития национальной экономики большое значение отводят территориям, занимающим приграничное положение. Геополитическое положение приграничных территорий влияет на большинство направлений экономического роста и способствует формированию и развитию внешнеэкономических отношений [1].

Развитие экономических отношений, трансграничных связей с территориями других государств определяет уровень внешнеэкономического сотрудничества, кооперации и международной экономической интеграции. Россия является государством имеющим множество различных по развитию приграничных территорий. Более половины субъектов РФ находятся в приграничных отношениях с другими государствами [2]. Наличие большого количества приграничных территорий необходимо учитывать при составлении программных документов. Отдельное внимание, стоит уделить уровню развития государств, с которыми

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания по теме АААА-А19-119010990087-1 «Выявление синергетических закономерностей региональных социо-эколого-экономических систем и моделирование динамических процессов устойчивого развития в многокомпонентных системах различной природы».

граничат российские регионы неодинаков, в результате которого наблюдаются отличия по различным характеристикам.

Таким образом, основной целью исследования является проведение анализа регионального развития приграничных территорий сопредельных государств. В рамках поставленной цели объектом исследования являются приграничные регионы, а предметом исследования уровень межрегиональной дифференциации данных территорий.

Методология. В рамках данного исследования проводится анализ неоднородности экономического развития приграничных российских регионов.

Приграничные регионы имеют такие же тенденции как и российские регионы, и при сравнении приграничных регионов Российской Федерации наблюдается неоднородность. В результате особого интереса заслуживает исследование неоднородности приграничных регионов для определения степени воздействия фактора географического расположения – приграничность. Особого внимания заслуживают приграничные регионы России и Финляндии, которые рассматриваются в общей совокупности приграничных регионов.

Одним из нескольких вариантов исследования неоднородности является определения разрыва между исследуемыми экономическими субъектами. Подобный вариант анализа позволяет рассмотреть общее состояние исследуемых объектов выделить лидирующие отстающие регионы и проанализировать их соотношение.

Определение разрыва между лидирующими и отстающими регионами может быть определено на основании расчета коэффициента дифференциации, который может быть рассчитан по следующей формуле:

$$K_{pr} = \frac{I_{pr_{lid}}}{I_{pr_{otst}}} \quad (1)$$

Использование формулы (1) при оценке коэффициента дифференциации позволит определить разрыв между наиболее экономически развитым приграничным регионов и наиболее не развитым.

В результате используемых подходов проанализированы показатели ВРП на душу населения. Полученные результаты позволят сравнить динамику и уровень региональной неоднородности.

Результаты. В рамках поставленной в исследовании цели были проанализированы приграничные регионы по показателям ВРП на душу населения и среднедушевые доходы населения. В рамках проведенного анализа были представлены 2 направления исследования. Одним направлением является выделение группы лидирующих приграничных регионов и группы отстающих и определение разрыва между ними. Другим направлением является определение коэффициента вариации позволяющее определить наличие σ – конвергенции, позволяющее сделать вывод о сокращении межрегиональной дифференциации и сближении исследуемых приграничных регионов.

ВРП на душу населения. Показатель ВРП на душу населения для приграничных регионов был рассмотрен в рамках периода 1995-2017 гг. и представлен в таблице 1.

Результатом использования формулы (1) является оценка коэффициента дифференциации, позволяющая определить, во сколько раз происходит разрыв между исследуемыми объектами в рассматриваемой совокупности.

Проведенный анализ оценки неравномерности на основании расчета коэффициента дифференциации и определения регионов с максимальным и минимальным значением показал, что приграничные регионы повторяют тенденции российских регионов. Лидирующим регионов в рамках совокупности приграничных регионов была определена Тюменская область, что в исследованиях автора по российским регионам также было отмечено. Регионов с самым наименьшим значением исследуемого показателя является Республика Ингушетия, что также соответствует общероссийским тенденциям, отмеченным большинством исследователей в рамках научных публикаций.

Анализ неоднородности российских приграничных регионов определил наличие региональной дифференциации. Процесс неоднородности, наблюдаемый по российским регионам в целом, и по приграничным регионам в частности во многом зависти от уровня

экономического развития территории и наличия производственных мощностей [5]. Исследование приграничных регионов и их ранжирование по показателю ВРП на душу населения также соответствует общероссийским тенденциям. Регионы, которые имеют максимальные показатели ВРП на душу населения за 2017 г., характеризуются наличием природно-ресурсной базы и высоким уровнем развития производственного сектора. Стоит отметить, что среди приграничных регионов встречаются территории, которые и в общероссийском списке занимают отстающие позиции [5]. На уровне приграничных регионов, эти территории, также находятся на отстающих позициях.

Таблица 1

Фрагмент таблицы изменения показателя ВРП на душу населения приграничных регионов

	1995	1999	2003	2007	2011	2015	2017
РФ	9566,3	28492,1	74884,9	195819	317 515,3	449 097,9	510 253,1
Белгородская область	8598,7	22611,1	50284	156225	331 010,0	447 619,7	506 420,9
Брянская область	5272,3	12448,9	31942,3	78518,8	137 187,1	221 080,0	253 100,4
Воронежская область	6600	15797,2	42361,8	94849,5	203 575,5	345 566,8	370 610,4
Курская область	7137,8	18059,4	46109,9	111348	203 676,0	301 242,5	346 340,2
Смоленская область	6692,4	18916,7	47238,6	94432,4	184 184,9	266 927,2	296 289,6
Республика Карелия	10245,5	26297,5	65443,1	157959	241 688,0	335 944,5	404 487,6
Архангельская область	9336,3	25077,5	78436	212908	360 165,9	532 533,7	640 787,5
Калининградская область	5658,2	17096,2	49120,4	153964	255 217,8	359 639,7	421 479,2

*Источник: данные Росстата¹, составлено автором

*данные представлены через интервал 3 года, и 2017 г.

Таблица 2

Оценка разрыва между приграничными регионами

	1995	1998	2001	2004	2007	2010	2013	2016	2017
ср	8422,0	14599,9	44319,3	84738,5	162680,7	235421,9	332334,9	422894,5	450523,7
max	34421,4	63325,5	232236,3	465848,8	831305,3	977256,0	1402915,6	1627945,9	1900322,7
min	1940,4	3435,8	8000,7	12975,9	41340,7	48239,2	91646,1	106756,6	114844,1
K	17,7	18,4	29,0	35,9	20,1	20,3	15,3	15,2	16,5

*Составлено автором

Выводы. В результате проведенного исследования дифференциации российских приграничных регионов были выявлены тенденции расхождения или дивергенции, что в общем виде повторяет тенденции российских регионов. Большинство приграничных

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели, том 2, 2017: Стат. сб./ Гокмстат, М., 2017., 344 с.

регионов имеют различные условия ведения хозяйственной и экономической деятельности, различные производственные возможности и отличаются по наличию природно-ресурсного потенциала. Подобные расхождения не могли не сказаться на уровне развития приграничных регионов. В рамках проведенного анализа приграничные регионы были проклассифицированы по показателю ВРП на душу населения. Важным результатом, также подтверждающих общероссийские тенденции, является вывод о том, что в рамках массива приграничных регионов лидирующие позиции занимают территории, имеющие природно-ресурсный потенциал и развитые производственные мощности. Данное обстоятельство является значимым для экономического развития приграничных регионов. Наличие выгодного географического положения лишь усиливает позиции регионов, имеющих лидирующие позиции. Для отстающих регионов приграничное положение является фактором, тормозящим развитие территории. Географическое положение для таких территории рассматривается как фактор удаленности от основных региональных рынков страны и тем самым сокращает доступность для товаропроизводителей.

Таблица 3

Ранжирование приграничных регионов по показателю ВРП на душу населения 2017 г.

Приграничные регионы	2017
Отстающие регионы	
Республика Ингушетия	114 844,1
Чеченская	125 471,2
Кабардино-Балкарская Республика	160 077,0
Карачаево-Черкесская Республика	160 110,5
г. Севастополь	164 978,4
Лидирующие регионы	
Республика Саха (Якутия)	951 220,2
Магаданская область	1 088 347,4
Чукотский автономный округ	1 386 085,3
Сахалинская область	1 577 910,3
Тюменская область	1 900 322,7

*Источник: данные Росстата¹, составлено автором

Рассматривая приграничное положение различных российских регионов можно говорить о неодинаковом влиянии фактора «приграничности» для различных регионов. Для одних регионов этот фактор стимулирует экономическое развитие, порождая увеличения объемов производства. Для других, ситуация является противоположной и данным фактор сокращает производственные объемы.

В результате полученных выводов, можно говорить о неоднозначном влиянии приграничного положения на экономическое развитие территории. Стимулирование экономического роста регионов должно учитывать конкурентные преимущества отдельной территории и опираться на факторы экономического роста. Стратегические и программные документы должны учитывать специфические особенности территории и конкурентные преимущества регионов, позволяя формировать условия для экономического роста.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели, том 2, 2017: Стат. сб./ Гокмстат, М., 2017., 344 с.

Литература

1. Андриченко Л. В. Стратегия государственного регионального развития Российской Федерации: правовые основы, Журнал российского права, №5, 2017, сс.5-18.
2. Внешнеэкономическая деятельность регионов России: учебное пособие / Л.Б. Вардомский, Е.Е. Скатерщикова. М.: КНОРУС, 2010. 448 с.
3. Barro P.J., X. Sala-J-Martin, Economic Growth. 1995. – 200 p.
4. Barro P.J., X. Sala-J-Martin Convergence across states and region. Brooking Papers on Economy Activity. 1991 №1. P 107-58.
5. М.В.Морошкина Дифференциация российских регионов по уровню экономического развития. Проблемы прогнозирования, 2016, №4(157),. с.109-115.

References

1. Andrichenko L. B. Strategy for State Regional Development of the Russian Federation: Legal Framework, Journal of Russian Law, No. 5, 2017, pp. 5-18.
2. Foreign economic activity of Russian regions: textbook / L.B. Vardomsky, E.E. Skaterschikova. MOSCOW: KNORUS, 2010. 448 с.
3. Barro P.J., X. Sala-J-Martin, Economic Growth. 1995. - – 200 p.
4. Barro P.J., X. Sala-J-Martin Convergence across states and region. Brooking Papers on Economy Activity. 1991 №1. P 107-58.
5. Moroshkina Moscow State University Differentiation of Russian regions by level of economic development. Problems of forecasting, 2016, No. 4(157), p.109-115.

НАЛИЧИЕ ПЕРЕДОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ¹

Морошкина Марина Валерьевна
Институт экономики КарНЦ РАН,

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
maribel74@mail.ru

Мяки Светлана Александровна

*Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы,
г. Петрозаводск, Россия*
sveteart@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты дифференциации российских регионов на территориях которых созданы особые экономические зоны, особый контекст занимает сравнительный анализ приграничных регионов в пределах которых функционируют технико-внедренческие зоны. Теоретические подходы исследования базируются на работах отечественных ученых экономистов, изучающих проблематику инновационного развития регионов, методические – представлены анализом статистических данных.

Ключевые слова: региональная экономика и управление, особая экономическая зона, региональное развитие.

AVAILABILITY OF ADVANCED TECHNOLOGIES IN BORDER REGIONS

Moroshkina, Marina

*Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia*
maribel74@mail.ru

Myaki, Svetlana

*Karelian branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Petrozavodsk, Russia*
sveteart@yandex.ru

Abstract. The article presents some results of differentiation of Russian regions in the territories of which special economic zones are created, a special context is occupied by a comparative analysis of border regions within which technically innovative zones function. Theoretical approaches of the research are based on the works of domestic scientists of economists, who study the problems of innovative development of regions, methodical - are presented by the analysis of statistical data.

Key words: regional economy and management, special economic zone, regional development.

В стране создают территории опережающего социально-экономического развития, промышленные зоны, индустриальные парки, кластеры и др [1].

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания по теме АААА-А19-119010990087-1 «Выявление синергетических закономерностей региональных социо-эколого-экономических систем и моделирование динамических процессов устойчивого развития в многокомпонентных системах различной природы».

Большой опыт функционирования в российском территориальном пространстве имеют особые экономические зоны (далее - ОЭЗ), создаваемые с 2005 года, это - «часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны».

На территории России действует более двух десятков особых экономических зон и только четыре специализируются на технологических инновациях: г. Москва, г. Санкт-Петербург, в свою очередь, являющийся приграничным регионом, Московская и Томская области.

В целях раскрытия особенностей функционирования особых экономических зон, авторами использованы подходы Баканова М.И. и Шеремета А.Д. [2], которые обосновывают «рациональное управление», на эмпирическом и теоретическом анализе состояния хозяйственного субъекта. Новицкий Н.А. [3] предложил инновационно-инвестиционную модель политики модернизации экономики России, сущность которой заключается в активизации инновационных процессов в области и интеграции регионального и отраслевого потенциала.

Информационная база включает данные органов Федеральной службы государственной статистики, а также материалы, представленные на Интернет-сайтах. В процессе работы над исследованием использовались наработки авторов в области региональной экономики и экономического развития территорий [4].

За период с 2005 по 2011 годы расширился перечень направлений хозяйственной специализации ОЭЗ, а конкретнее - видов экономической деятельности, обусловленных изменениями целевых установок. Цели создания менялись в рамках двух редакций базового федерального закона (см. табл. 1).

Таблица 1

Направления специализации ОЭЗ

Год	Целевые установки создания СЭЗ	Новые направления создания СЭЗ, специализация
2005	Особые экономические зоны создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции и развития транспортной инфраструктуры.	Технико-внедренческие, промышленно-производственные
2006 - 2011	Особые экономические зоны создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции, транспортной инфраструктуры, а также туризма и санаторно-курортной сферы. Особые экономические зоны создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции.	Развитие туризма и санаторно-курортной сферы. Развитие портовой инфраструктуры, разработка технологий и коммерциализация их результатов

*Источник: 1) Закон Российской Федерации от 22.07.2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» 2) Федеральный закон от 3 июня 2006 г. N 76-ФЗ "О внесении изменений в федеральный закон "Об особых экономических зонах в Российской Федерации"

ОЭЗ технико-внедренческого типа были созданы в числе первых. Важным, актуализирующим бизнес особых экономических зон в контексте стратегического для

России инновационного направления развития стало введение новой целевой установки создания ОЭЗ – «разработка технологий и коммерциализации их результатов».

Разработка новых технологий и их коммерциализация предусматривает трансформацию новых идей в продукты и услуги и внедрение их на рынке. По мнению ряда исследователей «коммерциализация технологий часто является главной движущей силой, вызывающей создание новых и омоложение старых секторов промышленности» [5,6].

В статье представлены результаты анализа дифференциации приграничных регионов по критерию количества созданных передовых технологий.

Таблица 2

Разработанные передовые технологии

	2005	2016
от 100 до 250	г. Москва	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Челябинская область, Московская область
от 30 до 100	г. Санкт-Петербург, Нижегородская область, Самарская область, Московская область, Свердловская область	Свердловская область, Республика Татарстан, Нижегородская область, Белгородская область, Калужская область, Красноярский край, Ярославская область, Тюменская область, Новгородская область, Пермский край, Самарская область, Республика Калмыкия, Ульяновская область, Новосибирская область
от 30 до 10	Новосибирская область, Белгородская область, Челябинская область, Красноярский край, Ростовская область, Владимирская область, Воронежская область, Республика Мордовия, Забайкальский край, Хабаровский край	Ивановская область, Воронежская область, Ростовская область, Удмуртская Республика, Краснодарский край, Архангельская область, Томская область, Брянская область, Ленинградская область, Саратовская область, Владимирская область, Республика Карелия, Смоленская область, Республика Башкортостан, Иркутская область, Хабаровский край
от 10 до 0	Архангельская область, Пензенская область, Саратовская область, Орловская область, Пермский край, Ярославская область, Вологодская область, Мурманская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Кемеровская область, Омская область, Республика Карелия, Калужская область, Калининградская область, Астраханская область, Республика Дагестан, Иркутская область, Тульская область, Кабардино- Балкарская Республика, Удмуртская Республика, Кировская область, Курганская область, Томская область, Сахалинская область, Смоленская область, Республика Коми, Новгородская область, Краснодарский край, Ульяновская область, Алтайский край, Костромская область, Курская область, Тверская область, Ленинградская область, Волгоградская область	Вологодская область, Республика Мордовия, Кемеровская область, Омская область, Сахалинская область, Республика Дагестан, Приморский край, Рязанская область, Чувашская Республика, Астраханская область, Республика Бурятия, Тверская область, Тульская область, Псковская область, Ставропольский край, Республика Марий Эл, Камчатский край, Республика Коми, Калининградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия- Алания, Чеченская Республика, Пензенская область, Липецкая область, Орловская область, Оренбургская область

*Источник: данные Росстата

*жирным шрифтом выделены территории, которые являются ОЭЗ технико-внедренческого типа

Итак, анализ количества разработанных передовых технологий в российских регионах показал следующие результаты:

Группа «А» - аутсайдеры (таблица 2, блок 1: от 100 до 250 единиц);

Группа «Б» - регионы, высокого уровня (таблица 2, блок 2: от 30 до 100 единиц) регионы которые имеют достаточно высокие показатели по разработанным передовым технологиям;

Группа «В» - регионы, невысокого уровня (таблица 2, блок 3: от 10 до 30 единиц) регионы которые имеют невысокие показатели по разработанным передовым технологиям;

Группа «Г» – регионы с низким уровнем (таблица 2, блок 4: от 0 до 10 единиц).

Среди массива регионов Российской Федерации существуют также регионы, которые не попали ни в одну из рассмотренных выше групп, это территории, которые не имеют разработанных передовых технологий.

Среди приграничных регионов технико-внедренческого типа создана только в Санкт-Петербурге.

Санкт-Петербург и Челябинская область - находятся в первой группе - с разработанными передовыми технологиями к 2016 году от 100 до 250. Отметим, что за 10 летний период оба региона поднялись из второй и третьей групп по количеству разработок.

Во второй группе – с количеством разработок от 10 до 30 – находятся также 2 региона – Тюменская и Самарская области.

Вместе с тем, самой многочисленной группой как в 2015, так и в 2016 остается группа с разработками 0 до 10 единиц – практически треть приграничных регионов имеют указанное количество разработанных передовых технологий.

Проведенное исследование выявило лидирующие и отстающие группы приграничных регионов. Очевидным лидером среди приграничных регионов является Санкт-Петербург, который изначально обеспечен высоким потенциалом экономического развития, формируемым на основании наличия: рынков сбыта производимой продукции, соответствующей инфраструктуры, финансового сектора.

Литература

1. Павлов П.В. Особые экономические зоны как механизм эффективного развития международной инвестиционной и инновационной деятельности / Павлов П.В. // Мировая политика. 2013. № 1. С.51-144. DOI: 10.7256/2306-4226.2013.1.638. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_638.html (Дата обращения 07.05.2018)
2. Баканов М.И., Теория экономического анализа: Учебник. / Баканов М.И., Шеремет А.Д. // 4-изд., доп. и перераб. - М: Финансы и статистика, 2001. 416 с.
3. Новицкий Н.А. Концептуальные основы взаимодействия инвестиционно-структурной и инновационной политики / Новицкий Н.А. М.: Институт экономики РАН, 2011. 62 с.
4. Морошкина М. В. Социально-экономические показатели развития регионов РФ за период 1991-2015 гг. / Морошкина М. В. // Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) «Программы для ЭВМ. Базы данных. Базы данных, охраняемые авторскими правами». № 8. 2017, 14.06.2017 - 07.08.2017.
5. Никода К., Инвестиционная активность в портовой отрасли России / Никода К. // Морские порты. - №8(2016). – URL: <http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=61791> (дата обращения 12.05.2018)
6. Родионов И. Станут ли особые экономические зоны центром притяжения инвестиций и локомотивами экономического роста? / Родионов И. // Эксперт. 2005. №36. с.42.

References

1. Pavlov, P.V. Special economic zones as the mechanism of the effective development of the international investment and innovation activity (in Russian) // World policy. 2013. № 1. С.51-144. DOI: 10.7256/2306-4226.2013.1.638. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_638.html (Date of request 07.05.2018)
2. Bakanov, M.I., Theory of Economic Analysis: Textbook. / Bakanov, M.I., Sheremet, A.D. // 4th edition, in addition. - M: Finances and Statistics, 2001. 416 c.
3. Novitskiy, N.A. Conceptual bases of the interaction of the investment-structural and innovation policy (in Russian) / Novitskiy, N.A.M.: Institute of Economics of RAS, 2011. 62 c.

4. Moroshkina M.V. Socio-economic indicators of development of regions of the Russian Federation for the period 1991-2015 / Moroshkina M.V. // Official Bulletin of the Federal Service for Intellectual Property (Rospatent) "Computer Programs. Databases. Databases protected by copyright". № 8. 2017, 14.06.2017 - 07.08.2017.
5. Nikoda K., Investment activity in the Russian port industry / Nikoda K. // Seaports. - №8(2016). - URL: <http://www.morvesti.ru/analitics/detail.php?ID=61791> (circulation date 12.05.2018)
6. Rodionov I. Will Special Economic Zones become a center of investment attraction and locomotive of economic growth? / Rodionov I. // Expert. 2005. №36. c.42.

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Нямдорж Даваахуу

Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г.В.Плеханова, Улан-Батор, Монголия
dabuk91@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены настоящее состояние развития приграничных территорий России Монголии и Китая при реализации зоны свободной торговли, а также возможности их дальнейшего развития и сотрудничества. Сформулированы рекомендации по развитию приграничных территорий Монголии с другими странами на основе принципов «зеленой» экономики.

Ключевые слова: приграничные территории, торгово-экономические отношения, зона свободной торговли, Монголия, Россия, Китай.

DEVELOPMENT OF BORDER TERRITORIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE FREE TRADE ZONE

Nyamdorj Davaakhuu

Ulan-Bator branch of REU G.V. Plekhanov, Ulan Bator, Mongolia
dabuk91@mail.ru

Abstract. The article discusses the current state of development of the border territories of Russia, Mongolia and China in the implementation of the free trade zone, as well as the possibility of their further development and cooperation. Recommendations for the development of border areas of Mongolia with other countries on the basis of the principles of "green" economy are formulated.

Keywords: border territories, trade and economic relations, free trade zone Mongolia, Russia, China.

Исторически установлено, что сотрудничество приграничных территорий является важной особенностью современных международных связей между странами, поскольку на границе страны пересекаются многие важные проблемы соседствующих стран. Монголия территориально находится между двумя могущими державами Россией и Китаем. Протяженность границы России и Монголии составляют 3485 км, которые охватывают такие субъекты как Бурятия, Тыва, Алтайский и Забайкальский край, но наибольшая протяженность границы Монголии составляет Китай (4677км). На сегодняшний момент в Монголии существуют три зоны свободной торговли это Замын-Ууд, Алтанбулаг, Цагааннуур. Правительство уточняет, что эти три зоны отличаются между собой с точки зрения доступности, близости к рынкам и готовности к реализации концепции зоны свободной торговли.

В 1995 году впервые был утвержден постановление о зоне свободной торговли, но лишь 28 июня 2002 года был принят закон «О свободной зоне» и закон «О правовой среде свободной торговой зоны Алтанбулаг» и официально открыт 22 июня 2014 года, где на открытии участвовало 37 компаний и продано товаров на общую сумму 349,4 тыс. долл. США. В этом же законе в п. 23.1 и 23.2 сказано о предоставлении налоговой льготы в арендной плате земельного участка для ведения бизнеса компаниям, занимающихся торговлей и туризмом, в течение 5 лет. На состояние 2019 года постоянными участниками являются 17 компаний, где есть компаний с иностранными инвестициями из России, Великобритании, Китая. Если сравнить сумму сбора за аренду земли от компаний за первое полугодие 2018 года и за первое полугодие 2019 года, то сумма арендной платы в сумме увеличилась на 63%.

По сравнению с предыдущими годами торгово-экономическое отношение России и Монголии увеличились, но структура торговли осталась неизменной. По статистическим данным сайта «Внешней торговли России» товарооборот России с Монголией составила 1,649 млрд долл. США и увеличилась на 20,6% по сравнению с 2017 годом, рисунок 1, 2.

Монголия активно работает над созданием благоприятных условий для экспорта продуктов и товаров монгольских производителей в приграничные территории России и Китая, но существуют некоторые проблематичные моменты, которые замедляют взаимное содействие стран.

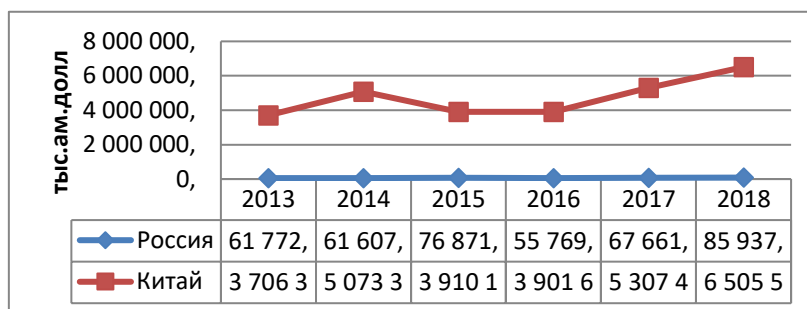

Рисунок 1. Экспорт товаров из Монголии в Россию и Китай с 2013-2018 гг.¹

Монголия богата полезными ископаемыми, на сегодняшний момент действует около 297 горнодобывающих компаний. Большинство компаний добывают в основном уголь и медь в больших количествах. Примером активного сотрудничества Монголии, Китая и других стран в сфере недропользования является деятельность горнодобывающего предприятия КОО «Предприятие Эрдэнэт» [4]. В 2018 году Монголия сотрудничала со 159-ти странами, где было экспортировано товаров в 77 стран и импортировано товаров и услуг из 157 стран, но главными союзниками Монголии выступают Россия и Китай. Только в 2018 году в структуре экспорта Монголии 96% товарооборота занимает Китай, а Россия 1,3%. Наибольшее импортировано товаров в Монголию из Китая 41,8%, а из России 36,3%.

Рисунок 2. Структура импорта товаров в Монголию²

В структуре импорта из России в Монголию основная доля поставок пришлась на минеральные продукты – 63,80%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 13,48%, от общего объема импорта в Монголию. Наибольший прирост экспорта из Монголии в Россию по товарным группам это соль; сера; земли и камень; штукатурные материалы, известь и цемент рост на 1476 тыс. долл. США, а также увеличились поставки

¹ Структура экспорта товаров Монголии. – [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: http://1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NSO_1400_001V1

² Структура импорта товаров Монголии.- [Электронный ресурс].- 2018. - Режим доступа: http://1212.mn/stat.aspx?LIST_ID=976_L14

мясных продуктов и мяса – 751 тыс. долл. США. Что касается внешнеторгового оборота Монголии и Китая, то в 2018 году на рынок Китая поступило 35,8 млн. тонн сырого угля, 1436,7 млн. тонн медного концентрата, 6189,9 млн. барреля нефти, а также увеличилось поставка мяса и мясной продукции. В основном из Китая импортируются продовольственные товары и одежда, оборудование горной промышленности, строительные материалы.

С ноября 2014 года ввели безвизовый режим между Россией и Монголией, который послужил сдвигом в развитии сферы туризма, бизнеса и торговли. По данным сайта ЗСТ «Алтанбулаг» наибольший пик пересечения границы было в 2018 году, который связан с развитием туризма в Бурятию, а особенно на о. Байкал и непосредственно связано с чемпионатом мира по футболу, где многие монголы добирались до городов России через г. Улан-Удэ, но данный поток имеет больше односторонний характер, так как количество граждан России, пересекающих границу Монголии незначительно (рисунок 3). Для увеличения потока граждан Российской Федерации по инициативе Администрации Вице-премьера Монголии, в свободной зоне “Алтанбулаг” была организована Монголо-Российская деловая встреча совместно с Министерством Иностранных дел Монголии, Администрацией свободной зоны “Алтанбулаг” и Торговым представительством Российской Федерации в Монголии, где было внесено некоторые предложения по дальнейшему сотрудничеству, а особенно для увеличения потока с российской стороны было предложено реализовать посещение в свободную зону гражданам приграничных регионов Российской Федерации, по упрощенному порядку с использованием разового удостоверения для пересечения границы, а также предоставление гражданам приграничных регионов Российской Федерации /беспошлинные/ продукции свободной зоны с низкой стоимостью, для поддержки приграничной торговли и непосредственно необходимо поддержка со стороны Российской Федерации.

Рисунок 3. Поток на пропускном пункте Алтанбулаг-Кяхта¹

Следует отметить, что новой тенденцией в развитии приграничной торговли, развитии природопользования на приграничных территориях является ориентация на принципы «зеленой» экономики и обеспечения экологически устойчивого развития [10]. Такой подход находит отражение, например, в производстве и экспорте продукции из местного экологически чистого сырья, в том числе – продовольственных товаров, в развитии экологического туризма, развитии возобновляемых источников энергии в приграничной зоне. Можно отметить, к примеру, что энергообеспечение пограничного пункта с монгольской стороны на границе Республики Бурятия и Монголии в районе о. Хубсугул (КПП Монды-Ханх) осуществляется за счет энергии солнца.

¹ Официальный сайт ЗСТ «Алтанбулаг». – [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://altanbulag.gov.mn/>

По сравнению с СЭЗ Алтанбулаг, СЭЗ Замын-Ууд пользуется наибольшим спросом, где выделено территория в 900 га. Увеличение потока населения связано с развитием торговых отношений, туризма, с развитием бизнеса.

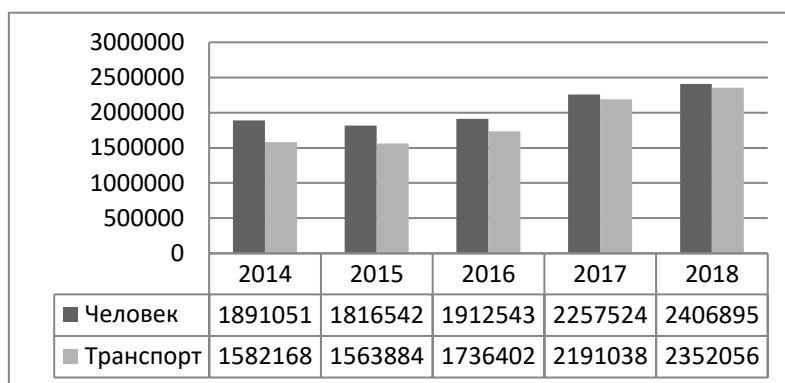

Рисунок 4. Поток на пропускном пункте Замын-Ууд-Эрлянь¹

Парламент Монголии принял закон «О создании СТЗ Цагаан Нуур» в 2003 году. Комплекс оснащен современной техникой, позволяющей пропускать 80 грузовых автомобилей и автобусов, 20 автомобилей, 400 пассажиров в день. Самый короткий путь связывающий двух наших соседей: Россию и Китай, дающий возможность свободного перемещения наших граждан через территорию КНР в Казахстан, возможность экспорта монгольских шерстяных, кашемировых изделий в Казахстан и в другие страны Средней Азии. Свободная зона расположена на окружном международном туристическом маршруте дивных Алтайских гор вокруг Алтая Монголии, России, Китая и Казахстана. Данная СЭЗ дает возможность развернуть туристический бизнес и туробслуживание, такие как охота с орлами, по культурно-историческому наследию, по быту народностей Алтая, археологией и т.д.

В перспективе СТЗ Цагаан Нуур предназначен стать центром международной торговли, преимущественно, между Китаем и Российской Федерацией, а также со странами Восточной Европы и Средней Азии.

На сегодняшний момент Российско-Монгольские отношения еще больше активизировались с визитом Президента В.В. Путина 3 сентября 2019 года и встречей с Президентом Монголии Х. Баттулга в честь 80-летия битвы на реке «Халхин гол». Целью данного визита было не только вспомнить дружеские отношения между странами, но и обсудить многие вопросы, связанные со стимулированием торгово-экономических и инвестиционных взаимодействий стран, обсуждались вопросы сотрудничества трех стран Россия-Китай-Монголия, а также по итогам прошедших переговоров страны планируют заключить соглашения о содействии приграничному сотрудничеству.

Территориальное расположение Монголии играет важную роль в экономике страны. Уже много лет обсуждаются вопросы реализации экономического коридора через Монголию, позволяющую развивать не только приграничные территорий, но и некоторые регионы Монголии, кроме этого данный экономический коридор позволяет увеличить поставки товаров из Китая в Россию и наоборот, сокращая путь с расстоянием в 1200км. В связи с этим по указу № 16 Премьер-Министра Монголии, от 19 января 2018 года, создана Рабочая группа по изучению вопроса и подведения заключений над созданием свободной экономической зоны приграничного сотрудничества. Рабочая группа работает над разработкой монголо-китайского проекта по правительственному договору двух стран.

¹ Статистические данные Монголии. – [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: https://www.1212.mn/tables.aspx?tbl_id=DT_NSO_1800_007V1&13999001_select_all=1&13999001SingleSelect=&HH1_select_all=0&HH1SingleSelect=14&YearY_select_all=0&YearYSingleSelect=2018_2017_2016_2015_2014&viewtype=table

Постоянный комитет Великого Хурала поддержал проект договора о создании свободной экономической зоны приграничного сотрудничества, договор ждет подписания Премьер-министрами двух стран.

Таким образом, несмотря на увеличение показателей внешнеторгового оборота трех стран, приграничные территории очень слабо развиты. В приграничных территориях Монголии необходимо большего привлечения инвесторов для устойчивого развития территории и процветания пропускных пунктов, расширить пропускной пункт Замын-Ууд и Алтанбулаг для более эффективной системы пропуска, а также оптимизировать транспортные потоки для снижения задержек на границе.

Литература

1. Болдбаатар Б. Монгол улсын нийгэм эдийн засгийн өсөлт // Алдар ИГЭА - 2008. - № 3. - С. 102-104.
2. Батсух Д. "Олон улсын худалдаа, гадаадын хөрөнгө оруулалт ба чөлөөт худалдаа", 2010 он.
3. Закон Монголии. [Электронный ресурс]. - О зоне свободной торговли. - 2014. - Режим доступа: (<https://www.legalinfo.mn/>)
4. Даваахуу Н., Потравный И.М., Тишков С.В., Кулаков К.А. Моделирование деятельности горнодобывающего предприятия в условиях истощения ресурсной базы: эколого-экономический аспект // Горный журнал. - 2019. - С. 50-54.
5. Отчёт внешней торговли России и Монголии в 2018 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. [Электронный ресурс]. - Внешняя торговля России. - 2019. - Режим доступа: (<http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-mongolii-v-2018-g/>)
6. Официальный сайт Свободной экономической зоны «Замын-Ууд». - [Электронный ресурс]. - Отчет первого полугодия 2019 года. - Режим доступа: <http://zfz.gov.mn/w/>
7. Официальный сайт Свободной экономической зоны «Цагаан нуур». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://tsagaannuur.freezone.gov.mn/?lang=ru>
8. Проблемы устойчивого развития региона: VIII школа- семинар молодых ученых России: мат-лы докл. 23-27 июня 2016г., Улан-Удэ. - Улан-Удэ:Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. - 342с.
9. Статистические данные Монголии. [Электронный ресурс]. - Статистика товарооборота Монголии: экспорт, импорт товаров и услуг. - Режим доступа: (http://customs.gov.mn/statistics/index.php?module=users&cmd=info_st)
10. Таможенная служба Монголии [Электронный ресурс]. - Годовой отчет таможенной службы за 2018 год. - Режим доступа: <http://customs.gov.mn/>
11. Потравный И.М., Чавез Феррейра К. Йешиа. Анализ моделей «зеленой» экономики в управлении природопользованием // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании. Материалы VIII межд. научно-практ. конф. - М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. - С. 321-325.

References

1. Boldbaatar B. Mongol Ulsyn Niigem Eדיиn Zasgyn usult // Aldar IHEA - 2008. - No. 3. - P. 102-104.
2. Batsuh D. "Olon Ulsyn Hudalдаа, Gadaadin Hurungu Oruulalt ba Chuluut Hudalдаа", 2010.
3. The law of Mongolia. [Electronic resource]. - About the free trade zone. - 2014. - Access mode: (<https://www.legalinfo.mn/>)
4. Davaakhuu N., Potravny I. M., Tishkov S. V., Kulakov K. A. Modeling mining company activities under conditions of resource base depletion: Ecological-and-economic aspect // Gornyi Zhurnal/ Mining Journal. - 2019. - №8. - Pp. 50-54.
5. Foreign Trade Report of Russia and Mongolia in 2018: commodity circulation, export, import, structure, goods, dynamics. [Electronic resource]. - Foreign trade of Russia. - 2019. - Access mode: (<http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-mongolii-v-2018-g/>)
6. The official website of the Zamyn-Uud Free Economic Zone. - [Electronic resource]. - Report of the first half of 2019. - Access mode: <http://zfz.gov.mn/w/>
7. The official website of the Tsagaan Nuur Free Economic Zone. - [Electronic resource]. - Access mode: <http://tsagaannuur.freezone.gov.mn/?lang=en>
8. Problems of sustainable development of the region: VIII school-seminar of young scientists of Russia: materials. June 23-27, 2016, Ulan-Ude. - Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2016. —342 p.
9. Statistical data of Mongolia. [Electronic resource]. - Mongolia trade statistics: export, import of goods and services. - Access mode: (http://customs.gov.mn/statistics/index.php?module=users&cmd=info_st)
10. The customs service of Mongolia [Electronic resource]. - Annual report of the customs service for 2018. - Access mode: <http://customs.gov.mn/>
11. Potravny I. M., Chavez Ferreira K. Ye. Analysis of models of "green" economy in environmental management / / Modern problems of project management in the investment and construction sector and environmental

УДК 342.9

ББК 67.407

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗЕЛЕННЫХ ПОЯСОВ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Оленина Татьяна Юрьевна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Карельский филиал РАНХиГС, Петрозаводск, Россия

tyolenina@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются основные правовые проблемы в связи с введением лесопарковых зеленых поясов в российском законодательстве. Идея создания зеленых поясов очень хорошая и назрела давно, но практическое воплощение в жизнь требует времени, совершенствования правовых норм, отработанного механизма их исполнения, профилактики правонарушений и другого. Интересен опыт Канады по созданию лесопарковых зеленых поясов, например в Оттаве, но для России не все подходит.

Ключевые слова: зеленый пояс, Федеральный закон «Об охране окружающей среды», земли лесного фонда, земли населенных пунктов, правовой режим.

THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE GREEN BELTS OF BORDER TERRITORIES

Olenina, Tatiana

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Karelian Branch), Petrozavodsk, Russia

tyolenina@mail.ru

Abstract. The paper considers the major legal problems in connection with the introduction of forest green belts in the Russian legislation. The idea of creating green belts is very good and this is long overdue, but practical implementation requires time, improvement of the legal norms, the exhaust mechanism for their enforcement, prevention and other. Interesting experience of Canada on the establishment of a park, such as green belts in Ottawa, but Russia is not everything fits.

Keywords: a green belt, Federal law "on environmental protection", Forestry Fund lands, land settlements, the legal regime.

Зеленые пояса, пролегающие на территории нескольких стран, являются сложными объектами, подлежащими правовой охране на основе международных соглашений и национального законодательства соответствующих стран, на которых располагаются зеленые пояса.

Концепция зеленых поясов зародилась в Великобритании в 1944 году при разработке плана развития Лондона. В 1955 году Министерством жилищного строительства и местного самоуправления был выпущен циркуляр с рекомендациями для муниципалитетов по созданию зеленых поясов и включению таких территорий в планы развития населенных пунктов [8]. С 70-х годов XX века развивается Зеленый пояс Европы, расположенный вдоль границ бывшего СССР и социалистических стран, в настоящее время он включает три региональные секции: Зеленый пояс Фенноскандии (ЗПФ), Центрально-европейский и

Балканский (Юго-восточный) европейский зеленые пояса [3, с. 155]. Одним из ярких примеров зеленых поясов приграничных территорий выступает Зеленый пояс Фенноскандии. Он представляет собой вытянутую вдоль российско-финляндской (а на севере также и вдоль норвежской) границы территорию от Баренцева до Балтийского моря. В ЗПФ также входит акватория, острова и побережье Финского залива в пределах Ленинградской области [4].

Нововведением в действующее национальное российское законодательство является появление норм о лесопарковых зеленых поясах (далее ЛЗП). В определении данных поясов отмечается, что они включают в себя территории, на которых расположены леса (статья 62.1 Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ "Об охране окружающей среды"). Видимо в ЛЗП законодателем предполагалось объединить городские леса, зеленые зоны и лесопарковые зоны и другие озелененные территории. Примечательно, что соответствующие изменения о ЛЗП не внесены в ЗК РФ, ЛК РФ 2006 г. В результате в отдельных субъектах РФ были созданы ЛЗП, например, в Республике Адыгея - ЛЗП г. Майкоп, в Республике Алтай – ЛЗП г. Горно-Алтайска, Республике Карелия – ЛЗП г. Петрозаводска и других.

Между тем законодатель четко не оговаривает границы ЛЗП и на землях, каких категорий они должны создаваться: внутри населенного пункта или за его пределами на землях лесного фонда. Из анализа пункта 11 статьи 62.2 Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ следует, что ЛЗП могут создаваться на землях и земельных участках различных форм собственности, в том числе частной. Тем самым законодатель не учел конфликт интересов между собственником земельного участка и необходимостью создания ЛЗП уполномоченными на то субъектами.

Аналогичная проблема существовала в Канаде, при планировании создания зеленого пояса вокруг столицы – Оттавы. Согласно плану озеленения Оттавы 1950 г. предполагалось, что зелёный пояс (Greenbelt) шириной около 4 км будет окружать город и часть его пригородов. Но возникло сопротивление со стороны местных властей пригородов, которые были против создания зеленого пояса Оттавы и отказывались включать зеленый пояс в свои местные планы и законодательные акты. Решением проблемы стал массовый выкуп территорий (из них 40 % принудительно) в 1956 году федеральным правительством Канады [7]. В дальнейшем шло увеличение площади зеленого пояса Оттавы и в настоящее время его земли большей частью находятся в государственной собственности (из них 75 % у государственной корпорации - Национальной Столичной Комиссии) [6].

Решение о создании ЛЗП в России принимается законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ, либо Правительством РФ по согласованию с соответствующими субъектами РФ (если вокруг города федерального значения или на территориях нескольких субъектов РФ). Возникает вопрос, насколько правомочно будет такое решение на уровне субъекта РФ, когда речь будет идти о землях лесного, водного фонда, особо охраняемых территориях и других категорий, находящихся в федеральной собственности. Ничего в законодательстве не упоминается о необходимости согласования создания ЛЗП с собственниками земельных участков.

В определении ЛЗП указывается, что «...составляют с ними единую естественную экологическую систему». В настоящее время сложно представить наличие естественной экологической системы в населенных пунктах, особенно в городах и вокруг них, поскольку так или иначе на объекты природы влияет антропогенный фактор.

Согласно статье 62.2 Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ для создания ЛЗП сначала уполномоченные субъекты обращаются в общественную палату субъекта Российской Федерации, но еще одну из проблем составляет тот факт, что последняя не обладает полномочиями и необходимой информацией для определения границ ЛЗП, в том числе информацией о территориях, которые по пункту 3 статьи 62.1 Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ не могут включаться в ЛЗП.

Представители юридической науки отмечают еще одну проблему, связанную с особенностью правового режима ЛЗП, который является более мягким по сравнению с водоохранными зонами, защитными лесами и другими объектами с более строгим правовым

режимом, которые могут войти в территорию ЛЗП [2, с. 206]. Например, в состав ЛЗП вокруг г. Петрозаводска вошли земли населенных пунктов, земли лесного фонда, особо охраняемая природная территория - ландшафтный заказник "Заозерский", жилая зона с зелеными насаждениями, зона зеленых насаждений общего пользования, городские леса, Заозерское лесничество, лесопарки, рекреационные зоны (парки, бульвары, сады, аллеи, скверы, зеленые зоны общего пользования). Тем самым были объединены зоны с различными правовыми режимами. В настоящее время Федеральным законом от 29.07.2017 N 280-ФЗ эта проблема была решена, в котором говорится о том, что сохраняется правовой режим территорий с более строгим режимом природопользования и иной хозяйственной деятельности (пункт 5 статьи 62.1 Федерального закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ).

Тем не менее, остается не решенным вопрос, если ЛЗП будет создаваться на территориях двух и более муниципальных образований, то законодательно не урегулировано в чьей собственности ЛЗП или чьи это будут полномочия по их содержанию [5, с. 36].

Подводя итог, необходимо отметить, что рассмотренное нововведение вызывает много вопросов и проблем, которые решаться будут при практической реализации правовых норм, и наверняка последние будут постепенно совершенствоваться. Это говорит о несовершенстве и некачественной проработке закона. На примере зеленого пояса Оттавы видно, что его формирование требует десятков лет (с 1950 г. по настоящее время). Причем сейчас не планируется увеличение площади зелёного пояса Оттавы, но площадь внутренних озеленённых территорий все равно будет расширяться за счёт развития зелёных коридоров, парков и отдельных элементов озеленения (зелёные стены, зелёные крыши и другого) [1, с. 1].

Поэтому не нужно ожидать, что и в России в след за принятием закона за 2-3 года вырастут лесопарковые зеленые пояса. Сама идея об их создании очень хорошая и назрела давно необходимость в этом, но практическое воплощение в жизнь требует времени, совершенствования правовых норм, отработанного механизма их исполнения, профилактики правонарушений и другого. Для устранения уже имеющихся проблем предлагается следующее.

Прежде всего, необходимо изменить дефиницию ЛЗП, определив, что это зоны на землях населенных пунктов с ограниченным режимом природопользования и иной хозяйственной деятельности, включающие в себя территории, на которых расположены природные и природно-антропогенные объекты, находящиеся в муниципальной собственности. По мнению автора в определении нет смысла указывать функции ЛЗП, поскольку они должны отражаться отдельными правовыми нормами.

Опыт Канады конечно полезен, но в России, по мнению автора, не стоит передавать ЛЗП в государственную собственность, а особенно в федеральную. Это связано с тем, что с лесами на землях лесного фонда, как с объектом права собственности, государство не справляется и пользование передано арендаторам, поэтому такая же ситуация, если не хуже будет с ЛЗП. В связи с этим предлагается делегировать полномочия органам местного самоуправления и, чтобы не было конфликта интересов, создавать ЛЗП исключительно на землях населенных пунктов из состава муниципальных земель и земель, собственность на которые не разграничена. Конечно, все это потребует значительных средств из местного бюджета, поэтому необходимо заранее предусмотреть финансирование из федерального и регионального бюджетов, чтобы что-то получилось.

Литература

1. Авраменко А.А., Метлицкая Н.И. Сравнительный анализ подходов к озеленению городов за рубежом (на примере Пекина, Сеула и Оттавы) // Интернет-журнал Науковедение. 2017. Т. 9. № 4. С. 1.
2. Виноградов В.А., Солдатова Л.В., Тайбаков А.А. Отдельные аспекты реализации конституционных прав на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 206.
3. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Курило А.Е. Развитие территорий Зеленого пояса Фенноскандии на основе активизации туризма // Труды Карельского научного центра РАН. 2019. № 4. С. 155.

4. Зеленый пояс Фенноскандии. 20.06.2019. URL: <http://green-belt.krc.karelia.ru/>
5. Коростелева М.В., Коростелева Н.В. Правовое регулирование порядка создания лесопарковых зеленых поясов в Российской Федерации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2018. № 2. С. 36.
6. Canada's Capital Greenbelt Master Plan. – National Capital Commission, 2013. 30.06.2019. URL: <http://s3.amazonaws.com/ncc-ccn/documents/final-2013-greenbelt-master-plan-en.pdf?mtime=20170419220009>
7. Eggleston W. The Queen's Choice. The National Capital Commission, Ottawa, Ontario, 1961. 325 p.
8. The History of the London Green Belt // London Green Belt Council. 30.06.2019. URL: <http://londongreenbeltcouncil.org.uk/history-of-the-green-belt>.

References

1. Avramenko A.A., Omotola N.I. Comparative analysis of approaches to greening cities abroad (for example, Beijing, Seoul and Ottawa) // Internet magazine Naukovedenie. 2017. T. 9. No. 4. P. 1.
2. Vinogradov V.A., Soldatova L.V., Tajbakov A.A., Certain aspects of the realization of the constitutional rights to health and favourable environmental // Society and law. 2017. No. 4 (62). P. 206.
3. Druzhinin P.V., SHkiperova G.T., Kurilo A.E. Development of green belt of Fennoscandia through increased tourism // Proceedings of the Karelian scientific Center RAS. 2019. № 4. P. 155.
4. Korosteleva M.V., Korosteleva N.V. Regulation a procedure for creating forest green belts in the Russian Federation // Municipal property: Economics, law, management. 2018. No. 2. P. 36.
5. Green belt of Fennoscandia. 30.06.2019. URL: <http://green-belt.krc.karelia.ru/>
6. Canada's Capital Greenbelt Master Plan. – National Capital Commission, 2013. 30.06.2019. URL: <http://s3.amazonaws.com/ncc-ccn/documents/final-2013-greenbelt-master-plan-en.pdf?mtime=20170419220009>
7. Eggleston W. The Queen's Choice. The National Capital Commission, Ottawa, Ontario, 1961. 325 p.
8. The History of the London Green Belt // London Green Belt Council. 30.06.2019. URL: <http://londongreenbeltcouncil.org.uk/history-of-the-green-belt>.

ИННОВАЦИОННЫЙ АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КЛАСТЕР В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ОПЫТ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Пивоваров В.К., Глаз А.Т.

Могилевский государственный университет продовольствия, г. Могилев, Республика

Беларусь

pivovarov.08@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена активизации государственной инновационной политики. Упорядочены представления о месте инновационных кластеров в общей экономической стратегии Беларуси. Методологическую основу работы составили концепции ведущих экономистов, реализующих современные подходы к анализу экономики инноваций и регионального развития. Инновационные кластеры предназначены для обеспечения роста в регионе количества новых компаний с высокой конкурентоспособностью и сильными брендами.

Ключевые слова: инновационные кластеры, инновационные стратегии, коллаборация, управление инновационными кластерами.

INNOVATIVE AGRICULTURAL CLUSTER IN THE REGION DEVELOPMENT SYSTEM: EXPERIENCE OF THE EUROPEAN UNION COUNTRIES

Pivovarov V., Glaz A.

Mogilev State University of Food

pivovarov.08@mail.ru

Abstract: The article is dedicated to the intensification of state policy. The idea of the place of innovative clusters in the overall economic strategy of Belarus is arranged. The concepts of leading economists implementing modern approaches to the analysis of the economy of innovation and regional development form the methodological basis of the article. Innovative clusters are designed to ensure the growth of the number of new companies with high competitiveness and strong brands in the region.

Key words: innovative clusters, innovative strategies, collaboration, innovative clusters' management

Развитие и конкурентоспособность региона зависят от его способности быстро реагировать на меняющиеся внешние факторы, создавать благоприятные условия для ведения бизнеса, генерировать идеи и проекты своего развития. Регион, привлекающий инвестиции под свои проекты, в итоге становится способным концентрировать цепочки добавленной стоимости на своей территории, обеспечивая экономическую основу развития. Уровень науки, технологий, инноваций, рынка знаний (в самом широком контексте) рассматривают в качестве важного, а зачастую, и ключевого фактора ускорения темпов роста национальных экономик. При этом вектор их развития в каждой стране существенно зависит от форматов, моделей, эффективности деятельности различных экономических акторов, включая государство.

В соответствии с Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы, кластеры определены основополагающим объектом государственной политики стимулирования инноваций. Программой предусмотрен переход от поддержки отдельных предприятий, удовлетворяющих определенному перечню критериев как инновационные, к поддержке не просто групп предприятий, но эффективных взаимосвязей между участниками НИОКР. В рамках кластера в число объектов поддержки входят не только предприятия-производители, но и обслуживающие их компании, образовательные учреждения, финансовые институты развития, а самое главное – механизм эффективного взаимодействия между этими участниками.

Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров утверждена в Беларуси постановлением Совета Министров № 27 от 16 января 2014 года [1]. Государственная поддержка включает субсидирование затрат на создание и организацию деятельности центров кластерного развития, а также части затрат на создание специализированной инфраструктуры кластерного развития; предоставление организациям кластерного развития оборудованных помещений и обеспечение их комплексом специализированных услуг. Оказание государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства предусмотрено указом от 21 мая 2009 года №255 «О некоторых мерах государственной поддержки» [2]. Указом предусмотрено предоставление субсидий проектам, связанным с формированием инновационно-промышленных кластеров. Инструментом поддержки участников кластера служит инновационный фонд, который есть у каждого облисполкома. Доступны средства на безвозвратной и безвозмездной основе в рамках Указа №357 «О порядке формирования и использования средств инновационных фондов». На научное обеспечение кластеров должны направляться основные ресурсы, включая средства бюджетов, инновационных, венчурных фондов, прямые инвестиции [3]. Важна интеграция научных организаций в кластеры, создающие непрерывные цепочки добавленной стоимости. Реализация кластерной политики в Беларуси нашла отражение в создании медико-фармацевтического кластера в Витебской области (зарегистрирован 19 августа 2015 года) [4]. В его составе Витебский государственный медицинский университет и ряд малых и средних инновационных предприятий.

Производство продуктов питания в Республике Беларусь – отрасль, которая в полной мере обеспечивает продовольственную безопасность страны (рисунок 1). Основными направлениями развития отрасли являются производство молочных продуктов, мяса и мясопродуктов (более 50% в объеме производства продуктов питания, напитков и табачных изделий). Доля сельскохозяйственного производства составляет 6-7% объема ВВП. При этом в сельскохозяйственном секторе работает около 8% от общего количества занятых в экономике страны. Импорт продовольствия составляет менее 10% всего объема потребления. В 2018 году экспорт сельскохозяйственной продукции превысил 5 млрд. долларов. В общем объеме экспорта ее доля составила 15,5%.

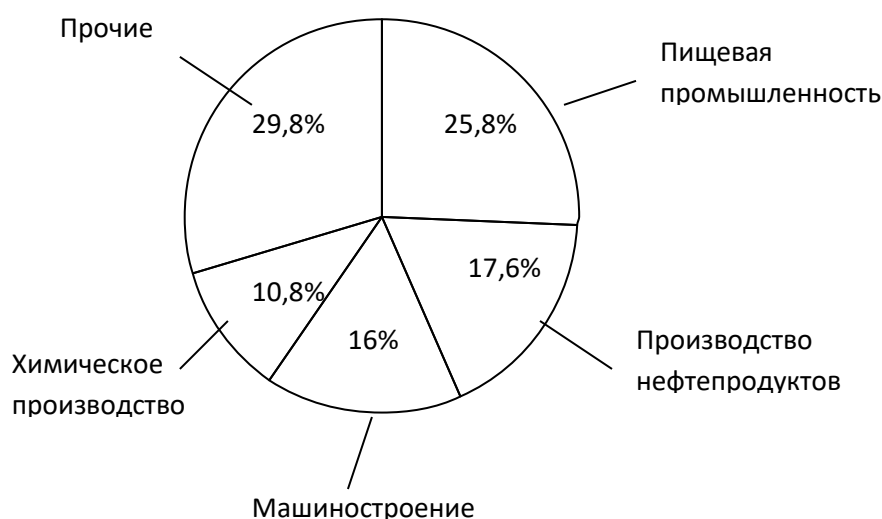

Рис. 1. Структура обрабатывающей промышленности Республики Беларусь

Всего в Могилевской области производством промышленной продукции занимаются более 1200 предприятий с общей численностью работающих более 100 тыс. человек или порядка 30% от общей численности занятых в экономике региона. В регионе производится

более 30% республиканского объема плодоовощных консервов, около 25% - кондитерских изделий из шоколада и сахара, порядка 15% - муки, цельномолочной продукции.

На основе данных национальной статистической отчетности, количество инновационно активных предприятий в Беларуси не превышает 25%. В нынешнем десятилетии имеет место снижение количества инновационно активных субъектов хозяйствования в отечественной промышленности на 22,8%. Доля продукции и услуг, новых для мирового рынка, в общем объеме производства инновационной продукции и услуг инновационного характера составляет менее 2%. На протяжении рассматриваемого временного отрезка она сократилась в три раза. Масштабы инновационной деятельности в Республике Беларусь на сегодняшний день следует оценить как относительно небольшие и нуждающиеся в существенном увеличении. Это требует активизации государственной инновационной политики. По мнению экспертов [5], бизнес и органы государственного управления не проявляют должного интереса к инновационным кластерам. Они не имеют четких представлений о функциях кластеров как инструмента повышения конкурентоспособности. На данном этапе стоит задача упорядочить представления о месте кластеров в общей экономической стратегии Республики Беларусь.

Достижение устойчивого роста требует непрерывной инновационной активности, когда новые продукты, технологии и блага создают сообща участники бизнес-сетей, которые взаимно комбинируют свои ресурсы и возможности в режиме обратной связи [6]. Кластеры считают самой перспективной моделью сетевой организации производства в 21-ом веке, а кластеризацию экономики – необходимым условием для ее перехода к инновационной.

Развитие инновационного территориального кластера происходит в результате кластерной инициативы в рамках кластерной политики государства [7]. Вовлечение в кластер организаций позволяет повысить эффективность инновационной политики региона за счет выявления разрывов и узких мест в существующих в регионах продуктовых цепочках [8].

Наряду с научно-образовательными организациями, компаниями и представителями власти в экосистеме кластера всегда присутствуют особые организации – посредники [9]. Такие организации именуют институтами поддержки коллаборации.

Модель организации инновационного территориального кластера, основные задачи его развития и приоритеты государственной поддержки характеризуются тем, что [10]:

- ключевыми задачами развития кластера рассматривают формирование «потока проектов» - высокотехнологичных стартапов выпускников университетов;
- предполагается привлечение крупных отечественных и зарубежных компаний к разворачиванию высокотехнологичного производства на базе имеющегося кадрового потенциала и исследовательской инфраструктуры кластера;
- поддержка кластера должна быть ориентирована на реализацию потенциала и конкурентных преимуществ страны в образовании и науке.

Реализация кластерных стратегий предполагает наличие грантообразующих фондов (институтов, агентств), поддерживающих кластерные инициативы [11].

По оценке экспертов [12], внутренняя конкуренция стимулирует к совершенствованию, способствуя притоку человеческого и финансового капитала, привлечению наиболее динамичных и вытеснению неэффективных субъектов за счет растущей стоимости немобильных факторов производства.

В странах ЕС наличие инновационных стратегий, разработанных с использованием методик умной специализации, стало одним из условий получения регионами субсидий из структурных и инвестиционных фондов [13].

Важная задача при выборе приоритетов инновационного развития состоит в поиске уникальной ниши региона на карте будущих рынков и технологий. Форсайт как инструмент умной специализации позволяет идентифицировать глобальные технологические тренды в отраслях текущей и потенциальной региональной специализации, а также предлагает форматы объединения усилий различных игроков и развития коммуникаций между ними.

Кластерную политику в странах ЕС используют прежде всего с целью стимулирования развития новых или возникающих отраслей [14]. Стратегии умной специализации позволяют региону определить ниши на рынках будущего, в наибольшей степени соответствующие набору имеющихся компетенций, и выработать свой собственный путь к успеху.

Основным инструментом координации усилий всех участников инновационно-технологического развития в странах ЕС служат Европейские технологические платформы (ЕТП) [15]. В роли ключевых инициаторов создания ЕТП и координаторов последующей работы выступают крупнейшие промышленные компании и отраслевые объединения. Стратегическое значение технологических платформ заключается в обеспечении конкурентоспособности не только отдельных наукоемких организаций, но и целых отраслей, регионов и стран [16].

В исследовании И.Г. Дежиной [17] на основании зарубежного опыта сделан вывод о том, что технологические платформы могут выступать инструментом поддержки инновационных кластеров за счет развития сетевых взаимодействий как между кластерами, так и внутри них. Технологические платформы ориентированы на выработку стратегических инновационных решений и на доведение их до реального сектора экономики, а кластеры – на скорейшее практическое применение появляющихся инноваций.

Минэкономразвития РФ практикует принцип выделения средств поддержки путем авансирования затрат центров кластерного развития [14]. При этом бюджетные риски нивелируют за счет направления средств субсидий не напрямую предприятиям, а в бюджеты субъектам РФ. Программы инновационных кластеров сфокусированы на развитие кластерного менеджмента. Создание эффективной системы управления рассматривают в качестве одной из ключевых сфер развития инновационных кластеров.

Таким образом, международный опыт показывает, что кластеризация экономики служит необходимым условием для ее перехода к инновационной. Кластерную политику в странах ЕС используют с целью стимулирования развития новых или возникающих отраслей. Инновационные свойства кластеров определяют не их принадлежность к хайтеку, а особые экономические эффекты, достигаемые при определенном способе и уровне развития сетевых взаимодействий. Инновационные стратегии создают с использованием инструментов умной специализации, форсайта и технологических платформ и бенчмаркинга.

Определено, что партнерскому сближению участников инновационного кластера, поддержке коллаборации способствуют специализированные организации – органы управления кластерами. Создание эффективной системы управления рассматривают в качестве одной из ключевых сфер развития инновационного кластера. Важным условием успеха государственной инновационной политики является стабильная поддержка специализированных организаций инновационных кластеров. Реализация кластерных стратегий предполагает наличие грантообразующих фондов, поддерживающих кластерные инициативы. Результативность инновационных кластеров измеряют количеством и значимостью новых компаний с высокой конкурентоспособностью и сильными брендами.

Литература

1. В Беларуси утверждена концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/v-belarusi-utverzhdjena-kontseptsija-formirovanija-i-razvitija-innovatsionno-promyshlennyh-klasterov-35257-2014>. - Дата доступа: 05.04.2019 г.
2. Поставим кластеры на карту [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.belmarket.by/postavim-klastery-na-kartu>. – Дата доступа: 30.03.2019.
3. Тенденции и перспективы развития промышленного комплекса Республики Беларусь // Национальная академия наук Беларуси. – Минск, 2015.
4. Фармакластер в Витебской области планирует запустить несколько научно-исследовательских проектов, в том числе международных [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://new.nativita.by/novosti-kompanii/farmaklaster-v-vitebskoj-oblasti-planiruet-zapustit-neskolko-nauchno-issledovatelских-proektov-v-tom-chisle-mezhdunarodnyh/>. - Дата доступа: 07.04.2019 г.

5. Актуальные вопросы совершенствования системы регионального развития в Республике Беларусь / проект ЕС «Поддержка регионального и местного развития в Беларуси». – Минск, 2016 – 196 с.
6. Смородинская Н. В. Что такое кластеры и кластерная политика: мировые реалии и российская специфика // Территории и города в мировом и страновом контекстах: материалы семинара, Москва 15 июня 2018 г. / Московская школа управления «Сколково». – Москва, 2018.
7. Инновационный территориальный кластер [Электронный ресурс] / Свободная энциклопедия Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Инновационный_территориальный_кластер. – Дата доступа: 12.10.2018.
8. Кузьминов Я. Стартап в большом городе: для чего Москве инновационный суперкластер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/business/09/08/2018/5b6c1df9a7947d05f7e22c2>. Дата доступа: 15.10.2018.
9. Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. – Москва: ИЭ РАН 2015. – 344 с.
10. Исланкина Е.А. Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня / Исланкина Е.А., Куценко Е.С., Рудник П.Б., Шадрин А.Е. – Москва: НИУ ВШЭ, 2017. – 132 с.
11. Проняева Л.И. Кластерные инициативы как инструмент развития конкурентоспособной экономики / Проняева Л.И., Федотенкова О.А., Павлова А.В // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал). – Орёл, 2018. - №1 – С. 43–52.
12. Куценко Е.С. Пилотные инновационные территориальные кластеры России: модель устойчивого развития // Вестник: Форсайт / ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – Москва, 2015. - №1 – С. 62–55.
13. Куценко Е.С. Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации / Куценко Е.С., Исланкина Е.А., Киндрась А. // Вестник: Форсайт / ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – Москва, 2018. - №1 – С. 25–45.
14. Куценко Е.С. Десять лет кластерной политики в России: логика ведомственных подходов / Куценко Е.С., Абашкин В.Л., Фияксель Э.А., Исланкина Е.А. // Вестник: Инновации / ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – Москва, 2017. - №12 (230) – С.46–58.
15. Дрожжа, Л. Ч. Европейский опыт технологического прогнозирования по организации функционирования технологических платформ (программа «Горизонт-2020») / Л. Ч. Дрожжа // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы IX Международной научно-практической конференции, Минск, 19-20 мая 2016 г. в 2 т. / [редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, УО "Белорусский гос. экон. ун-т". — Минск: БГЭУ, 2016. — Т. 1. - С. 185-187.
16. Гительман, Л.Д. Технологическая платформа как инструмент преобразований научно-образовательной деятельности в университете / Гительман Л.Д., Сандлер Д.Г., Кожевников М.В., Третьяков В.С. // Вестник: Университетское управление: практика и анализ / Уральский федеральный университет. – Екатеринбург, 2015. С.31-41.
17. Дежина, И.Г. Технологические платформы и инновационные кластеры в России – вместе или порознь? // Вестник: Инновации. –Москва, 2013. - №2 (172) – С.35-43.

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В АРКТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТАХ РФ

Питухина Мария Александровна

Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Россия
maria.pitukhina@gmail.com

Толстогузов Олег Викторович

Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Россия
olvito@mail.ru

Аннотация. В рамках поддержанного Фондом Президентских грантов проекта запланировано проведение социологических опросов респондентов (зарубежные трудовые мигранты и принимающее сообщество) в 4-ех субъектах АЗ РФ (Республика Саха (Якутия), Мурманская область, Чукотский автономный округ, Республика Карелия). По результатам исследования были посчитаны Индекс конфликтности и Индекс толерантности применительно к этим 4 регионам. Результаты опросов трудовых мигрантов вызвали большой интерес в исследуемых субъектах, были направлены в региональные органы власти для ознакомления.

Ключевые слова: Арктика, зарубежная трудовая миграция, межнациональные отношения, Индекс конфликтности, Индекс толерантности

EXTREMISM PREVENTION IN ETHNIC RELATIONS IN THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS

Pitukhina, Maria

Karelian Research Center of Russian Science Academy, Petrozavodsk, Russia
maria.pitukhina@gmail.com

Tolstoguzov, Oleg

Karelian Research Center of Russian Science Academy, Petrozavodsk, Russia
olvito@mail.ru

Abstract. It was planned to hold on 2 types of sociological surveys (of foreign labor migrants and host community) within 4 Arctic regions of the Russian Federation (Republic of Sakha (Yakutia), Murmansk Region, Chukotsky Autonomous District, Republic of Karelia) in the framework of the project financed by the Presidential Foundation for civil society organizations. Based on surveys results both Conflict Index and Index of Tolerance were calculated for these 4 Arctic regions. Labor migrants survey results produced a huge interest in the society; the final project outcomes were delivered to Russian Arctic regional authorities.

Key words: Russian Arctic, foreign labour migration, ethnic relations, Conflict Index, Index of Tolerance

В современных условиях, когда значение Арктической зоны и Дальнего Востока России становится настолько велико, представляется важным изучение структуры межнациональных отношений, особенностей миграционных процессов в субъектах данных макрорегионов. С этой целью важным является проведение социологических опросов, как зарубежных трудовых мигрантов, приезжающих на заработки в различные субъекты АЗ РФ, так и опрос принимающего населения, т.е. местных жителей.

Представляется крайне важным выявить факторы и показатели, измеряющие уровень конфликта интересов между местным населением и приезжающими мигрантами, присутствует ли этот конфликт, в целом. С целью решения поставленной задачи представляется важным реализация нового инструментария по оценке миграционного мониторинга - Мультикультурного барометра. Благодаря этому инструментария,

миграционный мониторинг в субъектах проекта осуществлялся с высокой детализацией в разрезах муниципалитетов. В настоящее время чрезвычайно важно понимать, в том числе, как функционирует система профилактики конфликтов на национальной почве такого важного региона, как Арктика [2, с.71]. Проведенный анализ социологических исследований в рамках проекта, поддержанного Фондом президентских грантов, а также мероприятия в субъектах проекта позволят оценить текущую ситуацию в регионах, а также понять, какими должны быть актуальные политические решения в сфере национальной и миграционной политики.

В рамках проекта были проведены опросы принимающего населения и опрос мигрантов на примере двух муниципальных образований в 4-х пилотных регионах Арктики (Республика Саха (Якутия), Мурманская область, Чукотский автономный округ, Республика Карелия). Итого были определены 8 муниципальных образований (г.Якутск, Верхневилуйский муниципальный район, г.Мурманск, г.Североморск, г.Петрозаводск, Кондопожский муниципальный район, г.Анадырь, Анадырский муниципальный район).

Для проведения социологического опроса было разработано 2 типа анкет - для опроса мигрантов (версия в бумажном виде) и анкета для опроса принимающего сообщества. Данная анкета была запрограммирована в гугл-форме https://docs.google.com/forms/d/1CffcdyRvSZaWJcbkLW-kRkENwMkPk7CFnMk8eMe3brM/viewform?edit_requested=true

Для опроса незначительно, но использовался потенциал социальных сетей, соответствующие уведомления были размещены в группах вконтакте (Анадырь (Чукотка), Анадырь Объявления, Про Мурманск – столица Арктики!, yakutsk_news, Нерюнгри).

Количество респондентов, принявших участие в опросах в совокупности (зарубежные трудовые мигранты и принимающее сообщество) в 4-ех субъектах АЗ РФ составило минимум 800 человек из расчета 200 респондентов на 1 субъект РФ.

Как показали результаты опросов, проект оказался «профилактическим» для Арктики. С точки зрения межнациональных отношений в субъектах Арктической зоны России все относительно спокойно.

Результаты исследования показали, что больше всего мигрантов приезжает в Мурманскую область, там реализуется много инвестиционных проектов, в настоящее время данный субъект РФ считается драйвером развития Арктики. Практически нет мигрантов в Чукотском автономном округе, несмотря на то, что в регионе ведется добыча золота и угля. В Республике Саха (Якутия) фиксируется поток из СНГ, особенно, Киргизии. В Карелии – зарубежная трудовая миграция практически нулевая, однако, из СНГ преобладают граждане Украины [1].

Полученные результаты социологических опросов двух типов респондентов – принимающего сообщества и зарубежных трудовых мигрантов – показали, что в двух исследуемых субъектах из четырёх Индекс конфликтности достаточно высокий – Республика Саха (Якутия) и Республика Карелия. Более спокойная обстановка складывается в Чукотском автономном округе и Мурманской области, о чем свидетельствует Индекс толерантности. (Рисунки 1-2).

Проект в целом нашел большой отклик в регионах Арктики. Результаты опросов трудовых мигрантов вызвали большой интерес в исследуемых субъектах, были направлены в региональные органы власти для ознакомления. В конечном итоге, была сформирована партнерская сеть в субъектах АЗ РФ с целью дальнейшей проектной деятельности. Не вызывает сомнения, что проекты, связанные с этой тематикой, играют важную превентивную роль, и должны обязательно поддерживаться.

В заключении определим ряд рекомендаций в целях профилактики экстремизма в межнациональных отношениях в Арктических субъектах РФ. Так, следует поддерживать большее количество проектов по исследованию различных типов миграций (зарубежной, межрегиональной, молодежи), особенно, в регионах Арктики и Дальнего Востока. Необходимо вырабатывать новые подходы с тем, чтобы привлекать молодежь на реализацию

инвестиционных проектов в субъектах Арктики и Дальнего Востока, нежели зарубежных трудовых мигрантов, что сформирует общий более стабильный фон в межнациональных отношениях в отдаленной перспективе.

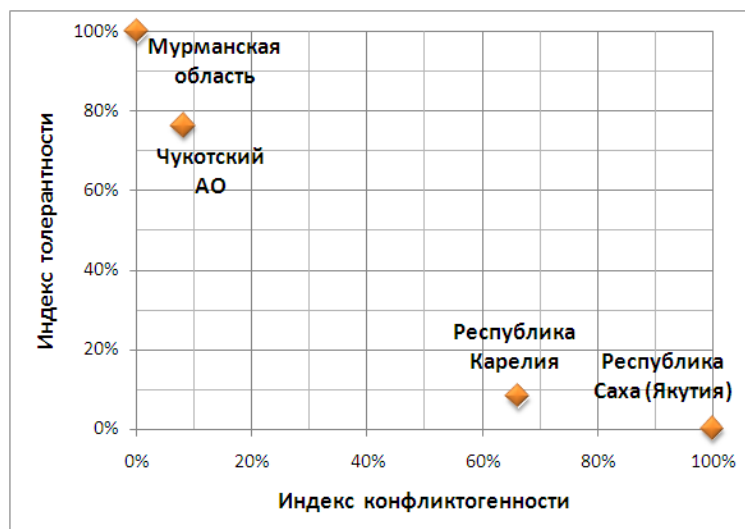

Рисунок 1. Индекс конфликтогенности и Индекс толерантности субъектов Арктики по оценкам социума

Рисунок 2. Инфографическая карта Арктики по результатам опроса респондентов в 4-х субъектах

Литература

1. Мультикультурный барометр: что происходит с миграцией в Карелии? URL <http://rk.karelia.ru/special-projects/uchenyj-sovet/multikulturnyj-barometr-cto-im-izmeryayut/> (10.09.2019)
2. М.А. Питухина. Мультикультурный барометр показывает: в Арктике все спокойно // Журнал «Русский Мир». №9, 2018. Стр. 70-76.

References

1. Mul'tikul'turnyj barometr: chto proiskhodit s migraciej v Karelii? URL <http://rk.karelia.ru/special-projects/uchenyj-sovet/multikulturnyj-barometr-cto-im-izmeryayut/> (10.09.2019)
2. M.A. Pitukhina. Mul'tikul'turnyj barometr pokazyvaet: v Arktike vse spokojno // Zhurnal «Russkij Mir». №9, 2018. Str. 70-76.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Подольская Т.О.

Нижегородский государственный университет, Нижний Новгород, Россия
a9051023@gmail.com

Дмитриева Е.М.

Нижегородский государственный университет, Нижний Новгород, Россия

Ангелова О.Ю.

Нижегородский государственный университет, Нижний Новгород, Россия
oangelova@mail.ru

Кравченко В.С.

Нижегородский государственный университет, Нижний Новгород, Россия

Аннотация: в данной публикации рассмотрена роль человеческих ресурсов в развитии приграничных территорий с помощью современных цифровых и маркетинговых технологий. Представлен опыт привлечения молодежной аудитории в развитие территории. Особое внимание уделено формированию туристического потока в регионы.

Ключевые слова: территория, человеческие ресурсы, стратегия развития, мероприятия

MODERN TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF BORDER TERRITORIES

Podolskaya, T.

Nizhny Novgorod State University, Russia
a9051023@gmail.com

Dmitrieva, E.

Nizhny Novgorod State University, Russia

Angelova, O.

Nizhny Novgorod State University, Russia
oangelova@mail.ru

Kravchenko, V.

Nizhny Novgorod State University, Russia

Abstract: this publication discusses the role of human resources in the development of border areas using modern digital and marketing technologies. The experience of attracting a youth audience in the development of the territory is presented. Particular attention is paid to the formation of tourist flow to the regions.

Keywords: territory, human resources, development strategy, events

В современных условиях отдельные регионы страны конкурируют между собой за финансовые потоки (государственные и частные инвестиции), привлечение туристов, удержание качественной рабочей силы. Особенностью приграничных территорий является усиление конкурентной нагрузки за счет влияния сопредельных стран. В рамках данной работы представлены два фактора, связанные с человеческими ресурсами, которые оказывают значительное влияние на развитие территории.

2017 год был объявлен ООН «Международным годом устойчивого туризма в интересах развития» [1]. В мировой экономике туристическая отрасль занимает третье, после топливной и химической промышленности, место по объемам продукта. В 2018 году объем

туристического рынка достиг рекордного значения в 8,8 триллиона долларов США, обеспечив 10,4% мирового ВВП. По прогнозам Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTCC) рост туристической отрасли будет составлять около 4,4% в год до 2020 года [2], что выше среднемировых экономических темпов роста. В туристический сектор активно приходят современные технологии – в 2017 году 42% всех туристических услуг продавались онлайн, прогнозируется дальнейший рост этой доли.

Говоря о туристической отрасли в нашей стране, можно выделить 3 сегмента, значительно отличающиеся друг от друга по тенденциям и основным характеристикам:

россияне, путешествующие по России. Надо отметить, что наибольшие потоки туристов посещают крупные культурные центры – такие как Москва, Санкт-Петербург, Казань, Калининград, города Золотого кольца. При этом часто остается недооцененным туристический потенциал малых городов центральной части России [3].

россияне, выезжающие за пределы страны. В этой группе отмечается значительное влияние таких факторов как экономический и политический, что негативно отразилось на выездном туристском потоке в 2016 году, когда был отмечен существенный спад выездного турпотока, прирост которого сократился почти в 5 раз. Но отложенный спрос и возвращение возможности посещать Турцию, обеспечили рост выездного туризма в 2017 г., что подтверждается статистическими данными: за первое полугодие 2017 года на 29% возросло число туристических поездок россиян за пределы страны. В 2018 году лидерами по числу посещений стали такие страны как Абхазия, Турция, Финляндия, Казахстан, Китай, Эстония, Польша, Таиланд и Германия [4]. В случае, если путешествие логистически выстроено наземным транспортом, именно этот сегмент туристов может дать дополнительный прирост числа туристов для приграничных территорий;

иностранцы, посещающие нашу страну. В 2018 году рост числа граждан иностранных государств, приехавших в Россию с целью туризма, составил 20% в годовом выражении или 24 млн 551 тысяча туристических поездок. Безусловно, такой рост потока обусловлен проведением в России чемпионата мира по футболу. Но аналитики прогнозируют рост турпотока, при сохранении стабильной политической и экономической ситуаций, на уровне 10–15% в год. В данной ситуации в страну привлекают слабый рубль и облегчение визового режима.

Проведенный компанией НАФИ опрос туристов об источниках информации, которые они используют в путешествиях, продемонстрировал следующие результаты [5], представленные в таблице 1.

Можно увидеть, что значительная часть туристов использует информационные ресурсы – запросы информации через поисковые системы в сети интернет (29% в среднем по России, а среди жителей столиц – почти половина), специализированные форумы (10% в среднем, и в 1,6 раза больше у жителей Москвы и Санкт-Петербурга), специальные мобильные приложения (2%), специализированные он-лайн ресурсы для туристов (5%). Более трети туристов в возрасте от 18 до 34 лет ищут информацию в интернет-источниках, 12% - посещают специальные сайты.

Исследование, проведенное в начале 2018 года крупнейшими туристическими компаниями России совместно с интернет-издательством «Лента.ру», показало, что число путешественников младше 35 лет составляет половину всех туристов [6]. Они наиболее активны и мобильны, часто предпочитают самостоятельно организовывать свои путешествия. Причем, именно эта категория выбирает наземный транспорт, для мобильности, а значит именно они могут быть интересны при разработке туристических стратегий приграничных территорий. Можно констатировать факт – взаимодействие с сегментом «молодежь» является потенциальным драйвером роста и числа туристов, и выручки отрасли. Но эта группа потенциальных туристов имеет ряд особенностей, которые надо учитывать, планируя стратегии привлечения:

ориентированы на постоянное социальное взаимодействие;
боятся одиночества и обыденности;

лучше воспринимают краткую и визуализированную информацию;
ищут новые впечатления, готовы учиться новому;
ориентированы на партнерские отношения с детьми.

хотят получать информацию и услуги в удобное им время и в удобном для них месте, очень часто именно «здесь и сейчас». Социологи называют девизом поколения миллениалов «I want – what I want – when I want it»

Таблица 1

Информация об используемых туристами источниках информации с учетом возраста респондентов

Источник информации	% от всех опрошенных	% от опрошенных, с учетом возраста				
		18-24 года	25-34 года	35-44 года	45-59 лет	60 и старше
Рекомендации друзей и знакомых	44	36	44	49	44	41
Информация в сети Интернет (заранее, до отпуска)	29	34	34	29	28	25
Спрашивали у местных жителей	28	22	29	31	26	29
Просто посещаю те объекты, которые встречаю уже на месте или которые находятся рядом с местом проживания	13	16	15	13	13	11
Ищу информацию на специализированных туристических форумах	10	12	11	11	9	7
Покупаю бумажный путеводитель уже на месте	7	4	8	8	9	5
Покупаю бумажный путеводитель заранее	6	3	5	8	6	6
Пользуюсь он-лайн ресурсами для туристов, купив местную сим-карту	5	7	5		5	3
Использую информационные материалы из отеля	4	5	3	6	4	4
Устанавливаю специализированные мобильные приложения	2	2	1	1	2	2

Эти качества определяют те маркетинговые инструменты (конкретизированные элементы комплекса маркетинга (Таблица 2), которые целесообразно использовать для работы с этой категорией туристов:

Оценивая взаимное влияние российского туристического рынка и современных технологий, можно отметить, что в 2018 году 17,8% активных интернет пользователей использовали онлайн-сервисы для получения туристических услуг. Кроме того, социальные сети становятся одним из основных источников информации о путешествиях. По данным Mediascore, аудитория Рунета в 2019 году достигла 93 млн человек, за последние три года она выросла на 7% — в основном, за счет мобайла и пользователей старшего возраста. Наиболее популярными ресурсами по-прежнему остаются социальные сети: Инстаграм, Вконтакте, Facebook, Одноклассники (несмотря на сокращение доли на 3%), YouTube со значительным приростом. Надо отметить, что социальные сети не однородны по своим демографическим показателям. Наибольшая доля молодых участников в сети Вконтакте, где возрастные группы – 18-24 и 25-34 лет – получили по 25,7% и 37%, соответственно. Авторы от 25 до 45 лет наиболее активны в FB. Число пользователей Instagram, платформы, где основной контент – фотографии, в России составляет 9 млн. человек, причем,

преимущественно это молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, около 51% из которых девушки. Эксперты отмечают значительное увеличение активности в российском сегменте Инстаграм. По трафику в Инстаграм, Россия занимает второе место в мире (после США). Важно, что большинство авторов Инстаграм являются активными пользователями других соцсетей — доля кросспостинга из Инстаграм в другие соцсети превышает 50% сообщений [7]. Таким образом, для эффективного продвижения региона необходимо задействовать эти современные инструменты.

Таблица 2

Marketing-Mix для молодежного сегмента Российских туристов (составлено авторами)

Товар (product)	Рынок (place)
Ориентированный на новые впечатления с возможностью получения ярких визуальных образов для размещения в социальных сетях	Использование новых каналов – привязка продаж к конкретному событию или формирующемуся тренду
Цена (Price)	Продвижение (promotion)
Гибкая ценовая политика	В мобильных приложениях и играх, через лидеров мнений (блогеров, селебрити...), вовлекая в активное взаимодействие (игры, чаты.)

Важным моментом является предложение туристам контента, ориентированного именно на те ценности, которые для них важны и значимы. Это обуславливает необходимость исследования именно молодежных ценностных ожиданий. Примером успешной адаптации города к потребностям современной молодежи можно считать Йошкар-Олу. Город, который словно специально создан для размещения в Instagram: яркий, необычный и очень эмоциональный. Это сказывается на количестве снимков с видами города, размещаемые туристами в социальных сетях, что, давая вирусный эффект, привлекает новых туристов. После реконструкции города и формирования узнаваемого «фирменного» вида площадей и набережных, число упоминаний города в социальных сетях неуклонно растет.]

Кроме работы над визуальным образом города, активно формируется историческая смысловая основа, которая позволяет рассказывать о городе с использованием ярких образов (storytelling) – Пугачевский Дуб, Йошкин Кот. Что, в свою очередь, находит отражение в сувенирной продукции, которая однозначно идентифицируется с данной территорией. Кроме того, в рамках системной работы по повышению туристической привлекательности, в Йошкар-Оле внедрена Карта Гостя, позволяющая воспользоваться услугами музеев, театров, ресторанов и отелей со скидками. Как результат - по итогам 2017 года туристический поток составил более 610,0 тыс. туристов и экскурсантов, что дает 9 % рост по сравнению с 2016 г. и почти в 3 раза превышает число жителей.

В условиях системы глобализации и создания однотипных городов-мегаполисов для привлечения туристов необходим оригинальный, неповторимый, особенный, узнаваемый контент. Таким образом, к современным инструментам привлечения молодежной аудитории как наиболее перспективного туристического сегмента, можно отнести: SMM продвижение, дающее вирусный эффект; storytelling - разработка яркого и интересного сюжета, короткой легенды; узнаваемая туристическая символика; создание локальной инновационной туристической инфраструктуры – арт-объектов; разработка и продвижение городских событий. Использование этих инструментов может дать повышение лояльности и местной молодежной аудитории, интересы которой во многом идентичны. Что поможет в решении другой, не менее важной, проблемы любого нецентрального региона - оттока лучших кадров в столицу, а в случае приграничных территорий — еще и за пределы страны. Это приводит к снижению качества трудовых ресурсов, что ведет к заметному падению уровня конкурентоспособности территории. Для улучшения ситуации целесообразно более

эффективно использовать имеющиеся ресурсы, одним из которых является потенциал молодежи.

Молодежь, причастная к решению проблем региона, по данным исследования Логинова А.В. [8] более лояльна к территории и менее склонна к мобильности, при условии, что регион создает условия для развития и самореализации. Инструментом, позволяющим реализовать и вовлечь население молодежных возрастных групп в реальные программы проекты, направленные на развитие территории, являются массовые мероприятия, ориентированные на создание и реализацию инициатив.

Интересен, например, опыт Нижегородского государственного университета им.Н.И.Лобачевского по проведению в сентябре 2018 года фестиваля предпринимательских идей. Одной из тем фестиваля была разработка концепции позиционирования Нижнего Новгорода - для внешних пользователей в рамках программы «Нижний Новгород на шелковом пути» и для жителей города. Участники фестиваля – студенты ННГУ, участвовали в опросе, направленном на выявление их мнения о развитии городской среды и ее достоинствах и недостатках. Выборка исследования составила 186 человек в возрасте от 17 до 24 лет. Средний возраст опрошенных - 19,5 лет.

В вопросе «Насколько Вы считаете Нижний Новгород городом привлекательным для молодежи?» большинство (32,36%) поставило оценку «4» (по семибалльной шкале), «5» поставили 25,27% опрошенных, «6» - 16,67%, «7» - 4,84%. Таким образом, респонденты считают Нижний Новгород скорее привлекательным, чем не привлекательным для молодых людей, как жителей города, так и туристов. Но признают необходимость внесения изменения в организацию городской среды. Об этом в рамках исследования заявили почти 80% участников опроса. В целях создания привлекательного образа города наибольшее изменение требуется, по мнению молодежной аудитории, трем сферам городской среды – «развлечения» (20%), «экология» (18,3%) и «транспортная инфраструктура» (14,44%).

Для совершенствования направления «Развлечения» необходимо проведение большего числа мероприятий, разработка развлекательных программ выходного дня и интересных событий, расширение возможных мест отдыха, создание тематических проектов. Цель всех предложений – насыщение города событийным контентом, который удобно транслировать в социальные медиа. Среди предложенных студентами проектов можно выделить «Центр дайвинга на Мельзаводе», «Развлекательные крыши», «Речные прогулки», разнообразные гастрономические фестивали и массовые спортивные мероприятия. Через год — в сентябре 2019 года — молодые люди предлагали реализовать проекты, находящие отражение в социальных сетях: Insta-улица, хэштеги «Нежный Нижний» и «Нижний — столица закатов».

Направление «Экология» включает в себя создание зон рекреации с элементами ландшафтного дизайна в благоприятных экологических условиях с целью обеспечения качественного отдыха горожан и гостей города. Для этого предлагается использовать не только общепринятые традиционные места отдыха (парки, скверы и т.д.), но и нестандартные, ранее не используемые для этих целей площадки. Во время генерации идей молодежной аудиторией было предложено использовать плоские крыши, склоны оврагов, пляжные зоны и набережные.

В рамках повышения привлекательности города в глазах туристов, молодое поколение отдельно выделило такой фактор как «транспортная система города». Предложенные проекты касались развития метрополитена в черте города, а также различных вариаций car-sharing и проката транспортных средств, использование инновационных видов транспорта (сигвеи, веломобили, «Кулибомобиль») как в экскурсионных целях, так и для повседневных нужд жителей города.

Таким образом, концепция вовлечения молодежи через мероприятия может быть реализована в форме фестиваля для молодых жителей региона, проводимого с помощью инновационных педагогических инструментов и современных информационных технологий, направленного на генерацию идей и проработку проектов по развитию территории. Такой

фестиваль является «точкой входа» креативных идей молодежи в процесс территориального управления, частью соучаствующего проектирования комфортной городской среды и стратегии развития территории, и вовлекает молодых людей в создание социальных и коммерческих проектов. Целевой аудиторией проекта являются с одной стороны администрация территориального образования, которая получает идеи для развития территории и вовлеченных в процесс жителей (а не просто присутствующих или даже отсутствующих на публичных слушаниях планов администрации), с другой — студенчество и молодежь, получающие в рамках фестиваля знания по маркетингу, стратегиям, бизнес-планированию и сформированные «компетенции XXI века» (креативность, проектное мышление, презентации), а также возможность реализации собственных идей. В отличие от других мероприятий, где предполагается генерация идей, предложенное не предполагает первичного отбора (участвуют все желающие), проходит на территории региона, имеет образовательные блоки и практику по разработке проекта, которая может быть реализована в том числе и дистанционно, возможно - на образовательной платформе, обратную связь от экспертов, возможность сразу представить проект администрации. Кроме того, созданные молодежью продукты, направленные на самореализации на своей территории, способны оказать экстернальный эффект и на туристические потоки в регион за счет формирования интересных мероприятий и привлекательных локаций.

Литература

1. Организация объединенных наций провозглашает 2017 год Международным годом устойчивого туризма в интересах развития // World Tourism Organization UNWTO [Электронный ресурс] URL:<http://media.unwto.org/ru/press-release/> (дата обращения 14.06.2019)
2. Туристический рынок России: итоги 2016, прогнозы 2017 // [Электронный ресурс] URL: <https://nafi.ru/analytics/turisticheskiy-rynok-rossii-itogi-2016-prognozy-2016/> (дата обращения 22.06.2019)
3. Ангелова О.Ю., Дмитриева Е.М. Малые города как акселератор туристического кластера региона // Туризм: право и экономика, 2016, № 4, с. 19-24
4. Итоги выездного туризма за I полугодие 2018 года // [Электронный ресурс] URL: , <https://www.trn-news.ru/digest/62601>(дата обращения 24.06.2019)
5. Туристические предпочтения россиян: в моде активный отдых // [Электронный ресурс] URL: nafi.ru(дата обращения 01.06.2019)
6. Молодые да мобильные // [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2017/05/23/teentravel> (дата обращения 22.06.2019)
7. Аудитория российского сегмента интернета в 2019 году // [Электронный ресурс] URL: <https://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/auditoriya-rossiyskogo-segmenta-interneta-v-2019-godu> (дата обращения 19.06.2019)
8. Логинов А.В. Социальная мобильность молодежи в условиях социально-экономической ситуации региона // Вестник Тамбовского университета, Серия Гуманитарные науки, 2015, № 4(144), с.69-76

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Попкова Людмила Ивановна

Курский государственный университет, Курск, Россия
geopoli@mail.ru

Аннотация. Обосновывается необходимость разработки приоритетных направлений комплексного социально-экономического развития приграничного пространства, учитывающего своеобразие исследовательской практики выявления и анализа причинно-следственных взаимосвязей, влияющих на его региональное развитие в условиях контактного и барьерного приграничья.

Ключевые слова: приграничное пространство, стратегия, комплексность, социально-экономическое развитие, Россия, Украина

STRATEGIC PRIORITIES OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER DEVELOPMENT

Popkova, Lyudmila

Kursk State University, Kursk, Russia
geopoli@mail.ru

Abstract. The necessity of developing priority areas for the integrated social and economic development of the border space is proved. It includes the peculiarity of the research practice of identifying and analyzing causal relationships affecting its regional development in the context of contact and barrier border.

Keywords: border space, strategy, complexity, social and economic development, Russia, Ukraine

Определение стратегических приоритетов развития приграничных территорий обусловлено их географическим положением, территориальной близостью, конфигурацией границы, похожестью исторического пути освоения и заселения территории, языка, культуры, этнических стереотипов, характера и психологических свойств соседствующих народов, сходством хозяйственной специализации промышленного и сельскохозяйственного производства, демографических, экистических, социально-экономических и экологических проблем, общностью природно-ресурсного потенциала.

Комплексный учёт пространственной дифференциации обозначенных условий и факторов направлен на научное обоснование долгосрочных целей и задач, определяющих устойчивое развитие приграничных территорий и обеспечивающих благосостояние их жителей [8]. Поэтому одним из важнейших направлений данного исследования является выявление потенциала приграничности, степени его учёта в документах стратегического пространственного планирования, разработка рекомендаций и выработка приоритетных направлений устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития приграничных территорий различного иерархического уровня.

Географическое положение наделяет приграничные территории особенностями, отличающими их от других регионов. Государственная граница влияет на их экономическое, социальное, демографическое, экологическое и иное устройство и во многом определяется преобладающими функциями разделительной полосы. Характер происходящих процессов зависит от взаимоотношений с соседними странами и может кардинально изменять их вектор.

Показательной в этом смысле является ситуация, сложившаяся в российско-украинском приграничье, где за сравнительно короткий период времени произошли количественные и качественные перемены, свидетельствующие о назревшей необходимости

разработки стратегии социально-экономического развития приграничных территорий, учитывающей как специфику приграничного пространства в целом, так и эволюцию, и направленность отношений соседства.

В ситуации, когда контактные границы превращаются в барьерные, происходят изменения, характеризующиеся разной степенью устойчивости и влияния на пространственную организацию приграничья. Трансформации, обусловленные переменой отношений соседства и функций границы, проявляются в сознании людей, социально-экономических и гуманитарных связях, а также в изменении материальных атрибутов территории: географического рисунка расселения и конфигурации транспортной сети.

Исходя из этого, приграничье рассматривается дуалистически: с одной стороны как обычный, традиционный тип глубинных периферийных территорий, на которые распространяются стратегические приоритеты развития общества, а с другой, – как особый, часто проблемный тип регионов, обладающих особенностями, влияющими на приоритетность стратегических постулатов социально-экономического развития.

Приграничность характеризуется ещё одной важной функцией: она представляет фасад государства: «Свойства фасадности производны от пространственных отношений смежных сторон (стран) по линии их контакта, взаимоположения и взаимной композиции. Не любых, а взятых в аспекте обращенности друг к другу, презентации той страны, о фасаде которой идет речь, и ее восприятия. Понятие фасада, при всей полимасштабности, важнее для задач обзорного характера, что не исключает фокусно-локальных решений» [14, с. 9].

Примерно в этом же контексте рассуждает А.Г. Гранберг, отмечая, что приграничным регионам отводится роль форпостов, авангардов международного экономического сотрудничества. По идее они должны стать лидерами в увеличении экспорта и импорта, привлечении иностранных инвестиций. Развитие внешнеэкономических связей приграничных регионов должно компенсировать их удаленность от главных экономических центров страны, повышая их рыночную конкурентоспособность. Вместе с тем, очевидно, что в интересах усиления экономического единства страны приграничные регионы не должны превращаться в экономические эксклавы, а должны поддерживать активные экономические связи с внутренними регионами (9, с. 336-337).

Важным для нашего исследования является тезис А.Г. Гранберга о том, что в приграничный регион входит территория, которая испытывает существенное влияние государственной границы. Вместе с тем, он подчеркивает, что нет необходимости разрабатывать специальную экономическую политику для всего приграничного региона в силу того, что большая часть субъекта не испытывает влияния сопредельных стран, а «...проблемы регулирования развития приграничья в основном должны решаться на более низких уровнях таксономии...» [9, с. 332].

Следует отметить, что под влиянием границы чаще всего оказываются муниципальные образования, имеющие непосредственный выход к ней. В предыдущих публикациях мы определили их как непосредственное приграничье или приграничье в узком смысле слова [10]. Существует также точка зрения, согласно которой приграничные регионы делятся по территориальному охвату на макро- мезо- и микроуровневые [9]. В статье рассматриваются все три масштаба приграничных территорий, но особое внимание уделяется мезоуровню, или непосредственному приграничью. В российско-украинском порубежье – это 33 муниципальных района и 2 города Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской, Ростовской областей.

Приграничные территории играют важнейшую геостратегическую роль в обеспечении комплексного и устойчивого социально-экономического развития страны [3]. Они не представляют собой единства ни как территориальный, ни как природный, ни как хозяйственный комплекс. Однако выход к государственной границе наделяет их специфическими особенностями, обуславливающими необходимость разработки основных

направлений, программ, стратегий социально-экономического развития приграничных территорий [2¹].

Для определения «точки отсчёта» в разработке стратегических приоритетов социально-экономического развития приграничных территорий были проанализированы официальные публикации из федерального государственного реестра документов стратегического планирования. Наши выводы совпали с результатами, опубликованными А.А. Шишкиным и свидетельствующими о том, что российские регионы недостаточно полно используют выгоды своего приграничного положения [15].

Следует отметить, что интересующие нас стратегии социально-экономического развития российско-украинских приграничных областей: Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской и Ростовской, во многом характеризуются рассогласованностью. В частности, они имеют разные сроки принятия документов и прогнозируемого периода развития (табл. 1). Это, в свою очередь, ведёт к различию в оценках геополитической ситуации, изменившейся после 2014 года. Следует отметить, что в условиях контактной границы документы стратегического планирования уделяли приграничной тематике гораздо больше внимания, учитывали её как один из важнейших факторов пространственного развития.

Таблица 1

Документы социально-экономического развития областей российско-украинского приграничья [1, 4, 5, 6, 7]

Субъект (область)	Срок прогноза	Дата принятия документа
Белгородская	до 2025 года	от 25 января 2010 г. №27-пп
Брянская	до 2030 года	от 20 июня 2008 г. N 604
Воронежская	до 2020 года	от 23 июня 2010 г.
	до 2035 года	от 15 февраля 2016 г. № 58-р
Курская	до 2020 года	от 24 мая 2007 г. № 381
	до 2025 года	от 2 декабря 2014 г. № 527-пг
Ростовская	до 2020 года	от 24.ноября 2011 г. № 1752
	до 2030 года	от 26.декабря 2018 г. № 864

Активно рассматривались проекты создания разнообразных трансграничных сетей производственных и торговых предприятий, налаживалась система формирования общего информационного поля, способствовавшая взаимопониманию, в том числе вследствие изменения взаимных предубеждений, исторических мифов и стереотипов. Анализировались возможности реализации интеграционного потенциала российско-украинского приграничного пространства, превращения приграничного положения в важнейший экономический ресурс.

Эти территории имели вероятность получить новые импульсы экономического развития: увеличить оборот внешней торговли, улучшить инфраструктурное обустройство территории, повысить концентрацию населения преимущественно за счет мигрантов. Предполагалось, что в условиях тотальной депопуляции приграничные районы постепенно превратятся в очаги демографического позитива.

После 2014 года документы отражают полную рассогласованность стратегий, отсутствие обмена опытом, учёта зависимости плотности взаимодействия от потенциала приграничности, удалённости областного центра от границы, фронта границы, протяжённости и конфигурации, наличия препятствий (табл. 2).

Отличительными особенностями российско-украинского приграничного пространства являются усиление барьерности при сохранении высокого уровня взаимовлияний. При этом следует отметить, что распадается единое транспортно-расселенческое и информационное пространство. Наиболее восприимчивой к трансформационным процессам оказалась

¹ Одним из примеров таких документов стала Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа [2].

демографическая ситуация, которая и в условиях контактного приграничья оставалась более сложной, чем в целом по странам.

Таблица 2

Отражение основных направлений использования потенциала приграничности в документах стратегического развития

Область	Основные направления использования потенциала приграничности:					
	Транспортно-логистическое	Внешне-торговое	Производственное	Туристическое	Миграционное	Безопасность
Белгородская	+	+	-	+	-	-
Брянская	+	-	+	-	-	-
Воронежская	+	-	-	-	-	-
Курская	+	+	+	-	-	-
Ростовская	+	-	-	-	-	-

Приграничные районы, представляя собой периферийные, часто экономически слабые «медвежьи углы», концентрировали в себе все изъяны демографической ситуации: низкую рождаемость, высокую смертность, старение населения, большую демографическую нагрузку, особенно со стороны нетрудоспособного населения пожилых возрастов. Следствием этого стала нарастающая депопуляция, охватившая сначала сельские поселения, а затем и городские, начав с малых, добралась и до областных центров, в том числе и до городов-миллионеров (рис. 1, 2). Одной из основных причин складывающейся ситуации стало отсутствие рабочих мест в пригранижье, внутренняя и внешняя миграция трудовых ресурсов.

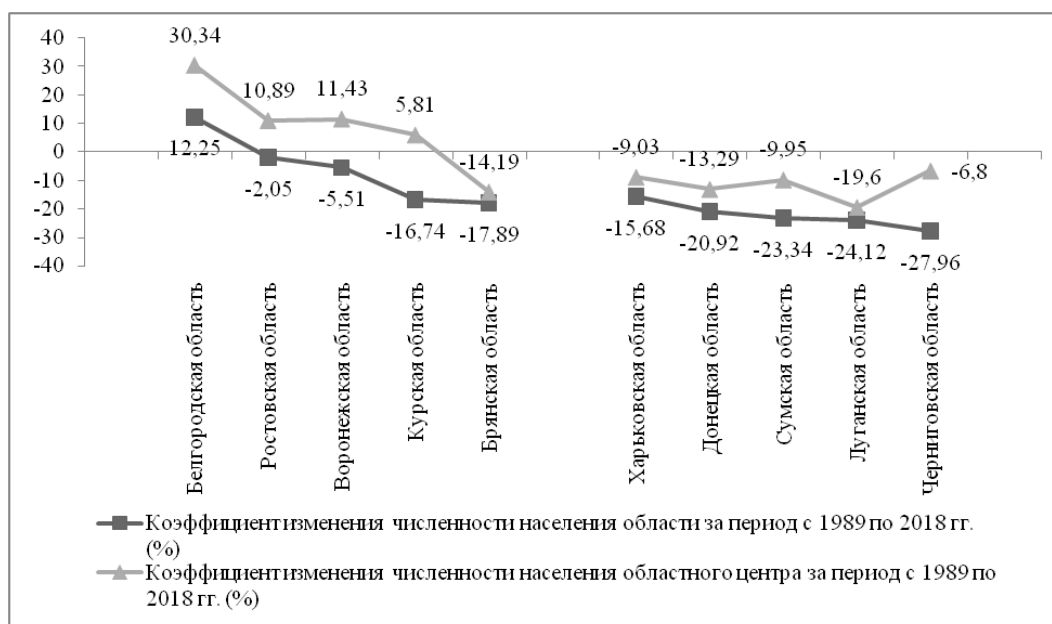

Рис. 1. Прирост (убыль) численности населения областей и областных центров российско-украинского приграничья

В результате, численность населения российско-украинского приграничья существенно снизилась. В настоящее время российско-украинское приграничное пространство населяют почти 22 миллиона человек (2018 г.). Снижение численности населения со времени обретения приграничности составило более 3,2 млн. человек, из которых 2,7 млн. человек (84.4 %) приходится на области украинского приграничья и почти 500 тысяч (15.6%) – российского.

Вместе с тем, особенности агрогеографического положения приграничных местностей позволяют создать новые рабочие места и закрепить экономически активное население. Это возможно, например, за счёт оптимизации экологически чистого сельскохозяйственного производства, формирования новых дестинаций сельского и экологического туризма, использующих сходства и различия культурно-исторических корней проживающего в приграничье субэтноса, специфическую языковую, культурную, этнопсихологическую среду.

Политическое, экономическое, институциональное и культурное разнообразие не мешает проводить политику, направленную на повышение связности территории двух стран. Однако в настоящее время не только не реализован интеграционный потенциал, не извлечены преимущества из приграничного положения, но и многократно усилена барьерность границы. Вместе с тем, приграничные районы и так значительно уступают центрам областей по уровню развития инфраструктуры.

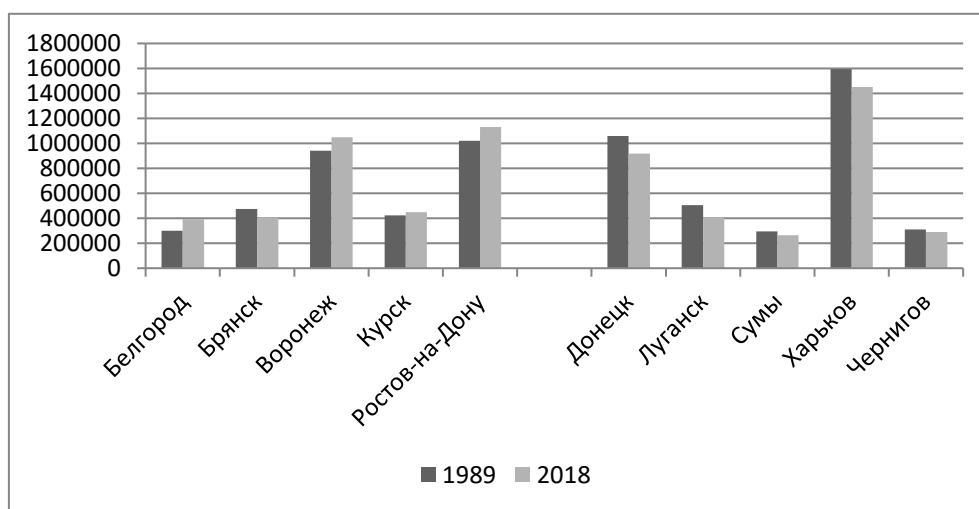

Рис. 2. Изменение численности населения областных центров за период с 1989 по 2018 гг.

Серьёзной проблемой остаётся низкая инвестиционная привлекательность приграничных регионов вследствие инфраструктурного отставания, незначительного природного и социально-экономического потенциала, что сдерживает возможности его модернизации. Вопросы сохранения и, тем более, повышения региональной конкурентоспособности, лежат в плоскости нахождения драйверов инновационного развития, создания новой стратегии – единой концепции и программы социально-экономического развития приграничных регионов, имеющих выход к государственной границе.

На макроуровне приграничности прослеживаются трансформационные тренды, проявляющиеся при движении с северо-запада на юго-восток и определяющие различия в урбанистической и территориально-урбанистической структуре северо-западных, центральных и юго-восточных приграничных регионов [11, 13]. Агломерационный эффект в российско-украинском приграничье выражается в оценке зон влияния крупнейших Харьковской, Ростовской и Воронежской агломераций и степени их воздействия на приграничное пространство.

На мезоуровне приграничные территории, традиционно позиционирующиеся как глубоко периферийные, окраинные, удалённые от центра, при определённых условиях можно рассматривать как существенное конкурентное преимущество вследствие выделения внутри периферийного приграничья собственных центров, точек роста на каждой иерархической ступени, способных обеспечить опережающий рост инвестиционной и предпринимательской активности [12].

В непосредственном приграничье выявлены территориальные группы городов, трансформационный потенциал которых, вследствие близости к границе, обусловлен характером местных трансграничных связей. В российско-украинском приграничье такими точками роста в условиях контактной границы могут стать российские города Трубчевск, Севск, Стародуб, Рыльск, Суджа, Шебекино, Валуйки, Грайворон, Донецк, Гуково. Наилучшими условиями для социально-экономического развития являются места, в которых государственную границу пересекают транспортные магистрали, работают пункты пропуска, расположены городские поселения.

Таким образом, стратегические приоритеты социально-экономического развития российско-украинского приграничья должны учитывать пространственную полимасштабность, специфическую этническую среду и конкурентные преимущества, предоставляемые природно-ресурсным, расселенческим и инфраструктурным потенциалом.

Литература

1. Инвестиционная Стратегия Курской области до 2025 года // Режим доступа: https://adm.rkursk.ru/index.php?id=1187&mat_id=76051 (дата обращения 15.08.2019).
2. Распоряжение Правительства РФ от 28 октября 2015 г. N 2193-р «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа». Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420313859> (дата обращения 15.08.2019).
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/ (дата обращения 15.08.2019).
4. Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года (в редакции постановлений Правительства Белгородской области от 24 декабря 2012 года №590-пп, от 03 июня 2013 года №206-пп). // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/428596289> (дата обращения 15.08.2019).
5. Стратегия социально-экономического развития Брянской области на период до 2030 года // Режим доступа: <http://old.bryanskobl.ru/region/law/view.php?id=19049&type=26> (дата обращения 05.09.2019).
6. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года // Режим доступа: <https://econom.govvrn.ru/its/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения 15.08.2019).
7. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/550327095> (дата обращения 15.08.2019).
8. Федеральный закон № 172 ФЗ О стратегическом планировании в Российской Федерации // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения 15.08.2019).
9. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 495 с.
10. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья // дисс. ... докт. геогр. наук / Институт географии Российской академии наук. – Москва, 2007.
11. Попкова Л.И. Приграничное пространство как особый тип территории (на примере российско-украинского приграничья) // Известия РГО. Т. 137. Вып. 1. М., 2005 – С. 83-89.
12. Попкова Л.И. Приграничное пространство как полигон для исследования территориального неравенства в системе «центр-периферия»
13. Попкова Л.И. Эволюция социально-экономических факторов развития российско-украинского приграничья // В сборнике: Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации Монография. Под редакцией Л.И. Попковой, Цезары Мадры, Л.Б. Вардомского. Курск, 2018. С. 10-18.
14. Трейвиш А. И. Центр, периферия и фасад как дополняющие понятия геострановедения // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). – 2016. – № 5. – С. 4–16.
15. Шишкин А.А. Стратегическое планирование в приграничных регионах России // Экономика и управление. № 5 (115) 2015. – с. 28-33.

References

1. Investicionnaya Strategiya Kurskoj oblasti do 2025 goda // Rezhim dostupa: https://adm.rkursk.ru/index.php?id=1187&mat_id=76051 (data obrashcheniya 15.08.2019).

2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28 oktyabrya 2015 g. N 2193-r «Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya prigranichnyh territorij sub"ektov RF, vkhodyashchih v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga». Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/420313859> (data obrashcheniya 15.08.2019).
3. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/ (data obrashcheniya 15.08.2019).
4. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Belgorodskoj oblasti na period do 2025 goda (v redakcii postanovlenij Pravitel'stva Belgorodskoj oblasti ot 24 dekabrya 2012 goda №590-pp, ot 03 iyunya 2013 goda №206-pp). // Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/428596289> (data obrashcheniya 15.08.2019).
5. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Bryansknoj oblasti na period do 2030 goda // Rezhim dostupa: <http://old.bryanskobl.ru/region/law/view.php?id=19049&type=26> (data obrashcheniya 05.09.2019).
6. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Voronezhskoj oblasti na period do 2035 goda // Rezhim dostupa: <https://econom.govvrn.ru/its/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (data obrashcheniya 15.08.2019).
7. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rostovskoj oblasti na period do 2030 goda // Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/550327095> (data obrashcheniya 15.08.2019).
8. Federal'nyj zakon № 172 FZ O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii // Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (data obrashcheniya 15.08.2019).
9. Granberg A.G. Osnovy regional'noj ekonomiki: Uchebnik dlya vuzov. – 2-e izd. – M.: GU VSHE, 2001. – 495 s.
10. Popkova L.I. Geografiya naseleniya rossijsko-ukrainskogo prigranich'ya // diss. ... dokt. geogr. nauk / Institut geografii Rossijskoj akademii nauk. – Moskva, 2007.
11. Popkova L.I. Prigranichnoe prostranstvo kak osobyj tip territorii (na primere rossijsko-ukrainskogo prigranich'ya) // Izvestiya RGO. T. 137. Vyp. 1. M., 2005 – S. 83-89.
12. Popkova L.I. Prigranichnoe prostranstvo kak poligon dlya issledovaniya territorial'nogo neravenstva v sisteme «centr-periferiya»
13. Popkova L.I. Evolyuciya social'no-ekonomicheskikh faktorov razvitiya rossijsko-ukrainskogo prigranich'ya // V sbornike: Strategiya razvitiya prigranichnyh territorij: tradicii i innovacii Monografiya. Pod redakciej L.I. Popkovej, Cezary Madry, L.B. Vardomskogo. Kursk, 2018. S. 10-18.
14. Trejvish A. I. Centr, periferiya i fasad kak dopolnyayushchie ponyatiya geostranovedeniya // Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov (ARGO). – 2016. – № 5. – S. 4–16.
15. Shishkin A.A. Strategicheskoe planirovanie v prigranichnyh regionah Rossii // Ekonomika i upravlenie. № 5 (115) 2015. – s. 28-33.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕВЕРНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ

Потахин Сергей Борисович

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Аннотация. В докладе дано описание развития туристской деятельности на территории Северного Приладожья (юго-западная часть Карелии), проведена периодизация туристского освоения, определены причины темпов развития и направления туризма в разные временные интервалы. Более полно охарактеризовано досоветское туристско-рекреационное использование Северо-Ладожского региона.

Ключевые слова: туризм, рекреация, паломничество, периодизация, Ладожское озеро, Карелия.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF TOURIST ACTIVITY IN THE NORTHERN LADOGA REGION

Potakhin, Sergey

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The report describes the development of tourist activities in the Northern Ladoga region (South-Western part of Karelia), periodization of tourist development, specified the reasons for the intensity of development and direction of tourism in different time intervals. The pre-Soviet tourist-recreational use of the Northern Ladoga region is more fully characterized.

Key words: tourism, recreation, pilgrimage, periodization, Lake Ladoga, Karelia.

Территория Северного Приладожья¹ разительно отличается от других частей Карелии как в историко-культурном, так и в природном отношении. В системе историко-географического районирования она представляет Ладожско-Карельский историко-природно-хозяйственный район Южной историко-географической провинции Карелии [6]. В политико-административном плане эта часть Приладожья входила в состав разных государственных образований: Шведского королевства, Новгородской республики, Российской империи, Великого княжества Финляндского, Финляндской Республики, Советского Союза, Российской Федерации.

Согласно схеме физико-географического районирования Карелии, территория Северного Приладожья занимает Северо-Приладожский и частично Сайменский и Южный Западно-Карельский среднетаежные ландшафтные районы [1, 2]. На территориях, расположенных вблизи Ладожского озера, преобладает денудационно-тектонический рельеф, на севере кристаллический фундамент перекрыт гляциальными и флювиогляциальными четвертичными отложениями. Вершины-ваары, озовые гряды, шхерные и фьордовые побережья, многочисленные пороги и водопады — типичные элементы приладожских ландшафтов.

Ранее весь ход рекреационно-туристического освоения Северного Приладожья разбивался нами на три основных этапа: довоенный, советский и постсоветский [5]. Но поскольку причины, направления и объемы туристического потока в эти временные интервалы значительно отличались целесообразнее выделить следующие этапы и периоды рекреационного освоения Северного Приладожья:

¹ В материалах доклада под туристской дестинацией «Северное Приладожье» понимается территория Лахденпохского, Питкярантского, Сортавальского и Суоярвского районов современной Республики Карелия.

- Начальный этап
- Паломнический период (до 1809/11 г.).
- Великокняжеский период (1809/11 г. — 1917 г.).
- Финляндский (1917 г. — 1940/44 г.)
- Советский (1944 г. — 1991 г.).
- Постсоветский (с 1991 г.).

Паломнический период характеризуется незначительным потоком посетителей Валаамского и Коневецкого монастырей. В Великокняжеский период количество посещений Северного Приладожья постепенно, а затем резко стало увеличиваться. Продолжался поток паломников на Валаам, начали формироваться экскурсионные поездки. Посещали северо-ладожские территории представители царской семьи, государственные деятели, учёные, студенты Московской духовной академии и др. Так, в 1819 г. Валаамский монастырь посетил Александр I и Великий князь Михаил, а в 1828 г. Элиас Лённрот во время одной из своих экспедиций совершил поездку на Валаам, описав систему приёма паломников.

Увеличению потока посетителей способствовало развитие водного и железнодорожного транспорта. В 80-х годах XIX в. в 4–5 дневные поездки по маршруту Санкт-Петербург — остров Коневец (Коневецкий монастырь) — Кивисалми — Куркиёки — Валаамский архипелаг (Валаамский монастырь) — Сортавала — Санкт-Петербург осуществлялись на пароходах «Валамо», «Ладога» и «Който» [8].

Построенная в 90-х гг. XIX в. Карельская железнодорожная линия способствовала дальнейшему увеличению потока рекреантов. Дорога начиналась в Выборге, проходила через населенные пункты Антреа (совр. Каменногорск), Хийтола, Яккима, Сортавала и далее до Йоенсуу. Участок железной дороги, соединяющий города Выборг и Сортавала, был готов в 1893 г., а до Йоенсуу дорога была достроена в 1894 г. [8].

Причиной популярности Ладожского региона стал также зародившийся финский национальный романтизм. Выход в начале XIX в. в свет эпоса «Калевала» дал сильный толчок развитию туризма в Приладожской Карелии. Связанный с подъёмом чувства национализма большой интерес к Карелии, «карелизм» среди финляндской интеллигенции был наиболее сильным в конце XIX — начале XX в. В это время различные исследователи — этнографы, лингвисты, художники, в ходе своих путешествий изучали и описывали культурные традиции и природу Карелии. Среди известных путешественников-исследователей Карелии можно назвать Самули Паулахарью, изучавшего народное творчество. Художники Альберт Эделфельт и Акселли Галлен-Каллела, композиторы Ян Сибелиус и Роберт Каянус, писатели Юхани Ахо и Эйно Лейно усилили роль Карелии в формировании чувства финляндской самобытности. Художники Пекка Халонен и Фанни Шурберг писали пейзажи в окрестностях Сортавала. На банкноте номиналом 500 марок от 1877 г. был изображен вид на Ладожское озеро с горы Риуттавуори на острове Риеккалансаари [8].

90-е годы столетия ознаменовались зарождением событийного туризма. Начиная с 1896 г. в Сортавала устраивали крупные певческие праздники, собиравшие большое количество участников и зрителей. Четыре раза — в 1896, 1906, 1926 и 1935 гг., здесь проводились «Всефинляндские праздники песни». Самым крупным по масштабу стал певческий праздник 1935 г., посвящённый столетию первого издания карельского эпоса «Калевала». В нём приняли участие около четырёх с половиной тысяч человек (хористов и музыкантов) из 148 музыкальных коллективов Финляндии. Присутствовало более 20 000 человек гостей, что превысило население города более чем в три раза.

Большую роль в развитии туризма сыграла созданная в 1887 г. Туристская Ассоциация Финляндии, которая занималась выпуском путеводителей. В одном из них — «Путеводителе по Финляндии», выпущенном в 1895 г., Ладожской Карелии был посвящён целый раздел в объёме 56 страниц.

В Финляндский период развитие туристской деятельности вышло на довольно высокий уровень. Этому способствовало развитие автотранспортной сети. С ростом благосостояния

граждан Приладожья уже в 20-е годы бурно развивалось «дачное» освоение. На побережье и островах Ладожского озера строилось множество дач. По-прежнему популярностью пользовались поездки на острова Валаамского архипелага, а также на остров Койонсаари. Песчаные и скальные побережья Койонсаари известны под названием «Ладожская Ривьера» [4].

Более десятка автомобильных, водных, пешеходных и комбинированных туристских маршрутов различной протяжённости и продолжительности были проложены по всей территории Северного Приладожья. Они затрагивали не только ранее посещаемые объекты, но и территорию района Толвоярви, где с 1919 по 1939 г. на части бассейна озера Толвоярви существовал национальный парк. В 1921 г. была открыта железная дорога из Сортавалы в Суоярви. Позднее была построена железнодорожная ветка длиной около десяти километров, начинавшаяся от станции Янисъярви. В январе 1931 г. железная дорога была продлена до Питкяранты.

Несмотря на развитие железнодорожного и автомобильного транспорта, Ладожское озеро сохранило своё положение в качестве важного транспортного пути. Главными пассажирскими портами на Ладожском озере были Сортавала и Лахденпохья. Из обоих портов было регулярное сообщение на Валаам. В 1931–1938 г. отмечался большой «валаамский» туристский поток. В 1932 г. монастырскую территорию посетили около 5 000 человек, в 1936 г. — 3 540 из 22 государств [3].

В 30-х гг. XX в. автомобильный сервис был на столь высоком уровне, что позволял развивать автотуризм. В путеводителе «Сортавала — центр земель, где слагались руны Калевалы» отмечалось, что из Сортавалы можно автобусным и автомобильным сообщением попасть во все уголки Приладожья.

Развитию туристской деятельности в советский этап препятствовал «режимный статус» приграничных районов. Однако была организована система турбаз и санаториев, а также пионерских лагерей. Так, туристская база «Сортавальская» находилась в 6 км от города, на острове Риеккалансари. Она функционировала с июня по сентябрь и была рассчитана на 160 мест.

Развитым был самодеятельный водный туризм. Основными реками Северного Приладожья, популярными среди туристов, являлись Лоймола, Туломайоки и Ууксайоки, по которым совершали туристские путешествия I и II категорий сложности. Некоторые пороги оценивались V категорией сложности. Сплав, как правило, проводился на байдарках, реже — на катамаранах.

В начале 90-х годов возродился событийный туризм: в 1990 г. в Сортавале состоялся праздник «Миры встречаются». В 1992 г. праздник повторился.

Постсоветский этап развития туризма предлагается подразделять на два периода: период ностальгического туризма (90-е гг. XX в.) и период туризма как сферы бизнеса (современный период) [7].

В настоящее время Северо-Ладожский регион является одним из лидеров в туристско-рекреационном бизнесе Республики Карелия. Продолжается развиваться туристская инфраструктура, совершенствуется система обслуживания рекреантов и рекламная деятельность, появляются новые экскурсионные объекты

Литература

1. Антонова Р. Ф. Пространственная структура ландшафтов Карелии // Труды КарНЦ РАН. Биogeография Карелии. Серия Б. Биология. Вып. 2. Петрозаводск, 2001. С. 19–26.
2. Антонова Р. Ф., Потахин С. Б. Ландшафтное районирование Карелии // Геосистемы Севера. Петрозаводск: КГПУ, 1998. С. 9–17.
3. Клементьев А. К. Материалы к истории Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам и в местности Папинниemi в Финляндской республике в 1939–1944 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4 (20). С. 200–370.
4. От деревни к деревне: Хийтола — Куркиёки — Элисенваара — Лахденпохья — Мийнала: очерки истории / сост. И. В. Петров. СПб.: Соларт, 2009. 252 с. (Серия «Северо-Западное Приладожье»).

5. Потахин С. Б. Ретроспективный анализ развития туризма в Северном и Северо-Западном Приладожье // Комплексные географические исследования природоохранных территорий Карелии: Программа и тезисы научно-практической конференции. Петрозаводск, 25–26.04. 2000 г. Петрозаводск: КГПУ, 2001. С. 13–20.
6. Потахин С. Б. Историко-природно-хозяйственное районирование территории Карелии (XIX — начало XX в.) // Истоки Карелии: время, территория, народы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 204–216.
7. Степанова С. В. Туризм как перспективное направление развития территории северного и северо-западного Приладожья: ретроспективный обзор // Эволюционная и институциональная экономика: теория, методология, практика исследований (10–14 сентября, 2012 г.) Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. 264 с. С. 208–216.
8. Laatokan pohjoisrannikon kulttuuriympäristö. Suomalainen Kulttuuriperintö Laatokan pohjoisrannikon maisemassa. Культурное окружение северного побережья Ладожского озера. Финское культурное наследие в ландшафте северного побережья Ладожского озера / P. Lintunen, M. Hytönen, K. Ikonen ja S. Kivimäki // Suomen ympäristö. 1998. # 236. 230 p.

References

1. Antonova R. F. Prostranstvennaya struktura landshaftov Karelii // Trudy KarNC RAN. Biogeografiya Karelii. Seriya B. Biologiya. Vyp. 2. Petrozavodsk, 2001. S. 19–26.
2. Antonova R. F., Potahin S. B. Landshaftnoe rajonirovanie Karelii // Geosistemy Severa. Petrozavodsk: KGPU, 1998. S. 9–17.
3. Klement'ev A. K. Materialy k istorii Spaso-Preobrazhenskogo monastyrya na ostrove Valaam i v mestnosti Papinniemi v Finlyandskoj respublike v 1939–1944 gg. // Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii. 2017. № 4 (20). S. 200–370.
4. Ot derevni k derevne: Hijtola — Kurkiyoki — Elisenvaara — Lahdenpoh'ya — Mijjala: ocherki istorii / sost. I. V. Petrov. SPb.: Solart, 2009. 252 s. (Seriya «Severo-Zapadnoe Priladozh'e»).
5. Potahin S. B. Retrospektivnyj analiz razvitiya turizma v Severnom i Severo-Zapadnom Priladozh'e // Kompleksnye geograficheskie issledovaniya prirodoohrannyh territorij Karelii: Programma i tezisы nauchno-prakticheskoy konferencii. Petrozavodsk, 25–26.04. 2000 g. Petrozavodsk: KGPU, 2001. S. 13–20.
6. Potahin S. B. Istoriko-prirodno-hozyajstvennoe rajonirovanie territorii Karelii (XIX — nachalo XX v.) // Istoki Karelii: vremya, territoriya, narody. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2015. S. 204–216.
7. Stepanova S. V. Turizm kak perspektivnoe napravlenie razvitiya territorii severnogo i severo-zapadnogo Priladozh'ya: retrospektivnyj obzor // Evolyucionnaya i institucional'naya ekonomika: teoriya, metodologiya, praktika issledovanij (10–14 sentyabrya, 2012 g.) Petrozavodsk: PetrGU, 2012. 264 s. S. 208–216.
8. Laatokan pohjoisrannikon kulttuuriympäristö. Suomalainen Kulttuuriperintö Laatokan pohjoisrannikon maisemassa. Kul'turnoe okruzhenie severnogo poberezh'ya Ladozhskogo ozera. Finskoe kul'turnoe nasledie v landshafte severnogo poberezh'ya Ladozhskogo ozera / P. Lintunen, M. Hytönen, K. Ikonen ja S. Kivimäki // Suomen ympäristö. 1998. # 236. 230 p.

«ИМАЖИНАЛЬНОСТЬ» ПОГРАНИЧЬЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Проскурина Наталья Валентиновна

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

prosk.n@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются «географические образы», характерные одному из приграничных регионов России – Воронежской области. Раскрыты особенности их формирования и влияния на развитие региона.

Ключевые слова: географический образ, имажинальная география, образ территории, пограничье.

«IMAGINABILITY» OF BORDER VORONEZH REGION

Proskurina, Nataliya

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

prosk.n@yandex.ru

Abstract: The article deals with the «geographical images» characteristic of one of the border regions of Russia – the Voronezh region. The features of their formation and influence on the development of the region are revealed.

Key words: geographic image, imaginal geography, image of the territory, borderland.

Имажинальная география – это достаточно сложное междисциплинарное научное направление современной географической науки, а именно культурной географии, которая сама является частью гуманитарной географии. Имажинальная география «изучает особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику моделирования, способы и типы репрезентации и интерпретации» [2, с. 291]. Синонимом «имажинальной географии» можно считать «географию образов», «образную географию». А под понятием «имажинальность» мы будем рассматривать «образность» изучаемой территории.

Географический образ представляет собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, стереотипов, которые очень ёмко, четко и ярко характеризуют определенную территорию любого иерархического уровня (локальное место, регион, страну). Географический образ есть «феномен культуры, характеризующий стадийное и уникальное состояние общества в данное время и на данной территории» [2, с. 292].

С позиций концепции территориальной организации культуры (А.Г. Дружинин, 1989), географический образ территории можно рассматривать как сочетание «геокультурного субстрата» – антропогенезированные природно-территориальные комплексы (культурные ландшафты), геоэтнокультурных систем и иных форм территориальной организации культуры. К числу последних можно отнести: тексты, как научные, так и литературные с описанием изучаемой местности (рассказы, поэзия, заметки путешественников и пр.); архитектура; искусство, в том числе и народное творчество, ремёсла, особенности оформления и украшения жилья, одежды и т.д.; живопись; историко-культурное и природное наследие; музыка; соцопросы; фото- и видеоматериалы и многое, многое другое. На основе данной теории проанализируем имажинальность (образность) территории Воронежской области – одного из пограничных регионов России.

Воронежская область – один из субъектов РФ, входящая в состав Центрального федерального округа и Центрально-Черноземного экономического района. Она расположена

на юго-западе Европейской части России, в Центральной части Русской равнины. Главная водная артерия региона – река Дон. По природному зонированию Воронежская область – типичная лесостепь и степь. На юго-западе области проходит граница с Украиной. Географическое положение региона во многом и определило специфику географических образов территории.

«Геокультурный субстрат» – антропогенезированные природно-территориальные комплексы – это основа географических образов региона. Три четверти территории Воронежской области покрыто плодородными черноземными почвами. Ещё В.В. Докучаев писал, что «... Нет тех цифр, какими можно было бы оценить силу и мощь Царя почв, нашего русского чернозёма. Он был, есть и будет кормильцем России». Главным фактором, определяющим образные характеристики территории Воронежской области исторически стал именно чернозем. Прямые ассоциативные характеристики заложены сегодня во многие определения: «Центральное Черноземье», «Столица Черноземья», «черноземный край» и др. Не случайно на территории области установлен памятник «Русскому Чернозему», а поэты тысячелетиями воспевают его в своих произведениях:

«Кусок воронежской землицы,
Накормит, даст в Дону напиться,
А сколько мощи, сколько силы,
Снискал он славу для России» (З. Олефир) [1].

Поэты и писатели описывали в первую очередь бескрайние поля, широкие степи, растительный и животный мир, что характеризует природные территориальные комплексы Воронежской области. Некоторые литературные формы и словосочетания устойчиво используются авторами уже столетия: «ковыльная степь», «кормилец чернозем». Встречаются понятия, которые формируют не только образ территории, но отражают и определенную «историю» региона и природных ландшафтов. Так, например, существует общепризнанное понятие «Дикое поле», «дикое поле». Термин ввели в обиход историки, желая подчеркнуть «незаселённость», «опустошенность» территории Центрального Черноземья. Но термин оказался очень ёмким и точным, как в пространственно-временном аспекте, так и в ассоциативном смысле.

Имажинальность Воронежской области широко представлена за её пределами меловыми ландшафтами. Воронежские «Белогорье», «Дивногорье» хорошо известны в России. Русская равнина, в пределах области, разделена р. Дон на Среднерусскую возвышенность и Окско-Донскую низменность. Среднерусская возвышенность расположена по правобережью реки Дон и с востока довольно крутым и высоким уступом обрывается к Дону. Высокие, сложенные мелом и мергелем берега Дона образуют своеобразные белогорья. Местами на них встречаются высокие, в виде башен, меловые останцы – дивы, которые могут образовывать группы – Большие и Малые дивы.

Природные зоны региона – лесостепь и степь определили образные характеристики области в самых разных направлениях: архитектура, градостроение, живопись, литература, топонимы, экономическая специализация и пр. Сочетание элементов лесной и степной природы обусловило «богатство» и разнообразие воронежских пейзажей. Многие творческие люди в своих произведениях с любовью описывают их. Например, И.С. Никитин:

«Степь широкая, степь безлюдная,
Отчего ты так смотришь пасмурно?
Где краса твоя, зелень яркая,
На цветах роса изумрудная...»[1].

Степной характер территории области исторически обусловил распространение здесь сельскохозяйственных антропогенных ландшафтов. К ним относятся распаханное поле, сеяные луга, пастбища, сады. Сельскохозяйственные комплексы самые распространенные в области. Поэтому неслучайно Черноземье и Воронежская область чаще всего ассоциируются с плодородным, сельскохозяйственным краем.

Наиболее распространенным (в плане формирования образа региона) природным комплексом лесостепной зоны, на наш взгляд, стали воронежские дубравы. Не случайно Петр I выбрал именно воронежские земли для строительства первого в России военно-морского флота. А современный «Теллермановский лес», «Шипов лес», «Идеальный Дуб» – это визитные карточки воронежских дубрав.

В геоэтнокультурном выражении, на формирование образа территории большое влияние оказал русско-украинский симбиоз на территории современной Воронежской области [3, с. 96]. Русская колонизация южных окраин Московского государства началась в XVI в., со строительства города-крепости Воронеж (1586г.). Позже, в XVII – XVIII вв., к русским присоединились украинцы (малороссы). Русские и украинцы несколько столетий совместно осваивали территорию региона. Процессы этнического смешения русских и украинцев на русско-украинском пограничье выражены во многих социокультурных процессах:

- смешанные браки, в результате чего появился субэтнос «хохлы». Русско-украинская культура тесно переплелась в повседневной жизни, семейном укладе, быте населения, особенностях строительной планировки и украшения жилых домов, организация жилых и хозяйственных построек и пр.;

- сближение разговорной речи двух народов привело к появлению необычного русско-украинского диалекта. Филологи называют его «суржик»;

- «переплетение» русско-украинских национальных кухонь, в результате чего сегодня в регионе нет четких этнических гастрономических разграничений. Современные хлебобулочные изделия с фруктами и ягодами (открытые пироги, пирожки, блинчики...) символизируют и богатый хлебный русский край, и элементы украинской «ягодной» кухни;

- проявление «украинских мотивов» в традиционном прикладном народном искусстве, устном народном творчестве, фольклоре и многом другом.

Русско-украинский симбиоз на территории региона сегодня широко представлен материальными объектами культуры, духовным наследием. За пределами Воронежской области, с этнокультурных позиций, её могут отождествлять с «Хохляндией» на основе разговорной речи «суржика» (местное население называет её «хохлячьей речью»). Распространенные фруктовые сады региона, палисадники и многое другое – это тоже наследие малороссов, которое уже десятилетия гармонично представлено в регионе.

Образных характеристик территории Воронежской области очень много. Всё их разнообразие раскрыть в рамках одной статьи не представляется возможным. Изучать их более подробно можно по отдельным компонентам или согласно целям исследования: внутренние образы, внешние; привлекательные, непривлекательные и пр. Различные формы территориальной организации культуры и их имажинальность на территории Воронежской области и станут предметом дальнейшего изучения автора.

Литература

1. Стихи Воронежских поэтов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sunhome.ru/poetry/stihi-voronezhskih-poetov>
2. Замятин Д. Н. Имагинальная (образная) география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. С. 291–296.
3. Проскурина Н.В. Русско-украинский симбиоз на территории Воронежской области / Н.В. Проскурина // Вестник ВГУ, Серия: География. Геоэкология. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2017, №4 - С. 95-99.

References

1. The Voronezh poems poets [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.sunhome.ru/poetry/stihi-voronezhskih-poetov>
2. Zamyatin D. N. Imaginalia (shaped) geography. Materials for the dictionary of humanitarian geography / / Humanitarian geography. Scientific, cultural and educational almanac. Vol. 4. M.: heritage Institute, 2007. S. 291-296.

3. Proskurina N. V. Russian-Ukrainian symbiosis in the Voronezh region / N. V. Proskurina // Bulletin of VSU, Series: Geography. Geoecology. - Voronezh: VSU publishing House, 2017, №4-P. 95-99.

РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА BRIDGE

Прохорова Оксана Николаевна

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

oksana_prokhorov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена теме международных образовательных проектов как активному рабочему инструменту приграничного сотрудничества Республики Карелия, Финляндии и Норвегии. В статье приводится пример реализации образовательного BRIDGE-проекта по решению бизнес-кейсов междисциплинарными международными командами студентов. Делается вывод о целесообразности и возможности интеграции кейс-технологии в различные международные проекты в целях улучшения кросс-культурных коммуникаций.

Ключевые слова: международная проектная деятельность, приграничное сотрудничество, BRIDGE-проект, бизнес-кейсы, кросс-культурные коммуникации

DEVELOPMENT OF CROSS-BORDER COOPERATION ON THE EXAMPLE OF CBC BRIDGE-PROJECT

Prokhorova, Oksana

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

oksana_prokhorov@mail.ru

Annotation: The article is devoted to the topic of international educational projects as an active working tool for cross-border cooperation between Republic of Karelia, Finland and Norway. The article provides an example of the implementation of an educational BRIDGE-project for solving business-cases by interdisciplinary international teams of students. The conclusion is made about the feasibility and possibility of integrating case-technology into various international projects in order to improve cross-cultural communications.

Keywords: international project activities, cross-border cooperation, BRIDGE-project, business-cases, cross-cultural communications

Фундамент делового приграничного сотрудничества Республики Карелия, Финляндии и Норвегии составляет международная проектная деятельность, т.е. совокупность международных проектов, связанных с экологией, инфраструктурой, образованием, культурой, спортом и технологиями. Практическое осуществление приграничного сотрудничества осуществляется по трем программам: «Россия — Юго-Восточная Финляндия», «Коларктик» и «Карелия», общее финансирование которых составляет 178 млн. евро и будет продолжаться до конца 2022 года [5].

Приграничное сотрудничество Карелии, Финляндии и Скандинавских стран складывается из прямых связей между предприятиями, муниципалитетами, церквями, общественными и спортивными организациями, университетами.

Например, в настоящее время в Петрозаводском государственном университете в рамках ENI Карелия выиграны гранты по 16 международным проектам. Общее у данных проектов — развитие связи ВУЗов и предприятий малого и среднего бизнеса. Участие автора на встречах-презентациях действующих международных проектов ПетрГУ позволяет классифицировать данные проекты по сфере направленности на 3 группы [4].

В частности, несколько проектов связаны с развитием молодежного предпринимательства посредством решения международными группами студентов реальных кейсов от предпринимателей с Северо-Запада России и Скандинавии, проведения зимних и

летних бизнес-лагерей, конкурса малых грантов для креативных предпринимателей, участия в инвестиционных выставках и ярмарках Slush, Polar Bear Pitching, Start Up Weekend, организации инвестиционных сессий-встреч стартаперов и инвесторов [4].

Другая часть проектов основана на внедрении производственных инноваций, таких как развитие электронной торговли, локальное кино LOKKI, деревянное малоэтажное домостроение с энергосберегающими технологиями в Арктическом регионе, разработка ресурсосберегающих технологий обработки и утилизации осадков сточных вод г. Петрозаводска и г. Сортавала [4].

Также представлено ряд инфраструктурных проектов: создание трансграничного инвестиционного навигатора для моногородов, открытие трансграничного центра передовых лесных технологий, создание на базе ПетрГУ коворкинг пространств открытого доступа для разработки креативных стартапов и творческих инициатив [4].

Таким образом, международные образовательные проекты между Карелией, Финляндией и Норвегией являются одним из рабочих инструментов социально-экономического сотрудничества наших стран.

Остановимся подробнее на одном из действующих международных образовательных проектов приграничного сотрудничества «BRIDGE – Инициатива Баренц региона по содействию экономическому росту и трудоустройству», реализуемом со стороны Республики Карелия Институтом экономики и права ПетрГУ в 2018-2021 годах [1].

Проект BRIDGE входит в программу приграничного сотрудничества СБС Коларктик 2014-2020 гг. при 50% софинансировании Евросоюзом и направлен на расширение приграничного взаимодействия между малым бизнесом, университетами и муниципалитетами; развитие инновационных форм молодежного предпринимательства; содействие в трудоустройстве выпускникам вузов. В проекте BRIDGE, помимо ПетрГУ, принимают участие 4 вуза-партнера: Арктический университет Норвегии (ведущий партнер), Лапландский университет прикладных наук (Финляндия), Мурманский Арктический государственный университет и Университет ИТМО (Санкт-Петербург).

На первом этапе проекта BRIDGE с 18 по 22 марта 2019 года принимающая сторона – Лапландский университет прикладных наук организовала в г.Торнио недельную стажировку 57 студентов вузов-партнеров для решения 10 кейсов, предложенных финскими компаниями, такими как: Oy Aurora Data and Systems Ltd, Oy BeSmart Consulting Ltd, Datadrivers Oy, Novilompolo, Hulkoffgarden AB, Town of Tornio, Tervolan Kurkiaura Oy, Lappari, Puu Tera J. Halonen, Kemi Tourism Ltd., Seaadvantures [1].

Студенты были разбиты на 10 смешанных международных команд, которые в течение недели встречались с представителями финских компаний, обсуждали идеи и способы их реализации, готовили промежуточную презентацию с планом оптимизации поставленных задач. Поездке в Лапландию предшествовали онлайн встречи и командная работа участников BRIDGE, продлившиеся после недельного семинара в г. Торнио еще 8 недель. Финальная презентация результатов работы команд перед своими комиссионерами прошла 20 и 21 мая 2019 года с помощью видео-конференции.

Далее приведем два примера кейса в рамках реализации BRIDGE-проекта, в котором автор выступал проектным координатором и коучем со стороны ПетрГУ.

Кейс «KemiTourism». Финская компания Kemi Tourism Ltd./Experience365 [2] предлагает круизы на ледоколе, размещение в ледяном отеле, проживание в стеклянных виллах с панорамным видом на море, посещение Снежного замка с ледяными и снежными скульптурами, развлекательные и оздоровительные услуги. Среднегодовой оборот компании за 2017 год составил 7,3 млн. евро. В зависимости от сезона среднее количество персонала от 19 человек. Основные посетители комплекса – это туристы из Азии (Китай, Японии, Тайвань, Таиланда, Вьетнама) и Германии. Финские граждане проводят в данном туристическом комплексе корпоративные мероприятия. Запрос руководства компании Kemi Tourism Ltd к международной группе студентов, решающий этот кейс, был озвучен как увеличение потока клиентов за счет digital-маркетинга, storytellinga и поиска новых рынков продаж.

В результате проведенного студентами маркетингового исследования по digital-каналам, экскурсии и встрече с представителями компании KemiTourism, междисциплинарная международная команда предложила план мероприятий по продвижению Kemi Tourism Ltd в интернет-среде, включающий оживление общения с пользователями Instagram, применение календаря событий на сайте, создание на веб-странице раздела о персонале, привлечение талисманов (маскотов) к взаимодействию с клиентами посредством веб-сайта, введение новых традиций (например, Kemi Day), улучшение навигации веб-сайта и создание мобильного приложения, привлечение лидеров мнений и популярных travel-блогеров. Первые результаты сделанных студентами предложений и действий можно будет оценить уже летом 2019 года.

Кейс «SeAdventures». Другая туристская финская компания Seadventures OY, расположенная в Лапландии, представляет собой семейный бизнес по предоставлению водных видов отдыха [3]. В частности, компания оказывает услуги катания по Ботническому заливу на воздушных подушках (hovercrafting), аквабайках, тренировки по сапбордингу, мастер-классы по SUP-йоге и др. Компания позиционирует свою рыночную нишу как luxury туризм.

Для решения задачи привлечения новых клиентов в формате «+10 клиентов в неделю» другая международная студенческая команда проанализировала действующие каналы продвижения, уникальность услуг и туров, клиентоориентированность, работу веб-сайта, применение digital-marketing и storytelling. В итоге студентами были выявлены недочеты в навигации веб-сайта, недостаток информации на китайском языке, расхождения в указанных на веб-ресурсах ценах, несистемное ведение социальных сетей и пассивная работа с партнерами.

В целях визуализации комплекса решений студенческой командой была составлена интеллект-карта новой бизнес-модели Seadventures OY со слоганом «simply, interactive&tasty» («просто, интерактивно и вкусно»). Расширенная бизнес-модель Seadventures, помимо катания на водных видах транспорта, включает рыбалку, дегустацию морепродуктов, барбекю, предоставление проживания в отеле.

Интересно отметить, что одна из идей, активно поддержанная владельцем Seadventures OY, возникла именно в ходе его переговоров с международной командой студентов и связана с услугой по обучению и получению прав на управление судном на воздушной подушке. Это новая уникальная услуга, по крайней мере, для северной Европы.

Более того, совместное генерирование идей по внедрению digital-маркетинга и storytelling в Seadventures привело к решению вовлечения зарубежных партнеров или лояльных клиентов на агентской основе. Так, например, возникло партнерское сотрудничество Seadventures OY с петрозаводской транспортной компанией ООО «АвтоТур».

Итак, продемонстрированные примеры бизнес-кейсов финских компаний «KemiTourism» и «SeAdventures» показывают, что акцентирование внимание компаний одновременно на storytelling и digital-маркетинг позволяют добиться привлечения новых клиентов из разных точек мира. При этом в приведенных выше кейсах запрос компаний заключался в небольшом приросте клиентов, так как компании не планируют расширение в ближайшие годы, поэтому разработки краткосрочного маркетингового плана оказалось достаточным.

В дальнейшем стажировки по решению бизнес-кейсов студентами вузов-участников реализуются в норвежских городах Варде и Альта, в Мурманске, Петрозаводске и Санкт-Петербурге. Всего за 2019-2021 года реализации проекта BRIDGE запланировано решение порядка 60 бизнес-кейсов от 60 компаний малого и среднего бизнеса и участия более 300 студентов [1].

Безусловно, пример проекта BRIDGE - это более продвинутый уровень в решении бизнес-кейсов, поскольку решаются не только экономические задачи, но и развиваются кросс-культурные коммуникации обучающихся. И здесь главная задача педагога – помочь

создать благоприятную атмосферу и наладить общение внутри группы, чтобы студенты оказались в состоянии ментальной свободы. Из личных наблюдений и общения со студентами-участниками BRIDGE-проекта, самых хороших результатов в решении кейсов достигали те команды, которые сумели наладить эффективное межличностное общение и много общались в неформальной обстановке. Инсайтом участия в первом этапе проекта BRIDGE стало для автора понимание, что финская система образования, принятая в настоящее время как одна из самых передовых в мире, сфокусирована не на передачу знаний, а на развитие навыков и на комфортное психологическое самочувствие и мироощущение ученика. Поэтому преподавателю-тренеру важно понимать, как ученик воспринимает информацию или явление, чтобы стать своеобразным диспетчером процесса сотворчества.

В заключение хотелось бы сказать, что кейс-технология может успешно интегрироваться не только в средней и высшей школах, но и в международные образовательные проекты. Особенно, если участники проекта активно использует такие современные инструменты как: storytelling, digital-маркетинг, видео-материалы, а также мобильные приложения для группового взаимодействия (Slack, Trello, Wunderlist и т.п).

Литература

1. Официальный сайт проекта BRIDGE [Электронный ресурс]. — URL: <https://kolarcticbridge.com/>. — свободный. — Яз. Англ. — (30.06.2019).
2. Официальный сайт финской компании Kemi Tourism Ltd [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.experience365.fi/kemi-tourism-ltd/>. — свободный. — Яз. Англ., Фин. — (30.06.2019).
3. Официальный сайт финской компании Seadventures OY [Электронный ресурс]. — URL: <https://seadventures.fi/>. — свободный. — Яз. Рус., Фин. — (30.06.2019).
4. Прохорова О.Н. Развитие приграничного предпринимательства между Республикой Карелия и Финляндией [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis Borealis*. — [Петрозаводск], 2018. — № 2 (11). С.19–25. — URL: <http://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=3324>. — (30.06.2019).
5. Три программы приграничного сотрудничества Россия – ЕС [Электронный ресурс] // Фонтанка. — [Санкт-Петербург], 2018. — URL: <https://www.fontanka.ru/2018/08/17/075/>. — (30.06.2019).

References

1. The official website of project BRIDGE [Electronic resource]. URL: <https://kolarcticbridge.com/>. (accessed 30.06.2019).
2. The official website of the Finnish company Kemi Tourism Ltd [Electronic resource]. URL: <http://www.experience365.fi/kemi-tourism-ltd/>. (accessed 30.06.2019).
3. The official website of the Finnish company Seadventures OY [Electronic resource]. URL: <https://seadventures.fi/>. (accessed 30.06.2019).
4. Prokhorova O.N. Development of cross-border entrepreneurship between the Republic of Karelia and Finland [Electronic resource] // *Studia Humanitatis Borealis*. [Petrozavodsk], 2018. № 2 (11). P.19–25. URL: <http://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=3324>. (accessed 30.06.2019).
5. Three Russia-EU Border Cooperation Programs [Electronic resource] // Fontanka. [St.Petersburg], 2018. URL: <https://www.fontanka.ru/2018/08/17/075/>. (accessed 30.06.2019).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩИЕ И КОМПЛЕМЕНТАРНЫЕ ПОНЯТИЯ

Птицына Д.Д.

ЮГУ, Ханты-Мансийск, Россия
daryaptitsyna@mail.ru

Костина О.В.

ЮГУ, Ханты-Мансийск, Россия
kostinaov58@mail.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию возможности сосуществования государственного патернализма и развитого предпринимательства в России. В статье определены границы и содержание сопряженности понятий «патернализм» и «предпринимательство», охарактеризованы эти понятия как самостоятельные сущности знания, выявлены точки комплементарности и определены те особенности, которые разводят эти два понятия как оппонентов.

Ключевые слова: патернализм, предпринимательство, государственная поддержка, конституционные обязательства, предпринимательская инициатива, риск, ответственность, опека

STATE PATERNALISM AND ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT MUTUALLY EXCLUSIVE AND COMPLETE

Ptitsyna, D.

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
daryaptitsyna@mail.ru

Kostina, O.

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
kostinaov58@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the possibility of the coexistence of state paternalism and developed entrepreneurship in Russia. The article defines the boundaries and content of the conjugacy of the concepts of “paternalism” and “entrepreneurship”, characterizes these concepts as independent essences of knowledge, identifies the points of complementarity and identifies those features that separate these two concepts as opponents.

Key words: paternalism, entrepreneurship, state support, constitutional obligations, entrepreneurial initiative, risk, responsibility, custody

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант Развитие частного предпринимательства и институтов собственности на землю: «неолиберальная» vs «патерналистская» модели в условиях изобилия природных ресурсов» от 10.01.2019 № 19-010-00344\1

В последнее время часто можно услышать о завышенных требованиях со стороны населения к государству. Население считает, что государство в лице правительства должно защищать, опекать, помогать. Исторически сложившиеся в России культурные нормы и ценности тяготеют к спектру «патерналистских» моделей. Эти модели на протяжении многих лет приручали русского человека к пассивному выжиданию, подавлению индивидуализма.

Становление первичной ячейки общества

Становление патриархальной семьи, где авторитет главы семьи непререкаем. Существование большой семьи многие века было экономической необходимостью в связи с суровым климатом (короткое лето). Глава семьи управлял, раздавал задания и контролировал, в общественной сфере выступал защитником интересов членов семьи. За ним закреплялись функции контроля, наказания, одновременно защиты и поощрения.

В дальнейшем это послужило переносу отношений «отец-сын» в патриархальной форме на взаимоотношения государства и общества.

Становление авторитета церкви (10 в.)

Православие закрепило патерналистские настроения авторитетом церкви. Православные идеи, сформулированные великой империей Византией предопределило православную концепцию всемирного предназначения самодержавного государства [1, с.208]

До отмены крепостного права

1. Слабость частной собственности и неопределенность земельных отношений между князьями и боярством
2. В Российской империи с 1701 г. патернализм проявлял себя в следующих категориях: заботливость, надзор, поощрение, защита, пожертвование, благоснисхождение, дарение.
3. Помещик выступал в роли покровителя и опекуна своих крестьян, на него правительством возлагалась ответственность и забота.
4. Мощь государства в массовом сознании подданных в значительной степени была основана на личном статусе верховного правителя [2, с.74]
5. На Руси были характерны устойчивые модели восприятия власти «Государи-Боги» [6, с.4]
6. Опека и контроль были вынужденной мерой, так как крестьяне часто страдали от пожаров от собственной халатности, а также контроль пьянства. Помощь поступала от помещиков и в неурожайные годы, а также при решении земельно-имущественных споров крестьян между собой.
7. Начисление и выплата з/п по усмотрению владельца, а не по установленным нормам
8. Отсутствие возможности уйти от владельца, с предприятия по своей воли

Дореволюционный период

1. 19 в. – формирование рабочего вопроса, который обостряется ко второй половине века.
2. Начало 20 в. – становление механизмов взаимодействия в системе «государство – предприниматели – рабочие»
3. Выработка фабрично-заводского законодательства, определяющего меру вмешательства правительства в сферу трудовых отношений и ответственности предпринимателей за жизнедеятельность рабочих [5, с.12]
4. Ключевой момент в патерналистских отношениях – зависимость рабочих от заводовладельца, предпринимателя. Рабочий делегировал предпринимателю ответственность за определение и реализацию своей жизни, освобождая себя от необходимости принимать самостоятельные решения в проблемных ситуациях. Правительственная политика сводилась лишь к обеспечению промышленности рабочей силой [5, с.15]

Советский этап

1. Советское государство обеспечивало население жильем, трудом, образованием, медициной в обмен на полностью контролируемую частную и общественную жизнь (строгий, но заботливый отец)
2. Дети младшего возраста – октябрята (внучата Ильича).
3. И.В. Сталин – «отец народов»
4. Партийные органы выполняли функции опеки, надзирая и контролируя граждан
5. Образцовый советский человек - человек государственный, демонстрирующий лояльность к режиму и одновременно не вмешивающийся в политическое управление
6. Директивное регулирование производства, распределения и обмена социальными благами и услугами
7. Подавление индивидуализма человека (общественное - первично, личное - вторично)
8. Модель всеобщей трудовой повинности
9. Дисциплина труда и коммунистическое отношение к труду

Постсоветское пространство (с 1992 г. по 2000-й)

1. Доминирование неформальных связей и норм над принципами правовой организации труда
2. Длительные невыплаты з/п
3. Зависимость размера оплаты труда от результативности предприятия, его отраслевой принадлежности и отношений с руководством
4. Зарождение институтов

Современная Россия

1. Личная, а не общественная результативность
2. Укрепление роли социальных пакетов, корпоративной культуры на предприятиях
3. Снижение роли высококвалифицированных работников на предприятиях малого бизнеса
4. Патерналистские ожидания (льготы, гранты и т.д.)
5. Рост отчуждения от рабочих профессий [12, с.461]

Рисунок 1. Этапы становления патернализма в России

В современной России также можно нередко столкнуться с иждивенчеством, установкой граждан на государственную помощь в преодолении как трудностей в экономической деятельности, так и личных сложностей. Эти установки препятствуют развитию предпринимательства, становлению независимых общественных организаций и гражданского общества в целом. [2].

По мнению ряда исследователей (Капелюшников 2013, Плискевич 2018, Лефевр 2008), именно патернализм составляет культурную специфичность России. Таким образом, модели патернализма как культурные национальные особенности, определяют развитие одного из базовых институтов рыночной экономики – предпринимательства. Несмотря на то, что данный феномен частично описан в научной литературе, остаётся неочевидным, насколько существенное влияние оказывает патерналистская поддержка на поведение предпринимателей, устойчивость их функционирования, в случае прекращения господдержки, их сравнительная эффективность с предпринимателями, не получавшими поддержки.

Поэтому, необходимо определить границы и содержание сопряженности понятий «патернализм» и «предпринимательство» в их социальной интерпретации. Для этого нужно, во-первых, охарактеризовать эти понятия как самостоятельные сущности знания, во-вторых, выявить точки их комплементарности и контакта, в-третьих, выяснить те их особенности, которые разводят их как оппонентов.

Быть может патернализм у нас в крови? Патерналистские настроения являются характерным явлением отечественной истории на протяжении целого ряда столетий. Рассмотрим этапы становления государственного патернализма в России (рисунок 1).

Таким образом, патерналистские настроения это образ российской культуры, ее особенность, они управляют нашим поведением на уровне подсознания. Кроме того, коллективистская направленность нашей культуры выражалась и продолжает выражаться в предпочтении общинным и семейным интересам над своими личными. Параллельно с этим, в обществе всегда присутствовало стремление к воле, выражающиеся в форме ничем не ограниченной свободы.

В целях определения границ и содержания сопряженности понятий «патернализм» и «предпринимательство» рассмотрим их определения в понимании различных точек зрения (таблица 1).

Таблица 1

Определение понятия патернализм

Автор	Определение (проблема)
Глаголева О., Ширле И.Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века	патерналистский образ помещика — «отца» своих крестьян — находит параллели в античном представлении о главе «дома». Этот «дом» является не только хозяйственной, но и социальной единицей и включает в себя как членов семьи, так и рабов, которые по своему положению уподобляются детям, неразумным и неполноправным, нуждающимся в руководстве и заботе. «Дом» противопоставляется «полису» как сфере, в которой действуют полноправные граждане. Соответственно, «домостроительство», в котором рабы и домочадцы должны безоговорочно подчиняться отцу семейства, противопоставляется «политике», где каждый гражданин несет.полноту ответственности за свои действия.
Карамзин Н.М., 19 век	«самодержавное правление есть отеческое правление»
Большая советская энциклопедия, 20 век	Патернализм в буржуазных государствах – форма показной предпринимательской благотворительности, мнимой заботы о нуждах трудящихся
Политология. Энциклопедия слов. –М., 1993 г	Патернализм – доктрина и деятельность с позиции «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, менее защищенным в социальной и экономических отношениях [7]

Таблица 1 (продолжение)

Гайдар Е. Т, 20 век	«социальный инфантилизм, неспособность самому взять на себя ответственность за собственную судьбу, тотальное доверие государству и зависимость от него — это и есть сущность советского человека. Однако с началом перестройки инфант, этот советский ребенок, начал быстро „взрослеть“. Через 10 лет он уже превратился в подростка, который принялся поругивать государство-отца, относиться к нему иронически, однако все еще в рамках родственных отношений типа „сын — родитель“. Взросление продолжается, и недалек уже тот день, когда абсолютное большинство россиян поймут, что государство — не отец и не родственник вовсе, а наемный работник, которому мы платим налоги за то, что он управляет некоторыми нашими общими делами. И не более того.»
Я.Корнай, Венгерский социолог и экономист, 20 век	центральное руководство берет на себя ответственность за экономическое положение и одновременно претендует на использование любого инструмента из арсенала административных средств, который представляется ему наиболее целесообразным
Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б., Современный экономический словарь, 1999.	убеждение в том, что государство, правительство обязаны заботиться о гражданах, обеспечивать удовлетворение их потребностей за государственный счет, принимать на себя все заботы о благоденствии граждан [8]
Экономика. Толковый словарь, 2000.	Благоприятное отношение к экономическим законам и мерам, призванным контролировать действия людей, отдающих предпочтение своему собственному благу.
Касс Санстейн (американский учёный в области юриспруденции и политический активист) 2003 г.	«Патерналистская составляющая сводится к идее, что в попытках частных и государственных институтов влиять на акты выбора и предпочтения людей даже при отсутствии каких-либо эффектов, затрагивающих треть их лиц, нет ничего предосудительного. Иными словами, мы выступаем за сознательные усилия частных и государственных институтов, которые направляли бы акты выбора людей в русло, повышающее их благосостояние
Владимир Путин, 2009	Люди, как бы, не очень верят в то, что их участие может чего-то значить. Вот этот патернализм, он за советское время очень сильно был усилен, все живут в ожидании каких-то правильных действий со стороны власти и себя с этой властью не отождествляют.
Медведева Д.А. в статье «Россия, вперед!»(10.09.2009)	патернализм – запущенный социальный недуг страны, сковывающий ее творческую энергию, тормозящий наше общее движение
Владимир Путин, 2018	Самое главное — никогда нельзя ждать какого-то руководящего указания. У нас очень патерналистское государство всегда было. Отчасти это хорошо, потому что это сохраняет традиции, но, с другой стороны, каждый человек индивидуально должен понимать, что 90 % его личного успеха будет зависеть от него лично. Вот по этому не нужно ждать, нужно воспользоваться поддержкой, там где она есть, а сеть такой поддержки создаётся всё шире и шире, она будет более широкой в последующие годы, более основательной и содержательной с точки зрения наполнения государственными финансами, но каждый из вас должен сам искать свой путь в жизни, брать свою судьбу в свои собственные руки. Иначе нам удачи не видать. Только так. Только личная инициатива и напряжённая работа над собой. Вот я вас хочу именно к этому призвать.
Разинский Г.В., 2012	.Патернализм в своем развитом состоянии представляет собой некий синдром, пронизывающий всю совокупность социальных отношений и включающий в себя как элементы традиционного общества, обусловленные культурно-исторической ментальностью российского государства, так и те из элементов общества рыночного типа, в которые «внедряются» патерналистские ценности и поведенческие практики

Таблица 1 (продолжение)

проф. Е. А. Суханова, 2006 Гражданское право. В 4 т. Том 1. Общая часть. 3-е изд. Под ред.	Вместе с тем необходимое в отдельных случаях вмешательство государства в сферу частных интересов своих граждан не может становиться всеобъемлющим, безграничным и произвольным, а публичная власть не вправе считать себя главным выразителем и защитником этих интересов, даже если она полагает, что знает их лучше, чем сами их носители (что, к сожалению, исторически присуще отечественной государственности). При ином подходе у граждан быстро теряется интерес к инициативной, самостоятельной деятельности и, напротив, возникает заинтересованность в обходе законодательных предписаний с целью удовлетворения объективно существующих у них частных потребностей, что в конечном итоге не идёт на пользу и самому государству [11]
Р.И. Капелюшников, 2018	В перспективе новый патернализм чреват формированием кастового общества, состоящего из двух разных групп индивидов – рациональных и иррациональных с разными правами и разной мерой ответственности. Очевидно, что иррациональным индивидам не могут предоставляться те же права, что и рациональным, и они не могут отвечать за свои поступки также, как способны отвечать за них рациональные индивиды [4, с.28]
Чубарова, 2017	проблема патернализма вообще и патерналистских тенденций в современной России в частности заключается отнюдь не в оправданности самого патернализма, а в степени удачности, рациональности тех или иных патерналистских практик
2017 год Forbes предприниматель Петр Авен	Развитию бизнеса, конечно, мешает государственный патернализм, у нас действительно очень большая доля доходов домохозяйств по-прежнему приходит из бюджета. Люди считают, что государство поможет. На самом деле это часто зарывает в землю таланты, способности, которые вполне могли быть реализованы в бизнесе. <> Сегодня мир очень меняется, всё убыстряется, всё становится совсем другим, особенно с появлением цифровых технологий. Умение больше жить будущим и в некоторой степени меньше опираться на прошлое, вместе с тем хорошо его зная, — новая черта современности. Сегодня лидер — это человек, хорошо понимающий своё время, очень ответственный, хорошо относящийся к людям, способный чувствовать будущее, чувствовать историю
Плискевич Н.С., 2019	К полюсу «патернализма» тяготеют его традиционные формы, связанные с коллективизмом «сверху», направленные прежде всего на то, чтобы оказываемая им поддержка способствовала бы в первую очередь укреплению его самого, служила бы усилению тех институциональных конструкций, на которые он опирался. При этом приоритетом (в прямом или косвенном смысле) становятся интересы государства, точнее – та их трактовка, которая устраивает властную элиту. Подлинные же интересы и предпочтения патронируемых в той или иной степени игнорируются. Предполагается, что чем шире такой контроль, тем устойчивее положение государства, точнее – бюрократии, исполняющей властные функции
Плискевич Н.С., 2019	Государство, непомерно расширяя в целях самосохранения патерналистские отношения, контролируемые «сверху», не только одновременно заглушает стимулы к индивидуальной инициативе, на которые в современном обществе опираются и технологические, и научные, и социальные, и культурные инновации. Его политика ведет и к атомизации общества, размыванию того традиционалистского коллективистского фундамента, на котором выстроены его собственные конструкции

В определении патернализма большинство авторов взаимноисключают развитие предпринимательства и патернализм.

Рассмотрим определение понятия «предпринимательства» (таблица 2).

Определение понятия предпринимательство

Автор	Определение
Ж.Б.Сей, 18 в.	Предприниматель - это лицо, которое берется на свой счет и риск и в свою пользу произвести какой ни будь продукт
Р. Кантильон, 18 в.	Предприниматель – человек, принимающий решения и удовлетворяющий свои потребности в условиях неопределенности. Доход предпринимателя – это плата за риск
А.Смит, 18 в.	Предпринимательство в рыночной экономике является «самоиницирующейся и саморегулирующейся деятельностью, которая при наличии основных факторов производства возникает спонтанно»
А. Маршалл, 19 в.	Предпринимательская деятельность – это соединение, комбинирование четырех факторов производства – земли, труда, капитала, организации
В.И. Даль, 19 в.	«предприниматель» означает «затевать, решаться исполнить какое либо новое дело, приступать к совершению чего-либо значительного»
Ф. Хайек, 20 в.	Предпринимательство связано прежде всего с личной свободой, которая дает человеку возможность рационально распоряжаться своими способностями, знаниями, информацией и доходами». Сущность предпринимательства — это «поиск и изучение новых возможностей, характеристика поведения, а не вид деятельности»
С.И.Ожегов, 20 в.	предприниматель - капиталист, владелец предприятия, крупный деятель, предприимчивый и практичный человек
П.Самуэльсон, 20 в.	Предпринимательство связано с новаторством, а сам предприниматель является смелым человеком с оригинальным мышлением, который добивается успешного внедрения новых идей»
А. В. Бусыгин, 20 в.	Предпринимательство – «форма деловой активности, основанная на риске и инновационном подходе к системе существующих экономических (хозяйственных) связей, при которой производство и поставка на рынок товаров ориентированы на получение предпринимательского дохода (прибыли)»
А. А. Крупанин, 21 в.	«Предпринимательство – самостоятельная деятельность граждан, осуществляемая по собственной инициативе и направленная на получение прибыли»
Торосян Е. К., Сажнева Л. П., Зарубина Ж. Н., 21 в.	Предпринимательская деятельность – это реализация особых способностей индивида, выражающаяся в рациональном соединении факторов производства на основе инновационного рискованного подхода
В. И. Брунова, Е. Г. Гужва, Е. Л. Горецкий, А. Н. Егоров, М. И. Лесная, К. А. Корольчук, 21 в.	Предпринимательство – это особый вид экономической активности, под которой иногда понимается целесообразная деятельность, направленная на извлечение прибыли, которая основана на самостоятельной инициативе, ответственности и инновационной предпринимательской идее.

Таким образом, большинство авторов склоняются к недопущению развития предпринимательства в патерналистской модели. Особенности, которые разводят эти понятия как оппонентов проявляются в следующем:

1. Подавление творческой инициативы предпринимателей, новаторства;
2. Ожидание действий от власти;
3. Приоритетом остаются интересы государства, нежели предпочтения населения;
4. Широкий контроль, приводящий к бюрократии, исполняющей властные полномочия
5. Снижение способности брать на себя ответственность и риски.

Вместе с тем, существуют авторы, которые считают, что возможно существование патернализма и предпринимательства. Можно выявить следующие точки комплементарности и контакта патернализма и предпринимательства:

1. Лояльное отношение к законодательным основам со стороны предпринимателей;
2. Единый вектор развития предпринимательства со стороны физических лиц и государственных институтов (государство готово выделять поддержку, а предприниматели со своей стороны готовы целенаправленно ее использовать);
3. Адресная поддержка предпринимателей, действовавших в рамках приоритетных направлений государства.

Мы склоняемся к мнению, что государство не обязано помогать каждому гражданину, а должно создавать благоприятные условия для самоиницирующейся и саморегулирующейся деятельности предпринимателей. От усилий каждого отдельно взятого гражданина и государства возможно получение синергетического эффекта, который приведет к развитию государства, сохраняя демократический режим.

Таким образом, государство должно оптимизировать свои обязательства до конституционных обязательств. Тогда, население, получив эффективно функционирующую власть, будет способно заниматься экономической деятельностью, основанной на самостоятельной инициативе, ответственности и предпринимательской идеи.

Литература

1. Боханов А.Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002 с. 208-231
2. Гросул В.Я. Русское общество XVIII –XIX веков: Традиции и новации. М., 2003 С. 74-75
3. Долгаева Е.И. Патернализм или эффективное государство: социальные ожидания населения, журнал «Регионология», номер: 4 (85), 2013, с. 185-196
4. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и "новый" патернализм/ Журнал «Вопросы экономики», 2013, с. 28-46
5. Напалкова И.Г., Рабочий вопрос в России 19-начале 20 века: традиции социального патернализма, 2005
6. Одесский М.П. Поэтика власти на Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 4-10
7. Политология. Энциклопедия слов. –М., 1993 г
8. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б., Современный экономический словарь, 1999.
9. Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ/ Журнал институциональных исследований, том 10, № 4. 2018
10. Сандаков Н. Патернализм или иждивенчество. URL: <http://sandakov.livejournal.com/105054.html> (дата обращения: 09.06.2019)
11. Суханова Е.А., 2006 Гражданское право. В 4 т. Том 1. Общая часть. 3-е изд.
12. Темницкий А.Л. Патерналистский союз наемных работников и предпринимателей [Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). Под ред. проф. Р.М. Нуреева. М.,2001.]

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОКРАЩЕНИЕ МИРОВЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Розанова Людмила Ивановна

Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

Аннотация: В статье исследуется влияние глобального политического климата на инвестиционную активность в мире, рассматриваются возможности реализации новых направлений промышленной политики России.

Ключевые слова: глобальная политика, торговые войны, санкции, инвестиционный климат, мировые инвестиции, потоки прямых инвестиций, спад инвестиционной активности, вектор национальной политики

THE IMPACT OF GLOBAL CLIMATE POLICY ON REDUCING GLOBAL INVESTMENT

Rozanova, Lyudmila

*Institute of Economics of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Abstract: The article explores the impact of the global political climate on investment activity in the world, explores the possibility of implementing new directions of Russia's industrial policy.

Keywords: global policy, trade wars, sanctions, investment climate, global investment, private equity flows, decline in investment activity, national policy vector

Иностранные инвестиции играют важную роль в международном сотрудничестве. Во многих странах они послужили драйвером технологического развития, обеспечив конкурентоспособность на мировых рынках продукции обрабатывающих отраслей, а в последние годы и сферы услуг. Особое значение в экономической деятельности для достижения конкурентных преимуществ имеют прямые инвестиции. В 2015 году глобальные потоки прямых иностранных инвестиций (ПИИ) выросли примерно на 40%, до 1,8 трлн. долл., достигнув самого высокого уровня с начала глобального финансово-экономического кризиса в 2008 году [1]. Однако изменение глобального политического климата повлияло на динамику ПИИ, особенно в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, где наблюдаются резкие колебания, преимущественно в сторону снижения потоков мировых инвестиций. Только развитые страны по притоку и вывозу инвестиций отличаются относительной стабильностью, занимая при этом лидирующие позиции и концентрируя у себя в совокупности более половины мировых потоков, фактически, диктуя условия на мировом инвестиционном рынке. На этом фоне ряд стран стал пристальнее относиться к формированию национальной инвестиционной политики, нацеленной, с одной стороны, на привлечение иностранных инвестиций, а с другой – на обеспечение национальной безопасности.

При принятии решений инвестиционного характера инвесторам важна благоприятная среда для осуществления долговременных вложений, чтобы обеспечить их безопасность и получить планируемые доходы. Наиболее важными факторами являются экономическая ситуация в принимающей стране и политическая стабильность. Кроме того, существенное влияние оказывают общемировые тенденции как в экономике, так и в политике. Наиболее благоприятным для иностранных инвестиций был период начала 2000-х до кризиса 2008-2009 гг. и после него с 2011 по 2015гг. Хотя для России и отдельных стран СНГ и Грузии

обвал притока прямых иностранных инвестиций пришелся на 2015 год: сокращение составило 42% (до 30 млрд. долл.) в условиях низких сырьевых цен, снижения конъюнктуры внутренних рынков, изменений в законодательстве, прямого и косвенного воздействия ограничительных мер, а также геополитической напряженности. Ввоз ПИИ в Российской Федерации упал до 9,8 млрд. долл. из-за того, что новые ПИИ почти перестали поступать в условиях свертывания операций и серии сделок по выводу инвестиций. В то время как в развивающихся странах Азии – крупнейшем регионе-получателе ПИИ в мире – рост притока ПИИ составил 16% и достиг 541 млрд. долл. [1]. В настоящее время свободе международной торговли и движению капитала мешают протекционистские настроения, торговые войны между ведущими по масштабам экономики странами, такими как США и Китай, что в целом отражается на политическом климате, сдерживающим мировые инвестиции.

Снижение инвестиционной активности наблюдается в последние годы практически во всем мире. Сдержанная позиция инвесторов, прежде всего, связана с нестабильной геополитической обстановкой, обострением торговых войн, введением санкций в отношении ряда стран. Кроме того, принятию решений инвестиционного характера препятствует слабый рост ВВП, значительное снижение доходности инвестиций. В докладе о мировых инвестициях, подготовленном Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечается, что объемы глобальных прямых иностранных инвестиций сокращаются третий год подряд (незначительное снижение в 2016 г., в 2017 сокращение на 23% до 1,43 трлн долл. США, в 2018 г. – еще на 13%). На первом месте по притоку ПИИ остаются США – 252 млрд. долларов, второе и третье занимают Китай и Гонконг: соответственно, 139 и 116 млрд. долларов. Российская Федерация входила в первую «двадчатку» и в мировых рейтингах получателей прямых иностранных инвестиций в 2016 г. находилась на 10-м месте, но в 2017 г. опустилась на 14-е. В 2018 г. приток ПИИ сократился вдвое по сравнению с предыдущим годом и снизился до 13 миллиардов долларов. При этом Россия остается одной из стран, не снижающей экспорта инвестиций, который существенно не менялся и превысил импорт в 3 раза, составив \$36 млрд. (хотя здесь присутствуют как российские инвестиции в других странах, так и отток капитала из страны).

В России спад инвестиционной активности наблюдался с 2011 г. и заметное снижение произошло в 2013-2015 годах. Особенно ощутимым было изъятие иностранного капитала: начиная с 2015 г. приток иностранных инвестиций существенно снизился. Беспрецедентное отрицательное значение (-\$6 млрд.) в 2018 г. зафиксировал акционерный капитал из-за его отчуждения (продажа иностранных филиалов российским инвесторам). Сокращение притока иностранных инвестиций коснулось также группы стран СНГ. В целом потоки ПИИ в СНГ и Грузию, по данным ЮНКТАД, в прошлом году сократились на 36% до \$27 млрд. В семи из 12 стран этой подгруппы наблюдалось сокращение притока ПИИ, исключение составили Армения, Беларусь, Республика Молдова, Таджикистан и Узбекистан [2]. В то же время по результатам инвестиционной деятельности Россия обеспечивает высокие темпы физического объема инвестиций в основной капитал. Перед кризисом 2014 г. в большинстве стран СНГ наблюдалась понижающаяся тенденция, причем наиболее глубокий спад инвестиций в ОК наблюдался в 2013-2014 гг. в Украине. Относительно уровня 2005 г. среди стран СНГ низкие индексы физического объема инвестиций в основной капитал в течение длительного времени наблюдаются в Армении и Украине (табл.1).

Более наглядно этот процесс представлен рисунком 1. В отдельных странах высокие темпы обеспечены преимущественно за счет низкой базы.

Наши исследования [3] показывают, что инвестиции в основной капитал преимущественно осуществляются за счет собственных источников финансирования, но иностранные инвестиции остаются не столько крупнейшим источником финансирования, сколько каналами связи с международными рынками и доступа к современным технологиям. Поэтому необходимость привлечения иностранных инвестиций для модернизации промышленности как никогда велика. Однако климат глобальной политики в области торговли и инвестиций остается не столь благоприятным, каким был в начале 2000-х годов:

риски велики и имеется немало серьезных факторов неопределенности. По мнению экспертов ЮНКТАД, эскалация напряженности в торговле и дальнейшее распространение этих тенденций может отрицательно сказаться на инвестиционной активности в глобальном масштабе и дальнейшем снижении потоков иностранных инвестиций. Сокращение потоков прямых инвестиций и их концентрация, прежде всего, в США, сдерживает технологическое сотрудничество с развитыми странами и ведет к увеличению диспропорций в мировой экономике и мировых потоках капитала.

Таблица 1

Индексы физического объема инвестиций в основной капитал стран СНГ* (в сопоставимых ценах, 2005 г. – 100%)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	146,8	162,7	173,8	175,1	172,5	155,1	153,7
Азербайджан	180	229	271	312	307	273	214
Армения	104	95	93	85	86	85	74
Беларусь	230	271	239	262	246	200	165
Казахстан	144	149	155	165	172	179	182
Киргизия	204	197	281	302	377	430	455
Республика Молдова	125	141	139	145	150	136	119
Таджикистан	476	489	375	428	535	686	826
Узбекистан	250	259	292	327	360	90	420
Украина	87	104	113	100,1	76	75	88
В среднем по странам СНГ	145	161	173	176	173	160	157

*Источник: Росстат

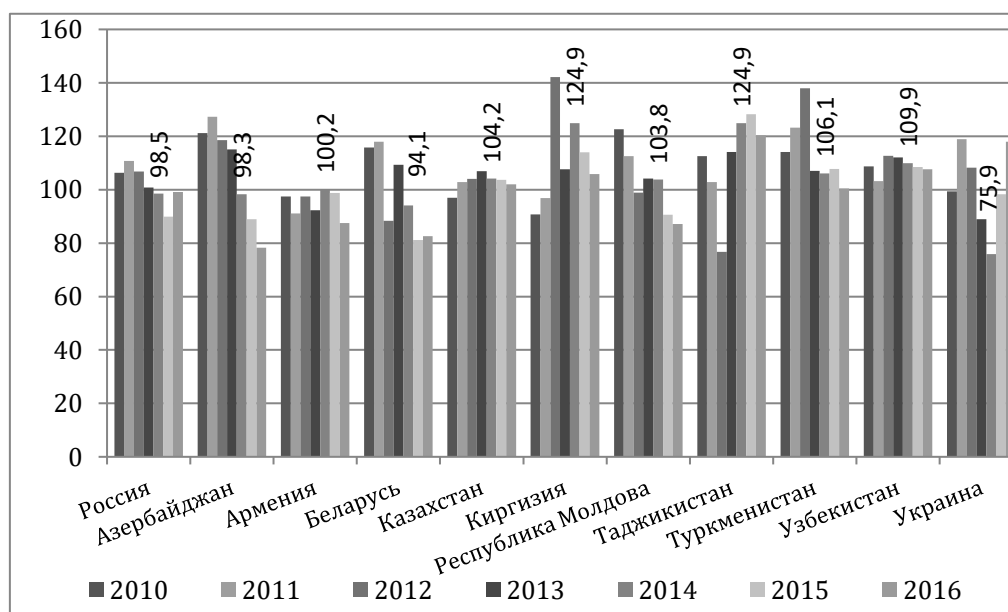

Рисунок 1. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал стран СНГ в сопоставимых ценах (в процентах к предыдущему году)

Во всем мире активизации инвестиционной деятельности уделяется серьезное внимание, прежде всего через регулятивные меры, реализуемые в рамках новой промышленной политики. Важность формирования более эффективной внутренней промышленной и инвестиционной политики диктуется не в последнюю очередь геополитической нестабильностью, когда каждая страна ориентируется главным образом на

собственный потенциал, в то же время не исключает поиска новых партнеров. Большинство российских ученых относительно формирования новой промышленной политики высказывают мнение, что ее основная цель, ориентированная на обеспечение благоприятных перспектив для роста экономики и общественного благосостояния.

В этой связи Россия предпринимает ряд мер новой промышленной политики для улучшения бизнес-среды и отраслевой структуры экономики. Ведется поиск новых партнеров, наиболее важными из которых остаются группа стран СНГ, объединенных в рамках ЕАЭС. Также определены важные для технологического прорыва проекты, реализуемые через госпрограммы. Создается благоприятный для потенциальных инвесторов инвестиционный климат. Реализация важнейших направлений промышленной политики [4] в перспективе отразится на экономическом росте и улучшении социальной сферы, повышении интеллектуального потенциала страны при обеспечении технологического прорыва как главной цели государства.

Литература

1. Доклад о мировых инвестициях 2016. // [Электронный ресурс]: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_Overview_ru.pdf [дата обращения 06.09.2019]
2. World Investment Report. Spezial Economic Zones // [Электронный ресурс]: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf / [дата обращения 20.06.2019]
3. Розанова Л.И., Тишков С.В. Возможности и ограничения развития инновационно-инвестиционных процессов // Друкеровский вестник. – 2018. - №6. с. 29-36
4. Мантуров Д.В. О промышленной политике России на перспективу 2018-2030 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2018;61(4): С.7-22

References

1. World Investment Report 2016. // [Electronic resource]: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2016_Overview_ru.pdf [Date of appeal 06.09.2019]
2. World Investment Report. Spezial Economic Zones // [Электронный ресурс]: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf / [Date of appeal 20.06.2019]
3. Rozanova L.I., Tishkov S.V. Opportunities and limitations of the development of innovation and investment processes / Druker Gazette. – 2018. - №6. P. 29-36
4. Manturov D.V. On Russia's industrial policy for the future 2018-2030 // MGIMO-University Herald. 2018;61(4): P.7-22

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ О РОЛИ КРЫМСКИХ ТАТАР В «КРЫМСКОЙ ВЕСНЕ» 2014 ГОДА

Савицкий Иван Владимирович

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
sawiz@onego.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу точек зрения российских историков и политологов о роли крымских татар в «крымской весне» 2014 года. Автор выделяет три мнения: критическое, негативно оценивающее роль крымских татар; выжидательное, являющееся следствием растерянности из-за прошедших событий; патриотическое, показывающее пользу для крымских татар от присоединения Крыма к России. Автор анализирует развитие этих точек зрения на протяжении прошедших пяти лет.

Ключевые слова: «крымская весна», «русская весна», крымские татары, патриотизм, историография.

RUSSIAN HISTORIANS ABOUT THE ROLE OF THE CRIMEAN TATARS IN THE "CRIMEAN SPRING" IN 2014

Savitsky, Ivan

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
sawiz@onego.ru

Abstract. The article analyzes the points of view of Russian historians and political scientists about the role of the Crimean Tatars in the "Crimean spring" of 2014. The author identifies three positions: critical, negatively assessing the role of the Crimean Tatars; expectant position, which is a consequence of confusion due to past events; patriotic position, showing the benefits for the Crimean Tatars from the Crimean secession to Russia. The author analyzes the development of these positions of view over the past five years.

Keywords: «Crimean spring», «Russian spring», Crimean Tatars, patriotism, historiography.

Полиэтничность как одна из базовых особенностей Российской Федерации всегда привлекала внимание исследователей. Не стало исключением и изучение «крымской весны» 2014 года, давшей мощный импульс общественному развитию и другим, еще не завершившимся процессам. Важным аспектом этой темы является роль крымских татар в событиях февраля – марта 2014 года. Противоречивое освещение истории этого этноса из-за событий XX века в настоящий период претерпевает значительные изменения: в результате крымской сецессии крымские татары стали полноценными гражданами Российской Федерации и обладают всей полнотой соответствующих прав. Актуальность темы подчеркивается протестом крымско-татарской общественности против использования школьного учебника по истории Крыма для десятых классов, в котором крымские татары были представлены как пособники немецких оккупантов, а их вклад в победу СССР в Великой Отечественной войне проигнорирован.

Можно выделить несколько точек зрения российских историков, политологов и публицистов о роли крымских татар в событиях 2014 года. Первую из них целесообразно назвать критической: она негативно оценивает поведение представителей крымско-татарской общественности в данный период и склонна проецировать это отношение на другие сюжеты российской истории. Ярким представителем этого направления является А. Б. Широкоград. По его мнению, роль крымских татар была активна и направлена против пророссийских сил: они якобы организовывали схроны с оружием, сорвали сессию Верховного Совета Крыма 26 февраля и пытались захватить власть путем организации территориальных штабов под контролем Меджлиса [9, с. 181–192]. При этом автор склонен переоценивать монолитность

крымско-татарской общественности и влияние Меджлиса; ряд его высказываний нуждается в дополнительных обоснованиях.

Вторая точка зрения выглядит малозаметной на фоне остальных из-за нечеткости своей позиции. Автор назвал бы ее выжидательной. Причисляемые к ней исследователи более внимательно анализируют ситуацию и отмечают наличие среди крымских татар других общественных объединений, в том числе оппозиционных Меджлису. Более того, они воспринимали антироссийскую позицию Меджлиса как временное заблуждение, и лишь запрет его деятельности на территории России в 2016 году положил конец данным заблуждениям. Примером «выжидательного» направления можно считать статью профессора В. К. Самигуллина, поставившего перед исследователями ряд вопросов – что на самом деле представляют собой крымские татары (этнос или часть другого этноса), как они мыслят о себе, как должны развиваться в современных условиях, должны ли бороться за культурную, национально-территориальную автономию или независимость? В завершение этого перечня профессор допустил бессмысленность поставленных вопросов [4, с. 18], что может говорить о большой растерянности исследователя в сложившейся ситуации. При этом некоторые историки указывают на разворачивающиеся репрессии в отношении крымских татар [8, с. 83].

Третью позицию можно назвать государственно-патриотической. Исследователи так же отмечают неоднородность мнений крымско-татарской элиты в вопросе о присоединении Крыма к России и считают, что решение крымско-татарской проблемы – это результат нормотворчества Российского руководства. По их мнению, за 2014 год Россия сделала для крымских татар «больше, чем Украина за всю свою независимую историю» [2, с. 35]. «С возвращением Крыма в состав России потребность в протестном национальном движении для крымских татар исторически отпала» [10, с. 281], что в свою очередь может говорить о завершении деполитизации этнического фактора в Крыму [5, с. 83].

Безусловно, указанные три позиции взаимосвязаны и имеют общие точки соприкосновения. К ним относится признание Республики Крым и города Севастополя частью Российской Федерации, ведение бизнеса как основного объекта интереса крымских татар, а также аккуратное указание на нарушение прав человека в отношении этого народа после событий 2014 года даже вполне патриотически настроенными исследователями [6, с. 171].

По указанным особенностям этих трех направлений можно предположить, что некоторые из них в настоящий период перестали быть актуальными. Целесообразно выделить три этапа развития исследовательского интереса в отношении крымских татар после 2014 года.

1) Историография 2014 – начала 2016 годов отличается эмоциональностью и недостаточной толерантностью ряда патриотически настроенных авторов, растерянностью и постепенным прекращением публикаций специалистов, симпатизировавших своему объекту исследования. Этот же период отличается настоящим бумом публикаций о «крымской весне», объясняемым общественной эйфорией от принятия в состав Российской Федерации новых субъектов.

2) Историография 2015 – конца 2016 годов отличается более научным подходом. В данный период была защищена первая диссертация о крымских татарах, включающая сюжет о «крымской весне» [7], а также монография одного из ведущих специалистов по этнополитическим проблемам Крыма и Кавказа профессора А. В. Баранова [1, с. 123–130]. Многие исследователи акцентировали способность России решить крымско-татарский вопрос административно-правовыми методами и констатировали исчерпанность данной проблемы. Кроме того, была усилена критика «Меджлиса крымско-татарского народа» в связи с запрещением деятельности этой организации на территории России. При этом некоторые исследователи стали жаловаться на опускающийся «информационный занавес» в освещении событий «крымской весны» [9], но скорее всего это замечание относится к изучению к военным аспектам.

3) С 2017 года начинается осмысление пройденного и стремление к исправлению недочетов в национальной политике. При этом авторы затронули вопрос о защите прав человека в отношении крымских татар задолго до соответствующей резолюции Генассамблеи ООН. С этого же года начинается историографическое освещение прошедших событий [3], при этом авторы, специализирующиеся на этнополитической проблематике, перестают ссылаться на работы историков, акцентировавших роль крымских татар в истории полуострова (например, на работы В. Е. Возгина).

Таким образом, прошедшие пять лет были наполнены активным изучением как роли крымских татар в событиях 2014 года, так и крымско-татарского вопроса в целом. Оно является отражением общественных настроений в России данного периода, признаком осознания новой общественно-политической реальности и необходимости по-новому взглянуть на историю крымских татар, долгое время воспринимавшихся антиподами пророссийских сил на полуострове. Дальнейшей успешной интеграции этого этноса в российское общество может способствовать дальнейшее изучение деятельности пророссийских крымско-татарских общественных объединений.

Литература

1. Баранов А. В. Этнополитические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015. 235 с.
2. Михайленко А. Н. Крым год спустя // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 3 (81). С. 30–38.
3. Савицкий И. В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 43–50.
4. Самигуллин В. К. Крым: историко-правовой аспект // Проблемы востоковедения. 2014. № 3 (65). С. 13–19.
5. Сенюшкина Т. А. Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 4. С. 75–91.
6. Сенюшкина Т. А. Мониторинг этнополитической ситуации в Крыму в 2017 г. // Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 164–172.
7. Старченко Р. А. Языковая жизнь и этнополитические ориентации крымчан (2013 – 2014 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 180 с.
8. Тагиров И. Р. Крым в контексте событий украинского «майдана» // Конфликтология. 2014. № 3. С. 61–86.
9. Широкоград А. Б. Крым – 2014. Как это было? М.: Вече, 2016. 352 с.
10. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.

References

1. Baranov A. V. Etnopoliticheskie konflikty na Severo-Zapadnom Kavkaze i v Krymu: sravnitel'ny analiz. Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya, 2015. 235 s.
2. Mihailenko A. N. Krym god spustya // Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2015. № 3 (81). S. 30–38.
3. Savitsky I. V. Rossijskaya istoriografiya o vhozhdenii Kryma v sostav Rossijskoy Federatsii v 2014 godu // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3 (164). S. 43–50.
4. Samigullin V. K. Krym: istoriko-pravovoy aspekt // Problemy vostokovedeniya. 2014. № 3 (65). S. 13–19.
5. Senyushkina T. A. Vossoedinenie Kryma s Rossiey kak etnopolitichesky process // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2015. T. 11. № 4. S. 75–91.
6. Senyushkina T. A. Monitoring etnopoliticheskoy situatsii v Krymu v 2017 g. // Etnicheskaya i etnopoliticheskaya karta Kryma. Organizaciya monitoringa i rannego preduprezhdeniya etnicheskih i religioznyh konfliktov. M.: IEA RAN, 2017. S. 164–172.
7. Starchenko R. A. Yazykovaya zhizn' i etnopoliticheskie orientacii krymchan (2013 – 2014 gg.): diss. ... kand. ist. nauk. M., 2015. 180 s.
8. Tagirov I. R. Krym v kontekste sobytij ukrainskogo «majdana» // Konfliktologiya. 2014. № 3. S. 61–86.
9. Shirokorad A. B. Krym – 2014. Kak eto bylo? M.: Veche, 2016. 352 s.
10. Etnopoliticheskie processy v Krymu: istorichesky opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih resheniya. Simferopol: Salta, 2015. 352 s.

ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОГО РЕГИОНА

Салахова Юлия Шамильевна

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

vsu@vsu.by

Аннотация. Рассмотрены теоретические аспекты категории «человеческий потенциал». Выявлены факторы повышения качественного уровня человеческого потенциала, основные направления инвестиций в человеческий потенциал на макро- и мезо – уровнях. Определена его роль в развитии приграничных территорий.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, инновации, наукоемкость, социально-экономические условия.

ASSESSMENT OF BORDER AREAS HUMAN POTENTIAL ON THE EXAMPLE OF VITEBSK REGION

Salakhova, Yuliya

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

vsu@vsu.by

Abstract. Theoretical aspects of the category "human potential" are considered. The factors of improving the quality of human potential, the main directions of investment in human potential at the macro - and meso – levels are identified. Its role in the development of border areas is defined.

Key words: human potential, human capital, innovation, knowledge intensity, socio-economic conditions.

Устойчивое развитие Витебского региона, как любой приграничной территории, невозможно без качественно сформированного человеческого потенциала, так как его формирование, рациональное использование и управление имеет важное теоретико-методологическое и практическое значение. Именно качественный человеческий потенциал Витебского региона является основой для формирования его человеческого капитала – одного из ведущих факторов производства, напрямую влияющего на темпы экономического роста Витебского региона, конкурентоспособность и наукоемкость хозяйствующих субъектов и отраслей [1].

Прежде чем определить экономическую сущность предмета настоящего исследования, рассмотрим сущность категории «потенциал», как теоретическую основу определения человеческого потенциала. Проведя теоретическое исследование содержания данной категории без привязки к какой-либо отрасли науки, можно подытожить, что большинство ученых склоняются к единому мнению, понимая в общем смысле потенциал, как возможности отдельных субъектов или общества в целом являться источниками достижения определенных целей в определенной области. Под потенциалом мы в первую очередь будем понимать все средства и запасы, а также их источники, которые имеются в наличии и в любой момент могут быть использованы практически с определенной целью [2]. Категория «потенциал» получила широкое распространение во многих областях знаний, в т.ч. в экономической науке.

В литературе можно встретить определение «экономический потенциал», сущность которого можно выразить следующим образом: совокупная способность хозяйствующих субъектов, отраслей народного хозяйства и экономики в целом осуществлять свою

хозяйственную деятельность, выражающуюся в выпуске товаров, выполнении работ, оказании услуг в целях удовлетворения потребностей населения, а также обеспечивать воспроизводственные процессы в экономике. В рамках анализа качественных характеристик экономического потенциала мы в первую очередь будем исследовать природные ресурсы государства, средства производства, трудовые ресурсы, наукоемкость экономики, накопленное национальное богатство. Таким образом, основными составляющими экономического потенциала будут материальные, трудовые, финансовые и природные ресурсы [1].

В целом потенциал, в том числе экономический и любой другой, оценивают с позиции [2]:

- достигнутого уровня (текущее состояние): все ресурсы, навыки, способности и умения, сформированные на текущий момент;
- перспективного развития: максимально допустимый объем ресурсов, в том числе с учетом скрытых резервов и располагаемых возможностей.

Совместно с категорией «экономический потенциал» выделяют так же «совокупный экономический потенциал», а именно блага, производство которых возможно за конкретный промежуток времени в хозяйственных отраслях национальной экономики.

Дискуссионным является вопрос о составе компонентов экономического (совокупного экономического) потенциала.

Наиболее часто выделяют такие его составляющие, как:

- трудовой потенциал;
- производственный потенциал;
- финансовый потенциал;
- человеческий потенциал;
- инновационный потенциал.

Таким образом, экономическая сущность категорий «потенциал», «экономический потенциал», «совокупный экономический потенциал» будет лежать в основе исследования экономической сущности человеческого потенциала.

Человеческий потенциал Витебского региона следует рассматривать как стратегический компонент человеческих ресурсов региона, поскольку он представляет возможность для развития и адаптации последних к рыночным изменениям.

Проанализировав теоретические аспекты категории «человеческий потенциал» и систематизировав систему потенциалов экономических систем, прежде всего, необходимо выявить общую тенденцию формирования человеческого потенциала региона (рассматривать определенный набор доступных ресурсов (средств), которые при необходимости могут быть вовлечены в производственный процесс). На региональном уровне можно сказать, что потенциал позволяет нам измерять определенные сферы экономического развития региона. Рассматривая категорию «человеческий потенциал» и обобщая подходы к его сущности, мы можем определить человеческий потенциал как совокупность физических и духовных сил граждан, а именно личностные навыки, способности, умения, здоровье, образованность, которые могут быть вовлечены в определенную область производственного процесса.

Как было замечено выше, именно в рамках совокупного экономического потенциала мы можем определить место и роль человеческого потенциала, а также выявить закономерности его взаимодействия с другими потенциалами:

- трудовым потенциалом;
- научно-техническим потенциалом;
- материально-производственным потенциалом;
- финансовым потенциалом;
- инновационным потенциалом.

Можно увидеть четкую взаимосвязь между отдельными потенциалами в формировании совокупного экономического потенциала, где-то эти взаимосвязи будут менее

заметны. Например, человеческий и научно-технический потенциалы будут напрямую коррелировать, поскольку создание наукоемкой продукции возможно только при непосредственном участии высококачественного человеческого капитала как задействованной части человеческого потенциала [3].

Однако важность всех этих потенциалов неоспорима для формирования высококачественного национального богатства, которое включает в себя человеческий, природный и физический капитал [4]. Говоря о взаимосвязи отдельных потенциалов, можно выделить следующее:

- человеческий потенциал является «фундаментом» формирования качественного человеческого капитала;
- для создания качественного физического капитала в полной мере необходимы качественные научно-технические, материально-производственные потенциалы;
- природно-ресурсный потенциал – основа формирования качественного природного капитала.

В то же время косвенно именно человеческий потенциал лежит в основе формирования всех видов капиталов, формирующих национальное богатство страны:

- уровень развития научно-технической составляющей будет влиять на вовлечение природных ресурсов в производственные процессы (т.е. на экономию их использования в условиях ограниченности природных ресурсов), а как уже было обозначено выше, именно научно-технический потенциал напрямую зависит от высококачественного человеческого капитала как задействованной части человеческого потенциала;
- человеческий потенциал будет влиять на развитие материально-производственной составляющей (физического капитала) за счет использования навыков и умений работниками в процессе их производственной деятельности.

Критически осмыслив содержание различных подходов, можно выделить основные составляющие категории «человеческий потенциал»:

- человеческий капитал, представляющий собой определенную форму проявления человеческого потенциала в экономических системах за счет своего вовлечения в процесс производства экономических благ;
- социально-экономические условия, в которых будет происходить его формирование, т.е. условия, непосредственно влияющие на качество жизни, дающие возможность создания, развития и использования человеческого капитала.

Именно социально-экономические условия, выражающиеся, в том числе в объемах финансирования в сферы образования, здравоохранения и социальной политики, непосредственно влияют на формирование человеческого потенциала. Однако все вышеперечисленные инвестиции представляют собой лишь возможные выгоды, которые могут проявиться в будущем временном промежутке. Поэтому говоря о таковой возможности, следует оперировать именно термином «человеческий потенциал», а не «человеческий капитал».

Таким образом, объем и качество человеческого потенциала Витебского региона напрямую будут коррелировать с инвестиционными объемами, а также качеством инвестиционной деятельности Витебской области в социально значимые сферы. Однако также необходимо учитывать наличие желания населения потреблять данные инвестиции, другими словами, своевременно проходить медицинские осмотры, получать определенные уровни образования, прибегать к механизмам социальной защиты и т.д.

Основными направлениями инвестиций в человеческий потенциал Витебского региона являются инвестиции в:

- сферу здравоохранения;
- сферу образования;
- сферу культурно-досуговой деятельности;
- социальную политику;

- физическую культуру и спорт.

Для анализа человеческого потенциала, формируя информационную базу, необходимо учитывать не только экономический аспект инвестиций в человека, но и характеристику социальной среды, а также качество жизни населения, которое вместе с уровнем здравоохранения и образования характеризуется такими социально-экономическими показателями, как степень занятости населения, ее платежеспособность, доступ к участию в политической жизни. Таким образом, сформированный человеческий потенциал в зависимости от существующих условий может раскрываться, реализовываться в разной степени [1].

Для характеристики состояния экономических и социальных условий в странах разработан комплексный показатель – индекс развития человеческого потенциала / Human development Index. Данный индекс учитывает не только социально-экономические условия в странах, но и показатели состояния здоровья, доступность и охват образовательной сферы, фактические и среднедушевые доходы населения. В целом выделяют три основных направления:

1. Агрегированный показатель продолжительности жизни населения стран, учитывающий здоровье, долголетие, рождаемость и прочие связанные с этим показатели;
2. Агрегированный показатель образовательной сферы: доступ к образованию, охват начальным, общим, средним и высшим образованием различных слоев населения стран;
3. Валовой национальный доход, отражающий не только уровень жизни населения, но и в целом экономическое развитие стран.

На текущий момент необходима разработка агрегированных показателей уровня достигнутого и потенциального человеческого потенциала Витебского региона, который должен лечь в основу разработки механизма управления человеческим потенциалом на региональном уровне как составляющего человеческого потенциала государства в целом.

Следовательно, в целях разработки эффективного финансового механизма управления человеческим потенциалом на региональном уровне необходимо определить информационное обеспечение данного процесса, т.е. выбрать источники информации и данные для оценки состояния достигнутого человеческого потенциала.

Таким образом, методологические принципы, которые будут положены в основу формирования финансового механизма управления человеческим потенциалом, должны в полной мере учитывать место человеческого потенциала в системе совокупного экономического потенциала государства, отражать его роль в формировании такого потенциала и воспроизводстве национального богатства.

Литература

1. Бухгалтерская информационная система современности : монография / под ред. Т.М. Мезенцевой, В.В. Богатыревой. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019 – С. 174-182.
2. Шешукова Т.Г. Экономический потенциал предприятия: сущность, компоненты, структура [Текст] / Т.Г. Шешукова, Е.В. Колесень // Вестник Пермского университета экономики. – 2011. – №4(11). – С. 118-127.
3. Салахова, Ю. Ш. Содержание категории "человеческий потенциал" и его взаимосвязь с другими потенциалами экономических систем / Ю. Ш. Салахова // Наука - образованию, производству, экономике : материалы XXIV (71) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научн. сотрудников и аспирантов, Витебск, 14 февраля 2019 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – Т. 1. – С. 264–265.
4. Богатырева, В. В. Человеческий и социальный капиталы : содержание, дискуссионные вопросы взаимосвязи / В. В. Богатырева // Наука - образованию, производству, экономике : материалы XXIV (71) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научн. сотрудников и аспирантов, Витебск, 14 февраля 2019 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – Т. 1.– С. 251–252.

References

1. Sheshukova T.G. Economic potential of the enterprise: essence, components, structure [Text] / T. G. Sheshukova, E. V. Kolesen // Bulletin of the Perm University of Economics. - 2011. - No. 4 (11). – P. 118-127.

2. Salakhova, Y. Sh. The Content of the category "human potential" and its relationship with other potentials of economic systems / Y. Sh. Salakhova // Science - education, production, economy : materials XXIV (71) Region. scientific. conf. of teachers, scientific. staff and graduate students, Vitebsk, February 14, 2019: 2 vol. - Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2019. - Vol. 1. – P. 264-265.
3. Bogatyreva, V. V. Human and social capital: content, debatable issues of interrelation / V. V. Bogatyreva // Science-education, production, economy: materials XXIV (71) Region. scientific. conf. of teachers, scientific. staff and graduate students, Vitebsk, February 14, 2019: 2 vol. - Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2019. - Vol. 1. – P. 251-252.

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ВЗГЛЯД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Сачук Денис Игоревич

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Сачук Татьяна Викторовна

*Карельский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Аннотация: В статье выдвигается тезис, что муниципальные программы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства должны быть скорректированы с учетом новых возможностей приграничного сотрудничества на муниципальном уровне и реализации национальных проектов. В статье представлены некоторые результаты социологического исследования, результаты которого позволили выявить основные проблемы и возможные направления развития предпринимательской деятельности и повышения самозанятости населения в рамках развития приграничного бизнес-сотрудничества. Показано, что запросы населения в части обучения и консультирования по вопросам развития приграничного бизнес-сотрудничества изменились, и актуальными стали темы обучения в области стратегического планирования и проектной деятельности. Обосновано, что корректировка программ обучения и консультирования предпринимателей может значительно повысить результативность приграничного бизнес-сотрудничества.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, стратегическое планирование, проектная деятельность

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR THE DEVELOPMENT OF BORDER COOPERATION: A LOOK OF THE ENTREPRENEURS

Sachuk, Denis

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Sachuk, Tatiana

*Karelian branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the
President of the Russian Federation, Petrozavodsk, Russia*

Abstract: The article puts forward the thesis that municipal programs which support small and medium-sized enterprises should be corrected to develop new opportunities for cross-border cooperation at the municipal level and during the realization of national projects. The article presents some theses of a sociological research, the results of which allowed the authors to identify the main problems and possible directions for the development of entrepreneurial activity and increase self-employment of the population during the process of the development of cross-border business cooperation. The authors show that the population's requests regarding training and consulting on the development of cross-border business cooperation have changed, and topics of training in strategic planning and project activities have become relevant. Authors insist that the adjustment of training and consulting programs for entrepreneurs can significantly increase the effectiveness of cross-border business cooperation.

Key words: cross-border cooperation, strategic planning, project activity.

Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» [1] муниципальные образования Российской Федерации впервые получили реальные правовые и организационные условия для развития приграничного сотрудничества. Новацией этого закона стало не только формирование правовых основ приграничного сотрудничества для муниципальных образований, но и изменение трактовки понятия «приграничный» применительно к муниципальным образованиям. В соответствии с законом теперь все муниципальные образования, расположенные на территориях приграничных субъектов Российской Федерации, являются приграничными.

Законом определены основные направления приграничного сотрудничества на муниципальном уровне. В данной статье мы подробнее остановимся на направлениях приграничного сотрудничества, которые могут способствовать развитию экономики муниципальных образований.

Разработка муниципальными образованиями (городскими округами и муниципальными районами) пакета документов, определяющих стратегическое развитие территорий (документы целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования) [2] позволила достичь определенного уровня преемственности и непрерывности системы стратегического планирования. При этом действия органов местного самоуправления по обеспечению социально-экономического развития территории конкретизируются на уровне муниципальных программ, которые должны иметь измеряемые цели и быть реализованы с максимальной результативностью и эффективностью.

Действия органов исполнительной власти федерального, регионального и местного уровня были скорректированы в 2018 году в соответствии с Указом Президента [3]. По оценке специалистов две трети результатов Национальных проектов достигается действиями органами исполнительной власти регионального уровня. Оценок, насколько органы исполнительной власти муниципального уровня вовлечены в реализацию Национальных проектов нет, но эксперты понимают, что муниципальный уровень, безусловно, вовлечен в достижение всех целей Национальных проектов, и особенно в области поддержки занятости, развития малого и среднего предпринимательства и поддержки индивидуальной предпринимательской инициативы, а также развития международной кооперации и экспорта. Следовательно, в профильные муниципальные программы, такие как: «Развития малого и среднего предпринимательства», «Развитие туризма», «Содействие занятости», «Повышение инвестиционной привлекательности» и др. должны быть внесены коррективы.

В данной статье мы хотели бы предложить информацию о проблемах, препятствующих развитию приграничного сотрудничества и возможных направлениях развития предпринимательской деятельности и повышения самозанятости населения в рамках развития приграничного бизнес-сотрудничества. Данная информация могла бы быть использована органами местного самоуправления и некоммерческими организациями для повышения качества и результативности мер поддержки субъектов малого предпринимательства и отдельных групп населения, имеющих желание развивать приграничное сотрудничество.

В рамках проекта SPEAK BUSINESS: STRATEGIC PLANNING AND PROJECT MANAGEMENT FOR CROSS-BORDER AREAS /SpeakBusiness, KA4049» / «На языке бизнеса: стратегическое планирование и проектный менеджмент на трансграничном пространстве / SpeakBusiness» (грант-контракт KA4049) Карельским филиалом РАНХиГС было проведено социологическое исследование, целью которого было изучить препятствия и выявить перспективы расширения и развития трансграничного сотрудничества между Финляндией и Россией.

В опросе приняли участие 97 человек, из них: 27 человек – это государственные и муниципальные служащие, 15 человек – предприниматели, 17 человек – руководители и сотрудники НКО и 38 человек – студенты. Принявшие участие в опросе имеют разное профессиональное образование (60% респондентов имеют образование в сфере экономики и управления, 20 % - в сфере гуманитарных наук и педагогики, по 5 % - имеют техническое и

юридическое образование и 4 % имеют психологическое образование). Отметим, что 77 % опрошенных – это люди в возрасте до 40 лет, 16 % опрошенных в возрасте от 41 до 60 лет и только 4% - это люди старше 60 лет. Важно было уточнить сферу деятельности респондента в момент участия в опросе (58 человек заняты в сфере экономики и управления, 17 – в области гуманитарных наук, 13 – в сфере педагогики и психологии и остальные в медицине и в сфере точных наук) .

Нас интересовало, какие аспекты приграничного сотрудничества респонденты считают наиболее актуальными в настоящий момент времени? Ответы на данный вопрос представлены в Таблице 1

Таблица 1

Актуальные аспекты приграничного сотрудничества	Кол-во респондентов
Экономическое взаимодействие	21
Культурный и информационный обмен	17
Развитие социального предпринимательства и НКО	15
Развитие транспортной инфраструктуры	13
Затрудняюсь ответить	11
Развитие туризма	11
Правовые и управленческие аспекты	9

Любопытно, что респонденты, принявшие участие в опросе, отчетливо дистанцируют ответы, связанные с туризмом, и ответы, обозначенные как «Развитие экономического взаимодействия» в две различные группы ответов. Необходимо уточнить причины этого. Возможно, туризм воспринимается как многофакторная и многоаспектная деятельность, где помимо отраслей экономики задействованы еще и иные сферы деятельности (культура, спорт, здравоохранение и др.).

Отвечая на вопрос: «Какие сферы внешнеэкономической деятельности в рамках трансграничного сотрудничества Карелии и Финляндии, на Ваш взгляд, являются наиболее перспективными и привлекательными?», респонденты выбрали следующие виды деятельности (Табл.2)

Таблица 2

Сферы внешнеэкономической деятельности	% от числа респондентов
Гостеприимство	57,7%
Торговля	56,7%
Пищевая промышленность	39,2%
Производство оборудования	39,1%
Сельское хозяйство	39,2%
Оказание социальных услуг населению (присмотр, уход, воспитание и др.)	38,1%
Оказание услуг (транспортные, ремонтные и др.) населению и организациям	31,9%
Производство товаров повседневного спроса	30,9%
Производство товаров и оказание услуг лицам с ограниченными возможностями	2,1%
Другое	4,1%

Отметим, что предприниматели при ответе на этот же вопрос несколько иначе расставили приоритеты, а именно: торговля, гостеприимство, оказание услуг (транспортные, ремонтные и др.) населению и организациям, пищевая промышленность, сельское хозяйство, производство оборудования.

Респондентам было предложено выбрать факторы, препятствующих развитию трансграничного экономического взаимодействия и торговли между Карелией и Финляндией с учетом разных аспектов деятельности:

- с точки зрения правовых аспектов деятельности более 40 % ответивших указали два фактора: существующее нормативно-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности России и Финляндии и сложившийся уровень государственной и муниципальной поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, в том числе осуществляющих внешнеэкономическую деятельность и внешние инвестиции. При этом для представителей возрастных групп старше 40 лет на первый план выходят проблемы общего и таможенного законодательства, а вот проблема регулирования и поддержки субъектов бизнеса для них не очевидна (9% против 40% у более младших групп);

- с точки зрения экономических аспектов деятельности более 40 % ответивших указали три фактора: недостаточный уровень информированности об организациях, оказывающих поддержку хозяйствующим субъектам, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность, об особенностях потребительского спроса и поведения потенциальных клиентов в России и в Финляндии, о поддержке трансграничного сотрудничества в области социального предпринимательства. При этом для «старшего» поколения оказалось менее значима проблема незнания специфики бухучета, а для группы возрастом до 25 лет основной проблемой оказалось «Отсутствие (ограниченное количество) информации об организациях, оказывающих поддержку хозяйствующим субъектам, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность» (60% против 35% по совокупности). С другой стороны, респонденты младше 25 лет меньше обеспокоены проблемой нехватки знаний об основах спроса и предложения (логично предположить, что причина лежит в сфере большей мобильности и социальных связей этой группы);

- с точки зрения социальных аспектов деятельности более 40 % ответивших указали два фактора: разное понимание значимости и сфер деятельности в области социального предпринимательства в России и в Финляндии, языковой барьер взаимодействия. Стоит отметить, что представители групп старше 40 лет в принципе меньше выделяют данные проблемы, чем представители младших возрастных групп. Группа лиц до 25 лет акцентирует внимание на языковом барьере (55% против 45%), на проблеме различий корпоративной культуры (40% против средневзвешенных 20%) а также на неготовности ни представителей власти, ни местного сообщества к взаимодействию на международном уровне. Представители среднего поколения (26-40 лет) акцентируют внимание на проблеме взаимопонимания в сфере социального предпринимательства (58% - наивысший по группе показатель).

Следующая группа вопросов позволяла понять, какую информацию хотели бы получить респонденты для развития приграничного сотрудничества в области бизнес деятельности.

Респондентам было предложено указать наиболее интересные темы для возможного обучения с целью развития бизнес деятельности в рамках приграничного сотрудничества, были получены следующие результаты (представлены в порядке убывания интереса:

- управление проектом,
- разработка и реализация бизнес стратегии;
- отдельные специальные сферы бизнеса (отраслевой аспект);
- работа с информацией.

С учетом наиболее интересных тем обучения были предложены уточняющие вопросы по отдельным аспектам стратегического планирования и управления проектами.

На вопрос, «По каким аспектам стратегического планирования Вы хотели бы получить дополнительную информацию» были получены следующие ответы (Табл. 2)

Отметим, что предприниматели продемонстрировали большой интерес к информации, связанной с разработкой маркетинговых стратегий (на первых позициях анализ спроса, оценка компании, анализ товара).

Поскольку реализация многих бизнес идей и мероприятий государственной и муниципальной поддержки идет в рамках Национальных проектов и программ, было решено уточнить, по каким аспектам управления проектами респонденты хотели бы получить дополнительную информацию? Ответы на данный вопрос представлены в Табл.3

Таблица 2

Аспекты стратегического планирования	% от числа респондентов
Анализ потребительского спроса и разработка стратегии взаимодействия с реальными и потенциальными клиентами	49,5%
Анализ практики продвижения, разработка стратегии и тактики продвижения товаров и услуг для целевых групп клиентов	45,4%
Экспресс –оценка финансовой устойчивости и финансовых возможностей компании (НКО) для реализации стратегических инициатив	37,1%
Конкурентный анализ и выработка стратегии сохранения и развития конкурентных преимуществ компании (НКО)	36,1%
Анализ внешней среды компании (НКО) для выработки стратегических инициатив	29,9%
Разработка стратегического видения развития компании (НКО) на среднесрочный период (3-6 лет)	28,9%
Выработка стратегических и тактических решений в области товарной политики компании	27,8%
Актуальные формы и методы стратегического прогнозирования и планирования при выработке стратегических инициатив	23,7%
Декомпозиция стратегических целей компании (НКО) на отдельные бизнес-планы, проекты, программы	25,8%
Затрудняюсь ответить	12,4%
Другое	1,0%

Таблица 3

Аспекты управления проектами	% от числа респондентов
Управление рисками проекта	49,5%
Управление бюджетом проекта	40,2%
Анализ ограничений и возможностей реализации проектной идеи	35,1%
Суть проектного решения (формулировка целей, основных направлений действий, мероприятий, показателей и результатов)	35,0%
Формирование и управление командой проекта	34,0%
Управление ресурсами проекта	30,0%
Управление временем проекта	30,0%
Управление внутренними и внешними коммуникациями проекта	25,8%
Этапы жизненного цикла проекта	20,6%
Затрудняюсь ответить	9,3%
Другое	2,1%

При этом просматривается очевидная заинтересованность в конкретной информации по управленческой деятельности со стороны предпринимателей (управление идеями, командой, этапы проектной деятельности).

Полученные ответы в рамках социологического исследования позволяют лучше понять проблемы, которые препятствуют развитию предпринимательской деятельности в сфере приграничного сотрудничества, а также осознать потребности в обучении, консультировании и сопровождении субъектов малого и среднего предпринимательства, желающих осуществлять бизнес деятельность в рамках приграничного сотрудничества. Важно своевременно оценить, как изменились потребности предпринимателей. Например,

еще недавно вопросы ведения бухгалтерского учета и отчетности хозяйствующих субъектов в России и в Финляндии были приоритетными для предпринимателей, а сегодня занимают пятое место по значимости. С другой стороны, общая логика социально-экономического развития страны во многом предопределила приоритетный интерес респондентов к проектному управлению. Кроме того, исследование позволило получить информацию о специфике потребностей в обучении людей разного возраста, разного базового образования и работающих в разных сферах деятельности.

В данной статье представлена только часть полученной в ходе социологического исследования информации, но даже эта информация позволяет определить основные направления деятельности:

- создаваемой системы акселерации субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в том числе инфраструктуры и сервисов поддержки;
- модернизации системы поддержки экспортеров, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей;
- создаваемой системы поддержки фермеров;
- обеспечения благоприятных условий осуществления деятельности самозанятых.

Если государственные (региональные) и муниципальные программы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в приграничных регионах и муниципалитетах в части консультационной и информационной поддержки будут должным образом скорректированы, мы можем ожидать более значимых результатов реализации ряда Национальных проектов на региональном и местном уровнях.

Литература

1. Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества» от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/
2. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 26.06 2014 № 172-ФЗ. – URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/>

ОПЫТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ¹

Секушина Ирина Анатольевна

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
sekushina.isekushina@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы стратегического управления социально-экономическим развитием муниципальных образований. Проанализирован опыт стратегического планирования в малых и средних городах регионов Европейского Севера России, выявлены главные проблемы, препятствующие эффективной его реализации.

Ключевые слова: малые и средние города, стратегическое управление, социально-экономическое развитие.

EXPERIENCE OF STRATEGIC PLANNING IN MANAGING THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM CITIES OF THE REGIONS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

Sekushina, Irina

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
sekushina.isekushina@yandex.ru

Abstract. The issues of strategic management of socio-economic development of municipalities are considered. The experience of strategic planning in small and medium-sized cities of the regions of the European North of Russia is analyzed, the main problems that impede its effective implementation are identified.

Keywords: small and medium-sized cities, strategic management, socio-economic development.

В постсоветское время в регионах Европейского Севера России, к которым относятся Республики Коми и Карелия, а также Архангельская, Вологодская и Мурманская области, отмечается общее снижение численности населения. Однако если в целом по России за период с 1989 по 2018 гг. численность городского населения существенно не изменилась (рост на 0,8%), то в рассматриваемых регионах произошло значительное снижение числа жителей городских населенных пунктов – на 23,1%. Вместе с тем анализ демографических показателей свидетельствует о том, что во всех крупных городах рассматриваемых регионов за исключением Мурманска численность населения увеличилась, а во всех малых и средних городах², за исключением г. Нарьян-Мара, показатели сократились. Наиболее сильно процессы оттока населения из малых и средних городов проявились в Мурманской и Архангельской областях и Республике Коми.

Продолжающийся отток населения по большей части вызван достаточно сложной ситуацией в экономике муниципалитетов, неудовлетворительным, по сравнению с крупными

¹ Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-410-350010 р-а «Региональная политика субъекта РФ по развитию муниципальных образований: оценка и направления повышения эффективности».

² Классификация городов приведена согласно «СП 42.13330.2011. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89», по которой к средним относятся города с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел., к малым – до 50 тыс. чел.

городами, состоянием социальной и жилищно-коммунальной сферы, низким уровнем благоустройства городской среды. Во времена СССР благодаря плановой системе хозяйствования и поддержке территориально-значимых градообразующих предприятий проблемы социально-экономического развития малых и средних городов стояли не так остро. В настоящее время проводимую российскими властями политику в отношении развития малых и средних городов сложно назвать успешной.

Говоря о подходах к управлению социально-экономическим развитием малых и средних городов на современном этапе развития страны, в первую очередь необходимо остановиться на стратегическом планировании. Переход к нему представляет собой не только новую ступень «качества» для всей системы государственного и муниципального управления, но и более успешный вариант решения назревших проблем пространственного развития территорий [1]. Однако, нельзя не согласиться с современными исследователями в том, что, несмотря на уже заметный эффект, полученный рядом муниципальных образований от внедрения инструментов стратегирования в деятельность органов власти, в настоящее время далеко не все муниципальные образования активно используют данный подход [6,7].

Говоря о муниципальном стратегическом планировании, прежде всего, отметим то, что применительно к малым и средним городам по законодательству, разработка стратегических документов является необязательным инструментом управления муниципалитетом. Согласно 172-ФЗ¹ на уровне муниципального образования в малых и средних городах могут разрабатываться следующие документы стратегического планирования: 1) стратегия социально-экономического развития муниципального образования; 2) план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования; 3) прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период; 4) бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период; 5) муниципальная программа.

В рамках проведенного исследования нами были рассмотрены стратегические документы, реализуемые в малых и средних городах регионов Европейского Севера России. Источником информации послужили официальные сайты городских округов и городских поселений, а также данные государственной автоматизированной информационной системы «Управление» (далее – ГАС «Управление»).

Стратегии социально-экономического развития муниципалитетов разработаны лишь в 10 муниципальных образованиях из 59: в Костомукшском ГО², ГО Воркута, ГО Инта, ГО Усинск, ГО Ухта, ГО Вуктыл, ГО Котлас, ГО Кировск, ЗАТО³ Александровск, ЗАТО г. Островной. В городском округе Апатиты Мурманской области до 2015 года действовала Стратегия социально-экономического развития города Апатиты, в настоящее время разрабатывается новая стратегия. Еще в двух городских поселениях – Кондопожском ГП⁴ и г. Великий Устюг разработаны и приняты программы развития муниципальных образований.

На наш взгляд, не последнюю роль в вопросах стратегирования в малых и средних городах играет позиция органов региональной власти, поскольку решения о необходимости разработки стратегических документов зачастую принимаются не органами местного самоуправления, а поступают «сверху» в виде обязательных к исполнению рекомендаций. Это, к сожалению, не лучшим образом сказывается на качестве документов стратегического планирования.

Если изучить цели и задачи социально-экономического развития городов, указанные в стратегических документах, то можно отметить, что между ними имеются определенные

¹ Федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»

² ГО – городской округ

³ ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование

⁴ ГП – городское поселение

сходства. К примеру, в стратегиях всех ЗАТО Мурманской области в качестве целей социально-экономического развития городов обозначено улучшение качества жизни населения, а для их достижения выделены 4 стратегических направления: развитие человеческого капитала; обеспечение комфортной и безопасной среды проживания населения; обеспечение устойчивого экономического роста; повышение эффективности местного самоуправления. В целом же, практически во всех документах цели стратегий содержат лишь набор общих фраз, отдаленно связанный со спецификой социально-экономического развития конкретного муниципального образования. Так, для большинства городов главной целью является повышение качества жизни населения и его благосостояния, развитие экономической и социальной сфер города.

Вместе с тем, среди разработанных стратегий есть и исключения. К примеру, цель стратегического развития городского округа Котлас более конкретна – «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу муниципального образования как ведущего транспортного, торгового и культурно-образовательного центра субрегиона «Юг Архангельской - север Вологодской областей».

Особое внимание в стратегиях рассмотренных регионов уделено анализу социально-экономического положения муниципалитета. Данный блок работы, как правило, достаточно подробно прописан и вместе с тем, можно выделить две важные особенности: во-первых дисбаланс между аналитической и собственно «внедренческой» частью стратегии, а во-вторых достаточно ограниченный спектр используемых аналитических методов и инструментов. К примеру, в стратегиях городских округов Воркута и Кировск – более 50%, а в ЗАТО Мирный – более 70%, всего документа отведено под характеристику муниципального образования, оценку состояния социальной сферы, транспорта, ЖКХ и т.д.

Относительно инструментов анализа социально-экономического положения городов можно сказать то, что при разработке стратегий в основном используется метод SWOT-анализа. Лишь в стратегии социально-экономического развития г. Инта отражены результаты PEST-анализа и SNW-анализа (анализа факторов прямого воздействия). Нельзя не отметить и стратегию развития г. Котлас. Данный документ был разработан сторонней организацией аудиторско-экспертной компанией «Балт-Аудит-Эксперт» в 2010 году со сроком реализации до 2030 года. При анализе и оценке социально-экономического развития муниципалитета разработчиком были проведены социологические опросы населения города, а также анкетирование представителей органов местного самоуправления.

Лишь в 5 из 13 рассмотренных стратегий имеются сценарии развития муниципального образования. В стратегическом плане социально-экономического развития города Костомукша представлены два сценария развития муниципального образования: инерционный и инвестиционно-инновационный; в стратегии городского округа Инта – инерционный (регрессивный), инновационный (прогрессивный) и переходный (интегрированный); в г. Котласе – сценарии поступательного и интенсивного развития; в г. Кировске – инерционный и инновационный сценарии; в ЗАТО Александровск – только один стабилизационный (инерционный) сценарий.

Одним из самых главных этапов стратегического планирования является определение механизмов и ожидаемых результатов реализации стратегии, и также организация системы мониторинга достижения установленных целей. В данной части муниципальных стратегических документов наблюдается наибольшее разнообразие подходов. В ряде стратегий (например, в Костомукшском ГО и ГО г. Кировск) указаны главные направления реализации стратегии и в соответствии с ними определены мероприятия и показатели (индикаторы), позволяющие оценить уровень их исполнения. В некоторых муниципальных образованиях (ЗАТО Александровск, ЗАТО Островной) акцент ставится непосредственно на реализации муниципальных программ. Несмотря на большое разнообразие указанных способов реализации стратегий в большинстве из них собственно механизм как таковой отсутствует, в основном все сводится к перечислению инструментов, отдельных мероприятий или программ.

Относительно индикаторов достижения заявленных целей и задач стратегий можно сказать то, что их количество достаточно сильно варьируется. К примеру, в стратегии развития ГО Кировск указано 13 целевых показателей, а в стратегии развития ГО Усинск – 129 индикаторов, причем в некоторых стратегиях приведены конкретные количественные данные, в других же – перечислены только наименования показателей.

Проведенный анализ показал то, что согласно информации размещенной на сайте ГАС Управление и на официальных сайтах муниципальных образований, помимо стратегий социально-экономического развития города в 7 муниципальных образованиях из 59 имеются планы реализации стратегии, прогнозы социально-экономического развития – в 22 муниципалитетах, бюджетные прогнозы – лишь в 5. В трех муниципалитетах также разработаны комплексные инвестиционные планы развития города: в Кондопожском городском поселении, городском округе Мончегорск и ЗАТО Заозерск.

Главными инструментами управления реализацией выбранной стратегии выступают целевые комплексные программы. Данные документы разработаны и приняты в подавляющем большинстве муниципалитетов, даже в тех, где сами стратегии социально-экономического развития отсутствуют. Количество программ в населенных пунктах сильно варьируется, однако в городских округах их, как правило, больше, что обусловлено более широким спектром полномочий муниципальных образований данного типа. Значительная часть муниципальных программ направлена на развитие социальной сферы города, транспортной инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства. Во многих муниципалитетах действуют программы правоохранительной направленности по безопасности дорожного движения, профилактике терроризма и экстремизма, противодействию коррупции. Во многих муниципальных образованиях приняты программы по благоустройству территории города и созданию комфортной городской среды. Большинство данных программ было принято в рамках реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды». Вместе с тем, нельзя не отметить то, что лишь незначительная часть программ направлена на развитие сферы экономики города, поддержку малого и среднего предпринимательства, привлечение инвестиций.

Изучением вопросов стратегического планирования на муниципальном уровне занимается целый ряд современных ученых-экономистов [3,4,5]. В частности МЦСЭИ «Леонтьевский центр» в 2016 году было проведено исследование, посвященное изучению состояния стратегического планирования и стимулирования участия городских поселений России в стратегическом планировании. Результаты представленного в работе [2] анкетирования и интервьюирования органов муниципальной власти свидетельствуют о том, что вопрос необходимости и экономической целесообразности стратегического планирования в малых и средних городах остается открытым. Тем не менее, те представители муниципальных образований, где уже были приняты стратегические документы, даже если они были не совсем должного качества, позитивно высказываются о стратегическом планировании и рассматривают его как инструмент выхода из депрессивного состояния и активного планирования будущего города.

В сложившейся в России системе стратегического планирования в малых и средних городах можно выделить несколько проблем, главной из которых по-прежнему остается недостаточность ресурсов и неопределенность возможностей финансирования [2]. Не менее актуальны и проблемы отсутствия квалифицированных кадров, неполноты статистических данных для объективной оценки социально-экономического положения города, пассивность населения и местного бизнес-сообщества, недостаточная коммуникация с органами региональной власти.

Литература

1. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. малые города в системе пространственного регулирования российской экономики // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 169-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.16>

2. Жихаревич Б.С., Прибышкин Т.К. Стратегическое планирование на уровне поселений: факты и мнения, 2016 г. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 47-67.
3. Лебедева Н.А. Жихаревич Б.С. Стратеги о стратегическом планировании // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 6-15.
4. Орехова Е.А., Плякин А.В., Штеменко К.С. Особенности формирования стратегической программы социально-экономического развития малых и средних городов // Региональная экономика. Юг России. 2014. № 4 (6). С. 100-107.
5. Солосина М.И., Щепина И.Н. Стратегический подход к управлению развитием на муниципальном уровне: методика анализа поселений, подходы к разработке стратегий // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 48. С. 19-33.
6. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 196 с.
7. Стратегии малых городов: территория творчества / Б. С. Жихаревич [и др.]. СПб.: Междунар. центр соц.-экон. исследований «Леонтьевский центр», 2017. – 68 с.

References

1. Buhval'd E.M., Valentik O.N. malye goroda v sisteme prostranstvennogo regulirovaniya rossijskoj ekonomiki // Regional'naya ekonomika. YUg Rossii. 2018. № 1 (19). S. 169-180. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.16>
2. ZHiharevich B.S., Pribyshkin T.K. Strategicheskoe planirovanie na urovne poselenij: fakty i mneniya, 2016 g. // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2018. № 1. S. 47-67.
3. Lebedeva N.A. ZHiharevich B.S. Strategi o strategicheskom planirovanii // Regional'naya ekonomika. YUg Rossii. 2018. № 1 (19). S. 6-15.
4. Orekhova E.A., Plyakin A.V., SHtemenko K.S. Osobennosti formirovaniya strategicheskoy programmy social'no-ekonomicheskogo razvitiya malyh i srednih gorodov // Regional'naya ekonomika. YUg Rossii. 2014. № 4 (6). S. 100-107.
5. Solosina M.I., SHCHepina I.N. Strategicheskij podhod k upravleniyu razvitiem na municipal'nom urovne: metodika analiza poselenij, podhody k razrabotke strategij // Finansovaya analitika: problemy i resheniya. 2016. № 48. S. 19-33.
6. Social'no-ekonomicheskie problemy lokal'nyh territorij / T.V. Uskova [i dr.]. Vologda: ISERT RAN, 2013. – 196 s.
7. Strategii malyh gorodov: territoriya tvorchestva / B. S. ZHiharevich [i dr.]. SPb.: Mezhdunar. centr soc.-ekon. issledovaniy «Leont'evskij centr», 2017. – 68 s.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАРЕНЦЕВА РЕГИОНАЛЬНОГО МОЛОДЕЖНОГО СОВЕТА В РАЗВИТИИ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БАРЕНЦЕВА РЕГИОНА

Селиверстова Анна Максимовна

Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности Баренцева Регионального Молодежного Совета за период 2017-2018 гг. Определяется роль организации в развитии приграничного молодежного сотрудничества Баренцева региона, а также достигнутые ею результаты. Анализируются проблемы взаимодействия Совета и молодежи стран Баренцева региона.

Ключевые слова: Баренцев Евро-Арктический регион, Баренцев Региональный Молодежный Совет, Баренцев регион, молодежная политика, приграничное сотрудничество.

THE ACTIVITIES OF THE BARENTS REGIONAL YOUTH COUNCIL IN THE DEVELOPMENT OF BARENTS REGION CROSS-BORDER COOPERATION

Seliverstova, Anna

Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia

Abstract. This paper examines the activity of the Barents Regional Youth Council from 2017 to 2018. The paper defines the role of the organization in the development of cross-border youth cooperation in the Barents region, as well as its achieved results. The problems of interaction between the Council and the Barents region's youth are analyzed.

Key words: Barents Euro-Arctic region, Barents Regional Youth Council, Barents region, youth policy, cross-border cooperation.

Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР) является крупнейшей зоной приграничного межрегионального сотрудничества в Европе, который включает в себя самые северные районы Швеции, Норвегии, Финляндии и России. Общей целью сотрудничества стран является устойчивое развитие территорий и становление взаимовыгодной кооперации.

Несмотря на то, что в 1993 г., во время подписания Киркенесской декларации молодежная политика и гуманитарные обмены не являлись приоритетными направлениями развития сотрудничества стран, в 1998 г. не дожидаясь официального признания, молодежь БЕАР провела свою первую встречу в Швеции. А уже в 2000 г. идея создания органов, ответственных за проведение молодежной политики активно обсуждалась в рамках Баренцева Регионального Международного Форума.

Поистине поворотным в вопросе «легализации» молодежной политики в рамках БЕАР стал 2002 г. Как на министерском, так и на региональном уровнях были созданы Рабочие группы по делам молодежи, а в Мурманске открыт первый Офис содействия молодежному сотрудничеству. Однако, созданная система управления, не соответствовала стремлению молодых людей принимать непосредственное участие в формировании и развитии Баренцева региона. Именно с целью мобилизации молодежи, а также продвижения молодёжных интересов и проектов, в 2004 г. был основан Баренцев Региональный Молодежный Совет (БРИК).

В состав БРИК входит 15 человек, каждый из которых представляет один из субъектов Баренцева региона. Из числа участников формируется Правление БРИК, в который входит по одному представителю от каждой из стран участниц БЕАР, а также один представитель от коренных народов.

Деятельность Совета определяется рядом программных документов. Актуальной на сегодняшний день является Баренцева Региональная Молодежная Программа, принятая на период с 2017 по 2020 гг. В качестве ключевых целей деятельности программа определяет:

- популяризацию культуры, спорта и здорового образа жизни;
- развитие образования и предпринимательской активности в регионе;
- воспитание правовой и демократической культуры среди молодежи;
- актуализацию экологических проблем Баренцева региона;
- формирование гражданственности и патриотизма.

На сегодняшний день, прошло уже два года с момента начала реализации Программы. Именно поэтому, становится актуальна задача осмысления уже проделанной работы, с целью оценки эффективности деятельности Совета, определения проблем в реализации Программы, а также выработке предложений по совершенствованию организации.

В 2017 - 2018 гг. БРИК смог достигнуть значительных успехов на пути утверждения своего места в системе приграничных связей Баренцева региона. Так, в 2017 г. Правление БРИК участвовало в работе министерской сессии стран БЕАР и провело встречу с МИД Швеции. Также, были организованы три совещания с Баренцевым региональным советом (БРС) и Региональным Комитетом (РС). Не менее значимым стало и восстановление сотрудничества с Объединенной рабочей группой по делам молодежи, в результате чего, в 2018 г. после двухлетней паузы была проведена первая встреча. Активная политика БРИК по вопросу развития контактов и сотрудничества, привела к получению Советом долгосрочного инвестирования от БРС, путем получения ежегодных грантов (в размере 5000 евро) от регионов-участников БЕАР в течение трех лет (2018 - 2020 гг.). Предполагается, что регионы, которым по закону запрещено выделять ежегодные гранты, будут поддерживать БРИК с помощью взносов в натуральной форме эквивалентной размеру гранта. Реализация финансовой программы уже дала свои результаты. В 2019 г., помимо проведения Ежегодного мероприятия для молодежи Баренцева региона, Советом была проведена конференция по вопросам сексуального здоровья, а также летний лагерь посвященный феминизму.

За прошедший период, актуальной задачей было и укрепление авторитета БРИК в Европе. Члены Совета приняли активное участие в работе форума молодых специалистов «Europe lab» в Польше. Более того, в отношении Регионального Молодежного Совета Прикарпатья, БРИК фактически выступил в качестве наставника, оказывая молодой организации информационную и техническую поддержку.

Также, в 2017 - 2018 гг. БРИК подтвердил свое место постоянного участника международных форумов и саммитов Баренцева региона. Представители Совета приняли участие в работе Арктического молодежного саммита, первого саммита коренных народов Баренцева региона, форуме «Будущие лидеры Баренц-региона» и Мурманской международной деловой недели. В то же время, члены БРИК были вовлечены и в работу международных научных конференций - Arctic Frontiers, High North Dialogue, «25 years of Barents Cooperation: Youth perspective for the future».

Таким образом, БРИК смог успешно представить молодежь Баренца во всех ведущих событиях региона, и даже выйти за его пределы.

Важным событием для БРИК и всего Баренцева региона стало проведение фестивалей Инверсия и Uncapitals, которые реализовывались при участии БРИК в качестве партнера. Целью обоих мероприятий стало переосмысление традиционного восприятия жизни на Севере и перемещение культурных центров их столиц на окраинные территории. Организаторы призывали участников по-новому взглянуть на привычные пейзажи, и сакцентировать внимание на суровой красоте и уникальности Севера. В работе фестивалей приняли участие художники, музыканты, танцоры и журналисты, как из стран Баренцева региона, так и Нидерландов, Швейцарии, Франции и Дании. В течение 2017 - 2018 гг. лишь фестиваль Инверсия принял более 3000 тысяч зрителей в возрасте от 16 до 60 лет, что делает его одним из крупнейших культурных событий на севере Европы.

Также, необходимо сказать и о проведении БРИК Ежегодных мероприятий, которые дают возможность молодежи Швеции, Норвегии, России и Финляндии познакомиться и лучше узнать друг друга. В 2017 г. Ежегодное мероприятие было посвящено границам, как географическим, так культурным и социальным. Участвуя в семинарах, дискуссиях и ролевых играх молодые люди формировали свое представление о границах, их значении и роли в развитии приграничного сотрудничества. Всего в мероприятии приняло участие 63 представителя молодежи Баренцева региона.

В 2018 г. темой Ежегодного мероприятия стала культура, а точнее культурное разнообразие Баренца. Каждый из 64 участников смог узнать и исследовать норвежскую, шведскую, русскую, финскую культуру, а также уникальную культуру коренных народов Севера. Понимание общих черт культурного разнообразия региона стало основой и для понимания общих целей и задач, стоящих перед молодежью, а также необходимости сотрудничества и совместной работы.

В результате мы можем сказать, что уже на момент конца 2018 г. БРИК в значительной степени реализовал действующую программу по направлениям популяризации культуры, а также развития образования. Более того, всего за два года при непосредственном участии БРИК было проведено восемь мероприятий, которые смогли стать площадкой для общения и сотрудничества молодежи. Однако, несмотря на значительные успехи, в работе и организации Совета остаются актуальными ряд проблем.

В первую очередь стоит сказать том, что деятельность совета чрезвычайно слабо отражена в медиа среде. Так, например, Группа «Barents Regional Youth Council» в ВКонтате является одним из наиболее слабых социальных медиа БРИК. Всего в группе состоят 70 участников, однако в актуальном для БРИК возрасте от 18 до 30 лет, находится лишь 49 человек. Это чрезвычайно мало, учитывая, что группа существует уже на протяжении 5 лет.

Более того, группа «Barents Regional Youth Council» ВКонтате является лишь официальной группой представительства республики Коми в Совете. Однако при этом, она занимает домен <https://vk.com/barentsyouthcouncil>, что делает невозможным его использование для единой группы/публичной страницы БРИК ВКонтате, а также может вводить в заблуждение ряд пользователей.

Несмотря на то, что группа по-прежнему работает и публикует актуальные материалы, её активность чрезвычайно низка. За период с января 2017 г. по август 2019 г. было опубликовано лишь 26 постов (в 2017 - 10, в 2018 - 10, 2019 - 6). Большая часть, которых не связана с Баренцевым регионом или БРИК. Основной контент группы представлен репостами других источников с информацией о грантах и конкурсах, что, отчасти может вести к депопуляции региона. Также в группе нет фотографий и документов, связанных с деятельностью Совета. В результате, данная социальная сеть используется неэффективно и не дает возможность БРИК расширить число участников и свою аудиторию. Также стоит отметить, что данная группа является единственным русскоязычным аккаунтом БРИК в сети Интернет, в то время как население регионов России входящих в состав Баренцева региона составляет более 3 миллионов жителей.

Аналогичная ситуация обстоит и с публичной страницей БРИК в Instagram. Несмотря на то, что аккаунт был создан еще в 2014 г. он может похвастаться лишь 93 публикациями, при том, что большая их часть была опубликована в период с января 2017 г. по август 2019 г. (65 %). В течение 5 лет аккаунт смог собрать 427 подписчиков, а среднее количество лайков равняется 33. Безусловно, такой уровень активности в сети, приводит к тому, что контент БРИК не продвигается в Instagram, пользователям не рекомендуется этот аккаунт, а значит, меньшее количество людей может узнать о нем.

Значительно лучше обстоят дела с публичной страницей БРИК в Facebook, которая насчитывает более 1000 участников. Именно эта страница является основной платформой представления информации о деятельности Совета. В ней можно найти сведения о грядущих мероприятиях, отчеты и фотоматериалы, статьи и публикации о БРИК. Также нередко

проводятся онлайн трансляции конференций и семинаров. Однако стоит отметить, что, несмотря на большой охват участников, в среднем посты группы не набирают больше 20 лайков, а комментарии являются редкостью, что свидетельствует об отсутствии интереса аудитории к деятельности Совета, а также низкой посещаемости группы.

На практике, пассивность в меди среде и отказ от продвижения в социальных сетях приводит к тому, что значительная часть молодежи Баренцева региона не знает о проводимых БРИК мероприятиях. Как показывают современные исследования, 90 % молодежи в возрасте от 18 до 29 лет активно используют социальные сети в повседневной жизни [4, с. 3]. Сегодня, социальные сети являются основным источником информации об актуальных событиях и мире вокруг. Соответственно, отсутствие информации о БРИК в ленте социальных сетей приводит к тому, что об их деятельности среднестатистический представитель молодежи так и не узнает. Более того, социальные сети, впервые в истории человечества, дают возможность равного доступа к информации абсолютно всем, вне зависимости от пола, национальности или места жительства, а значит, дают возможность воздействовать на максимально широкий охват аудитории. Именно поэтому, продвижение в социальных сетях должно стать одной из первостепенных задач БРИК.

С проблемой презентации БРИК в социальных медиа связана и проблема самого контента, который представляет Совет. ВКонтакте, Facebook и Instagram представляют ключевым образом информацию либо о грядущих событиях, либо отчет о прошедших мероприятиях. Однако одной из основных проблем развития Баренцева молодёжного сотрудничества является то, что молодёжь на Севере, как правило, обладает ограниченными знаниями о Баренцевом регионе, и вместе с тем слабо представляет возможности, которые таит в себе международное сотрудничество [1, с. 12]. Именно в связи с этим, необходимо насытить контент публичных страниц БРИК полезной информацией о самом Баренцевом регионе, его истории, природе, проблемах и перспективах развития. Ни одна из существующих в данное время публичных страниц БРИК не несет в себе этой информации, а значит, не дает представления молодежи о том, где она живет и чем является. Это значительно снижает уровень идентификации человека с Баренцевым регионом, а значит, способствует росту мобильности, в то время как борьба с депопуляцией региона одна из основных задач деятельности БРИК. Более того, создание интересного и увлекательного контента сможет привлечь молодежь, а значит увеличить охват аудитории, на которую направлена деятельность Совета.

Также одной из проблем деятельности БРИК я вижу в достаточно низком уровне консолидации молодежи и непосредственной работы на уровне people-to-people. Ключевым событием в деятельности БРИК является проведение Ежегодного мероприятия, в рамках которого встречаются как непосредственно члены БРИК, так и молодежь Баренцева региона, не являющаяся членами Совета. Безусловно, эти встречи чрезвычайно полезны и способствуют культурному обогащению, развитию толерантности и лидерского потенциала молодежи, а также установлению дружеских контактов. Однако проблема заключается в том, что кроме этого события фактически нет платформ для общения молодежи Баренцева региона между собой. Возвращаясь, домой после мероприятия на региональном уровне нет структур или организаций способствующих налаживанию совместной деятельности молодежи. Отсутствуют публичные, открытые контакты представителя региона с молодежью региона, что лишает молодых людей возможности вынести на обсуждение актуальные проблемы или внести свои предложения. Создание региональных представительств БРИК сможет решить данную задачу. Более того, это увеличит интеграцию среди молодежи, как на региональном, так и на межрегиональном уровне. Более того, в рамках представительства может вестись работа по подготовке новых представителей региона в БРИК. Региональные представительства смогут удерживать интерес к теме Баренцева сотрудничества и вносить вклад в развитие БРИК.

Подводя итог, стоит сказать, что Баренцев Региональный Молодежный Совет играет важную роль в развитии приграничного сотрудничества стран БЕАР. Молодежь - это ценный

ресурс в деле построения устойчивого и эффективного взаимодействия регионов. Более того, участие молодежи в общественных организациях способствует развитию критического мышления, получению навыков межличностного и группового взаимодействия, а также воспитанию гражданственности. Исследования подтверждают, что по сравнению со сверстниками, участники молодежных организаций показывают большую вероятность активного участия в политической жизни общества, как в молодом, так и в зрелом возрасте. Именно поэтому, так важно поддерживать деятельность БРИК, как на правительственном, так и на региональном уровне, а сам Совет должен расширить медийную репрезентацию интересов молодежи, а также установить с молодежью эффективную обратную связь.

Литература

1. Аверьянова С. А. Процессы институционализации молодёжного сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Арктика и Север. 2014. №15.
2. Barents Regional Youth Council Annual Report 2017. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.kainuunliitto.fi/sites/default/files/bryc_activity_report_2017_per_07_03_2018.pdf, доступ свободный. Загл. с экрана Яз. англ. (дата обращения 20.08.2019).
3. Barents Regional Youth Council Annual Report 2018. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.barentsinfo.fi/beac/docs/BRYCAAnnualReport2018-FINAL.pdf>, доступ свободный. Загл. с экрана Яз. англ. (дата обращения 20.08.2019).
4. Conner J. The value of Youth Organising. [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyber.harvard.edu/sites/cyber.harvard.edu/files/KBWTheValueofYouthOrganizing2012.pdf>, доступ свободный. Загл. с экрана Яз. англ. (дата обращения 20.08.2019).
5. The Barents Regional Youth Program 2017-2020. [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.barentsyouth.org/the-barents-regional-youth-program-2017-2020.5079798-264547.html>, доступ свободный. Загл. с экрана Яз. англ. (дата обращения 20.08.2019).

References

1. Averyanova S. A. The processes of institutionalization of youth cooperation in the Barents Euro-Arctic region // Arctic and North. 2014. №15.
2. Barents Regional Youth Council Annual Report 2017. [Electronic resource]. - URL: https://www.kainuunliitto.fi/sites/default/files/bryc_activity_report_2017_per_07_03_2018.pdf, free access. (20.08.2019).
3. Barents Regional Youth Council Annual Report 2018. [Electronic resource]. - URL: <https://www.barentsinfo.fi/beac/docs/BRYCAAnnualReport2018-FINAL.pdf>, free access. (20.08.2019).
4. Conner J. The value of Youth Organizing. [Electronic resource]. - URL: <https://cyber.harvard.edu/sites/cyber.harvard.edu/files/KBWTheValueofYouthOrganizing2012.pdf>, free access. (20.08.2019).
5. The Barents Regional Youth Program 2017-2020. [Electronic resource]. - URL: <http://www.barentsyouth.org/the-barents-regional-youth-program-2017-2020.5079798-264547.html>, free access. (20.08.2019).

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ СТРАН В АРКТИКЕ

Серова Наталья Александровна

*Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр», г.Апатиты, Россия
serova@iep.kolasc.net.ru*

Корчак Елена Анатольевна

*Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр», г.Апатиты, Россия
elenakorchak@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрываются основные мотивы возрастающего интереса всего мирового сообщества к Арктике. Обозначены целевые установки и стратегические приоритеты арктической политики циркумполярных стран. Сделан вывод, что они существенно отличаются от целей и приоритетов арктической политики России.

Ключевые слова: Арктика, политика, стратегия, приоритеты, устойчивое развитие

STRATEGIC PRIORITIES OF CIRCUMPOLAR COUNTRIES IN THE ARCTIC

Serova, Natalia

*Federal Scientific Center "Kola Scientific Center", Apatity, Russia
serova@iep.kolasc.net.ru*

Korchak, Elena

*Federal Scientific Center "Kola Scientific Center", Apatity, Russia
korchak@iep.kolasc.net.ru*

Abstract. The article reveals the main motives of the growing interest of the entire world community to the Arctic. The targets and strategic priorities of the Arctic policy of the circumpolar countries are indicated. It is concluded that they differ significantly from the goals and priorities of Russia's Arctic policy.

Keywords: Arctic, policy, strategy, priorities, sustainable development

Возрастание интереса всего мирового сообщества к Арктическому региону обусловлено, в первую очередь, его колоссальным углеводородным потенциалом. При этом до недавнего времени эксплуатация природных ресурсов Арктики в значительной степени ограничивалась ее экстремальными климатическими условиями и практически постоянным ледовым покровом Северного Ледовитого океана. Однако интенсивное сокращение арктических льдов в течение последних трех десятилетий [3, с. 77] оказало существенное влияние на возможности реализации экономического потенциала этого региона. Уже сейчас акватории Северного Ледовитого океана становятся все более доступными для открытия новых транспортных маршрутов, разведки и эксплуатации месторождений полезных ископаемых, рыбного промысла, развития арктического туризма. Более того, по некоторым прогнозам, к 2050 г. судоходство по транспортным коридорам Северного Ледовитого океана и вовсе станет круглогодичным [4, с. 4871].

Все это привело к тому, что освоение Арктики с её новыми ресурсными и транспортно-логистическими возможностями стало одним из наиболее обсуждаемых вопросов в начале XXI века. Повышенный интерес к освоению этого региона проявляют, прежде всего, циркумполярные (арктические) страны, имеющие прямой выход к Северному Ледовитому океану - Россия, Канада, Норвегия, Дания и США. В настоящее время, согласно Конвенции ООН по морскому праву (1982), эти государства обладают исключительной

экономической зоной (часть моря, шириной в 200 морских миль) и континентальным шельфом, в пределах которых они имеют суверенные права на разведку и эксплуатацию природных ресурсов, а также управление ими. К арктическим государствам также относятся Финляндия, Швеция и Исландия, т.к. большая часть территорий этих стран расположена за Северным Полярным кругом. Однако притязаний на освоение ресурсов континентального шельфа эти государства не имеют, в виду отсутствия у них прямого выхода к Северному Ледовитому океану.

На сегодняшний день все циркумполярные страны в том или ином виде имеют документы стратегического характера, определяющие их национальные интересы в Арктике. Основу этих документов составляют вопросы об устойчивом развитии арктических территорий, защите национальной безопасности, эффективном и комплексном использовании природных ресурсов, решении экологических проблем и сохранении биоразнообразия, развитии международного сотрудничества и арктического туризма [1, с. 61; 2, с. 85]. Политика европейских арктических стран также делает упор на продвижении Европейского союза в Арктике и усилении роли Арктического совета, как важнейшего консультативного форума по арктическим вопросам. В целом всесторонний анализ стратегий зарубежных циркумполярных стран свидетельствует о проведении ими политики, ориентированной на поддержание устойчивого развития арктических территорий и, особенно, на достижение социальной устойчивости - развитии человеческого потенциала, улучшении качества жизни, развитии местных сообществ.

Такие целевые установки и стратегические приоритеты зарубежной арктической политики существенно отличаются от целей и приоритетов арктической политики России. Поясним. Как особый объект государственного регулирования и управления Арктическая зона была обозначена в Основах государственной политики в Арктике на долгосрочную перспективу (2008). Ключевым национальным приоритетом в документе было определено «использование Арктической зоны как стратегической ресурсной базы, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны». Вместе с тем, в утвержденной в последствии Стратегии развития Арктической зоны до 2020 г. (2013) первоочередным приоритетом было обозначено уже «комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны», в том числе улучшение качества жизни проживающего здесь населения. Однако, в принятой госпрограмме социально-экономического развития Арктической зоны до 2020 г. (2014) в качестве генеральной цели вновь было закреплено ускоренное развитие России за счет масштабного вовлечения в экономику природных возможностей Арктики. При этом комплексное развитие непосредственно арктического макрорегиона было сведено к минимуму и обозначено, как создание и развитие локальных систем жизнеобеспечения. В дальнейшем в подпрограмме, посвященной формированию опорных зон развития Арктической зоны (включена в Госпрограмму в 2017 г.), помимо развития реальных секторов арктической экономики в качестве одной из целей было закреплено создание условий для повышения качества жизни населения. Однако анализ заявленных задач достижения этой цели свидетельствует о ее декларативности, т.к. среди задач повышения качества жизни населения обозначены лишь внедрение автоматизированных систем измерения содержания загрязняющих веществ в атмосферном воздухе населенных пунктов и повышение уровня безопасности населения от чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, анализ концептуальных основ новейшей государственной арктической политики России свидетельствует о том, что ее исходным замыслом является усиление эксплуатации природных ресурсов для обеспечения развития остальной части страны. Применение в России ресурсной модели развития арктических территорий и составляет главное отличие от политики зарубежных стран, где модель основана на устойчивом развитии Арктики, основными элементами которой являются: экономическая (рациональное, бережное природопользование, в т.ч. с обеспечением участия местного населения в реализации крупномасштабных проектов по освоению природных ресурсов), экологическая устойчивость (ограничение негативного воздействия на окружающую среду и

сохранение биоразнообразия) и социальная устойчивость (обеспечение реальных возможностей для реализации человеческого потенциала).

На наш взгляд, для России целесообразным является практическое применение такой модели, где государственный вектор арктической политики будет ориентирован, в первую очередь, на социальную составляющую как основу комплексного сбалансированного развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности страны. Получение прибыли от эксплуатации природных ресурсов не должно быть определяющим, учитывая крайне дестабилизирующее влияние на устойчивость российской экономики таких факторов, как зависимость от зарубежных финансовых ресурсов и экспортная ориентированность добывающих отраслей в совокупных валютных поступлениях.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект №19-18-00025.

Литература

1. Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М. Инновационный вектор экономического развития северных и арктических территорий России и стран Северной Европы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 3 (51). С. 59-77. Doi: 10.15838/esc.2017.3.51.3
2. Чистобаев А.И., Кондратов Н.А. Арктика: геополитические и геоэкономические интересы зарубежных стран // Геополитика и безопасность. 2014. № 1(25). С. 84-91.
3. Carr, J., Stokes C., Vieli A. Threefold increase in marine-terminating outlet glacier retreat rates across the Atlantic Arctic: 1992-2010 // *Annals of Glaciology*. 2017. No 58(74). Pp. 77-91. Doi: 10.1017/aog.2017.3
4. Smith L., Stephenson S. New Trans-Arctic shipping routes navigable by mid-century // *PNAS*. 2013. No 110 (13). Pp. 4871-4872. Doi: 10.1073/pnas.1214212110

References

1. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitsky A.M. Innovative vector of economic development of the northern and Arctic territories of Russia and the countries of Northern Europe. Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. No. 3 (51). Pp. 59-77. Doi: 10.15838/esc.2017.3.51.3
2. Chistobaev A.I., Kondratov N.A. Arctic: geopolitical and geo-economic interests of foreign countries. Geopolitics and security. 2014. No 1 (25). Pp. 84-91.
3. Carr, J., Stokes C., Vieli A. Threefold increase in marine-terminating output glacier retreat rates across the Atlantic Arctic: 1992-2010. *Annals of Glaciology*. 2017. No 58 (74). Pp. 77-91. Doi: 10.1017/aog.2017.3
4. Smith L., Stephenson S. New Trans-Arctic shipping routes navigable by the mid-century. *PNAS*. 2013. No 110 (13). Pp. 4871-4872. Doi: 10.1073/pnas.1214212110

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ АРКТИЧЕСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ

Симакова Анна Васильевна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
simakova@petsu.ru

Аннотация. В докладе представлены результаты оценки миграционных намерений молодежи, проживающей в арктических промышленных моногородах. В этих моногородах уже запущен процесс диверсификации экономики, проводятся соответствующие реформы для реализации которых необходима активная молодежь, поэтому актуальным остается вопрос ее удержания.

Ключевые слова. молодежь, Арктика, миграционные намерения

MIGRATION INTENTIONS OF YOUNG PEOPLE IN ARCTIC INDUSTRIAL CITIES

Simakova, Anna

Petrozavodsk state University, Petrozavodsk, Russia
simakova@petsu.ru

Abstract. The report presents the results of the assessment of young people migration intentions living in the Arctic industrial single-industry towns. These single-industry towns have already launched the process of economic diversification, and relevant reforms are being carried out. Active youth is necessary for the implementation of reforms, so the issue of its retention remains relevant.

Key words. the young, the Arctic, migration intentions

Введение

Арктическая зона России – стратегически важный ориентир развития страны. На ее территории сосредоточены богатейшие природные ресурсы, полезные ископаемые, военные и промышленные стратегические объекты. Не смотря на стратегический статус арктические территории характеризуются резкой асимметрией социально-экономического развития, что обуславливается тем, что к Арктике относятся как передовые территории страны по уровню социально-экономического развития, так и депрессивные. [1-2].

Основной социальный уклад жизни населения арктических регионов – городской. При этом большинство арктических городов относятся к моноотраслевому типу хозяйствования. Значительная часть моногородов Арктики имеют статус «с наиболее сложным социально-экономическим положением» или «в котором имеются риски ухудшения социально-экономического положения» [3].

Моноотраслевой тип развития городов затрудняет диверсификацию сфер деятельности граждан, альтернативных вариантов развития рынков труда, образования, досуга, что является одной из основных причин оттока населения из этих городов, особенно среди молодежи. Исследования арктических моногородов показывают, что эти территории «преимущественно демонстрируют регрессию по демографическим показателям: наблюдается отрицательная динамика численности населения, усиливается миграционный отток и лишь в четверти моногородов зафиксирован естественный прирост населения» [4].

По мнению многих исследователей основополагающим ограничивающим фактором социально-экономического развития Арктической зоны России является отток населения, в особенности молодежи, непривлекательность этих территорий для постоянного проживания.

Удельный вес молодежи в возрасте от 14 до 30 лет в общей численности населения в среднем по территориям Арктической зоны России составляет 13,8%¹, а в среднем по Российской Федерации – 19,3%. Только в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) (21,8%), Красноярского края (20,3%) и Архангельской области (18,4%) каждый пятый житель – это молодой человек. Доля молодежи существенно ниже российских показателей в Мурманской области (7,9%), Ямало-Ненецком (8,7%), Ненецком (9,1%) Чукотском автономных округах (9,2%).

Высокий потенциал миграционной мобильности молодежи арктических регионов, с одной стороны, связан со спецификой самих арктических регионов – суровые климатические условия, отдаленность от центра, моноотраслевое развитие и т.д., а с другой стороны, с особенностью молодежи как наиболее мобильной, креативной социальной группы, готовой к реализации самых смелых жизненных задач.

Анализ молодежных миграционных потоков арктических регионов показал, что в большинстве субъектов, а также в целом по Арктической зоне, отмечается отрицательный миграционный прирост молодежи за исключением Красноярского края, Ямало-Ненецкого автономного округа и Мурманской области. Если сопоставить доли выезжающей и въезжающей молодежи из других регионов, то по межрегиональному типу миграции разница между ними мала, то есть потоки выезжающей и въезжающей молодежи компенсируют друг друга. Каждый третий выезжающий из арктического региона и каждый третий въезжающий в него – это молодой человек в возрасте от 14 до 30 лет (Таблица 1).

Таблица 1

Характеристика мобильности молодежи в возрасте 14-30 лет субъектов Арктической зоны России

Наименование субъекта Арктической зоны России	Миграционный прирост молодежи по межрегиональному типу миграции	Доля молодежи в общем числе выбывших по межрегиональному типу миграции (выбывшие)	Доля молодежи в общем числе прибывших в регион по межрегиональному типу миграции (прибывшие)
Республика Саха(Якутия)*	-26	32,0%	34,6%
Мурманская область	275	31,7%	38,4%
Ямало-Ненецкий автономный округ	292	31,7%	35,2%
Всего по АЗ РФ / в среднем по АЗ РФ	-1491	32,6%	34,9%

*Для субъектов, частично входящих в Арктическую зону России, указаны данные только по арктическим территориям этих субъектов

Составлено автором

Будущее развития регионов Арктики во многом зависит от восприятия молодого поколения собственных перспектив, их выбора продолжить жить в этих регионах или уехать.

Методология

В рамках исследования проведен социологический опрос, одной из основных задач которого выступала оценка миграционных намерений молодежи, проживающей в арктических промышленных моногородах. Основной признак отбора городов – их статус и отраслевая направленность – монопрофильные промышленных населенные пункты с «полярными» характеристиками социально-экономического развития. Это молодой город России Новый Уренгой Ямало-Ненецкого АО, выделяющийся стабильным экономическим ростом и экономическим благополучием среди российских городов, имеющий статус

¹ В рамках исследования для субъектов, входящих в Арктическую зону России частично, использованы данные только по арктическим территориям этих субъектов

«газовой столицы России»¹. В качестве «полярных» городов для исследования выбраны город Нерюнгри Республики Саха (Якутия), входящий в число монопрофильных муниципальных образований, в котором «имеются риски ухудшения социально-экономического положения», и город Кировск Мурманской области, характеризующийся как муниципальное образование «с наиболее сложным социально-экономическим положением».²

Основа выборки - молодежь промышленных городов Арктики в возрасте от 14 до 30 лет включительно. Поскольку генеральная совокупность объективно распадается на некоторое количество однородных общностей, применен метод многоступенчатой стратифицированной, квотной, на последней ступени случайной выборки по признакам: регион, тип населенного пункта, пол, возраст. Таким образом, достигается репрезентативность выборки структуре населения выбранных для изучения (пост)промышленных городов.

На первой ступени проведено двухмерное сегментирование молодежи от 14 до 30 лет, проживающей на территории (пост)промышленных городов Арктики, по полу и возрастным группам, внутри возрастных групп проводится сегментирование генеральной совокупности на страты по полу как основному признаку расслоения. Из каждой страты отбор проводится пропорционально числу единиц наблюдения в генеральной совокупности. На второй ступени реализован отбор единиц наблюдения внутри каждой страты по полу и возрасту. Каждый уровень страты представлен в пропорциях, соответствующих пропорциям генеральной совокупности, то есть обеспечено целенаправленная представительность распределения признаков (пол и возраст) в генеральной и выборочной совокупности.

В соответствии с указанными параметрами выборочного отбора в опросе приняли участие 436 человек. От общего числа опрошенных респондентов 45,4% являются жителями города Новый Уренгой, 42% - города Нерюнгри и 12,6% города Кировска, т.е. выборочная совокупность распределена примерно поровну между «кризисными» промышленными городами и благополучным городом по социально-экономическим характеристикам.

Результаты

Общие межрегиональные миграционные настроения молодежи различны в связи с этапами социального становления личности. Миграционные настроения молодых людей чаще всего касаются возможностей получения образования, реализации в профессиональной сфере, такое решение оказывает влияние непосредственно на саму жизнь молодого человека, так и в целом на пространственное распределение человеческого капитала [5].

Большая часть молодежи арктических промышленных городов имеет намерения покинуть родной город: 68,5% молодых людей хотели бы уехать, еще 13,5% хотели бы уехать, но пока не имеют такой возможности, и только каждый пятый (18%) молодой человек планирует жить в родном городе. Если рассматривать сложившуюся ситуацию в разрезе возрастных групп молодых людей, то миграционные настроения наиболее выражены в возрасте от 14 до 21 года (рисунок 1), что чаще всего касается именно образовательной миграции. По данным исследований Н.В. Мкртычяна именно на возраст 15-19 лет приходится пик миграционной активности [6]. Образовательная миграция молодежи этих городов объясняется и тем, что в Кировске функционирует одна образовательная организация, осуществляющая подготовку по программам среднего профессионального образования, в Новом Уренгое и Нерюнгри – по три таких образовательных организации. Подготовка по образовательным программам высшего образования в этих городах не ведется. Следует отметить и такую сторону образовательной миграции как

¹ Меньшиков А. Газовая столица: от поселка геологов – до самого перспективного города Ямала [Электронный ресурс] // Российская газета. – Спецвыпуск №140. 30.06.2015. – URL: <https://rg.ru/2015/06/30/reg-urfo/gaz.html>

² О перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов): Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. №1398-р (с измен. и доп. от 13.05.2016 г.) / Правительство РФ // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – URL: <https://base.garant.ru/70707138/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 23.02.2019 г.).

некомпенсируемость: когда образовательные мигранты не возвращаются в родной регион после получения образования [7], что для арктических промышленных городов является угрозой в вопросах воспроизводства человеческого капитала. Для молодежи арктических промышленных городов наиболее привлекательны крупные мегаполисы и даже зарубежные страны, которые и являются центрами притяжения не только с точки зрения предоставления обширных образовательных услуг, но и более высокого уровня жизни. В исследовании И.С. Кашницкого, Н.В. Мкртчяна и О.В. Лешукова, доказано, что среди российских регионов наиболее привлекательны для молодежи мегаполисы, города с миллионным населением, регионы центра и юга европейской части России [Ошибка! Закладка не определена.].

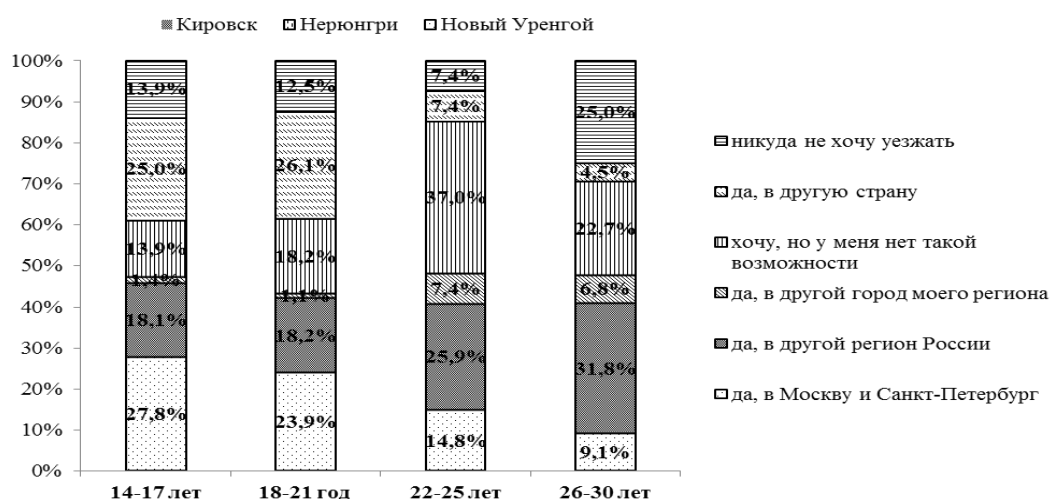

Рисунок 1 – Миграционные настроения молодежи арктических (пост)промышленных городов, в % по городу, в % по возрастной группе [Составлено автором]

По достижению возраста, когда профессиональное образование у большинства молодых людей уже имеется (примерно с 22 лет), увеличивается и доля тех, кто ориентируется на другие регионы России, либо же миграционные настроения переходят в «осознанные» желания - «хочу, но у меня нет такой возможности». В возрастном диапазоне 26-30 лет резко увеличивается доля тех, кто никуда не хочет уезжать – каждый четвертый респондент.

Какие же причины побуждают молодых людей задуматься о том, чтобы покинуть родной город? Каждый второй молодой человек отмечает то, что в другом регионе есть возможность найти интересную работу (49,7%), получить заработную плату выше, чем в родном регионе (40,7%), продолжить учебу и профессиональное самосовершенствование (40,7%), а также просто посмотреть мир (44,7%).

Высказываясь о возможности реализации жизненных планов в родных городах, молодые люди настроены оптимистично. Среди ограничивающих факторов реализации своих планов молодежь указывает «нежелание работодателей брать на работу молодых специалистов без опыта работы» (20,1%), «отсутствие современных рабочих мест в городе» (14,5%), «общая социально-экономическая ситуация» (13,8%), «незнание где и как приложить свои силы и способности в родном городе» (13,5%), «отсутствие действенной государственной и региональной молодежной политики» (10%).

Выводы

Миграционные потоки – наиболее заметное и статистически измеряемое проявление уровня общего благополучия города или региона. Они всегда направлены от менее благополучных территорий в более благополучные [8]. Основными причинами оттока молодежи из малых городов указываются невысокие доходы, отраслевая направленность рынка труда и прочие социально-экономические проблемы, свойственные глубинке.

У молодых людей арктических промышленных городов преобладают миграционные настроения, однако при благоприятных социальных и экономических условиях они ориентированы на проживание в родном городе. Вопрос сохранения и приумножения численности населения в арктических промышленных городах является особенно актуальным, многие арктические промышленных города имеют будущее даже в том случае, когда ресурсы полезных ископаемых, вокруг которых они построены, заканчиваются. Во многих арктических промышленных городах уже запущен процесс диверсификации экономики, проводятся соответствующие реформы для реализации которых необходима активная молодежь, готовая к решению задач по построению благополучной жизни.

Доклад подготовлен при выполнении проекта РФФИ РФФИ № 18-59-11001/18 «Жить? Работать? или Уехать? Благополучие молодежи и жизнеспособность (пост) добывающих Арктических промышленных городов России и Финляндии»

Литература

1. Меламед И.И. и др. Арктическая зона России в социально-экономическом развитии страны // Власть. 2015. - №1. С. 5 – 11.
2. Пилясов А.Н. Контуры Стратегии развития Арктической зоны России // Арктика. Экология и экономика. 2011. №1. С. 38 – 47.
3. О перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов): Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 г. №1398-р (с измен. и доп. от 13.05.2016 г.) / Правительство РФ // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – URL: <https://base.garant.ru/70707138/>, свободный. (Дата обращения: 23.07.2019 г.).
4. Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития: аналитический доклад [Электронный ресурс] / Институт прикладных политических исследований; Центр обеспечения деятельности государственной комиссии по вопросам развития Арктики. М., 2016. URL: http://www.arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/monogoroda_AZRF.pdf
5. Кашницкий И.С., Мкртычян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. №3. С. 169 – 203.
6. Мкртычян Н.В. Возрастная структура населения России и ее влияние на внутреннюю миграцию // Научные труды: институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. Том 13. С. 209-221.
7. Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. №24. С. 19-21.
8. Алиев П.Р. Влияние миграции на трудовой потенциал молодежи региона // Современные исследования социальных проблем. 2012. №12. С. 54 – 68.

References

1. Melamed I.I., etc. of the Arctic zone of Russia in socio-economic development of the country // the Power. 2015. - No. 1. P. 5 – 11.
2. Pilyasov A.N. Contours of the development Strategy of the Arctic zone of Russia // Arctic. Ecology and Economics. 2011. No. 1. P. 38 – 47.
3. On the list of monoprofile municipal formations of the Russian Federation (monotowns): regulation of the Government of the Russian Federation of 29.07.2014 No. 1398-R (with edit. and extra from 13.05.2016 g) / Russian Government // Information-legal portal «Garant.ru» – URL: <https://base.garant.ru/70707138/> free. (Date of application: 23.07.2019 g).
4. Single-industry towns of the Arctic zone of the Russian Federation: problems and opportunities for development: analytical report [Electronic resource] / Institute of applied political research; center for ensuring the activities of the state Commission on Arctic development. M., 2016. URL: http://www.arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/monogoroda_AZRF.pdf
5. Kashnitsky, I. S., Mkrtychyan N. In., Leshukov O. V. interregional migration of young people of Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics // Issues of education. 2016. No. 3. P. 169 – 203.
6. Mkrtychyan N. V. Age structure of the Russian population and its impact on internal migration // scientific works: Institute of economic forecasting of RAS. 2015. Volume 13. P. 209-221.
7. Sannikova O. V. Uncompensated educational migration as a problem of development of the Russian region // Theory and practice of social development. 2015. No. 24. S. 19-21.
8. Aliyev P. R. the Impact of migration on the labor potential of young people in the region // Modern studies of social problems. 2012. No. 12. Pp. 54 – 68.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКО-ЕВРОСОЮЗОВСКОГО И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Симонян Ренальд Хикарович

Институт международных исследований МГИМО МИД России, Москва, Россия

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Сферой жизненных интересов России является взаимодействие с сопредельными государствами, в котором важная роль принадлежит приграничным регионам, являющимися и форпостами страны, и посредниками в сотрудничестве. Выполнение этих функций придаёт этим регионам специфические черты, объединяющие их в особую группу, научный и общественный интерес к которой постоянно возрастает.

Ключевые слова: приграничное регионоведение, компаративистика, запад и восток России.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN-EUROPEAN UNION AND THE RUSSIAN-CHINESE BORDER

Simonyan, Renald

Institute of international studies, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The sphere of vital interests of Russia is interaction with neighboring States, in which an important role belongs to the border regions, which are both outposts of the country, and mediators in cooperation. Performing these functions gives these regions specific features that unite them into a special group, the scientific and public interest in which is constantly growing.

Key words: cross-border regional studies, comparative studies, West and East of Russia.

В современном мире возрастает интенсивность межкультурного, межгосударственного взаимодействия. Большое значение в этом процессе приобретают территории, где это взаимодействие происходит в формах непосредственного соприкосновения – приграничные регионы, что вызвало появление нового направления научного знания – приграничного регионоведения. Российская Федерация обладает наиболее протяжённой государственной границей, самым большим числом сопредельных стран, многовековым опытом мирного существования и сотрудничества разных культур и, что особенно важно, двухконтинентальностью. В условиях интенсификации экономических связей Евросоюза и Китая, в том числе и в рамках международного проекта Нового Шёлкового пути, в нашей стране, расположенной между двумя ведущими акторами мирового хозяйства – Евросоюзом и Китаем и соединяющей в единое целое огромный евразийский континент, становится всё более востребованным исследование российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничья. Это необходимо для более полного использования их стратегических преимуществ в процессе социально-экономического развития нашей страны – задача, ставшая особенно актуальной для российской периферии после деиндустриализации, произошедшей в 1990-х гг.

5 регионов Северо-Запада России – Мурманская, Ленинградская, Псковская, Калининградская области и Республика Карелия, составляющие российско-евросоюзовское приграничье, соседствуют с 5 государствами Северо-Востока Европы – Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей, которые в течение длительного исторического периода входили вместе с Россией в единое государство.

5 регионов Дальнего Востока России – Забайкальский, Хабаровский, Приморский края, Амурская и Еврейская автономная области, составляющие российско-китайское приграничье, соседствуют с Северо-Востоком Китая (Дунбэй), в который входят 5

административных единиц – провинция Хэйлунцзян и четыре округа восточной части автономного района Внутренней Монголии. Эти регионы, входящие в состав исторической области Маньчжурии, также в своей истории испытывали значительное влияние России.

Для России значение западного и восточного приграничья в процессе экономической интеграции Европы и Азии в единый Евразийский континент будет возрастать. Регионы сравнимых приграничий отличаются по природным условиям, площади, удалённости от центра, протяжённости государственной границы и её обустройству, численности населения, демографической динамике, расстоянию столицы региона от границы, объёму РВП, удельному весу теневой экономики, среднедушевому доходу, степени урбанизации, историческому опыту взаимодействия с соседями, глубине включённости в международные экономические отношения, уровню институционализации приграничного сотрудничества и, что очень важно, по степени экономической связанности с сопредельной страной, но все они объединены общей основой – пространством, в котором происходит процесс непосредственного взаимодействия с другим государством, другой культурой, другой цивилизацией. Как правило, российские приграничные регионы – это далёкая от центра периферия, территории со слабо развитой промышленностью, что связано с естественным стремлением избегать строительства крупных хозяйственных комплексов вблизи государственных границ. Отсюда и малолюдность российских окраин, которая сужает возможности специализации региональной экономики, уменьшает выбор вариантов её развития.

Особенность приграничных регионов заключается в амбивалентности их статуса: с одной стороны, это, как правило, глубокая периферия государства, а, с другой, геоэкономически и геополитически значимые регионы, важнейшие узлы взаимодействия двух соседних государств.

Приграничные регионы России заметно отстают по уровню социально-экономического развития от общероссийских показателей, но на Востоке отставание более существенно. По данным Росстата, в 2018 г. ВРП на душу населения в северо-западных регионах составлял в среднем 373,7 тыс. руб., а в дальневосточных – 327,8 тыс. руб., что составляет лишь 84,2% и 73,3% соответственно от российских значений. При этом если за предыдущие пять лет северо-западные регионы несколько сократили свое отставание (в 2013 г. душевой ВРП составлял здесь 82,6% от российского уровня), то дальневосточные – наоборот, усилили (с 76,9% в 2012 г.)¹. Эта разница отражается в средних показателях уровня благосостояния населения: в рейтинге российских регионов российско-евросоюзское приграничье (38-е место) выше российско-китайского (54-е место).

Различия между западным и восточным приграничьями во многом обусловлены тем, что Россия соприкасается с Евросоюзом своей более развитой промышленной частью – Северо-Западом, с Китаем – менее развитыми регионами Дальнего Востока. Европоцентричность российской экономики особенно глубоко проявилось в переходный период, прежде всего в сфере внешней торговли, которая в развитии приграничных регионов играет весьма важную, а часто и определяющую роль. Если для России в целом доля товарооборота с ЕС составила в 2018 г. 42,7%, то для приграничных регионов 65,3%. На Востоке эта зависимость более существенна: при 15,7% доли Китая в товарообороте России в целом, доля Китая в сопредельных регионах составляет 79,8%.

Если на западном приграничье наши соседи – это, в основном, малые страны, то на восточном – гигантская страна с населением более 1,4 млрд. чел., естественный прирост которого равен численности населения Финляндии, Эстонии и Латвии вместе взятых. Ещё большая разница в экономическом потенциале: в 2017 г. Китай произвёл ВВП на сумму 12,27 трлн. долл., что почти в 10 раз больше, чем Россия – 1,26 трлн. долл. Взаимодействие

¹ Российский статистический ежегодник. 2018. М.: Росстат. 2018. С.694.

государств имеет свои непреложные законы, в том числе асимметрию: более мощное сильнее воздействует на менее мощное, менее развитое активнее воспринимает и усваивает элементы от стоящего на более высоком уровне технологического развития.

Если экономическое взаимодействие с Европой происходит с момента рождения российского государства, то с Китаем оно началось на целое тысячелетие позже. Если на западном приграничье соприкасаются христианские цивилизации – западно-христианская и восточно-христианская, то на восточном христианская цивилизация соприкасается с конфуцианством, буддизмом, даосизмом. Если население западного приграничья соседствует с государствами, в которых уровень благосостояния существенно выше, чем в России, то у населения восточного приграничья по сравнению с соседями уровень благосостояния практически одинаковый.¹

И, наконец, если пограничный режим с Евросоюзом отличается жёсткой регламентацией, строгим визовым режимом, требовательным пограничным и таможенным контролем, то граница с Китаем, открытая в 1992 г., не является серьёзным барьером между двумя соседними странами.

Таким образом, общие, родовые свойства приграничных территорий дополняются действием географических, культурно-исторических, политэкономических и административно-правовых факторов, которые в русле общероссийского тренда выхода из кризиса переходного периода определяют особенности западного и восточного приграничья, что наиболее чётко проявляется в экономических и демографических процессах.

В настоящее время, несмотря на введённые в 2014 г. экономические санкции, российско-европейское приграничье постепенно преодолевает с большими (Ленинградская и Калининградская области) или меньшими (Республика Карелия и Псковская область) успехами глубокий трансформационный кризис 1990-х годов. Значительную роль в экономике приграничных регионов играют торгово-экономические связи с сопредельными странами, особенно это характерно для Псковской области и Карелии, не имеющих выходов к морю.

Подобные экономические процессы происходят и на восточном, российско-китайском приграничье, но есть существенная разница. Хозяйственное освоение Дальнего Востока началось сравнительно недавно, со второй половины XIX в. Особенно интенсивно это происходило в период Столыпинских реформ и в советский период, когда были созданы различные социально-экономические механизмы для привлечения в этот район трудовых ресурсов². За 50 лет численность населения Дальнего Востока увеличилась в 4 раза – с 310 тыс. чел. в 1863 г. до 1,2 млн. в 1913 г. После гражданской войны (1917-1922) она уменьшилась до 820 тыс. чел., а за 70 лет советской власти возросла почти в 10 раз – до 8,1 млн. в 1990 г.

Если для приграничных регионов Северо-Запада России внешняя торговля с соседними странами помогла преодолеть кризис 1990-х гг., компенсируя бюджетные потери приграничной торговлей, то для Дальнего Востока внешнеторговая деятельность оказалась практически единственным способом выживания: если до экономических реформ Дальний Восток вывозил 87,4% продукции машиностроения, сырья, полуфабрикатов на общероссийский рынок, то к концу 1990-х гг. эта цифра упала до 10,2%. И сегодня, по данным Росстата, на экспорт идёт в 6-7 раз больше продукции, чем в остальную Россию. Особенно это относится к сырьевым ресурсам.

¹ В рейтинге МВФ за 2018 г. по показателю ВВП на душу населения Финляндия с 45 тыс. долл. занимает 18-е место среди стран мира, Эстония – 41-е (20,6 тыс. долл.), Литва – 49-е (17,1), Латвия – 52-е (16,2), Польша – 56-е (13,9), Китай – 71-е (9,5), Россия – 73-е (9,3).

² В Российской империи переселенцы освобождались от государственных повинностей на 20 лет, от уплаты местных налогов – на 3 года, а также от военной службы. В СССР для привлечения переселенцев были установлены различные экономические и социальные льготы.

Теневой сектор занимает в экономике восточного приграничья намного больше места, чем в экономике западного. Контрабанда на Дальнем Востоке осуществляется в размерах, многократно превышающих официальные статистические показатели. Так, дальневосточные рыболовы отгружают улов в японские порты, а взамен берут на борт подержанные японские автомобили для сбыта на родине. Японская статистика фиксирует импорт рыбы из России в количестве, которое в 2,5-3 раза превышает данные российской таможни. Ещё большие несовпадения статистик в импорте ширпотреба из Китая.

Следует также подчеркнуть, что если для Евросоюза наша страна по объёму торгового оборота устойчивый третий партнёр, то для Китая мы лишь пятнадцатые. Российско-китайские торговые отношения продолжают крепнуть, однако они всё больше отвечают интересам скорее Китая, чем России.¹

Дальний Восток продолжает «выпадать» из российского экономического пространства и всё более втягиваться в орбиту экономик быстро развивающегося Китая. На Западе такой опасности несопоставимо меньше. Как и значительно меньше доля теневой экономики, основную часть которой составляет нелегальный вывоз леса.

Ещё нагляднее эту тенденцию отражают демографические процессы. Российско-евросоюзовское приграничье, насчитывающее в последнем дореформенном 1991 году 5,4 млн чел., в 2018 году уменьшилось до 4,8 млн чел., т.е. на 11,2%. При этом убыль населения произошла только в Мурманской, Псковской областях и республике Карелии. В Ленинградской и Калининградской областях произошёл его прирост. В российско-китайском приграничье демографические потери за этот период были намного весомее: с 6,82 млн чел. до 4,95 млн чел., т.е. убыль составила 27,9%. В отличие от европейского все регионы китайского приграничья почти в равной мере – от 24,5 до 29,2% – понесли потери человеческого потенциала.² Причём уезжают самые молодые и образованные, а, главное, адаптированные к местным условиям.

В российско-евросоюзовском приграничье миграционный взрыв датируется 1992 г. – годом начала реформ: в Псковской области отток населения был в 5,5 раз, в Мурманской области – в 6,5 раз, в Карелии – в 7,3 раза больше, чем в 1991 г. Восточное приграничье среагировало на реформы позже – в 1993 г., тогда уехало 67,6 тыс. чел. – в 8,7 раз больше, чем в 1992 г.

В советский период население восточного приграничья было сравнительно молодым и отличалось низким уровнем смертности. Коэффициент рождаемости здесь всегда был выше, чем по стране в целом. С начала реформ смертность населения на Дальнем Востоке стала расти темпами, намного опережающими аналогичные показатели по России, а с 1994 г. стала превышать рождаемость. В 1993-2003 гг. смертность в России выросла на 13,7%, а на Дальнем Востоке – на 26,4%. Своего пика численность дальневосточников достигла в 1991 г. – 8,2 млн. чел. – последний дореформенный год, и с тех пор она неуклонно снижается. По данным Росстата население ДВО в 2018 г. в целом составило 6,1 млн. чел., т.е. за пореформенный период Дальний Восток потерял более двух млн. чел. – четверть населения.

Есть некоторые отличия и в национальном составе населения приграничий. На Востоке приграничные регионы «более русские» – средняя доля этнически русских 93,8% (от 90,5 % в Забайкальском крае до 94,9 % в Амурской области), в то время как на Западе доля этнических русских – 84,1%: от 78,8 % в Карелии до 94,3% в Псковской области, которая по этому показателю ближе к восточному приграничью.

¹ Так, россияне платят за электричество 5,5 руб. за киловатт, а в Китай мы продаём по 1,5 руб.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Статистический сборник. М.: Росстат. 2018. С.1162.

Если на западном приграничье убыль населения продолжается в трёх регионах: в 2018 г. в Мурманской области (убыль 5479 чел. – 0,75% населения), Карелии (4428 – 0,7%), Псковской области (6873 – 1,1%) В двух происходит прирост: в Ленинградской – 14 069 (0,7%), и Калининградской – 7523 (0,75%) областях. На востоке убыль происходит по всем регионам: Забайкалье – 3 410 (0,4%), Амурская область – 5 230 (0,8%), ЕАО – 2 141 (1,2%), Хабаровский край – 6 807 (0,6%), Приморский край – 10316 чел. (0,6%). Это означает, что на население российско-китайского приграничья, составляющее всего 3,4% населения России, приходится почти третья часть годового сокращения численности населения страны. Это – тревожный симптом. В существующей налоговой системе «Центр-регионы» и политики, направленной на создание и развитие мегаполисов, нисходящую демографическую динамику российско-китайского приграничья будет трудно преодолеть. Так, население Москвы в 2000 г. составляло 9,8 млн. чел. в 2018 г. – 12,6 млн. чел. Численность населения московской агломерации – более 20 млн. чел. и она быстро возрастает, так же как и отток населения из российской периферии. Иного способа выполнить поставленную московским руководством задачу доведения численности московского мегаполиса до 30-ти миллионов – как обезлюдить российскую провинцию, – не существует.

На территории пяти регионов российско-евросоюзовского приграничья вместе с Петербургской агломерацией проживают сегодня 10,9 млн чел., которые соседствуют с 12,5 млн. чел. Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии, Варминьско-Мазурского воеводства Польши и провинции Финнмарк Норвегии¹. Здесь, с поправкой на миграционные тенденции в странах Восточной Европы примерное равенство, особенно, если учесть присутствие около 2-х млн. русскоязычных в этих странах. Кардинально иная демографическая ситуация на Дальнем Востоке, где менее 5 млн. жителей приграничных регионов России соседствуют с 125 млн. жителями соседних регионов Китая. Это является одним из важнейших отличий российско-евросоюзовского и российско-китайского приграничья, заключающего в себе особый геополитический смысл с учётом депопуляции населения России и естественного прироста населения Китая – 8 млн чел. в год.

По прогнозам ЦСУ СССР, сделанным в 1985 г. население Дальнего Востока к 2020 г. должно было составить 10,8 млн. чел. По прогнозам Росстата, сделанным в 2015 г., при сохранении нынешних тенденций к 2025 г. общее население Дальнего Востока составит 5,6 млн. чел., что несовместимо с задачами по развитию региона и обеспечению национальной безопасности России.

На фоне экономических успехов непосредственных соседей – Евросоюза и Китая – архаичность экономической модели, основанной на продаже сырьевых ресурсов, в приграничных регионах Запада и Востока России является особенно резким контрастом. Негативные результаты экономических реформ 1990-х годов в наибольшей степени отразились на восточных рубежах нашей страны. По сравнению с западным восточное приграничье становится социально-экономическим и, что особенно недопустимо, демографическим аутсайдером, – тенденция не только препятствующая хозяйственному развитию восточного приграничья, но содержащая угрозу территориальной целостности нашей страны.

Литература

1. Симонян Р.Х. Приграничное регионоведение в контексте теории мезоуровня//Социологические исследования. 2019. № 6. С.64-73.
2. Симонян Р.Х. Приграничное сотрудничество России и Китая: содержательный и методологический аспекты// Сегодня и завтра российской экономики. 2016. №3. С. 5-12.
3. Симонян Р.Х. Российское приграничье с Евросоюзом и Китаем: как используется потенциал добрососедства//Горизонты экономики. 2016. № 4. С.51-56.

¹ Норвегия не является членом ЕС, но входит в ЕАСТ.

4. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Отношения России с Евросоюзом и Китаем: сравнительный анализ взаимного восприятия в приграничных регионах//Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3. С.154-163.
5. Симонян Р.Х. Запад и Восток России: региональные модели приграничного взаимодействия с соседними странами//Сегодня и завтра российской экономики. 2015. № 4. С.5-16.
6. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Приграничное взаимодействие России и Евросоюза: тенденции и моделирование//Политические исследования. М. 2014.№ 5. С. 41-50.
7. Симонян Р.Х. Россия и Евросоюз: место встречи изменить нельзя//Новая и новейшая история. 2015. № 4. С.62-73.
8. Симонян Р.Х. Китайская диаспора на восточных границах России: методологические проблемы исследования/Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах. Под ред. члена-корреспондента РАН А.В.Дмитриева. М.: Новый хронограф, 2016. С.186-200.
9. Симонян Р.Х. Сотрудничество городов как модель регионального взаимодействия: опыт Ганзейского союза//Россия и современный мир. 2015. № 4. С.44-53.
10. Кочегарова Т.М. Российское приграничье с Евросоюзом и Китаем. Сходства и различия//Россия и современный мир. 2015. № 4. С.48-59.

References

1. Simonyan R. H. Border regional studies in the context of meso-level theory//Sociological research. 2019. No 6. P. 64-73.
2. Simonyan R. H. Cross-Border cooperation between Russia and China: substantive and methodological aspects//Today and tomorrow of the Russian economy. 2016. No 3. P. 5-12.
3. Simonyan R. H. Russian border with the European Union and China: how the potential of good neighborliness is used//Economic Horizons. 2016. No 4. P. 51-56.
4. Simonyan R. H., Kochegarova T. M. Relations between Russia and the European Union and China: a comparative analysis of mutual perception in the border regions//Vestnik MGIMO-University. 2016. No 3. P. 154-163.
5. Simonyan R. H. West and East of Russia: regional models of cross-border cooperation with neighboring countries//Today and tomorrow of the Russian economy. 2015. No 4. C. 5-16.
6. Simonyan R. H., Kochegarova T. M. Cross-Border cooperation between Russia and the European Union: trends and modeling//Political studies. 2014. No 5. P. 41-50.
7. Simonyan R.H., Kochegarova T.M. Russia and the European Union: the meeting place cannot be changed//New and modern history. 2015. No 4. P. 62-73.
8. Simonyan R. H. Chinese Diaspora on the Eastern borders of Russia: methodological problems of research /Identification strategies of Diaspora and community groups in Russian regions. Under the editorship of corresponding member of RAS A. Dmitriev. Moscow.: New Chronograph, 2016. P. 186-200.
9. Simonyan R. H. Cooperation of cities as a model of regional cooperation: the potential experience of the Hanseatic Union//Russia and the modern World. 2015. No 4. P. 44-53.
10. Kochegarova T. M. Russian border with the European Union and China. Similarities and differences//Russia and the modern World. 2015. No 4. P. 48-59.

ВЛИЯНИЕ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА НА ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА¹

Скуфьина Татьяна Петровна

Кольский научный центр РАН, г. Апатиты, Россия
skufina@gmail.com

Баранов Сергей Владимирович

Кольский научный центр РАН, г. Апатиты, Россия
bars.vl@gmail.com

Аннотация. Приведена постановка проблемы и значимость оценки влияния повышения пенсионного возраста на основные макроэкономические показатели. Рассмотрено влияние повышения пенсионного возраста на численность трудоспособного населения Российской Федерации. Анализ реальных данных и трех вариантов прогноза численности трудоспособного населения до 2036 г. указал на устойчивый спад численности трудоспособного населения, наблюдаемый с 2006 г. Приведены оценки авторов, указывающие, что повышение возраста выхода на пенсию приостановил устойчивую тенденцию снижения численности трудоспособного населения в России. Ключевые слова: пенсионная реформа, трудоспособное население, ВВП, производственные функции, прогноз.

Ключевые слова: повышение пенсионного возраста, макроэкономические показатели, численность населения трудоспособного возраста.

THE IMPACT OF RAISING THE RETIREMENT AGE ON THE WORKING-AGE POPULATION

Skufina, Tatiana

Kola Science Center of RAS, Apatity, Russia
skufina@gmail.com

Baranov, Sergey

Kola Science Center of RAS, Apatity, Russia
bars.vl@gmail.com

Abstract. The article presents the problem and the importance of assessing the impact of raising the retirement age on the main macroeconomic indicators. The influence of increasing the retirement age on the number of able-bodied population of the Russian Federation is considered. Analysis of real data and three variants of the working-age population forecast up to 2036 pointed to a steady decline in the working-age population observed since 2006. The authors' estimates indicate that the increase in the retirement age has suspended the steady decline in the number of working-age population in Russia. Key words: pension reform, able-bodied population, GDP, production functions, forecast.

Keywords: retirement age increase, macroeconomic indicators, working age population.

Состояние мировых исследований и постановка проблемы. Тематика научных исследований в рамках проблем старения населения широка, многоаспектна, нередко, междисциплинарна. Научные изыскания посвящены поиску ответов на актуальные вопросы

¹ Публикация включает результаты выполнения работ, поддержанных грантом РФФИ № 19-010-00022 (постановка проблемы исследования, опросы населения Мурманской области и их описание); государственного задания ФГБУН ФИЦ Кольский научный центр № 0226-2019-0027 (в части рассмотрения современных проблем управления; специфики исследования экономики Мурманской области).

воздействия фактора старения населения на экономический рост и производительность труда [1, 2, 3]; исследованию изменений динамики и соотношений основных макроэкономических показателей [4, 5]; выявлению специфики наполнения и функционирования финансовых систем, включая вопросы развития и модификации пенсионных механизмов, перспективы сбережений и распределений доходов между поколениями, поведенческие изменения и т.д. [6, 7, 8].

Эти многообразные работы можно условно разделить на две большие группы. Первая группа работ ориентирована на исследование социальных эффектов старения населения. В этой части исследования составляют неотъемлемую часть формирования социально-экономической политики, направленной на недопущение потенциально опасных форм недовольства в обществе [8, 9]. Значительное внимание уделяется качеству жизни населения, оценочным суждениям населения, исследованию факторов социальной нестабильности и т.д. Методологический инструментарий в значительной мере основан не только на анализе статистических показателей, но также включает опросы населения, экспертов, политиков. Полагаем, именно социальная заостренность вопроса повышения пенсионного возраста определяет то, что в развитых и развивающихся странах наблюдается факт отставания принятия необходимых решений (в том числе о повышении возраста выхода на пенсию) относительно потребностей пенсионной системы конкретной страны. Факт отсрочки болезненных, но необходимых решений, усиливает общие объективные тенденции пенсионных систем (особенно четко диагностируется в развитых странах) – рост государственных пенсионных расходов, рост рисков подрыва благосостояния будущих пенсионеров в долгосрочном периоде, подпитка проблемы бедности старыми людьми и т.д. [5, 10, 11].

Нарастание неблагоприятных тенденций и рисков, вызывают актуальность исследований, направленных на формирование досконально выверенных рецептов учета фактора старения населения для тщательной корректировки пенсионных систем во всех странах мира. Такие рецепты требуют детальных количественных экономических оценок. Эти исследования формируют вторую группу работ.

Вторая группа работ ориентирована на исследование специфики воздействия старения населения на базовые экономические параметры мировой экономики и национальных экономик. Активно исследуются вопросы влияния коренного изменения продолжительности жизни практически во всех странах на перераспределение населения в мире, на национальные сбережения, на темпы экономического роста и т.д. [4, 12, 13]. При этом отмечается, что специфика воздействия фактора старения населения на функционирование пенсионных систем, на макроэкономические параметры традиционно отличается в развитых и развивающихся странах, хотя, безусловно, некоторые закономерности взаимодействия основных макроэкономических параметров одинаковые [1, 7, 14, 15, 16, 17]. Это определяет необходимость детальных исследований специфики влияния проблемы увеличения продолжительности жизни для каждой страны.

В настоящей работе исследуются вопросы влияния надвигающегося сдвига численности трудоспособного населения, вызванного изменением возраста выхода на пенсию, на численность трудоспособного населения в России. Актуальность рассмотрения этого вопроса определяется тем, что одной из наиболее популярных мер, направленной на нивелирование проблемы старения населения, является повышение возраста выхода на пенсию. Эта мера используется во всех существующих моделях пенсионных систем, поскольку увеличивает период уплаты пенсионных взносов работником и сокращает период выплаты пенсии. Однако повышение пенсионного возраста всегда воспринимается болезненно в любом обществе.

Особенно остро повышение пенсионного возраста воспринимается в России. Это объясняется рядом причин. Так, причина объективного свойства заключается в том, что до введения с 2019 г. постепенного повышения пенсионного возраста до 60 лет для мужчин и до 55 лет для женщин, пенсионный возраст в России не менялся с 1932 года. Субъективные

причины связаны с практическим отсутствием подготовки общества к пенсионным изменениям. Поэтому ответы на вопросы о том насколько чувствительны макроэкономические показатели к изменениям, вызванным повышением возраста выхода на пенсию, являются не только научно значимыми, не только востребованными политиками и системой управления, но и практически важными для общества в целом.

Прогноз влияние увеличения возраста выхода на пенсию на численность трудоспособного населения.

Увеличение пенсионного возраста удлиняет период трудоспособного возраста населения, тем самым увеличивает численность трудоспособного населения в стране. В таблице 1 приведены наши прогнозные оценки увеличения численности населения трудоспособного возраста в России, вызванного увеличением возраста выхода на пенсию. Прогноз составлен в трех вариантах на период до 2036 года. Для сравнения приведен прогноз Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, составленный для условий сохранения «старой» схемы выхода на пенсию (левая часть таблицы).

Таблица 1

Прогноз численности трудоспособного населения (тыс. чел.) с учетом повышения возраста выхода на пенсию

Годы	Прогноз по «старой» схеме выхода на пенсию (55 лет для женщин, 60 для мужчин)			Прогноз по «новой» схеме выхода на пенсию (60 лет для женщин, 65 для мужчин)		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
2019	82187	82240	82274	82187	82240	82274
2023	78462	79250	79947	82052	82872	83602
2028	77072	78958	80561	85397	87485	89278
2029	77038	79161	80955	85331	87685	89695
2034	76118	79481	82130	87790	91656	94795
2036	75046	79039	82208	87070	91662	95410

Источник: Росстат, Расчеты авторов

Анализ результатов прогнозирования указывает на следующие важные факты. В случае, если бы повышения пенсионного возраста не было бы (сохранение трудоспособного возраста для женщин 16-54 года, мужчин - 16-59 лет, выход на пенсию, соответственно в 55 и 60 лет), прогнозируется дальнейший спад численности трудоспособного населения во всех трех вариантах. Таким образом, увеличение пенсионного возраста с 2019 года (выход на пенсию в 60 лет для женщин, 65 - для мужчин) приостановило устойчивую тенденцию снижения численности трудоспособного населения в России. Причем не только приостановило, а сломало ее, качественно изменив траекторию.

Литература

1. Сиянская О. В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // Экономический журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 562–591.
2. Баранов С. В., Скуфина Т. П. Влияние повышения пенсионного возраста на производство валового внутреннего продукта в России // Инновации. 2018. № 9. С. 38-44.
3. Kalemli-Ozcan S., Ryder H. E., Weil D. N. Mortality decline, human capital investment, and economic growth // Journal of Development Economics. 2000. Vol. 62. No. 1. Pp. 1-23. Doi: [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(00\)00073-0](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00073-0)
4. Baranov S.V., Skufina T.P. Opportunities to promote economic growth in Russia at a rate not lower than the world average // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11. No. 5. Pp. 49-60. Doi: 10.15838/esc.2018.5.59.3
5. Chakraborty S. Endogenous lifetime and economic growth // Journal of Economic Theory. 2004. Vol. 116. No. 1. Pp. 119-137. Doi: 10.1016/j.jet.2003.07.005

6. Bongaarts J. Pensions at a Glance 2015: OECD and G20 Indicators Paris: OECD Publishing. 2015. 376 p. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00147.x>
7. Mao H., Ostaszewski K. M., Wen Z. The Retirement Decision with Consideration of Part-Time Work After Retirement // *Journal of Insurance Issues*. 2019. Vol. 42. No. 1. Pp. 86-112.
8. Van Riet A. Euro area fiscal policies and the crisis // *ECB Occasional Paper*. 2010. No. 109.
9. Mao H., Ostaszewski K. M., Wang Y. Optimal Retirement Age, Leisure, and Consumption // *Economic Modelling*. 2014. Vol. 43. Pp. 458-464.
10. Amaglobeli D., Chai H., Dabla-Norris E., Dybczak, K., Soto M., Tieman A. The Future of Saving : The Role of Pension System Design in an Aging World. USA: International monetary fund. 2019. 47 p. Doi: <https://doi.org/10.5089/9781484388990.006>
11. Chai H., Kim J.I. Demographics, Pension Systems and the Saving-Investment Balance. USA: International Monetary Fund. 2018. 21 p.
12. Attanasio O., Bonfatti A., Kitao S., Weber G. Global demographic trends: consumption, saving, and international capital flows. In *Handbook of the Economics of Population Aging*. 2016. No. 1. Pp. 179-235.
13. Staveley-O'Carroll J., Staveley-O'Carroll O. M. Impact of pension system structure on international financial capital allocation // *European Economic Review*. 2017. Vol. 95. Pp. 1-22. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2017.03.008
14. Li H., Zhang J., Zhang J. Effects of longevity and dependency rates on saving and growth: Evidence from a panel of cross countries // *Journal of Development Economics*. 2007. Vol. 84. No. 1. Pp. 138-154. Doi: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2006.10.002>
15. Mitchell O. S. Retirement Systems in Developed and Developing Countries: Institutional Features, Economic Effects, and Lessons for Economies in Transition // *National Bureau of Economic Research*. 1993. No. w4424. DOI: 10.3386/w4424
16. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Shatalova T. Production functions in identifying the specifics of producing gross regional product of Russian Federation // *Mediterranean journal of social sciences*. 2015. Vol. 6. No. 5 S3. Pp. 265–270. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s3p265
17. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E. Increasing GDP production in the Russian Federation and raising the retirement age: is there a connection? // *AD ALTA: Journal of interdisciplinary research*. Vol.9, Issue 1, Special Issue VI, 2019, P.69-72 http://www.magnanimitas.cz/ADALTA/090106/papers/A_17.pdf

References

1. Sinyavskaya O. V. Rossiyskaya pensionnaya sistema v kontekste demograficheskikh vyzovov i ogranicheniy [Russian pension system in the context of demographic challenges and limitations]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE*, 2017, no. 4, pp. 562–591.
2. Baranov S. V., Skufina T. P. Vliyaniye povysheniya pensionnogo vozrasta na proizvodstvo valovogo vnutrennego produkta v Rossii [The impact of raising the retirement age on gross domestic product production in Russia]. *Innovatsii*, 2018, no. 9, pp. 38-44.
3. Kalemli-Ozcan S., Ryder H. E., Weil D. N. Mortality decline, human capital investment, and economic growth. *Journal of Development Economics*. 2000. Vol. 62. No. 1. Pp. 1-23. Doi: [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(00\)00073-0](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00073-0)
4. Baranov S.V., Skufina T.P. Opportunities to promote economic growth in Russia at a rate not lower than the world average. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018. Vol. 11. No. 5. Pp. 49-60. Doi: 10.15838/esc.2018.5.59.3
5. Chakraborty S. Endogenous lifetime and economic growth. *Journal of Economic Theory*. 2004. Vol. 116. No. 1. Pp. 119-137. Doi: 10.1016/j.jet.2003.07.005
6. Bongaarts J. Pensions at a Glance 2015: OECD and G20 Indicators Paris: OECD Publishing. 2015. 376 p. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00147.x>
7. Mao H., Ostaszewski K. M., Wen Z. The Retirement Decision with Consideration of Part-Time Work After Retirement. *Journal of Insurance Issues*. 2019. Vol. 42. No. 1. Pp. 86-112.
8. Van Riet A. Euro area fiscal policies and the crisis. *ECB Occasional Paper*. 2010. No. 109.
9. Mao H., Ostaszewski K. M., Wang Y. Optimal Retirement Age, Leisure, and Consumption. *Economic Modelling*. 2014. Vol. 43. Pp. 458-464.
10. Amaglobeli D., Chai H., Dabla-Norris E., Dybczak, K., Soto M., Tieman A. The Future of Saving : The Role of Pension System Design in an Aging World. USA: International monetary fund. 2019. 47 p. Doi: <https://doi.org/10.5089/9781484388990.006>
11. Chai H., Kim J.I. Demographics, Pension Systems and the Saving-Investment Balance. USA: International Monetary Fund. 2018. 21 p.
12. Attanasio O., Bonfatti A., Kitao S., Weber G. Global demographic trends: consumption, saving, and international capital flows. In *Handbook of the Economics of Population Aging*. 2016. № 1. Pp. 179-235.
13. Staveley-O'Carroll J., Staveley-O'Carroll O. M. Impact of pension system structure on international financial capital allocation. *European Economic Review*. 2017. Vol. 95. Pp. 1-22. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2017.03.008

14. Li H., Zhang J., Zhang J. Effects of longevity and dependency rates on saving and growth: Evidence from a panel of cross countries. *Journal of Development Economics*. 2007. Vol. 84. No. 1. Pp. 138-154. Doi: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2006.10.002>
15. Mitchell O. S. Retirement Systems in Developed and Developing Countries: Institutional Features, Economic Effects, and Lessons for Economies in Transition. National Bureau of Economic Research. 1993. No. w4424. DOI: 10.3386/w4424
16. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Shatalova T. Production functions in identifying the specifics of producing gross regional product of Russian Federation. *Mediterranean journal of social sciences*. 2015. Vol. 6. No. 5 S3. Pp. 265–270. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s3p265
17. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E. Increasing GDP production in the Russian Federation and raising the retirement age: is there a connection? *AD ALTA: Journal of interdisciplinary research*. Vol.9, Issue 1, Special Issue VI, 2019, P.69-72 http://www.magnanimitas.cz/ADALTA/090106/papers/A_17.pdf

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА - МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Скуфьина Татьяна Петровна

Кольский научный центр РАН, г. Апатиты, Россия

skufina@gmail.com

Аннотация. Рассмотрение тенденций развития Мурманской области обладает неизменной актуальностью в силу динамизма внешней среды, включая как макроэкономические условия, так и внешнеполитические, и управленческие факторы влияния. Цель - рассмотреть современные особенности социально-экономической динамики Мурманской области в контексте новых макроэкономических условий и управленческих факторов. Рассмотрена динамика статистических показателей, отражающих состояние человеческого капитала Мурманской области, специфику производственных процессов в регионе, рассмотрены некоторые вопросы управления на региональном уровне.

Ключевые слова: Мурманская область, тенденции, кризис, социально-экономическое развитие.

MODERN TRENDS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION - MURMANSK REGION

Abstract. Consideration of trends in the development of the Murmansk region has a constant relevance due to the dynamism of the external environment, including both macroeconomic conditions and foreign policy and management factors of influence. The aim is to consider the modern features of the socio-economic dynamics of the Murmansk region in the context of new macroeconomic conditions and management factors. The dynamics of statistical indicators reflecting the state of human capital of the Murmansk region, the specifics of production processes in the region are considered, some issues of management at the regional level are considered.

Key words: Murmansk region, tendencies, crisis, social and economic development.

Skufina, Tatiana

Kola Science Center of RAS, Apatity, Russia

skufina@gmail.com

Современная неустойчивость экономических, управленческих, геополитических процессов, опосредующих развитие Севера и Арктической зоны России Мурманской [1, 2, 3], предопределяет акцент на рассмотрении длинных рядов социально-экономической динамики [4]. Это позволяет выявить трансформационные процессы, определяемые глубинными причинами, внутренней генетикой развития.

В такой постановке, задачи исследования социально-экономической реальности Мурманской области должны касаться таких составляющих развития, на которые управление обращало особенное внимание и в период СССР, и в настоящее время. но значимость которых не только сохраняется, но является определяющей для оценки результативности управления и в настоящее время [5]. Анализ основополагающих исследований и нормативно-правовой литературы по проблематике развития Севера и АЗРФ указывает на целесообразность выделения двух составляющих - во-первых, составляющих

¹ Исследование выполнено в рамках выполнения госзадания ФИЦ КНЦ РАН № 0226-2019-0027 (в части выявления долгосрочных трансформаций арктического региона на примере Мурманской области); в рамках выполнения НИР, поддержанного грантом РФФИ и Правительством Мурманской области №17-46-510636 (в части краткосрочных тенденций Мурманской области, порождаемых кризисом, а также новыми условиями управления, направленными на формирование опорных зон).

человеческого капитала, включая его отражения в демографии региона [2, 6, 7], а также производственные процессы в регионе [8, 9, 10, 11].

Результаты исследования социально-экономической динамики Мурманской области. Мурманская область - типичный старопромышленный субъект Российской Федерации (развитая промышленность, развитая инфраструктура, наличие достаточно квалифицированных кадров, системы вузов) [12]. Но одновременно – устаревшие производственные мощности, недостаточно быстрое обновление основных средств производства для покрытия устаревающих средств, добывающая специализация определяет зависимость от внешней конъюнктуры цен [12, 13].

Отражением негативных тенденций являются демографические характеристики Мурманской области. Основная характеристика – численность населения, характеризующаяся устойчивым спадом (рис. 1).

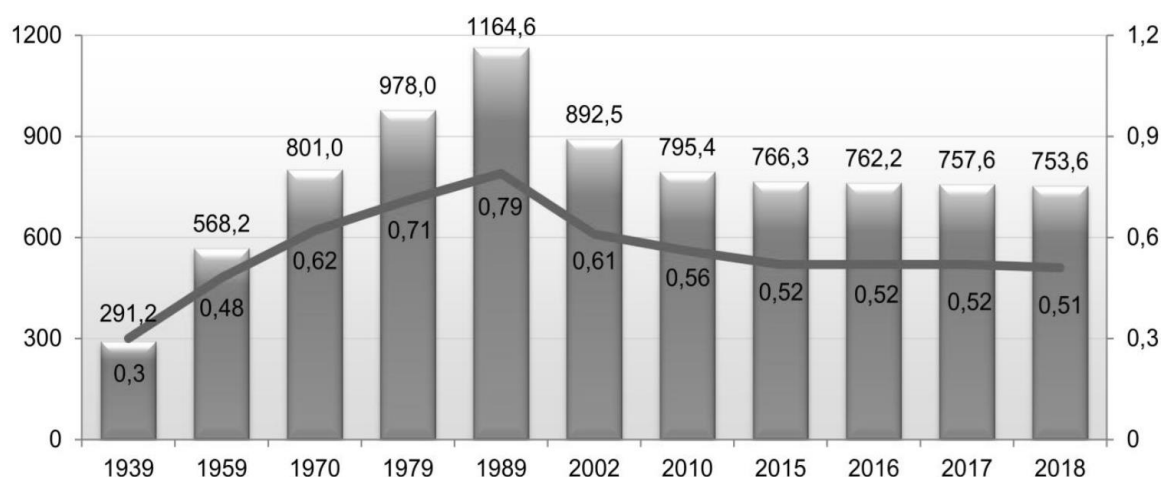

Рисунок 1. Численность населения Мурманской области (в тысячах человек); линия обозначает долю в численности населения России (правая ось), %

(Источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области¹)

Согласно долгосрочному демографическому прогнозу ожидается сохранение тенденции сокращения численности населения региона.

Старение населения так же является негативной устойчивой особенностью Мурманской области. Средний возраст увеличился с 25 лет в 1959 году до 38,7 лет в 2018 году (табл.1).

Следует отметить позитивную тенденцию последних лет, характерную и для Мурманской области, – увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении (рис. 2). Кризисные процессы не повлияли на сложившиеся тренды улучшения обсуждаемых показателей.

Основа экономики региона - добыча и переработка полезных ископаемых, электроэнергетика, использование морских незамерзающих портов и т.д.

Рассмотрение динамики индексов промышленного производства в период с 1938 по 2017 годы позволяет констатировать повторение тенденций других добывающих субъектов российской Федерации.

С позиций рассмотрения краткосрочных кризисных процессов особенный интерес представляет рассмотрение производственных показателей в связи с их подверженностью влиянию управляющих процессов. Анализ основных показателей экономики Мурманской

¹ Мурманской области – 80 лет: / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Мурманск, 2018 – 136 с.

области последних кризисных лет свидетельствует об эффективности проводимых мер поддержки экономического потенциала Мурманской области и адаптации экономики региона под существенно изменившиеся внешние условия, включая снижение цен на продукцию горнопромышленного комплекса и санкционные ограничения. Об этом свидетельствует 2017-2018 гг: выросли темпы промышленного производства.

Таблица 1

**Численность населения по возрастным группам и средний возраст населения
Мурманской области, в процентах к общей численности населения**

Год	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2015	2016	2017	2018
моложе трудоспособного возраста	30,8	28,4	26,5	27,3	18,0	16,2	17,7	18,2	18,5	18,7
в трудоспособном возрасте	64,3	65,0	67,1	63,9	68,3	65,5	61,6	60,6	59,7	59,1
старше трудоспособного возраста	4,9	6,6	6,4	8,6	13,5	18,4	20,7	21,3	21,8	22,2
Средний возраст, лет	25,3	27,8	29,0	30,2	35,1	37,6	38,3	38,4	38,5	38,7

(Источник: по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области¹)

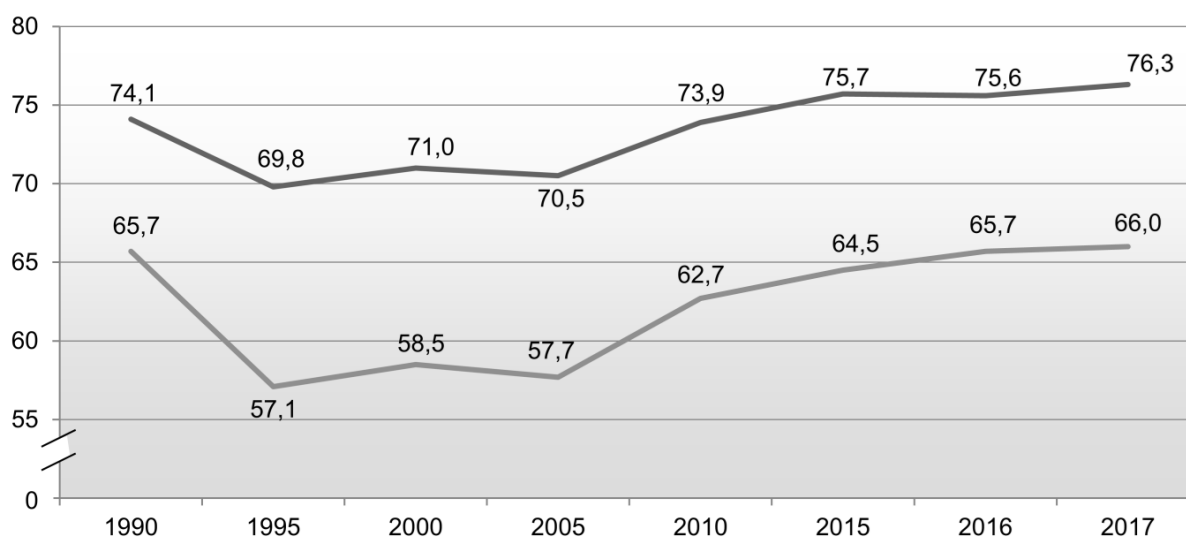

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни женщин и мужчин Мурманской области при рождении (лет): светло-серая линия – мужчины; темно серая линия – женщины (Источник: по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области²)

Подводя итоги, возможно отметить следующее. Во-первых, относительно долгосрочных тенденций, отметим, обращает внимание стабильность негативных тенденций постсоветского периода, связанных с сокращением численности населения Мурманской области, старением населения. Позитивная тенденция, характеризующая качество человеческого капитала региона, это увеличения ожидаемой продолжительности жизни.

¹ Там же.

² Там же.

Анализ основных показателей экономики Мурманской области последних кризисных лет свидетельствует об эффективности проводимых мер поддержки экономики Мурманской области.

Литература

1. Жаров В.С., Иванова М.В. Проблемы управления социально-экономическим развитием регионов Арктики // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2015. Т. 18. № 3. С. 393-400.
2. Морозова Т.В. Карельская модель трансграничного сотрудничества и развитие приграничных местных сообществ // Экономическая наука современной России. 2006. № 1 (32). С. 73-88.
3. Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития / монография, 2017, Апатиты, изд-во КНЦ РАН.
4. Баранов С.В. Анализ и моделирование развития региональных систем (на примере зоны Севера) / монография, 2005, Воронеж, изд-во ВГУ.
5. Скуфьина Т.П. Альтернативы развития российского Севера // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 4. С. 2-10.
6. Кондратович Д.Л., Гущина И.А., Положенцева О.А. Тенденции восприятия населением формирования и развития Арктики как единого макрорегиона РФ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. №10. С. 45-54.
7. Корчак Е.А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни населения регионов Севера России // ЭКО. 2016. № 3 (501). С. 80-95.
8. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Переосвоение российской Арктики: вопросы методологии и организации // Российский экономический журнал. 2015. № 2. С. 84-104.
9. Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7-15.
10. Морозов А.А., Белая Р.В., Морозова Т.В. Региональные особенности развития сетевых сообществ в России: пример Республики Карелия // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 10. С. 1077-1092.
11. Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Корчак Е.А. Оценка влияния динамики инвестиций на рост валового регионального продукта в регионах Севера и Арктической зоны Российской Федерации // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 6. С. 25-35.
12. Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Бажутова Е.А., Яковчук А.А. Выявление современных особенностей и тенденций социально-экономического развития Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 4 (60). С. 92-101.
13. Самарина В.П. Проблемный регион как объект анализа и управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. Т. 4. № 5 (26). С. 46-52.

References

1. Zharov V. S., Ivanova M. V. Problems of management of social and economic development of Arctic regions. Bulletin of Murmansk state technical University. 2015. T. 18. No. 3. P. 393-400.
2. Morozova T. V. Karelian model of cross-border cooperation and development of cross-border local communities // Economic science of modern Russia. 2006. No. 1 (32). P. 73-88.
3. Regions of the North and the Arctic of the Russian Federation: current trends and prospects / monograph, 2017, Apatity, publishing house of KSC RAS.
4. Baranov S. V. Analysis and modeling of regional systems development (by the example of the North zone) / monograph, 2005, Voronezh, VSU publishing house.
5. Skufina T. P. Alternatives of development of the Russian North // Regional economy: theory and practice. 2011. No. 4. P. 2-10.
6. Kondratovich D. L., Guschina I. A., O. A. Polozhentseva Trends of perception by the population in the formation and development of the Arctic as a single macroregion of Russia // Regional problems of transformation of the economy. 2017. No. 10. S. 45-54.
7. Korchak E. A. Dynamics of social stability and standard of living of the population of the regions of the North of Russia // ECO. 2016. No. 3 (501). P. 80-95.
8. Leksin V. N., The Porfiriev B. N. The remastering of the Russian Arctic: problems of methodology and organization // the Russian economic journal. 2015. No. 2. S. 84 to 104.
9. Minakir P. A. Russian crisis: expectations vs. facts // Spatial Economics. 2018. No. 1. S. 7-15.
10. Morozov A. A., Belaya R. V., Morozova T. V. Regional features of development of network communities in Russia: an example of the Republic of Karelia // Creative economy. 2017. T. 11. No. 10. P. 1077-1092.
11. Skufina T. P., Baranov S. V., Korchak E. A. Assessment of the impact of investment dynamics on the growth of gross regional product in the regions of the North and the Arctic zone of the Russian Federation // Questions of statistics. 2018. T. 25. No. 6. S. 25-35.

12. Skufina T. P., Baranov S. V., Bazhutova E. A., Yakovchuk A. A. Identification of modern features and trends of socio-economic development of the Murmansk region // North and market: the formation of economic order. 2018. No. 4 (60). S. 92-101.
13. Samarina V. p. Problem region as an object of analysis and management // National interests: priorities and security. 2008. Vol. 4. No. 5 (26). S. 46-52.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, СРЕДСТВА И КАНАЛЫ ЦИФРОВОГО МАРКЕТИНГА

Соколова Надежда Геннадьевна

*ФГБОУ ВО «Ижевский государственный технический университет имени
М.Т.Калашникова», Ижевск, Россия
sokolova-ng@mail.ru*

Аннотация: В статье дополняется научно-теоретическое содержание маркетинга путём интерпретации понятия «цифрового маркетинга». Определяются его каналы, выделяются формирующие их средства. Вводится понятие цифрового маркетингового контента. Исследование проведено в рамках грантовой поддержки исследований учёных ИжГТУ имени М.Т.Калашникова, № 38.04.04/18СНГ.

Ключевые слова: цифровой маркетинг, каналы цифрового взаимодействия, средства каналов цифрового взаимодействия, цифровой маркетинговый контент.

INTERPRETATION, MEANS AND CHANNELS OF DIGITAL MARKETING

Sokolova, Nadezhda

*Izhevsk State Technological University, Izhevsk, Russia
sokolova-ng@mail.ru*

Abstract: The article supplements the scientific and theoretical content of marketing by interpreting the concept of “digital marketing”. Its channels are determined, their means are allocated. The concept of digital marketing content is introduced. The study was conducted as part of a grant support for priority research by scientists of IzhSTU named after M.T. Kalashnikov, project number 38.04.04 / 18SNG.

Key words: digital marketing, digital interaction channels, means of digital interaction channels, digital marketing content.

В маркетинге, как ни в одном другом экономико-управленческом научном знании, часто вводятся новые понятия. Бесспорно, изменение условий и возможностей ведения бизнеса, его целевой ориентации и стремительно меняющегося окружения предполагает разработку новых подходов, методов, инструментов, переоценку использующихся ранее. В связи с этим автор статьи делает попытку дополнения научно-теоретического содержания маркетинга, формализации такого явления или вида маркетинга как цифровой маркетинг.

На сегодняшний день цифровые технологии – это окружающая действительность жизни всего общества, решающий фактор успеха и продвижения в каждой сфере деятельности, который даёт неоспоримые конкурентные преимущества. С развитием цифровых технологий и цифровой сферы, появляются производные понятия, такие как: цифровая экосистема, цифровая экономика и цифровой маркетинг (digital-маркетинг, диджитал-маркетинг). Схема связи этих понятий [8, с. 230] приведена на рисунке 1.

Прародителем цифрового маркетинга считают компанию SoftAd Group [5], в 1985-м году она дала рекламу во многих изданиях с призывом к читателю вырезать объявление, вложить в конверт, а в ответ получить мультимедийный диск с автомобильным контентом и возможностью записаться на эксклюзивные тест-драйвы. Этот приём стал первопроходцем, примерно пятью годами позже термин цифрового маркетинга закрепился, его приёмы начали активно развиваться и распространяться.

Анализ форм интерпретации термина цифрового маркетинга позволил выявить некую иерархию понимания данного явления от простого к сложному. Цифровой маркетинг в узком смысле интерпретируют следующим образом [4, 5, 10, 11]:

общий термин для маркетинга товаров и услуг, который использует цифровые каналы для привлечения и удержания клиентов;

совокупность цифровых каналов коммуникаций для продвижения бренда, способов и мер воздействия на потребителя осуществляющихся с использованием цифровых технологий и каналов;

комплексный подход к продвижению компании, её товаров в цифровой среде, охватывающий также offline потребителей, предусматривающий интеграцию большого количества разных технологий (социальных, мобильных, web, CRM-системы и т.д.) с продажами и клиентским сервисом.

Рисунок 1. Связь понятий цифровой сферы

Такие варианты трактовки цифрового маркетинга ограничивают его сферу деятельности, связывают её лишь с информированием о продукте и повышением узнаваемости бренда, привлечением и удержанием клиентов.

В широком смысле [3, с.261] по мнению автора, цифровой маркетинг — это маркетинг, обеспечивающий взаимодействие с клиентами и бизнес-партнёрами с использованием цифровых информационно-коммуникационных технологий и электронных устройств с целью формирования сетей взаимодействия.

Автор статьи считает, что в будущем сфера деятельности цифрового маркетинга будет только расширяться до включения в спектр своего действия не только потребителей, но и бизнес-партнёров в целом. Именно цифровой маркетинг позволяет вести постоянный двусторонний персонифицированный online- диалог с каждым потребителем или контрагентом, стейкхолдером. Такой диалог, построенный на использовании данных, которые получены в результате прошлых взаимодействий, для обслуживания следующих контактов, работает подобно нейронной сети. Цифровой маркетинг способствует согласованности между потребностями (желаниями) пользователя и стратегическими бизнес-целями организации, повышает конверсию и, одновременно степень вовлеченности и лояльности лида – «клиента, проявившего интерес».

Следует согласиться с рядом авторов [1, 6] что цифровой маркетинг формируется и будет развиваться на основе ряда цифровых технологий, представленных на рисунке 2.

Если с понятием цифрового маркетинга и лежащими в основе его развитие технологиями есть некоторая определённости, то с представлением его средств и каналов такой определённости нет, попробуем и здесь внести ясность.

Взаимодействие с клиентами (партнёрами) маркетологи осуществляют через пути, называемые каналами. В цифровом маркетинге для этого существует множество каналов, число которых постоянно растет: от взаимодействия на сайте до личного общения с сотрудниками; от рекламы в печатных изданиях до рекламы на телевидении; от электронных писем, новостной рассылки, блогов, социальных медиа до писем с брошюрами, которые

отправляются по почте. Под каналами цифрового маркетинга в литературе подразумеваются столь разные явления, что требуется определённая ясность.

Дополненная реальность	Социальные медиа				Интернет вещей
	Большие данные	Фундаментальные технологии		Искусственный интеллект	
Виртуальная реальность	Блокчейн			Ревеню- менеджмент	Технологии психо- диагностики
	Цифровые продукты				

Рисунок 2. Технологии, лежащие в основе цифрового маркетинга

Анализ форм терминологии и представления каналов цифрового маркетинга [2, 7, 9] позволяет, во-первых, констатировать, что в данном случае уместно говорить о каналах цифрового взаимодействия как комбинации средств, посредством которых передаётся цифровая информация. Во-вторых, выделить три группы средств, комбинация которых порождает все многообразие каналов цифрового взаимодействия:

Пользовательские устройства (технические средства), физически обеспечивающие связь с «приёмником»: терминалы самообслуживания; POS-терминалы; интерактивные экраны; digital гаджеты; игровые консоли; компьютеры и планшеты; смартфоны и т.п.;

Программные средства позволяющие кодировать и декодировать информацию, «оживлять» технические средства и обеспечивать взаимодействие: программное обеспечение; мобильные приложения; digital art; вебсайты и т.п. («оживляющие» локальные сети, рождающие социальные сети, создающие online магазины);

Вид сети связи обеспечивающей взаимодействие, как технической системы включающей в себя средства и линии связи, предназначенные для электро- и прочей связи. Здесь мы сталкиваемся с видами электросвязи, при которой передача информации любого вида (речевой, символьной, зрительной, цифровой) осуществляется электрическими сигналами, распространяющимися по проводам или радиосигналами. Видами линий связи – совокупности технических устройств и физической среды, обеспечивающей передачу и распространение сигналов от передатчика к приёмнику. Здесь вступают в игру сети передачи данных, телефонные и телеграфные, радио- и телевизионные сети. Мы можем выделить так называемые цифровые сети (цифровое ТВ и GSM). Отдельно обозначить проводные (ВОЛС, кабельное соединение), беспроводные (радиоволновые и спутниковые) и комбинированные сети. Выделять локальные, корпоративные, зоновые и глобальные сети и здесь упоминать что интернет – это совокупность различных сетей в масштабе планеты. В конце концов, о сетях доступа, агрегации и магистральных сетях.

Представленное разнообразие каналов должно наполняться содержанием, своим контентом. Контент (англ. content — «содержимое») — внутренняя сущность чего-либо (наполнение), «любое информационно значимое наполнение информационного ресурса: тексты, графика, мультимедиа...» [9, с. 210]. Электронный контент – информация, а также продукты и относящиеся к ним услуги, предоставляемые абонентам сетей передачи данных и сетей мобильной связи в цифровом виде, и потребляемые с использованием цифровых устройств [12] или цифровой контент — это множество информационных материалов, распространяемых в цифровом виде по каналам связи, предназначенных для использования на цифровых устройствах, «не просто полезная информация ..., а один из основных маркетинговых инструментов, обеспечивающих эффективное развитие цифровой экономики» [8, с.231].

Приходим к выводу, что цифровой маркетинговый контент – это информация (сообщение о конфигурации переменных комплекса маркетинга), предоставляемая

потребителям и бизнес-партнёрам в цифровом виде по каналам связи посредством цифровых устройствах, благодаря которой потенциальный контрагент обращает внимание на предложение организации, вступает с ней во взаимодействие, стаёт её партнёром.

Итак, цифровой маркетинг реализуется посредством формализации цифрового маркетингового контента и канала цифрового взаимодействия. Именно их комбинация порождает специфические инструменты цифрового маркетинга, площадки или среды, позволяющие реализовывать маркетинговое воздействие на целевые аудитории, такие как: Социальные медиа (SMM) и блоги; E-mail; Поисковая оптимизация (SEO); Создание контента; Посадочная страница (Landing page); Виртуальная реальность (VR); Дополненная реальность (AR); Пресс-релизы в online медиа; Co-creation.

В результате исследований автор приходит к следующим выводам:

Цифровой маркетинг – это комплекс мероприятий, практика использования всех аспектов традиционного маркетинга организации, которая обеспечивает взаимодействие и управление взаимоотношениями с целевой аудиторией посредством цифровых информационно-коммуникационных технологий и электронных устройств. Он включает в себя практику электронного маркетинга, online и e-mail маркетинга, маркетинга в социальных сетях и мобильного маркетинга. Характеризует современный этап эволюции маркетинга. Он обеспечивает возможности развития и усиления других видов и практик маркетинга: таргетированного и кастомизированного, холистического или партнёрского, интерактивного маркетинга товаров и услуг, наконец, вирусного и скрытого маркетинга;

На рубеже XX и XXI веков за счёт цифровых технологий произошла переоценка значимости маркетинга, и прежде всего с его практической эффективности. Суждениям «о смерти маркетинга» нет места, его теория и методология дополняются. Научно-теоретическое содержание маркетинга расширяется, дополняется и обогащается через практику цифрового маркетинга. Именно цифровизация маркетинга организаций станет основой наращивания конкурентоспособности на высоко-конкурентных рынках.

Литература

1. Бойко И.П., Евневич М.А., Колышкин А.В. Экономика предприятия в цифровую эпоху // Российское предпринимательство. – 2017. – Том 18. – № 7. – с. 1127-1136. – doi: 10.18334/rp.18.7.37769.
2. Гольдштейн Б.С., Соколов Н.А., Яновский Г.Г. Сети связи. - СПб.: БХВ-Петербург, 2010. – 400 с.
3. Данько Т. П., Китова О. В. Вопросы развития цифрового маркетинга Проблемы современной экономики, N 3 (47), 2013. – С.261-265.
4. Digital-маркетинг для бизнеса / <https://rocky.by/stati/digital-marketing-dlya-biznesa> (дата обращения 18.03.2019)
5. Жестков Н. Digital маркетинг: это ещё что такое? Или примеры из РФ / <https://in-scale.ru/blog/digital-marketing> (дата обращения 20.03.2019).
6. Костин К.Б. Роль цифровых технологий в продвижении товаров и услуг на глобальных рынках // Российское предпринимательство. Креативная экономика. – 2013. – Том 18. - № 17. – с. 2451- 2460.
7. Николаев А. Классификация сетей связи / <http://1234g.ru/files/1.pdf> (дата обращения 24.03.2019).
8. Овчаренко Н. П., Костенко К. И., Павленко И. Г. Цифровые технологии и диджитал-маркетинг // Проблемы современной экономики. - N 2 (66), 2018. – С.229-233.
9. Окландер М.А. Каналы и инструменты цифрового маркетинга // Материалы международной научно-практической конференции. — Суми: СумДУ, 2014. — Т.1. — С. 209–210.
10. Романова Т. Цифровые технологии - это будущее человечества / <http://fb.ru/article/335698/tsifrovyye-tehnologii---eto-buduschee-chelovechestva> (дата обращения 18.03.2019).
11. Уланов К. Digital-маркетинг в бизнесе: 13 каналов продвижения и обзор их преимуществ / <http://kirulanov.com/13-kanalov-prodvizheniya-digital-marketing-v-biznese> (дата обращения 18.03.2019).
12. Цифровой контент. Словари и энциклопедии на Академик / <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1188766> (дата обращения 24.03.2019).

ЕВРОРЕГИОН "СААР-ЛОР-ЛЮКС" В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

Степанов Анатолий Владиславович

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
anatoly_stepanow@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности эволюции старопромышленных регионов Европы - Саара, Люксембурга и Лотарингии, которые в настоящее время образуют единый еврорегион Саар–Лор–Люкс. Анализируются исторические процессы индустриализации, нео- и постиндустриализации Саара, Люксембурга и Лотарингии как этапы единой технологической эволюции региональной экономики. Оценивается современная социально-экономическая ситуация.

Ключевые слова: старопромышленный регион, технологическая эволюция, индустриализация, неоиндустриализация, постиндустриальная экономика, реструктуризация, кластер, инновации, технополис, "экономика знаний", трансграничная миграция

EUROREGION "SAAR-LOR-LUX" IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE EU REGIONAL POLICY

Stepanov, Anatoly

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
anatoly_stepanow@mail.ru*

Abstract. The article examines the evolution of the old industrial regions of Europe - Saarland, Luxembourg and Lorraine, which now form a single Euroregion Saar–Lor–Lux". The historical processes of industrialization, neo-and post-industrialization of the Saar, Luxembourg and Lorraine are analyzed as stages of a single technological evolution of the regional economy.

Keywords: old industrial region, technological evolution, industrialization, neoindustrialization, post-industrial economy, restructuring, cluster, innovation, technopolis, "knowledge economy", cross-border migration.

Процессы европейской интеграции (яркий пример макрорегионализации пространства) проявляются не только в усилении межгосударственного взаимодействия стран-членов ЕС, по линии проектов, генерируемых центральными властями, но также и «взаимопроникновением» экономических, социальных, политических структур приграничных регионов. Наиболее успешным примером такого «взаимопроникновения» является трансграничное сотрудничество в еврорегионе «Саар-Лор-Люкс», состоящего из пяти регионов – Лотарингии (Франция), Люксембурга и федеральных земель Германии Рейнланд-Пфальца и Саара, а также бельгийской провинции Валлонии. В результате интенсивного экономического и социального сотрудничества за последние семьдесят лет периферийные области Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга трансформировались из старопромышленных в относительно развитые районы. Несмотря на разный уровень трансформации в отдельных районах вышеуказанных стран, в целом можно говорить о положительной динамике развития экономической конъюнктуры, улучшении инфраструктуры и появлении общей «региональной идентичности» на данной территории, ставших следствием региональной политики ЕС.

Процессы трансформации старопромышленных регионов и "неоиндустриализации" идут одновременно с образованием новых форм пространственного взаимодействия их хозяйственных структур. Вместо замкнутой, относительно однородной по качеству

взаимодействующих хозяйствующих субъектов производственной инфраструктуры, формируется открытая сеть с большим числом разнообразных по функциям акторов. Такой формат взаимодействий дает возможность предприятиям объединяться в комплексные коммуникационно-производственные цепи, создавая тем самым кластеры, технополисы, региональные инновационные системы. За счет новых форм кооперации и интеграции появляется возможность создания инновационно передовых продуктов, имеющих не массовый, а индивидуальный спрос [2,3]. В данном контексте интересен опыт индустриализации, неоиндустриализации, постиндустриального развития и межграничного взаимодействия факторов производства, ноу-хау в старопромышленном регионе Саар-Лор-Люкс.

В ходе историко-экономических этапов развития региона наибольшее экономическое взаимодействие наблюдается в треугольнике «Саар–Лотарингия–Люксембург». Ядро этого в настоящее время единого еврорегиона образовала некогда тяжелая промышленность, которая за последние 150 лет перетерпела существенные изменения, но, однако, до сих пор остается его важнейшей отраслью хозяйства. Регион Саар–Лор–Люкс является родиной промышленной революции в континентальной Европе. Здесь в 1720 г. на угольной шахте Vieux-Croumet, недалеко от Льежа, была испробована первая паровая машина за пределами Англии (в Рурской области – лишь в 1802 г.). Регион в начале XIX в. был лидером в Европе по производству металлов. Здесь берет начало строительство сети железных дорог на континенте. Наличие больших запасов полезных ископаемых (каменного угля, железной руды) стало основой экономического взлета этих территорий, но одновременно и главной причиной раздоров и политических конфликтов между соседствующими государствами. Перемещение границ, переход территорий региона в сферу влияния то Франции, то Германии определили, с одной стороны, создание трансграничных сетей (по линии образования дочерних предприятий по другую сторону границы), обмена и передачи инноваций, идей, новых производств, с другой – образование тесных кооперационных связей между предприятиями по линиям поставки угля, руды, готовых изделий. В конце 1950-х начале 1960-х гг. в регионе начался кризис традиционных отраслей, поставивший вопрос о дальнейших путях его экономического развития. В 1970-х гг. определились основные векторы дальнейшего развития экономики Саара, Лотарингии, Люксембурга. Если в Сааре и Лотарингии был взят курс на дальнейшее развитие и совершенствование промышленного производства, то в Люксембурге – на создание постиндустриальной экономики с формированием мощного сектора финансовых услуг. В результате процессов нео- и постиндустриализации, роста внешнеэкономического взаимодействия еврорегион Саар-Лор-Люкс смог в различной степени преодолеть кризисные явления и трансформироваться в благополучный еврорегион с обновленной структурой промышленного производства и занятости. Несмотря на разный уровень трансформации отраслевой и территориальной структуры хозяйства в Сааре, Люксембурге и Лотарингии, в целом можно говорить о положительной динамике развития хозяйства и промышленного производства, об улучшении инфраструктуры и формировании в них инновационной экономики. Процессы нео- и постиндустриализации еврорегиона проходили одновременно с процессами интеграции, взаимопроникновения региональных экономик и формированием единого экономического пространства и, во-вторых, с все большей интеграцией региона в систему мирового хозяйства.

Изучение опыта нео- и постиндустриализации в бывших старопромышленных регионах, чрезвычайно актуально для формирования региональной промышленной политики в современных старопромышленных регионах России. Именно «переход к новым технико-технологическим основаниям, выход промышленного производства на новые прогрессивные уровни развития определяют неоиндустриализацию как актуальный тренд современного этапа экономического развития страны и ее старопромышленных регионов» [4]. Инновационная модель нео- и постиндустриализации в Сааре, Люксембурге и Лотарингии, создание в них новых технологических кластеров наглядно демонстрируют возможные пути

эволюции региона, ревитализации его экономических структур, выхода из кризисного состояния.

Современный этап трансформации экономики и неоиндустриализации региона характеризуется ростом в структуре экономик трех регионов наукоемких высокотехнологичных производств, знаниеинтенсивных услуг. Важным признаком современного этапа неоиндустриализации является сетевой характер отношений между региональными акторами в рамках информационных и производственных цепочек, что ведет к образованию так называемых региональных кластеров [5]. В Сааре можно выделить три таких кластера в формате так называемой "новой экономики": информационные технологии и консалтинг, нано- и биотехнологии и экономика знаний. В Люксембурге сложились также три новейших технологических региональных кластера: космический, экологический и биотехнологический. В Лотарингии еще в 70-х гг. XX в. появился первый технологический кластер – технополис Нанси-Брабуа со специализацией в информационных и телекоммуникационных технологиях, биотехнологиях, экологии и архитектуре. На сегодняшний день в технополисе действует порядка 285 предприятий с более чем 15 тыс. занятых. Другой технополис Лотарингии расположен в г. Мец. Он был создан в 1983 г. Его главными технологическими направлениями являются телекоммуникации и информационные технологии, микроэлектроника и автоматика. При технополисе создан бизнес-парк, в котором действуют 230 компаний с общей численностью сотрудников более 4 тыс. чел. Города Мец и Нанси в Лотарингии были выбраны еще в 1960-х гг. центральным правительством как два главных полюса роста регионального хозяйства и, соответственно, они систематически дотируются из государственных средств.

Государственная политика в области стимулирования развития новейших отраслей, создания инновационных кластеров заключалась в прямой и косвенной поддержке новых предприятий, формировании инновационной инфраструктуры, поощрении кооперации и трансферта знаний между университетами, научно-исследовательскими институтами, лабораториями и коммерческими компаниями. В Сааре политическими решениями были основаны Немецкий институт искусственного интеллекта (DFKI), два института научного общества М. Планка в области информатики и программного обеспечения. В Люксембурге ведущую роль в генерировании и трансфере новых знаний играют Люксембургский университет и Люксембургский институт науки и технологий, имеющие многочисленные специализированные подразделения, занимающиеся теми или иными научными проблемами. Так, экологический кластер, насчитывающий порядка 200 предприятий, поддерживается 28 общественными учреждениями, в том числе университетом и двумя исследовательскими центрами по ресурсам и экотехнологиям. В Лотарингии важную роль в повышении конкурентоспособности региона и формировании технологических кластеров играет Лотарингский университет им. П. Верлена (г. Мец). Входящие в него институты (Институт электроники и автоматки, Институт химии, физики и материалов) образуют базис инновационного процесса в своих научно-технологических областях. Также в г. Мец находится исследовательский центр компании "Арселор/Миттал" и исследовательский институт технологий Франции (IRT), специализирующийся в материаловедении и создания новых сплавов. Таким образом, во всех трех регионах мы можем наблюдать образование внутренних инновационных сетей, для успешной деятельности профилирующих компаний на мировых рынках.

Очевидным «полюсом роста» еврорегиона следует считать Люксембург как "профитополис" Европейского союза, с диверсифицированной структурой третичного сектора экономики, основанной на финансовой и институциональной инфраструктуре интеграционной группировки 28 стран ЕС. На позитивный имидж еврорегиона благоприятно влияет мобильная квалифицированная рабочая сила, готовая совершать ежедневные трансграничные поездки в радиусе 150-200 км. На территории «Саар-Лор-Люкса» сформировался емкий региональный рынок труда, без учета Валлонии и Рейнланда-Пфальца в 6 млн., с учетом этих земель – 11 млн. человек. В еврорегионе имеются общие

индустриальные традиции, специфические проблемы экономики, которые стремятся решать трансграничные проекты и инициативы. Данные инициативы финансируются бюджетом ЕС («Интеррег») и региональными банками. С другой стороны, более успешному развитию еврорегиона препятствуют многовековой негативный имидж (буферная зона), старопромышленный характер развития на протяжении нескольких веков («горнопромышленный» треугольник), психологические и языковые барьеры населения на территории, а также политическая неоднородность Лотарингии, Рейнланд-Пфальца, Саара, Люксембурга и Валлонии.

Литература

1. Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Соболев А.О. Внешнеэкономический комплекс региона в новых мирохозяйственных условиях. // Вестник УрФУ / Серия Экономика и управление. 2017. № 3. Т. 16. С. 403-423.
2. Гринберг Р.С. Поиски новых экономических моделей как ответ на вызовы 21 века // География мирового развития. Вып.3: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.М. Синцера. М., 2016. 490 с.
3. Романова О.А. Неоиндустриализация как фактор повышения экономической безопасности старопромышленных регионов // Экономика региона. 2012. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/neoindustrializatsiya-kak-faktor-povysheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-staropromyshlennyh-regionov> (дата обращения: 10.08.2017).
4. Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика как инструмент неоиндустриализации старопромышленных регионов // Старопромышленные регионы России и Германии: возрождение или стагнация. Материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2012. С. 136-144.
5. Ткаченко Т.Х., Сафонов С.А. Новая парадигма развития мировой промышленности и приоритетные направления географических исследований. // Региональные исследования. № 3 (53). Смоленск, 2016.

References

1. Andreeva E.L., Ratner A.V. Sobolev A.O. (2017) Vneshneekonomitsheskij kompleks regiona v novuch mirochosjastvennuch usloviyach [External economic complex of the region in the new world economic conditions] // Vestnik UrFU / Seriya Ekonomika i upravlenie. 2017. № 3. T.16. P. 403 - 423.
2. Grinberg R.S. (2016) Poiski novych ekonomitsheskich modeley kak otvet na vysovy 21 veka [The search for new economic models as a response to the challenges of the 21st century] // Geographiya mirivogo razvitiya. Vyp.3 Sb. nautsh.tr. / Pod. red. L.M.Sinzerova. M., 2016. 490 P.
3. Romanova O.A. (2012) Neoindustrialisazija kak faktor povysheniya ekonomitsheskoj bezopasnosti staropromyshlennuh regionov [Neo-industrialization as a factor in increasing the economic security of old industrial regions] // Ekonomika regiona. 2012 № 2 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/neoindustrializatsiya-kak-faktor-povysheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-staropromyshlennyh-regionov> Accessed: 10.08.2017.
4. Tatarkin A.I., Romanova O.A. (2012) Promyshlennaja politika kak instrument neoindustrialisazii staropromyshlennuh regionov [Industrial Policy as a Tool for Neo-Industrialization of Old Industrial Regions] Staropromyshlennye regiony Rossii i Germanii: vrozozhdenie ili stagnaziya. Materialy mezhdunarodnoi nautshno-praktitsheskoj konferenzii. Ekaterinburg, 2012.- P.136-144.
5. Tkatchenko T.H., Safonov S.A. (2016) Novaya paradigma razvitiya mirovoi promyshlennosti i prioritetnye napravleniya geographiskih issledovanij [New paradigm of development of the world industry and priority directions of geographical research] // Regionalnye issledovaniya . № 3 (53). Smolensk, 2016. P.125-132.

ПРОГРАММЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Степанова Светлана Викторовна

Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

Кропинова Елена Геннадиевна

Балтийский Федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия

Аннотация. Рассмотрены конкретные примеры проектов, реализуемых в рамках Программ приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия» и «Карелия» по направлению «туризм» с позиции внедрения инноваций в сферу туризма Республики Карелия и Калининградской области.

Ключевые слова: программы приграничного сотрудничества, инновации в туризме, Республика Карелия, Калининградская область

CROSS-BORDER COOPERATION PROGRAMS AS A TOOL TO THE DEVELOPMENT OF TOURISM INNOVATIONS

Stepanova, Svetlana

*Institute of Economics of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia
svkorka@mail.ru*

Kropinova, Elena

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
ekropinova@kantiana.ru, kropinova2@mail.ru*

Abstract. The authors present specific projects implemented in the framework of the Lithuania-Poland-Russia and Karelia cross-border cooperation Programs in the field of tourism. Special attention is paid to analysing tourism innovations that have emerged as a result of the projects aimed at cooperation and tourism development in the border regions such as of the Republic of Karelia as well as Kaliningrad region and the EU countries.

Keywords: Cross-border cooperation program, tourism innovations, Republic of Karelia, Kaliningrad region

В настоящее время развитие туризма представляется в качестве приоритетного и/или перспективного направления социально-экономического развития Республики Карелия и Калининградской области. Благодаря уникальности приграничного экономико-географического положения регионов, трансграничный обмен инновациями (ставший возможным с 1990-х гг.) становится все более важным фактором инновационного развития сферы туризма.

Следует указать, что инновации — одна из актуальных и значимых тем в современных исследованиях туризма, изучение которой началось с возрастанием роли туризма в региональной и локальной экономиках.

Согласно Й. Шумпетеру, (концепция диффузии инноваций), инновации возникают в результате новых комбинаций ресурсов и факторов производства, при этом инновационными видами деятельности являются производство новых товаров, применение новой технологии, внедрение новых материалов, открытие новых рынков, подрыв монополии конкурентов, а также совершенствование организации и управления. Большой вклад в территориальный аспект изучения инноваций внес Т. Хагерstrand. Главным в его волновой концепции диффузии инноваций стал закон пространственной экспансии, согласно которому,

нововведение, возникнув в какой-либо точке пространства, стремится максимальному его заполнению. С развитием новых информационных технологий возрастает скорость и расширяется поле влияния инноваций, оно перестает быть привязанным к конкретной территории. Активное изучение и адаптация концепции диффузии инноваций к российским условиям началось уже в XXI веке [2]

Сфера туризма представляется одной из «пионеров» по созданию и внедрению инноваций в сфере услуг. Инновационность туризма состоит в использовании передовых технологий при реализации и продвижении турпродукта, ориентации на нововведения в сфере развития транспорта, а также в мобильности ноу-хау, поскольку его акторы завязаны на передвижении, что приводит к трансферу инноваций и др. Кроме того, в процессе развития данной сферы экономической деятельности возникают новые виды и формы туризма, а это само по себе инновационно. Согласно В.С. Новикову, «Инновации в туризме — результат действий, направленных на создание нового или изменение существующего туристского продукта, освоение новых рынков, использование передовых информационных и телекоммуникационных технологий, совершенствование предоставления туристских, транспортных и гостиничных услуг, создание стратегических альянсов для осуществления туристского бизнеса, внедрение современных форм организационно-управленческой деятельности туристских предприятий» [1]

Особая роль во внедрении и стимулировании развития инноваций отводится реализуемым Программами приграничного сотрудничества: ППС «Карелия» и ППС «Литва-Польша-Россия». Например, за пять лет действия ППС «Карелия» реализовано 66 проектов на сумму 42 млн евро, 11 из которых было реализовано по тематике туризма. При этом инновационная составляющая постоянно растет. Например, в рамках первого заявочного тура были заложены основы формирования творческого приграничного кластера («Центр дизайна и ремесленный бизнес-инкубатор») и развития инновационной предпринимательской среды, разработаны архитектурные концепции и маркетинговые стратегии прибрежных территорий («Города у воды – новые возможности для развития бизнеса»). Реализация проектов по туристической тематике (второй заявочный тур) позволила создать семейные центры музейной педагогики, молодежный центр для предоставления туристических и образовательных услуг (Matka.ru), разработать мобильные сервисы в помощь туристу (Smart e-Tourism), открыть информационные туристские центры в муниципалитетах Республики Карелия [4]. Из 52 проектов, поддержанных и осуществленных в рамках ППС «Литва-Польша-Россия», 19 были ориентированы на туризм, общей суммой финансирования более 28 млн. евро [2].

В качестве примеров, подтверждающих стимулирование развития инноваций в сфере развития регионального туризма в Республике Карелия и Калининградской области за счет реализации Программ приграничного сотрудничества можно привести следующие проекты. Распределение международных представлено согласно классификации Й. Шумпетера инновационных видов деятельности применительно к туристской сфере деятельности:

- 1) производство новых товаров;

Применительно к туризму можно рассматривать разработку новых туристских продуктов, как, проекты, нацеленные на проектирование и развитие трансграничных туристских маршрутов, раскрывающих возможности вовлечения туристско-рекреационного потенциала территорий в экономическую сферу деятельности. Например, проекта «Дорога горных промыслов» (Mining Road), в рамках которого был разработан маршрут общей протяженностью порядка 400 км., объединивший геологическое и горно-индустриальное наследие Республики Карелия (Россия) и Северной Карелии (Финляндия). Одним из главных практических результатов реализации проекта на территории Республики Карелия стало создание новой туристской достопримечательности — Рудного парка «Тулмозерье» площадью 3 га с прилегающей зоной (8 га), где созданы экскурсионные и рекреационные зоны из развалин сер. XVIII в. Тулмозерского железоделательного завода. В рамках проекта была разработана серия GPS-экскурсий (аудиогидов), позволяющая в самостоятельном

режиме посетить достопримечательности маршрута, включая путешествие Петрозаводск — Колатсельга, экскурсии по Рудному парку «Тулмозерье» и Горному парку «Рускеала» (Республика Карелия), по бывшему железоделательному заводу в Мёхкё, по Музею горного дела в г. Оутокумпу и прогулку по окрестностям горы Пуйо г. Куопио (Финляндия) [3]. применение новой технологии;

Следует указать, что туризм относится к одной из наиболее инновационных видов деятельности, поскольку именно здесь активно используются новые технологии, начиная от бронирования и продаж и заканчивая использованием новых видов транспорта [1]. Так, проект «Сеть туристских информационных центров» — «Туринфонет» (Tourism Information Network — TourInfoNet) был направлен на создание сети информационных киосков в регионе действия программы и использования данной технологии в муниципалитетах Калининградской области. В рамках проекта в семи муниципальных образованиях области установили информационные киоски, которые наполнили оригинальным информационным контентом, также созданным в рамках проекта. Данное нововведение создало условие для усиления информированности туристов и повышения оперативности получения информации о туристском потенциале местности, а сеть киосков позволила объединить в единую информационную систему приграничные регионы Литвы, Польши и России [2].

2) внедрение новых материалов;

В качестве примера можно рассмотреть внедрение новых видов деятельности (туризма), до этого не получивших развитие на данной территории в силу инфраструктурных и институциональных ограничений. Поскольку все проекты ЕС имеют своей целью устойчивое развитие, то новые формы и виды туризма, безопасные для окружающей среды, оказывающие на нее щадящее воздействие, являются инновационными. В рамках исследуемой программы все проекты, принятые к финансированию, отвечают принципам устойчивого развития. Устойчивое развитие приграничного туризма заявил проект «Улучшение инфраструктуры общественных территорий с целью усиления туристской привлекательности приграничного региона» (Improvement of public areas' infrastructure to increase tourism attractiveness in the cross-border region). Данный проект ориентирован на создание экологических площадок (концертных и выставочных залов под открытым небом) для проведения мероприятий, ориентированных на туристов и отдыхающих, позволяя создать новые точки притяжения для привлечения туристов [1].

3) открытие новых рынков;

Следует обозначить, что развитие яхтенного туризма является в значительной степени инновационным направлением развития туристской сферы деятельности. В этой связи рассмотрение проекта «Возможности и преимущества совместного использования Вислинского залива» (Opportunities and Benefits of Joint Use of the Vistula Lagoon) может рассматриваться в качестве подтверждения инновации в сферу туризма.

4) подрыв монополии конкурентов;

Привлекательность многих туристических маршрутов состоит в том, что они проходят через территорию нескольких государств. В этом плане выгодно отличаются Скандинавские страны и бывшие страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония), предлагающие совмещенные маршруты. Вместе с тем в силу геополитических условий Калининградская область продолжительное время (вплоть до 1990-х гг.) оставалась «белым пятном» на карте Балтийского региона. Это Программа приграничного сотрудничества нацелена на выявление проблем, препятствующих разработке совместных трансграничных туристических маршрутов, на содействие внедрению направлений туризма, получивших признание в других регионах Балтики [1]

5) совершенствование организации и управления.

В подтверждение можно привести пример проекта «Перекрестки 2.0» (CrossRoads 2:0), в рамках которого была осуществлена переподготовку гидов-экскурсоводов из Литвы, Польши и России, специализирующихся на регионе Юго-Восточной Балтики с последующей возможностью аккредитацию, позволяющей работать на всей трансграничной территории

(не ограничиваясь пределами своей страны). Данная инновация позволит сделать трансграничные туристические маршруты более привлекательными [1]

Резюмируя следует подчеркнуть, что Программы приграничного и многостороннего сотрудничества, нацеленные на стимулирование взаимодействия между людьми, проживающими по разные стороны границы, — уникальные инструменты, позволяющие развивать местные и региональные инициативы территорий. Участникам проектной деятельности предоставляется конкурентное преимущество — возможность использовать зарубежный опыт и привлекать дополнительные источники финансирования.

Литература

1. Кропинова Е.Г. Сотрудничество между Россией и ЕС в сфере инновационного развития туризма на примере программы приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия» // Балтийский регион. 2013. № 4 (18). С. 67—80.
2. Кропинова Е.Г. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике. Монография. Калининград, 2016. С. 272
3. Степанова С. В. Трансграничные туристские маршруты: возможности Северо-Запада России // Балтийский регион, 2017. Т. 9, № 4. С. 129—151. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-7
4. Шлапек Е.А., Степанова С.В. Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия - Северная Карелия, Финляндия) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018/ Т. 9, № 3. С. 39—48. DOI: 10.18721/JHSS.9304

References

1. Kropinova E.G. Cooperation between Russia and the EU in the field of tourism innovation development on the example of the cross-border cooperation program Lithuania - Poland - Russia // Baltic Region. 2013. No. 4 (18). S. 67-80.
2. Kropinova E.G. Transgranichnye turistsko-rekreacionnye regiony na Baltike. Monograifya. Kaliningrad, 2016. p. 272
3. Stepanova, S.V. Cross-border tourist routes: the potential of Russia's North- West // Baltic Region 2017 Vol. 9 . No. 4, p. 97-112. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-7
4. Shlapeko E.A., Stepanova S.V. Formation of cross-border socio-cultural space of Karelia (Republic of Karelia, Russia – North Karelia, Finland, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 9 (3) (2018) 39–48. DOI : 10.18721/JHSS .9304

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сухарев Михаил Валентинович

Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы приграничного сотрудничества в условиях роста цифровой экономики. С одной стороны, рост доли ИКТ в общем объеме экономической деятельности, их глобальный характер, нивелирующий локальные экономические эффекты и ставящий под вопрос значение локальных факторов, затрудняет приграничное сотрудничество. С другой стороны, ИКТ предоставляют новые средства для информирования о перспективных направлениях инвестиций и организации взаимодействия экономических акторов приграничных регионов. Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №17-06-00691 А.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, цифровая экономика, глобализация, конкуренция, транзакционные издержки, логистика.

CROSS-BORDER COOPERATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMY

Sukharev, Mikhail

Institute of Economics of the Karelian Research Center RAS, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article considers the problems of cross-border cooperation in the context of the growth of the digital economy. On the one hand, an increase in the share of ICTs in the total volume of economic activity, their global nature, leveling local economic effects and calling into question the importance of local factors, makes near cross-border cooperation difficult. On the other hand, ICTs provide new tools to inform about promising areas of investment and organize the interaction of economic actors in border regions.

Keywords: cross-border cooperation, digital economy, globalization, competition, transaction costs, logistics.

Развитие цифровой экономики создает определенные проблемы для регионального бизнеса. Интернет делает возможным глобальный поиск товаров с очень низкими транзакционными издержками, онлайн-банкинг предоставляет возможность их оплаты, исключая (делая незаметными для клиента) явную необходимость выставления счетов, конвертации валюты и юридического сопровождения, глобальные логистические компании обеспечивают быструю и недорогую доставку. Интернет-торговля приводит к тому, что на локальных рынках появляются поставщики продукции из стран с дешевой рабочей силой по таким ценам, которые делают нерентабельной работу местных производителей.

Одновременно контрагенты из соседних стран переключаются от сотрудничества со знакомыми приграничными партнерами на фирмы из далеких стран, снижая уровень приграничной торговли.

Согласно отчету исследовательской группы AliResearch (подразделение Alibaba Group), глобальный рынок электронной коммерции B2C (бизнес - частный покупатель) к 2020 году увеличится до 1 триллиона долларов. В отчете исследователи прогнозируют, что эта все более популярная форма онлайн-покупок, которая влечет за собой переход потребителей в Интернет для покупки товаров непосредственно у зарубежных ритейлеров, создает ежегодный рост на 27 процентов в год и в ближайшие пять лет удвоит показатель мировых покупок B2C в целом. По прогнозу, к 2020 году более 900 миллионов человек по всему миру станут международными онлайн-покупателями, причем на их покупки приходится почти 30 процентов всех глобальных транзакций B2C [1].

Почему глобализация охватила мир на протяжении XIX - XXI века? Для этого есть две основные причины. Первая – развитие транспорта. Если вам приходится везти товары на телегах или верблюдах, то «глобализация» может быть только для очень дорогих за единицу веса товаров, таких, как пряности, шелк, бриллианты... поэтому в древнем мире

глобализация существовала только в этой узкой страте, работал «шелковый путь» с караванами, лошадьми и верблюдами.

Затем (во второй половине XIX века) тенденцию глобальных перевозок перехватили клиперы [2], доставлявшие чай (а также шелк и опиум) из Китая в Англию за 80 дней. Одновременно строились железные дороги, также резко ускоряющие перевозки и снижающие их стоимость.

Следующим этапом считается развитие контейнерных перевозок, когда товары доставляются от поставщика до получателя без ручной перегрузки с кораблей на железную дорогу в портах.

Вот как об этом пишут на сайте Всемирного экономического форума: «Когда дело доходит до заголовков о мировой торговле, речь идет о геополитике и тарифах, но, помимо всего этого шума, именно технологии производят сейсмический сдвиг в том, как торгует мир. В разрыве нет ничего нового. Контейнеровоз изменил правила игры, начиная с 1950-х годов. Быстрое улучшение транспортной инфраструктуры в течение второй половины двадцатого века сделало мир маленьким и устранило давние барьеры в торговле» [3].

В дальнейшем можно ожидать роста перевозок на самолетах, распространение скоростных железнодорожных магистралей (уже сейчас до 400 км/час) и возникновение вакуумного транспорта на магнитной подвеске (скорость до трех-пяти тысяч километров в час).

Но переход к глобальной торговле на уровне B2C, где нужно обрабатывать сотни миллионов заказов (как уже упоминалось, до 900 млн. покупателей), оплат (включая конвертацию валют) и посылок, был бы очень непроизводителен и дорог без использования цифровых технологий (Интернет, баз данных, цифровых денег, штрих-кодов и т.д.). Наиболее современные логистические центры уже используют компьютерное зрение и роботов для сортировки и временного хранения товаров [4].

Таким образом, совместное синергетическое действие повышения скорости и объемов грузовых перевозок и информационных систем привело к такому снижению транзакционных издержек, что эти барьеры перестают защищать локальный бизнес от глобальной конкуренции.

Предложения G20 [5] по развитию цифровой экономики и сотрудничеству включают следующие пункты:

1. Во время встречи в Анталии в 2015 году лидеры G20 признали, что мы живем в эпоху интернет-экономики, которая создает как возможности, так и проблемы для глобального роста. В 2016 году G20 рассмотрит пути коллективного использования цифровых возможностей, решения проблем и продвижения цифровой экономики для стимулирования всеохватывающего экономического роста и развития.

2. Цифровая экономика относится к широкому кругу видов экономической деятельности, которые включают использование цифровой информации и знаний в качестве ключевого фактора производства, современных информационных сетей в качестве важного пространства деятельности и эффективное использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в качестве важного фактора роста производительности и экономической структурной оптимизации. Интернет, облачные вычисления, большие данные, Интернет вещей (IoT), финтех и другие новые цифровые технологии используются для сбора, хранения, анализа и обмена информацией в цифровом виде и изменения социальных взаимодействий. Цифровые, сетевые и интеллектуальные ИКТ позволяют современной экономической деятельности быть более гибкой, адаптивной и умной.

3. Цифровая экономика переживает высокие темпы роста, инновации и широкое использование в других секторах экономики. Она становится все более важной движущей силой глобального экономического роста и играет важную роль в ускорении экономического развития, повышении производительности существующих отраслей, развитии новых рынков и отраслей и достижении инклюзивного и устойчивого роста.

4. Признавая существующие национальные, региональные и глобальные стратегии по цифровым и интернет-вопросам между различными заинтересованными сторонами, Целевая группа G20 по цифровой экономике (DETF) использовала уникальные преимущества G20, помогающее учесть как возможности, так и проблемы, возникающие в результате использования ИКТ, и предложить общее понимание, принципы и ключевые области для развития и сотрудничества цифровой экономики. «Большая двадцатка» поощряет общение и сотрудничество между своими членами и за пределами, чтобы быть уверенными, что сильные, динамичные и подключенные ИКТ обеспечат процветающую и динамичную цифровую экономику, которая стимулирует глобальный рост и приносит пользу всем.

Совет по региональному сотрудничеству юго-восточной Европы (The Regional Cooperation Council) считает, что цифровизация для регионов предусматривает повышение качества цифровых линий связи, устранение несовместимости ИКТ систем для обеспечения возможности развертывания трансграничных услуг электронного правительства и электронного бизнеса, усиление поддержки цифровизации отраслей, внедрение цифровых технологий и сокращение расходов на использование цифровых технологий и роуминг по всему региону. ... Интеграция отстающего в цифровом отношении региона в общеевропейский цифровой рынок требует обновленной нормативно-правовой базы, улучшенной широкополосной инфраструктуры и доступа к цифровым товарам и услугам, а также цифровой грамотности, чтобы раскрыть потенциал цифровой экономики [6].

В России также развиваются разнообразные инициативы и создаются проекты по развитию цифровой экономики.

Президент России 7 мая 2018 года подписал Указ №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года утвердил Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Указ президента и принятие Национальной программы активизировали деятельность по развитию различных аспектов цифровой экономики в России. Назовем здесь лишь некоторые из них.

Реализуется программа "Made in Russia" [7] призванная помочь лучшим производителям России выйти на международные рынки и гарантирующая зарубежному потребителю безопасность и качество товаров.

Благодаря строгим правилам системы сертификации "Made in Russia" только экологичная и надежная продукция, отвечающая высоким мировым стандартам, имеет возможность пройти экспертную проверку. Мы сотрудничаем с правительственными учреждениями и торговыми организациями для разъяснения и установления последовательной и правдивой практики маркировки.

Создана автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика», в числе учредителей которой Правительство России, Сбербанк, ВТБ, Почта России, Агентство стратегических инициатив, Мегафон, МТС и еще целый ряд весьма солидных организаций.

Следовательно, процессы цифровизации и глобализации будут углубляться и ускоряться. Но это создает проблемы для продолжения налаженного в приграничных регионах России сотрудничества с соседними странами.

Возникает вопрос: может быть, приграничное сотрудничество вообще теряет смысл в эпоху глобализации, поддержанной цифровыми (и транспортными) технологиями?

С другой стороны, эти же цифровые технологии создают новые возможности для углубления приграничного сотрудничества, более глубокой координации действий уже знакомых друг с другом партнеров. Но эти же возможности действуют по отношению к кооперации наших географически близких соседей с любыми другими лицами и организациями на Земле.

Непосредственное (оффлайн) общение людей пока еще предоставляет преимущества для более тонких и инклюзивных решений. Мозговые штурмы, часть которых проходит в

оффлайн-режиме, в котором люди лучше видят и слышат друг друга, позволяют делать предсказания и находить решения, которые не найти онлайн.

Дополнительные возможности дает знакомство с физическими производственными и лабораторными установками. В ряде случаев только это позволило найти причины проблем, которые долго не могли решиться в процессе дистанционных обсуждений. До тех пор, пока системы виртуальной реальности не достигли эффекта полного присутствия, приграничное сотрудничество должно максимально использовать возможности живого присутствия и общения.

Как говорят в народе «нужно чаще встречаться».

Литература

1. Cross-border e-commerce to reach \$1 trillion in 2020. Jim Erickson, Adam Najberg. June 11, 2015. <https://www.alizila.com/cross-border-e-commerce-to-reach-1-trillion-in-2020/>
2. Кэмпбелл Дж. Ф. Чайные клипера: Пер. с англ. = China Tea Clippers. — Л.: Судостроение, 1985 (2-е изд. — 2011). — 208 с.
3. Mendonca, V. Here's how we reboot digital trade for the 21st century/ 25.07.2019. // <https://www.weforum.org/agenda/2019/07/heres-how-we-reboot-digital-trade-for-the-21st-century/>
4. Меньшиков, М. Автоматизированные склады России: настоящее и будущее // Склад и Техника, №7, 2019.
5. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative <https://www.mofa.go.jp/files/000185874.pdf>
6. Digital Integration. The Regional Cooperation Council, https://www.rcc.int/priority_areas/7/digital-integration
7. Сайт программы: <https://www.madeinrussia.com/ru/about/>

References

1. Cross-border e-commerce to reach \$ 1 trillion in 2020. Jim Erickson, Adam Najberg. June 11, 2015. <https://www.alizila.com/cross-border-e-commerce-to-reach-1-trillion-in-2020/>
2. Campbell J. F. Tea Clippers: Per. from English = China Tea Clippers. - L.: Shipbuilding, 1985 (2nd ed. - 2011). - 208 p.
3. Mendonca, V. Here's how we reboot digital trade for the 21st century / 07.25.2019. // <https://www.weforum.org/agenda/2019/07/heres-how-we-reboot-digital-trade-for-the-21st-century/>
4. Menshikov, M. Automated Warehouses of Russia: Present and Future // Warehouse and Engineering, No. 7, 2019.
5. G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative <https://www.mofa.go.jp/files/000185874.pdf>
6. Digital Integration. The Regional Cooperation Council, https://www.rcc.int/priority_areas/7/digital-integration
7. Program website: <https://www.madeinrussia.com/en/about/>

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОВРЕМЕННОГО ПРИРОДО- И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Толстогузов Олег Викторович

*Институт экономики Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия
olvito@mail.ru*

Аннотация. В сообщении раскрыта природа экономической ренты, как фундаментальной характеристики экономического пространства. Показано, что в условиях современной либертарианской модели сформировались определенные баланс экстрактивных и инклюзивных институтов и соответствующая институциональная матрица, регулирующая порядок хозяйствования и природопользования. Следствиями этого являются дискриминация основной массы экономических агентов, присвоение транснациональными корпорациями основной массы капитала и деградация природы.

Ключевые слова: политическая экономия, современное природопользование, экономическое пространство, экономическая (дифференциальная) рента

TO THE QUESTION ABOUT THE POLITICAL ECONOMY OF CONTEMPORARY NATURE- AND LAND USE

Tolstoguzov, Oleg

*Institute of Economics of the Karelian Research Center of RAS, Petrozavodsk, Russia
olvito@mail.ru*

Abstract. The report presents the nature of economic rent as a fundamental characteristic of the economic space. It is shown that under the conditions of the modern Liberation model, a certain balance of extractive and inclusive institutions and corresponding institutional matrixes have been formed that regulate the economics and management of nature. The consequences of this are the discrimination of the bulk of economic agents, the appropriation by the transnational corporations of the bulk of capital and the degradation of nature.

Key words: political economy, modern nature management, economic space, economic (differential) rent

В резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [3], концептуально осознается, что социально-экономическое развитие зависит от рационального использования природных ресурсов нашей планеты. В то же время, исследуя тенденции и сравнивая их с представлениями о будущем человечества (в частности с концепцией устойчивого развития), констатируем, что сегодня преобладает производственный экстенсивный подход, формирующий техногенные тенденции экономического развития. Последние рассматриваются в широком спектре: от фронтальной экономики до концепции охраны окружающей среды и устойчивого развития.

Известно, что экологическая функция Кузнецца показывает зависимость деградации окружающей среды от доходов: при росте доходов уровень деградации окружающей среды сначала растет; а затем – по мере достижения определенного значения доходов - снижается. В то же время валовой мировой продукт за последние пятьдесят лет вырос более чем в сто раз. В то же время площадь залесенных территорий снизилась примерно на десять процентов, серьезно увеличилась площадь пустынь. Т.е. до сих пор сохраняется линейная тенденция в экологической функции. Почему так происходит? Ответ важен в связи с тем, что увеличиваются запросы общества: объемы использования природных ресурсов (воды,

земель, лесов) в ближайшие полвека увеличатся в разы; синхронно обострится проблема загрязнения и экологическая напряженность.

Для ответа на это вопрос рассмотрим эволюцию мирового хозяйства, применив для этого политэкономический анализ.

Эмпирические исследования показывают, что современное установление порядка хозяйствования в мире (и в России) происходит при следующих обстоятельствах.

Во-первых, превращение товарных рынков в рынки чемберлинского типа и усиление монополизации ведут к накоплению ликвидности в центре. Однако при этом экономика сырьевой периферии остается в состоянии инвестиционного голода и искусственного торможения капиталоемкого производства, подталкивая отток бизнеса с высокой добавленной стоимостью в центр, обладающего высокой ликвидностью. Поэтому периферийная промышленность (за исключением проектов транснациональных корпораций (ТНК), как правило, связанных с добычей и первичной переработкой природных ресурсов) повсеместно испытывает дефицит ликвидности. А отсутствие оборотных кредитов вводит их в состояние шока. Таким образом, происходит вытеснение добавленной стоимости из периферии в центр и стягивание к центру высокотехнологичной промышленности. Следствием этого является трансформация экономического пространства с общим трендом снижения его синергии и сопутствующим снижением роли обрабатывающей промышленности в периферии. Следствиями (для периферии) сложившегося поляризованного развития экономического пространства являются высокие издержки производства, недостаточность ликвидности, дефицит денежной массы и инвестиционных ресурсов, снижение качества трудовых ресурсов и отток населения, падение экономической активности и, в конечном счете, переход периферийных регионов в разряд депрессивных. Сформировавшаяся институциональная матрица регулирует финансовые потоки вполне определенным образом: в пользу финансовых центров.

Во-вторых, сегодня происходит новая промышленная революция и стремительная актуализация экономики знаний. Экономическое пространство в современном мире стало более проницаемым, увеличилась мобильность потоков, усилилась взаимозависимость агентов, расширился спектр видов экономической деятельности, чему немало способствует «цифровая промышленная революция», которая кардинально меняет мировое разделение труда и привносит на смену традиционным моделям бизнеса новые структуры (в частности распределенные системы). Ключевыми моментами экономики становятся концентрация высоких технологий, обеспеченные исключительным правом, и компетенции кадров, выраженная в умении концептуального мышления и высокого творческого потенциала в работе с информацией, а также в формировании и продвижении стандартов. Т.о. интеллект, обеспеченный национальной правовой системой, является драйвером нового порядка и новой экономики.

В то же время капиталистическое производство реализуется, не меняя своей фундаментальной сущности, а изменяясь в конкретно-исторических формах, обусловленных контекстами эволюционирующей природы социальных отношений. Данное обстоятельство стимулирует исследователей искать тому подходящие философские обоснования.

Первое направление - историко-социологическое (наиболее связанное с именем К. Маркса), когда деятельность социальных субъектов превращает слом политических конфигураций в кардинальные изменения производственных отношений. Это приводит к установлению нового порядка хозяйствования через институциональный хаос.

Второе направление формируется на фундаментальных основах шumpетерианского наследия. Оно полагает в фокусе исследований деятельность экономических субъектов, которые создают новый порядок за счет инициирования и тиражирования нововведений, обеспечивая их распространение при помощи рынков. Тем самым стимулируется процесс модернизации экономики в целом, поскольку «технологическая сопряженность входящих технологическую совокупность производственных процессов обуславливает синхронизацию их развития» [1, с.194]. Это обстоятельство, связанное с появлением базисных инноваций,

поддерживает эволюционный характер развития мирового хозяйства. При этом понимаем, что непрерывное изменение технологий еще недостаточно для остановки природной деградации.

Третье направление основано на институционально-эволюционной и геопроостранственной парадигме, методологически согласующихся в рамках мезоэкономического подхода в исследовании проблем эволюции социальных геосистем. При этом внимание исследователя фокусируется на мезоуровне экономических систем, а сама категория «мезоуровень» понимается как занимающая особое место в методологической дискуссии индивидуализма и холизма [2]. В данном контексте суть исследования заключается не в сравнении статистических распределений по величине средних, а в выяснении причин изменений в размещении производительных сил и причинно-следственных связей транзакций – движений в экономическом пространстве. В этом случае экономическое развитие представлено как переход в пространственно-временных координатах от одних основных правил к другим. При этом новые правила адаптируются, изменяются в рамках старого равновесия и приводят к возникновению новых институциональных равновесий в экономике, трансформации пространства экономических институтов, согласующих ритмику развития социальных и природных геосистем. В итоге формируется целостная стратегия как географический образ освоения пространства. При этом феномены современной экономики (зеленая, сетевая, цифровая и другие экономики) подталкивают к необходимости воспринимать и раскрывать категорию «капитал» (и связанные с ним категории) не только во временном, но и в геометрическом смысле.

Гносеологическая особенность мезоэкономического подхода проявляется в исследовании универсума (геоэкономического пространства) – совокупности иерархически соподчиненных взаимосвязанных объектов и эволюционно развивающихся геоэкономических инвариантов как совокупности присущих экономическому пространству свойств, которые сохраняются неизменными при преобразовании рассматриваемых объектов под влиянием внутренних и внешних факторов. При этом учитывается то, что отдельные элементы социальной геосистемы связаны. Однако тип связей в данном случае отличается от макро- и микроэкономических законов и определяется геометрией экономического пространства. Акцент делается на изменении предметности экономической теории, а именно сдвиге в исследовании с экономических систем агентов и элементов, задающих структуру взаимодействий агентов, на пространственно-институциональные процессы, воздействующих некоторым образом на состояние агентов и их взаимодействия, в целом на геоморфологию ландшафта экономического пространства.

Введение категории «экономическое пространство» в понятийный аппарат экономической науки существенно расширяет предмет исследования за счет включения в его состав ряда проблем, которые традиционно исследовались другими общественными дисциплинами: географией, демографией, социологией и др. Это, в свою очередь, позволяет представить экономические отношения во взаимосвязи с социальными, институциональными, историческими, культурными и другими определяющими их факторами.

Поэтому в результате онтологического расширения в объект анализа включаются не только экономические действия (производство, обмен, потребление, распределение), но и транзакции и влияющие на них социальные действия. Под транзакциями понимаем (в неинституциональном ключе) в разных смыслах (юридическом, экономическом, социальном, информационном, политическом) процесс перехода прав собственности, обмен данными и информацией, смену стадий деятельности в технологическом процессе, акт создания стоимости, социальные действия по поддержанию институциональных рамок, в которых осуществляется экономическая деятельность, издание административных актов и другие процессы и действия, влияющие на экономическое поведение [6].

При этом транзакции требуют формирования определенной институциональной среды, определяющей экономический порядок и форматы контрактов, предусматривающей

установление частного порядка в дополнение к действующему правовому порядку. В условиях несовершенной конкуренции это приобретает решающее значение и приводит к правовой инверсии, в части утверждения приоритетности частного порядка над общими правилами.

В конечном счете система экономических отношений опирается на определенную институциональную матрицу, в соответствии с которой происходит распределение ресурсов, капитала и иных результатов экономического процесса. Тогда примем, что движение капитала в пространстве не сводится к его простому перемещению. Требуется учесть природу транзакций и рассчитать транзакционные потери и регулирующие ограничения.

Для объяснения причин навигации и логистики транзакций в экономическом пространстве воспользуемся методом абстрагирования объекта анализа (экономического поля) до предельной категории. Предполагаем, что его характеристики сводятся к одной скалярной величине - экономической ренте (пространственно-временной функции капитала), характеризующей объект через значения рентной функции и условия, ее институционализирующие и социализирующие. Т.е. именно экономическая рента - предельная абстракция пространственно-временного универсума экономического поля.

В отношении природных ресурсов и земли рента выступает как плата за использование ресурса, когда его предложение в общем случае не зависит от величины платежа. При этом оплата его услуг целиком определяется не столько его спросом, а сколько соглашениями и прочими институциональными условиями. В широком смысле (если добавить экономическое время) экономическая рента – это выраженный в системе имущественных и неимущественных прав потенциал движения агента в экономическом пространстве, определяемый начальным и конечным положением агента и свойствами самого экономического пространства, и оцениваемый, в конечном счете, через рентную функцию, превращенную в цену производства. Поэтому рента фактора производства, например, земли, определяется не фактом ее использования, а возможностью максимально продуктивного использования имущественного права на «юридически связанные» с ней активы в контексте свойств экономического пространства с учетом ее градиента, институтов, барьеров входа на рынок, транзакционных издержек и иных регуляторов.

Вследствие неоднородности (морфологии) экономического пространства в отношении категории «экономическая рента» уместно применить понятие «дифференциальности» и ввести по аналогии с земельной рентой «дифференциальную ренту первого и второго рода» (как это предложено в работе [5]). Причиной такой ренты является монопольная власть, которая проявляется в установленных правилах торговли и структуре отраслевых рынков. При этом дифференциальные ренты 1 и 2 (далее ДР1 и ДР2) отличаются по условиям образования и по способу распределения и присвоения в соответствии с установленным порядком хозяйствования, действующими экстрактивными и инклюзивными политическими и рыночными институтами. ДР1 связана с естественными различиями экономического потенциала территорий, запасами природных ресурсов. Условия ее возникновения состоят в более высоком экономическом потенциале территории и соответствующей (архитектонике экономического пространства) высокой экономической ренте. При этом она возникает не столько от природных ресурсов, а сколько имущественных (и зависимых) прав. Она (за минусом издержек) переходит в руки реального собственника в соответствии с сформировавшимся портфелем имущественных прав и действием экстрактивных и инклюзивных политических институтов.

Экстрактивные политические институты способствуют концентрации власти в центре (центрах) принятия решений и не ограничивают его в том, как и на что это власть может употребляться. В свою очередь, этот центр формирует международную (и межрегиональную) торговлю и конструирует экстрактивные рыночные институты, которые позволяют ему откачивать экономическую ренту из периферии, создает административные и экономические барьеры и в целом ограничивают круг бенефициаров рыночной экономики узким кругом субъектов, и которые в целом поддерживают «экспроприацию» ренты у

периферийных субъектов. Инклюзивные (распределяющие власть по экономическим субъектам) политические институты будут неизбежно разрушать основу таких экономических институтов, примеры инклюзивного института: соглашение о разделе продукции, лицензия с особыми условиями.

ДР2 возникает при различной производительности добавочных вложений капитала (инвестиций) и транзакциях, способствующих увеличению экономической ренты. Она распределяется в соответствии со структурой рынка, правил торговли, сформированных под действием экстрактивных и инклюзивных рыночных институтов. Т.о., институционально продвинутый стандарт (обеспеченный национальной правовой системой, например США) становится дополнительным регулятором результативности транзакций. Целью цифровизации экономики является унифицирование стандартов (причем, не только технологических, но и определяющих логику транзакций). За счет данных обстоятельств, усиливающих рыночную власть, лицензиар забирает не только ДР2, но и становится бенефициаром немалой части ДР1 (см. вышеприведенные результаты эмпирических исследований)!

С одной стороны ДР2 как бы предполагает интенсивное ведение хозяйства, дополнительное вложение капитала, как следствие - рост экономики, увеличение экономической ренты, прибыли, бюджета и, в конечном счете, развитие зеленой экономики. С другой стороны, монополия (в общем случае олигополия) через действие экстрактивных институтов изымает дополнительный прирост ренты. Кто мешает такому монополисту как АО РЖД поднять тарифы, а олигопсонии (например, картелю инвестиционно-строительных корпораций) занижать цену на поставку сырья? Собственно так и происходит - это видно из анализа контрактов поставщиков сырья [5].

Поэтому для справедливого распределения данной ренты необходимо стимулировать развитие инклюзивных институтов. Это возможно, только если будет поставлена цель – защита национальных (и региональных интересов) в контексте национальной безопасности, в повестку которой входит конвергенция развития различных частей экономического и социокультурного пространства в контексте зеленой экономики (а не только в интересах мегаполисов и крупных корпораций).

Институциональное установление на рынках чемберлинского типа определенного порядка присвоения имущественных прав и соответствующее присвоение монопольной прибыли (или просто сверхприбыли), принимающей рентную форму и утекающей из периферии (в центры с рыночной властью), является причиной того, что периферия экономического пространства оказывается в условиях дискриминации, стагнации и природной деградации. Неэффективность государственной политики обусловлена тем, что большинство реальных рынков - это рынки несовершенной конкуренции, где сфера правительственного вмешательства сама по себе плохо определена (из-за институционально доминирующей повсеместно в мире либертарианской модели экономики). Сегодня она ограничивается только антимонопольным законодательством и некоторыми формами «рыночного регулирования» (налоги и субсидии, стандарты минимума качества и т. п.) [4]. Другие инструменты, такие как цены, вход на рынок или экономическое регулирование на уровне контрактов фирм и институциональных соглашений (например, институт лицензирования и другие инструменты аллокационной политики государства) используется явно недостаточно, поскольку это может ограничить аппетиты ТНК. Следствиями этого являются дискриминация основной массы экономических агентов, присвоение ТНК основной массы капитала и деградация природы.

Т.о. в результате поляризационного развития как следствия действующей либертарианской экономической модели появляются высокооплачиваемый (по величине присваиваемой ренты) финансовый, управляющий стандартами центр и низкооплачиваемая периферия (рента снижается до нуля) с непрекращающимся оттоком капитала и деградацией природы и нарастание экологической напряженности.

Чтобы начинать двигаться в сторону реального разрешения противоречия между экономикой и природой, необходимо следующее:

во-первых, концептуально пересмотреть основы действующей (либертарианской) экономической модели,

во-вторых, научиться «читать» географические карты; т.е. в качестве существенных элементов требуется дополнить производственно-технологическое стратегирование геоэкономическим и геополитическим.

Работа выполнена на средства гранта РФФИ № 19-29-05153 мк.

Литература

1. Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М.: Книжный мир, 2018. – 640 с.
2. Кирдина С.Г. Методологический институционализм как новый принцип анализа сложных социальных систем на мезоуровне // TERRA ECONOMICUS. 2016. Т.14. №1. С. 98-108.
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 25.09.2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf
4. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: Теория организации промышленности / Пер. с англ. - СПб.: Экономическая школа, 1996. - 745 с.
5. Толстогузов О.В. Пространственное неравенство регионов и дифференциальная экономическая рента // Фундаментальные исследования. 2018. №10. С.112-116. DOI: 10.17513/fr.42290.
6. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной теории. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. - 702 с.

References

1. Glazyev S. Economy of the future. Does Russia have a chance? - Moscow: Book world, 2018. - 640 p.
2. Kirdina S.G. Methodological institutionalism as a new principle of analysis of complex social systems on the meso level // Terra economicus, 2016. Vol. 14. No. 1. P. 98-108.
3. General Assembly resolution of 25.09.2015 "Transformation of our world: 2030 2030". URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf.
4. Tyrol J. Markets and market power: the Theory of the organization of industry. - SPb.: Economic school, 1996. - 745 p.
5. Tolstoguzov O.V. Spatial inequality of regions and differential economic rent // Fundamental Researches. 2018. No. 10. P. 112-116. DOI: 10.17513/FR.42290.
6. Furubotn E.G., Richter R. Institutions and economic theory. Achievements of new institutional theory. - SPb.: ID of ST. Petersburg state University, 2005. - 702 p.

ПРИГРАНИЧНЫЙ ПОЯС КАК ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ РОССИИ

Толстогузов Олег Викторович

Институт экономики Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

olvito@mail.ru

Аннотация. В сообщении представлен приграничный пояс России как геостратегический объект. Приведены результаты анализ проблем и обозначены приоритеты при разработке стратегии развития геостратегического объекта, развивающегося в пространственно-временной размерности регионального комплексобразования на евразийском континенте.

Ключевые слова: приграничный регион, геоинвариант, экономическое и социокультурное пространство, геоэкономическая стратегия, идентичность

BORDER BELT AS A GEOSTRATEGICAL TERRITORY OF RUSSIA

Tolstoguzov, Oleg

Institute of Economics of the Karelian Research Center of RAS, Petrozavodsk, Russia

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

olvito@mail.ru

Abstract. The report presents the border zone of Russia as a geostrategic object. The results of the analysis of problems and priorities in the development of the strategy of geostrategic object developing in the spatial and temporal dimension of regional complex formation on the Eurasian continent are presented.

Key words: border region, geo invariant, economic and socio-cultural space, geo-economic strategy, identity

В Стратегии пространственного развития РФ приграничный пояс назван в качестве геостратегического объекта. Однако существующие на сегодняшний день стратегии развития (как приграничных регионов, так и страны в целом) не содержат целостного видения движущих сил пространственного развития, не отражают геополитических или геоэкономических, географических или исторических аспектов указанного геостратегического объекта. Это искажает управленческие решения по пространственному развитию регионов, оставляя без внимания, как глобальные тенденции, так и глубокие противоречия их внутреннего развития. В частности не учитывается их этнокультурная идентичность, ментальные и духовные различия, не производится согласование стратегий регионов по культурным кодам и т.д. в то же время по утверждению вышеназванной Стратегии они являются (должны являться) частями системно объединенного, целостного объекта, имеющего геостратегический статус. В то же время существующий порядок разработки региональных стратегий ориентирует в первую очередь на производственные аспекты без учета глубины происходящих процессов в обществе. Он основывается на упрощении процесса планирования путем существенного сокращения характеристик территорий, представляя их как производственные цеха, а не как социальные геосистемы, не как географо-историко-культурные конструкторы. Поэтому требуется методологически (и ментально) восстановить целостность представления объекта стратегического планирования и предложить методические подходы к выявлению проблем и стратегических приоритетов пространственного развития с учетом всех современных вызовов и всех внутренних контекстов.

Приграничные регионы - это не отдельные «изолированные острова», а целостные конструкторы, развивающиеся в пространственно-временной размерности регионального

комплексообразования на евразийском континенте, причем обладающими важными особенностями. Они становятся не просто институционализированными (включая согласование институтов сопредельных территорий) в определенном контексте национальной безопасности и евразийского регионального комплексообразования, но и будучи достаточно глубоко интегрированным в глобальные конструкции, формируемые на основе «расширения» контактной функции границы, выполняют важнейшую геополитическую роль России – поддерживают пространственные (географические) образы и культурные коды «русского мира». В этом смысле и надо понимать введенное понятие – приграничный пояс России. Поскольку, стратегия развития территории имеет географическое измерение, то в новых геополитических условиях к приграничному поясу России надо подходить как к единому стратегическому объекту, находящемуся под постоянным геополитическим воздействием, выполняющим геополитическую роль зоны контроля лимитрофа и форпоста в реализации российских геополитических проектов, а также пояса защиты своих (российских и региональных) интересов.

Приграничный пояс России составлен в основном из периферийных территорий, которые менее заселены и недостаточно развиты в социально-экономическом отношении. Экономико-географический анализ показал, что разреженность экономического пространства приграничных регионов, высокие хозяйственные риски и отсутствие необходимой динамики в их развитии нарушает связность экономического пространства страны, создает наряду с внешними дополнительными вызов экономической безопасности России. В экономическом смысле они выступают как бы структурным барьером, препятствующим эффективному вхождению России в мировую экономику [Приграничная периферия, 2018].

Таким образом ситуация в приграничной периферии, сложившаяся в результате совокупного действия внешних и внутренних тенденций, может быть охарактеризована скорее как ограничивающая возможности и роль регионов как полноправных участников геоэкономических и геополитических проектов. В этой связи отметим противоречие между функциональной ролью приграничной территории как своеобразного моста для взаимодействия и интеграции и ее проблемным состоянием, при котором трансграничное сотрудничество до сих пор остается практически слабо реализованным ресурсом.

В прошлые времена граница выполняла функцию барьера для материального проникновения жесткой силы. Сегодня барьер преобразуется в активную мембрану, противодействуя проникновению идеологических кодов и, в свою очередь, продвигая свою культуру с помощью мягкой силы. В результате глобализации и действия коммуникационных технологий граница становится маркером идентичности. Граница – не простая линия на карте. Это передний фронт столкновения культурных кодов, цивилизационных конфликтов. Граница обозначает индикаторы взаимодействий в условиях вызовов, воспринимаемых в контексте понятий времени и пространства. В этом смысле география (как фактор) имеет большое значение. Инструментом освоения и присвоения властью пространства выступают географические образы – устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности. В соответствии с вызовами эти образы изменяются и, как следствие, изменяются идейные основания и выстраиваются соответствующие механизмы государственного управления. Важнейшим инструментом управления являются коммуникационные технологии.

В этой связи необходимо не только соответствующее институциональное строительство, а также эффективное применение инструментария мягкой силы. Последнее имеет значение не только по причине стабильного развития социокультурного пространства, но и по причине увеличения антропогенных мобилей (перемещения людей), которые сегодня все больше проявляют свойство инструмента геополитики и в этой связи становятся в отношении приграничных территорий важнейшим фактором, влияющим и на экономику, и на социальную сферу. Поэтому начальным пунктом стратегических исследований территорий, на наш взгляд, должно быть изучение возникновения и эволюции

территориальных идентичностей. До сих пор при стратегировании развития территорий к ним подходят как к производственному цеху, в котором трудится абстрактная рабочая сила. В то же время общество – это сложный организм, поддающийся (а зачастую и не поддающийся) разным измерениям.

В новой парадигме приграничные регионы представляются форпостом национальной идентичности и плацдармом для трансляции культурных кодов во вне (в пекло конкуренции культурных кодов) в целях формирования и удержания не только географического контура русского мира, но и его пространственно-временного континуума как целостной системы. В таком случае глубина стратегических решений определяется масштабом оценки последствий действия «географии» и необходимой проработанностью механизмов управления экономическим пространством, формируемым на платформе идентичности в контексте национальной безопасности. Таким образом, граница – зона сопряжения (в целях дивергенции или конвергенции пространств) институциональных матриц, осуществляемого в целях реализации коммуникаций экономически и культурно организованных пространств в контексте формирования региональных комплексов. Границу и приграничность надо воспринимать как элемент пространства, который стимулирует (в геоморфологическом смысле) рельефообразование и возникновение геоинвариантов в экономическом и социокультурном пространстве.

Это становится чрезвычайно актуальным в условиях современных вызовов периферии России, когда ситуация в периферии, сложившаяся в результате совокупного действия внешних и внутренних тенденций, может быть охарактеризована скорее как ограничивающая возможности и роль регионов как полноправных участников геоэкономических и геополитических проектов РФ. В этой связи отметим устойчивый тренд серьезного отрыва активно развивающихся центральных территорий от отстающей периферии с «выпадением» приграничной периферии из общего эволюционного ритма развития российского пространства. Все это является причиной снижения геоэкономической субъектности и ослабления «иммунитета» данных регионов.

Приграничные периферийные регионы с ослабленным «иммунитетом» становятся более уязвимыми к внешней культурной и идеологической экспансии. Учитывая практику постоянного «продавливания» (своих интересов) со стороны США и других стран западного блока, можно ожидать уже в ближайшем будущем нарастающий вал территориальных претензий соседних с Россией стран и активизацию когнитивной войны (первый этап которой проявляется в нарастании экспансии культурных кодов извне на российскую территорию для создания инверсий в ее социокультурном пространстве).

Интеграционные процессы, происходящие по периметру российских границ, относятся к макроструктурным возможностям для становления внутригосударственных регионов Российской Федерации в качестве акторов трансграничного сотрудничества. В то же время последнее до сих пор остается практически нереализованным ресурсом. Обязательным условием активизации трансграничного сотрудничества и успешного развития является адекватная федеральная политика, направленная на изменение устаревших базиса и структуры экономики, исправление фрагментарности экономического пространства. Российское законодательство в области внешней политики обеспечивает правовую основу международной политики субнациональных акторов, но без учета особенностей отдельных субъектов Федерации. Если в Европе приграничное и трансграничное сотрудничество воспринимается как компетенция региональных и местных властей, то в России сохраняется контроль международных связей региона со стороны государства.

Тем не менее, полагаем, что собственно приграничный регион обладает субъектностью (властные полномочия, введение институтов), однако как объект он не является монообъектом, т.е. скорее он есть результат фазового перехода или пересечение и соединение разных геоэкономических процессов (с пространственно-временной непрерывностью с не просто одинаковыми, но когерентными свойствами), синхронно эволюционирующих. Этот процесс отражается в некой геометрической фигуре

(геоинварианте) - области компетенции (не совпадающей с областью властных полномочий) и геоэкономического действия (расширяемого через интеграционные процессы, приграничное сотрудничество, глобальную инфраструктуру, новую регионализацию и т.д.), определяющего контуры формирования зоны влияния.

Чтобы усилить «иммунитет» приграничных периферийных регионов необходимо разрешить системные противоречия в институциональном дизайне государственного управления. Необходимо разрешить системное противоречие между принципами федерализма, централизацией власти в России и необходимостью увеличения автономности региональных и особенно местных властей в целях повышения эффективности их экономик за счет внешних экстерналий, в том числе за счет приграничного сотрудничества. Необходимо увеличить вариативность институтов приграничного сотрудничества, вплоть до институционального принятия приграничной торговли. Сегодня уровень местного самоуправления (учитывая их полномочия и ресурсы) недостаточен, чтобы эффективно участвовать в приграничном сотрудничестве. В то же время именно местное самоуправление в европейской практике является активным игроком приграничного взаимодействия. По этой причине в России большое количество актов взаимодействия в сфере приграничной торговли уходит в тень и не становится системообразующим фактором местной экономики. В этом случае требуется найти специальные решения для устранения противоречий и решить институциональные задачи. Если приграничные муниципальные районы смогут получить статус особых зон, то это даст возможность в условиях действующего законодательства для приграничных территорий предоставить определенные преференции. Кроме того в рамках действующего законодательства имеется возможность за счет придания преференций резидентам функциональных зон и форм государственно- и муниципально-частного партнерства разрешить возникшие институциональные и социально-экономические проблемы.

Глобальный мир быстро меняется. Происходит усиление геополитической напряженности, постепенная смена форматов мировой торговли, формирование нового экономического уклада в сочетании с новыми формами движения капитала. В условиях нестабильной экономики происходит непрерывная трансформация экономического пространства и общественных институтов, которые определяют контуры экономически и культурно самоорганизованных больших пространств, элементы которых соединены в экономические процессы, объединенные общими социально-экономическими интересами и стратегическими целями. Исходя из сложившихся геополитических и геоэкономических условий, должна выстраиваться стратегия приграничных регионов России. В условиях динамичной трансформации экономического пространства реализация потенциала контактной (приграничной) зоны может и должна создать источник возрастающей отдачи и положительных экстерналий для решения проблем периферийных приграничных территорий и придать дополнительный серьезный фактор их социально-экономического развития.

Успешное развитие приграничных регионов в значительной степени зависит от эффективного использования приграничного и трансграничного сотрудничества и элиминирования угроз, связанных со вступлением региона в систему международных экономических отношений с определенным экономическим и культурным базисом, соответствующим сложившемуся социально-экономическому генотипу, основой которого выступает определенный тип воспроизводства, региональные интересы, устойчивая региональная идентичность.

Обеспечение устойчивого и безопасного развития регионов предполагает новый институциональный дизайн управления их экономическим потенциалом, как на государственном уровне, так и уровне отдельных субъектов. В частности, стратегия не должна ограничиваться базовыми технологиями, но и охватывать замыкающие технологии, т.е. гуманитарные. В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать консолидации российского и местного сообщества в российском идеологическом ключе, экспансии своих культурных кодов,

усилению политики протекционизма в условиях трансформации социокультурного пространства. Это создает новый контур для общественного договора, интегральным субъектом которого является гражданское общество. При этом роль все больше играют не только особенности конкретного общества, но и процессы социальной инженерии. Это имеет значение в условиях постмодернизма и глобализации, формирующей новый мировой порядок, и регионализации, которую рассматриваем в контексте формирования социокультурных и экономических связей на основе не только географической близости и расположенности территорий, но и институциональной и социокультурной близости (или степени неразобченности) и идентичности.

Такой подход позволяет вычлениить нечеткие формы в регионализации, найти пути в согласовании и гармонизации институтов и культурных кодов. Тогда граница – ключ к решению глобальных проблем, возникающих в контексте создания региональных комплексов безопасности. Последние понимаем в контексте концепции Б. Бузана [Buzan, 1991] и необходимости сопряжения институциональных дизайнов на региональном уровне (в пределах полномочий сопредельных территорий). При этом обязательно принять во внимание, что международные нормы и договоры не имеют приоритета перед Конституцией Российской Федерации и национальными интересами. Согласно ч.1 ст.15 Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу. В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов необходимо способствовать утверждению культурных кодов российской нации, ее экспансии, усиливать интегративность сообщества и политику протекционизма при согласовании институтов сопредельных территорий.

Для ответов на современные вызовы необходимо подготовить соответствующее системное решение. Поэтому при планировании необходимо одновременно учесть следующие аспекты глобальных вызовов и сфокусировать усилия на превентивных (по отношению к системным рискам) действиях в следующих аспектах:

1) геополитическом: необходимо удержать свою роль в геополитических проектах России, в регионализации и интеграции России на евразийском континенте, в установлении контроля лимитрофа, для чего поддерживать взаимовыгодные экономические, культурные и прочие связи с сопредельными территориями и синхронно и сопряжено (с другими регионами) встраиваться в формируемые геополитические проекты, в мировые региональные блоки с достаточно проработанной глубиной (как в пространственном так и во временном отношении) стратегических решений. Инструментом реализации стратегии (способа освоения и присвоения властью пространства) выступают географические образы - устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности. В соответствии с вызовами эти образы изменяются и, как следствие, изменяются идейные основания и выстраиваются соответствующие механизмы государственного управления.

2) геоэкономическом: помимо ответа на технологический вызов и становления экономики знаний, требуется сопряжение результатов традиционного (с некоторыми новациями, связанными с открытием границы) размещения производительных сил с новыми торговыми путями и жесткими требованиями мировой экономики, сдвигами в экономическом пространстве, поскольку разреженность экономического пространства и высокие хозяйственные риски нарушают связность экономического пространства страны, создают наряду с внешними дополнительный вызов национальной безопасности России.

3) социокультурном: необходимо сформировать правильную политику в ответ на демографический вызов и влияние антропогенных мобилей. При этом следует обратить пристальное внимание на развитие общественных коммуникаций, на то, как с помощью социальных институтов закреплять найденные способы решения конфликтов и развить соответствующие механизмы «мягкой силы» и иные социальные технологии кооперации для формирования социокультурного пространства в контексте национальной безопасности.

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием КарНЦ РАН по теме «Методология системного исследования и управления развитием экономического и социокультурного пространства северного и приграничного поясов России в контексте национальной безопасности».

Литература

1. Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия / Под ред. О.В. Толстогузова. Петрозаводск: Издательство КарНЦ РАН, 2018. 241 с. URL: <http://economy.krc.karelia.ru/publ.php?id=18379&plang=r>
2. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in Post-Cold War Era. N.Y.; L.: Harvester Wheatsheaf, 1991. P.190

References

1. Border periphery Russia: geo-Economics, communications, strategy / Edited by O. V. Tolstoguzov. Petrozavodsk: publishing house of the Karelian scientific center of RAS, 2018. 241 p. URL: <http://economy.krc.karelia.ru/publ.php?id=18379&plang=r>
2. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in Post-Cold War Era. N.Y.; L.: Harvester Wheatsheaf, 1991. P.190

ГЕОГРАФИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Требушкова Ирина Егоровна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет», г. Курск, Россия
irinatrebushkova@ya.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные направления развития сельского хозяйства приграничной Курской области. Произведен анализ наиболее развитой и перспективной отрасли сельского хозяйства – растениеводческой, имеющей выгодные природные, экономические, социальные условия для её развития.

Ключевые слова: Курская область, растениеводческая отрасль: зерновые культуры, сахарная свекла, картофель; животноводство.

GEOGRAPHY OF AGRICULTURE OF THE KURSK BORDER

Trebushkova, Irina

*Federal state budgetary educational institution of higher education «Kursk state University»,
Kursk, Russia*
irinatrebushkova@ya.ru

Abstract: The article considers the main directions of agricultural development in the border region of Kursk. The analysis of the most developed and promising sector of agriculture - cropp production, which has favorable natural, economic, social conditions for its development.

Keywords: Kursk region, plant growing industry: cereals, sugar beats, potatoes; livestock.

Приграничные территории, являясь частью страны, вбирают в себя как общие тенденции ее экономического и социального развития, так и обладают особенностями их проявления, обусловленными своеобразием своего нового положения. Возникнув на староосвоенной территории, они не свободны от наследства, оставленного длительной историей заселения и хозяйственной деятельности. Разные участки российско-украинской границы имеют неодинаковые стартовые условия для фактического закрепления статуса приграничности. Относительно низкая концентрация хозяйства и расселения в приграничных районах привела к своеобразию формирования хозяйственных связей. Преобладающие центростремительные тенденции принуждали даже самые отдаленные населенные пункты ориентироваться на административные центры «своей» республики независимо от их удаленности. Одним из механизмов такой регуляции были языковые ограничения, накладывавшиеся реальными условиями жизни и вписывавшимися в понятие комфортности условий жизнедеятельности (при выполнении, например, служебных обязанностей, во время учебы и т.д.).

Курскую область России и Сумскую область Украины разделяет 145 км государственной границы. В административном отношении порубежные земли входят в состав Хомутовского, Рыльского, Глушковского, Кореневского, Суджанского и Беловского районов с российской стороны и Глуховского, Путивльского, Сумского и Краснопольского районов – с украинской.

Общая площадь приграничных с Курской областью украинских административных районов в 1,5 раза превышает площадь российских, что пропорционально площадям среднестатистических районов [9].

Курская область считается старейшим регионом сельскохозяйственного производства. Природные условия оказали влияние на развитие, специализацию и территориальную организацию сельского хозяйства и АПК в целом. Земельные ресурсы региона являются основным средством производства в сельском хозяйстве. Развитию земледелия способствует равнинный рельеф территории области, преобладание плодородных черноземов (73%), оптимальное соотношение тепла и влаги. Вся территория Курской области оценивается как благоприятная для различных видов сельскохозяйственной деятельности.

Агропромышленный комплекс Сумской области имеет стойкие и стабильные предпосылки для достижения высокой эффективности сельскохозяйственного производства и является одной из важных отраслей экономики всего региона Украины. Такими предпосылками являются ее плодородные почвы (мощные черноземы занимают в области 36% пашни), выгодное географическое расположение, благоприятные для сельского хозяйства природные и климатические условия. Традиционное сельское хозяйство Сумской и Курского регионов базируются на растениеводстве (возделывание технических и зерновых культур), животноводстве (производство мяса и молока, крупного рогатого скота, свиней, птицы).

Благоприятные природные условия (агроклиматические, почвенные) способствуют развитию растениеводства на территории Сумской и Курской областей. Земельный фонд Сумской области насчитывает почти 2,4 млн га (4% общей земельной площади Украины). Общая площадь сельскохозяйственных угодий Сумской области составляет свыше 1,7 млн га, из которой свыше 1,2 млн га – пашня [3]. Для Курской области данные показатели составляют 93,3% (2,6 млн га) и 74,7% (1,9 млн га) соответственно. На душу населения приходится около 2,3 га земель, в том числе 2,1 га сельскохозяйственных угодий, из них 1,6 га пашни. Эти показатели свидетельствуют о высоком уровне обеспеченности населения сельскохозяйственными угодьями, в том числе и пашней в Курской области. [10].

В агропромышленном комплексе Сумской области действует 9 агрохолдингов, 1150 сельхозпредприятий и 129283 домохозяйства [3]. Производством сельхозпродукции в Курской области занимаются около 156 крупных сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности с многоотраслевым укладом деятельности, за которыми закреплено 1868 тыс. га земли, 1356 крестьянско-фермерских хозяйств (257 тыс. га), 230 тыс. личных подсобных хозяйств населения (126 тыс. га), а также крупные агрохолдинги (751 тыс. га). В сельском хозяйстве Сумской области занято около 21,6 тыс. человек. Для Курской области доля занятых в данной отрасли больше на 4% (22,5 тыс. человек) [9].

Сельское хозяйство в России на протяжении многих лет находилось в кризисном состоянии, но на сегодняшний день наблюдается рост в ряде отраслей. Курская область является крупным производителем зерновых культур, сахарной свеклы, картофеля, овощей и является поставщиком сельскохозяйственной продукции в другие регионы страны. На долю сельского хозяйства приходится 20% валового регионального продукта Курской области [8].

В области возделывается свыше 63% зерновых, 9,2% подсолнечника, 7,2% сахарной свеклы, 4% картофеля (рис. 1). В структуре сельского хозяйства региона преобладает растениеводческая отрасль, удельный вес продукции которой в 2018 г. составил 57,8% [7].

Сельскохозяйственные организации специализируются в основном на производстве сахарной свеклы (94,3%), зерна (82,8%); а также картофеля, овощей, доля которых незначительна. Личные подсобные хозяйства производят 94,1% картофеля, 85,5% овощей, от общего объема производимой продукции [7].

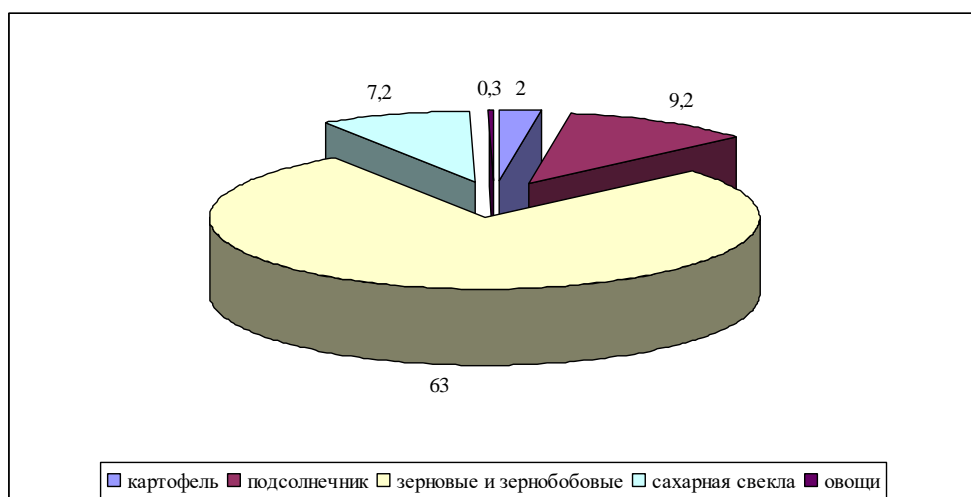

Рисунок 1. Структура посевных площадей сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий Курской области, % (2017 г.)

* составлено автором

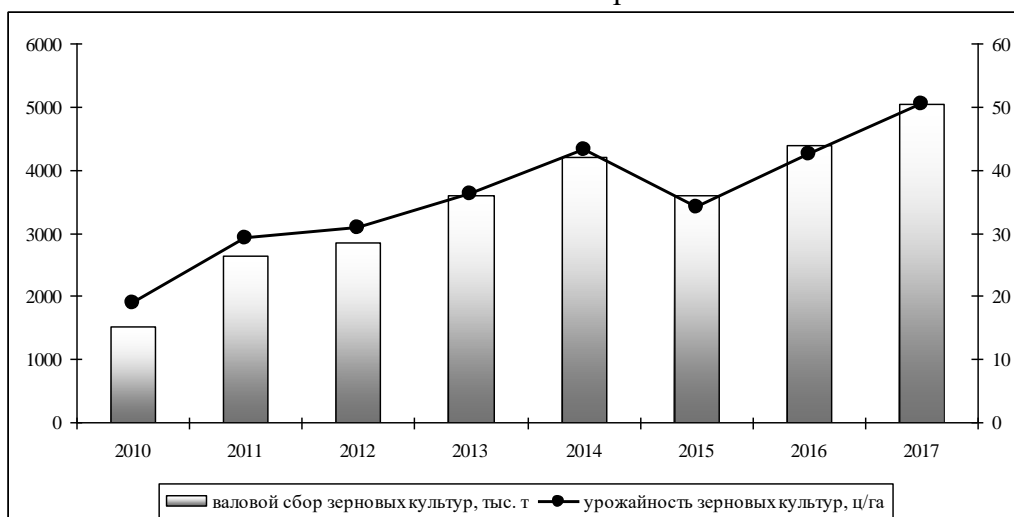

Рисунок 2. Динамика валового сбора и урожайности зерновых культур в Курской области в 2010 - 2017 гг. (в хозяйствах всех категорий)

* (составлено автором)

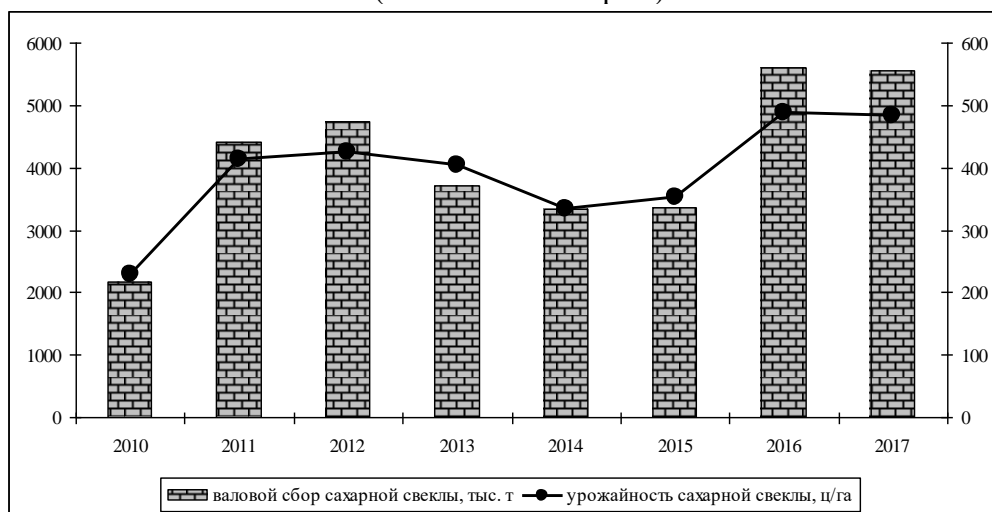

Рисунок 3. Динамика валового сбора и урожайности сахарной свеклы в Курской области в 2010 - 2017 гг. (в хозяйствах всех категорий)

* (составлено автором)

Регион занимает третье место в Центральном федеральном округе и находится на десятом месте в РФ по объемам производства аграрной продукции. По данным 2017 г. Курская область произвела 3,7% зерна от общероссийского сбора зерновых культур (7 место в РФ, 2 место в ЦФО, 2 место в ЦЧР, уступая Воронежской области) [6]. Среднегодовой валовой сбор зерна за период 2005-2017 гг. составил 3386 тыс. т. Валовой сбор зерна с 2005 г. по 2017 г. вырос более чем в 2 раза (см. рис. 2). Валовой сбор сахарной свеклы составил 5,5 млн т при урожайности 483 ц/га (3-е место в РФ) (см. рис. 3). Увеличение валовых сборов происходит за счет расширения площадей и роста урожайности.

В основе аграрной политики любой страны аграрный сектор экономики играет важную роль в жизнедеятельности общества. Сельскохозяйственная продукция является не просто товаром, она стратегический товар, одна из основ нормального существования и прогресса общества. Поэтому поддержка агропромышленного производства является важнейшей задачей экономической политики государства.

Бесспорной является ведущая роль государственного регулирования в таких сферах, как развитие сельской инфраструктуры, научно-исследовательские и проектные работы, образование и повышение квалификации, информационно-консультационное обеспечение, регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, внешней торговли. Государственная система поддержки цен и доходов производителей должна стимулировать эффективное производство, являться мотивом для производительного труда с использованием достижений научно-технического прогресса [2].

В агропромышленном комплексе Курской области реализуются крупные инвестиционные проекты по строительству животноводческих комплексов и перерабатывающих предприятий в районах области (ООО «Агропромкомплектация-Курск», ООО «Агропромышленный холдинг «Мираторг» и ряда других) [1].

В области благодаря государственной поддержке модернизируются сельскохозяйственные объекты, обновляется парк техники, развивается инфраструктура. Все это позволяет достичь стабильной рентабельности производства, вырастить высококачественную, экологически чистую продукцию.

В последние годы инвестиционно привлекательной является и отрасль животноводства. Регион занимает высокие позиции по производству мяса.

По объёму производства свинины в 2017 г. область занимала 2 место в России [6]. С 2013 г. производство скота и птицы выросло почти в 2 раза (рис 4). Объём вывоза агропромышленной продукции превышает ввоз в 2,8 раза [4].

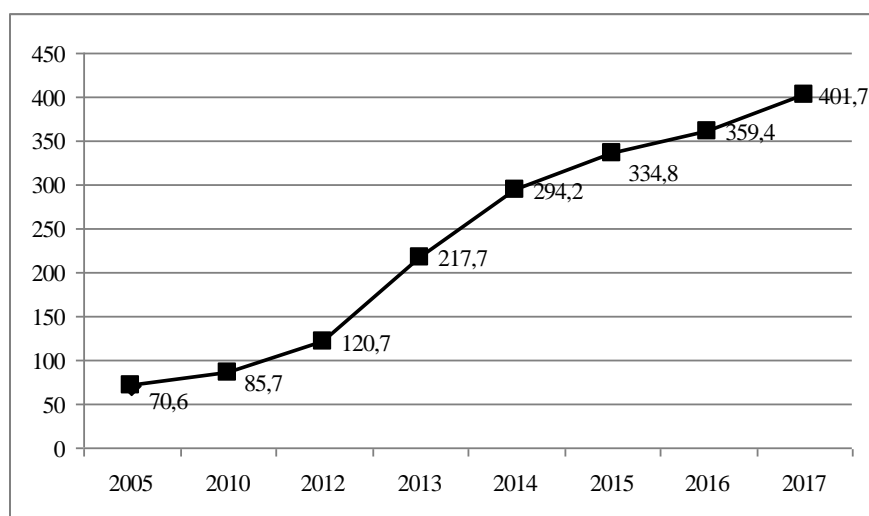

Рисунок 4. Производство скота и птицы на убой (в убойном весе) в Курской области в хозяйствах всех категорий, тыс. т

Создание благоприятной среды и комфортных условий для реализации проектов в агропромышленном комплексе Курской области осуществляет «Фонд Развития сельского хозяйства Курской области», основанный в 2017 г. специализированный (отраслевой) региональный институт развития агропромышленного комплекса, созданный с целью оказания комплексного содействия в развитии сельскохозяйственной отрасли Курской области.

Таким образом, агропромышленный комплекс Курской области в последние годы уверенно сохраняет ведущие позиции не только в Центральном федеральном округе, но и в целом по стране по производству зерна, сахарной свеклы, мяса. По объемам производства продукции сельского хозяйства регион находится на третьем месте в Центральном федеральном округе и на десятом в России, этот показатель в денежном выражении составляет около 130 млрд рублей. В настоящее время Курская область на 70% обеспечивает себя собственной сельскохозяйственной продукцией и изготовленными из нее продуктами питания, а также экспортирует ее в регионы России, страны ближнего и дальнего зарубежья. Продовольственная продукция ежегодно реализуется на сумму более 50 млрд рублей, при этом объемы ввозимой в регион продукции почти в 3 раза меньше транспортируемой за ее пределы [5].

Литература

1. Аналитическая записка об итогах социально-экономического развития Курской области за I полугодие 2018 года. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=82657 (дата обращения 10.09.2019 г.)
2. Государственная поддержка сельскохозяйственных предприятий. URL: https://knowledge.allbest.ru/agriculture/3c0a65625a3bd68b4d43b89521316c37_0.html (дата обращения 10.09.2019 г.)
3. Индекс АПК. Сумская область. URL: <http://agroportal.ua/publishing/analitika/indeks-apk-sumskaya-oblast> (дата обращения 15.09.2019 г.)
4. На новые высоты курскую экономику выводят сельское хозяйство и добывающая промышленность. URL: <http://zhel.city/news/economy/15481/> (дата обращения 02.09.2019 г.)
5. Постановление Администрации Курской области от 06.03. 2018 года N 176-па Об утверждении государственной программы Курской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Курской области» (с изменениями на 9 августа 2018 года). [Сайт]. – URL: adm.rkursk.ru/index.php?id=1164&mat_id=88210 (дата обращения: 12.09.2019)
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1162 с
7. Статистический ежегодник Курской области. 2018: Стат.сб./Курскстат. – Курск, 2018 – 424 с.
8. Требушкова И.Е. География пищевой промышленности. Монография Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. – 197 с.
9. Требушкова И.Е. Состояние природно-ресурсного потенциала для развития сельского хозяйства приграничных районов Курской и Сумской областей. Курск. гос. ун-т. – Курск, 2014. – С. 214-220.
10. Требушкова И.Е., Алферова И.А. Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: География. Геоэкология. – 2018. – №2. – С. 51-57.

References

1. An analytical note on the results of the socio-economic development of the Kursk region for the first half of 2018. URL: http://adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=82657 (accessed 10.09.2019)
2. State support for agricultural enterprises. URL: https://knowledge.allbest.ru/agriculture/3c0a65625a3bd68b4d43b89521316c37_0.html (accessed 10.09. 2019)
3. The agricultural industry index. Sumy region. URL: <http://agroportal.ua/publishing/analitika/indeks-apk-sumskaya-oblast> (accessed 15.09. 2019)
4. The Kursk economy is being brought to new heights by agriculture and mining. URL: <http://zhel.city/news/economy/15481/> (accessed 02.09. 2019)
5. Resolution of the Administration of the Kursk region of 06.03. 2018 N 176-pa On approval of the state program of the Kursk region “Development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets in the Kursk region” (as amended on August 9, 2018). [Website]. - URL: adm.rkursk.ru/index.php?id=1164&mat_id=88210 (accessed 12.09.2019)
6. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2018: Stat. Sat / Rosstat. - M., 2018. -- 1162 s
7. Statistical Yearbook of the Kursk region. 2018: Statsb. / Kurskstat. - Kursk, 2018 - 424 p.
8. Trebushkova I.E. Geography of the food industry. Monograph Kursk: Kursk. state Univ., 2013. – 197 p.

9. Trebushkova I.E. The state of the natural resource potential for the development of agriculture in the border regions of the Kursk and Sumy regions. Kursk. state un-t - Kursk, 2014 .– S. 214-220.
10. Trebushkova I.E., Alferova I.A. Bulletin of Voronezh State University. Ser .: Geography. Geoecology. – 2018. – No. 2. – S. 51-57.

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ПУТИ ИХ СНИЖЕНИЯ

Ускова Тамара Витальевна

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

tvu@vscc.ac.ru

Аннотация. В статье дан анализ влияния ключевых угроз, влияние которых существенно снижает экономическую безопасность Российской Федерации. Сделан вывод о том, среди ключевых угроз безопасности экономики России низкие темпы экономического роста, продолжающаяся примитивизация структуры, высокая зависимость от энергосырьевого сектора, технологическая отсталость индустриального сектора, недостаток инвестиций, низкая инновационная активность.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угрозы, экономический рост, структура экономики, промышленность, инвестиции, инновационность.

THREATS TO THE RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY AND THE WAYS TO REDUCE THEM

Uskova, Tamara

VolSC RAS, Vologda, Russia

tvu@vscc.ac.ru

Abstract. In this article, we analyze the impact of key threats which significantly reduce the economic security of the Russian Federation. We come to the conclusion that key threats to the security of the Russian economy include low rates of economic growth, ongoing simplification of the structure, high dependence on the energy-resource sector, technological backwardness of the industrial sector, lack of investments, low innovation activity.

Key words: economic security, threats, economic growth, economic structure, industry, investments, innovation.

Вопросы экономической безопасности не теряют своей актуальности на протяжении уже многих десятилетий. В настоящее время острота этой проблемы обусловлена противоречивыми тенденциями в политическом, экономическом и социальном развитии, которые складываются под воздействием новых демографических, технологических, экологических и других вызовов.

Эти вопросы находятся в поле зрения и научных сотрудников ВолНЦ РАН. Исследование проблем экономической безопасности выступает в качестве приоритетного направления исследований нашего Центра. На некоторых результатах исследований я остановлюсь в выступлении.

Теоретико-методологические основы экономической безопасности заложены в исследованиях ведущих отечественных и зарубежных ученых, среди которых Л. Абалкин, А. Архипов, А. Городецкий, В. Иванченко, Д. Львов, А. Куклин, П. Минакир, А. Михайленко, Б. Михайлов, А. Мызин, В. Тамбовцев, К. Самсонов, В. Сенчагов, А. Скопин, А. Татаркин и др.

В научной литературе представлены различные точки зрения относительно определения экономической безопасности страны. Однако их суть состоит в том, что авторы акцентируют внимание, прежде всего, на защищенности экономической системы от внешних и внутренних угроз, а также ее возможности развиваться. Следовательно, под экономической безопасностью страны можно понимать обеспеченность требуемого уровня национальной безопасности собственными финансовыми и другими ресурсами, создание благоприятных

условий для развития экономики и повышения уровня конкурентоспособности страны, защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз [1].

Обеспечение экономической безопасности – приоритетная задача государства, закрепленная в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года [2]. В документе подчеркивается, что «Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в число стран – лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешное противостояние влиянию внутренних и внешних угроз».

Главными стратегическими угрозами национальной безопасности России в области экономики названы: низкая конкурентоспособность экономики, сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, уязвимость ее информационной инфраструктуры, несбалансированность национальной бюджетной системы, регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях, ухудшение состояния и истощение сырьевой базы, сокращение добычи и запасов стратегически важных полезных ископаемых, прогрессирующая трудонедостаточность, сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции, неравномерное развитие регионов, снижение устойчивости национальной системы расселения.

На современном этапе развития экономической безопасности Российской Федерации подрывает еще и санкционная война. Растет давление на Россию со стороны западных государств. Чтобы выжить в этом турбулентном мире и занять достойное место в мировой экономической системе, Россия должна, наконец, преодолеть экономический застой и перейти к динамичному росту. Вместе с тем решить эту задачу не удастся в течение весьма длительного времени. Следовательно, низкие темпы роста российской экономики – одна из главных угроз экономической безопасности.

Анализ экономической динамики позволяет выделить два периода, существенно отличающиеся по темпам роста российской экономики до мирового финансово-экономического кризиса 2018 г. и после него.

Если период с 1999 по 2008 год ВВП России прирастал ежегодно в среднем на 6,9%, то за последние десять лет российская экономика практически не демонстрирует роста.

Минэкономразвития не ожидает существенного роста экономики в ближайшие 5 лет. Так, в обновленном прогнозе социально-экономического развития России Минэкономразвития прогнозирует рост ВВП в 2019 году на уровне 1,3%, в 2020 году – 1,7%, в последующие годы – чуть более 3%.

Прогноз роста российской экономики ухудшили и международные организации. Так, международное рейтинговое агентство Moody's снизило прогноз роста ВВП РФ на 2019 год с 1,6 до 1,2%. Согласно прогнозу глобального роста экономики, подготовленного МВФ, в 2019 г. прирост российской экономики составит только 1,5%. Во Всемирном банке полагают, что в 2019 году российская экономика вырастет на 1,8%.

Аналитики из Всемирного банка оценивают такой рост российской экономики как недостаточный, поскольку он в два раза ниже показателей роста мирового ВВП. При таких темпах роста отставание России от мира в целом увеличится в 2 раза, а от стран БРИКС – в 3 раза.

Еще в 2016 г, обращаясь к Федеральному Собранию, Президент РФ В.В. Путин подчеркивал: «... Мы столкнулись с серьёзными экономическими вызовами, с неблагоприятной конъюнктурой на мировых рынках, с санкциями, которыми нас пытались

заставить плясать под чужую дудку, как у нас говорят в народе, пренебречь своими фундаментальными национальными интересами. Однако повторяю, главные причины торможения экономики кроются, прежде всего, в наших внутренних проблемах. Прежде всего, это дефицит инвестиционных ресурсов, современных технологий, профессиональных кадров, недостаточное развитие конкуренции, изъяны делового климата». И поручил Правительству с участием ведущих деловых объединений не позднее мая будущего (т.е. 2017 г.) года разработать предметный план действий, рассчитанный до 2025 года, реализация которого позволит уже на рубеже 2019–2020 годов выйти на темпы экономического роста выше мировых, а значит, наращивать позиции России в глобальной экономике. Заканчивается третий квартал 2019 года. В итоге имеем следующее.

Самая мощная и большая экономика в мире у Соединенных Штатов Америки.

Самые высокие темпы роста демонстрируют Индия и Китай – более 7 и 6% соответственно. К 2030 году экономика Китая станет самой крупной в мире.

Российская Федерация теряет позиции в мировой экономике. Экономика страны уже не входит в первую десятку. Она занимает 12 место в мире.

При сохранении существующих тенденций Россия не сможет подняться на пятое место к 2024 г. А именно эту задача определена в майском Указе Президента РФ № 204 в числе основных целевых установок на предстоящий политический цикл.

На остроту этой проблемы указал также председатель Правительства Д.А. Медведев в сентябрьском интервью в ходе программы "Диалог" на телеканале "Россия 24". Он сказал: «Темпы развития экономики России в настоящее время не соответствуют уровню поставленных задач. В настоящий момент темпы, которые мы видим, не соответствуют прогнозам и тому, к чему мы стремимся».

Каковы же причины практически отсутствия роста российской экономики? По мнению большинства ведущих ученых и экспертов, снижение экономической активности и темпов роста российской экономики связано с ее структурой.

За годы рыночных реформ в отраслевой структуре российской экономики произошли кардинальные изменения. Основа российского бизнеса – крупные предприятия. У многих технологический цикл замкнут на использовании природных ресурсов. В результате, экономика страны ориентирована на экспорт сырья. Об этом свидетельствуют следующие данные.

Во-первых, в структуре ВВП России добыча полезных ископаемых достигла почти 13% (в 2018 г. – 12,9%). Существенно возрос удельный вес предпринимательских (рыночных) услуг, прежде всего финансового посредничества и операций с недвижимым имуществом, а также торговли. При этом сократилась доля обрабатывающих производств, по итогам 2018 г. она составляет 13,7%.

Во-вторых, сектор добычи полезных ископаемых и нефтепереработки обеспечивает более 60% всех поступлений от экспорта, более трети сальдированного финансового результата в экономике. Повышается показатель соотношения экспорта углеводородов к ВВП. Если в 2016 г. этот показатель составлял 12%, то в 2017 г. – уже 12,5%.

В-третьих, резко возросла значимость сектора добычи полезных ископаемых при формировании динамики промышленного производства. С учетом сектора нефтепереработки этот сегмент экономики в 2017 г. обеспечил свыше 70% от итогового роста промышленного производства.

В-четвертых, весьма велика зависимость бюджета страны от нефтегазовых доходов. По данным Счетной палаты РФ, в 2018 г. нефтегазовые доходы составляли уже более 45% от совокупных доходов. В первом полугодии 2019 года доля нефтегазовых доходов в общих доходах федерального бюджета составила 43,2%, уменьшившись на 2,4 п. п. по сравнению с показателем первой половины 2018 года. Вместе с тем высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры сохраняется.

Экономический рост государства обеспечивают входящие в его состав субъекты Федерации. В Вологодской области основной прирост экономики области обеспечила

промышленность, доля которой в ВРП составляет более 40%. По итогам 2018 г. промышленное производство превышало уровень 1991 г. более чем на 25%. В то же время потенциал роста региональной экономики весьма существенен. За годы реформ произошла существенная трансформация структуры экономики области. Удельный вес высокотехнологических отраслей значительно сократился. В настоящее время в структуре промышленности наибольший удельный вес занимают черная металлургия и химическая промышленность, предприятия которых во многом ориентированы на внешний рынок, на вывоз продукции более низких стадий производства. В экспорте Вологодской области преобладает сырьевая продукция: черные металлы занимают более половины стоимостного объема всего экспорта, а продукция химической промышленности – около 30%. Вопрос диверсификации промышленности остается актуальным. Гораздо сложнее ситуация в другой важной отрасли экономики области – сельском хозяйстве. Уровень производства в ней по сравнению с 1991 г. упал более чем на 40%. В итоге, за трансформационный период вклад реального сектора экономики в валовой продукт сократился. Эти проблемы характерны не только для Вологодской области, но и других субъектов Федерации. Следовательно, актуальной остается задача поиска иных факторов роста региональной экономики.

Решить задачу повышения темпов роста экономики России возможно за счет технологического рывка, для этого необходима модернизация и внедрение инноваций. Однако высокотехнологичное оборудование в России почти не производится. Существенные трудности возникают у субъектов хозяйствования по его закупке у других стран. Одна из причин – санкции, другая – хозяйствующие субъекты не имеют достаточных средств для обновления основных производственных фондов. Об этом свидетельствуют данные ежегодно проводимых нами опросов руководителей предприятий области.

В результате, по данным Росстата, по итогам 2018 г. износ основных фондов вырос до 47,4%. «Лидерами» по износу выступают промышленность, здравоохранение, транспорт и связь: в этих отраслях износ основных фондов превышает 50%.

Ключевым фактором экономического роста выступают инвестиции. Однако за период 2014–2016 гг. практически повсеместно наблюдался спад инвестиций. В итоге, за период в 2012–2018 гг. инвестиции в основной капитал в целом по стране сократились на 2,6%. В СЗФО сокращение составило 2,1%; в Вологодской области – на треть, в Республике Карелия – на 17,7%. Только в четырех субъектах СЗФО в этот период наблюдался рост объема инвестиций в основной капитал.

Недостаток инвестиций отражается и на низкой инновационной активности. Менее 9% российских организаций осуществляли инновационные мероприятия и внедряют технологические инновации. Затраты организаций на НИОКР и технологические инновации крайне малы. Например, в Вологодской области эти показатели не достигают и 1% от ВРП. Все это делает реальной угрозой дальнейшего отставания России от передовых стран в разработке и внедрении перспективных технологий. В этих условиях трудно обеспечить рост экономики, производительности труда, конкурентоспособности выпускаемой продукции и экономики в целом.

Таким образом, можно констатировать, что в постсоветский период экономика РФ и ее регионов претерпела существенные трансформации. Изменились как количественные, так и качественные характеристики экономического роста. Они свидетельствуют, как минимум, о сохранении высокой зависимости российской экономики энергосырьевого сектора и стагнации экономики.

Следовательно, проблема выбора новой стратегии качественного экономического роста, рассчитанной на долгосрочную перспективу, приобретает особую остроту.

Принципиально важным стратегическим направлением, способным обеспечить высокие темпы роста экономики, на наш взгляд, имеет развития промышленности. Несмотря на множество проблем, потенциал отечественной промышленности все еще остается весьма значимым. Промышленный сектор является основой народного хозяйства, в 2017 г. на его долю приходилось: 40% инвестиций в основной капитал, 45,2% совокупного оборота

отечественных предприятий и 27,7% произведенного валового продукта. В отраслях промышленности занято более 13,5 млн. человек, или 19% занятых в экономике. В промышленности сконцентрированы отрасли с высоким мультипликатором. Они могут стать локомотивами развития других секторов экономики.

Стране нужен собственный промышленный капитал, воплощенный в автоматизированной технике и автоматизированных рабочих местах, роботизированные, оцифрованные высокие технологии и высокотехнологические комплексы обрабатывающей индустрии. От уровня и качества обеспеченности отраслей народного хозяйства промышленной продукцией, в частности, высокотехнологичного машиностроения, и масштаба проникновения новейших технологий во все сферы жизни общества напрямую зависит степень конкурентоспособности экономики. Более всего этим целям отвечает курс на новую индустриализацию. Проведение новой индустриализации будет способствовать повышению спроса на продукцию промышленности, особенно машиностроения.

Увеличение спроса на продукцию обрабатывающих отраслей российской промышленности оказывает колоссальное влияние на подъем всего народного хозяйства страны. Что, в свою очередь, будет активизировать рост экономики в целом. Так, произведенные нами расчеты [3] на базе межотраслевой модели показывают, что увеличение производства продукции машиностроения на 10% обеспечит прирост валового выпуска продукции на 708,5 млрд. руб., численность занятых увеличится на 277,4 тыс. человек, фонд заработной платы – на 113,9 млн. руб.

То есть десятипроцентное увеличение спроса на продукцию только трех основных машиностроительных производств способно активизировать прирост экономики примерно на 1%. Прирост по другим фундаментальным отраслям промышленности вкупе со становлением непроизводящих отраслей народного хозяйства как раз обеспечит необходимый темп роста отечественной экономики в размере 4,5–5% в год.

Таким образом, основой стратегических преобразований российской экономики должен стать курс на новую индустриализацию.

Весьма важное значение имеет и совершенствование структуры российской экономики. О необходимости структурной трансформации российской экономики все чаще говорят представители не только научного сообщества, но и власти. По мнению ученых из Института экономики РАН [4], для выхода из состояния стагнации необходимо адекватное и быстрое переустройство государства и экономики. Соответственно, и структурные приоритеты развития российской экономики видятся в переходе в «постиндустриальную эру» высокотехнологичных услуг на основе широкого распространения информационных и цифровых технологий, а также биологических и когнитивных технологий.

Решение магистральных задач структурной трансформации российской экономики и проведения новой индустриализации требует существенного увеличения валового накопления капитала. Важную роль при этом играют такие показатели, как норма накопления и нормы сбережения.

По величине нормы накопления Россия значительно уступает ведущим развитым и развивающимся странам. В настоящее время на накопление основного капитала расходуется 21,3% российского ВВП, в то время как в Китае данный показатель составляет 44,6%, в Индии – 31%, в Южной Корее – 29,3%.

На период до 2036 гг. Минэкономразвития ожидается существенное увеличение нормы накопления. Однако инвестиционный спрос во многом планируется удовлетворять за счет импорта. На наш взгляд, следует переориентироваться на внутренний спрос.

Все сказанное выше свидетельствует о необходимости изменения государственной экономической политики, прежде всего, в плане увеличения инвестиций в основной капитал. При выборе объектов инвестирования приоритет должны получить промышленные предприятия. В числе приоритетных направлений государственной политики экономической политики должны стать:

– снижение процентных ставок и бюджетное стимулирование;

- рост окупаемости вложений в промышленный капитал;
- осуществление крупных инвестиционных проектов в индустрии.

Ключевыми направлениями повышения нормы сбережения могут быть увеличение налогообложения для лиц с высокими доходами, уменьшение величины и доли средств, используемых в настоящее время владельцами предприятий и топ-менеджментом в личных целях, повышение роли амортизации как источника инвестиционных средств.

Немаловажное значение имеет развитие потенциала и поиск источников роста экономик субъектов Федерации. Кроме промышленности следует развивать другие отрасли реального сектора экономики. Как показывает опыт передовых западных стран, как именно эти сферы обладают наибольшим мультипликативным эффектом. Не следует забывать и о сфере услуг. Для многих российских регионов большой потенциал для развития имеет сфера туризма.

Только комплексный подход позволит успешно решить проблему роста российской экономики и вывода страны в мировые лидеры. Что, в свою очередь, будет способствовать экономической безопасности Российской Федерации.

Литература

1. Ускова Т.В. Кондаков И.А. Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2(14). – С. 37-50.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
3. Uskova T., Lukin E., Mukhametova L. Prospects for new industrialization in Russia // International Scientific-Practical Conference on Business Cooperation (ISPCBS 2019). Advanc-es in Economics, Business and Management Research, volume 90. –(<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)
4. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Российская экономика: поиск эффективной стратегии // Мир новой экономики. – Вып. 1. – С. 6-21.

References

1. Uskova T.V. Kondakov I.A. Threats to the region's economic security and the ways to overcome them. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz= Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2011, no. 2(14), pp. 37-50 [In Russian].
2. Russian National Security Strategy. Approved by Russian Federation Presidential Edict no. 683, dated December 31, 2015 [Electronic resource]. Available at: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
3. Uskova T., Lukin E., Mukhametova L. Prospects for new industrialization in Russia // International Scientific-Practical Conference on Business Cooperation (ISPCBS 2019). Advanc-es in Economics, Business and Management Research, volume 90. –(<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)
4. Lenchuk E.B., Filatov V.I. Russian economy: Searching for effective strategy. Mir novoi ekonomiki= The world of new economy, no. 1, pp. 6-21.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКИМ ТУРИЗМОМ В ИНТЕРЕСАХ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Федорова М.Ю.

*Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук,
Петрозаводск, Россия
m.fedorova@gmail.com*

Александров И.Н.

*Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-
Петербург, Россия
a7830298@gmail.com*

Аннотация. В данной работе рассмотрены подходы к развитию территории сельской местности и сельского туризма. Авторами выделены основные проблемы данной сферы деятельности и предложена модель развития сельского туризма, как инструмента развития территорий, направленная на повышение предпринимательской активности, активизации государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: стратегическое управление территорией, региональная экономика, развитие сельского туризма, сельский туризм, устойчивый туризм

STRATEGIC MANAGEMENT OF RURAL TOURISM IN DEVELOPMENT OF REGIONAL ECONOMY

Fedorova, M.

*Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia
m.fedorova@gmail.com*

Aleksandrov, I.

*Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, St.Petersburg, Russia
a7830298@gmail.com*

Abstract. The article considers the approaches to the development of rural areas and rural tourism, highlights the main problems of this sphere of activity. The authors propose a model of rural tourism development as a tool for the development of territories, aimed at increasing entrepreneurial activity, activation of public-private partnership.

Keywords: strategic management of the territory, regional economy, development of rural tourism, rural tourism, sustainable tourism

Развитие регионов России не может базироваться только на эксплуатации природных ресурсов. Основная задача, которая стоит перед предпринимателями и органами государственной власти заключается в создании новых услуг основанных на использовании инновационного интеллектуального потенциала всех отраслей народного хозяйства.

Имея высокий ресурсный потенциал, значительная часть сельских территории нашей страны не получает достаточных инвестиций для долгосрочного развития. Сегодня ориентация только на сельскохозяйственную отрасль уже не может обеспечивать достойного уровня и качества жизни граждан сельских территорий [1, с.783]. В то же время развитие сельского туризма в соответствии с принципами устойчивого туризма [2,3] позволило бы диверсифицировать экономику каждой отдельной сельской территории. Преимущество туризма, как вида деятельности, заключается в его универсальности и жизнеспособности, возможности развиваться практически на любой территории.

Развитие сельского туризма в сельских поселениях в рамках государственных программ, что видится наиболее простым способом развития туризма и территории, имеет место в незначительном количестве субъектов Российской Федерации.

Развитие сельского туризма может стать первым этапом в развитии территории, генерировать новые рабочие места для местных жителей, а также задействовать имеющуюся инфраструктуру, что позволит дать импульс развитию местной экономики.

В предложенной авторами модели вопрос повышения качества уровня и жизни сельского населения будет решаться на 4х экономических уровнях: федеральном, региональном, муниципальном и индивидуальном. Предполагается, что местному самоуправлению будет предоставлена значительная свобода действий для начала и ведения предпринимательской деятельности.

Развитие в соответствии с моделью предусматривает ограниченные инвестиционные затраты, которые может себе позволить бюджет региона.

Предлагаемая модель (Рисунок 1), базируется на активизации предпринимательской активности местного населения. В рамках данной модели акцент делается на то, что в условиях цифровой экономики возможно активное включение населения сельских территории в предпринимательскую деятельность, что запустит механизм функционирования бизнеса с использованием новых возможностей. При таком сценарии основными затратами федерального и регионального бюджета становятся обеспечение качественных дорог и организация подключения к высокоскоростному доступу в сеть Internet.

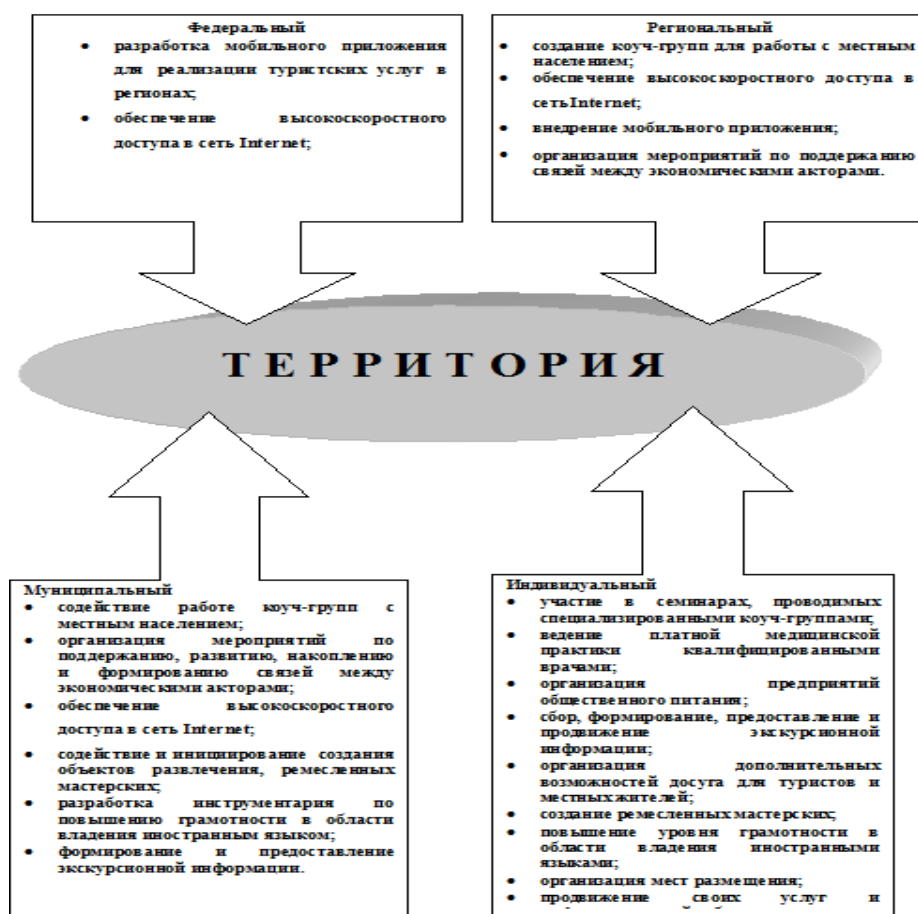

Рисунок 1. Модель устойчивого развития территории сельской местности. Источник: разработано автором

Одним из качественно новых продуктов, который позволит реализовать и продвигать продукцию каждого индивида в соответствии с новыми реалиями, может стать мобильное приложение, где будут сосредоточены все поставщики тех или иных необходимых туристских и сопутствующих услуг в сельской местности, как то: проживание, питание, разного рода развлечения, мастер-классы, экскурсии и т.д.

Выбор универсального продукта, содержание которого будет наполняться в зависимости от региона, уже на региональном уровне позволит снизить издержки на разработку подобного приложения, которые лягут на федеральный бюджет. Поддержание мобильного приложения ложится на региональные и муниципальные уровни, и даже индивидуальные, когда речь идет о включении услуги какого-то конкретного предпринимателя в продукт.

В качестве основных выводов можно отметить следующее:

В России остается огромное количество населенных пунктов, находящихся под угрозой вымирания. Предложена модель повышения предпринимательской активности, может привести к активизации государственно-частного партнерства, где каждый индивид сможет реализовать свой потенциал, развивая, инфраструктуру территории его проживания и осуществляя вклад в диверсификацию ее экономики. Государство при этом занимается обеспечением самой дорогостоящей инфраструктуры и выполняет функцию контроля и мониторинга развития сельского туризма.

Литература

1. Александров И.Н. Федорова М.Ю. Новые подходы к стратегическому управлению развитием сельского туризма как инструменту развития региональной экономики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 120. С. 782-792..
2. C., Ray, Culture Economies: a perspective on local rural development in Europe (Centre for Rural Economy, Dept. of Agricultural Economies and Food Marketing, University of Newcastle upon Tyne, 2001)
3. Making Tourism More Sustainable - A Guide for Policy Makers, UNEP and UNWTO, 2005, p.11-12 URL: <http://sdt.unwto.org/content/about-us-5>

References

1. I.N. Aleksandrov, M. Yu. Fedorova, Sc. J. of KubSAU, 10, (2017) DOI: 10.21515/1990-4665-134-063
2. C., Ray, Culture Economies: a perspective on local rural development in Europe (Centre for Rural Economy, Dept. of Agricultural Economies and Food Marketing, University of Newcastle upon Tyne, 2001)
3. Making Tourism More Sustainable - A Guide for Policy Makers, UNEP and UNWTO, 2005, p.11-12 URL: <http://sdt.unwto.org/content/about-us-5>

«ТОЧКИ РОСТА» МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Хмелева Галина Анатольевна

Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
galina@yandex.ru

Аннотация. На основе сопоставления экспортно-импортных операций, SWOT-анализа предложены три ключевых направления («точки роста») развития международной экономической интеграции Самарской области: нефтехимия, агропромышленный сектор, туризм и создание крупного туристического кластера.

Ключевые слова: приграничный регион, интеграция, «точка роста».

“POINTS OF GROWTH” OF INTERNATIONAL INTERREGIONAL INTEGRATION ON THE EXAMPLE SAMARA REGION

Khmeleva, Galina

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Samara State University of Economics», Samara, Russia
galina@yandex.ru

Abstract. Based on a comparison of export-import operations and SWOT-analysis, three key directions (“growth points”) for the development of international economic integration Samara region are proposed: petrochemicals, the agro-industrial sector, tourism, and the creation of a large tourist cluster.

Keywords: border region, integration, “growth point”.

Интеграция регионов в западных странах мира рассматривается мощным оружием концентрации экономического потенциала для укрепления собственных позиций на международном экономическом пространстве. Именно поэтому правительства западных стран (США и Европы) способствуют международной интеграции европейских стран в рамках нынешней политики сплочения и препятствуют интеграции прочих стран. Так, в 2012 году специалистами Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР) эффект возможной интеграции России, Беларуси, Казахстана и России в ценах 2010 года оценивался более, чем 1,1 трлн. долл на период до 2030 года, что обеспечивало ежегодный прирост ВВП для России на 75 млрд долл [6]. В 2014 году введенный санкционный режим нарушил планы по развитию интеграции и выступил источником экономических потерь как для России, так и для Украины. В 2019 г. конгрессмены США подготовили резолюцию, в которой призвали предотвратить укрепление экономических и политических отношений между Россией и Венгрией [4]. Одновременно Европейским Союзом проводится политика сплочения, предусматривающая инвестиции в экономическое развитие на уровне отдельных регионов и секторов [5], направленная на снижение дифференциации межрегиональных различий и укрепление общего экономического потенциала этого макрорегиона.

Приграничные регионы располагают потенциалом приграничного положения с одной стороны, с другой – являются ответственными за развитие добрососедских отношений и экономических связей. В регионах необходимо регулярно пересматривать направления их развития. В этой связи интерес представляет выявление точек роста региональной интеграции приграничного региона. Проблемы развития региональной международной интеграции изучали Д.В. Березняков, С.В. Козлов [1], П.А. Витязь, В.К. Щербин [2] Л.А.

Воронина, Е.О. Горецкая [3]. Новое осмысление межрегиональной интеграции было получено в рамках теории нового регионализма шведских учёных Б. Хеттне и Ф. Содербаума [7].

Для развития международной экономической интеграции на региональной уровне определяющими предпосылками, на наш взгляд, являются:

- понимание потенциальных экономических выгод и точек роста взаимной торговли;
- благоприятные политические условия, наличие торгово-экономических союзов.

При этом факторами региональной интеграции являются:

- географическая доступность (географические);
- подходящий климат, доступность ресурсов (ресурсные);
- историческая и культурная общность регионов (историко-культурные);
- взаимодополняемость регионального экономического потенциала (экономические);
- политический климат для взаимной торговли и реализации совместных проектов (политические);

- качество институтов, которые снижают транзакционные издержки субъектов хозяйствования (институциональные);

- технологии, инновации в промышленности и на транспорте, цифровизация хозяйственных процессов (технологические).

В последние годы выходят на передний план факторы технологического характера, обусловленные Четвертой промышленной революцией (Индустрия 4.0) и цифровой экономикой. К ним относятся технологии, инновации в промышленности и на транспорте, цифровизация хозяйственных процессов. Технический прогресс в области информационно-коммуникационных и транспортных услуг, новые методы организации производства, предприятия-цифровые двойники формируют движущие силы на основе автономного прогресса, который зависит от накопления научных знаний, совершенствования организации и культуры производства.

С другой стороны, институциональный прогресс в результате умелого использования региональными органами власти преимуществ образованных на национальном уровне торговых союзов, нормативно-правового регулирования, способствует процессам интеграции.

Региональные власти могут:

- поддерживать производственное и торговое сотрудничество в отраслях - «точках роста»;

- популяризировать международное сотрудничество с приграничными территориями, осуществлять совместные проекты.

Самарская область ведет активную международную торговлю, ее торговые партнеры - не только страны СНГ, но и более 30 стран дальнего зарубежья. Объем международного товарооборота составил в 2017 году 6526 млн долл. Однако можно отметить его снижение за 10 лет (с 2007 г. по 2017 г.) на 23,5%. За тот же период наблюдалось расширение торговли со странами бывшего СССР. Так, на долю стран СНГ в 2007 году приходилось 23,3%, в 2017 году – 25,9% (таблица 1).

Список крупнейших торговых партнеров этой группы стран не изменился и представлен Украиной, Узбекистаном и Казахстаном. Можно отметить две негативные тенденции. Во-первых, снижение в абсолютных значениях экспорта товаров и услуг на 38,3%. Во-вторых, увеличение импорта на 39%. Самарская область является приграничным регионом с Западно-Казахстанской областью Республики Казахстан. Самарскую область связывают давние историко-культурные связи, политические условия также являются благоприятными. Однако в последние годы наблюдается снижение взаимного товарооборота. Так, в 2018 году объем товарооборота с Казахстаном снизился на 22,3%, в том числе экспорт уменьшился на 31,4%, что позволяет заключить о недостаточном использовании приграничного положения и потенциала международной интеграции.

Учитывая отмеченные выше предпосылки для развития международной интеграции, а также наличие благоприятных политических, институциональных условий, отсутствие таможенных барьеров, можно предположить, что в Самарской области на сегодняшний день сложилось недостаточное понимание потенциальных экономических выгод и точек роста взаимной торговли. Данное предположение подтверждается тем, что Россия занимает 4 место во внешней торговле Казахстана и первое место в импорте с долей 59,9%. При этом доля Казахстана в экспорте России в 2018 г. составляла 2,87% против 3,4% в 2017 г.

Анализ структуры экспорта Самарской области в Казахстан, позволил выделить группы товаров с наибольшим удельным весом (рис. 1).

Таблица 1

Показатели международной торговли Самарской области со странами СНГ¹

Показатели	2007		2017		2007		2017	
	Импорт				Экспорт			
	Млн долл	%	Млн долл	%	Млн долл	%	Млн долл	%
Всего по региону	1627,9	-	2264,8	-	6909,5	-	4261,2	-
в том числе: Страны СНГ	312	19,17	235,3	10,39	1677,4	24,3	1457,3	34,2
Азербайджан	1,644	0,10	0,799	0,04	86,0	1,2	43,8	1,0
Армения	0,001	0,00	0,484	0,02	29,1	0,4	9,2	0,2
Беларусь	-	-	98,049	4,33	-	-	212,0	5,0
Казахстан	29,114	1,79	69,863	3,08	517,6	7,5	354,7	8,3
Киргизия	1,655	0,10	4,775	0,21	29,6	0,4	165,4	3,9
Узбекистан	53,945	3,31	21,876	0,97	101,9	1,5	120,3	2,8
Украина	205,519	12,62	37,429	1,65	811,2	11,7	531,9	12,5
Прочие	20,1	1,24	2,0	0,09	101,8	1,5	19,9	0,5

Сопоставление данных экспортно-импортных операций Самарской области и Казахстана позволяет отметить потребность в группах товаров, в производстве которых Самарская область имеет очевидные конкурентные преимущества. Судя по структуре импорта Казахстана, страна поставляет в основном машины и оборудование (в 2018 г. 49,1%), продукцию химической промышленности и смежных отраслей (16,1% в 2018 г.), металлы и изделия из них (в 2018 г. 10,5%). Причем основной удельный вес этих групп товаров поставляется из России. Структура импорта Западно-Казахстанской области отвечает ситуации в целом по Республике Казахстан. Здесь в 2018 году было ввезено 48,1% машин и оборудования, 24% продукции пищевой промышленности, 15% металлической продукции и 7,46% продукции химической промышленности². Указанные группы относятся к наиболее развитым секторам экономики Самарской области, что доказывает необходимость самого пристального внимания к развитию интеграционных процессов.

Сильные, слабые стороны, возможности и угрозы развития приграничного сотрудничества и интеграции позволяет определить SWOT-анализ (таблица 2).

Стоит отметить, что ряд предприятий двух регионов активно сотрудничают. Так, ТОО «Зениттехсервис» (Казахстан) осуществляет кооперацию с ООО «ИТ –Сервис», с предприятием ООО «Самарские инженерные лаборатории» осуществляются сборка беспилотных летательных аппаратов. ТОО «Уральский механический завод» (Казахстан) осуществляет поставки коленчатых валов для ООО «Электросила». Развивать кооперацию

¹ Рассчитано автором по данным Федеральной таможенной службы России.

² Показатели внешней торговли. Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL: http://kgd.gov.kz/ru/exp_trade_files

планирует АО «НИИ «Гидроприбор» (Казахстан) с НПП «Самтехнефть» в области технологии очистки нефтепроводов, а также повышения нефтеотдачи.

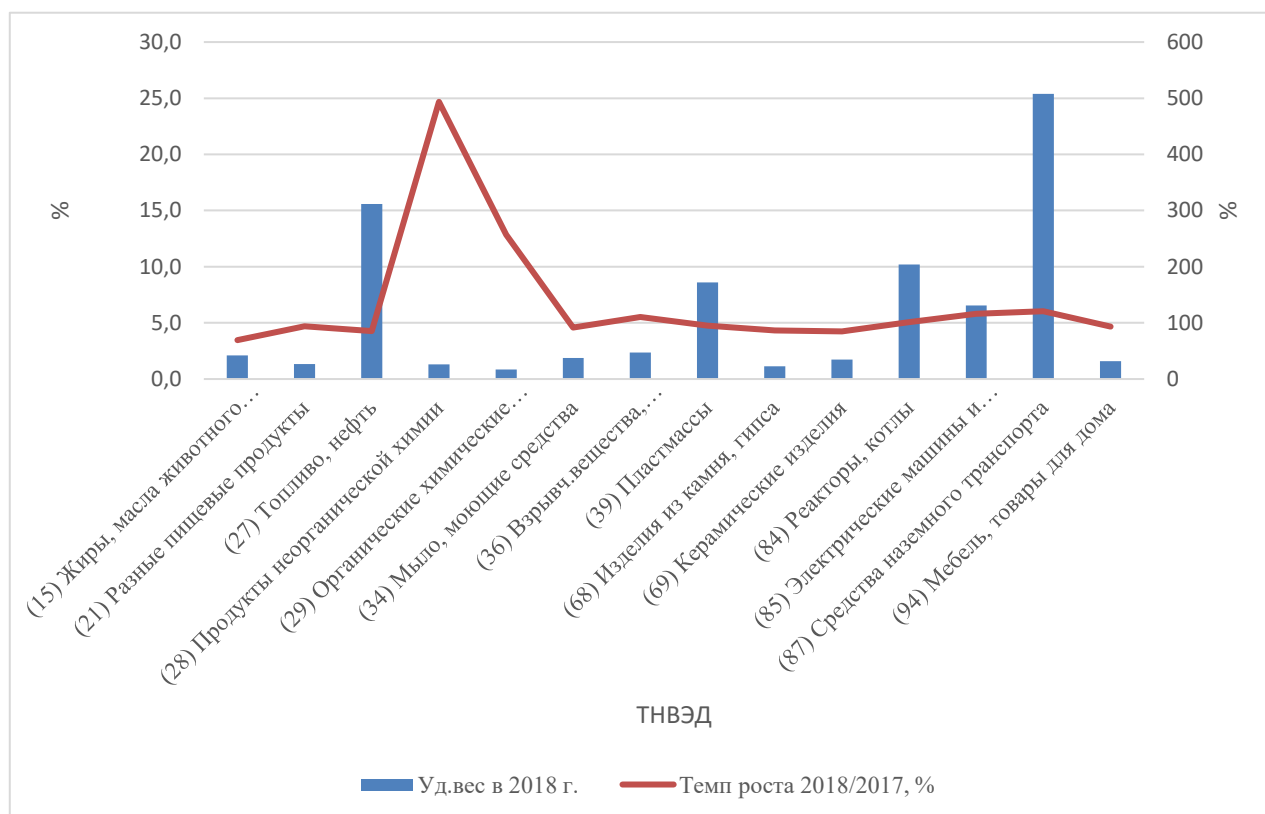

Рисунок 1. Группы товаров внешнеэкономической деятельности (ТНВЭД) с наибольшим удельным весом в экспорте Самарской области в Казахстан¹

Основой для дальнейшего развития интеграционных процессов между Самарской и Западно-Казахстанской областями является Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, подписанное в 2018 году.

Выделим три ключевые направления («точки роста») развития международной экономической интеграции Самарской области: нефтехимия, агропромышленный сектор, туризм и создание крупного туристического кластера.

На территории Самарской области уже успешно развивается нефтехимический и машиностроительные кластеры, развитие которых поддерживается на федеральном и региональном уровнях. Основной удельный вес в структуре производства Западно-Казахстанской области занимают химическая, нефтегазовая отрасли и машиностроение. Для определения направлений кооперации и интеграции производства необходимо более подробно изучить цепочки создания ценностей.

Что касается агропромышленного сектора, уже сегодня через Самарскую область в Казахстан экспортируется сельскохозяйственной и пищевой продукции на сумму более 20 млн долл., необходим дальнейший рост. В Самаре открыт Агропарк, который может принимать сельскохозяйственную продукцию из Казахстана на основе современных форматов торговли.

Самарская область располагает значительным туристическим потенциалом. Однако особое место занимают города Жигулевск, Тольятти на противоположных берегах Волги. Здесь целесообразно создать крупный туристический кластер. Если Жигулевск может стать

¹ Рассчитано автором по данным Федеральной таможенной службы России.

центром спортивного, оздоровительного туризма, то Тольятти может выступить центром промышленного туризма. В Самарской области хорошо развивается санаторно-курортная база, медицина, построен целый ряд высокотехнологичных медицинских комплексов, таких как центр репродуктивного здоровья «Мать и дитя», Самарский областной клинический онкологический диспансер, офтальмологические клиники с современным оборудованием.

Таблица 2

SWOT-анализ развития приграничного сотрудничества и интеграции между Самарским регионом и Западно-Казахстанской областью

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
<p>Благоприятное геостратегическое положение и наличие единого экономического пространства</p> <p>Исторически сложившиеся добрососедские отношения между двумя областями, языковая общность</p> <p>Благоприятная экспортно-импортная конъюнктура, структура производства Самарской области в целом отвечает потребностям в импортируемой продукции Западно-Казахстанской области</p>	<p>Недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, отсутствие авиасообщения</p> <p>Конкуренты на потенциальную продукцию для поставки со стороны других регионов России и стран</p> <p>Недостаточное развитие туристической инфраструктуры, предложений турпрограмм для казахского туриста</p> <p>Высокая стоимость потенциальных туристических продуктов</p> <p>Недостаточная системная проработка перспективных направлений, программ, проектов для развития интеграции</p>
Возможности (O)	Угрозы (T)
<p>Наличие системы продвижения бренда «Самарский продукт»</p> <p>Наличие у предприятий и организаций межрегиональных инициатив</p> <p>Благоприятный внешний имидж у Самарской области</p> <p>Наличие территорий в Самарской области с преференциальными налоговыми режимами</p>	<p>Ухудшение взаимных отношений в связи со сменой власти в Казахстане</p> <p>Увеличение импорта в Самарской области</p> <p>Неконкурентоспособные цены, недостаточное качество продукции и услуг самарских производителей способствует ее вытеснению с рынков</p>

Сдерживающим фактором для продвижения туризма является неконкурентоспособная стоимость проживания, питания и современное состояние транспортной инфраструктуры. Для улучшения транспортного сообщения между регионами в 2019 году планируется строительство современной транспортной инфраструктуры на границе двух областей. Повысить туристическую активность могла бы реконструкция аэропорта в Западно-Казахстанской области.

В целом запуск проектов и программ в указанных выше направлениях придаст дополнительный импульс приграничному международному сотрудничеству между приграничными регионами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-510-23001 «Моделирование процессов интеграции отдельных регионов в систему мирохозяйственных связей»

Литература

1. Березняков Д.В., Козлов С.В. Проектирование стратегии развития Евразийского Экономического Союза сквозь призму концепции альянсов в теории международных отношений // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – Т. 50. – С. 58-63. – DOI: 10.17223/19988613/50/8
2. Витязь П.А., Щербин В.К. Проблемы конструирования новых типов интеграционных пространств // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 3(27). – С. – 28-45.
3. Воронина Л.А., Горещкая Е.О. Экономическая интеграция регионов в мировое хозяйство // Финансы и кредит. – 2007. – № 18 (258). – С.58-64.

4. Гуреева Ю., Лушникова А. «В интересах западного мира»: в США призвали избавить Венгрию от «российского влияния». URI: <https://russian.rt.com/world/article/637546-ssha-vengriya-vliyaniye-rossiya>
5. Европейская региональная политика: источник вдохновения для стран, которые не входят в ЕС? Применение принципов и обмен опытом. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/international/external_ru.pdf
6. Якорева А. Эффект интеграции. URL: <https://expert.ru/2012/01/25/effekt-integratsii/>
7. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the rise of regionness. // *New Political Economy*, Vol 5, No 3 (December). – 2000. – P.457-472.

References

1. Bereznyakov, D.V. & Kozlov, S.V. (2017). Proektirovanie strategii razvitiya Evraziyskogo Ekonomicheskogo Soyuza skvoz' prizmu kontseptsii al'yansov v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Projecting the development strategy of the eurasian economic union through the prism of the international relations' alliance theory] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Tomsk State University Journal Of History], 50, 58-63. (in Russ.) – doi: 10.17223/19988613/50/8
2. Vityaz', P.A. & Shcherbin, V.K. (2013). Problemy konstruirovaniya novykh tipov integratsionnykh prostranstv [Problems of designing new types of integration spaces] // *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 3(27), 28-45. (in Russ.)
3. Voronina, L.A. & Goretskaya, E.O. (2007). Ekonomicheskaya integratsiya regionov v mirovye khozyaystvo [Economic integration of regions in the world economy] // *Finansy i kredit* [Finance and credit], 18 (258), 58-64. (in Russ.)
4. Gureeva Ju, Lushnikova A. «V interesah zapadnogo mira»: v SShA prizvali izbavit' Vengriyu ot «rossijskogo vliyanija» ["In the interests of the Western world": the United States called for ridding Hungary of "Russian influence."] URI: <https://russian.rt.com/world/article/637546-ssha-vengriya-vliyaniye-rossiya> (date of acces: 13.06.2019)
5. Evropejskaja regional'naja politika: istochnik vdohnovenija dlja stran, kotorye ne vhodjat v ES? Primenenie principov i obmen opytom. [European regional policy: a source of inspiration for non-EU countries? Application of principles and exchange of experience.] URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/international/external_ru.pdf (date of acces: 13.06.2019)
6. Jakoreva A. Jeffect integracii [The effect of integration] URL: <https://expert.ru/2012/01/25/effekt-integratsii/>
7. Hettne B., Söderbaum F. (2000). Theorising the rise of regionness. *New Political Economy*, Vol 5, No 3. P.457-472.

УКРАИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС: ВЛИЯНИЕ ВЫБОРА НАПРАВЛЕНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СИТУАЦИЮ В ПРИГРАНИЧЬЕ

Черномаз Павел Алексеевич

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, г. Харьков, Украина
chernomaz@karazin.ua

Аннотация. Рассмотрены тенденции во внешней торговле Сумской и Харьковской областей Украины, Белгородской, Курской и Ростовской областей России в 2013-2018 гг. Отмечен значительный спад показателей торговли украинских приграничных регионов с Россией и российских приграничных регионов – с Украиной.

Ключевые слова: украинско-российское пограничье; политическая конфронтация; внешняя торговля; экспорт; импорт; внешнеторговый оборот.

UKRAINE BETWEEN RUSSIA AND THE EU: THE EFFECT OF THE CHOICE OF THE DIRECTIONS OF INTERACTION ON THE SITUATION IN THE BORDERLAND

Chernomaz, Pavel

V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine
chernomaz@karazin.ua

Abstract. The trends in foreign trade of Sumy and Kharkiv regions of Ukraine, Belgorod, Kursk and Rostov regions of Russia in 2013-2018 are considered. There was a significant decline in the indicators of trade in Ukrainian border regions with Russia and Russian border regions with Ukraine.

Keywords: Ukrainian-Russian borderland; political confrontation; foreign trade; export; import; foreign trade turnover.

Экономические отношения Украины и Российской Федерации ныне претерпевают значительные изменения. Причиной тому стали произошедшие в 2014 году события, повлекшие за собой конфронтацию в политической сфере, экономические санкции и, как следствие, снижение взаимного торгового оборота стран.

Украина по многим позициям лишилась не только обширного российского рынка сбыта, но и рынков других стран СНГ (особенно Казахстана), а Россия в свою очередь снизила торговый оборот с государствами Европы. Это подтолкнуло Российскую Федерацию к политике импортозамещения, расширению сотрудничества с другими международными партнерами, прежде всего – на рынке стран Азии (прежде всего – с Китаем). Украинские экспортеры, не получив ожидаемого прироста поставок на европейский рынок вследствие квотирования и технических барьеров в торговле, также устремили свои усилия на завоевание рынков стран Азии и Африки.

При этом наиболее уязвимыми в данном контексте оказались приграничные регионы обеих стран, традиционно имевшие тесные экономические связи с партнерами из соседних государств.

В особой степени это относится к приграничью Украины, которая в результате своего геополитического и геоэкономического положения оказалась в поле двух встречных интеграций – евразийской, которую представляет Евразийский экономический союз (ЕАЭС), и европейской, представленной Европейским Союзом (ЕС). В 2014 г. руководством Украины был избран одновекторный курс на европейскую интеграцию и создание «всеобъемлющей зоны свободной торговли» с ЕС. В результате украинские субъекты внешнеэкономической

деятельности были вынуждены переориентировать свои торговые отношения в соответствии с новыми реалиями [7, 8].

По данным Государственной службы статистики Украины в докризисном 2012 году доля внешнеторгового оборота товарами и услугами Украины с Россией составляла 27,7% от общего объема внешней торговли, а к 2018 году она сократилась до 12,7%, то есть более чем в два раза. При этом в 2014-2018 годах наблюдалось снижение внешнеторгового оборота с соседними странами во всех приграничных регионах Украины и России.

Недостаток научной оценки протекающих процессов определяет необходимость анализа показателей внешнеэкономической деятельности регионов украинско-российского приграничья.

Следует отметить, что в докризисный период в приграничных областях России и Украины получили развитие посреднические функции по продвижению товаров на рынки соседей. Приграничные регионы, имеющие соответствующую таможенную, транспортную и логистическую инфраструктуру, оформляли и перераспределяли значительные потоки импорта из приграничных государств. Развитию внешнеэкономической деятельности в приграничных регионах способствовал рост числа торговых посредников, которые осуществляли таможенное оформление экспортных и импортных договоров в приграничной зоне с последующей доставкой товаров в места назначения.

Отношения между приграничными регионами Украины и России подкреплялись официальными соглашениями о сотрудничестве, в том числе о создании особых форм трансграничного сотрудничества – еврорегионов [6]. Однако даже в более-менее благоприятный период отношений Украины и России существовал ряд проблем, замедляющих развитие экономических связей российско-украинского приграничья вследствие сохранения формальных барьеров при пересечении границы, недостатка государственной поддержки и низкой активности бизнеса в развитии сотрудничества. Для выхода из сложившейся ситуации начались двусторонние консультации, в том числе и на высшем уровне [9], с целью снижения таможенных барьеров и облегчения формальных процедур [4], что постепенно реализовывалось в приграничных регионах.

Начиная с 2014 года, данные проблемы отошли на второй план, уступив место политической конфронтации, что привело к значительному снижению не только экономических связей приграничья, но и приграничного взаимодействия в целом [3, 5].

В рамках данного исследования рассмотрим внешнеэкономические показатели Белгородской, Курской и Ростовской областей Российской Федерации и Харьковской, Сумской областей Украины. Донецкая и Луганская области Украины не рассматривались ввиду отсутствия сравнимой статистики вследствие ведения на их территории военных действий. Основываясь на полученных данных¹ (табл. 1), можно утверждать, что уже в 2014 году прослеживалась четкая тенденция снижения показателей украинско-российской торговли в приграничных регионах. При этом если в случае с Белгородской, Курской и Сумской областями наблюдалось снижение в большей степени товарных потоков по направлению из Украины в Россию, то в случае с Ростовской и Харьковской областями наблюдалась обратная ситуация.

Оценивая уровень падения внешнеторгового оборота, можно увидеть, насколько сильно ухудшение украинско-российских отношений подействовало на приграничные регионы. Если брать падение внешнеторгового оборота со всеми странами, то в Украине оно составило 21,6%, а в России – лишь 6,7%. В то же время в отдельных приграничных регионах России произошло снижение товарооборота с Украиной на 37-38%, а в целом украинско-российский товарооборот снизился на 40,2%.

¹ В исследовании для расчетов использованы материалы официальных веб-сайтов Государственной службы статистики Украины, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и их территориальных органов в Белгородской, Курской, Ростовской, Харьковской и Сумской областях.

Следовательно, украинско-российский политический кризис сильнее отразился на экономике приграничных регионов, чем на экономике Украины и России в целом. Наибольший показатель падения импорта (40,8%) отмечен в Курской области, а экспорта (36,1%) – в Ростовской области. Наилучшие показатели были у Харьковской области, где экспорт упал на 15%, а импорт – на 23,4%.

Таблица 1

Показатели внешней торговли товарами приграничных регионов России с Украиной и приграничных регионов Украины с Россией в 2014 г.

Регион/ страна	Экспорт		Импорт		Внешнеторговый оборот	
	млн. долл. США	в % к 2013 г.	млн. долл. США	в % к 2013 г.	млн. долл. США	в % к 2013 г.
Белгородская область	462,2	66,2	2018,9	61,4	2481,1	62,2
Курская область	69,8	70,1	199,3	59,2	269,1	61,7
Ростовская область	296,7	63,9	1086,3	70,8	1383,0	69,2
Сумская область	327,4	68,3	111,0	73,2	438,4	69,5
Харьковская область	780,6	85,0	559,5	76,6	1340,1	81,3
Украина с Россией	9798,2	65,0	12700,0	54,7	22498,2	58,7
Украина со странами ЕС	17002,9	101,4	21069,1	77,9	38072,0	86,9
Украина со всеми странами	53901,7	83,7	54428,7	71,9	108330,4	78,4
Россия со всеми странами	497834,0	94,6	286669,0	90,9	784503,0	93,3

Последовавшее ухудшение ситуации предопределило дальнейшее падение показателей внешней торговли российско-украинского приграничья, что видно при сравнении показателей внешней торговли в 2018 году с 2013 годом (табл. 2). Падение внешнеторгового оборота со всеми странами через пять лет к уровню докризисного года в Украине составило 25,6%, а в России – 19,9%, в то время как украинско-российский товарооборот упал на 69,4% от уровня 2013 года.

В исследуемых приграничных регионах наибольшего падения товарооборот с граничащими странами достиг в Белгородской и Харьковской областях – на 75,8% и 63,8% соответственно. В Курской области падение составило 46,8%, в Сумской – 47,4%. При этом экспорт наиболее сократился в Харьковской (на 68,1%), Белгородской (на 62,5%) и Сумской (на 61,1%) областях, а импорт – в Белгородской (на 78,7%), Харьковской (на 58,7%) и Курской (на 54,2%) областях. В то же время наблюдался рост импорта из России в Сумской области (на 77,1%) и рост экспорта в Украину в Ростовской области (на 123,7%).

При этом во всех без исключения приграничных регионах в большей степени произошло снижение товарных потоков из Украины в Россию. Это говорит о том, что от политической конфронтации экономически больше пострадали регионы украинского пограничья.

Особого внимания заслуживает Ростовская область, которая единственная из рассматриваемых приграничных регионов смогла нарастить объем экспорта в Украину, причем более чем в два раза. Анализ структуры экспорта по данным таможенной статистики и привлечение дополнительных источников информации показали, что причиной такой аномальной ситуации стали поставки из Ростовской области критичного для украинской экономики продукта – каменного угля, необходимого для стабильной работы теплоэлектростанций. Дефицит в Украине угля антрацитового группы стал результатом военных действий на Донбассе. В частности, крупнейший частный украинский

энергохолдинг «ДТЭК Энерго» сообщал об осуществлении поставок антрацитового угля для запуска остановленных Приднепровской и Криворожской ТЭС с находящегося в Ростовской области шахтоуправления «Обуховское», принадлежащего этому энергохолдингу [1].

Таблица 2

Показатели внешней торговли товарами приграничных регионов России с Украиной и приграничных регионов Украины с Россией в 2018 г.

Регион/ страна	Экспорт		Импорт		Внешнеторговый оборот	
	млн. долл. США	в % к 2013 г.	млн. долл. США	в % к 2013 г.	млн. долл. США	в % к 2013 г.
Белгородская область	262,0	37,5	703,0	21,3	965,0	24,2
Курская область	77,9	78,2	154,2	45,8	232,1	53,2
Ростовская область	1039,6	223,7	741,0	48,3	1780,6	89,1
Сумская область	186,7	38,9	145,1	177,1	331,8	52,6
Харьковская область	293,2	31,9	302,3	41,3	595,5	36,2
Украина с Россией	3654,1	24,2	8092,7	34,9	11746,8	30,6
Украина со странами ЕС	20158,5	120,3	23182,8	85,7	43341,3	98,9
Украина со всеми странами	47339,9	74,8	57141,0	74,2	104480,9	74,4
Россия со всеми странами	443070,2	84,9	248619,7	72,8	691689,9	80,1

Таким образом, закрытие для Украины зоны свободной торговли с Россией и наложение взаимных эмбарго на отдельные виды товаров стали причиной негативных тенденций в экономических связях стран. Безусловно, это повлекло за собой проблемы в социально-экономическом развитии приграничных регионов. Ярким примером может служить продемонстрировавшая наибольшее падение товарооборота с Украиной Белгородская область, где была сформирована эффективная транспортная и таможенная инфраструктура, а экономика региона во многом ориентировалась на своего ближайшего соседа. Поэтому бизнес-структурам пришлось переориентировать свои товарные потоки на обширный внутренний рынок России и на другие внешние рынки. Зеркальная ситуация наблюдается и в приграничных регионах Украины, в частности, в Харьковской области, где значительная часть предприятий и предпринимателей многие годы ориентировалась на связи с российскими партнерами. Если в 2013 году доля стран СНГ (большая часть которой приходилась на Россию) в экспорте товаров Харьковской области составляла 66,2%, а стран ЕС – 15,6%, то в 2017 году доля стран СНГ сократилась до 40,7% (из них на Россию приходилось только 25,7%), а стран ЕС – увеличилась до 19,7%.

В то же время 2017 год принес некоторые положительные тенденции в торговых отношениях с Россией Украины в целом и Харьковской области в частности. Наблюдался рост украинского экспорта товаров в РФ на 9,6%, рост экспорта из Харьковской области в РФ – на 2,6%, рост украинского импорта из РФ – на 26,4%, а рост импорта из РФ в Харьковскую область – на 8,7%.

Поясняя причины происходящего, заместитель министра экономического развития РФ Алексей Груздев тогда отметил, что поставки растут по тем позициям, где нет санкционных ограничений. По его мнению, это является подтверждением того, что «помимо политики, чьих-то амбиций, есть экономика, исторически сложившиеся связи двух стран... Эксперты... предупреждали, что [Соглашение об ассоциации Украины с ЕС] не компенсирует Украине нарушение связей с Россией. ...по отношению к последнему

докризисному году, 2013-му, торговля России и Украины упала более чем на 70%. И это результат влияния политики на экономику» [2].

Однако в 2018 году ситуация вновь ухудшилась. По сравнению с 2017 годом экспорт товаров из Украины в РФ снизился на 7,2%, экспорт товаров из Харьковской области в РФ упал на 4,4% (что превысило прошлогодний рост). Импорт товаров из России в Украину вырос на 12,3%, а импорт из РФ в Харьковскую область уменьшился на 7,5%. При этом доля России в экспорте Харьковской области сократилась с 25,7% до 22,9%, доля в импорте упала с 20,2% до 17,4%, а доля стран ЕС увеличилась в экспорте с 19,7% до 23,6%, в импорте – с 31,1% до 32,6%. В этих тенденциях ключевую роль сыграло усиление украинско-российской политической конфронтации, повлекшее новые санкции.

Выводы. 1. Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС изменило направления потоков внешней торговли Украины. Значительно сократился внешний товарооборот со странами СНГ и, в особенности, с Россией, тогда как страны Европы получили большую долю как в экспорте Украины, так и в импорте, однако объемы поставок значительно уменьшились вследствие кризисных явлений, возникших в украинской экономике.

2. Наиболее уязвимой оказалась внешнеэкономическая деятельность приграничных регионов Украины и России, традиционно имевших тесные экономические связи с партнерами из соседних стран. При этом во всех приграничных регионах в большей степени произошло снижение товарных потоков из Украины в Россию.

3. Для улучшения ситуации на украинско-российском пограничье необходимо налаживание трехсторонних дипломатических переговоров между Россией, Украиной и ЕС с целью разрешения политического конфликта. В случае же, если социально-политическая ситуация не изменится в лучшую сторону, а усугубится, то в течение ближайших лет товаропроизводителей ожидает поиск новых рынков и дальнейшая переориентация внешней торговли, что может существенно затормозить социально-экономическое развитие приграничных регионов.

Литература

1. ДТЭК начал поставку антрацита на Криворожскую и Приднепровскую ТЭС из своих шахт в РФ [Электронный ресурс] // Веб-сайт телеканала «112 Украина». URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/dtek-nachal-postavku-antracita-na-krivorozhskuyu-i-pridneprovskuyu-tes-iz-svoih-shaht-v-rf-388272.html> (дата обращения 18.06.2019).
2. Зубков И. Мимо санкций [Электронный ресурс] // Российская газета. 21.06.2017. № 7300. URL: <https://rg.ru/2017/06/21/tovarooborot-mezhdu-rossiej-i-ukrainoj-vyros-za-god.html> (дата обращения 18.06.2019).
3. Черномаз П.А. Опыт трансграничного сотрудничества в реалиях украинско-российского пограничья // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества. М., 2017. Ч. 1. С. 415-419.
4. Черномаз П.А. Построение «умной границы» между Россией и Украиной как механизм повышения эффективности ее пересечения // Современные проблемы социально-экономического развития России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 15 марта 2011 г.: в 2 т. Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. Т. 1. С. 148-151.
5. Черномаз П.А. Современные проблемы трансграничного сотрудничества // Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества. Белгород; Симферополь; Москва: Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований»; Кострома: Костромское областное отделение Общества «Знание России», 2015. С. 103-115.
6. Черномаз П.А. Трансграничное сотрудничество в украинско-российских отношениях (на примере еврорегиона «Слобожанщина») // Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сборник научных статей. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 144-156.
7. Черномаз П.О., Чавалах О.І. Тенденції розвитку зовнішньої торгівлі України в умовах формування зони вільної торгівлі з ЄС [Електронний ресурс] // Східна Європа: економіка, бізнес та управління. 2018. № 4. URL: http://www.easterneurope-ebm.in.ua/journal/15_2018/10.pdf (дата обращения 18.06.2019).
8. Черномаз П.О., Чавалах О.І. Трансформація структури зовнішньої торгівлі України у зв'язку з підписанням Угоди про асоціацію між Україною та ЄС // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. Серія «Міжнародні відносини. Економіка. Країнознавство. Туризм». 2017. Вип. 6. С. 82-88.

9. Янукович и Медведев обсудили, как оптимизировать пересечение украинско-российской границы [Электронный ресурс] // Информационное агентство REGNUM. URL: www.regnum.ru/news/polit/1326610.html (дата обращения 18.06.2019).

References

1. DTEK began supplying anthracite to the Krivoy Rog and Pridneprovskaya TPPs from its mines in the Russian Federation [Electronic resource] // Website of the 112 Ukraine TV channel. URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/dtek-nachal-postavku-antracita-na-krivorozhskuyu-i-pridneprovskuyu-tes-iz-svoih-shaht-v-rf-388272.html> (reference date 06/18/2019).
2. Zubkov I. Past sanctions [Electronic resource] // Russian newspaper. 06/21/2017. No. 7300. URL: <https://rg.ru/2017/06/21/tovarooborot-mezhdu-rossiej-i-ukrainoj-vyros-za-god.html> (reference date 06/18/2019).
3. Chernomaz P.A. Experience of cross-border cooperation in the realities of the Ukrainian-Russian borderlands // Russia: trends and development prospects. Yearbook Issue 12 / RAS. INION. Separate scientific cooperation. M., 2017. Part 1. P. 415-419.
4. Chernomaz P.A. Building a "smart border" between Russia and Ukraine as a mechanism to increase the efficiency of its intersection // Modern problems of the socio-economic development of Russia: materials of the Intern. scientific-practical conf., Belgorod, March 15, 2011: in 2 vol. Belgorod: BelSU Publishing House, 2011. V. 1. P. 148-151.
5. Chernomaz P.A. Modern problems of cross-border cooperation // Integration models of cross-border and interregional cooperation. Belgorod; Simferopol; Moscow: Foundation "Institute for Socio-Economic and Political Studies"; Kostroma: Kostroma Regional Branch of the Knowledge of Russia Society, 2015. P. 103-115.
6. Chernomaz P.A. Cross-border cooperation in the Ukrainian-Russian relations (on the example of the Euroregion "Slobozhanshchyna") // Economic cooperation of the CIS member countries in the context of the Eurasian integration project: Collection of scientific articles. M.: IE RAS, 2015. P. 144-156.
7. Chernomaz P.O., Chavalakh O.I. Trends in Ukraine's foreign trade development in the formation of a free trade area with the EU [Electronic resource] // Eastern Europe: Economics, Business and Management. 2018. № 4. URL: http://www.easterneurope-ebm.in.ua/journal/15_2018/10.pdf (reference date 06/18/2019).
8. Chernomaz P.O., Chavalakh O.I. Transformation of the structure of Ukraine's foreign trade in connection with the signing of the Association Agreement between Ukraine and the EU // Bulletin of the V.N. Karazin Kharkiv National University. Series "International Relations. Economy. Country Studies. Tourism". 2017. Issue 6. P. 82-88.
9. Yanukovych and Medvedev discussed how to optimize the crossing of the Ukrainian-Russian border [Electronic resource] // REGNUM information agency. URL: www.regnum.ru/news/polit/1326610.html (reference date 06/18/2019).

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ «ДОСТУПНАЯ СРЕДА» В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА И ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Чухарева Алиса Геннадьевна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
aligetar@mail.ru

Милюкова Ирина Александровна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
miljukova_irina@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты опроса общественного мнения инвалидов Республики Карелия по оценке ими доступности различных объектов и услуг, проведенного в 2013-2018 гг. Полученные данные сравниваются с результатами экспертной оценки хода реализации программы «Доступная среда» в Республики Карелия.

Ключевые слова: инвалид; интеграция инвалидов; программа «Доступная среда»; социологический мониторинг, экспертный опрос.

IMPLEMENTATION OF THE PROGRAM «ACCESSIBLE ENVIRONMENT» IN THE REPUBLIC OF KARELIA: THE MONITORING OF PUBLIC OPINION AND EXPERT INTERVIEW RESULTS

Chuhareva, Alisa

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
aligetar@mail.ru

Miljukova, Irina

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
miljukova_irina@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the survey among the Republic of Karelia residents with disabilities regarding their assessment of the access to various social services. The survey was conducted in 2013-2018. Data received via this survey is being compared with the results of an expert interview.

Keywords: person with disabilities; integration of persons with disabilities; programme «Accessible environment»; survey, monitoring of public opinion, expert interview.

В настоящее время социальная политика в области защиты инвалидов основывается, прежде всего, на двух Федеральных законах - «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и «О социальном обслуживании пожилых людей и инвалидов в Российской Федерации». Эти законы четко обозначили новую цель государственной политики – обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

Для того, чтобы на практике успешнее реализовать данную цель, Правительством РФ в 2011 году утверждена целевая программа «Доступная среда», направленная на создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни [2]. Объективная необходимость в такой программе определяется реальными проблемами, затрудняющими процессы адаптации и интеграции инвалидов в российское общество. Скажем, если по стране уровень зарегистрированной безработицы составляет 5%, то среди людей с ОВЗ он почти в четыре

раза выше (21,3%) [3]. Среди россиян каждый четвертый (26,9%) имеет высшее профессиональное образование, а среди людей, имеющих инвалидность, лишь каждый десятый (11,5%) [4]. Да и само общество пока еще не всегда готово принять таких людей как равных.

Для Карелии, где доля людей, имеющих инвалидность, в общей структуре населения еще выше, чем по стране в целом (почти 11%) [1], реализация такого рода программ приобретает исключительно важную роль. Региональная программа «Доступная среда» в Республике Карелия осуществляется с 2013 года и ее основной целью заявлено «повышение уровня доступности приоритетных объектов и услуг в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения (людей, испытывающих затруднения при самостоятельном передвижении, получении услуг, необходимой информации) в Республике Карелия» [1].

Для оценки хода реализации данной программы и отслеживания динамики ее базовых показателей Министерство социальной защиты Республики Карелия с 2013 года организует ежегодный мониторинг общественного мнения инвалидов. Состоялось уже шесть волн мониторинга, в ходе которых в общей совокупности методом стандартизированного интервьюирования было опрошено 3884 человека из всех районов Карелии и Петрозаводска. Двухступенчатая выборка строилась методом квот: на первой ступени – пропорционально численности инвалидов по району проживания, на второй – по полу и возрасту. В том случае, если в выборочную совокупность попадал ребенок-инвалид (до 15 лет), то опрашивался тот взрослый член семьи, который осуществлял уход за таким ребенком.

Основные программные (исследовательские) вопросы стандартизированного интервью формулировались следующим образом:

- 1) Каков уровень информированности инвалидов о программе «Доступная среда» в Республике Карелия, по их самооценке?
- 2) Как инвалиды оценивают степень доступности основных объектов и услуг в приоритетных для себя сферах жизнедеятельности?
- 3) Как респонденты оценивают отношение общественности к проблемам инвалидов и характер взаимодействия между ними?

Важнейшим условием социальной адаптации людей с ОВЗ является уровень информированности инвалидов и их семей о программе «Доступная среда» в РК и ее возможностях. Важно отметить, что каждый год доля тех, кто «ничего не знает о программе», уменьшается. Если в 2013 году более половины респондентов признавались, что «ничего не знают о программе», то за шесть лет реализации программы их число сократилось в два с половиной раза (табл.1). Впрочем, даже цифра в 22 % «не знающих ничего о программе» представляется достаточно высокой.

Таблица 1

Динамика уровня информированности респондентов о программе «Доступная среда» в Республике Карелия (%)

Уровень информированности	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Знаю подробно и точно	1,9	2,5	2,6	3,0	5,5	8,6
Знаю в целом содержание программы	3,1	5,1	4,4	9,0	9,8	10,6
Знаю в целом о тематике	20,8	29,4	23,3	40,8	34,9	36,4
Не знаю ничего	55,0	45,6	42,2	31,6	27,3	21,8
Затрудняюсь ответить/Нет ответа	19,3	17,4	27,5	15,6	22,5	22,6

Сравнение полученных в ходе опроса инвалидов данных по годам позволяет оценить динамику изменений основных целевых показателей реализации региональной программы. Одним из важнейших таких показателей является доля инвалидов, которым обеспечен доступ к основным объектам и услугам в жизненно важных сферах жизнедеятельности. Под доступностью в данном случае понимается инфраструктурная доступность - свойства

физического пространства (общественных зданий и учреждений, транспорта, улиц и т.п.), позволяющие инвалидам пользоваться им столь же легко, как и здоровым людям.

Таблица 2

Оценка респондентами доступности объектов и услуг в основных сферах жизнедеятельности в зависимости от года исследования (%)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Социальная защита	71	71	68	74	71	81
Здравоохранение	68	66	64	61	68	82
Культура	49	49	40	46	57	64
Транспорт	46	42	37	39	41	44
Жилой фонд	37	36	37	37	29	43
Образование	32	33	33	46	59	68
Служба занятости населения	27	29	27	33	33	39
Спорт и физкультура	26	23	22	33	34	42
Торговля и общественное питание	-	-	-	-	-	86

Доля респондентов, положительно оценивающих уровень доступности приоритетных объектов и услуг в жизненно важных сферах жизнедеятельности, год от года увеличивается: если в 2013 году таких было 45% от числа участвующих в опросе, то в 2018 году – уже 61%. Лучше всего ситуация с доступностью объектов и услуг обстоит, по мнению респондентов, в сфере социальной защиты, здравоохранении и торговле (табл.2). Но и во многих других областях - образовании, культуре, спорте и физкультуре - динамика оценок явно положительная. С другой стороны, несмотря на отмеченную положительную динамику инфраструктурной доступности, большинство опрошенных (62,4%) продолжают считать, что в современном российском обществе инвалиды все-таки не могут вести полноценную жизнь, и за шесть лет реализации программы это мнение, к сожалению, практически не изменилось.

Еще одним важным показателем успешности реализации программы «Доступная среда» является доля инвалидов, положительно оценивающих отношение населения к проблемам инвалидов. В 2018 году практически каждый третий (30,2%) считал, что общество внимательно относится к проблемам инвалидов и настроено на их решение. Это в полтора раза больше, чем было на старте программы (18,7%). В то же время половина опрошенных (47,6%) по-прежнему полагает, что подавляющее большинство людей равнодушно и безразлично к их проблемам (табл.3). И еще больше (53,6%) считают, что общественность пока не готова к интеграции инвалидов в общество.

Таблица 3

Динамика оценки респондентами отношения общества и окружающих людей к проблемам инвалидов (%)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Скорее внимательно - общество настроено на постепенное решение проблем	18,7	22,2	22,0	27,4	27,6	30,2
Скорее равнодушно - создается только видимость деятельности	57,7	50,6	49,1	46,0	49,2	47,6
Общество полностью игнорирует проблемы инвалидов	10,3	12,8	9,8	9,4	7,1	8,2
Затрудняюсь ответить /Нет ответа	13,3	14,4	19,2	17,	16,1	14,0

Мониторинг общественного мнения инвалидов позволяет увидеть результаты реализации региональной программы «Доступная среда» глазами ее целевой группы – самих инвалидов. Но картина представляется неполной без учета мнения тех, кто собственно и реализует данную программу в республике. Опрос ведущих специалистов в сфере

управления и организации социальной защиты и обслуживания инвалидов в Республике Карелия, реализованный методом фокусированного экспертного интервью, позволил более глубоко оценить условия реализации целевой программы в республике и степень ее эффективности. При подборе экспертов использовался метод «снежного кома», а при отборе – объективный метод. Было проведено 7 интервью с представителями государственных и общественных (НКО) структур на разных уровнях управления.

В оценках достижений и позитивных результатов региональной программы «Доступная среда» мнения респондентов-инвалидов и экспертов во многом совпали. В частности, все эксперты говорили о существенном повышении уровня доступности объектов и услуг в социальной сфере, в области здравоохранения, культуры и образования, особенно в Петрозаводске, убедительно доказывая этот тезис многочисленными примерами из своей профессиональной практики. В то же время некоторые отмечали, что рост новых возможностей серьезно ограничивается финансовыми возможностями инвалидов, т.к. многие медицинские и социальные услуги оказываются платно, и далеко не все инвалиды могут себе это позволить.

Практически все эксперты сошлись во мнении, что существенным ограничением успешной реализации программы является недостаточное и нерациональное ее финансирование. В области выделения средств региональные программы основаны на принципах софинансирования, т.е. деньги выделяются как из федерального, так и из регионального и местного бюджетов. Общий объем финансового обеспечения на реализацию государственной программы «Доступная среда в Республике Карелия» на 2016-2020 годы составляет 210 561,50 тыс. руб. [1]. Соответственно средства на реализацию программы выделяются, но здесь возникает уже проблема управления – своевременность и рациональное распределение выделенных бюджетных средств.

Эксперты из числа руководителей общественных организаций, работающих с инвалидами, считают, что реальный уровень информированности инвалидов о программе «Доступная среда» существенно ниже, чем показывает мониторинг. Хотя бы потому, что опрос велся, главным образом, среди инвалидов, уже получающих какие-либо услуги в специализированных государственных структурах. Более того, они высказали предположение, что чиновники объективно не заинтересованы в его повышении, т.к. это может привести к резкому увеличению обращений в государственные органы за услугами, положенными по закону, и существенно увеличить объем работы.

Не раз в интервью эксперты говорили о трудностях получения инвалидами профессионального образования, особенно высшего, о нехватке в республике программ инклюзивного образования. Да и сами учебные заведения, к сожалению, не являют собой пример «безбарьерной среды». Впрочем, и в программе «Доступная среда» уровень высшего образования даже не рассматривается, отсутствуют какие-либо мероприятия или задачи, направленные на данный уровень образования. Вряд ли это можно считать социально справедливым.

Все эксперты полагают, что Программа «Доступная среда» в том или ином виде должна иметь обязательное продолжение и дальнейшее развитие. При этом они не видят необходимости разрабатывать какую-то новую программу в данной области, просто целесообразно внести дополнения и коррективы в ныне действующую версию.

На основе анализа данных социологического мониторинга и экспертного опроса был разработан ряд предложений и рекомендаций в адрес Министерства социальной защиты Республики Карелия и муниципальных органов управления в сфере социального обслуживания и социальной защиты населения.

Используя разные средства массовой коммуникации, целенаправленно и регулярно информировать как инвалидов, как и республиканскую общественность, в целом, обо всех мероприятиях, предусмотренных программой «Доступная среда в Республике Карелия» на 2011-2020 гг.

Изучить и использовать все возможности для включения инвалидов в экспертные группы, которые занимаются обеспечением доступности основных объектов и услуг для людей с инвалидностью.

Необходимо шире привлекать инвалидов к участию в рабочих семинарах, связанных как с программой «Доступная среда в Республике Карелия», так и в целом с социальной защитой и обслуживанием инвалидов. При этом важно обеспечить возможность инвалидам участвовать в процессе принятия и реализации управленческого решения.

Понимание «доступности среды» не ограничивается только инфраструктурной оснащенностью жизненного пространства инвалида, но и включает в себя также создание реальных возможностей для получения инвалидом качественного образования, в том числе, профессионального, успешного трудоустройства, самореализации в активной общественной деятельности и т.п. Эти направления должны быть усилены в региональной Программе и увязаны в единый комплекс мер, по сути, повышающих качество жизни инвалидов.

Министерству социальной защиты Республики Карелия рекомендуется разработать единую методику и организовать мониторинг по репрезентативной выборке для изучения реальных потребностей инвалидов с последующим доведением результатов опросов до всех учреждений, работающих с этими категориями граждан.

Литература

1. Об утверждении государственной программы Республики Карелия «Доступная среда в Республике Карелия» на 2016–2020 годы (с изменениями на 24 мая 2017 года) [Электронный ресурс]: постановление правительства Республики Карелия [от 9.06.2016г., N 211 – П]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/465407139>
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" на 2011 - 2020 годы [Электронный ресурс]: постановление правительства Российской Федерации [от 1.12.2015г., № 1297]. – Электрон.дан. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/6kKpQJTEgR1Bmijjyqi6GWqpAoc6OmnC.pdf>
3. Показатели занятости и безработицы лиц в трудоспособном возрасте, имеющих инвалидность [Электронный ресурс]: [<http://www.gks.ru/>]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/4-9.doc
4. Структура лиц в возрасте 15-72 лет, имеющих инвалидность, по уровню образования в 2016 году [Электронный ресурс]: [<http://www.gks.ru/>]. – Электрон. дан. – Режим доступа: [gks.Ru>free_doc/new_site/population/invalid/4-13_2016.doc](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/4-13_2016.doc)

References

1. Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmyi Respubliki Kareliya «Dostupnaya sreda v Respublike Kareliya» na 2016–2020 godyi (s izmeneniyami na 24 maya 2017 goda): postanovlenie pravitelstva Respubliki Kareliya (About approval of the state program of the Republic of Karelia «Accessible environment in the Republic of Karelia» for 2016–2020: resolution of the Government of the Republic of Karelia). – [9.06.2016, N 211 – П]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/465407139>
2. Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmyi Rossiyskoy Federatsii «Dostupnaya sreda» na 2011 - 2020 godyi: postanovlenie pravitelstva Rossiyskoy Federatsii (On the approval of the state program of the Russian Federation «Accessible Environment» for 2011 - 2020: resolution of the Government of the Russian Federation). – [1.12.2015, № 1297]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/6kKpQJTEgR1Bmijjyqi6GWqpAoc6OmnC.pdf>
3. Pokazateli zanyatosti i bezrobotitsyi lits v trudospobnom vozraste, imeyushih invalidnost (Employment and unemployment rates for people of working age with disabilities). – [<http://www.gks.ru/>]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/4-9.doc
4. Struktura lits v vozraste 15-72 let, imeyushih invalidnost, po urovnyu obrazovaniya v 2016 godu (The structure of persons aged 15-72 years with disabilities by educational level in 2016). – [<http://www.gks.ru/>]. – URL: [gks.Ru>free_doc/new_site/population/invalid/4-13_2016.doc](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/4-13_2016.doc)

ИНОСТРАННЫЕ ТУРИСТЫ В КАРЕЛИИ В 1960-Е ГГ.: СТАНОВЛЕНИЕ ТУРИСТСКОЙ ОТРАСЛИ КРАЯ

Шорохова Ирина Викторовна

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия
ivikshor@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен процесс становления туристической отрасли в Карелии в 1960-е гг. Объектом исследования стали туристские ресурсы края. Автором установлены достоинства и недостатки Карелии как туристского объекта и выявлены причины превращения Карелии в регион этнического туризма.

Ключевые слова: иностранный туризм; Финляндия; Карелия; Кижы; экскурсионное обслуживание; объекты показа

FOREIGN TOURISTS IN KARELIA IN THE 1960-S.: THE BECOMING OF THE TOURIST INDUSTRY OF THE REGION

Shorohova, Irina

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
ivikshor@yandex.ru

Abstract. The article describes the process of formation of the tourism industry in Karelia in the 1960s. The object of the study was the tourist resources of the region. The author has established the advantages and disadvantages of Karelia as a tourist object and identified the reasons for the transformation of Karelia into a region of ethnic tourism.

Key words: foreign tourism; Finland; Karelia; Kizhi; excursion service; display objects.

Развитие туристической отрасли в современной Карелии признано одним из приоритетных направлений экономики края. В этой связи изучение опыта организации иностранного туризма в предыдущие периоды представляется важным в решении современных задач туристической отрасли Карелии. И если в современной отечественной науки вопросами истории въездного туризма в СССР занимается целый ряд исследователей, то региональный аспект проблемы нечасто попадает в поле зрения историков [3, 4].

В 1950-е – 1960-е гг. в СССР шли интеграционные процессы со странами социалистического лагеря, развивались культурные связи с капиталистической границей, стал доступен массовый иностранный туризм. Если в 1966 г. СССР поселили 1 446 718 иностранных туристов, то в 1972 г. уже 2 316 974 иностранца [2, с. 12].

В условиях холодной войны туризм утратил свои исключительно рекреационные функции. В 1960-е гг. перед советской туристической индустрией не стояла задача получения экономической выгоды. Туристические связи Советского Союза превратились в канал формирования общественного мнения в пользу СССР за его пределами [2, с. 23].

До начала 1960-х гг. для ознакомления с достижениями советской власти в Карелию приезжали небольшие группы иностранцев. Их пребывание и сопровождение в крае обеспечивали сотрудники Ленинградского отделения ВАО «Интурист». Они не знали достопримечательностей Петрозаводска и историю республики, что не позволяло показать Карелию должным образом.

Только с начала 1960-х гг., когда Финляндия окончательно определилась с дружественным внешнеполитическим курсом по отношению к СССР, Карелия стала доступна для иностранных туристов [1]. В 1960-е гг. республику посещали туристы из

социалистических стран, ФРГ, Италии, Японии, Швеции, Канады, Мексики, США и др. Финны занимали лидирующие позиции по численности иностранцев, посетивших Карелию (см. таблицу).

Таблица

Численность иностранных туристов, посетивших Карелию в 1961-1969 гг.¹

Год	1961	1962	1963	1964	1966	1967	1968	1969
Всего иностранных туристов	-	-	-	429	486	793	1062	1498
В т.ч. организованные группы туристов из Финляндии	90	111	248	300	385	268	288	356

1 января 1966 г. в Петрозаводске было открыто агентство ВАО «Интурист». Оно взяло на себя все организационные вопросы качественного приема и обслуживания иностранных туристов в Карелии.

В Петрозаводске их размещали в гостинице «Северная». И хотя она была рассчитана на 100 человек, в 1960-е гг. даже в пик туристического сезона не возникало дефицита номерного фонда. Однако качество проживания в гостинице «Северная» не соответствовало требованиям обслуживания иностранцев. Они, как и гости Новгорода и Ленинграда, жаловались на отсутствие горячей воды, которая бывала только утром в 11 часов и часто грязной [4, с. 152; 3, с. 291]. Только в 1967 г., когда к решению проблемы подключились карельский обком и Совет министров КАССР, перебои с горячей водой в гостинице прекратились.²

Удобно было организовано питание иностранных туристов в ресторане «Северный», расположенном в гостинице «Северная». Однако только в 1966 г. удалось обеспечить комфортные условия питания иностранных туристов, а на столах ресторана «Северный» появились новые льняные скатерти и не разномастная без щербинок посуда.³

В отчетах агентства ВАО «Интурист» в Петрозаводске из года в год отмечалось, что кормили иностранцев вкусно и разнообразно.⁴ Между тем, в ассортименте ресторанов «Северный», «Волна» на о. Кизи и «Кивач», обслуживавших туристов, отсутствовали дефицитные товары: икра, дорогие конфеты, лосось, семга и кофе.⁵ Блюда национальной кухни также не были представлены в меню ресторанов Карелии.

В связи с приграничным положением Карелии иностранным туристам были доступны для посещения только Петрозаводск, Кондопожский и Прионежский районы. Основной перечень объектов показа иностранным туристам сохранялся в почти неизменном виде на протяжении двух десятилетий.

Как правило, организованные туристы приезжали в Карелию на три дня. Программа их пребывания была довольно насыщенной. Стояла задача максимально полно показать достижения советской власти во всех сферах жизни.

Экскурсия по Петрозаводску включала в себя посещение промышленных предприятий, учебных заведений, центров культуры и медицинских учреждений. Иностранные туристы отмечали в Петрозаводске 1960-х гг. чистоту и многочисленные зеленые насаждения, хорошую планировку города.⁶ В доме культуры железнодорожников

¹ НА РК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. П-3 (Карельский реском Компартии РСФСР (1921-1991)). Оп. 16. Д. 82. Л. 2, 21, 27; Д. 110. Л. 13; Оп. 17. Д. 63. Л. 88; Оп. 18. Д. 59. Л. 29; Ф. Р-3423 (Отделение ВАО "Интурист" (1966-1992)). Оп. 2. Д. 1/1. Л. 9; Оп. 2. Д. 1/3. Л. 25.

² НА РК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 11.

³ НА РК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 2; Ф. П-3. Оп. 17. Д. 63. Л. 94.

⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 66. Л. 94.

⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 22, 25.

⁶ НА РК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 2; Ф. П-3. Оп. 20. Д. 91. Л. 82-83.

гостям показывали киножурналы «Карелия за 50 лет советской власти», «Кижы – остров сокровищ», «На голубых дорогах Карелии».¹

Пионерские лагеря «Северный олененок» в с. Деревянное и пионерлагерь ОТЗ в с. Лососинное пользовались большой популярностью у иностранных туристов, вызывали у них только положительные эмоции. Дети показывали концерты, читали стихи и демонстрировали возможности развивать свои творческие и спортивные способности.

Знакомство иностранных гостей с г. Кондопога, всесоюзной ударной стройкой, имело целью показать иностранцам Карелию как богатый лесной край и важный центр лесозаготовки, переработки и целлюлозно-бумажной промышленности.

Санаторий «Марциальные воды», музей «Петродворец» и музей-заповедник «Кивач» обращали внимание иностранных гостей на качество медицинского обслуживания в Карелии и красоты ее природы.

Большинство иностранцев, посетивших Карелию в 1960-х гг., ехали в историко-архитектурный музей «Кижы». Только в туристический сезон 1969 г. музей обслужил 1240 иностранных туристов из 25 стран.²

Удовлетворительно было организовано транспортное обслуживание иностранных туристов. Автобусы для экскурсий были комфортабельны и оборудованы всем необходимым. В музей-заповедник «Кижы» в 1960-е гг. ходил быстроходный теплоход «Метеор». Путешествие на нем доставляло туристам удовольствие. Но из-за плохой погоды он не всегда мог выйти в рейс. До 1967 г. «Метеор» не имел возможности швартоваться непосредственно у архитектурного ансамбля о. Кижы. У причала стояли теплоходы дальнего следования. Приходилось высаживать пассажиров за два километра от музея-заповедника «Кижы». Этот путь туристы проделывали пешком.

Гостей на о. Кижы было гораздо больше, чем возможностей разместить их на борту теплоходов, следовавших в Петрозаводск. В условиях ограниченности посадочных мест советские туристы неохотно пропускали иностранцев. На рубеже 1960-х – 1970-х гг. удалось отчасти разрешить эту проблему. Быстроходный теплоход «Метеор» стал совершать ежедневно по три рейса на о. Кижы. На этом же маршруте работал один раз в день теплоход «Ладога», а по средам и пятницам на о. Кижы один рейс совершал теплоход ОМ-344.³

Карелия испытывала серьезные затруднения в организации производства и продажи сувениров, буклетов и рекламной продукции. Только в 1965 г. издательство «Карелия» подготовило на русском и финском языках иллюстрированную брошюру «Кижы – архитектурно-бытовой музей-заповедник» и фотоальбом «Советская Карелия»; фотобуклеты «Заповедник Кивач» и «Кижы»; альбом с репродукциями А. Авдышева «Край озерный, край лесной». В 1968 г. Карельское книжное издательство выпустило путеводители, буклеты, 20 наименований видовых открыток о Петрозаводске, Карелии и Кижях.⁴

В 1965 г. в Петрозаводске была организована продажа сувениров везде, где бывали иностранные туристы. Им стали доступны платочки, полотенца, салфетки с карельским орнаментом; изделия из карельской березы и бересты; миниатюрные образцы продукции, характерной для Карелии (трелевочные тракторы, бумажные рулоны с этикетками ЦБК, образцы полезных ископаемых).

Геополитическое положение Карелии на северо-западном порубежье Российского государства, опыт совместного исторического прошлого, тесные экономические, социальные, культурные, семейные и личные связи жителей Карелии и Финляндии способствовали повышенному интересу именно финляндского населения к республике. В 1960-е гг. значительная часть финнов посещала республику с целью общения с

¹ НА РК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 32.

² НА РК. Ф. П-3. Оп. 21. Д. 111. Л. 11-12.

³ НА РК. Ф. Р-3141 (Карельское отделение общества «СССР-Финляндия» (1959-1990)). Оп. 1 Д. 15. Л. 28.

⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 89. Л. 11-12, 39.

родственниками. Это обстоятельство обеспечивало стабильный туристический поток в Карелию из пределов соседнего государства.

Однако родственники отвлекали финских туристов от «получения правдивой информации о советской действительности». Зачастую они уводили финнов с экскурсий.

В конце 1960-х гг. появилась новая проблема в обслуживании финских туристов в Карелии. Перечень объектов показа в Карелии не отличался разнообразием. Финны, которые уже несколько раз побывали в Петрозаводске, уклонялись от посещения объектов показа.

В сложившихся условиях для повышения туристической привлекательности Карелии агентство ВАО «Интурист» в Петрозаводске искало новые формы работы с иностранными туристами. В 1968 г. на водопаде Кивач им предложили собрать грибы, а затем при помощи работников ресторана приготовить их себе на ужин. Туристы были в восторге.¹

Заведующий агентством ВАО «Интурист» в Петрозаводске в 1968 г. отправил в Совет министров КАССР предложения пустить дополнительные маршруты по Онежскому озеру на теплоходе до островов Волкостров, Сусаари, где можно было показать памятники народного зодчества XVII – XVIII вв.; организовать ловлю рыбы в музее-заповеднике «Кижи».² Эти предложения будут частично реализованы в последующие годы.

Агентство ВАО «Интурист» в Петрозаводске с 1966 г. взяло на себя основную часть задач по обслуживанию иностранных туристов в Карелии. При этом в штате агентства числился только заведующий В. Фофанов. В период массового заезда туристов (с мая по август) штат агентства ВАО «Интурист» в Петрозаводске увеличивался. В 1960-е гг. в нем на условиях временной занятости работало до пяти гидов-переводчиков из числа студентов и преподавателей местных государственного и педагогического вузов.

В 1968 г. директор, все администраторы и горничные гостиницы «Северная» повышали квалификацию на курсах Министерства коммунального хозяйства РСФСР.³ Языковой барьер долгое время являлся труднопреодолимым препятствием в повышении качества обслуживания иностранных туристов в Карелии. В 1968 г. для официантов и метрдотелей ресторанов «Северный» и «Кивач», а также персонала гостиницы «Северная» были организованы курсы финского языка.⁴

В 1960-е гг. в Карелии началось развитие туристической отрасли. Агентство ВАО «Интурист» в Петрозаводске, республиканские партийные и советские органы власти взяли на себя решение вопросов организации приема иностранцев в Карелии.

В условиях приграничности республики нахождение иностранных туристов в крае было территориально ограничено. Организованные группы иностранных туристов за три дня успевали увидеть все достопримечательности республики. Такая постановка дела не обеспечивала повторяемости прибытий. Этот показатель в отчетах агентства ВАО «Интурист» в Петрозаводске выполнялся благодаря финским туристам.

Главным туристическим продуктом Карелии в 1960-е гг. стал государственный музей-заповедник «Кижи». При этом его транспортная доступность являлась слабым местом в организации иностранных туров в республику.

Туристическая отрасль Карелии зависела от времени навигации и погоды. Сезонность туристического потока в республику, пик которого приходился на май-август, также является особенностью региона.

В Карелии 1960-х гг. не сложилось своего туристического бренда. Национальная история и культура края не были в достаточной мере представлены в рекламной и сувенирной продукции, мероприятиях и объектах показа иностранным туристам.

¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 19. Д. 67. Л. 73.

² НА РК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 6.

³ НА РК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 17.

⁴ НА РК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 22.

Кадровое обеспечение туристкой отрасли Карелии в 1960-е гг. складывалось стихийно. Обучение работе с иностранными туристами проходило «на месте».

В рассматриваемый период времени недостатки в организации качественного приема иностранцев Карелии устранялись в республике при помощи административного ресурса посредством «ручного управления». Все указанные обстоятельства не позволяли в 1960-е гг. сделать Карелию туристически привлекательной. Высокий интерес к региону сохранялся за счет так называемого этнического туризма и культурно-исторических связей с Финляндией.

Литература

1. Казарян А. Р. «Линия Кекконена» в истории советско-финляндских отношений // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1 (167). С. 71-74.
2. Касаткин В. Ф. География иностранного туризма в СССР. М., 1973. 96 с.
3. Савельев Н. С. Финские туристы в Новгородской области в 1960-1970 гг. в зеркале народной дипломатии // Новгородский исторический сборник. 2015. № 15 (25). С. 289-297.
4. Хрипун В. А. Некоторые проблемы организации иностранного туризма в Ленинграде в 1950-е – 1960-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. № 1. С. 149-155.

References

1. Ghazaryan. "The Kekkonen Line" in the history of Soviet-Finnish relations // Scientific and Technical Gazette of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences. 2013. № 1 (167). P. 71-74.
2. Kasatkin V.F. Geography of foreign tourism in the USSR. M., 1973. 96 p.
3. Saveliev N. S. Finnish tourists in the Novgorod region in 1960-1970. in the mirror of public diplomacy // Novgorod historical collection. 2015. № 15 (25). P. 289-297.
4. Khripun V.A. Some problems of the organization of foreign tourism in Leningrad in the 1950s - 1960s. // Bulletin of St. Petersburg University. Story. 2011. No. 1. P. 149-155.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ТУРИЗМА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Эльц Елена Эдуардовна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
elenaelts@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются формируемые в рамках финно-угорского движения стратегии развития туризма, направленного на продвижение наследия финно-угорских народов и предусматривающего активное вовлечение в эко- и этнотуризм местного населения. Определяются особенности распространения этих стратегий в Северо-Западном федеральном округе.

Ключевые слова: устойчивый туризм, финно-угорский туризм, финно-угорское движение, приграничное сотрудничество, экотуризм, этнотуризм

STRATEGIES OF DEVELOPMENT OF FINNO-UGRIC SUSTAINABLE TOURISM IN NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT OF RUSSIA

Eltc, Elena

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
elenaelts@mail.ru

Abstract. The article considers the strategies of sustainable tourism, emerging within the framework of Finno-Ugric movement, aimed at promoting Finno-Ugric cultural and historical heritage with active local community involvement and enhancing the economic efficiency in the spheres of eco- and ethnotourism. Particular features for the application of strategies in in North-Western Federal District of Russia are defined.

Key words: Sustainable tourism, Finno-Ugric tourism, Finno-Ugric movement, cross-border cooperation, ecotourism, ethnotourism.

North-Western Federal District possesses a unique cultural and natural heritage, has a high degree of ethnic-cultural diversity of the population and an unprecedented combination of ethnic cultural and natural complexes. For the indigenous peoples of the Russian North activities for safeguarding of traditional culture and traditional livelihoods are of particular significance. The development of ecotourism and ethno-tourism can become an effective tool in preserving and revitalizing region's cultural heritage. Such kinds of tourism associated with the sustainable tourism are the most common for the areas of traditional habitat and traditional economic activities of the indigenous peoples and become an important vehicle in developing indigenous economy.

Ecotourism and tourism programmes based on the ethnocultural specificity of the region have gained popularity in Russia. The new generation interactive tourism product is aimed at involving tourists in the Territory's history and culture, in the rituals, master-classes.

There is a growing body of research on the issue; sustainable tourism potential is among key issues on the agenda of many associations. One of the first systematic studies of ethno-tourism was the dissertation of A.S. Schoukin who stresses that successful ethno-tourism development is conditioned upon the existence of small ethnic groups (the Veps, the Votics, the Izhorians, the Setos in North-Western Federal District) and its representatives should be actively involved in process of tourist service[8]. E.Y. Moraleva and N.V. Ledovskih highlighted the recent appearance of ecotourism in Russia and the crucial role of international organizations (World Wide Fund for Nature) and projects (TASIS in the Republic of Karelia and in the North of Russia) in supporting its implementation. D.V. Silin points out the great economic prospects for the ecological tourism based on national parks and specially protected natural areas of Russia. The development of infrastructure, information management and creation of new tourism products can contribute to increasing attractiveness of national parks. Their efforts in developing ethno- ad ecotourism should be

supported by the Governments of constituent entities and should be integrated in strategies of socio-economic development of regions [2, 43-45]. D.V. Sevastianov and E.M. Korostelev note the potential importance of development of ecotourism in north-western Russia in combination with ethnotourism and the digitalization of national parks [6]. Due to reduced requirements to quality of service from ecotourists, ecotourism can be a true engine of development of tourism sector of economy in the interior. With regard to strengthening of cross-border cooperation of North-Western Federal District, a question was raised about its impact on eco- and ethno-tourism. It was revealed the accelerated tourism and recreational development in the border regions (the Murmansk region, Leningrad region. The Republic of Karelia, Saint-Petersburg, Pskov region). Tourism is considered to be one of areas of cross-border collaboration initiated mostly at the regional and local levels. Among the forms of international, bilateral, triangular and multilateral cooperation the researchers have identified the following: discovering ecotourist routes, preparation of specialists, building the infrastructure, sharing of new methods of organization of ecotour, conducting training seminars and conferences. Special importance is given to environmental management.

Tourism is actively integrating into the agenda of Finno-Ugric cooperation and is an actual tool and important factor for ethno-cultural development of Finno-Ugric countries and regions. Finno-Ugric tourism is another important aspect of the study of ethno- and ecotourism, which is considered by A.S. Karasev [1], A. Ruukel [9], V.M. Umorina [7], N.O. Kolchina, N. Erkesheva.

The issues of sustainable development were placed on UN, Council of Europe's, European parliament's agendas. The new approach to the development of ethnic and ecological tourism are proposed under international cooperation, the practical activities of the scientific-methodological support centres for eco- and ethno-tourism, initiatives coming from regions, non-governmental organizations. Because of the lack of relevant research there is an urgent need to rationalize the development of Finno-Ugric ethnic and ecological tourism, taking into account the territorial characteristics.

The methodology to be followed is based on the following methods and research techniques:

- The historical method is particularly significant for identification of the regions with a large proportion of peoples of Finno-Ugric group;
- A set of methods and techniques of geopolitical analysis of features of the development of eco- and ethno tourism
- Analysis of European, national, regional and local legal framework regulating tourism, support of indigenous peoples and of applicable international and European standards.

Conception of Finno-Ugric tourism

The rise of ethnonational movements of Finno-Ugric peoples, building the national, international societies and institutions promoting cultural and natural heritage of peoples of Finno-Ugric group, protection of their rights took place in the late 1980s and early 1990s. Strengthening their credibility and effectiveness requires elevating ethnonational movements in the regions to the All-Russian and international level. The support of international official bodies such as United Nations or Council of Europe for some Uralic peoples living as minorities in Russia has been recognized as essential to the survival of their culture. Finno-Ugric movement benefits from effective mechanisms of international cooperation and interaction between European countries. Declaration on establishment in Russian Federation of Association of the Finno-Ugric Peoples was adopted in 1992. The next step was to hold the first World Congress of Finno-Ugric Peoples, «the forum of the people, not dependent on government and political parties», which expresses concern about the situation of the Finno-Ugric peoples and contributes to cooperation and mutual assistance in the field of law, economics, environment, social issues, information, education, science and culture. The protection of the rights of Finno-Ugric peoples, their various cultures and languages lies at the very core of the Congress, which has galvanized actors at different levels to develop regional and inter-State cooperation and thereby to increase opportunities for undertaking of joint activities. This creates Finno-Ugric unified information space and contributes to cooperation in culture, education and science, sport and tourism.

The idea of Finno-Ugric kinship has led to the joint initiatives, in which participants from Russia, Estonia, Finland, Hungary are involved, such as ethno-futurism [3] that emerged in Estonia (a strategy for the promotion of folk culture in the context of modern cultural activities, represented by the necessity to create an “own ” urban culture for smaller Finno-Ugric peoples to counter the foreign urban culture) and Finno-Ugric Capitals of Culture. The last project, for promotion of small and medium sized cities or rural areas, was established in 2013 by the Youth Association of Finno-Ugric Peoples which was inspired by the program Cultural Capital of Europe. Obinitsa (Setomaa, Estonia) became the second-ever Finno-Ugric Capital of Culture in 2015. Forum of Finno-Ugric Villages in Obinitsa was initiated in January 2016 and for its participants there was presented the concept of Finno-Ugric tourist network in the report of Aivar Ruukel. The report provides guidance on creating of guide to Finno-Ugric places, exchanging of experience and using of Web-based technology, developing event tourism.

The innovative concept of Finno-Ugric tourism was put forward for discussion at the thematic session of the 7th World Congress covering the sustainable tourism defined as ethno- and eco-tourism. At the Congress entitled “The Finno-Ugric Peoples – Towards Sustainable Development” the Finno-Ugric community committed itself to the concept of sustainable development and UN sustainable development agenda to 2030. The concept of Finno-Ugric tourism is guided by the case studies on experience of local communities. It was one of the panellists reporting the capacity and established practice of sustainable tourism, Aivar Ruukel, who defined the doctrine through its characteristics and strategy:

- Tourism is identified as a tool for preservation of cultures of Finno-Ugric;
- Authenticity (to get acquainted with the local way of life);
- Experiences (tourism as co-creation; not only to take a closer look at local life, but also to be an active participant, to learn, to talk);
- Place (each place is unique);
- Local inhabitants (holders of traditional culture);
- Hosts («leaders» among local residents with language abilities, capable to offer tourist products);
- Collaboration at all levels (Finno-Ugric network of hosts and places)
- Training process (Forum of Finno-Ugric Villages in Obinitsa, internet).

Drawing on the results of his case-study on Estonian Soomaa National Park Ruukel listed the main ways of engaging the local residents in tourism: accommodations providers, rental operators, guide service in foreign languages and stressed the need to strengthen food production and food service.

Tourism Development Strategy in North-Western Federal District

Unlike Estonia, where the concept of sustainable tourism is widespread and found in the legislation, the official documents of Russian State organs replaced the concept with that of “Sustainable tourism development”. The terms “ecotourism” and “ethnotourism” are receiving greater articulation in Russia. According to the Conception of sustainable development of the indigenous small numbered peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation the development of ethnotourism and ecotourism with involvement of representatives of small peoples of the North in their traditional habitat and traditional economic activities is regarded as mechanism for their modernizations and creation of conditions for employment. A federal and regional response to the Conception is its implementation, which includes the development of ethnotourism (the development of areas of Vepsian museum in the Republic of Karelia; ethnotourism product promotion and information support to indigenous people in the Murmansk region (saami).

Tourism Development Strategy is being drawn up at federal level. At the level of Federal district and the constituent entities, issues relating to the tourism are being incorporated in Socio-Economic Development Strategy. Socio-Economic Development Strategy of North-Western Federal District sets out the certain principles that may shape the development vector of Finno-Ugric tourist network. One of them is the transfer of experience from the centre to the periphery.

The example of Local History Corners, Rooms, museums of Finno-Ugric minorities culture and way of life in the Republic of Karelia, Leningrad region, Vologda oblast shows that the effective mechanism for the future development of these museums is coordination with the lead museums of ethnography, cooperation with the other cultural institutions (Houses of Culture, regional Centres for Indigenous Peoples etc.) Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography and Russian Ethnographic Museum, the oldest centers of Finno-Ugric studies in Saint-Petersburg, are considered as hubs for conceptual support of ethnotourism in North-Western Russia.

In the Strategy the ecotourism is singled out as having the most potential. Though ecotourism is related to specially protected nature territories and national parks, it is the recent high-profile project - Finno-Ugric Ethnopark in Komi Republic, combining ethno and ecotourism, that may start a new trend.

24 specially protected nature territories of federal significance of North-Western Russia have formed Association of protected Areas aimed at developing of ecotourism and a regional network of protected areas in the European North, and integration into a common European system. One of the member of Association, the Paanajärvi National Park in the north-western part of the Republic of Karelia, became a member of European organization - PAN Parks foundation (which was created within a framework of WWF project) and produced National Park's "Strategy of Sustainable Development Tourism". In 2006 a new TACIS joint Russian-Finnish project "Oulanka-Paanajarvi: wilderness, experiences and well-being" was launched with the aim of optimization of use and maintaining ecological and social-and-economic sustainability of recreational and nature tourism.

Strategy included plans for strengthening interregional and international cooperation at the European level and promotion of traditional crafts. The experience of National Museum of the Republic of Komi in the implementation of two best projects, «Kandinsky's travel to Zyryans» and «Duck road» is instructive.

The regional development of the tourism depends on various aid programmes and is largely project-based. The border regions benefit from the assistance of such Finno-Ugric states as Finland and Estonia and regional organizations such as the Barents Euro-Arctic Region (BEAR), Council of the Baltic Sea States, Arctic Council. The cross-border cooperation and Russia's active partnership in Joint Working Group on Tourism (BEAR) promote the access to best European and best world practices of sustainable tourism, realization and funding cross-border tourism project and strengthen Finno-Ugric movement as cooperation factor between Russia and the European Union.

Tourism and Finno-Ugric public diplomacy

The cooperation in the sphere of tourism is one of the areas of Finno-Ugric public diplomacy. It is understood as the activities of individuals and entities (non-governmental organizations) promoting cooperation between Finno-Ugric non-governmental organizations, peoples and states. It can be seen both in its convening role as civic self-management and its instrumental role as a tool of the foreign policies of Finno-Ugric states and regions. Methods of Finno-Ugric public diplomacy are the meetings, gatherings, talks, discussions, resolutions. The Finno-Ugric constituent entities (the Republic of Karelia, the Republic of Komi) are treated as a distinct group, where the public diplomacy plays a crucial role in the development of region's ethnocultural connections. Cooperation with Finno-Ugric states is a priority for them [5]. So they claimed to be the champions of Finno-Ugric tourism and the example of Karelia and Komi clearly indicates the critical importance of these constituent entities in implementation of innovative concept.

Thanks to the mediation of representatives of the indigenous group, the research "Socio-Economic Development through Finno-Ugric Culture in Kalevalsky district" was requested by the Ministry of culture of the Republic of Karelia and supported by the World Bank. Among the key recommendations regarding district were: to take part in cross-border cooperation programs, to develop ecotourism, to hold cultural events and to prepare a common calendar of cultural events, to improve the system of registration and training of crafters, to present the local culture at international and interregional events, to include young people into testing businesses related to the

cultural area; to coordinate efforts of the local community by establishing cooperation between each other.

Conclusion

According T.V. Umorina, the museum system of Finno-Ugric skansens has not yet taken shape. The innovative concept of Finno-Ugric tourism, I mean, has begun to show signs of coming of age. For the indigenous peoples of the Russian North activities for safeguarding of traditional culture and traditional livelihoods are of particular significance. One of strategies for sustainable and integrated development is based on the promotion of Finno-Ugric cultural and historical heritage with active local community involvement and for the enhancement of the economic efficiency in the spheres of culture and tourism.

The uniqueness of tourist potential of Finno-Ugric regions in North-West Russia (the Republic of Karelia, the Republic of Komi) contributed to the emergence of need to learn about best practices of ethnic and ecological tourism. Cross-border cooperation is playing an increasingly important role in development of these tourism subsectors.

These factors contributes to the emergence of notion of Finno-Ugric sustainable tourism, which is commonly used expression in the Finno-Ugric constituent entities and at the Finno-Ugric Congress. Finno-Ugric tourism is determined by objective conditions and by subjective perceptions, has a number of defining characteristics and strategy development. But the conception is based on the case studies of best practices and that's why it is a dynamic concept influenced by a series of factors which vary with time. Foremost among these are cross-border cooperation, initiatives coming from regions, non-governmental organizations, the practical activities of the scientific-methodological support centers for eco- and ethno-tourism.

Литература

1. Карасев А.С. Проблемы и перспективы развития туризма в финноугорских регионах России // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4.
2. Киричук С.М., Силин Д.В. Этнографический и экологический туризм в северном регионе: значимость проблемы // News from Higher Educational Institutions. Sociology, Economics, Politics. №3, 2013. P. 43-45
3. Колчева Э.М. Этнофутуризм как явление культуры. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т., 2008. -164 с.
4. Ледовских Е.Ю., Моралева Н.В. и др. Экологический туризм. Информационное пособие. Волгоград: Фонд развития экотуризма «ДЕРСУ УЗАЛА», 2012. – 304 с.
5. Немечкин В.Н. Финно-угорская общественная дипломатия: теоретико-правовые и практические аспекты // Финно-Угорский Мир. 2017. №3. С.68-75.
6. Севастьянов Д.В., Коростелев Е.М. Экологический туризм на Северо-Западе России как фактор устойчивого развития региона // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2005. Вып.1. С. 75-84.
7. Уморина В.М. Финно-угорский скансен в России: культурный потенциал и туристический ресурс // Финно-Угорский Мир. 2018. Т. 10. No. 1. С. 94-109
8. Шукин А.И. Предпосылки и факторы развития этнического туризма на Северо-Западе Российской Федерации: диссертация ... кандидата географических наук : 25.00.24. Санкт-Петербург, 2002.
9. Tooman H., Ruukel A.. Sustainable development of a remote tourist destination. The case of Soomaa National Park, Estonia. Sustainable Hospitality and Tourism as Motors for Development. Case studies from developing regions of the world. (276 - 295). USA, Routledge, 2012. P. 276-294.

References

1. Karasev A.S. Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Finno-Ugorskih regionah Rossii [The problems and perspectives of tourism development in Finno-Ugric regions of Russia] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Contemporary problems of science and education], 2014, no. 4. (in Russian). URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13838>
2. Kirichuk S.M., Silin A.N. Ethnographic and eco-tourism in the Northern region: Significance and Problems. News from Higher Educational Institutions. Sociology, Economics, Politics. №3, 2013, P. 43-45. (in Russian).
3. Kolcheva E.M. Etnofuturizm kak iavlenie kul'tury [Ethnofuturism as a phenomenon of culture]. Yoshkar Ola, Mari State University, 2008. 164 p. (in Russian).
4. Ledovskih E.Ju., Moraleva N.V. etc. Jekologicheskij turizm. Informacionnoe posobie. [Ecological tourism. Information Kit], Volgograd, Fond razvitiya jekoturizma «DERSU UZALA», 2012. 304 p. (in Russian).
5. Nemechkin V.N. Finno-ugorskaja obshhestvennaja diplomatija: teoretiko-pravovye i prakticheskie aspekty [Finno-Ugric public diplomacy]. Finno-Ugric World, 2017, №3. P.68-75. (in Russian).

6. Sevast'janov D.V., Korostelev E.M.. Jekologicheskij turizm na Severo-Zapade Rossii kak faktor ustojchivogo razvitija regiona [Ecological tourism in North-Western Russia as a factor of sustainable development of region]. Vestnik SPbGU [Bulletin of SPSU], series 7, 2005, vol. 1. P. 75-84. (in Russian).
7. Umorina V.M. Finno-ugorskiy skansen v Rossii: kul'turnyj potencial i turisticheskij resurs [Finno-Ugric skansen in Russia: the cultural potential and tourist resource] Finno-Ugric World, Vol., 10, 2018, no. 1. (in Russian).
8. Shhukin A.I. Predposylki i faktory razvitija jetnicheskogo turizma na Severo-Zapade Rossijskoj Federacii. dissertacija ... kandidata geograficheskikh nauk [Preconditions and determinants of ethnotourism development in the North-West of Russian Federation. Dissertation of candidate of geographical science], Sankt-Peterburg, 2002. (in Russian).
9. Tooman H., Ruukel A.. Sustainable development of a remote tourist destination. The case of Soomaa National Park, Estonia. Sustainable Hospitality and Tourism as Motors for Development. Case studies from developing regions of the world. (276 - 295). USA, Routledge, 2012. P. 276-294.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА¹

Януш Ольга Борисовна

*ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет», Казань, Россия
yanush_ob@yahoo.com*

Аннотация. Статья посвящена роли этнокультурного и языкового родства в отношениях приграничных территорий. Приводятся социолингвистическая статистика и примеры дискурсивных практик местных СМИ и общественных организаций. Концепция финноугорского мира способствует расширению географии сотрудничества и выступает инструментом влияния на внутреннюю политику.

Ключевые слова: карельский язык, финский язык, регион, Республика Карелия, Финляндия, финноугорское родство

ETHNO-LINGUISTIC ASPECTS OF THE CROSS-BORDER REGION'S DEVELOPMENT

Yanush, Olga

*Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
yanush_ob@yahoo.com*

Abstract. The article is devoted to the role of ethnocultural and linguistic kinship in relations between the border areas. Sociolinguistic statistics and examples of discursive practices of local media and public organizations are given. The concept of the Finno-Ugric world contributes to the expansion of the geography of cooperation and acts as a tool of influence on internal policy.

Keywords: Karelian language, Finnish, region, Republic of Karelia, Finland, Finno-Ugric kinship

Культурная и языковая близость в ряде случаев является дополнительным стимулом для развития трансграничных контактов соседних стран и регионов. Пять из одиннадцати регионов Северо-Западного федерального округа представляют финно-угорский мир, что свидетельствует как о важности этнокультурных связей, так и о новых возможностях расширить географию внешних связей, открывшихся перед регионами с финно-угорским населением. Схожесть языка и культуры между финно-угорским населением Карелии и населением Финляндии превращает Карелию в регион повышенного внимания со стороны Суоми. Специфика географического положения региона – протяженность внешней границы с Финляндией, а также экспортно-ориентированный характер региональной экономики определили трансграничные связи в качестве приоритета региональной стратегии Карелии. Как отмечает О.Б. Александров, «в современных условиях этнокультурный аспект трансграничного сотрудничества российских регионов проявляет себя в возрождении исторического наследия приграничных регионов, которое было частично утрачено в советские времена и которое начинает влиять на структуру внешних связей регионов»[1, с. 121].

Революционные события начала XX века привели к созданию Карельской трудовой коммуны в 1920 году. Приток красных финнов, потерпевших поражение в гражданской войне в Финляндии привел к приданию финскому языку статуса государственного наряду с русским, а развитие карельского языка объявляется бесперспективным. В конце 1930-х годов обострение отношений с Финляндией приводит к тому, что начинается разработка

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31465 «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях».

карельской письменности, но искусственно созданный язык просуществовал около полутора лет. В 1940 году при преобразовании автономии в Карело-Финскую республику финский язык становится официальным. Карело-финская война, оккупация Карелии финскими войсками, депортация карел во время Второй мировой войны в Финляндию – события, приведшие к игнорированию любых национально-культурных интересов, в частности – финно-угорских[3]. В начале 1990-х годов национальный бум приводит к решению о создании единого карельского языка на основе латинской графики с добавлением отдельных знаков.

Сближение Карелии и Финляндии на основе этнокультурного родства и географического соседства, с одной стороны, способствует сближению проживающих на этих территориях народов, с другой – имеет ряд побочных эффектов. В дискурсе некоторых политических и общественных организаций националистической направленности, действующих по обе стороны границы, одна из центральных тем – государственный суверенитет и территориальная целостность России. К примеру, финская общественная организация Pro Karelia, а также «Тартуский мир», «Новая Финляндия» выступают за возвращение в состав Финляндии территорий, утраченных в ходе «зимней» советско-финской войны 1939-1940 годов, - части приграничных районов Республики Карелия, Карельского перешейка и района Печенги (Петсамо) в Мурманской области. «Карельское движение» призывает выйти из состава России и войти в состав Финляндии.

Развитие тесных связей республики с Финляндией способствовало спросу на финский язык представителей бизнеса, государственных служащих, росту интереса к финскому языку. Финский язык ежедневно звучит в эфире республиканского телевидения и радио, с театральной сцены; он занимает уверенные позиции в сфере высшего образования – в качестве основной специализации его учат около 200 студентов Петрозаводского государственного университета, в качестве иностранного финский язык преподается на историческом и филологическом факультетах и на кафедре туризма, действуют языковые курсы и образовательные программы. В системе школьного образования карельский и финский языки изучаются в национальных школах, доля которых в общей численности школ в Республике Карелия в период с 2003/2004 учебного года по 2008/2009 учебный год оставалась стабильной.

Таблица 1

Национальные школы и обучение карельскому, вепсскому и финскому языкам в Республике Карелия, 2003 – 2009 г.г. (по материалам доклада «Карельский язык в России», 2013 г.) [5, с. 42]

Учебный год	2003/04	2004/05	2005/06	2006/07	2007/08	2008/09
Всего школ	295	279	264	254	247	242
Школы с карельским языком	49	53	50	47	40	37
Численность учащихся	1,824	2,237	1,751	1,737	1,559	1,581
Школы с вепсским языком	4	5	Нет данных	5	4	Нет данных
Численность учащихся	286	331	Нет данных	326	233	Нет данных
Школы с финским языком	64	66	Нет данных	60	53	Нет данных
Численность учащихся	7,177	7,315	Нет данных	6,129	5,892	Нет данных

Между 1989 и 2002 годами доля детей – этнических карел, изучающих родной язык, увеличилась с 3,4 % до 17,6 %. Численность учеников, изучающих карельский язык, была небольшой в 2001/2002 учебном году. После 2002 года наблюдается продолжающееся сокращение численности детей, изучающих карельский язык. Данную ситуацию скорее можно объяснить демографической ямой в России, чем последствиями языковой политики в

сфере образования. Однако школьники – этнические карелы часто предпочитают изучение финского языка изучению карельского (таблица 1), главным образом в силу более высокого социального статуса финского языка и дальнейшей возможности получить образование в Финляндии. Учеников, изучающих финский язык, почти в 4 раза больше, чем изучающих карельский язык.

Таблица 2

Обучение карельскому языку в Республике Карелия в 2000 – 2010 г.г. (по материалам доклада «Карельский язык в России», 2013 г.) [5, с. 43]

Учебный год	Количество школ	Численность учащихся
2000 – 2001	52	2,149
2001 – 2002	58	2,884
2002 – 2003	52	1,816
2003 – 2004	49	1,824
2004 – 2005	53	2,237
2005 – 2006	50	1,751
2006 – 2007	47	1,737
2007 – 2008	40	1,559
2008 – 2009	37	1,581
2009 – 2010	33	1,657

Сложившуюся ситуацию информационное агентство REGNUM описывает не иначе, как «финскую языковую экспансию»[4], что происходит на фоне ослабления позиций карельского языка. В октябре 2017 года ЮНЕСКО внесло изменения в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» – три диалекта карельского языка (собственно карельский, ливвиковский и людиковский) и вепсский язык были включены в лингвистическую «Красную книгу» специализированного учреждения ООН.

В дискурсе местных печатных СМИ, издаваемых на миноритарных языках, - еженедельных газетах “Oma Mua” («Своя земля»), издаваемой на олонецком карельском, и “Vienan Karjala” («Беломорская Карелия»), издаваемой на беломорском карельском (северном диалекте собственно карельского языка), наблюдалось сильное присутствие Финляндии и финнов. Они часто представлены как добрые соседи и сторонники карельской культуры и языка[6, р. 101]. Большую дискуссию среди карелов вызвала судьба журнала «Карелия» («Carelia») на финском языке, когда в 2013 году было принято решение о сокращении финансирования. Ситуация была воспринята как ликвидация одного из брендов республики – нивелирование проявления её этнической специфики. В случае Карелии финноугорское родство используется инструментально в тех ситуациях, когда оно приносит пользу (например, в качестве декоративного элемента общей уникальности субъекта)[2, с. 102-103].

Этнокультурные связи способствуют расширению зоны трансграничного сотрудничества российских регионов. В то же время использование концепции этнокультурного родства – финно-угорского мира – потенциально выступает инструментом проникновения в вопросы внутренней политики России и способно оказывать влияние на языковые процессы.

Литература

1. Александров О.Б. Северный вектор внешней политики России: внешняя политика России на Балтике, в регионе Северной Европы и в Арктике: Монография. – М.: Издательство «Спутник+», 2012. – С. 121.
2. Назукина М.В. Множественная идентичность как источник баланса/дисбаланса в этнических региональных автономиях // Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П.В. Панова. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 102-103.
3. Нечаева А. Поможет ли карельский язык остановить финскую экспансию? // <https://regnum.ru/news/society/2132060.html>. - Дата обращения: 10 мая 2018 г.

4. Новиков В. Финская языковая экспансия в Карелии: под завесой «угрозы русификации» // <https://regnum.ru/news/society/2009230.html>. - Дата обращения: 11 мая 2018 г.
5. Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S. Karelian in Russia. ELDIA Case-Specific Report. – Mainz, 2013.
6. Tanczos O.M. Representations of Karelians and the Karelian language in Karelian and Russian local newspapers // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. Vol. 6. No 1. – P. 101.

References

1. Aleksandrov O.B. Severnyy vektor vneshney politiki Rossii: vneshnyaya politika Rossii na Baltike, v regione Severnoy Yevropy i v Arktike: Monografiya. - M.: Izdatel'stvo «Sputnik +», 2012. - S. 121.
2. Nazukina M.V. Mnozhestvennaya identichnost' kak istochnik balansa / disbalansa v etnicheskikh vydelennykh avtonomiyakh // Balansiruyushcheye prityazheniye: etnicheskiye regional'nyye avtonomii, tselostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv / pod red. P.V. Panova. - M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. - S. 102-103.
3. Nechayeva A. Pomozhet li karel'skiy yazyk ostanovit' finskuyu ekspansiyu? // <https://regnum.ru/news/society/2132060.html>. - Дата обращения: 10 мая 2018 г.
4. Novikov V. Finskaya yazykovaya ekspansiya v Karelii: pod ugrozoy «ugrozy rusifikatsii» // <https://regnum.ru/news/society/2009230.html>. - Дата обращения: 11 мая 2018 г.
5. Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S. Karelian in Russia. ELDIA Case-Specific Report. – Mainz, 2013.
6. Tanczos O.M. Representations of Karelians and the Karelian language in Karelian and Russian local newspapers // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. Vol. 6. No 1. – P. 101.